
91 (C19)
III-86

НАШЪ ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ.

НАШЪ ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ.

(Три года въ Уссурійскомъ краѣ).

Съ 36-ю рисунками въ текстѣ и картою Уссурійскаго края.

Д. И. Шрейдера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Девріена.

Дозволено цензурою. С.-Пб. 10-го ноября 1897 г.

Типографія «В. С. Балашева и К°». Фонтанка, 95.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Скудость свѣдѣній о нашей далекой восточной окраинѣ и почти полное незнакомство обывателей Европейской Россіи съ нашимъ дальнимъ Востокомъ побудили автора не ограничиваться печатавшимися имъ разновременно (въ 1894—1897 гг.) въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ очерками изъ жизни и быта далекаго русскаго Востока, а сгруппировать въ одно цѣлое имѣющіеся въ его распоряженіи матеріалы и предложить ихъ въ этомъ видѣ вниманію читателей.

При изложеніи предлагаемыхъ ниже очерковъ, представляющихъ собою попытку познакомить читателей съ наиболѣе выдающимися сторонами жизни нашей далекой восточной окраины, насколько онѣ останавливали на себѣ вниманіе автора во время его трехлѣтнихъ скитаній (съ 1891 по 1893 г. включительно) по ней, — авторъ, въ видахъ наиболѣе полнаго ознакомленія читателей съ окраиной, не счелъ возможнымъ ограничиться одними своими личными наблюденіями и впечатлѣніями и тамъ, гдѣ это признавалось имъ необходимымъ, пополнялъ добытыя имъ лично свѣдѣнія тѣми данными, которыя онъ находилъ въ различныхъ источникахъ, подробнѣе указанныхъ въ текстѣ очерковъ.

Авторъ считаетъ необходимымъ оговориться, что онъ далеко не исчерпалъ ни всѣхъ матеріаловъ, имѣющихся у него въ распоряженіи, ни всего описываемаго въ настоящей книгѣ.

Между прочимъ, авторъ коснулся лишь вскользь и въ общихъ чертахъ вопроса о переселенцахъ, въ виду того, что мѣсто ему, по мнѣнію автора,—не въ настоящихъ бѣглыхъ очеркахъ, разсчитанныхъ притомъ-же на такъ наз. большую публику. Этому вопросу, а также подробному обозрѣнію условій быта и хозяйственной жизни переселенцевъ, авторъ считаетъ болѣе умѣстнымъ посвятить спеціальную и самостоятельную работу, которая въ настоящее время и готовится имъ къ печати.

Авторъ считалъ также излишнимъ подробно распространяться о населяющихъ край представителяхъ японскаго племени, удѣливъ имъ на страницахъ предлагаемыхъ очерковъ мѣсто лишь въ предѣлахъ необходимости. Основныя черты этихъ „французовъ Востока" не претерпѣли существеннаго измѣненія вслѣдствіе иммиграціи ихъ на нашу окраину, и автору пришлось-бы, такимъ образомъ, лишь повторить все то, что имъ сказано о японцахъ раньше въ книгѣ „Японія и Японцы".

Равнымъ образомъ, авторъ счелъ умѣстнымъ не касаться функціонировавшихъ во время его пребыванія въ краѣ дореформенныхъ судебныхъ учрежденій, съ дѣятельностью которыхъ онъ имѣлъ возможность близко познакомиться. Со 2-го іюля текущаго года эти учрежденія отошли уже въ область преданій, и мѣсто имѣющимся въ распоряженіи автора матеріаламъ, касающимся ихъ,—скорѣе на страницахъ историческаго журнала.

Около половины рисунковъ, иллюстрирующихъ текстъ очерковъ,—фотографическіе снимки, вывезенные авторомъ изъ Уссурійскаго края. Остальные-же рисунки заимствованы: съ любезнаго разрѣшенія г. К.—изъ принадлежащаго ему альбома фотографическихъ видовъ и кн. Э. Э. Ухтомскаго—изъ 4-й ч. „Путешествія Государя Императора Николая II на Востокъ" (Спб.—Лейпцигъ, 1895).

Авторъ.

Москва, 7 октября 1897 г.

Оглавленіе.

I.

На дальній Востокъ!

Въ заливѣ Петра Великаго.—Странное облако.—Безпросвѣтный туманъ. — Вопли сирены.—Близь „Ослиныхъ ушей“.—Въ проливѣ.—На рейдѣ. — Мы пріѣхали!

Съ чувствомъ необыкновеннаго облегченія приближались мы, наконецъ, къ берегамъ нашей далекой восточной окраины. Конецъ качкѣ, конецъ сорокапятидневному плѣненію на „Костромѣ“ *):—мы почти у себя дома!

Константинополь... Африка... Египетъ... арабы... океанъ... тропики... пальмы... Индія... факиры... экваторъ... шквалы... лотосъ... Японія..., — все это представлялось уже, какъ во снѣ, и сразу было забыто нами. Мы высыпали на палубу судна и впились глазами въ бѣлесоватое пятно, по направленію къ которому „Кострома“ шла подъ всѣми парами. Тамъ, за этимъ расплывчатымъ, неяснымъ пятномъ скрывается Владивостокъ, — первый русскій городъ на нашемъ безконечно-длинномъ пути; тамъ начинается и простирается далѣе вплоть до Берингова моря часть нашего обширнаго отечества, котораго мы не видѣли уже полтора мѣсяца, со дня выхода изъ Одессы.

Вотъ уже показался справа отъ насъ, на траверзѣ, островъ Аскольдъ, окутанный голубоватою дымкой морскаго тумана. Еще три-четыре часа,—и мы у желаннаго берега.

Однако, едва мы оставили бурныя воды Японскаго моря и вступили въ сравнительно спокойный и тихій заливъ Петра Великаго, омыва-

*) Пароходъ Добровольнаго флота.

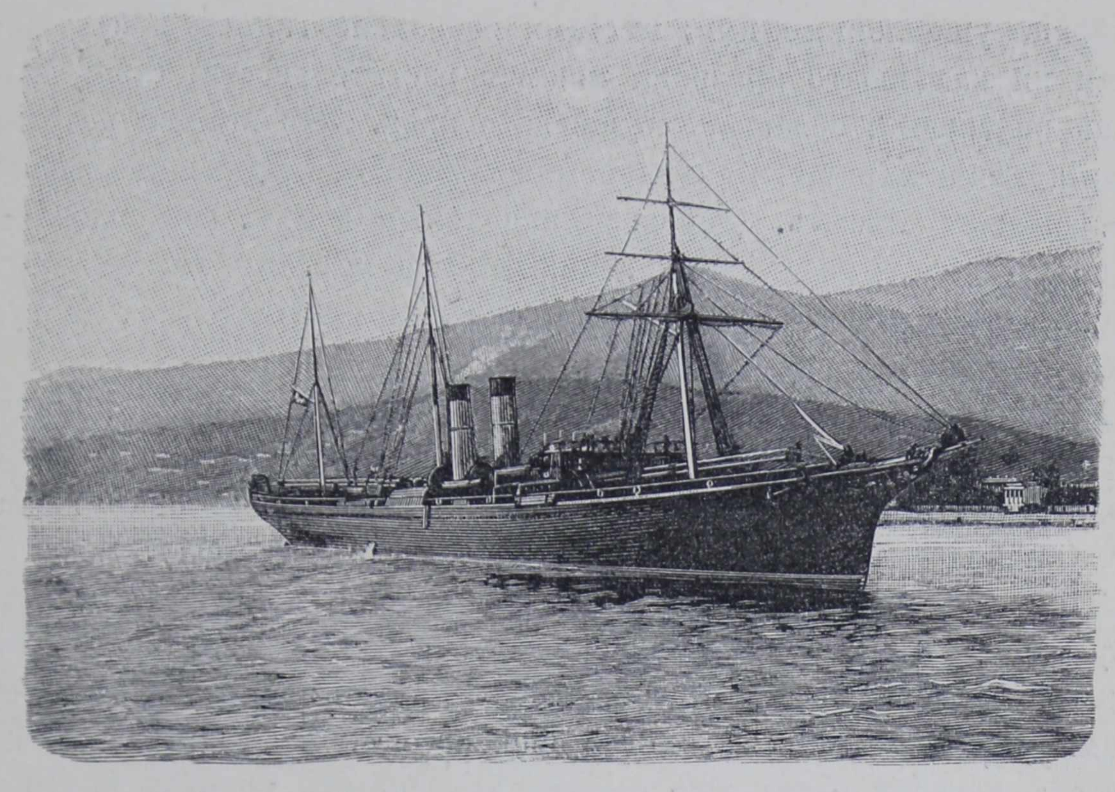
ющій южные берега Уссурійскаго края.—картина рѣзко, точно по мановенію жезла чародѣя, измѣнилась. Еще только нѣсколько часовъ тому назадъ намъ освѣщало путь горячее, почти знойное солнце, лившее волны ослѣпительнаго, яркаго свѣта, а здѣсь—какой поразительный контрастъ! Словно мы попали совсѣмъ въ другую часть свѣта.

Впереди насъ, на краю горизонта, показалась небольшая полоска бѣлоснѣжнаго цвѣта. Облако? — подумали мы, но раньше, чѣмъ мы успѣли хорошенько вглядѣться въ него и провѣрить свои наблюденія, — неясное, слоистое облачко начало быстро расти, все больше и больше застилая собою и ясное солнце, и синее небо, и гладкія, зеркальныя воды залива. Минутъ пять спустя, мы уже очутились въ сплошномъ и плотномъ кольцѣ густаго тумана, компактною массой охватившаго собой весь материкъ. На насъ повѣяло холодомъ и сыростью; вокругъ насъ стало сразу темно, какъ въ могилѣ: въ двухъ шагахъ ни зги не видать, съ рубки не видно, что̀ на носу корабля. Тщетно глядятъ офицеры въ морскіе бинокли и подзорныя трубы:—не видать даже собственныхъ мачтъ.

„Кострома“ все больше и больше замедляетъ свой ходъ. Мы идемъ все тише и тише; наконецъ, и вовсе остановились на мѣстѣ, быть можетъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ желаннаго берега. Небо и море скрыты отъ насъ густой, непроницаемой, мглисто-сѣрою пеленой. На минуту вѣтерокъ, подувшій съ залива, разорвалъ окружившую насъ волнующуюся густую завѣсу тумана, показалъ намъ вдали едва уловимыя, смутныя очертанія берега, — мы двинулись впередъ и затѣмъ должны были снова остановиться на мѣстѣ.

Пробѣгающій мимо судовой офицеръ разъясняетъ намъ, что эти туманы — обычное явленіе въ нашихъ восточныхъ водахъ, особенно весною и въ началѣ лѣта. Онъ утѣшаетъ насъ, впрочемъ, тѣмъ, что мѣстные туманы чрезвычайно капризны: нерѣдко судну приходится крейсировать почти въ виду Владивостока болѣе сутокъ, но за то порою бываетъ и такъ, что не пройдетъ двухъ-трехъ часовъ, какъ туманъ окончательно разсѣивается и „снова плывешь среди ясной погоды“. На этотъ разъ туманъ оказывается, однакожъ, упорнымъ. Онъ все болѣе охватываетъ насъ своимъ плотнымъ кольцомъ, проникаетъ во всѣ люки и отверстія судна. Въ такую пору не только о какомъ-бы то ни было движеніи впередъ и думать нельзя, но, какъ оказывается, и на мѣстѣ стоять далеко не безопасно: долго-ли какому-либо встрѣчному или мимо-идущему судну врѣзаться намъ въ бортъ. Впрочемъ, противъ такой опасности „сейчасъ будутъ приняты мѣры“.

Словоохотливый офицеръ убѣжалъ по направленію къ рубкѣ, и вскорѣ сырой и влажный воздухъ залива заколебался отъ рѣзкаго, заунывнаго рева сирены. Отъ неожиданности мы даже вздрогнули всѣ. А сирена продолжала оглашать всѣ окрестности своимъ за душу хватающимъ стономъ и воплемъ, давая всѣмъ на далекое разстояніе знать о нашемъ безпомощномъ положеніи. Въ перемежку съ сиреной, отъ времени до времени, раздаются на палубѣ медленные, словно похоронные удары корабельнаго колокола *). Мѣдный звонъ колокола несется, гудитъ по всему обширному заливу, скованному безпросвѣт-

..."Кострома" медленно поворачиваетъ въ бухту...

ной гущей тумана и намъ невольно становится и страшно и жутко отъ этого печальнаго перезвона. На мгновенье воцаряется могильная тишина. Мы тревожно прислушиваемся, не раздастся-ли гдѣ звонъ маячнаго колокола, который указалъ-бы намъ путь, — но ни откуда ни звука, и "Кострома" вновь продолжаетъ потрясать воздухъ могучими стонами разсвирѣпѣвшей сирены подъ аккомпаниментъ корабельнаго колокола, гулко оглашающаго окрестныя воды.

*) Наряду съ сиреной къ этому прибѣгаютъ въ виду того, что, по странному свойству ея, этотъ акустическій сигналъ подчиняется какимъ-то особеннымъ, пока еще мало изслѣдованнымъ законамъ распространенія звука. Недавнія изслѣдо-

Судьба, наконецъ, сжалилась надъ нами. Лучъ солнца скользнулъ въ густую толщу тумана, разсѣялъ его на мгновеніе, освѣтилъ берегъ. и мы поспѣшно двинулись въ путь. Ближе къ берегу туманъ становится рѣже, и мы уже можемъ подвигаться впередъ безъ оглушительнаго содѣйствія сирены.

Мы идемъ уже въ виду береговъ. Справа отъ насъ — материкъ, слѣва — островъ, называемый Русскимъ (Дундасъ), отдѣленный отъ материка лишь неширокимъ проливомъ.

Непріютны, суровы, почти безжизненны берега нашей далекой окраины: песчаныя отмели, ущелья, гигантскія голыя скалы, кой-гдѣ ручейки, ущемленные ими, мѣстами небольшіе заливы и бухты, — и почти ни малѣйшаго признака мощной растительности, столь отличающей внутреннія области Уссурійскаго края. Это прямой результатъ вліянія вѣчно царящихъ у прибрежья тумановъ, не дающихъ развиться прибрежнымъ лѣсамъ. Деревья, наполняющія ихъ, все сплошь—недоросли съ пустыми дуплами. Лишь кой-гдѣ, мѣстами, унылую картину морскаго прибрежья разнообразятъ сплошные кустарники, да густая трава въ человѣческій ростъ.

Мы вступаемъ въ неширокій проливъ, отдѣляющій упомянутый островъ отъ материковой земли. Впереди насъ, по самой серединѣ пролива, торчатъ изъ воды два огромныхъ исполинскихъ камня, словно два уха колоссальнаго звѣря, зарывшаго голову въ воду.

Это—„Ослиныя уши“, которымъ нерѣдко случалось въ туманную пору ущемлять у себя бока океанскихъ судовъ. Еще незадолго до нашего прихода сюда, въ щель, образуемую этими колоссальными ушами, нечаянно забрелъ одинъ броненосецъ. Къ счастью, въ этихъ мѣстахъ корабли идутъ уже самымъ медленнымъ ходомъ, и это приключеніе обошлось для него безъ серьезныхъ несчастій: помяло только слегка бока броненосцу, да дня два повозились съ нимъ портовыя суда, пока имъ удалось его вытащить изъ этой засады.

Мы тихо-тихо проходимъ мимо „Ослиныхъ ушей“, почти прижимаясь къ нимъ правымъ бортомъ. Еще полъ-часа, и предъ нами

ванія этого вопроса показали, что иной разъ звукъ сирены бываетъ не слышенъ весьма близко отъ судна. Дознано, что существуетъ особая „нейтральная полоса“, въ предѣлахъ которой звукъ сирены совершенно не обнаруживается. Эта полоса находится въ извѣстномъ разстояніи отъ сирены и тянется на протяженіи 2.800 метр. въ длину. За предѣлами ея звукъ сирены слышенъ вполнѣ явственно; затѣмъ, постепенно, онъ становится все слабѣе и слабѣе, а потомъ снова усиливается и принимаетъ свою нормальную интенсивность.

неожиданно открывается справа неширокій проходъ между высокихъ скалистыхъ береговъ съ почти вертикальными, крутыми боками, поросшими зеленой травой и кустарниками. Здѣсь—входъ въ бухту Золотой Рогъ, на сѣверномъ берегу которой растянулась въ узкую линію столица Уссурійскаго края,—Владивостокъ.

Туманъ окончательно разсѣялся; солнце по-прежнему начало припекать и свѣтить; море утихло, измѣнило свой цвѣтъ и весело сверкаетъ, искрится и серебрится подъ лучами теплаго уссурійскаго солнца. „Кострома“ медленно совершаетъ поворотъ во владивостокскую бухту, и я могу хорошо разсмотрѣть мѣста, которыя мы проходимъ сейчасъ.

Справа и слѣва, какъ и раньше до входа въ бухту, высятся крутые, точно срѣзанные острымъ ножемъ берега, поросшіе рѣдкой и чахлой растительностью. Выше надъ уровнемъ бухты, съ высоты многихъ саженъ, на обширныхъ скалистыхъ площадкахъ сверкаютъ блестящія жерла баттарейныхъ орудій. Дальше, съ обѣихъ сторонъ неширокаго пролива, по которому идемъ мы сейчасъ, опять намъ видны баттареи и дула артиллерійскихъ орудій. Здѣсь расположены передовые форпосты, защищающіе входъ во владивостокскую гавань. Неприступные, дикіе, скалистые берега́ и утесы, хорошо укрѣпленные, блестящія жерла орудій на каждомъ шагу дѣлаютъ портъ почти такимъ же неприступнымъ, какъ и Босфоръ у выхода въ Черное море.

Лѣвый берегъ, собственно мысъ Эгершельдъ, омываемый съ трехъ сторонъ—водами бухты, пролива и Амурскаго залива съ другой стороны—гораздо красивѣе праваго. Позади этого огромнаго, крутаго уступа, грозящаго морю своими смертоносными жерлами, находится обширная площадь, поросшая молодыми деревьями, — одно изъ самыхъ печальныхъ и мрачныхъ, по позднѣйшимъ моимъ воспоминаніямъ, мѣстъ. Видъ оттуда необыкновенно хорошъ. Прямо на югъ взоръ вашъ падаетъ на далекое синее море, въ которомъ тамъ и сямъ виднѣются небольшіе островки, покрытые зелеными купами вѣтвистыхъ деревьевъ. Вправо къ сѣверу, по другую сторону зеркальной поверхности Амурскаго залива, глазъ встрѣчаетъ пологіе скаты материковой земли, покрытой густой чащей первобытнаго лѣса,—уссурійской тайги. Позади—разстилается подернутый голубоватою дымкой ниспадающій террасами къ водѣ городъ весь въ зелени, а внизу, у скалистаго берега мыса, въ каменистые бока Эгершельда плещетъ вѣчно шумное море, взбиваетъ пышную бѣлую пѣну и разсыпается на мелкіе сѣдые гребни въ при-

брежныхъ бурунахъ. Прозрачныя бирюзовыя волны съ тихимъ рокотомъ бьются дальше о подводные рифы, отчего вокругъ всей береговой линіи, на большомъ разстояніи отъ берега, безпрерывно бурлитъ и кипитъ жемчужная пѣна.

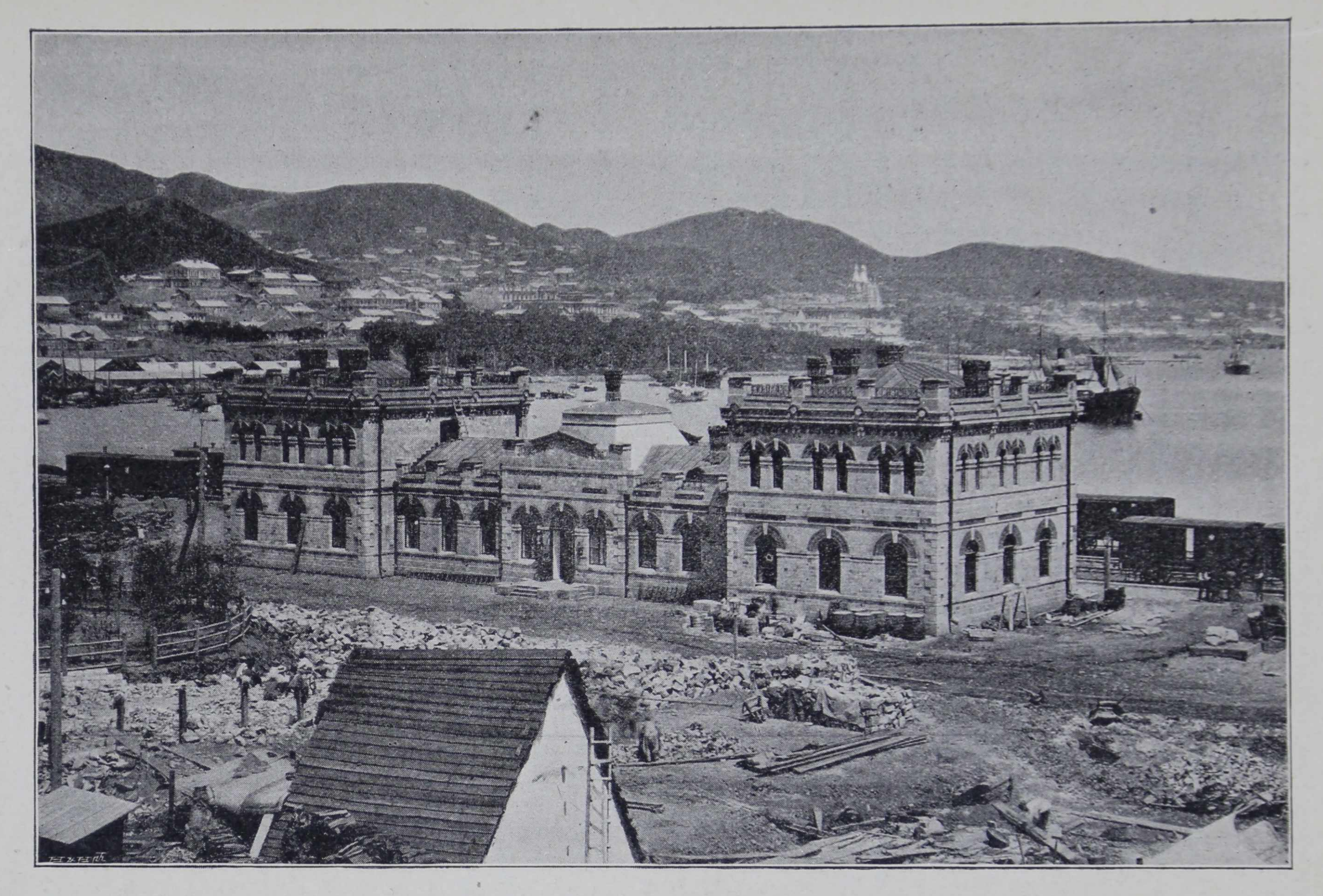
И вотъ здѣсь-то, въ этой красивѣйшей въ окрестностяхъ города мѣстности, мнѣ пришлось спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ одинъ изъ чудныхъ сентябрьскихъ дней, быть свидѣтелемъ потрясающаго зрѣлища, воспоминаніе о которомъ и теперь еще наполняетъ меня волненьемъ и трепетомъ. Здѣсь, въ этой очаровательной мѣстности, находится мѣсто высшаго на землѣ правосудія; здѣсь производится смертная казнь надъ осужденными по законамъ военнаго времени.

Обошедши уступъ Эгершельда и медленно пройдя мимо живописно разбросанныхъ на лѣвомъ берегу бухты красивыхъ каменныхъ зданій—казармъ военно-сухопутнаго вѣдомства — мы очутились уже въ виду самаго города, лѣниво и словно нехотя растянувшагося по скатамъ высокихъ холмовъ во всю длину бухты.

Странное впечатлѣніе производитъ Владивостокъ, когда видишь его впервые съ бортовъ корабля. Городу нельзя отказать въ живописности, но его рѣдкимъ, безцвѣтнымъ и сѣрымъ постройкамъ, ютящимся то у самой воды, то у подножья величественныхъ холмовъ, не вдохновить кисти художника. Городъ не лишенъ своеобразной поэзіи, но это—поэзія лѣса, безжалостно обезображеннаго немилосердными хищниками. Небольшіе одноэтажные домики выглядятъ одинокими, сиротливыми. Позади нихъ уныло, не смотря на веселое весеннее солнце, смотрятся въ изумрудныя воды глубокаго рейда почти сплошь оголенные скаты холмовъ, бывшихъ еще недавно гнѣздилищемъ тигровъ. Тоскливое чувство противъ воли овладѣваетъ забравшимся впервые сюда съ далекаго запада путникомъ. Воображеніе рисуетъ самыя непригдядныя, унылыя картины окраинной жизни.

Это настроеніе еще болѣе усиливается необычнымъ видомъ этихъ оригинальныхъ — то длиннокосыхъ, то съ громадными на головахъ шишками—людей, облаченныхъ въ какое-то подобіе женскаго костюма, снующихъ по рейду взадъ и впередъ на своихъ плоскодонныхъ, широконосыхъ, утлыхъ судахъ. Гортанный, непонятный намъ говоръ этихъ странныхъ и бѣдно—почти нищенски—одѣтыхъ созданій еще болѣе усиливаетъ первоначальное впечатлѣніе.

Невольно чувствуется, что находишься здѣсь „на краю свѣта“, на одной изъ самыхъ крайнихъ точекъ необъятнаго Стараго Свѣта, дальше которой идти уже некуда: дальше этого пункта, дѣйствительно,

Ст. Владивостокъ, Уссур. жел. дор.

уже нѣтъ твердой земли:—здѣсь начинается безпредѣльная ширь океана, простирающаяся вплоть до западныхъ береговъ Калифорніи.

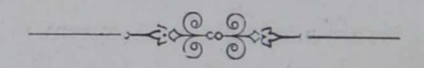
Однако, по мѣрѣ того, какъ корабль приближается къ пристани и предъ глазами раскрывается вся площадь владивостокскаго рейда, прежнія впечатлѣнія начинаютъ понемногу смѣняться другими, болѣе пріятными и отрадными для нашего сознанія и взора. Сдѣлавъ послѣдній поворотъ, мы уже видимъ вполнѣ оживленный рейдъ, занятый многочисленными судами нашего военнаго флота, расцвѣченными по случаю праздника разноцвѣтными флагами. Ближе къ намъ нестройной толпою тѣснятся „купцы", дымящіе своими огромными черными трубами. Китайскія неуклюжія джонки, неповоротливыя шаланды корейцевъ допотопнаго вида и типа теряются въ этой массѣ кораблей-великановъ, провозвѣстниковъ и носителей высшей культуры.

А вотъ уже и несомнѣнный признакъ ея: по юго-восточному берегу бухты, у самой воды, сверкаетъ волнистая, извилистая линія рельсовъ, на которыхъ стоятъ паровозъ и вагоны Уссурійской желѣзной дороги.

Межъ тѣмъ „Кострома" подошла почти вплотную къ перекинутымъ съ берега мосткамъ Добровольнаго флота, съ трескомъ и грохотомъ бросила въ воду якоря съ кормы и носа, вздрогнула всѣмъ своимъ корпусомъ и внезапно остановилась на мѣстѣ.

— Мы пріѣхали! — вырвался единодушный вздохъ облегченія изъ устъ истомленныхъ безконечной ѣздой пассажировъ.

„Мы пріѣхали"!—подумалось и мнѣ, и я—„въ мѣстахъ, наиболѣе отдаленнѣйшихъ", при одномъ упоминаніи о которыхъ у обитателя Европейской Россіи сжимается сердце.

II.

Первыя впечатлѣнія.

Квартирный вопросъ. — У открытаго окна. — Первое утро во Владивостокѣ. — Туманъ. — Мань-цзы. — Каули. — Происхожденіе ихъ. — Корейская иммиграція. — Судьба каули. — Въ корейской фанзѣ. — Ея ужасная обстановка. — Оригинальныя нары. — Въ европейскихъ кварталахъ. — Къ чему долженъ привыкнуть туристъ?—Особенности мѣстнаго движенія. — На манзовскомъ базарѣ.— Въ китайской лавкѣ. — Своеобразный характеръ китайской торговли.—Чѣмъ страшна китайская конкуренція?

Солнце давно уже скрылось за горизонтомъ, вечернія сумерки успѣли сгуститься до степени полнаго мрака, городъ уже кой-гдѣ освѣтился тускло-мерцающими огнями керосиновыхъ фонарей, на землю палъ снова туманъ, еще болѣе густой и непріятный, чѣмъ днемъ, когда я, наконецъ, послѣ безконечныхъ блужданій по городу, успѣлъ найти на окраинѣ его пріютъ подъ гостепріимной кровлей какой-то „поселки", т.-е. ссыльно-поселенки. Здѣсь было, правда, и неуютно, и грязно и сыро и низко,—однакоже я былъ счастливъ своею находкой. Незадолго до нашего пріѣзда былъ, какъ извѣстно, неожиданно и сразу рѣшенъ вопросъ, многіе годы волновавшій умы обитателей необъятной Сибири: былъ изданъ Высочайшій указъ, предписывавшій немедленно приступить къ сооруженію уссурійскаго участка „великаго сибирскаго стальнаго пути" — отъ Владивостока до Графской—и мирный, небольшой городокъ нашей дальней окраины подвергся внезапному нашествію относительно огромнаго количества людей, привлеченныхъ сюда этимъ событіемъ изъ далекой Европейской Россіи. До нашего пріѣзда во Владивостокъ успѣли придти уже четыре большихъ корабля изъ Одессы, и всѣ они были биткомъ набиты пассажирами. Маленькій, совсѣмъ-таки небольшой городокъ, затерявшійся

на пустынныхъ и малолюдныхъ, едва-ли даже многимъ до тѣхъ поръ извѣстныхъ берегахъ океана, не былъ подготовленъ къ такому сюрпризу и не могъ вмѣстить въ своихъ деревянныхъ стѣнахъ всего этого большаго количества нежданно-негаданно прiѣхавшихъ людей.

До этихъ поръ Владивостокъ жилъ только для себя и про себя. Подавляющимъ большинствомъ его обывателей, за исключенiемъ инородцевъ—китайцевъ, корейцевъ, японцевъ—были исключительно чиновники военнаго, морскаго и гражданскаго вѣдомствъ. Это былъ, по преимуществу, городъ чиновниковъ, притомъ-же привлеченныхъ сюда изъ далекаго русскаго Запада всемозможными льготами и амурскими пенсiями и жившихъ только временно въ краѣ, до конца „пятилѣтiй", въ наскоро, на живую нитку сколоченныхъ деревянныхъ домишкахъ, лишенныхъ весьма существенныхъ элементарныхъ удобствъ и едва пригодныхъ для вмѣщенiя семей самихъ обладателей. Такимъ образомъ, частныхъ квартиръ здѣсь почти совсѣмъ не было, да и не могло ихъ здѣсь быть, и всѣ эти чиновничьи домики не могли удовлетворить внезапно назрѣвшей потребности въ нихъ, не смотря на огромныя, почти баснословныя цѣны, установившiяся сразу на нихъ. Въ городѣ, правда, существовали тогда три гостинницы, но всѣ они были переполнены счастливцами, прибывшими сюда раньше насъ изъ Одессы, но и изъ нихъ весьма многимъ приходилось коротать ночи на билліардахъ.

Какъ бы то ни было, я, однакожъ, хотя и не безъ большихъ хлопотъ, счастливо вышелъ изъ своего затруднительнаго положенiя.

Усталый, разбитый усѣлся я, наконецъ, у открытаго окна любоваться окрестными видами. Огонекъ сосѣдняго фонаря тускло мигалъ мнѣ сквозь туманную мглу. Туманъ—липкiй, тягучiй, тяжелый—охватилъ меня своимъ влажнымъ дыханьемъ, пронизывалъ насквозь меня, заползалъ въ ротъ, уши, глаза.

На улицѣ было мертвенно тихо. Городъ какъ будто уснулъ. Доносившiйся до моего слуха однообразный плескъ волнъ о пологiй берегъ бухты навѣвалъ на меня не совсѣмъ веселыя думы. Разсѣянная, усталая мысль, не останавливаясь ни на какомъ опредѣленномъ предметѣ, подъ монотонный и мѣрный аккомпаниментъ морскаго прибоя, уносила меня далеко-далеко отъ береговъ Тихаго океана. Неуловимые, смутные, едва очерченные картины и образы, выступая въ воображенiи, чередовались другъ съ другомъ. Чувство полнаго одиночества, изолированности отъ всего цивилизованнаго мiра ощущалось особенно остро и сильно.....

Это былъ первый приступъ острой, щемящей тоски по родинѣ, съ которой такъ часто приходится считаться европейцу, занесенному сюда съ далекаго Запада.....

Чудесное утро встрѣтило меня на другой день по пробужденіи. Солнце ослѣпительно ярко свѣтило, вчерашняго несноснаго тумана не было и признака. Какъ-то не вѣрилось, что еще накнунѣ было такъ мрачно, угрюмо, холодно, сыро. Жизнерадостнымъ видомъ окружающей природы не слѣдовало, однако, сильно обольщаться: уссурійское солнце бываетъ весьма часто обманчиво. Нерѣдко случается здѣсь, что въ теченіи одного дня погода рѣзко, до неузнаваемости, мѣняется нѣсколько разъ. Не успѣешь вдосталь налюбоваться изумрудными водами бухты, отражающими, какъ въ зеркалѣ, солнечные лучи, не успѣешь насладиться ихъ живительной теплотой, какъ съ моря подуетъ вѣтерокъ, на горизонтѣ покажется легкое бѣлое облако, и видишь, какъ оно быстро растетъ и растетъ, застилая собою весь горизонтъ, превращается въ густую, компактную темно-сѣрую массу и надвигается на бухту, на городъ, на окружающіе его холмы и лѣса несокрушимой стѣной. Спустя полъ-часа, много—часъ послѣ этого, бродишь уже по улицамъ города, какъ въ дремучемъ лѣсу; въ двухъ шагахъ не отличишь человѣка отъ лошади. И такія перемѣны случаются здѣсь до пяти разъ въ теченіи одного дня.

Эти внезапныя перемѣны въ настроеніи погоды непріятны въ особенности тѣмъ, что неизбѣжными спутниками морскаго тумана являются холодъ и сырость. Поэтому опытные люди, хорошо знакомые съ мѣстными климатическими условіями, выходя на долгое время изъ дому, въ солнечную погоду запасаются осеннимъ пальто и дождевымъ плащомъ, а въ туманную пору—зонтикомъ для защиты отъ солнца.

Перемѣнчивость и крайняя неустойчивость весенней и лѣтней погоды дала, между прочимъ, поводъ мѣстнымъ жителямъ утверждать—въ шутку, конечно,—что здѣсь вовсе нѣтъ климата, а есть только погода.

— И довольно отвратительная весною и лѣтомъ,—добавляютъ при этомъ старожилы.

Днемъ, при свѣтѣ солнца, Владивостокъ гораздо красивѣй, чѣмъ онъ показался мнѣ раньше. Особенно хороша эта бухта съ гладко-зеркальной водой—просторная, глубокая, полная, могущая вмѣстить въ себѣ не мало океанскихъ судовъ. Высокіе берега и холмы такъ хорошо за-

щищаютъ ее отъ дѣйствія вѣтровъ, что даже въ жестокій тайфунъ, бушующій въ двухъ-трехъ верстахъ отъ нея въ морѣ, она едва подергивается рябью.

Рейдъ, по случаю приближенія къ порту французской эскадры въ составѣ четырехъ броненосцевъ, оживленъ чрезвычайно. Катера, пароходы, китайскія джонки, японскія парусныя шхуны, корейскія шаланды, военныя шлюбки шмыгаютъ взадъ и впередъ, бороздя серебристую воду своими носами. Ясный, неподвижный воздухъ, время отъ времени, потрясается салютаціонными выстрѣлами судовыхъ и баттарейныхъ орудій. Вотъ послышался привѣтственный выстрѣлъ-салютъ адмиральскаго крейсера французской эскадры; въ отвѣтъ ему тотчасъ-же загрохотали орудія съ крѣпостныхъ укрѣпленій и военныхъ судовъ, и въ нѣсколько минутъ на бухтѣ и въ городѣ все скрывается въ пороховомъ дыму. Гулъ артиллерійскихъ орудій, канонада крупповскихъ пушекъ наполняютъ окрестности несмолкаемымъ грохотомъ: кажется, будто присутствуешь во время морскаго сраженія.

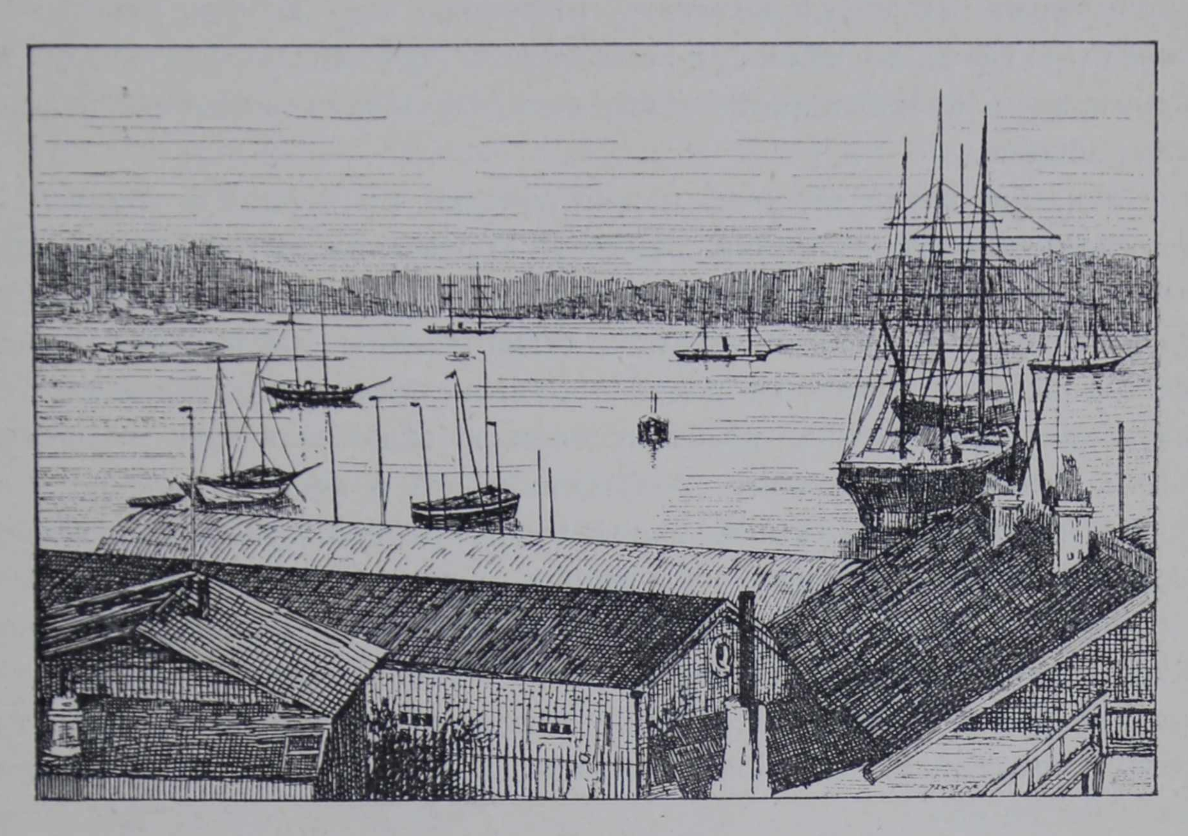
По улицамъ города снуютъ по всѣмъ направленіямъ китайцы, корейцы, японцы. Особенно много китайцевъ; русскихъ почти совсѣмъ не видать; да ихъ здѣсь таки довольно мало по сравненію съ сынами Небесной имперіи.

Длинная коса, волочащаяся чуть не до самой земли, желтый, пергаментный цвѣтъ лица—послѣдствіе обильнаго употребленія опіума и плохаго питанія,—лукавые раскосые глаза, своеобразный костюмъ, состоящій на-половину изъ чего-то похожаго на дамскую кофту („курма“), на половину изъ легкихъ шароваръ дѣтскаго покроя, мягкія туфли, неслышная поступь, вкрадчивый голосъ, льстивая рѣчь,—таковъ, въ общемъ, по первому впечатлѣнію, уссурійскій китаецъ, извѣстный у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ „манзы“.

„Манзы“ или „мань-цзы“—это, собственно говоря, выходцы изъ Маньчжуріи и Монголіи, представляющіе собой главный контингентъ инородческаго населенія въ краѣ. По свидѣтельству извѣстнаго изслѣдователя, архимандрита Палладія (бывшаго здѣсь въ семидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія), въ прежнія времена монголы называли этимъ именемъ, въ презрительномъ смыслѣ, всѣхъ жителей южнаго Китая. Нынѣ-же въ краѣ называютъ этимъ именемъ всѣхъ вообще китайцевъ, живущихъ на русской территоріи въ предѣлахъ Уссурійскаго края. Сами манзы называютъ себя „пао-туй-цзы“ или „пао-туйрди“, т.-е. пѣшеходами, бродягами, бѣгунами, не придавая, впрочемъ, этому слову дурнаго значенія.

На каждомъ перекресткѣ и особенно близь большихъ магазиновъ и лавокъ обращаетъ на себя вниманіе тощая, чахлая фигура обтрепаннаго, полунищаго корейца—„каули“, этого своеобразнаго продукта своеобразнаго быта нашей далекой окраины.

Не выпуская ни на минуту своихъ длинныхъ чубуковъ изо рта, безцѣльно устремивъ взоры въ землю, не проронявъ ни звука, по цѣлымъ часамъ сидятъ они на корточкахъ, не снимая смѣшно торчащихъ „рогулекъ“ *) съ своей сутуловатой спины, то группами, то поодиночкѣ, въ ожиданіи не всегда легкой „работы“.

„...Рейдъ оживленъ...“

Изъ лавки или изъ за угла показывается „мадамъ“ или „капитáна“ **). Каули чуть-чуть встрепенулись. Въ ихъ безцвѣтныхъ глазахъ, тупомъ взорѣ появилось подобіе человѣческой мысли, губы искривились въ умильную, робкую, заискивающую улыбку, и изъ устъ жалобно вылетаетъ единственная извѣстная имъ русская фраза:

— Лябота ецъ?!..

Спустя мгновеніе, это оживленіе пропадаетъ, исчезаетъ, и вы снова

---

*) См. ниже примѣч. на стр. 15-й.

**) Такъ называютъ инородцы всякаго европейца и европеянку.

видите то-же тупое, безстрастное лицо, которое остановило на себѣ ваше вниманіе раньше.

Каули или „каваль“, какъ его въ просторѣчіи чаще всего называютъ,—это кореецъ-носильщикъ, замѣняющій собой ломоваго извозчика, водовоза, прислугу и все, что хотите. Каули — это тотъ-же восточно-азіатскій „кули“, отъ котораго онъ, вѣроятно, и получилъ свое названіе, только передѣланный на особый ладъ и существенно отличающійся отъ него своей слабосильностью, несообразительностью и тупостью. Вы можете заставить каули цѣлый день воду въ ступѣ толочь, рожь на обухѣ молотить, рѣшетомъ воду носить, пересыпать песокъ съ мѣста на мѣсто, и онъ будетъ это дѣлать съ такимъ же видомъ, какъ будто дѣлаетъ настоящее дѣло и такъ-же неповоротливо, вяло, лѣниво.

Появленіе каули въ краѣ нужно отнести къ первымъ годамъ по присоединеніи его къ Россіи. Бѣдность Кореи, нищета, вѣчно царящая тамъ, періодическія голодовки,—таковы тѣ условія, при которыхъ приходится влачить свое жалкое существованіе большинству корейскаго населенія у себя на родинѣ. Будучи лишена, благодаря господствующимъ на родинѣ политическимъ и общественнымъ условіямъ жизни, всякой иниціативы, предпріимчивости и энергіи въ борьбѣ съ вѣчной нищетой, отличаясь, кромѣ того, крайней тупостью, неразвитостью и невѣжествомъ, эта темная корейская масса безропотно переносила всегда всякія невзгоды и стоически, философски-равнодушно—какъ на это способенъ только кореецъ—умирала сотнями и тысячами отъ голода, не находя выхода изъ своего гнетущаго, тяжелаго положенія, не умѣя его найти, либо-же потерявъ всякое желаніе найти его.

Со времени присоединенія Уссурійскаго края къ Россіи, съ водвореніемъ въ немъ русскаго вліянія эта далекая окраина, бывшая раньше почти совершенно безлюдною и дававшая у себя пріютъ лишь хищнымъ животнымъ да бродячимъ манзамъ-охотникамъ, ожила, и въ ней начала зарождаться дѣятельная, созидательная жизнь: закладывались города, селенія, хутора, форты, урочища, крѣпости, и тамъ, гдѣ раздавался только ревъ уссурійскаго тигра, застучалъ топоръ, загрохотали по каменистой почвѣ колеса, послышались удары заступа, зазвучала человѣческая рѣчь, загудѣли свистки пароходовъ.

Эта метаморфоза, происшедшая въ жизни Уссурійскаго края лѣтъ двадцать пять-тридцать назадъ, не могла не оказать почти магическаго вліянія на пробужденіе жизни въ спавшей дотолѣ непробуд-

нымъ сномъ голодной и нищей Кореѣ, самой близкой сосѣдкѣ своей (корейская граница отстоитъ отъ Владивостока верстахъ въ полутораста—двухстахъ), и сыны этой изголодавшейся вѣками страны,— „страны нищихъ", какъ ее справедливѣе всего было бы назвать,— потянулись караванами на новыя мѣста, встрѣчая вначалѣ самое сочувственное къ себѣ отношеніе со стороны русскаго правительства. Имъ отводили землю, даровали продолжительныя льготы и вообще стремились привязать ихъ къ новой родинѣ, сдѣлать ихъ полезными для нея и содѣйствовать при ихъ посредствѣ дѣлу заселенія пустыннаго края.

Съ теченіемъ времени,—и именно со времени усиленія переселенческаго движенія изъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи,—въ корейцахъ уже стало меньше нужды, и выходцы изъ этой страны начинаютъ пристраивать свои слабыя, истощенныя силы уже не къ землѣ. Они начинаютъ пополнять собой кадры уссурійскаго рабочаго пролетаріата.

Но еще раньше, при первыхъ попыткахъ эмигрантовъ заняться земледѣліемъ, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ условій они нерѣдко оказывались безсильными справляться съ земледѣльческимъ трудомъ, и многіе изъ нихъ уходятъ въ городъ и наиболѣе значительныя поселенія зарабатывать себѣ пропитаніе своимъ горбомъ,—какъ увидятъ читатели ниже, въ буквальномъ смыслѣ этого слова,—будучи совершенно неспособны добывать насущный хлѣбъ какимъ-либо инымъ путемъ. Впослѣдствіи къ нимъ присоединяются ихъ соплеменники, идущіе сюда изъ Кореи со спеціальною цѣлью зарабатывать себѣ пропитаніе трудомъ каули,—однимъ изъ самыхъ неблагодарныхъ и дурно вознаграждаемыхъ въ мірѣ.

Къ каули болѣе, чѣмъ къ кому-бы то ни было, примѣнима латинская поговорка, гласящая: omnia mea mecum porto.

Вся сила каули въ спинѣ, всѣ „орудія производства", исключая спины, заключаются въ деревянныхъ рогулькахъ *), перевязанныхъ обрывками бичевокъ и тряпокъ; все его имущество состоитъ изъ того, что надѣто на немъ, вся его казна—у него за заплатаннымъ поясомъ.

Возвращается-ли барыня („мадамъ" или „бабушка", какъ называютъ каули всякую русскую даму) съ базара, — каули плетется за ней, таща за спиною въ рогулькахъ покупки ея; перебираетесь-

---

*) Носилки, имѣющія видъ деревяннаго стула, лишеннаго обѣихъ переднихъ ножекъ.

ли вы на квартиру, — каули тащится за вами слѣдомъ съ громоздкою мебелью, укрѣпленною за спиною на тѣхъ-же рогулькахъ; нужно-ли таскать кирпичи на второй или третій этажъ, разгрузить-ли пришедшій на рейдъ пароходъ, — каули все это дѣлаетъ при помощи все тѣхъ-же рогулекъ. Иной способъ работы неизвѣстенъ ему.

При существующей въ краѣ дороговизнѣ извозчиковъ и при почти полномъ отсутствіи въ немъ такъ называемыхъ драгилей (ломовыхъ телѣгъ), каули является для мѣстныхъ жителей незамѣнимымъ, такъ какъ вполнѣ замѣняетъ собою ломовыхъ лошадей и вполнѣ искупаетъ недостатокъ, отъ того ощущаемый.

При всемъ томъ, трудъ каули поразительно дешевъ. За однудвѣ, maximum пять или десять копѣекъ онъ буквально готовъ тащить восемь пудовъ на спинѣ на край свѣта.

Вѣковая нужда, испытываемая корейцемъ на родинѣ, постепенно до того понизила и съузила уровень его потребностей, что этихъ съ такимъ трудомъ зарабатываемыхъ денегъ не только хватаетъ ему на прокормленіе, но они еще даютъ ему возможность дѣлать „сбереженія" про черные дни... Это и неудивительно, впрочемъ. Почти единственной пищей несчастнаго каули служитъ буда (корейское пшено) или, въ лучшемъ уже случаѣ, одинъ, много—два фунта въ день риса, стоющаго здѣсь очень дешево: не болѣе одной копѣйки за фунтъ.

Характеръ каули притомъ-же таковъ, что разъ у него есть сбереженіе... въ двѣ-три копѣйки „на черный день", — никакія силы земныя не сдвинутъ уже его съ мѣста, не смогутъ заставить его побороть свою просто непостижимую лѣнь и прекратить свое dolce far niente съ никогда не выпускаемой трубкой изо рта.

Благодаря этому, рѣдкіе каули выбиваются въ люди и достигаютъ матеріальнаго благосостоянія и обезпеченія. Мнѣ лично вовсе даже почти неизвѣстны подобные случаи.

Благодаря тому-же отсутствію въ нихъ всякаго интереса ко всему окружающему міру и непреодолимой любви къ трубкѣ и безцѣльному, безмолвному, сосредоточенному сидѣнью на корточкахъ по цѣлымъ часамъ, рѣдкіе изъ нихъ умѣютъ объясняться по-русски и знаютъ болѣе двухъ-трехъ необходимыхъ словъ: „лябота", „капитана" (такъ называютъ всякаго русскаго инородцы Уссурійскаго края), „бабушка", „копѣйка" и немногихъ другихъ.

Неудивительно, конечно, что имъ приходится быть почти постоянными жертвами беззастѣнчивой, откровенной эксплуатаціи со стороны

всякаго, кому только не лѣнь ихъ обидѣть и обсчитать и что они являются постоянной страдательной стороной въ отношеніяхъ со своими нанимателями.

Послѣ всего сказаннаго о каули не трудно представить себѣ, при какихъ ужасныхъ условіяхъ должны жить эти несчастные, которыхъ, по всей справедливости, можно отнести къ категоріи парій азіатскаго Востока.

Мнѣ доводилось позже не разъ посѣщать ихъ жилища и видѣть, какъ живутъ владивостокскіе каули. Въ городѣ они рѣдко снимаютъ квартиры. Большей частью, они ютятся на окраинахъ города въ землянкахъ, полуразрушенныхъ амбарахъ, сараяхъ или-же цѣлыми таборами въ „фанзахъ" (туземное названіе жилого строенія) за городомъ.

Въ послѣднее время ихъ все больше и больше оттѣсняютъ за городъ, даже на нѣкоторое отъ него разстояніе ближе, къ тайгѣ, въ виду того, что, какъ это дознано продолжительнымъ опытомъ, жилища или фанзы корейцевъ являются постоянными источниками и очагами всякихъ заразныхъ болѣзней.

Дѣйствительно, трудно представить себѣ что нибудь болѣе антигигіеничное, чѣмъ жилище корейца и личность его обладателя.

Я имѣлъ случай съ наглядностью убѣдиться въ этомъ уже въ первый день своего пребыванія въ краѣ, когда, возвращаясь съ прогулки по городу, забрелъ на „Семеновскій покосъ" *) и полюбопытствовалъ заглянуть во встрѣтившуюся мнѣ по пути корейскую фанзу.

Это оказалось легкое деревянное строеніе съ огромными щелями въ стѣнахъ, безпорядочно залѣпленными землей или глиной, съ крышей, прикрытою хворостомъ, обильно отягченнымъ толстымъ слоемъ земли. Полъ внутри—земляной, даже не освобожденный отъ верхняго травянистаго слоя. Оконъ нѣтъ, двери также отсутствуютъ; вмѣсто нихъ — тряпичный или сдѣланный изъ грубой циновки пологъ или худо сбитыя деревянныя доски, не висящія на петляхъ, а только приставленныя къ дверному отверстію. Эта-же дверь защищаетъ жилище корейцевъ отъ зимняго мороза и холода, не смотря на то, что зимою морозы достигаютъ иногда почти 25° ниже нуля по R°, а дующіе почти безпрерывно въ теченіи всей продолжительной уссурій-

*) Это названіе носитъ низменная сѣверо-западная часть города, омываемая водами Амурскаго залива. „Семеновскій покосъ" заселенъ почти исключительно китайцами и корейцами.

ской зимы сѣверные вѣтры вносятъ холодъ и стужу даже въ хорошо отстроенные дома европейской архитектуры.

Печи, въ общеевропейскомъ значеніи этого слова, въ фанзѣ совсѣмъ не имѣется. Вмѣсто нея, какъ я это, впрочемъ, впослѣдствіи видѣлъ также въ манзовскихъ фанзахъ, во всю длину помѣщенія устроена большая лежанка, оканчивающаяся сложенной изъ грубыхъ камней трубой, выходящей наружу. Лежанка вся устлана циновками изъ рисовой соломы и представляетъ собой, такимъ образомъ, подобіе наръ или полатей. Въ моментъ моего появленія въ одну фанзу на ней лежало во всю ширину около двухъ десятковъ корейцевъ. Подъ лежанкой проведена дымовая труба. Въ отверстіе ея, у самого входа въ фанзу, кладутся дрова и когда они зажигаются, то огонь, проходя подъ полатями, согрѣваетъ верхнюю ихъ поверхность и сообщаетъ свою теплоту тѣмъ частямъ тѣла, которыя къ ней прикасаются. Во всемъ-же остальномъ помѣщеніи въ это время царитъ, конечно, такой же смертельный холодъ, какъ и за тонкими предѣлами этихъ сквозныхъ и обильныхъ большими отверстіями стѣнъ.

Дурно сложенная труба пропускаетъ безъ всякихъ препятствій копоть и дымъ, и благодаря этому въ фанзѣ царитъ такой смрадъ и угаръ, осложненный, кромѣ того, острымъ запахомъ той снѣди, которую тутъ-же готовятъ корейцы, что я почти тотчасъ-же вынужденъ былъ выскочить оттуда, заткнувши носъ. Еще немного — и меня бы стошнило: я уже чувствовалъ приступы сильнаго головокруженія. Подобнаго зловонія мнѣ еще никогда раньше не приходилось встрѣчать въ обитаемыхъ человѣческими существами жилищахъ.

А корейцы, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали лежать на промозглыхъ и грязныхъ, едва-ли когда убираемыхъ полатяхъ, задумчиво устремивъ свои взоры въ прокопченный и загаженный потолокъ фанзы и время отъ времени потягивали свои длинныя трубки („ганзы“), съ которыми они, по обыкновенію, никогда не разстаются.

И вотъ въ этой-то безусловно антигигіеничной, прямо-таки ужасной обстановкѣ кореецъ проводитъ большую часть своей жизни. Здѣсь, на этой грязной лежанкѣ, онъ совершаетъ свое dolce far niente, пока у него за поясомъ шевелится хоть одна-двѣ копѣйки, въ буквальномъ смыслѣ этого слова; здѣсь-же, на этихъ самыхъ нарахъ, полуголодный кореецъ проводитъ все время въ той-же неизмѣнной позѣ въ теченіи мучительныхъ, иногда весьма долго длящихся періодовъ безработицы.

И какъ тяжело должно житься этимъ несчастнымъ людямъ на

своей безпріютной и непривѣтливой родинѣ, до какой степени долженъ быть пониженъ уровень элементарныхъ человѣческихъ потребностей у этихъ несчастныхъ корейцевъ, когда даже о такомъ, на нашъ взглядъ, совершенно невозможномъ существованіи они говорятъ почти съ нескрываемымъ восторгомъ.

— Холосо тута,—сказалъ мнѣ однажды зимою одинъ пожилой кореецъ, любовно оглядывая болѣе, чѣмъ неказистую обстановку своей убогой фанзы:—печика голи, вѣтела та́мо, лежи ещь много... Шибко холосо ещь...

И онъ даже причмокнулъ отъ удовольствія, находя полное удовлетвореніе въ томъ, что печь-лежанка пригрѣваетъ попеременно то одинъ, то другой бокъ, что вѣтеръ свищетъ за предѣлами фанзы, проникая внутрь ея только небольшими струями въ отверстія, что онъ можетъ лежать на этой лежанкѣ, съ трубкой въ зубахъ, въ созерцательномъ состояніи. Дальше этого его потребности и вожделѣнія уже не идутъ. Да и откуда у него взяться другимъ потребностямъ: на родинѣ у него еше хуже.

— Буда кушай нѣту, кули—нѣту, капитана — много, бамбукъ — много: чики-чики дѣлай шибко, помилай ещь каули *)...

Благодаря описанному устройству фанзы, кореецъ, конечно, никогда не разоблачается передъ сномъ и — днемъ-ли во время безработицы или ночью во время сна — онъ постоянно лежитъ во всемъ своемъ одѣяніи на нарахъ. На этихъ же нарахъ совершаются всѣ приготовленія къ обѣду, здѣсь-же готовится пища, тутъ-же ѣдятъ, пьютъ, играютъ въ кости и т. д.

Если прибавить къ этому, что чистоплотностью кореецъ не отличается и, въ виду невозможности оставлять въ доступныхъ всѣмъ и каждому фанзахъ своихъ вещей, онъ всегда почти носитъ на себѣ— лѣтомъ или зимою, безразлично—всѣ свои платья, не снимая ихъ съ себя ни при какихъ условіяхъ, и носитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они окончательно не истлѣютъ у него на плечахъ, то представленіе читателей объ этихъ людяхъ будетъ совершенно полно.

Едва-ли нужно объяснять теперь, почему обыватели города сторонятся отъ этихъ несчастныхъ людей и стараются оттѣснить ихъ все дальше и дальше за городъ, поближе къ тайгѣ, гдѣ этотъ очагъ заразы былъ бы совершенно изолированъ.

---

*) Т. е.: „Ѣсть—нечего, курить—нечего, начальства — много, бамбука — много, истязаній много: помираютъ корейцы...

Вздохъ облегченія, противъ воли, вырывается у злополучнаго путника, когда онъ послѣ долгихъ блужданій по этой сплошной клоакѣ, называемой „Семеновскимъ покосомъ“, вырывается, наконецъ, въ центральную, европейскую часть города. Правда, и здѣсь, какъ на „Покосѣ“, его преслѣдуетъ по пятамъ все тотъ-же несносный, удушливый ароматъ, которымъ пропитаны тамъ самыя стѣны фанзъ. Но съ этимъ путешественнику по Уссурійскому краю, какъ равно и посѣтителю сосѣдней Небесной Имперіи, приходится уже, волей-неволей, мириться. Китайцы, главный контингентъ мѣстнаго населенія, питаютъ непреодолимое пристрастіе къ черемшѣ (родъ дикаго чеснока), являющейся неизмѣнной и обязательной приправой всякаго, самаго скуднаго блюда. Свойства-же этого злака, въ изобиліи произрастающаго въ Уссурійской окраинѣ, таковы, что стоитъ человѣку, попробовавшему хотя бы самый маленькій кусочекъ его, пройти мимо васъ на противоположной сторонѣ довольно широкой улицы, и дыханье его, доносящееся къ вамъ дуновеніемъ легкаго вѣтра, становится уже почти нестерпимымъ. Съ теченіемъ времени привыкаешь, конечно, къ этому неизбѣжному здѣсь аромату настолько, что даже едва замѣчаешь его. Привычка эта дается, впрочемъ, европейцу весьма не легко.

Въ общемъ, однако, если исключить непріятныя ощущенія, вызываемыя въ непривычномъ человѣкѣ запахомъ черемши и видомъ корейскихъ фанзъ, Владивостокъ производитъ пріятное впечатлѣніе.

Городъ этотъ состоитъ, собственно говоря, изъ одной улицы-проспекта (Свѣтланской), огибающей живописную бухту на всемъ почти протяженіи ея по направленію съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Улица эта пересѣкается перпендикулярными короткими улицами, начинающимися мѣстами у самой воды и упирающимися далѣе въ окаймляющія весь городъ довольно внушительныя и кой гдѣ даже величественныя, оголенныя отъ лѣса горы, надъ которыми господствуетъ высокій пикъ, именуемый Орлинымъ Гнѣздомъ. Противоположное, южное побережье бухты или гавани Золотой Рогъ необитаемо. Благодаря этому, изъ оконъ небольшихъ деревянныхъ домовъ, являющихся преобладающимъ архитектурнымъ типомъ всего города, спускающагося террасообразно отъ подножья замыкающихъ его съ сѣвера горныхъ громадъ почти къ самой водѣ, открывается живописный видъ на покрытые хотя и невысокой, но густой и ярко-зеленой растительностью пологіе скаты противоположнаго берега бухты, на величественный и скалистый мысъ Эгершельдъ съ бушующими у его

каменнаго подножья бурунами, на широкую зеркальную ленту пролива, служащаго входомъ изъ открытаго моря на рейдъ и, наконецъ. на большой, весь зеленый отъ массы деревьевъ, Дундасъ (островъ Русскій), отдѣляющій съ юга проливъ отъ Японскаго моря. Самая бухта— веселая, уютная, оживленная—вся, какъ на ладони, для зрителя, съ какого-бы пункта Свѣтланской улицы онъ ни смотрѣлъ на нее.

На главной улицѣ Владивостока во всякую пору — необычное для такого небольшаго городка оживленіе. Бросается, между прочимъ, въ глаза одна особенность, замѣтно отличающая его отъ всѣхъ другихъ городовъ Европейской Россіи. Здѣсь почти не видно движенія экипажей. Ихъ и дѣйствительно немного наберется во всемъ Владивостокѣ, какъ потому, что городъ самъ по себѣ не великъ, такъ и потому, главнымъ образомъ, что лошади здѣсь являются для мѣстнаго обывателя дорого стоющимъ предметомъ роскоши, такъ какъ, въ лучшемъ случаѣ, ихъ приходится выписывать, въ виду полнаго отсутствія мѣстнаго коневодства, за 2-3 тысячи верстъ изъ Амурской области. Самые экипажи совсѣмъ не похожи на тѣ, видѣть которые привыкъ глазъ обывателя Европейской Россіи у себя на родинѣ: четырехколесные экипажи въ виду гористаго характера города, въ общемъ, нечасто встрѣчаются здѣсь, и ихъ замѣняютъ легкія двухколесныя телѣжки на мягкихъ рессорахъ. Грузовое-же движеніе, находящееся, къ слову сказать, всецѣло въ рукахъ китайцевъ, производится исключительно двух-

Каули.

колесными телѣгами, приводимыми въ движеніе либо при помощи пары запряженныхъ въ дышло небольшихъ китайскихъ лошадокъ, либо при помощи быковъ, въ одиночку тащащихъ на своемъ хребтѣ такую телѣгу.

По мѣрѣ приближенія къ пароходнымъ пристанямъ, движеніе становится интенсивнѣе, гулъ многочисленныхъ голосовъ, выкрикивающихъ слова на самыхъ разнообразныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, становится сильнѣе, самая публика, оживляющая своимъ движеніемъ улицу, дѣлается разнообразнѣй и разношерстнѣй. У самой же пристани матросы военные и „штатскіе“ (съ купеческихъ судовъ), солдаты расположенныхъ близь города линейныхъ батальоновъ (полковъ) китайцы, корейцы, японцы и русскіе,—всѣ они смѣшиваются уже въ общую, компактную, колоритную массу. Здѣсь, въ виду съ одной стороны внушительной линіи нашихъ военныхъ судовъ, съ другой — густаго лѣса тоненькихъ мачтъ китайскихъ и корейскихъ неуклюжихъ шаландъ, съ третьей—двухъ-этажнаго зданія присутственныхъ мѣстъ, на небольшой площадкѣ прижатъ къ самому берегу главный мѣстный базаръ, и этимъ объясняется скопленіе самой разнородной и разношерстной публики во всякое время дня.

Торговля на этомъ базарѣ (какъ, впрочемъ, и почти вся безъ исключенія мелочная торговля и торговля предметами первой необходимости въ краѣ) находится почти исключительно въ китайскихъ рукахъ *). На небольшомъ пространствѣ расположены параллель-

*) По послѣднимъ свѣдѣніямъ, напримѣръ, изъ всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій находятся въ рукахъ: китайцевъ—126, русскихъ—58, японцевъ—8, нѣмцевъ—5, англичанъ—2, прочихъ иностранцевъ—1. Такимъ образомъ, замѣтимъ кстати, въ рукахъ иностранцевъ находится болѣе 75% всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій края. Если взять мѣстныя фирмы по другому признаку, — степени ихъ оборотовъ, то перевѣсъ опять будетъ на сторонѣ иностранныхъ фирмъ. То-же замѣтно и въ другой области:—въ области коммерческаго флота. Иностранцамъ принадлежитъ болѣе 70% крейсирующихъ между Владивостокомъ и европейскими и американскими портами кораблей. Все это находитъ себѣ значительное объясненіе въ крайней непредпріимчивости мѣстнаго русскаго элемента и ихъ европейскихъ земляковъ. Почему-бы, напримѣръ, московскимъ купцамъ и фабрикантамъ не позаботиться объ открытіи филіальныхъ отдѣленій во Владивостокѣ. Въ этомъ есть насущная необходимость, однако-же для этого ничего не дѣлается, въ виду, будто-бы, всепоглощающей конкурренціи со стороны „желтый рассы“. На самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ ниже, это не такъ: самая желтая расса усилилась здѣсь только потому, что своевременно не встрѣтила, да и нынѣ не встрѣчаетъ разумной конкурренціи со стороны господствующей рассы. Населеніе, въ конпѣ концовъ, только приплачивается изъ за этого.

ными рядами микроскопическіе деревянные „пассажи", раздѣленные деревянными-же перегородками на еще болѣе микроскопическія квадратныя помѣщенія, въ которыхъ вы можете найдти все, начиная отъ кожи и мяса и до дешевыхъ галантерейныхъ вещицъ включительно. Ряды пассажей со стороны бухты замыкаются нѣсколькими параллельными-же рядами открытыхъ лотковъ и ларей, гдѣ производится китайцами-же исключительно зеленная, фруктовая и овощная торговля продуктами, привозимыми, разумѣется, изъ Китая или Японіи; мѣстное, краевое огородничество и садоводство едва только зарождается нынѣ и едва-ли въ состояніи удовлетворять потребностямъ самихъ своихъ обладателей.

Здѣсь, въ этомъ отдѣлѣ, все привозное: огурцы, ананасы, бананы, капуста, свекла и лукъ. Благодаря этому. и самыя цѣны, въ зависимости отъ импорта, его количества, своевременности, морскихъ случайностей и прочихъ причинъ, колеблются въ самыхъ широкихъ предѣлахъ, часто на протяженіи одного-двухъ-трехъ дней. Бываютъ моменты, когда ананасъ, самый лучшій, вы можете пріобрѣсть за баснословно низкую, по нашимъ понятіямъ, цѣну: всего за 1-2 копѣйки; но за то, на ряду съ этимъ, вы бываете вынуждены платить за огурецъ и притомъ очень плохой (японскіе и китайскіе огурцы, вообще, нужно сказать, качественно значительно ниже среднихъ русскихъ и особенно малорусскихъ)—по пяти-шести копѣекъ за штуку.

Въ гораздо меньшей степени колеблются за то цѣны тѣхъ предметовъ потребленія (мануфактурный, скобяной и галантерейный товары), которые продаются въ „пассажахъ", хотя, въ общемъ, они все-таки стоятъ на внушительной высотѣ и процентовъ приблизительно (въ среднемъ) на 30 — 100 выше цѣнъ, установленныхъ въ Европейской Россіи.

Въ находящихся здѣсь китайскихъ лавченкахъ отсутвуетъ строгая специализація предметовъ продажи: въ каждой изъ нихъ, не взирая на крайне скромные размѣры, вы можете найдти все, что угодно. Таковъ, между прочимъ, господствующій въ краѣ типъ китайскихъ лавокъ.

Торговля носитъ здѣсь, да и вездѣ въ краѣ, своеобразный характеръ. Въ какую-бы, самую убогую лавченку ни зашли вы,—вы всюду встрѣчаете за прилавкомъ, за которымъ и одному человѣку въ пору едва помѣститься, цѣлую ораву приказчиковъ. Содержаніе такого непомѣрно огромнаго штата служащихъ, явно несоотвѣтствующаго доходности предпріятія, повидимому, едва-ли способнаго прокормить

своими доходами и одного человѣка, васъ, конечно, несказанно поражаетъ, и вы обращаетесь за разъясненіемъ возникшихъ у васъ сомнѣній къ неподвижно покоющемуся на почетномъ мѣстѣ жирному, упитанному китайцу, представителю лавки; но отъ него всегда получаете неизмѣнный отвѣтъ:

— Моя—компанія.

Сначала я принималъ этотъ отвѣтъ, какъ знакъ нежеланія входить съ постороннимъ посѣтителемъ въ неумѣстные разговоры. Впослѣдствіи я убѣдился, однако-же, что жирные китайцы говорили мнѣ правду и что всѣ эти многочисленные „приказчики“, въ дѣйствительности, являются равноправными компаньонами. Этотъ принципъ коллективности строго и неуклонно проводится китайцами не только въ области торговли, но и въ области всякихъ другихъ промысловъ и вообще во всѣхъ предпріятіяхъ, какого-бы характера и рода они ни были, лишь бы они преслѣдовали цѣли наживы и заработка. Если имѣть въ виду, что подавляющее большинство китайскихъ предпріятій сводится, по преимуществу, къ предпріятіямъ мелкимъ, грошовымъ, то примѣненіе этого принципа коллективности, и притомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, является, конечно, какой-то аномаліей, — сдѣлкой, клонящейся къ явному вреду и убытку для участвующихъ въ ней лицъ. Однако, въ дѣйствительности все это такъ именно и есть.

Повидимому, все это объясняется тѣмъ, что подавляющее большинство китайцевъ, эмигрирующихъ изъ Китая на нашу окраину,—народъ весьма и весьма недостаточный, находящійся на границѣ полной нищеты. Завести при этихъ условіяхъ хотя-бы самую ничтожную торговлю не по силамъ отдѣльному человѣку. И, вотъ, составляется группа подобнаго рода „капиталистовъ“, соединенными усиліями сколачивается крохотный капиталецъ—онъ-же основный, запасный и оборотный,—снимается подходящее помѣщеніе, съ грѣхомъ пополамъ пріобрѣтается на нѣсколько десятковъ рублей необходимый товаръ, вывѣшивается цвѣтная, развѣвающаяся холщевая вывѣска, расписанная блестящими китайскими іероглифами, придумывается какое-нибудь бьющее въ глаза названіе для новой компаніи (напримѣръ: „глазъ дракона“, „сіяніе звѣзднаго неба“, „ко-фаченъ“—разбогатѣвшій предпріятіями, „хунъ-юсе“—единодушіе великихъ богачей, „санъ-и-ченъ“—составившій справедливость троихъ и т. д.), наконецъ, для рекламы усаживается на почетномъ мѣстѣ за прилавкомъ самый жирный изъ компаньоновъ—обладающій къ тому-же усами и возможно болѣе длин-

ными ногтями *).—и на живую нитку сколоченная лавочка функціонируетъ на славу.

Удивительно, конечно, не то, что китайскія торговыя предпріятія, за весьма немногими исключеніями, устраиваются и создаются такимъ, именно, образомъ; удивительнѣе то обстоятельство, что созданныя описаннымъ путемъ лавчонки, не имѣющія непосредственныхъ сношеній съ производителями и вынужденныя пріобрѣтать товаръ по мелочамъ чуть-ли не изъ десятыхъ рукъ (отъ крупныхъ мѣстныхъ оптовыхъ торговцевъ—русскихъ, либо у своихъ-же наиболѣе состоятельныхъ и оборотливыхъ соплеменниковъ), ухищряются продавать его потребителямъ *дешевле* оптовыхъ торговцевъ. Мало того, они умудряются не только не влачить жалкаго существованія послѣ такой странной и непонятной операціи, не только прокармливать относительное огромное количество ртовъ, сосущихъ все ту-же лавчонку,—но даже порою имъ удается значительно развить свои операціи и достигать нѣкотораго благосостоянія.

Все это было бы, конечно, совершенно непонятно для меня, еслибы я не зналъ, какъ низокъ уровень потребностей китайца средней руки и до какой степени малымъ онъ способенъ довольствоваться. Въ этомъ отношеніи едва-ли кто въ состояніи съ нимъ сравниться. Вотъ, почему, китаецъ и умудряется жить, существовать и даже благоденствовать въ то время, когда всякій другой на его мѣстѣ давно погибъ-бы безъ всякой надежды когда нибудь снова встать на ноги. Этимъ-то такъ и страшна его конкурренція для русскихъ торговцевъ, которыхъ китаецъ способенъ задавить не столько положительными мѣрами и способами ея, сколько, именно, своимъ просто непостижимымъ свойствомъ доводить свои потребности до предѣльнаго для человѣческаго существа minimum'а. Нарисованная мною картина имѣетъ, правда, и свои оборотныя стороны: не взирая на свою невѣроятную живучесть, китайскія мелкія дѣла зачастую лопаются, какъ мыльные пузыри (непрочность китайскихъ дѣлъ вошла даже въ поговорку, что и вполнѣ естественно при описанныхъ условіяхъ), но на смѣну погибающимъ предпріятіямъ постоянно являются новыя, основанныя на тѣхъ-же принципахъ, и грозный для русскихъ тор-

---

*) Быть жирнымъ и къ тому-же обладать длинными (и не всегда чистыми) ногтями—по китайскимъ воззрѣніямъ вполнѣ достаточно для того, чтобы пользоваться почетомъ и внушать къ себѣ уваженіе: это признакъ довольства и отсутствія необходимости работать. Усы носятъ только начиная съ 35-лѣтняго возраста.

говцевъ призракъ китайской конкурренціи никогда не сходитъ со-сцены.

Вотъ почему вопросъ о китайской конкурренціи является здѣсь вѣчно юнымъ, вѣчно новымъ и вѣчно жгучимъ для русскаго торгово-промышленнаго населенія края; вотъ почему онъ неустанно, вотъ уже сколько лѣтъ, дебатируется на страницахъ мѣстной печати, въ оффиціальныхъ собраніяхъ, на съѣздахъ и въ частныхъ домахъ. Время,

Свѣтланская улица въ Владивостокѣ.

однако-же, мало сдѣлало для правильнаго выясненія этого вопроса и чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ осложняется, запутывается и затемняется; въ обсужденіе его вносится къ тому-же много возбужденія и страстности и какъ прямой результатъ этого—мало справедливости.

III.

Страничка изъ недавняго прошлаго.

Неправильныя представленія европейца.—Скудость свѣдѣній объ окраинѣ.—Тридцать шесть лѣтъ назадъ.—Таинственное королевство Бохай.—Появленіе „Манджура". — Port May. — Исторія Владивостока. — Жизнь прежде.—Роль мѣстнаго солдата.—Владивостокъ или Ольга?—Общественная жизнь.—„Клубъ ланцепуповъ".—Игра въ тигра.—Странныя забавы.—„Алямуръ".—Роль Владивостока.

Представленія обывателя Европейской Россіи о нашей тихоокеанской окраинѣ,—представленія крайне противорѣчивыя и сбивчивыя сами по себѣ, испытываютъ серьезныя потрясенія, когда обыватель этотъ, волею судебъ, впервые попадаетъ въ предѣлы Уссурійскаго края.

Одна вполнѣ интеллигентная дама пресерьезно увѣряла меня, напутствуя въ далекое путешествіе, что край этотъ настолько еще дикъ и некультуренъ, что въ городѣ не рѣдкость встрѣтить куницу и соболя, забѣгающихъ въ него изъ ближней тайги.

Другой мой знакомый, ѣдучи сюда, рѣшилъ, что онъ, по меньшей мѣрѣ, будетъ жить, какъ въ дремучемъ лѣсу, въ которомъ „ничего и достать то нельзя", и на этомъ основаніи онъ запасся еще въ Одессѣ всевозможными консервами, мѣшками разныхъ крупъ и муки и даже нѣсколькими головами сахару.

Такъ, или въ этомъ родѣ, представляютъ себѣ нашу дальнюю окраину весьма многіе (едва-ли я ошибусь, если скажу, что почти всѣ), ѣдущіе сюда изъ Европейской Россіи. И въ этомъ нѣтъ, въ сущности, ничего удивительнаго.

Скудость свѣдѣній о нашей дальней окраинѣ, почти абсолютное незнакомство обитателей метрополіи съ нашимъ дальнимъ Востокомъ,

полная неизвѣстность условій, при которыхъ піонеру-колонисту приходится здѣсь жить,—всѣ эти причины и не могутъ не порождать ничего другого, кромѣ туманныхъ и сбивчивыхъ представленій. Наша литература о дальнемъ Востокѣ крайне бѣдна и недостаточна, притомъ же лучшія изъ изслѣдованій и описаній края (Пржевальскаго, Маака и немногихъ другихъ) чрезвычайно устарѣли, относятся еще ко времени первыхъ годовъ присоединенія края, когда онъ едва-едва началъ оживать и заселяться. Знакомства же съ современной физіономіей края они, конечно, не даютъ, такъ какъ онъ во многихъ отношеніяхъ успѣлъ совершенно преобразиться за тѣ тридцать шесть лѣтъ, въ теченіи которыхъ онъ находится подъ русскимъ владычествомъ.

Правда, и теперь жизнь здѣсь отличается достаточной суровостью, не представляетъ обывателю многихъ изъ тѣхъ элементарныхъ удобствъ, къ которымъ онъ привыкъ, и европейца невѣроятно поражаютъ иногда мелкія, но весьма характерныя и притомъ же совершенно немыслимыя въ другой странѣ явленія.

Здѣсь, напримѣръ, существуетъ лажъ на книги; другими словами, покупая въ единственномъ въ краѣ книжномъ магазинѣ—тамъ же продается чай и рисъ — книгу, вы уплачиваете за нее не ту цѣну, которая на ней обозначена, но, кромѣ того, и премію въ пользу владѣльца магазина приблизительно въ размѣрѣ 25—30% съ номинальной цѣны. Затѣмъ, если вы желаете отдать ее въ переплетъ и если вы еще не успѣли оріентироваться въ мѣстныхъ условіяхъ, то наталкиваетесь на массу препятствій, съ виду почти непреодолимыхъ. Прежде всего, вы узнаете, что никакого переплетчика, то-есть лица, которое занималось бы этимъ дѣломъ, какъ профессіей, въ городѣ, вмѣщающемъ въ себѣ до 20.000 д. населенія, обладающемъ каменнымъ храмомъ, двумя газетами, однимъ ученымъ обществомъ, музеемъ и пр.,—вовсе не имѣется.

Только при извѣстной настойчивости съ вашей стороны вамъ, въ концѣ концовъ, удается узнать, что среди солдатъ, отбывающихъ службу въ мѣстныхъ войскахъ, расположенныхъ частью за городомъ, частью на близлежащихъ островахъ, „встрѣчаются иногда лица, знающія переплетное дѣло“. Съ этого момента вы можете уже считать успѣхъ вашихъ розысковъ почти обезпеченнымъ. Стоитъ только вамъ объѣздить казармы линейныхъ батальоновъ, и не въ одномъ, такъ въ другомъ—я по собственному опыту это знаю—вы найдете то, что ищете, Правда, въ итогѣ всѣхъ вашихъ усилій книга, стоющая, скажемъ, въ Екатеринославѣ 1 р. въ розничной продажѣ, обойдется

вамъ приблизительно въ 3—4, а то и болѣе рублей; но, вѣдь, дѣло, собственно говоря, не въ этомъ, а въ томъ, что у васъ, такъ или иначе, есть и книга и переплетъ на ней.

Но за то предметы первой необходимости, отсутствіе которыхъ ощущали первые посѣтители края, здѣсь всегда имѣются, и вы ихъ всегда достанете, хотя и по значительно возвышеннымъ цѣнамъ; письма, газеты и проч. изъ Европеской Россіи, по цѣлымъ годамъ не получавшіяся раньше, теперь вы всегда получите, хотя вамъ и придется для этого ждать три-четыре мѣсяца, особенно во время такъ-называемой сибирской „распутицы“ *).

Времена, когда вы во всемъ городѣ не могли, напримѣръ, достать пары галошъ за полнымъ израсходованіемъ ихъ во всѣхъ мѣстныхъ магазинахъ, или когда вы, нуждаясь въ ламповомъ стеклѣ, вынуждены бывали каждый разъ покупать новую лампу за отсутствіемъ стеколъ въ розничной продажѣ, либо же, когда вы, имѣя необходимость въ удаленіи невыносимо болящаго зуба, должны были брать заграничный паспортъ и ѣхать въ Японію—времена эти давно миновали, отошли въ область преданій, сдѣлались „сибирскими анекдотами“.

Самаго мѣста, на которомъ стоитъ нынѣ юный и исполненный блестящихъ надеждъ Владивостокъ, первые изслѣдователи края совсѣмъ не узнали бы: такъ рѣзко измѣнился характеръ и вся физіономія его.

Тридцать шесть лѣтъ тому назадъ нога европейца еще не ступала по этимъ мѣстамъ. Тамъ, гдѣ теперь съ утра до вечера снуетъ и толпится народъ,—стояла угрюмая, вѣковая, дремучая тайга. Тамъ, гдѣ слышится нынѣ человѣческая рѣчь,—раздавался лишь, время отъ времени, грозный ревъ царя мѣстныхъ лѣсовъ,—уссурійскаго тигра. Гладко-зеркальныхъ, свѣтло-лазоревыхъ водъ владивостокскаго рейда не бороздили въ то время носы пароходовъ, катеровъ и шаландъ (корейскія парусныя суда), не оглашали своими свистками и грохотомъ желѣзныхъ цѣпей корабли европейцевъ. Мертвенно-тихо и глухо было въ этой приглубой впадинѣ бухты. Лишь изрѣдка забѣгалъ сюда изъ Японскаго моря шальной китъ „поиграть“, да забредала порою въ погонѣ за несчастною жертвой акула.

*) Распутица наступаетъ осенью въ періодъ замерзанія рѣкъ Уссури и Амура, и весною—въ періодъ ихъ таянія. Тотъ и другой періоды тянутся 2—3 мѣсяца, и все это время край почти совершенно отрѣзанъ отъ всего міра. Теперь желѣзная дорога измѣнитъ, конечно, эти условія.

Но не только полуостровъ, на которомъ стоитъ нынѣ городъ, былъ дикъ и безлюденъ, — и весь этотъ край, который примыкаетъ къ нему, былъ тогда совершенно пустыненъ. Лишь кой-гдѣ въ глубинѣ непроходимой тайги можно было встрѣтить бродячаго манзу, искателя жень-шеня. Край былъ тогда достояніемъ хищныхъ звѣрей, безраздѣльно царившихъ на всемъ огромномъ пространствѣ уссурійской тайги.

Есть, однако, основаніе думать, что не всегда было здѣсь такъ пустынно и глухо. Старинныя китайскія лѣтописи, писанныя тушью и кисточками, сохранили до нашего времени преданіе о знаменитомъ и таинственномъ маньчжурскомъ королевствѣ Бохай, просуществовавшемъ отъ VIII и до X в. включительно на территоріи Уссурійскаго края. Отъ этого нѣкогда могущественнаго, наводившаго страхъ на сосѣднія страны (Корею, Китай и Японію) королевства, теперь почти ничего не осталось, и самое существованіе его подвергается сомнѣнію многими изслѣдователями уссурійской старины; только встрѣчающіеся нынѣ кой-гдѣ въ глубинѣ непроходимой тайги остатки его сооруженій въ видѣ крѣпостныхъ рвовъ, валовъ и руинъ говорятъ современному путнику о томъ, что край не всегда былъ безлюденъ и пустъ, и что тамъ, гдѣ нынѣ раскинулся дремучій, поросшій вѣковыми деревьями лѣсъ, нѣкогда кипѣла жизнь, процвѣтала культура, боролись интриги и страсти. Впослѣдстіи, по тѣмъ же источникамъ, на смѣну погибшаго королевства Бохай, край заселили корейцы; занимали его послѣ нихъ и маньчжуры. Все это кончилось уже въ XVII в. полнымъ разгромомъ всего этого края маньчжурами.

И опять запустѣлъ онъ и превратился въ пустыню. Города развалились, поросли дикимъ лѣсомъ,—и въ такомъ видѣ просуществовалъ онъ до того времени, пока его не подчинили себѣ русскіе по Пекинскому договору, заключенному графомъ Игнатьевымъ въ 1860 году, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ впервые совершилось фактическое занятіе владивостокскаго порта военнымъ судномъ „Манджуръ", прибывшимъ сюда подъ командою прапорщика Комарова,— перваго начальника перваго военнаго поста во вновь отошедшемъ къ намъ краѣ.

Сорокъ человѣкъ нижнихъ чиновъ, прибывшихъ сюда на „Манджурѣ", были первыми обитателями-піонерами новаго поста. Они же положили начало будущему порту и городу, играющему нынѣ уже весьма немаловажную, вѣрнѣе, первенствующую роль на нашей тихоокеанской окраинѣ, къ которой приковано вниманіе всей Россіи, а

со времени постройки Уссурійской желѣзной дороги и вниманіе всего просвѣщеннаго міра.

Русскіе, однако, не были первыми изъ европейцевъ, узнавшими о существованіи залива Петра Великаго, въ вершинѣ котораго (на полуостровѣ Муравьевѣ-Амурскомъ) находится нынѣ Владивостокъ.

Еще раньше насъ, именно за девять лѣтъ до появленія „Манджура" въ этихъ водахъ, заливъ былъ замѣченъ однимъ французскимъ китобойнымъ судномъ, зимовавшимъ значительно южнѣе, близь нынѣшней корейской границы, въ заливѣ Посьета. Французы чрезвычайно заинтересовались этимъ извѣстіемъ и уже въ слѣдующемъ—1852—году послали сюда для развѣдокъ корветъ „Capricieuse", который впервые обслѣдовалъ юго-западную часть залива Посьета, не доведши его, однакоже, до теперешняго владивостокскаго рейда. Два года спустя, въ тѣхъ же мѣстахъ крейсировалъ знаменитый по сочиненію Гончарова фрегатъ „Паллада" подъ начальствомъ адмирала Путятина. Годъ спустя, здѣсь же случайно появились суда соединенной англо-французской эскадры въ поискахъ за скрывавшейся изъ Петропавловска русской флотиліей.

Но отъ вниманія всѣхъ этихъ первыхъ, случайныхъ посѣтителей мѣстныхъ водъ долгое время ускользала владивостокская бухта, прекрасно защищенная съ моря высокими берегами, отдѣленная отъ залива неширокимъ проливомъ, теряющимся между берегами и скрывающимъ бухту отъ глазъ мореплавателей. Только англійскому судну „Winchester", изъ состава той же эскадры, удалось за пять лѣтъ до „Манджура" проникнуть въ самую бухту и нанести ее впервые на карту, на которой она и донынѣ еще значится подъ именемъ порта Мей (Port May), а самый полуостровъ, на которомъ стоитъ нынѣ городъ—подъ именемъ полуострова принца Альберта.

Роль англичанъ, впрочемъ, этимъ невиннымъ занятіемъ и ограничилась. Они были такъ заняты погоней за русской флотиліей, что отъ ихъ обыкновенно весьма проницательнаго взора совершенно ускользнуло значеніе, какое могла бы получить въ ихъ рукахъ эта бухта, и они не сообразили захватить ее въ свои крѣпкія руки (хотя легко могли тогда это сдѣлать, такъ какъ край былъ совершенно безлюденъ) и тѣмъ самымъ на долгое время, можетъ быть, навсегда отрѣзать намъ путь къ океану. Спустя нѣсколько лѣтъ англичане сообразили свой промахъ, но уже было поздно: китайско-русскій трактатъ, отдававшій во владѣніе Россіи весь этотъ край, былъ заключенъ, но еще

раньше мы фактически стали здѣсь твердой ногой со времени появленія „Манджура“ въ этихъ водахъ.

Съ этихъ поръ Россія вступаетъ уже на путь мирнаго, культурнаго завоеванія этого края, не встрѣчая препятствій ни съ чьей стороны.

Не прошло и десяти-пятнадцати лѣтъ, какъ первоначальный лагерь „Манджура“, затерявшійся на пустынныхъ берегахъ Великаго Океана, возросъ до степени города Владивостока и сдѣлался нынѣ главнымъ нашимъ оплотомъ въ тихо-океанскихъ водахъ, — центромъ, съ исторіей котораго неразрывно связана исторія усиленія нашего вліянія на азіатскомъ Востокѣ.

Городъ Владивостокъ со времени занятія его территоріи „Манджуромъ“ росъ хотя и не съ такой быстротой, какъ растутъ города по ту сторону океана, въ Америкѣ, но все-таки быстро, во всякомъ случаѣ гораздо быстрѣе, чѣмъ любой изъ городовъ Европейской Россіи. Это должно получить въ нашихъ глазахъ особую цѣну, если мы вспомнимъ, при какихъ условіяхъ ему приходилось да и теперь еще приходится развиваться: съ одной стороны, онъ отдѣленъ отъ ближайшихъ населенныхъ русскими мѣстъ на цѣлыя тысячи верстъ, съ другой—его отдѣляла отъ Европейской Россіи безпредѣльная ширь двухъ океановъ (Великаго и Индійскаго) и нѣсколькихъ обширныхъ морей; затѣмъ, въ-третьихъ, онъ былъ окруженъ территоріей, превышающей средней руки западно-европейское государство, и притомъ не только тогда, но и теперь еще мало извѣстной и мало изслѣдованной. Недалеко отъ столицы Уссурійскаго края есть и теперь не мало такихъ глухихъ мѣстъ, по которымъ еще никогда не ступала нога европейца; только звѣриными тропами и можно здѣсь пробираться по окружающимъ его дремучимъ лѣсамъ.

Да что говорить объ окрестностяхъ Владивостока, когда самая территорія города была еще совершенно неизвѣстна тогда и въ силу этой неизвѣстности была полна многихъ опасностей, о какихъ піонеры-поселенцы европейскихъ странъ и понятія не имѣютъ.

Объ этихъ первыхъ годахъ заселенія края мнѣ довелось услышать любопытныя подробности въ бесѣдѣ съ однимъ изъ піонеровъ-обитателей далекой окраины, съ которымъ меня случайно столкнула судьба вскорѣ по пріѣздѣ на дальній Востокъ.

Трудно жилось имъ здѣсь въ первое время. Имъ приходилось считаться съ такими тяжелыми условіями, заселеніе города, тогда еще незначительнаго военно-морскаго поста, стоило имъ такихъ жертвъ,

трудовъ и усилій, которыхъ мы, европейскіе жители, и представить себѣ не можемъ.

— Вѣдь, вотъ, вы,—говорилъ онъ мнѣ,—жалуетесь часто на то, что жизнь здѣсь не представляетъ тѣхъ удобствъ, къ которымъ вы привыкли въ Европѣ. Но что сказали бы вы, если бы пожили здѣсь въ наше время, лѣтъ приблизительно двадцать пять-шесть назадъ *). На всемъ этомъ мѣстѣ, на которомъ стоитъ нынѣ городъ, тогда тянулась тайга,—вѣковой лѣсъ, поросшій строевыми деревьями. И чего только не было въ немъ: олени, медвѣди, кабаны и тигры. Того и гляди, попадешь къ нимъ на зубъ. Отъ этого лѣса теперь и слѣдовъ не осталось, а я еще помню, какъ покойный Пржевальскій въ бытность свою здѣсь, выслѣживалъ стадо оленей на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоятъ китайскія фанзы. Ну, да олени,—Богъ съ ними. Не велика бѣда—ихъ повстрѣчать. А, вотъ, иной разъ среди нашихъ построекъ встрѣтишь бывало и тигра. Я еще помню, какъ въ 1864 году тигръ былъ убитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время стоятъ музей и домъ губернатора. Не весело было тогда у насъ во Владивостокѣ. Безъ оружія мы, напримѣръ, и въ сѣни своихъ домовъ выходить не рѣшались. Это заставило насъ призадуматься. А было насъ тогда уже не мало здѣсь: до девяноста дворовъ, нѣсколько военныхъ судовъ, деревянная церковь и прочее. Народу не мало, а всежъ таки страшно было жить тогда въ этихъ мѣстахъ. За околицу... куда?—за околицу,—за предѣлы двора самый смѣлый изъ насъ выходить не дерзалъ. Оно и понятно: близь дворовъ начиналась густая тайга: темно въ ней отъ массы деревьевъ; въ двухъ шагахъ изъ-за листвы деревьевъ не увидишь оленя, не отличишь отъ кедра... Порѣшили мы сообща расчистить немного эти мѣста и прежде всего принялись за благоустройство городской площади, а затѣмъ начали вырубать строевой лѣсъ и дальше. Вы, вѣроятно, видѣли на берегу высокіе, полуистлѣвшіе, полусгнившіе пни: ихъ не мало и теперь тамъ торчитъ.

— Видѣлъ,—подтвердилъ я.

— Вотъ это, именно, и есть остатки деревьевъ, вырубленныхъ нами тогда. Пни оставляли мы потому, что корчевать ихъ было намъ не по силамъ.

Это немного удивило меня. Сколько мнѣ было извѣстно, въ городѣ стояла тогда постовая команда почти въ пятьсотъ человѣкъ.

— Совершенно вѣрно,—замѣтилъ мой собесѣдникъ,—но, вѣдь, и

*) Разговоръ этотъ происходилъ въ 1891 году.

деревьевъ было не мало. Гдѣ управиться съ ними? Да и лѣсъ-то былъ первобытный: не одинъ вѣкъ росли тамъ деревья: корни ихъ такъ глубоко вросли въ землю и такъ между собою сплелись, что если бы мы вздумали выкорчевать хоть одно деревцо, то намъ пришлось бы вмѣстѣ съ его корнями вытащить изъ земли корни всѣхъ деревьевъ, покрывающихъ эти мѣста, и вся территорія города превратилась-бы въ сплошную глубокую яму.

— Вотъ какъ!

— Да,—подтвердилъ мой собесѣдникъ.—Но за то, какъ очистили мы городъ отъ огромныхъ деревьевъ, намъ стало немного легче и не такъ опасно жить, какъ прежде бывало. Осталось одно чернолѣсье, мелкій дубнякъ, густыя заросли кустарниковъ да груды валежника. Тигры, медвѣди, кабаны и прочіе хищные звѣри, что шатались прежде по городу, ушли саженей на пятьсотъ дальше и почти не показывались здѣсь, гдѣ они становились примѣтнѣй, чѣмъ раньше. Развѣ только глупый олень или козуля забредетъ когда къ нашимъ дворамъ.

— А для чего-же,—поинтересовался я,—вы сохранили кустарники и мелкій дубнякъ?

— Для чего? Для удобства.

— Какъ такъ?

— Мы разсчитали, что чѣмъ намъ каждый день въ тайгу уходить за дровами, то это и далеко, да не всегда и удобно: того и гляди, не только дровъ, шкуры своей не принесешь изъ тайги, если тебя ненарокомъ тигръ подстережетъ. Вотъ мы и рѣшили оставить для топлива мелкія заросли. Выгода двоякая: и топливо близко отъ насъ, совсѣмъ подъ руками, и силы сохраняются и могутъ быть употреблены на другое занятіе. А по-времени заросли, такимъ образомъ, сами собой уничтожатся. Силы-же намъ нужно было очень беречь въ тѣ времена. Работы было не мало; нужно было уже подумать о нашемъ благоустройствѣ. Улицъ и даже дорогъ не было еще и въ поминѣ. Вся мѣстность была изрыта оврагами: они, впрочемъ, и теперь еще кое-гдѣ сохранились въ своемъ первоначальномъ видѣ. Обыватели довольствовались тропинками среди валежника и мелкихъ зарослей, а главнымъ путемъ сообщенія служила для нихъ прибрежная намывная полоса вдоль берега бухты.

— Изъ кого состояло тогда населеніе Владивостока?

— Главнымъ образомъ, изъ находящихся на дѣйствительной службѣ нижнихъ чиновъ—солдатъ и матросовъ. Владивостокъ еще не былъ городомъ въ оффиціальномъ значеніи этого слова: онъ считался воен-

нымъ постомъ и вотъ почему военныхъ здѣсь было больше всего. Имъ же Владивостокъ преимущественно и обязанъ своимъ существованіемъ. Не будь въ тѣ времена здѣсь русскихъ солдатъ, ничего-бы, вѣроятно, и не вышло. Солдаты вырубали лѣса, расчищали дороги, строили дома, казенныя зданія, казармы; даже деревянная церковь построена исключительно ихъ трудами. Солдатъ, кромѣ того, несъ караульную службу, держалъ въ страхѣ бродячихъ китайцевъ, оберегалъ нашъ покой, защищалъ насъ отъ хищныхъ звѣрей. Онъ несъ военную службу, съ его-же помощью производились изслѣдованія незнакомаго края, при его содѣйствіи пробирались въ тайгу, заводили сношенія съ инородцами. Да мало-ли, чего онъ тутъ не дѣлалъ! Поистинѣ, великую службу сослужилъ нашему дѣлу на тихоокеанской окраинѣ русскій солдатъ! Не будь его, ничего-бы не было здѣсь.

Мой собесѣдникъ былъ совершенно правъ.

Вся наша культурная миссія на далекомъ Востокѣ долгіе годы лежала исключительно на все выносящихъ солдатскихъ плечахъ. Уссурійскій край въ теперешнемъ видѣ созданъ исключительно солдатомъ. Онъ былъ истиннымъ и безкорыстнымъ піонеромъ этого края; кромѣ своихъ прямыхъ военныхъ обязанностей, онъ несъ на своихъ плечахъ еще такую массу всякихъ другихъ, подъ которыми согнулся-бы всякій, кромѣ него. Онъ строилъ дома, обрабатывалъ землю, занимался ремесломъ, столярничалъ, плотничалъ, мастерилъ; долгое время онъ былъ единственнымъ каменьщикомъ, кузнецомъ, огородникомъ и сапожникомъ въ краѣ. Короче сказать, онъ расчистилъ дорогу сюда тѣмъ тысячамъ переселенцевъ, которые въ настоящее время ежегодно идутъ сюда изъ Россіи. Онъ подготовилъ этотъ край—дикій, безлюдный, пустынный—къ той культурѣ, которою многіе изъ насъ кичатся теперь. Да и теперь еще его культурная миссія далеко не кончена здѣсь. Онъ мелетъ муку на единственной мельницѣ въ краѣ, строитъ на ряду съ другими рабочими желѣзную дорогу, является во всемъ краѣ единственной прислугой и т. д., и т. д. Хоть и мало еще сдѣлано нами въ дѣлѣ мирнаго развитія края, но не нужно никогда упускать изъ вида, что долгіе годы вся эта работа лежала исключительно на уссурійскомъ солдатѣ, обремененномъ и безъ того нелегкими при мѣстныхъ условіяхъ прямыми обязанностями.

— Я всегда помню,—говорилъ мнѣ нѣсколько разъ мой собесѣднукъ,—что всѣ мы,—особенно мы, піонеры-колонизаторы края, обязаны ему своимъ благоденствіемъ, благосостояніемъ и, быть можетъ, самою жизнью.

— Кто-же еще жилъ тогда въ городѣ, кромѣ солдатъ?—спросилъ я его.

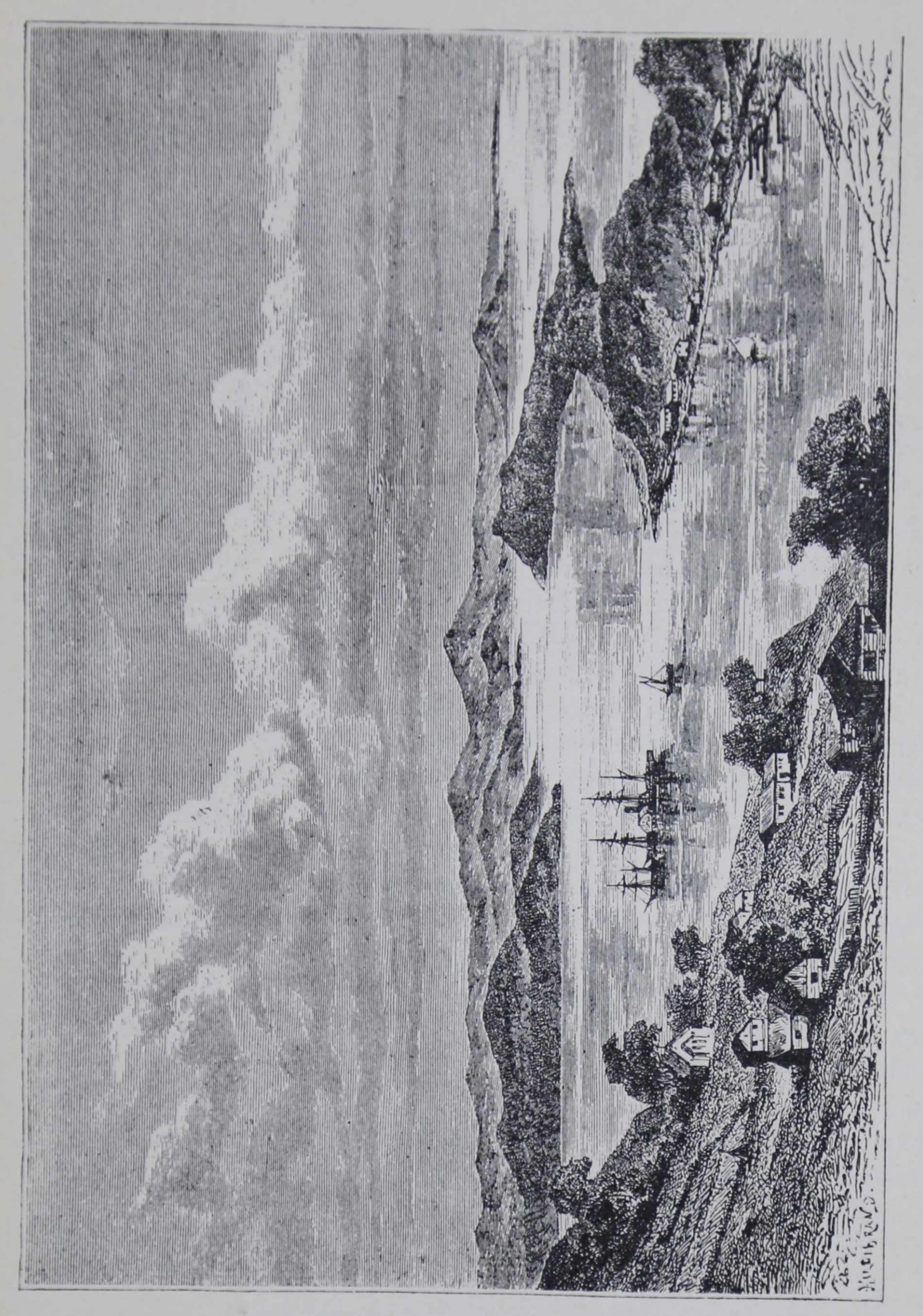
— Ну, понятно само собой, офицеры, чиновники съ семьями (ихъ было душъ до ста въ то время). Кромѣ того,—небольшое число ссыльно-поселенцевъ, отбывшихъ срокъ каторги на Карѣ и въ рудникахъ Восточной Сибири. Было также весьма небольшое количество отставныхъ нижнихъ чиновъ, поселившихся со своими семьями, и нѣсколько лицъ (также съ семьями), не служившихъ нигдѣ: это-то и были обыватели города въ общепринятомъ значенiи этого слова.

— Что-же касается инородцевъ, то ихъ было такъ мало тогда, что въ счетъ они не могутъ идти. Такъ, корейцевъ—не было ни одного, а манзъ—всего душъ до сорока; вотъ и все инородческое населенiе города. Манзы явились сюда уже спустя нѣсколько лѣтъ, когда нашъ постъ былъ возведенъ на степень города, и изъ Николаевска (въ устьѣ Амура) былъ перенесенъ сюда (въ 1873 году) военный портъ, а также резиденцiя главнаго командира флота и портовъ Восточнаго Океана.

Это перенесенiе порта, я долженъ замѣтить, хотя и состоялось въ 1873 году, однако еще не обезпечивало Владивостоку на все послѣдующее время то завидное первенствующее положенiе, которое онъ занимаетъ нынѣ на русскомъ востокѣ. Возникшiй спустя нѣсколько лѣтъ вопросъ о томъ, быть-ли порту во Владивостокѣ, или южнѣе—въ заливѣ Св. Ольги, долгое время висѣлъ дамокловымъ мечемъ надъ начавшимъ уже развиваться молодымъ укрѣпленiемъ, долгое время парализировалъ всякую инициативу и энергiю въ средѣ его тогда еще немногочисленныхъ обывателей *).

Не взирая на то, что во Владивостокъ уже были перенесены изъ Николаевска почти всѣ его учрежденiя—портовыя, административныя, учебныя: прогимназiя и женское училище, что были возведены почти всѣ сооруженiя для порта, устроены баттареи и проч., лишь въ 1881 году былъ рѣшенъ окончательно вопросъ о томъ, что нашъ главный военный портъ навсегда остается во Владивостокѣ. Съ этого только

*) Одно время поговаривали даже о необходимости перебраться еще далѣе на югъ въ принадлежащiй Кореѣ Портъ Лазарева или даже на японскiй островъ Тсушиму, которые представляли, по господствовавшему тогда мнѣнiю, по сравненiю съ Владивостокомъ, всѣ удобства незамерзающаго порта. Въ настоящее время выясняется, однако-же, что Портъ Лазарева, напримѣръ, вовсе не представляетъ такого преимущества: онъ, какъ оказывается по послѣднимъ наблюденiямъ, замерзаетъ такъ-же неизмѣнно каждую зиму, какъ и портъ Владивостока.

Владивостокъ въ первые годы.

времени и начинается настоящее развитіе какъ порта, такъ и города. До этого-же городъ не жилъ, а прозябалъ; всякія постройки, казенныя и частныя, пріостановились совершенно. дѣла обывателей потеряли всякую устойчивость.

И это вполнѣ естественно. Въ 1873 году, т.-е. со времени перенесенія сюда изъ Николаевска порта, сибирской флотиліи и портовыхъ укрѣпленій, городъ, влачившій до сихъ поръ жалкое существованіе, оживился, но за то и пріобрѣлъ физіономію города исключительно военно-морскаго. Вся энергія и дѣятельность его жителей сосредоточивались и вращались только около портовыхъ управленій, воспитавшихъ, въ сущности, какъ выразился одинъ изъ хорошо знающихъ тогдашнія условія людей, всю мѣстную торговлю и предпріимчивость.

„Морской элементъ и по своимъ качествамъ и по своей многочисленности былъ въ то время господствующимъ", — говоритъ одинъ изъ мѣстныхъ лѣтописцевъ Уссурійскаго края.

За отсутствіемъ какихъ бы то ни было вольныхъ рабочихъ, почти всѣ постройки, какъ казенныя, такъ и частныя, возводились въ это время матросами. Въ портовыхъ мастерскихъ „лудились обывательскіе самовары", выдѣлывались кочерги, вьюшки, колеса, чинились экипажи, а въ морскихъ складахъ закупались сухари, масло и другіе продукты, какихъ или вовсе не существовало въ продажѣ (это—всего лѣтъ пятнадцать назадъ!), или же на которыя цѣны стояли безбожно высокія... „Швальня Сибирскаго флотскаго экипажа обшивала также и частныхъ обывателей"... Тамъ же „подкидывались подметки подъ сапоги, на которыхъ ходилъ буквально весь городъ". Морское вѣдомство явилось, вмѣстѣ съ тѣмъ, и главнымъ потребителемъ мѣстной торговли и такихъ продуктовъ, какъ лѣсъ, дрова, мясо и прочее...

Короче—на немъ сосредоточились всѣ обывательскіе интересы и связались съ нимъ на столько тѣсно, что когда впослѣдствіи возникъ вопросъ о новомъ переносѣ порта изъ Владивостока въ заливъ Св. Ольги или Посьета, а вслѣдствіе этого пріостановились постройки морскаго министерства, то во всей промышленной и частной жизни Владивостока произошелъ замѣтный застой, и „вся дѣятельность жителей приняла явственный отпечатокъ какой-то нерѣшительности, свидѣтельствовавшей, что они потеряли подъ ногами твердую почву"...

Общественная жизнь въ теченіи всего этого семилѣтняго періода застоя и нерѣшительности была только въ зародышѣ. Въ виду неопредѣленности и неизвѣстности дальнѣйшей судьбы Владивостока имми-

грація и начавшійся было усиленный притокъ предпріимчивыхъ людей почти совсѣмъ прекратился, да и многіе изъ тѣхъ, которые уже болѣе или менѣе обосновались здѣсь прежде, стремились ликвидировать свои предпріятія и уйти отсюда, по крайней мѣрѣ, на то время, пока окончательно не выяснится вопросъ о томъ, быть или не быть Владивостоку?

Припоминаю бесѣду съ однимъ изъ старожиловъ—обитателей Уссурійскаго края. Подробности о переживаемомъ ими тогда времени показались мнѣ столь любопытными и такъ хорошо рисующими то своеобразное время, что я считаю вполнѣ умѣстнымъ возстановить нашъ разговоръ въ его существенныхъ подробностяхъ.

— Скучно, до смерти тоскливо и скучно было жить здѣсь тогда,— разсказывалъ мнѣ онъ про это время. — Общество было тогда здѣсь весьма небольшое; другъ друга мы знали, да что знали? — изучили, пожалуй, лучше себя самихъ. Внѣшнихъ интересовъ почти никакихъ, отъ всего просвѣщеннаго міра оторваны, отъ родины — далеки... Повѣрите-ли, до того доходило, что многіе изъ насъ уже не въ силахъ были говорить, а только—право, не смѣйтесь!—мычали и почти потеряли способность издавать членораздѣльные звуки. Сначала мы еще увлекались немного охотой, тайгой, инородцами, природой, а потомъ— все надоѣло...

Казалось-бы, наоборотъ: изолированность всѣхъ ихъ отъ равно отдаленной родины должна была еще больше сплотить и объединить мѣстное общество. А, между тѣмъ, въ дѣйствительности совсѣмъ было не такъ.

— Мы чувствовали себя болѣе или менѣе сносно, — возразилъ старожилъ,—только въ первое время. А потомъ... Да, вотъ, вамъ наглядный примѣръ, и вы убѣдитесь, что я правъ. Вы прибыли сюда изъ Одессы на морскомъ пароходѣ; пассажировъ, я знаю, на немъ было много... Скажите-же, — съ лукавой улыбкой спросилъ меня мой собесѣдникъ, — чѣмъ кончилось пребываніе всего вашего многочисленнаго общества на кораблѣ?

— Почти поголовною ссорой,—разсмѣялся я.

— Вотъ видите... А отчего?.. Отъ духоты и жары, отъ однообразія и монотонности плаванія, отъ отсутствія интересовъ извнѣ, отъ невозможности хоть на мгновеніе, пока не доѣдешь до ближайшаго порта, уйти съ надоѣвшаго судна, уединиться, остаться одному съ своими собственными мыслями, перемѣнить монотонную обстановку и однообразныя впечатлѣнія... Такъ-ли?

— Совершенно вѣрно.

— То-то и есть. Приходилось мнѣ совершать большіе переѣзды на французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ океанскихъ судахъ: — тамъ то-же самое: сначала пассажиръ становится серьезнымъ, очень скоро—угрюмымъ, черезъ день раздражительнымъ,—а отсюда очень недалеко и до крупной ссоры... Такъ, вотъ, спрашиваю я васъ, если даже вы, пассажиры, недавно оставившіе берега родины, еще не успѣвшіе истратить избытка силъ, которыя она вамъ дала, окрыленные надеждой побывать въ новыхъ мѣстахъ, подогрѣтые всевозможными пенсіями *), развлекаемые каждые пять-шесть-семь дней такими диковинными картинами и видами, которыя у насъ, въ Европейской Россіи, даже богатымъ людямъ не снились—помилуйте! сегодня Египетъ, черезъ недѣлю вы въ океанѣ, спустя шесть дней уже видите, да не только видите, а осязаете Индію—такъ, вотъ, если даже вы, при такихъ чрезвычайно благопріятпыхъ условіяхъ въ пять-шесть дней перехода отъ порта до порта становитесь лютѣй тигра, такъ посудите, каково-то должны были чувствовать себя мы, когда мы годами, понимаете-ли, го-да-ми должны были жить въ условіяхъ, гораздо худшихъ, нежели тѣ, которыхъ вы не могли перенести какихъ-нибудь сто-сто двадцать часовъ. Не забудьте при этомъ, что вы, на своемъ прекрасно устроенномъ суднѣ, не должны были испытывать недостатка даже въ предметахъ роскоши, не говоря уже о предметахъ первой необходимости. А у насъ, вѣдь, не всегда было и это... Наше мясо... блуждало въ тайгѣ подъ оленьею шкурой, наша птица—летала въ дремучемъ лѣсу... Подите-ка, достаньте ихъ, когда ихъ, быть можетъ, самъ тигръ стережетъ...

Мой собесѣдникъ умолкъ на мгновенье и затѣмъ снова продолжалъ.

— Бррр! и теперь жутко подумать, какъ жили мы здѣсь лѣтъ пятнадцать тому назадъ... Нужно было обладать большимъ запасомъ здоровья и воли, чтобы сохранить въ себѣ интересъ къ тому, что насъ окружало... Самое худшее это то, что намъ не съ кѣмъ было перекинуться словомъ...

— Но, вѣдь, васъ было не мало.

— Было... было,—раздражительно повторилъ мой собесѣдникъ,— конечно, не мало... Ну, что-жъ изъ того? Какъ будто намъ отъ этого легче... Вѣдь мы заранѣе знали, что каждый изъ насъ скажетъ. За эти долгіе годы совмѣстной жизни въ малолюдномъ порту мы, можетъ

---

*) Мой собесѣдникъ имѣлъ въ виду извѣстныя „амурскія пенсіи“ и „льготы“.

быть, по сто разъ повѣствовали другъ другу однѣ и тѣ же исторіи... Было переговорено все, что мы знали, что мы слышали, все, что насъ волновало и мучило, все, что намъ подсказывало наше воображеніе... Да, вѣдь, это хорошо разъ-другой... А если каждый день повторяется одно и то же, такъ тутъ не только въ тайгу, — къ тигру въ пасть забредешь, лишь бы не слышать этого переливанья изъ пустаго въ порожнее.

— Вѣдь, вотъ.—послѣ большой паузы продолжалъ онъ тономъ укора и даже съ оттѣнкомъ досады въ голосѣ, — вѣдь, вотъ, очень ужъ требовательны вы теперь стали.

— Кто это—мы?

— Да вы всѣ, что пріѣзжаете въ послѣдніе годы въ нашъ край. Все вамъ не нравится здѣсь. Есть у васъ нынѣ два клуба *). театръ библіотека, музей, двѣ газеты **) и масса любительскихъ обществъ: два музыкальныхъ, фотографическое, уссурійское общество любителей охоты и даже ученое Общество Изученія Амурскаго края ***) и общество любителей гимнастики... Чего-жъ вамъ еще? А все недовольны...— Театръ?—„Плохой“, —говорите вы:—„играютъ какія-то тамъ поселенки и поселенцы“... Такъ что-жъ, что плохой; да вѣдь *есть* онъ; ну, мало въ немъ нравоучительнаго,—да, вѣдь, есть посмѣяться надъ чѣмъ... Библіотека?—опять недовольны вы:—„книгъ новыхъ нѣтъ“. Да, вѣдь все-таки хоть старыя есть“... Газеты? — „не ежедневно выходятъ“... „Не еже-днев-но“, — передразнилъ онъ своего воображаемаго оппонента.—Да, вѣдь, мы годами не видѣли ихъ!.. Третьяго года обрывками въ урочищахъ мы пробавлялись.

— Обрывками?—воскликнулъ я въ изумленіи.

— А такъ... Пріѣдетъ бывало къ намъ въ урочища (во Владивостокѣ было, конечно, значительно лучше) новый чиновникъ или офицеръ, да по незнакомству съ окраиной, какъ и всѣ мы, не запасется матеріаломъ для чтенія:—„тамъ молъ найдется“. Спросишь: „книги привезли-ли?“—„Нѣтъ, думалъ у васъ здѣсь имѣются“...—„И такъ-таки ничего не привезли?“—„Какъ есть ничего!“—„Худо... Ну, да ладно, показывайте вещи“.—„Это зачѣмъ?“—„А, вотъ, увидите“... И, вотъ,

*) Морское собраніе и приказчичій клубъ.

**) „Дальній Востокъ“ (выходитъ 3 раза въ недѣлю) и „Владивостокъ“ (еженедѣльная газета).

***) Два года назадъ оно преобразовано въ филіальное отдѣленіе Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

какъ только примется онъ разбирать чемоданы, узелки и баулы, то тутъ мы чуть не всѣмъ военнымъ постомъ въ оба и смотримъ... Ну, и рѣдко бывало, чтобы наши ожиданія насъ обманули: всегда что-нибудь выглядишь въ разложенныхъ вещахъ...

— Что же именно?—недоумѣвалъ я.

— Что?—Клочокъ старой газеты, въ которую пріѣзжій еще въ Москвѣ или Петербургѣ завернулъ свою бритву,—если онъ брѣется, туфли,—если ихъ носитъ,—да мало, чего тамъ еще. И, вѣрите ли, какъ залучимъ бывало въ свои руки клочокъ печатной, хотя и изрядно помятой бумаги,—глазъ оторвать отъ нея мы не можемъ, пуще зеницы своего ока ее бережемъ. А ужъ читаемъ:—въ засосъ. Сначала одинъ, другой, третій, пока обойдетъ всѣ дома. А послѣ въ домахъ собираемся группами пофилософствовать о прошедшихъ и, быть можетъ, уже забытыхъ въ Европейской Россіи дѣлахъ, помечтать о далекой отчизнѣ... Много оживленія вносилъ въ нашу среду клочокъ старой газетной бумаги. Я обязанъ ему не однимъ хорошо проведеннымъ зимнимъ вечеромъ на далекой окраинѣ... — Такъ вотъ какъ бывало. — послѣ небольшаго раздумья продолжалъ онъ.—Вотъ въ ту-же эпоху, на почвѣ все тѣхъ же безплодныхъ стремленій къ сплоченности и къ объединенію, у насъ, съ легкой руки одного обывателя, и возникло одно учрежденіе, -- клубъ, не клубъ, вѣрнѣе — кружокъ, носившій оригинальное названіе: „клубъ ланцепуповъ". Теперь-то, пожалуй, и забыли о немъ...

— Вотъ странное названіе, — замѣтилъ я. — Что-жъ это было за общество, какія оно преслѣдовало цѣли?

— Цѣли?—не безъ ехидства переспросилъ меня мой собесѣдникъ.— Цѣли, какъ водится, сначала хорошія: этотъ „клубъ ланцепуповъ" поставилъ своей задачей противодѣйствовать разобщенности и разъединенности нашего общества. Онъ имѣлъ въ виду сплотить, объединить своихъ членовъ, собирать ихъ въ одно опредѣленное мѣсто, въ заранѣе опредѣленное время, для взаимныхъ бесѣдъ, для обмѣна мыслей и прочее. Только недолго сохранялъ „клубъ ланцепуповъ" свой первоначальный характеръ... На пути къ достиженію прежде намѣченныхъ цѣлей онъ встрѣтилъ неодолимыя препятствія,—преграды, которыхъ не могъ разрушить.

— Въ чемъ же было препятствіе?

— Да все въ тѣхъ же своеобразныхъ условіяхъ окраинной жизни, которыя вамъ уже немного знакомы,—грустно пробормоталъ мой собесѣдникъ. — И превратился очень скоро нашъ клубъ во что-то до

такой степени несуразное, что стыдно и вспомнить... Правда, виной тому было и то, что семейные скоро отпали отъ „клуба“: то—да се, недосугъ, служба, дѣти.—ну, и отстали. Остались одни безсемейные: моряки, пѣхотинцы и штатскіе, которымъ рѣшительно негдѣ было главы преклонить въ свободное отъ занятій время, которыхъ гнала изъ дому невыносимая скука, одиночество и отсутствіе очага...

— Что-жъ они дѣлали тамъ?

— Въ карты играли, пили... много пили, какъ вездѣ на окраинахъ Но это не все.—съ видимой неохотой протянулъ мой собесѣдникъ.

— Не все?

— Пить и играть каждый день—да надоѣстъ, вѣдь, и это... Вотъ и рѣшили они развлекаться,—тономъ уже явнаго неудовольствія проговорилъ разсказчикъ.

— Что-жъ тутъ дурнаго?—спросилъ я, весьма удивленный очевидно неодобрительнымъ отношеніемъ разсказчика къ вполнѣ естественному, на мой взглядъ, стремленію представителей тогдашняго окраиннаго общества.

Мой собесѣдникъ долго молчалъ; наконецъ, какъ-то нерѣшительно заговорилъ.

— Оно, конечно, что и говорить, хорошо въ нихъ такое стремленіе... хорошо, спору нѣтъ, да... какъ бы сказать вамъ,—не очень... Развлеченія-то были самаго страннаго свойства,—неожиданно прибавилъ онъ, оживившись.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, какъ вамъ нравится игра въ охоту на тигра...

— На тигра? Я что-то не слышалъ о существованіи подобной игры...

— То-то и я раньше не слышалъ, да какъ пожилъ здѣсь,—узналъ... И теперь еще игру эту помню, особенно передъ дождемъ или пургой... Очень помню...

— Не понимаете?—обратился ко мнѣ старожилъ.—А, вотъ, посмотрите,—можетъ, поймете...

Разсказчикъ заворотилъ рукавъ сюртука и обнажилъ свою руку. Я посмотрѣлъ и увидѣлъ выше локтя слѣды большой раны, произведенной, повидимому, огнестрѣльнымъ оружіемъ. Между прочимъ, я тутъ только впервые замѣтилъ, что мой собесѣдникъ не совсѣмъ хорошо владѣетъ этой рукой Какое же, однако, отношеніе имѣетъ это обстоятельство къ клубу. Признаюсь, это было для меня совершенно неясно.

— Послушайте, — сказалъ я ему: — все это мнѣ нисколько не разъясняетъ того, о чемъ вы мнѣ только что говорили. И я еще меньше прежняго понимаю, при чемъ же здѣсь тигръ?

— Не понимаете? Конечно,—смущенно пробормоталъ онъ,—откуда и знать вамъ... Такихъ игръ не бываетъ... Да, вѣдь, тигръ-то былъ я!—неожиданно воскликнулъ разсказчикъ и улыбнулся во всю ширину своего добродушнаго лица.

— Вы?!

— Я... Вы удивляетесь!.. но, вѣдь, это такъ просто... Мы тушили огни, закрывали цыновками окна, назначали кого-нибудь тигромъ... положимъ, меня... Товарищи и сочлены вооружались заряженными револьверами... стрѣляли... „по шороху", т.-е. въ ту сторону, гдѣ слышался шумъ шаговъ тигра, т.-е. моихъ... Ну, а я, понятно, снявъ сапоги, по условію, въ однихъ лишь чулкахъ пробирался по стѣнамъ, стараясь (мебель заранѣе всю выносили) ступать такъ мягко, неслышно, какъ пантера... Да однажды не выдержалъ роли: споткнулся, ну и получилъ пулю въ руку... Хорошо, что не въ сердце...

Я съ удивленіемъ слушалъ этотъ странный разсказъ и не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Послушайте, да, вѣдь, это, если хотите, игра... въ убійство, а не въ охоту на тигра... Закрыть окна, потушить всѣ огни и стрѣлять въ человѣка... Вѣдь, это—вѣрная смерть...

— Ну, не совсѣмъ,—вы видите: я живъ... Притомъ-же мы разсуждали иначе: мракъ, темнота, по нашему мнѣнію, служили наибольшей гарантіей безопасности этой... если хотите, забавы для „тигра". При свѣтѣ огня — смерть вѣрнѣе: не уйдешь отъ стрѣлка... Да и то сказать, мы боялись, какъ бы, разгорячившись игрой, кто-нибудь изъ насъ не увлекся ею, благо цѣль на виду. Ну, а во тьмѣ—ищи „тигра!" Кромѣ того, по установленнымъ правиламъ стрѣлять можно было лишь „тигру" подъ ноги: въ худшемъ случаѣ, нога пострадаетъ.

— Но, вѣдь, вамъ попали въ локоть. Долго-ль до сердца?

— Ну, это случайно...

— Какъ могли вы, однако, рѣшиться участвовать въ такой, простите меня, безумной игрѣ...

— Какъ?.. Конечно, теперь я безъ ужаса не могъ-бы и подумать объ этомъ... Но тогда — не все-ли равно?.. Мы тогда очень дешево цѣнили нашу жизнь...

— И всѣ ваши... забавы бывали въ этомъ же родѣ?

— Нѣтъ, другія были болѣе невинны...

— Воображаю!—недовѣрчиво произнесъ я.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ... Вотъ, къ примѣру, хотя-бы такого рода забава. Былъ у насъ тогда командиромъ одной изъ частей предобродушнѣйшій старичекъ, имѣвшій очень большой по нашимъ мѣстамъ чинъ и отличавшійся, между прочимъ, невѣроятно длинной бородой, бѣлой, какъ лунь. По этой бородѣ, бывало, за версту узнаешь его. Вотъ это-то обстоятельство и подало одному изъ мѣстныхъ обывателей (тоже морякъ былъ), члену „клуба", подшутить надъ добрякомъ-генераломъ. Нужно вамъ сказать, что этотъ господинъ обладалъ замѣчательной способностью гримироваться. Гримировался онъ такъ неподражаемо, что скорѣе настоящаго человѣка, которымъ онъ загримировался, если видѣть ихъ вмѣстѣ, заподозришь въ обманѣ, поддѣлкѣ, чѣмъ замѣтишь фальшь въ немъ, обманщикѣ. При его помощи мы продѣлывали, напримѣръ, такія вещи. Загримировался онъ разъ старичкомъ-командиромъ, приладилъ, что нужно, къ военному сюртуку и отправился среди бѣлаго дня въ адмиральскій садъ, который, какъ вы знаете, и теперь существуетъ. А мы на нѣкоторомъ разстояніи слѣдуемъ за нимъ. На улицѣ — переполохъ: „командиръ идетъ". Офицеры подбодряются, оправляютъ сюртуки, кортики, матросы прижимаются къ заборамъ, честь отдаютъ, посторонняя публика почтительно уступаетъ дорогу. Перейдя Свѣтланскую улицу въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ домъ Шевелева, шутникъ направляется черезъ калитку въ „садъ адмирала"; какъ и теперь, садъ этотъ былъ постоянно открытъ для публики. Выбрали мы время передъ заходомъ солнца, зная, что командиръ, возставъ отъ послѣобѣденнаго сна, гуляетъ по саду съ четверть часа и затѣмъ въ кругу своей семьи—жены и двухъ дочерей—садится на верандѣ пить чай.

Одинъ изъ насъ выслѣдилъ, когда старичекъ пошелъ по аллеѣ въ противоположную сторону, кивнулъ шутнику,—и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, мѣрною поступью подходитъ къ крыльцу, взбирается по лѣстницѣ и садится къ столу, у котораго уже въ сборѣ вся семья командира. А тѣмъ и не вдомекъ, кто сидитъ возлѣ нихъ. Начинается чаепитіе. Пьетъ онъ, но по сторонамъ—нѣтъ, нѣтъ—да и поглядываетъ, не появится-ли настоящій хозяинъ. А командиръ-то, нужно вамъ сказать, былъ страшно разсѣянъ. Про эту слабость его разсказываютъ много анекдотовъ... Говорили, напримѣръ, будто онъ однажды умудрился— что-бы вы думали?—самого себя дома не застать!.. Такъ, вотъ, идетъ онъ, подъ ноги глядитъ и не видитъ, что за птица на его мѣстѣ сидитъ. Поднимается по лѣстницѣ, и въ тотъ самый моментъ, какъ

онъ ступаетъ ногой на веранду, съ его мѣста снимается нашъ шутникъ, медленно, величественно проходитъ мимо самаго его носа и спускается съ лѣстницы. Картина!.. Командиръ и семья его точно остолбенѣли... не въ состояніи звука промолвить... Когда способность рѣчи, наконецъ, возвратилась къ нимъ,—то нашаго забавника и слѣдъ уже простылъ... А мы стоимъ за деревьями и хохочемъ... Такъ, вотъ какія штуки откалывалъ нашъ „клубъ ланцепуповъ"... Понятно, все это, собственно говоря, шалости, недостойныя взрослыхъ людей... А тогда, повѣрите-ли, нравственное удовлетвореніе находили мы въ такихъ непристойныхъ забавахъ... Какъ никакъ,—развлеченіе... *)

Разсказчикъ замолчалъ, погрузился въ раздумье, но, спустя минуту, онъ какъ будто вспомнилъ что-то и оживился.

— Да... Всякое бывало... Вотъ, все въ ту-же пору на дѣвственной уссурійской почвѣ привился и „a l'Amour, или, какъ его попросту здѣсь называли, „алямуръ",—своеобразная игра, изобрѣтенная какимъ-то сибирякомъ на Амурѣ, отъ котораго она и получила свое названіе... Эта игра еще и теперь процвѣтаетъ, хотя и не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ прежде. Нужны вамъ, скажемъ, деньги, а достать ихъ негдѣ сейчасъ. Вотъ вы рѣшаетесь пожертвовать какой-нибудь вещью. Дѣлаете извѣстное количество марокъ, назначаете имъ очень приличную цѣну и продаете желающимъ: ихъ всегда много. Затѣмъ, въ одинъ прекрасный вечеръ владѣльцы марокъ сходятся гдѣ нибудь въ одномъ мѣстѣ и играютъ на эти марки въ банкъ. Знакомый, незнакомый,—всякій можетъ принять въ немъ участіе. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока у кого-нибудь не окажутся въ рукахъ всѣ проданныя вами марки; иногда это длится около недѣли.

— Грустно, очень грустно все это, — закончилъ разсказчикъ.—Да что ужъ, —окраина!..

Начиная съ 1881 года, со времени окончательнаго рѣшенія вопроса объ оставленіи порта во Владивостокѣ, —грустныя времена, о которыхъ разсказывалъ мнѣ старожилъ, начинаютъ понемногу отходить въ область преданій, и городъ сталъ, мало-по-малу, терять свой рѣзко „окраинный" обликъ, охарактеризованный вышеприведенымъ разсказомъ. Бухта оживилась судами, тамъ и сямъ начали возникать постройки, застучали молоты, задымились кузницы, зашныряли по рейду паровые баркасы, стали все чаще и чаще появляться въ порту суда

*) Вышеприведенный разсказъ я всецѣло оставляю на совѣсти моего собесѣдника. Но, во всякомъ случаѣ, si non e vero—e ben trovato.

изъ далекой Европы, заселялись дома, городъ сталъ все чаще сноситься съ внѣшнимъ міромъ, отъ котораго онъ раньше былъ почти совершенно оторванъ, началъ строиться докъ для ремонта и постройки судовъ мѣстной флотиліи и купеческихъ кораблей, приходящихъ на рейдъ, возникаютъ газеты, музей, всевозможныя общества, и, наконецъ, въ 1871 году приступлено къ сооруженію Уссурійской желѣзной дороги.

Населеніе, достигавшее раньше (еще въ 1881 году) едва семи тысячъ душъ, уже перевалило теперь за двадцать пять; и весь этотъ городъ, еще такъ недавно состоявшій изъ нѣсколькихъ деревянныхъ фанзъ и домовъ, нынѣ оцѣнивается уже въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей.

Само собою разумѣется, культурное развитіе края на этомъ не остановится, да и не можетъ остановиться. Впереди еще на многіе многіе годы по горло работы цивилизаторамъ края. Все, что до сихъ поръ достигнуто, является лишь незначительной каплей въ томъ морѣ надеждъ и стремленій, которыя связываются съ нимъ. Край еще очень малолюденъ: плотность населенія (максимальная) даже въ Южно-уссурійскомъ округѣ, наиболѣе людномъ, едва достигаетъ *полутора человѣкъ на квадратную версту*; въ среднемъ-же, для всей Приморской области, эта величина еще меньше, можно даже сказать, поразительно мала— 0,3 души на квадратную версту!...

Если читатель представитъ себѣ далѣе, что Приморская область занимаетъ свыше полутора милліоновъ кв. верстъ, т.-е. по своему пространству равна Франціи, Германіи и Австро-Венгріи, вмѣстѣ взятымъ, если затѣмъ онъ вспомнитъ, что область эта растянута на протяженіи четырехъ тысячъ верстъ (между 42° и 70° сѣвер. шир., отъ Японскаго моря до Берингова пролива включительно); если, далѣе, онъ приметъ во вниманіе, что весь этотъ необъятный край внутри себя почти совсѣмъ не имѣетъ никакихъ путей сообщенія, кромѣ нѣсколькихъ магистральныхъ путей между главными поселеніями; — если онъ приметъ все это во вниманіе, то получитъ полное представленіе объ этой окраинѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему станетъ ясно, какъ много еще работы предстоитъ здѣсь и какая серьезная и важная роль въ дѣлѣ цивилизаціи края предстоитъ Владивостоку, нашему главному культурному центру на берегахъ Тихаго океана и какъ много надеждъ связано съ его культурнымъ развитіемъ, съ его умственнымъ и экономическимъ ростомъ.

IV.

Манзы.

Роль и значеніе манзы прежде и теперь.—Иммиграція китайцевъ.—Отношеніе властей.—Восьмидесятые годы,—Наплывъ манзъ.—Русская колонизація.—Административныя мѣры.—Сомнѣнія.—Манза и русскій.—Мои впечатлѣнія.—Гномъ и богатырь.—„Вкусъ къ работѣ".—Характеристика Максимова.—Обѣдъ.—„Его много не нузи".—Въ Шанхаѣ.—Манзовскія артели.—Роль рядчиковъ.—Сцилла и Харибда.—„Немножко повѣсить".—Остроумные контрагенты.

Уже въ первые дни моего появленія на территоріи нашей тихоокеанской окраины мнѣ пришлось слышать отъ мѣстныхъ жителей одну и ту-же фразу, ярко обрисовывающую и вполнѣ вѣрно опредѣляющую роль и значеніе манзъ въ этомъ молодомъ и едва только заселяющемся краѣ.

— Не будь манзы,—говорили мнѣ,—мы всѣ перемерли бы здѣсь съ голоду.

Познакомившись ближе съ условіями мѣстной жизни, я убѣдился въ томъ, что въ этомъ утвержденіи нѣтъ, въ сущности, никакого преувеличенія. Дѣло, дѣйствительно, обстоитъ въ такомъ видѣ, что, лишись край китайцевъ по какой-нибудь чрезвычайной причинѣ,— всякая культурная жизнь въ немъ должна прекратиться.

И это вполнѣ понятно. При отсутствіи въ этомъ юномъ краѣ постояннаго и осѣдлаго русскаго населенія присутствіе манзы является абсолютно необходимымъ условіемъ болѣе или менѣе сноснаго существованія европейца. Безъ него онъ сидѣлъ-бы здѣсь безъ пищи, питья и топлива и нуждался-бы въ самыхъ существенныхъ и элементарно-необходимыхъ предметахъ человѣческаго общежитія.

Безъ манзы европейскому колонисту нельзя здѣсь шагу ступить.

Нужно ли вамъ строить домъ или вскопать огородъ, имѣете-ли вы нужду въ прислугѣ, мясѣ и овощахъ, имѣете-ли вы надобность въ чернорабочемъ, ремесленникѣ, подрядчикѣ,—за всѣмъ этимъ вы должны обращаться къ манзѣ: онъ и прислуга („бой"—по мѣстной терминологіи), онъ и ремесленникъ, и огородникъ, и мясоторговецъ, и факторъ, коммиссіонеръ, подрядчикъ, лавочникъ, земледѣлецъ, пахарь,—словомъ, все, что угодно. Всѣ сферы труда и мѣстной промышленности находятся почти исключительно въ его рукахъ.

А, между тѣмъ, еще не такъ давно, до покоренія края русскими, онъ совсѣмъ не зналъ осѣдлаго манзовскаго населенія.

Въ глубинѣ непроходимой тайги, въ ущельяхъ горъ, по которымъ не ступала нога европейца, въ плодородныхъ долинахъ, скрытыхъ отъ глазъ путешественника-изслѣдователя, можно было встрѣтить тогда лишь бродячаго манзу-охотника, угрюмаго искателя драгоцѣннаго для китайцевъ жень-шеня и лишь крайне рѣдко—уединенную временную фанзу китайскаго піонера-земледѣльца, схоронившуюся въ таинственной и неприступной тайгѣ.

Извѣстный архимандритъ Палладій, одинъ изъ первыхъ изслѣдователей нашей далекой окраины, утверждаетъ, что таковы, именно, и были тѣ манзы, которыхъ русскіе застали здѣсь послѣ Пекинскаго договора. Это были исключительно бродячіе промышленники и охотники, шедшіе сюда, въ этотъ „Золотой край", вслѣдствіе обнищанія и въ надеждѣ на скорое обогащеніе, вслѣдствіе домашнихъ несогласій или невозможности прокормить свои многочисленныя семейства, по неохотѣ къ труду или во избѣжаніе преслѣдованій со стороны суровыхъ и жестокихъ китайскихъ судовъ.

Нужда и голодъ, драконовскіе законы, бамбукъ и колъ,—вотъ что гнало выходцевъ изъ Китая въ этотъ безлюдный край, гдѣ они могли быть въ полной безопасности отъ китайскихъ и маньчжурскихъ властей,—вотъ что заставляло ихъ бродить по уссурійской тайгѣ, обильной и дичью для прокормленія, и пушными звѣрями, шкуры которыхъ находили хорошій сбытъ на ихъ непривѣтливой родинѣ, и драгоцѣннымъ корнемъ жень-шень, этой, по китайскому убѣжденію, панацеей отъ всѣхъ золъ и болѣзней. Но все это были только бродяги или бѣглецы, безсемейные, одинокіе манзы, никогда не порывавшіе связей со своей родиной и никогда не заводившіе осѣдлости въ краѣ. Сами манзы долгое время называли себя не этимъ именемъ, а именемъ „*пао-туй-цзы*" или „*пао-ту-рди*", что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ—бѣгуны и бродяги.

Маньчжуры, въ обладаніи коихъ находился тогда весь этотъ край, имѣли, правда, обыкновеніе выселять китайскихъ крестьянъ цѣлыми семействами въ отдаленныя свои владѣнія для воздѣлыванія полей въ „кай-хуанъ", но они не примѣняли этой мѣры къ Уссурійскому краю и оставили его безплоднымъ, пустыннымъ, исключительно какъ страну для указанныхъ промысловъ. Это была большая политическая ошибка со стороны недальновидныхъ маньчжуровъ, и манзы до сихъ поръ не могутъ простить имъ того, что они не позволяли имъ учреждать правильныхъ земледѣльческихъ колоній въ Южно-Уссурійскомъ краѣ.

Въ Пекинѣ также не разъ возникали проекты заселенія Уссурійскаго края китайскими землепашцами, и, какъ сообщаетъ тотъ-же изслѣдователь, сюда посылали даже чиновника для осмотра и выбора удобныхъ для земледѣлія мѣстностей, но по настояніямъ и проискамъ тѣхъ-же маньчжурскихъ властей, опасавшихся усиленія китайскаго элемента на крайнихъ предѣлахъ отчизны маньчжуровъ, мудрые проекты китайскаго правительства оказались безуспѣшными, и край, который такъ легко могъ быть китайскимъ,—сдѣлался русскимъ.

Такимъ образомъ, манзы никогда не были коренными обитателями края; мало того, имѣя полную возможность безраздѣльно царить въ немъ, они даже не потрудились фактически проявить здѣсь свое господство. Манзы поняли впослѣдствіи свою ошибку, но уже было слишкомъ поздно для того, чтобы это сознаніе могло повлечь за собой другіе результаты, кромѣ поздняго раскаянія и чувства горечи при воспоминаніи о своихъ непростительныхъ промахахъ...

Какъ бы то ни было, но со времени заключенія Пекинскаго договора, по которому къ намъ отошелъ весь Уссурійскій край,—для него открывается новая эра, и самый составъ манзовскаго населенія начинаетъ въ немъ измѣняться.

Съ водвореніемъ русскаго вліянія въ краѣ и установленіемъ прочной государственной власти въ немъ, прежнія одинокія фанзы бродячихъ и бѣглыхъ манзъ начали все болѣе и болѣе отодвигаться въ дебри и чащи непроходимой тайги, подальше отъ русскихъ людей и ихъ поселеній. Съ этого времени начинается иммиграція ихъ болѣе мирныхъ соотечественниковъ изъ пограничныхъ областей недвижнаго Китая.

Эта иммиграція усиливалась съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, чему способствовала, съ одной стороны, крайняя нищета и бѣдность, господствующая въ Китаѣ, съ другой—потребность въ рабочихъ рукахъ во вновь пріобрѣтенномъ русскимъ правительствомъ

краѣ. Иммиграція манзъ достигла своего апогея въ послѣдніе годы, когда въ виду неожиданно усилившихся требованій на рабочія руки, вызванныхъ сооруженіемъ уссурійской желѣзной дороги, къ намъ начало пріѣзжать ежегодно до двѣнадцати тысячъ китайцевъ!..

Иммиграція китайцевъ была въ началѣ встрѣчена почти сочувственно русскими властями. Въ то время край былъ почти еще совсѣмъ не заселенъ русскими; кое-гдѣ лишь на территоріи Уссурійской окраины одиноко стояли отдѣленные другъ отъ друга обширными, часто совершенно не изслѣдованными пространствами военные посты и урочища. Самый Владивостокъ, какъ извѣстно уже читателямъ, былъ тогда еще запущеннымъ, неблагоустроеннымъ портомъ. Главный, да и единственный почти контингентъ русскаго населенія представлялся тогда небольшой горстью военныхъ, моряковъ и чиновниковъ, разсѣянныхъ къ тому-же по всей обширной территоріи ново-присоединеннаго края. Край тогда еще ничего не производилъ, а только потреблялъ. Но и тѣмъ скуднымъ потребностямъ, которыми отличались первые колонисты, удовлетворять было чрезвычайно трудно. Край былъ отдѣленъ отъ метрополіи десятками тысячъ верстъ, и подвозъ продуктовъ изъ Европейской Россіи былъ, конечно, до невѣроятности затрудненъ, не говоря уже о томъ, что онъ чрезвычайно удорожалъ стоимость ввозимыхъ продуктовъ.

Тогда то мирные манзы, хлынувшіе сюда изъ пограничныхъ китайскихъ провинцій, оказались болѣе, чѣмъ необходимыми. Съ ихъ появленіемъ начала возникать и оживляться торговля, возникли ремесла, начало зарождаться земледѣліе, появилось огородничество, стало возможно при все усиливавшейся потребности въ рабочихъ рукахъ, которой уже не могли удовлетворять скромныя силы солдатъ и матросовъ, возведеніе построекъ и разныхъ сооруженій,—короче говоря, стало возможно жить въ краѣ и хоть до нѣкоторой степени пользоваться необходимыми въ домашнемъ обиходѣ вещами и предметами первой необходимости.

Мелкіе торговцы, промышленники, ремесленники, рабочіе, земледѣльцы, явившіеся тогда въ этотъ край, были вполнѣ желаннымъ элементомъ: русская колонизація тогда еще не начиналась.

Благодаря сложившимся, такимъ образомъ, условіямъ, манзы въ какихъ нибудь десять—пятнадцать лѣтъ достигли блестящихъ успѣховъ: мало-по-малу, шагъ за шагомъ, исподволь, постепенно захватывали они въ свои голодныя, цѣпкія руки всю торговлю, промышленность и всѣ производства въ краѣ. Быть можетъ, сами не пред-

видя того, они сдѣлались необходимымъ, можно сказать, органически необходимымъ элементомъ культурной жизни молодаго края.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Экономическая зависимость окраины отъ манзъ становилась все крѣпче, прочнѣй и неразрывнѣй. Манзы пускали все болѣе и болѣе глубокіе корни въ уссурійскую почву, наживали здѣсь иногда большія состоянія на всѣхъ поприщахъ труда и промышленности, пріобрѣтали земли, дома и какъ-бы совсѣмъ слились съ нашей окраиной. Но въ то-же время они на минуту не порывали связей со своей родиной и не только юридически (оставаясь подданными китайскаго богдыхана), но и фактически продолжали оставаться чуждымъ ему элементомъ, не предвѣщавшимъ притомъ, съ извѣстной точки зрѣнія, ничего хорошаго краю: отличаясь безпримѣрнымъ гдѣ бы то ни было минимумомъ потребностей, они оставляли въ краѣ ничтожныя крохи нажитыхъ ими здѣсь состояній, но главную массу денегъ увозили на родину, такъ что они пропадали совершенно безслѣдно для нашего отечества.

Это обстоятельство было однимъ изъ главныхъ соображеній, заставившихъ очень скоро смотрѣть почти враждебно на этотъ въ сущности далеко не безполезный элементъ, оставлявшій взамѣнъ увозимаго имъ безвозвратно на родину золота, солидный и цѣнный эквивалентъ въ видѣ своего труда, остававшагося въ краѣ и шедшаго ему безусловно на пользу.

Вскорѣ присоединились и другія, — неблагопріятныя для манзъ обстоятельства. Въ 1883 году былъ окончательно рѣшенъ вопросъ о морской колонизаціи края русскими поселенцами. Манзъ уже успѣли нѣсколько узнать за это время, а также успѣли убѣдиться въ томъ, что конкурренція съ ними почти невозможна: потребности ихъ чрезвычайно скромны, они довольствуются чрезвычайно малымъ, имъ почти ничего не нужно. Тамъ, гдѣ русскій, нѣмецъ и т. д. нищенствовалъ бы и влачилъ бы самое плачевное существованіе, манза—безразлично: въ торговлѣ, ремеслѣ, черной работѣ—умудряется почти благоденствовать. Еще-бы! Много-ли нужно человѣку, который у себя на родинѣ почитаетъ за счастье питаться дохлыми мышами и крысами!...

Возникло опасеніе, что успѣхъ русской колонизаціи можно считать почти проиграннымъ, если оставить при прежнихъ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ этихъ удивительныхъ по своей выносливости, малотребовательности и трудоспособности людей. Это опасеніе вылилось въ очень скоромъ времени въ цѣлый рядъ административныхъ

мѣръ, которыми, начиная съ 1885 года, начали понемногу, но упорно и настойчиво вытѣснять манзъ изъ внутреннихъ областей края, гдѣ сосѣдство ихъ признавалось крайне опаснымъ для будущихъ новоселовъ—переселенцевъ. Численность манзовскаго населенія начала падать и значительно сокращаться. Европейцы, оказавшіеся, въ виду опредѣленно измѣнившагося взгляда высшей краевой администраціи, въ болѣе благопріятномъ юридическомъ положеніи, начали уже предвидѣть близкую побѣду надъ представителями „желтой расы"...

И дѣйствительно, борьба „желтой расы" съ кавказской, при измѣнившихся условіяхъ, стала уже неравной: объемъ правъ первой группы, все еще являвшейся (являющейся и по настоящее время) необходимымъ элементомъ культурной жизни молодой окраины, все болѣе и болѣе сокращался. Манзы теряли права одно за другимъ: сначала право на пріобрѣтеніе земли, затѣмъ право на пріобрѣтеніе и постройку собственныхъ жилищъ въ городахъ и поселеніяхъ края, и т. д. Побѣда европейцевъ надъ манзами была уже почти обезпечена: однакоже, не совсѣмъ, и призракъ „поглощенія края желтой расой" не перестаетъ и понынѣ пугать воображеніе господствующихъ классовъ населенія.

Дѣло въ томъ, что объемъ правъ манзъ сокращался и сокращается ровно на столько, чтобы сдѣлать ихъ существованіе возможнымъ, потому что безъ нихъ все же еще нельзя обойтись и теперь, какъ нельзя было обойтись раньше. И манзы теряютъ преимущества въ краѣ не сразу, а по мѣрѣ усиленія успѣховъ русской колонизаціи въ немъ. Такимъ образомъ, первый день окончательнаго заселенія края европейцами будетъ, вѣроятно, послѣднимъ днемъ пребыванія въ немъ осѣдлаго манзы...

Всякій другой, кромѣ манзы, едва-ли счелъ бы для себя возможнымъ пребываніе въ такомъ краѣ, въ которомъ онъ почти не пользуется никакими преимуществами, и ушелъ-бы куда-нибудь, хотя бы къ себѣ на родину. Но не нужно забывать, что тамъ его ждетъ голодная смерть, а здѣсь онъ, все-таки, имѣетъ нужную ему горсть риса... Много-ли, въ самомъ дѣлѣ, манзѣ нужно?..

— Циво манза нузи?—сказалъ мнѣ однажды мой пріятель Ю-енлинъ:—мало-мало „буда", „сяо-ми-дзу", кули́... Шибко холосо.—И онъ даже зажмурилъ глаза отъ удовольствія, рѣшительно не умѣя себѣ представить, чего же еще, собственно говоря, манзѣ „нузи"?

— А мясо?

— Ма́сё?—удивленно спросилъ онъ меня и даже покачалъ неодо-

брительно головой.—Ма́сё?—повторилъ онъ еще разъ.—Его пливикъ нѣту,—убѣжденно проговорилъ онъ и даже перевелъ разговоръ на другую тему, видимо, рѣшительно не понимая, какъ могу я задавать ему такіе наивные вопросы...

Политика восьмидесятыхъ годовъ начала, однако-же, оказывать свое дѣйствіе, и, начиная съ 1885 года, численность осѣдлаго манзовскаго населенія внутри края начала сильно падать и замѣтно сокращаться. Центромъ манзовскаго населенія становился, мало-по-малу, Владивостокъ, гдѣ сосредоточивалась главнѣйшая часть его, главнымъ образомъ, въ качествѣ уже временныхъ лѣтнихъ рабочихъ.

Прошло около пяти лѣтъ. Надъ краемъ, еще недавно полузабытымъ, отдаленнымъ, загорѣлась новая звѣзда. Въ началѣ девяностыхъ годовъ приступлено было къ сооруженію уссурійскаго участка великой сибирской желѣзной дороги, но еще раньше приступлено было къ сооруженію владивостокскаго дока. Жизнь окраины сразу вступила въ новую фазу. Потребовались тысячи рабочихъ, которыхъ въ краѣ не было. Вполнѣ естественно, что иммиграція изъ Китая чрезвычайно усилилась. Вѣсть о потребности въ рабочихъ рукахъ распространились далеко за предѣлы Уссурійскаго края, и изъ пограничныхъ областей Небесной Имперіи къ намъ посыпались толпы голодныхъ людей, привлекаемыхъ слухами о хорошо оплачиваемой и обильной работѣ въ этой „золотой", по ихъ мнѣнію, странѣ. Иммиграція усиливалась такъ сильно, особенно изъ провинціи Шань-дунь, и численность манзъ такъ возрастала, что, уже спустя какихъ-нибудь три года, ежегодный приливъ манзъ во Владивостокъ превзошелъ десять тысячъ душъ въ теченіи одного навигаціоннаго періода!

Наплывъ манзъ достигъ своего апогея въ третій годъ моего пребыванія въ краѣ, когда каждый пароходъ, приходившій къ намъ изъ сосѣднихъ китайскихъ портовъ (главнымъ образомъ, изъ Чифу), привозилъ сотни и тысячи манзъ.

Но это были уже не прежніе вольные бродяги и смѣлые охотники, пробиравшіеся въ край дремучей тайгой. Это были также не тѣ манзы, которые въ первыя времена заселенія края прибывали сюда съ мечтами о богатствѣ. Теперешнія полчища манзъ ѣхали сюда не за богатствомъ: они искали здѣсь насущнаго хлѣба. Это были изгои своей родины, не нашедшіе тамъ примѣненія для своихъ силъ.

Я видѣлъ эти толпы китайцевъ во Владивостокѣ неоднократно. Оборванные, полуголодные, изможденные, худые, съ глубокими впадинами вмѣсто глазъ,—они возбуждали въ зрителяхъ глубокое къ себѣ

состраданіе. Цѣлые дни по пріѣздѣ, не смотря ни на какую погоду, они проводили подъ открытымъ небомъ; по цѣлымъ днямъ они сидѣли голодные, не имѣя горсти риса во рту.

Ихъ пріѣхало въ этотъ годъ слишкомъ много, гораздо больше того количества, которое было потребно краю и которое могли въ себѣ вмѣстить владивостокскія фанзы; цѣнность манзовскаго труда понизилась сразу больше, чѣмъ втрое (съ 1 р. въ день до 30 к.), и все-таки многіе изъ нихъ не имѣли работы. И поплелись эти голодные люди въ пограничный городъ Хунь-Чунь, въ Маньчжурію и другія пограничныя китайскія провинціи въ поискахъ за работой и рисомъ.

Многіе манзы, однако-же, остались временно въ краѣ. Контингентъ ссыльно-поселенцевъ, каторжныхъ и военныхъ былъ слишкомъ недостаточенъ для того, чтобы удовлетворить сразу и быстро назрѣвшей потребности въ рабочихъ рукахъ. Да и нынѣ еще манза въ качествѣ чернорабочаго является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ дѣлѣ развитія края. И, нужно полагать, не скоро еще русская колонизація достигнетъ такихъ успѣховъ, чтобы мы могли имѣть здѣсь достаточное количество русскихъ рабочихъ, не нуждаться въ манзѣ и не быть въ зависимоти отъ этого пришлаго, случайнаго, чуждаго элемента, — элемента, притомъ, инаго общественнаго строя, иной культуры, иныхъ понятій.

Въ послѣдніе уже годы, именно три года назадъ, въ видахъ борьбы съ все возрастающей иммиграціей манзовскихъ рабочихь въ край, сдѣлана была первая попытка положить начало созданію прочнаго кадра русскихъ рабочихъ.

Въ январѣ 1893 года военный министръ разрѣшилъ нижнимъ чинамъ, изъ подлежавшихъ увольненію въ запасъ весной этого года и пожелавшихъ остаться въ предѣлахъ Приамурскаго округа для прісканія себѣ частныхъ работъ и занятій, сохранить за собой право отправленія на родину на казенный счетъ въ теченіи одного года. На основаніи этого разрѣшенія, какъ видно изъ приказа Приамурскаго генералъ-губернатора г.-л. Духовскаго, изъ всѣхъ частей войскъ округа временно осталось въ томъ году свыше четырехсотъ человѣкъ на разныхъ должностяхъ и частныхъ занятіяхъ, работахъ на Уссурійской желѣзной дорогѣ и въ другихъ мѣстахъ.

При объѣздѣ въ томъ-же году желѣзнодорожной линіи, генералъ-губернаторъ „убѣдился, что мѣру эту весьма полезно и желательно развить и продолжить на будущіе годы". Въ виду этого въ томъ-же году испрошено было Высочайшее повелѣніе продлить ее и дозво-

лить нижнимъ чинамъ оставаться на временномъ жительствѣ съ правомъ возвращенія иа родину на казенный счетъ въ теченіи трехъ лѣтъ по увольненіи въ запасъ. Эта же льгота, и въ той же мѣрѣ, распространена была въ скоромъ времени и на нижнихъ чиновъ морскаго вѣдомства.

Такимъ образомъ, этими мѣрами, являющимися, къ слову сказать, первымъ шагомъ въ этомъ направленіи, имѣется, очевидно, въ виду, по выраженію одного изъ мѣстныхъ органовъ печати, „активными мѣрами покровительства и содѣйствія поставить мѣстный колонизаціонный вопросъ на новую почву и облегчить борьбу русскаго рабочаго съ противодѣйствующими ему вліяніями наплыва въ край китайцевъ и при конкурренціи въ области ручнаго труда".

Прежняя система борьбы съ манзовскимъ элементомъ и со все возрастающей иммиграціей его, выражавшаяся лишь въ мѣрахъ, сдерживавшихъ распространеніе китайскаго элемента по странѣ и предоставлявшихъ конкурренцію русскаго и китайскаго труда ея собственному теченію, повидимому, оставлена и замѣнена системой прямаго покровительства первому.

Сторонники этой системы видятъ въ ней прочный залогъ къ достиженію грядущаго господства русскаго элемента надъ китайскимъ на нашей окраинѣ, разсчитывая и, быть можетъ, какъ тому уже были примѣры, не безъ основанія, что остающіеся на изложенныхъ основаніяхъ нижніе чины будутъ съ каждымъ годомъ „выдѣлять изъ себя извѣстный процентъ въ населеніе". Вѣроятно, это такъ и будетъ, такъ какъ работы въ краѣ еще на долгое время не занимать стать, и рабочія руки здѣсь еще очень и очень дороги.

Возникаетъ, однако-же, большое сомнѣніе, и этого не скрываютъ отъ себя сторонники этой системы, оправдаютъ-ли *оставшіеся уже* добровольно въ краѣ солдаты и матросы тѣ, именно, надежды, которыя на нихъ возлагаются; другими словами, останутся-ли они здѣсь въ качествѣ рабочихъ или же уйдутъ въ другія профессіи, гораздо лучше оплачивающіяся и гораздо болѣе прибыльныя, т.-е. въ ремесленники, земледѣльцы, огородники, городскую прислугу, мелкіе торговцы и т. д. Опасаются, что это будетъ именно такъ, и что принятая высшей администраціей мѣра будетъ имѣть только временный характеръ, до тѣхъ поръ, пока въ виду спѣшныхъ и грандіозныхъ сооруженій потребность въ рабочихъ рукахъ чрезвычайно велика, и разъ сооруженія эти будутъ закончены и спросъ на рабочія руки будетъ пониженъ, цѣны на трудъ упадутъ,—нижніе чины не останутся

въ числѣ рабочихъ, и край по прежнему будетъ всецѣло пользоваться трудомъ манзъ.

Рѣшить вопросъ иначе, путемъ воспрещенія манзовской иммиграціи, невозможно, такъ какъ рабочихъ требуются тысячи, а нижнихъ чиновъ остаются сотни, и это значило-бы поставить населеніе въ невозможность производить работы.

Манза.

Есть еще и другая сторона вопроса. Манза, какъ уже извѣстно читателямъ, отличается необычайной дешевизной, конкуррировать съ нимъ въ этомъ отношеніи не представляется никакой возможности; русскому рабочему, тому-же нижнему чину, нѣтъ ничего привлекательнаго въ такой конкурренціи. И въ этомъ одна изъ главныхъ причинъ, по которой изложенное рѣшеніе вопроса считается не достигающимъ цѣли. Всякій, кто жилъ въ краѣ, знаетъ, что сами же русскіе хозяева въ дѣлѣ выбора рабочихъ всегда отдаютъ предпочтеніе манзѣ, съ дешевизной котораго ничто сравниться не можетъ. Благодаря этому, является болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что край еще очень долго, „быть можетъ, всегда“ будетъ въ области труда всецѣло жить жизнью китайца и зависимостью отъ него.

— Правда,—говорятъ обыватели,—продуктивность труда манзы гораздо ниже производительности труда русскаго рабочаго: больно сла-

босиленъ ужъ онъ. Манза сработаетъ за день 40 и даже 50% того, что сдѣлаетъ русскiй, — но за то онъ отличается тремя неоцѣненными достоинствами, которыя заставляютъ забывать объ этомъ, коренномъ недостаткѣ его: манза трезвъ, не знаетъ праздниковъ, слѣдовательно работаетъ изо дня въ день и, наконецъ, покоренъ и нетребователенъ.

— Но, вѣдь, вы теряете почти половину работы на манзѣ; другими словами, вы за ту работу, за которую слѣдуетъ платить, скажемъ, одинъ рубль, въ дѣйствительности платите уже два, такъ какъ манза вмѣсто одного дня тратитъ на нее два.

— Вашъ разсчетъ ариѳметически вѣренъ и правиленъ, — улыбаются въ отвѣтъ на это хозяева, — но, въ дѣйствительности, онъ совершенно не соотвѣтствуетъ тому, что оказывается на дѣлѣ. На самомъ же дѣлѣ, работа манзы обходится намъ не только въ рубль, но въ половину его. И вотъ почему: во-первыхъ, при условiи мѣсячной, годовой и сроковой работы русскiй въ благопрiятномъ уже случаѣ работаетъ у насъ 26 дней (обыкновенно меньше — 24: 2 дня уходятъ на прочiе праздники, кромѣ воскресенiй), манза — 30. Итакъ, уже на этомъ пунктѣ мы имѣемъ почти шесть дней въ свою пользу. Прокормленiе русскаго стоитъ намъ, скажемъ, 30 коп. въ день, мы кормимъ его 30 дней, а работаетъ онъ 24; манза — и всего-то съѣстъ у насъ на пятакъ („много-ли, въ самомъ дѣлѣ, ему нужно!"). Вотъ и опять экономiя. Засимъ... засимъ... вотъ что, и это самое главное. Русскiй по здѣшнимъ мѣстамъ меньше 25—30 рублей въ мѣсяцъ или однаго рубля въ день у насъ не возьметъ. Охота ему: любое ремесло, торговля, огородничество, земледѣлiе и проч., отъ чего манзы все болѣе и болѣе оттѣсняются, дастъ ему больше. Ну, а манза, — что ему остается здѣсь дѣлать, разъ его занесло въ нашъ край, какъ не оставаться исключительно чернорабочимъ. Да, вѣдь, его-то, этого самаго манзы, не мало: тысячи идутъ къ намъ, и сами между собой развиваютъ такую конкурренцiю, что, вотъ, нынѣшнимъ лѣтомъ мы, напримѣръ, по тридцати копѣекъ нанимали ихъ, и то съ охотой идутъ: только бери. А, вѣдь, еще въ пришломъ году ему цѣна была 1 руб., самое меньшее 80 к. въ день... Такъ-то... Однимъ только и непрiятенъ манза — медлителенъ уже больно онъ, курить любитъ, — скорой работы и не жди отъ него. За то ужъ сработаетъ на славу: точно, аккуратно, чисто. Какой-то вкусъ къ работѣ есть у него, чистота отдѣлки у него образцовая.

Въ томъ, что у манзы есть, дѣйствительно, какой-то особенный „вкусъ къ работѣ", столь цѣнимый мѣстными хозяевами (принципiаль-

ными, нужно замѣтить, противниками манзовскаго элемента), мнѣ пришлось вскорѣ убѣдиться нагляднымъ образомъ. Мнѣ довелось, помню, посѣтить производившіяся невдалекѣ отъ Владивостока работы по сооруженію большаго каменнаго моста. Я попалъ сюда въ самый разгаръ работы. Повсюду близь моста и по всей неширокой лощинкѣ виднѣлись обнаженныя, голыя сипны манзъ, сидѣвшихъ верхомъ на большихъ камняхъ и усердно колотившихъ по нимъ небольшими молотками: они готовили камень для „облицовки“ моста. Неподалеку отъ нихъ работали русскіе рабочіе. Огромная разница въ пріемахъ работы и въ самомъ характерѣ ея бросилась мнѣ въ глаза уже при первомъ взглядѣ на тѣхъ и другихъ. Тамъ—рослый, коренастый, мускулистый народъ. Здѣсь—тщедушныя, сухопарыя, тощія, узкогрудыя подобія мужчинъ съ косами, туго скрученными на затылкѣ. Тамъ—сильные, могучіе, ловкіе, увѣренные и свободные взмахи молотомъ; удары за ударами раздаются по твердому камню,—только искры летятъ, да щебень сыпится во всѣ стороны. Здѣсь—какъ будто робкіе, неувѣренные, медленные, слабые удары; кажется, будто это взрослыя дѣти, играющія въ работу. По сравненію съ своими сосѣдями манзы буквально кажутся гномами, копошащимися въ грудѣ камней.

Однако-же, при ближайшемъ наблюденіи, сравненіе, какъ это ни странно на первый взглядъ, оказалось не въ пользу ихъ европейскихъ сосѣдей.

Манзы, правда, сработали мало, гораздо меньше своихъ сосѣдей, но за то все, что они сдѣлали, безусловно шло въ постройку. Ихъ удары были какъ будто лѣнивы, безсильны, они словно еле касались камней, но за то они почти ни одного изъ нихъ не испортили. Они работали словно нехотя, но зато облицовка вышла, по выраженію десятника,—„божественная“. Тамъ, у ихъ сосѣдей, наоборотъ. Что ни взмахъ, — любо смотрѣть, что ни ударъ,—хоть возьми и рисуй; но за то, вмѣсто того, чтобы обтесать камень, у него часто скосятъ весь уголъ въ сторону. Да и самая облицовка—„дѣло тонкое, нѣжное“—значительно проигрывала сравнительно съ работой ихъ длиннокосыхъ конкуррентовъ. Такъ и видно, что работалъ человѣкъ здоровый и сильный и что ему трудно было справиться съ этой силой своей.

— Негожи они для этой кропотливой работы,—съ сокрушеніемъ проговорилъ сопровождавшій меня десятникъ.—Только одинъ манза и способенъ на такую неблагодарную работу. Онъ по цѣлымъ часамъ безъустанно будетъ возиться съ однимъ камнемъ, бить полегоньку, помаленьку въ одно и то же мѣсто, но за то на линію не ошибется.

— Нѣтъ, намъ съ ими равняться не модель... Гдѣ-жъ тутъ!.. Вишь, онъ-то! цѣльный день сидитъ надъ имъ. надъ камнемъ... Тьфу! Невтерпежъ и смотрѣть на такую работу. — вмѣшался въ нашъ разговоръ рослый рабочій.

Слушая десятника и рабочаго, видя этихъ копошащихся манзъ, я невольно вспомнилъ характеристику китайца, сдѣланную уже лѣтъ тридцать назадъ путешественникомъ Максимовымъ, но, тѣмъ не менѣе, по моему мнѣнію, весьма правильно освѣщающую характерныя черты этого страннаго племени, проявляющіяся даже въ мелочахъ.

„Оттого Китай и недвиженъ, что, создавши когда-то большія дѣла,—онъ, не изобрѣтая новыхъ, весь ушелъ въ мелкую, дробную разработку готоваго, въ щепетильную отдѣлку подробностей уже созданнаго,—говоритъ С. В. Максимовъ.—Онъ не пишетъ широкой и смѣлой кистью картинъ, а лѣпитъ сотни фигуръ на такомъ клочкѣ, на которомъ европейскій художникъ затруднится написать свое имя. Онъ не создаетъ пластическихъ красотъ изъ мрамора и гранита, а нарубаетъ на камняхъ такіе дробные виды, что только европейскаго изобрѣтенія микроскопомъ можно разглядѣть ихъ и понять всю безобразную терпѣливость этого южнаго народа съ горячей кровью, съ тропической жгучестью страстей по природному нраву. Не знаешь. чему дивиться тутъ:—необъятной дешевизнѣ времени у этого живаго народа, безполезной жизни его, которая оцѣнивается такимъ дешевымъ, ненужнымъ, ни къ чему непригоднымъ трудомъ, или тому избытку населенія въ государствѣ, для силъ котораго оно въ состояніи дозволять такіе кривые, непроизводительные выходы?!..“

Между тѣмъ, по какому-то странному, необъяснимому противорѣчію эта чрезмѣрная кропотливость уживается на ряду съ какой-то непостижимою, классической лѣнью, по справедливости названной китайской.

Я пробылъ на работахъ часа три, не болѣе, и въ этотъ короткій промежутокъ времени я видѣлъ, какъ каждый изъ манзъ разовъ по шести и болѣе пріостанавливалъ свою работу для куренья. Противъ этого, пожалуй, ничего бы и имѣть нельзя было, если-бъ этотъ процессъ совершался во время самой работы. Но въ томъ-то и дѣло, что манза приступалъ къ своей „ганзѣ“, какъ къ какому-то священнодѣйствію. Онъ медленно откладывалъ молотомъ въ сторону, не торопясь набивалъ „ганзу“ мелко-искрошеннымъ табакомъ, комфортабельно усаживался на корточки, зажигалъ трубку и минутъ по пяти задумчиво и меланхолично тянулъ изъ нея синеватый дымокъ, не об-

ращая никакого вниманія на все окружающее, „словно камень въ это время самъ безъ него тешется“,—какъ говорилъ огорченный десятникъ.

— Эй ты, манза, чего сталъ? —крикнетъ онъ ему.

Манза, не торопясь, выколотитъ трубку о туфлю, сплюнетъ и совершенно равнодушно отвѣтитъ:

— Моя мало - мало кули!

И затѣмъ также медленно, словно нехотя, поднимается на ноги, вновь беретъ молотокъ въ руки и вновь съ сосредоточеннымъ видомъ принимается за свою работу крота.

И какъ-то все они дѣлаютъ лѣниво и словно нехотя. Такъ-же медленно, лѣниво шли они во время перерыва къ баракамъ обѣдать. Ни громкаго слова, ни шутки, ни смѣха, ни быстраго движенія. Меланхолично потупивъ свои полубритыя головы, медленно плелись они, полуобнаженные, мимо меня, не пророняя ни звука, не подымая глазъ,—видимо, мысли ихъ витали гдѣ то далеко отъ земли, отъ работы, отъ всего окружающаго.

Когда они проходили мимо меня гуськомъ по двое-по трое, то мнѣ еще больше, чѣмъ раньше, бросилась въ глаза худоба ихъ полубронзовыхъ тѣлъ. Какіе они всѣ чахлые, тщедушные, изможденные, истощенные, точно высохшіе. Не избаловала ихъ родина, да и вообще жизнь не балуетъ ихъ. Въ этомъ я убѣдился еще больше, когда полюбопытствовалъ присутствовать при ихъ обѣдѣ, который имъ разносилъ тутъ же въ маленькихъ китайскихъ чашкахъ одинъ сѣденькій, маленькій манза.

Едва-ли, впрочемъ, можно было назвать обѣдомъ то, что имъ подано было подъ этимъ названіемъ: немножко риса и какой-то травки, много черемши,—вотъ, кажется, и все. И эти рабочіе люди были вполнѣ удовлетворены такой пищей. Да, впрочемъ, на родинѣ они и къ такой не привыкли. Удивительно-ли, что манза, en masse, такъ слабосиленъ, тщедушенъ и что производительность его труда, какъ и уровень его потребностей, не выдерживаютъ сравненія ни съ одной націей въ мірѣ! Я и раньше слышалъ о нетребовательности китайца, но, всетаки, зрѣлище этого манзовскаго „обѣда“ не могло не поразить меня.

Какъ-бы предупреждая готовый уже слетѣть съ моихъ устъ вопросъ, манза-подрядчикъ, съ порядочнымъ брюшкомъ и полушелковой курмой на плечахъ, все время вертѣвшійся около меня (это былъ импрессаріо этихъ тощихъ людей), съ улыбкой превосходства и не безъ ироніи проговорилъ, указывая мнѣ на подвластныхъ ему китайцевъ.

— Его много не нузи... Его—Китай совсѣмъ кусай пливикъ нѣту,— съострилъ онъ затѣмъ.

Этотъ толстый, веселый и упитанный рядчикъ-китаецъ, пожалуй, очень недалекъ отъ истины. Этимъ бѣднымъ „кули". подонкамъ китайскаго общества, не сладко живется у себя дома. Какъ выражается С. В. Максимовъ, „ни одно захолустье въ мірѣ не представляетъ такихъ возмутительныхъ картинъ народнаго несчастія и страданій", какъ необъятная имперія сына неба.

Тамъ приходится иногда наблюдать непривычному зрителю потрясающія по своему драматизму картины и сцены изъ жизни этихъ злополучныхъ кули.

Помню, это было въ Шанхаѣ, который я посѣтилъ годъ спустя, на пути изъ Японіи въ Индію.

Мнѣ нужно было съѣздить на одинъ изъ стоявшихъ на рейдѣ кораблей. Не заставъ на пристани катера, я усѣлся въ одну изъ многочисленныхъ шлюбокъ, качавшихся тутъ же у берега на мутныхъ и грязныхъ волнахъ Янъ-тсе-кіанга. Усѣвшись въ нее, я увидѣлъ, что я въ ней не одинъ: на носовой части небольшой шлюбки копошилось около пяти маленькихъ китайчатъ. Оказалось, что это были дѣти владѣлицы шлюбки, пожилой и сморщенной китаянки, приводившей въ движеніе наше утлое судно. Ея мужъ ушелъ изъ Шанхая далеко на заработки, и она до его прихода прокармливала свою семью тѣмъ, что перевозила на этой шлюбкѣ пассажировъ съ берега на суда. Китайчата, хлопотавшіе около огня, разведеннаго въ носовой части шлюбки, были ея дѣти.

Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что китаянка, не имѣя на кого оставить дома дѣтей безъ присмотра, брала ихъ съ собой на шлюбку. Но какъ же я былъ пораженъ, когда изъ дальнѣйшихъ разсказовъ ея узналъ, что у нея вовсе нѣтъ никакого дома, что все ея имущество заключается въ этой шлюбкѣ, въ которой я ѣду, и въ томъ, что въ ней заключается; что ни она, ни ея дѣти не знаютъ никакого другого крова, кромѣ этой заплатанной, грязной холщевой будки, въ которой я сейчасъ сижу, защищающей ее и всю ея семью и отъ холодныхъ осеннихъ вѣтровъ, и отъ дождей, и отъ жгучаго шанхайскаго солнца.

Это казалось мнѣ совсѣмъ невѣроятнымъ, но что сказали бы вы, читатели, когда бы въ довершеніе ко всему тому, что я уже выслушалъ отъ нея, вы узнали бы, что у нея не только нѣтъ никакого дома, но что у нея, у ея мужа, отца, дѣда и прадѣда — *никогда его и не*

было; что на этой самой шлюбкѣ, въ которой я ѣхалъ, нѣсколько поколѣній рождалось, жило и умирало; что ея дѣти также никогда не будутъ имѣть никакого крова, кромѣ этой самой шлюбки; что, наконецъ, всѣ эти сотни, тысячи и десятки тысячъ джонокъ, покрывающихъ Янъ-тсе-кіангъ безконечнымъ лѣсомъ мачтъ, въ жизни ихъ обладателей играли, играютъ и будутъ играть такуюже роль, какую въ жизни моей китаянки играетъ ея шлюбка!...

Нужно было, однако-же, видѣть эту китаянку! Она сообщала мнѣ эти потрясающія подробности съ самымъ спокойнымъ видомъ: ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на ея лицѣ, какъ будто рѣчь шла о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Я ожидалъ слышать отъ нея проклятія, крики негодованія и злобы и не встрѣтилъ ничего, кромѣ тупаго равнодушія: *она уже не понимала никакого другого существованія*... Можетъ-ли что-либо быть ужаснѣе, именно, этого!

Подавленный, уничтоженный, пристыженный сидѣлъ я въ глубинѣ шлюбки и уже больше не задавалъ ей никакихъ вопросовъ.

Въ это время — ѣхать было еще далеко — семья моей китаянки (быть можетъ, это было жена одного изъ этихъ кули, который теперь тешетъ камни на нашей окраинѣ) приступила къ обѣду... Мои ноздри пріятно защекоталъ запахъ мясной пищи.

Они ѣдятъ мясо! — мелькнуло у меня въ головѣ: — значитъ, еще не все такъ плохо!

Я облегченно вздохнулъ и высунулся изъ своей покрышки навстрѣчу соблазнительному аромату.

Но не прошло и мгновенія, какъ я, какъ безумный, кинулся назадъ: на только-что снятомъ съ огня кускѣ стараго заржавленнаго желѣза, игравшемъ роль сковороды, лежала зажареная крыса... Боюсь, я серьезно опасаюсь, читатели, что она была дохлая...

Вотъ что я видѣлъ въ Шанхаѣ.

Однако-же, возвратимся на нашу окраину.

Попадая въ Уссурійскай край, артели или, вѣрнѣе, толпы этихъ вѣчно полуголодныхъ людей весьма часто оказываются въ положеніи человѣка, попавшаго, какъ говорится, изъ огня да въ полымя.

Не зная ни слова по-русски, не имѣя никакого представленія объ условіяхъ жизни и труда въ краѣ, временно пріютившемъ ихъ, они находятся въ полной зависимости отъ взявшаго ихъ подъ свое покровительство (чаще всего — выписавшаго ихъ, привезшаго ихъ на свой

страхъ и рискъ) китайца же рядчика, уже успѣвшаго оріентироваться здѣсь, являющагося для нихъ и хозяиномъ, и посредникомъ между ними и работодателемъ, и переводчикомъ.

На почвѣ этого незнакомства манзъ съ краемъ и господствующимъ языкомъ здѣсь возникъ, между прочимъ, особый классъ людей, занимающихъ странное общественное положеніе „переводчика". Это — обыкновенно манзы же, успѣвшіе пожить нѣсколько времени въ краѣ, успѣвшіе изучить нѣсколько разговорныхъ фразъ и на этой шаткой почвѣ строющіе все свое благополучіе. Темная и невѣжественная масса полунищихъ кули вѣритъ въ своего „пиливоцика" (переводчика), какъ въ Бога, и всецѣло ввѣряетъ свою судьбу этому во многихъ отношеніяхъ сомнительному представителю. Другого исхода у нихъ, впрочемъ, нѣтъ, такъ какъ при абсолютномъ незнакомствѣ съ господствующимъ языкомъ они лишены всякой возможности входить въ непосредственныя сношенія съ работодателями.

Незнаніе языка и условій мѣстной жизни прочной стѣной отдѣляетъ несчастныхъ кули отъ всего окружающаго ихъ новаго міра, и, такъ или иначе, закрѣпощаетъ ихъ во власти своего рядчика или переводчика, безъ котораго они, дѣйствительно, шагу не могутъ ступить.

Тайна ихъ взаимныхъ отношеній остается для многихъ неизвѣстной. По многимъ признакамъ, однако-же, можно судить, что положеніе кули не сладко и что они едва ли не находятся въ полной кабалѣ у своихъ наиболѣе счастливыхъ соплеменниковъ.

Трудно, конечно, сомнѣваться въ томъ, чтобы описанное положеніе вещей не открывало широкаго простора самой беззастѣнчивой эксплоатаціи этихъ несчастныхъ ихъ болѣе изворотливыми соплеменниками. По крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно, что, исключая, конечно, манзъ-рядчиковъ и переводчиковъ, подавляющее большинство манзъ-рабочихъ послѣ цѣлаго лѣта упорной работы уходятъ къ себѣ, на свою негостепріимную родину, еще болѣе нищими, чѣмъ пришли сюда.

Пользуясь своимъ положеніемъ и тѣми преимуществами, которыя даетъ имъ ихъ сомнительное знаніе русскаго языка и связи съ работодателями, рядчики-манзы всегда держатъ подвластныя имъ артели въ черномъ тѣлѣ, и въ то время, какъ среди рядчиковъ и переводчиковъ есть даже милліонеры, каковъ, напримѣръ, извѣстный въ Приморской области китаецъ Ти-фон-тай,—въ это самое время манза-рабочій живетъ впроголодь, еле перебиваясь съ „риса на воду".

Часто случается, однако, что даже долготерпѣніе этихъ длиннокосыхъ философовъ (а его у нихъ не мало) лопается. Это бываетъ

или тогда, когда ихъ изворотливый соплеменникъ слишкомъ уже откровенно и беззастѣнчиво эксплоатируетъ ихъ или же тогда (что также нерѣдко случается), когда самъ рядчикъ подвергается эксплоатаціи со стороны болѣе ловкаго предпринимателя-европейца, и ему, дѣйствительно, нечѣмъ кормить своей голодной оравы.

Расправа въ этомъ случаѣ бываетъ короткая.

Манзы, не внимая никакимъ резонамъ и не слушая никакихъ объясненій и оправданій виновнаго, подвергаютъ его (если ему не удалось хитростью скрыться отъ доведенныхъ до послѣдней степени недовольства или отчаянія манзъ) своеобразному наказанію, кончающемуся иногда весьма трагически.

Исчерпавъ всѣ словесные доводы и убѣжденія, рабочіе начинаютъ „понемногу вѣшать" виновнаго соотечественника. Ему надѣваютъ петлю на шею и вѣшаютъ на такомъ разстояніи отъ земли и съ такимъ разсчетомъ, чтобы концы носковъ его туфель еле касались ея...

Манза въ зимней одеждѣ.

Неестественно вытянувшись и силясь не потерять точки опоры, виситъ несчастный до тѣхъ поръ, пока не удовлетворитъ требованій разсвирѣпѣвшихъ манзъ. Въ противномъ случаѣ, ему грозитъ медленная, мучительная смерть...

Это называется по-китайски — „немножко повѣсить" человѣка, „мало-мало чики-чики дѣлай"....

Положеніе кули у мелкихъ рядчиковъ и переводчиковъ должно быть, однако-же, гораздо тяжелѣе, чѣмъ положеніе ихъ у крупныхъ китайцевъ-рядчиковъ,—тяжелѣе уже потому, между прочимъ, что въ силу малосостоятельности самихъ рядчиковъ и переводчиковъ, преимуществомъ которыхъ служитъ, строго говоря, не состоятельность ихъ, а обладаніе двумя такими сомнительными данными, какъ имѣніе знакомыхъ въ средѣ обывателей и „знаніе" русскаго языка, они обыкновенно соединяются группами и образуютъ компаніи для пріисканія труда подчиненнымъ имъ артелямъ соединенными усиліями. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ, артелямъ кули приходится работать и на рядчика, и на его компаньоновъ и на переводчика. А слу-

чись безработица, — всѣ отъ нихъ отступаются, и имъ ничего не остается, какъ или уйти на родину, либо добиться улучшенія своего положенія отъ рядчиковъ, компаньоновъ, переводчиковъ съ помощью извѣстнаго уже читателямъ самосуда.

Какъ ни заманчива, однако, для манзы перспектива сдѣлаться рядчикомъ или переводчикомъ, однако, онъ не скрываетъ отъ себя и того, что розы на этомъ пути весьма часто имѣютъ очень колючіе шипы.

Нужна съ его стороны большая изворотливость, ловкость, наметанность, опытность, лукавство для того, чтобы ему самому, въ концѣ концовъ, не очутиться въ положеніи кули. Не нужно упускать изъ вида, что благодаря условіямъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, положеніе рядчика, переводчика и прочихъ привиллегированныхъ манзъ въ краѣ зачастую напоминаетъ положеніе человѣка, идущаго по непрочно натянутому канату. Имъ зачастую приходится лавировать между двухъ огней, между Сциллой и Харибдой, о которыя въ каждый данный моментъ можетъ не только разбиться въ дребезги утлый челнъ ихъ благополучія, но и грозитъ опасность иногда потерять самое драгоцѣнное изъ благъ человѣка—жизнь.

Съ одной стороны, переводчику приходится бороться съ наличностью неблагопріятно сложившейся для него окраинной обстановки, съ другой—онъ долженъ ни на минуту не забывать о грозящемъ ему со стороны кули „маломъ повѣшеніи“.

Но дѣло въ томъ, что помимо общихъ неблагопріятныхъ для него условій есть и спеціальныя, дѣлающія зачастую его занятіе весьма шаткимъ. Однимъ изъ главныхъ и здѣсь является незнаніе имъ языка, дающаго просторъ для всякихъ недоразумѣній, уже въ силу самаго характера которыхъ онъ оказывается въ невыгодномъ положеніи.

Тѣ немногочисленныя слова, которыя онъ знаетъ, вся та невообразимая смѣсь изуродованныхъ русско-китайско-маньчжурскихъ словъ, на которой онъ основываетъ свое благополучіе, создаетъ ему, конечно, огромное преимущество и значеніе въ глазахъ кули, но въ отношеніи европейца эти преимущества отпадаютъ, и онъ оказывается въ такомъ же положеніи, какъ и кули по отношенію къ нему самому. Правда, наученный опытомъ и изъ прирожденной осторожности всякія сдѣлки онъ большей частью оформливаетъ на бумагѣ и получаетъ въ удостовѣреніе документъ—„пиши-пиши“, какъ выражаются манзы — и въ силу и значеніе этого „пиши-пиши“ онъ вѣритъ болѣе, чѣмъ въ самого себя. Мнѣ приходилось, однакоже, видѣть иногда такія „пиши-пиши“, на которыхъ, вмѣсто предполагаемыхъ условій поставки дровъ, было

каллиграфическимъ почеркомъ изображено: „О ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь, человѣкъ!“... Остроумный контрагентъ позаботился, конечно, о томъ, чтобы его нельзя было обвинить въ плагіатѣ, такъ какъ на „пиши-пиши“ ясно значилась подпись: Г. Р. Державинъ... Въ другой разъ, въ роли того-же „пиши-пиши“ фигурировала росписка мѣстной почтовой конторы въ отправкѣ телеграммы, на которой не менѣе остроумный контрагентъ, для приданія ей, конечно, большаго значенія въ глазахъ манзы, наклеилъ погашенную гербовую марку, которой, къ слову сказать, манза слѣпо вѣритъ.

Понятно, манза-рядчикъ или переводчикъ въ этомъ случаѣ не особенно щадитъ подвластныхъ ему кули и старается наверстать на нихъ то (не доводя, по возможности, дѣла до самосуда), что онъ теряетъ на поэтическихъ упражненіяхъ своего европейскаго контрагента. При случаѣ, онъ не прочь, конечно, возмѣстить свои потери на другомъ европейцѣ, совершенно неповинномъ въ подобныхъ юмористическихъ опытахъ, и изрядно таки эксплоатируетъ его.

Орудіемъ и средствомъ эксплоатаціи являются, конечно, какъ и вездѣ на свѣтѣ, и обманъ, и хитрость, и лукавство. Едва-ли, однако, какъ многіе это дѣлаютъ, можно считать всѣ эти качества національными чертами характера китайца. И мнѣ, да и многимъ другимъ, которые жили въ Уссурійскомъ краѣ и входили въ непосредственныя столкновенія съ китайцами, извѣстно, что на-ряду съ этимъ китайцы отличаются поразительной вѣрностью своему слову. Тотъ-же китаецъ, который обманетъ васъ на вѣсѣ, обмѣритъ васъ и т. д.,—будучи долженъ вамъ на слово, безъ росписки и документа, никогда не обманетъ вашего довѣрія и всегда сдержитъ свое слово. Это послѣднее обстоятельство подтверждается, между прочимъ, и слѣдующимъ замѣчательнымъ фактомъ, который не могъ не поразить меня. Такъ, изъ всего количества исковъ, возбуждаемыхъ въ мѣстныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, едва-ли не девять десятыхъ предъявляется манзами къ прочимъ обывателямъ и, быть можетъ, только одна десятая исковъ предъявляется къ манзамъ.

Выводъ отсюда ясенъ: въ девяти случаяхъ изъ десяти обиженной и, слѣдовательно, страдательной стороной являются манзы, а не прочіе обыватели. Весьма распространенное мнѣніе о „манзовской эксплоатаціи“, манзовскомъ коварствѣ и недобросовѣстности грѣшитъ, такимъ образомъ, явнымъ преувеличеніемъ.

V.

«Русско-китайскій» діалектъ.

Оригинальный способъ бесѣды.—Что такое русско-китайскій языкъ?—Его своеобразныя и отличительныя особенности.—Китайскій законъ.—Сколько у «боха» «приказчиковъ»?—Мѣры къ изученію китайскаго языка. — Трудности его.—Китайскіе гіероглифы.—Поразительное явленіе.—«Ето компанія».—Симпатичный обычай.—Pium desiderium кули.—Трогательная привязанность.

Едва-ли можно представить себѣ что-либо болѣе оригинальное и комичное, чѣмъ зрѣлище, на которое наталкивается здѣсь туристъ на каждомъ шагу,—зрѣлище взаимнаго собесѣдованія между представителями кавказской и желтой рассы. На лицахъ обоихъ собесѣдниковъ читаешь въ такіе моменты самое крайнее напряженіе: жилы на лбу наливаются кровью, руки продѣлываютъ самые разнообразные жесты, и въ то-же время изъ ихъ устъ вылетаютъ такія странныя выраженія, слова и обороты, объясненіе которымъ затруднился бы дать самый ученый, опытный и свѣдущій лингвистъ.

Выразительная, энергичная жестикуляція, нечленораздѣльные звуки,—все пускается въ ходъ собесѣдниками для вящшаго взаимнаго пониманія, и, однако-же, всѣ эти героическія усилія далеко не всегда приводятъ къ желанной цѣли: такъ труденъ тотъ языкъ или, вѣрнѣе, жаргонъ, который служитъ здѣсь для обмѣна мыслей между представителями обѣихъ рассъ.

Объ этомъ языкѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ, какъ въ виду несомнѣннаго интереса, который онъ можетъ представить для спеціалиста по сравнительному языкознанію, такъ и особенно въ виду того, что языкъ этотъ (вѣрнѣе, эта, какъ выражается одинъ путешествен-

никъ, „уродливая смѣсь словъ двухъ чуждыхъ другъ другу языковъ, въ который изъ того и другого вошли они въ такомъ взъерошенномъ и встрепанномъ видѣ, что ни образа, ни подобія“) не только является оффиціальнымъ языкомъ въ нашихъ сношеніяхъ съ китайцами, но является даже обязательнымъ для китайцевъ, желающихъ поддерживать внѣшнія торговыя сношенія съ Россіей. Въ Китаѣ, какъ извѣстно, существуетъ законъ, согласно которому въ сношеніяхъ съ русскими они могутъ говорить только по-русски.

Такъ, только послѣ того, какъ китаецъ, желающій торговать въ Россіи, выдержитъ экзаменъ въ устроенномъ въ одномъ изъ городовъ его родины училищѣ въ знаніи русскаго языка и докажетъ, что онъ умѣетъ изображать выученныя имъ слова китайскими гіероглифами,— онъ получаетъ, по китайскимъ законамъ, дозволеніе торговать съ русскими и паспортъ или билетъ на выѣздъ за предѣлы Китая.

Г. Максимовъ приводитъ даже содержаніе существовавшей въ его время (да, кажется, и теперь) „секретной пекинской инструкціи“, выданной китайскимъ торговцамъ. Въ этой инструкціи, между прочимъ, значится, что „позволеніе торговать дано будетъ купцу тогда только, когда онъ выучится говорить и писать по-русски“. „Подобная мѣра,—читаемъ мы далѣе,—необходима для устраненія возможности русскимъ изучать китайскій языкъ, владѣя которымъ они могутъ проникнуть въ тайны нашей (т. е. китайской) торговли и политики нашего государства“...

Въ этихъ видахъ каждаго изъ нихъ заставляютъ „выдолбить на память всѣ къ ряду и въ разбивку слова изъ длиннаго лексикона“, вывезеннаго китайцами изъ Россіи. Но это, въ сущности, только подобіе членораздѣльной рѣчи и русскаго слова; это, какъ остроумно выразился кто-то, языкъ-то, пожалуй, русскій, „только надѣвшій курму *) китайскую, коническую шляпу и привѣсившій косу; только черемшей отъ него не пахнетъ“.

Понятно само собою, что языкъ этотъ приспособленъ спеціально для цѣлей торгово-промышленныхъ и внѣ сферы торговли и промышленности онъ уже ни на что не годится.

По этому поводу мнѣ вспоминается любопытный разсказъ того-же путешественника.

Понадобилось, говоритъ онъ, одному любознательному человѣку, изумленному великимъ множествомъ бурхановъ, поставленныхъ въ

*) Курма—родъ женской кофты, верхнее одѣяніе китайца.

китайскомъ храмѣ, узнать о числѣ боговъ буддійской миѳологіи. Но какъ ни бился онъ, какіе ни подбиралъ синонимы для облегченія своего вопроса,—не могъ, однако-же, собственными силами добиться удовлетворительнаго отвѣта отъ своего собесѣдника—китайца.

— Сколько у вашего старшаго бога *товарищей?* – спрашивалъ онъ.

Китаецъ хлопалъ глазами.

— Сколько у вашего бога *помощниковъ?*

Китаецъ только вопросительно озирался и переступалъ съ ноги на ногу.

— Сколько у него *пріятелей?*

Китаецъ усердно крутилъ головой, но, все-таки, не понималъ ничего и отвѣта такъ бы и не далъ, несмотря ни на какія ухищренія вопрошавшаго.

Выручилъ находчивый кяхтинецъ, которому надоѣло взаимное томленье.

— Слушай, пріятель!—воскликнулъ онъ.—Скольки вамо у боха *приказчиковъ*?

— Стольки-то!—радостно и охотно отвѣтилъ китаецъ, къ слову сказать, плохо интересующійся, какъ и всѣ буддисты, своей вѣрой, близкой къ самому крайнему атеизму и спутанной и измѣненной множествомъ сектъ и толковъ до безразличія и безобразія.

Возвращаюсь, однако-же, къ языку.

Первое, что поражаетъ въ немъ свѣжаго человѣка,—это отсутствіе буквъ „р“ и „ш“, замѣняемыхъ, по трудности ихъ произношенія китайцами, соотвѣтственными имъ звуками „л“ и „с“, и затѣмъ большое обиліе гласныхъ, что составляетъ отличительное свойство китайскаго языка.

Манза, напримѣръ, никогда не скажетъ: „сортировщикъ“, а непремѣнно: „солытиловцика“. Окончаніе „а“, особенно въ именительномъ падежѣ,—замѣчательная и неизмѣнная особенность этой, выражаясь научнымъ языкомъ, креольской идіомы, т.-е. этого языка, выродившагося въ особый говоръ въ устахъ китайца.

Любопытно также образованіе глагольныхъ формъ съ помощью вспомогательнаго глагола и замѣна личныхъ мѣстоимѣній притяжательными, причемъ глаголъ почти всегда ставится во второмъ лицѣ единственнаго числа, напримѣръ: „моя ѣди буду“—значитъ: „я поѣду“; „его поѣхала“—онъ поѣхалъ, онъ ѣдетъ (въ прошедшемъ времени причастія, какъ и всѣ прилагательныя, употребляются предпочтительно въ женскомъ родѣ).

Оригинально, между прочимъ, то обстоятельство, что такое именно словообразованіе существуетъ на всемъ трехъ-тысячеверстномъ разстояніи смежной съ нами китайской границы, отъ Владивостока до Кяхты. И тамъ и здѣсь китайцы говорятъ совершенно одинаково, и тамъ и здѣсь на образованіе этой идіомы оказываютъ замѣтное и преобладающее вліяніе свойства китайскаго языка. Для свѣжаго и непривыкшаго еще къ этой рѣчи человѣка она, особенно въ началѣ, совершенно непонятна, особенно въ виду того, что китайцы, какъ и на своемъ родномъ языкѣ, говорятъ чрезвычайно быстро и неопытному слуху чрезвычайно трудно улавливать отдѣльныя слова. На этой-то почвѣ и возникаютъ весьма часто и курьезныя и прискорбныя недоразумѣнія между манзами и русскими, которые, къ слову сказать, въ сношеніяхъ съ китайцами, для удобопонятности, говорятъ также исключительно на этомъ варварскомъ нарѣчіи.

Въ послѣдніе годы, въ виду все усложняющихся и все увеличивающихся сношеній нашихъ съ нашими ближайшими сосѣдями, на азіатскомъ Востокѣ возникъ уже вопросъ о настоятельной необходимости изученія китайскаго (а также и японскаго) языка русскими, такъ какъ въ настоящее время удовлетворяться описанной идіомой не представляется уже ни основанія, ни возможности. Оно и понятно. Приамурскій край, на всемъ своемъ протяженіи, непосредственно граничитъ съ Кореей, Маньчжуріей и Монголіей. Связи его съ этимъ азіатскимъ Востокомъ даже до сихъ поръ были значительно шире, нежели это обыкновенно формулировалось. Голодъ въ пограничныхъ районахъ Кореи нагоняетъ къ намъ большую массу рабочихъ и переселенцевъ. Туда же обращается Южно-Уссурійскій край за покупкою убойнаго скота, а, въ свою очередь, почти вплоть до Гензана (портъ Лазарева), высылаетъ чрезъ Владивостокъ значительную долю своихъ привозныхъ товаровъ. Такъ-же значительны, какъ вѣрно замѣчаетъ одна изъ мѣстныхъ газетъ, торговыя связи съ маньчжурскимъ Хуньчуномъ и Нингутою, состоящія преимущественно въ обмѣнѣ привозныхъ товаровъ на рогатый скотъ. Манзы-китайцы въ Южно-Уссурійскомъ краѣ все еще продолжаютъ оставаться единственною рабочею силою, которая за плату возвела почти всѣ частныя и казенныя сооруженія, провела дороги, пока не было солдатъ, а теперь роетъ докъ и ведетъ полотно желѣзнодорожной линіи. Китайскіе купцы, торговцы и скупщики пушнины разсѣяны по всей границѣ... Владивостокъ еще и теперь кормится почти исключительно манзами, а было время—и не далѣе 15 лѣтъ назадъ—когда китайскіе и корейскіе земледѣльцы являлись

здѣсь единственными поставщиками мѣстнаго хлѣба. Безъ нихъ въ первое двадцатилѣтіе немыслима была бы никакая осѣдлость; безъ нихъ невозможно было пріобрѣсти строительные матеріалы, передвинуть водою грузы и пробраться по лѣснымъ тропинкамъ... Съ другой стороны, китайская колонизація все гуще скопляется вдоль маньчжурской границы со стороны Хунь-чуня, Нингуты, Сансина и Айхуна, наполняя жизнью бывшіе пустыри... Такимъ образомъ, отношенія наши съ Китаемъ съ каждымъ годомъ все больше и больше усложняются и, въ извѣстныхъ случаяхъ, могутъ принимать весьма острыя формы,—тѣмъ болѣе опасныя, когда причины, ихъ вызывающія, остаются невыясненными, благодаря взаимному непониманію.

По послѣднимъ извѣстіямъ, въ указанномъ направленіи уже сдѣланъ одинъ крупный шагъ со стороны нашего министерства народнаго просвѣщенія. Года полтора тому назадъ министерствомъ народнаго просвѣщенія рѣшено открыть при владивостокской гимназіи спеціальный классъ китайскаго языка, такъ какъ, по мнѣнію спеціалистовъ, только при гимназіи можетъ идти успѣшное изученіе его.

Курсъ ученія будетъ продолжаться три года, въ теченіи которыхъ ученики обязаны будутъ изучать китайскій языкъ теоретически и практически, чтобы окончившіе курсъ этого класса вполнѣ обладали достаточнымъ знаніемъ какъ разговорнаго языка, такъ и въ особенности письменнаго.

Не такъ же давно телеграфъ принесъ извѣстіе о предположеніи открыть во Владивостокѣ высшее учебное заведеніе этого рода,—институтъ восточныхъ языковъ, существующій нынѣ, какъ извѣстно, только въ Петербургѣ.

Въ то время, какъ я пишу эти строки, столичныя газеты уже сообщаютъ, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія на-дняхъ происходили совѣщанія по вопросу о преобразованіи владивостокской мужской гимназіи въ институтъ или лицей восточныхъ языковъ. Мысль объ учрежденіи отдѣльнаго института, такимъ образомъ, оставлена. По предварительномъ разрѣшеніи вопроса въ утвердительномъ смыслѣ, сообщаютъ далѣе газеты, участвовавшему въ совѣщаніяхъ профессору петербургскаго университета, А. М. Позднѣеву, поручено составить нѣкоторые учебники для проектированнаго учебнаго заведенія и, между прочимъ, историческій очеркъ торговыхъ сношеній Россіи съ Востокомъ, административное устройство и географію Востока.

Будущимъ питомцамъ этого института предстоитъ не легкое дѣло. Не говоря уже о письмѣ,—самый разговорный китайскій языкъ изу-

чить не легко. Съ трудностями его едва-ли что можетъ сравниться. Китайскій языкъ имѣетъ, правда, не болѣе 450 звуковъ или корней, которые при извѣстномъ усердіи можно выучить даже въ теченіи одного мѣсяца, и трудность его заключается вовсе не въ этомъ, а въ томъ, что китайцы, имѣя въ основаніи своего языка только это сравнительно небольшое число корней, — всѣ остальныя слова и понятія выражаютъ съ помощью различныхъ комбинацій и *интонацій*. И такихъ понятій насчитывается отъ сорока до пятидесяти тысячъ!...

Вы можете, напримѣръ, совершенно правильно произнести китайское слово, и все-таки, васъ ни одинъ китаецъ не пойметъ, или пойметъ весьма часто совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ вы этого желали-бы. Для того, чтобы васъ поняли, необходимо, чтобы вы, произнося какое-нибудь слово, произносили его извѣстнымъ образомъ: одно и то же слово, одинаковымъ образомъ изображенное, въ зависимости отъ такого или иного произношенія, пріобрѣтаетъ самыя разнообразныя значенія. И нужно, конечно, такъ искусно обладать знаніемъ тонкостей китайскаго языка и, говоря на немъ, такъ умѣло разнообразить интонацію своей рѣчи, чтобы вашъ собесѣдникъ могъ опредѣлить безъ труда, какое, именно, значеніе въ различныхъ случаяхъ нужно придавать одному и тому же звуку. Только при этихъ условіяхъ, т.-е., другими словами, только при условіи знанія китайскаго языка въ совершенствѣ, вы не рискуете быть непонятымъ китайцемъ.

Китайское слово „sin“ имѣетъ, напримѣръ, слѣдующія значенія: „честный, быть честнымъ, поступать честно, честность“. Измѣняя интонацію или мѣсто слова въ предложеніи, китаецъ умѣетъ показать, какое, именно, изъ всѣхъ этихъ значеній нужно придать слову. Повидимому, это достигается чрезвычайно умѣлымъ повышеніемъ и пониженіемъ тона. Еще болѣе любопытный примѣръ представляетъ собой слово „tschou“. Оно обозначаетъ: „болтливость“, „корабль“, „пылающій“, „пухъ“ и „тазъ“!... *).

Трудности китайскаго языка этимъ однимъ не исчерпываются. Самое словообразованіе производится на немъ не тѣми путями, какими производимъ его мы. Въ подтвержденіе можно привести слѣдующій примѣръ: звукъ „tsz“ значитъ по-китайски—„сынъ“; прибавляя этотъ звукъ къ названію какого-нибудь предмета, вы тѣмъ самымъ даете знать, что желаете указать на его малую величину. Такимъ образомъ,

---

*) Липпертъ. Исторія культуры.

китайское слово, соотвѣтствующее русскому слову „ножъ", въ точномъ переводѣ значитъ, собственно говоря:—„мечъ-сынъ".

Тамъ же находимъ мы указаніе на то, къ какому вѣрному, но, въ сущности, крайне неудобному способу прибѣгаетъ китаецъ для выраженія родовыхъ понятій. Желая, положимъ, сказать слово „добродѣтель". китаецъ называетъ цѣлый рядъ добродѣтелей: „tschun, hyan, tsyei", т.-е.: „вѣрноподданническая преданность, почитаніе родителей, умѣренность, справедливость". Другими словами, китаецъ въ этомъ случаѣ называетъ по порядку всѣ предметы. которые подходятъ подъ одно родовое понятіе.

Далѣе, чтобы выразить нѣкоторыя понятія, онъ долженъ изобразить, какъ *происходитъ* то, что онъ хочетъ назвать; напримѣръ. понятіе „бесѣдовать" китаецъ можетъ выразить только слѣдующей фразой: „ni men wo ta", т.-е. „ты спрашивать, я—отвѣчать".

Липпертъ даетъ вполнѣ вѣрную и не лишенную остроумія характеристику китайскаго языка. „Китайская рѣчь,—говоритъ онъ,—похожа на картину, богатую фигурами, которыя всѣ изображены на одинаковомъ удаленіи отъ зрителя, безъ соблюденія перспективы. съ одинаковымъ освѣщеніемъ и одинаковою тщательностью отдѣлки. Смотрящему на такую картину ничто не облегчаетъ пониманіе ея; онъ долженъ всматриваться въ каждую фигуру по порядку для того, чтобы мало-по-малу понять смыслъ изображаемаго".

Какъ ни трудно, однако-же, научиться говорить по китайски, но научиться читать и писать на этомъ языкѣ еще труднѣе, такъ какъ китайскія писанныя и печатныя буквы состоятъ изъ огромнаго числа сложныхъ гіероглифовъ въ видѣ зигзагообразныхъ хвостовъ, крючковъ, клещей, треугольниковъ и т. п. Этихъ гіероглифовъ насчитывается до 20.000 (говорятъ даже, что число ихъ достигаетъ невѣроятной цифры—100.000!), и, само собою разумѣется, они доступны по своей сложности, запутанности и трудности лишь весьма ученымъ лингвистамъ, всю жизнь корпящимъ надъ ихъ изученіемъ. Обыкновенному-же смертному, не желающему или не имѣющему возможности посвятить этому серьезному и упорному труду рядъ долгихъ лѣтъ, приходится ограничиваться лишь тѣми пятью—шестью тысячами знаковъ, которыя находятся во всеобщемъ употребленіи.

Это, впрочемъ, дѣло также не изъ легкихъ уже потому, что въ силу особенностей китайской азбуки вы не можете узнать гіероглифа до тѣхъ поръ, пока не услышите его звука.

И какъ-же я былъ пораженъ, когда, находясь однажды на мѣстѣ

расположенія китайскихъ рабочихъ командъ на линіи строющейся желѣзной дороги и случайно заглянувъ въ одну изъ фанзъ, я увидѣлъ тамъ нѣсколько простыхъ „кули", сидящихъ на корточкахъ и выводящихъ своими заскорузлыми, казалось, потерявшими всякую способность сгибаться пальцами замысловатые гіероглифы. Разводя тушь прямо на ладони руки и, кажется. даже слюной, они, все-таки, умудрялись толстой кисточкой проводить довольно тонкіе и прямые штрихи на длинныхъ полоскахъ цвѣтной бумаги.

— Вы что это дѣлаете?—изумился я.

— Мало-мало „пиши-пиши" бабушка, капитана! — ухмыльнулся одинъ.

Оказалось, что это они собрались писать письма своимъ женамъ. Мало того, изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что большинство этихъ кули, болѣе или менѣе, грамотны и почти всѣ умѣютъ подписывать свою фамилію.

Франтоватый-же рядчикъ оказался прямо виртуозомъ въ этомъ отношеніи, и это особенно удивило меня, потому что я зналъ, что изображеніе отдѣльныхъ гіероглифовъ часто отличается одно отъ другого едва уловимыми чертами и штрихами, требуетъ особенной ловкости, сноровки и навыка въ пользованіи кисточкой, чего, конечно, нельзя было ожидать отъ загрубѣвшихъ въ черной работѣ рукъ манзы, которыми, думалось мнѣ, вилами—и то въ пору писать.

Рядчикъ обманулъ, тѣмъ не менѣе, всѣ мои ожиданія. Приготовивши равномѣрный и по возможности безъ сгустковъ растворъ туши, для чего онъ воспользоваться мраморной дощечкой, укрѣпленной на особой подставкѣ (отъ одного ея края къ другому она имѣла небольшой уклонъ, чуть замѣтный, что способствовало естественному стоку излишней воды и равномѣрности остающагося на правой половинѣ раствора), онъ обмакнулъ въ нее кисточку, засучилъ рукава курмы и принялся писать. Въ какія-нибудь десять минутъ онъ написалъ (зѣрнѣе, начертилъ,—иначе нельзя назвать процессъ изображенія гіероглифовъ) три длинныхъ столбца на своемъ родномъ языкѣ, и когда онъ поднесъ мнѣ въ даръ этотъ литературной опытъ, то я не могъ въ достаточной степени надивиться его ловкости и аккуратности, тонкости штриховъ и ясности письма,—тѣмъ болѣе изумительнымъ качествамъ, что я имѣлъ передъ собой не записнаго писаря, а простаго рядчика, выбившагося только недавно изъ среды тѣхъ-же кули.

Глядя на эту своеобразную рукопись, я просто диву давался: нашему брату-европейцу едва-ли даже послѣ многихъ усилій и пред-

варительныхъ приготовленій удастся перерисовать съ должной точностью то, что изобразилъ мнѣ рядчикъ въ какія-нибудь десять минутъ.

Пользуюсь, кстати, случаемъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ трогательномъ манзовскомъ обычаѣ, съ которымъ я здѣсь впервые познакомился и который идетъ въ разрѣзъ со всѣми ходячими представленіями объ этомъ племени. Дѣло въ слѣдующемъ.

Когда я уже собрался уѣзжать съ работъ, то, проходя мимо только что оставленныхъ манзами-рабочими бараковъ, увидѣлъ въ каждомъ изъ нихъ довольно много манзъ, растянувшихся на грубыхъ цыновкахъ и безпечно потягивавшихъ свои неизмѣнныя ганзы. Ихъ было здѣсь чуть не столько-же, сколько раньше и послѣ я видѣлъ на работахъ, и это не мало удивило меня, такъ какъ всѣ они были, повидимому, совершенно здоровы, въ работѣ недостатка не было, и ихъ прогулъ являлся совершенно для меня необъяснимымъ.

— Что это за манзы?—спросилъ я.—Почему они не выходятъ на работы?

— Эти-то?—отвѣтилъ мнѣ десятникъ. — Да они вовсе и не работаютъ у насъ.

— Что-же они тутъ дѣлаютъ?

— Пьютъ, ѣдятъ изъ одного котла съ нашими манзами, курятъ, въ „банку“ *) играютъ.

— И только? Кто-же ихъ кормитъ?

— Да, вотъ, наши-же манзы.

— Странно.

— И мнѣ это казалось страннымъ, да потомъ и удивляться пересталъ, какъ увидалъ, что это не только у насъ, а почти по всей линіи то-же самое... Чудной какой-то народъ эти манзы: работаетъ двѣсти человѣкъ,—кормится триста. И такъ вездѣ. Полагаю, что это не иначе, какъ „хунъ-хузы“.

— Это—разбойники-то?

— Должно быть, они. Пробовалъ было я одинъ разъ погнать ихъ на работы,—продолжалъ словоохотливый десятникъ. — Такъ куда?— съ мѣста не сдвинулъ: только переглянулись между собой, залопотали что-то по своему и опять завалились на цыновки курить свои трубки.... Однако,—спокойный народъ.

Не добившись толку отъ десятника, я обратился къ рядчику,

*) „Банка“, по мѣстной терминологіи, или банкъ—азартная карточная игра, въ которой, какъ читатели увидятъ дальше, китайцы зачастую проигрываютъ все свое достояніе. Игра эта сильно распространена среди манзовскаго населенія нашей окраины.

Манзы за письменными занятіями.

крайне заинтересованный этими людьми, которые „и на работы не выходятъ, а ѣдятъ безперечь цѣлый день“, какъ сказалъ мнѣ слышавшій мой разговоръ съ десятникомъ одинъ русскій рабочій.

— Что это за люди?

— Что?.. ето—„компанія“, се лавно „блата“, товалисци.

— Родственники, значитъ?

— Такъ, такъ, капитана: „блата“.

— Что-жъ они дѣлаютъ тутъ?

— Рисъ кушай... кули... сыпи... *)

— Это-то я и самъ вижу, — невольно улыбнулся я, — а больше ничего?

— Кули шибко много,—пресерьезно отвѣтилъ мнѣ рядчикъ.

— Кто-жъ ихъ кормитъ?

— Моя—колми, его—колми,—указалъ онъ на работавшихъ невдалекѣ манзъ.

— А сами они на работы не выходятъ? — продолжалъ я допытываться.

— Нѣтъ,—его рисъ кушай, кули, сыпи,—опять забормоталъ рядчикъ.

— Да не въ этомъ дѣло... За что-же вы ихъ кормите?

— Какъ-же, ето—„компанія“, се лавно „блата“, товалисци.

Какъ ни бился я съ рядчикомъ, какъ ни пробовалъ ставить свои вопросы,—онъ все твердилъ одно и то-же, что нисколько не разъясняло мнѣ тайны, окружавшей въ моихъ глазахъ этихъ манзъ и что даже заставило меня серьезно усомниться въ искренности словъ рядчика. Ужь не хунъ-хузы-ли это, въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я. Въ этомъ случаѣ присутствіе ихъ здѣсь на такихъ странныхъ началахъ совершенно понятно.

Только значительно позже узналъ я, что рядчикъ говорилъ мнѣ правду, и если я его не понималъ, то виною этому было отчасти то, что мы не могли съ нимъ сговориться и затѣмъ мое малое еще тогда знакомство съ нравами и характеромъ этого племени.

Манзы, заинтересовавшіе меня, вовсе не были хунъ-хузами. Они были такими-же кули, какъ и тѣ, что тесали невдалекѣ отъ нихъ камни. Особенности ихъ положенія заключались лишь въ томъ, что они явились въ край черезъ сухопутную границу и не снабженные необходимыми на этотъ случай паспортами—которыхъ они вовсе не знаютъ

*) То-есть: рисъ кушаютъ, курятъ, спятъ.

на родинѣ—и потому не могли нигдѣ получить работы. Частью въ ихъ средѣ находились и такіе, которые, хотя и имѣли узаконенные виды на жительство, но, по такимъ или инымъ причинамъ, остались безъ работы.

Положеніе тѣхъ и другихъ было-бы весьма печально, если бы у манзъ не существовало симпатичнаго обычая оказывать поддержку своимъ соплеменникамъ и посильную помощь имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они въ ней нуждаются. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и одинъ изъ наиболѣе добросовѣстныхъ изслѣдователей края, архимандритъ Палладій. „Каждый манза, говоритъ онъ, давній-ли житель страны, или вновь прибывшій,—есть гость, для котораго открыты всѣ фанзы, гдѣ онъ можетъ жить и продовольствоваться безмездно цѣлые мѣсяцы. Это гостепріимство, повидимому, нарушающее права личнаго домохозяйства, болѣе рѣзко выдается по мѣрѣ углубленія внутрь страны и считается дѣломъ самымъ обыкновеннымъ“.

Въ подтвержденіе этого, упомянутый изслѣдователь сообщаетъ характерный случай. Когда онъ вступилъ въ Уссурійскій край, то его слуга изъ китайцевъ былъ предметомъ чрезвычайнаго вниманія со стороны манзъ. Повсюду, къ великому его изумленію, принимали его, какъ давно ожидаемаго гостя и предлагали ему даромъ, кто чѣмъ промышлялъ: соболей, рыбьяго клея, древесныхъ грибовъ и даже серебра!.. При этомъ говорили ему. что и онъ, какъ они—*пао-туй-цзы*, т.-е. странникъ и пришлецъ съ далекой родины и, слѣдовательно, родной имъ.

То-же самое приходилось мнѣ позже нерѣдко слышать и отъ лицъ, живущихъ теперь въ краѣ и хорошо изучившихъ манзовскіе обычаи.

И когда я, послѣ этого, при разъѣздахъ по линіи строющейся желѣзной дороги видѣлъ въ фанзахъ толпы бездѣльнаго люда, то уже не возмущался, какъ раньше, ихъ дармоѣдствомъ; напротивъ, видъ этихъ людей внушалъ мнѣ каждый разъ глубокія симпатіи къ тѣмъ бѣднымъ кули, которые своимъ тяжелымъ трудомъ безропотно, безпрекословно и даже съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія питаютъ и поддерживаютъ ихъ въ „минуту жизни трудную“. Полная солидарность, взаимопомощь доходитъ у нихъ просто до невѣроятной степени.

Большинство этихъ „дармоѣдовъ“—безпаспортные. Ихъ положеніе въ краѣ—не изъ завидныхъ, такъ какъ, по существующимъ законоположеніямъ, они не могутъ быть никѣмъ приняты на работу, пока должнымъ образомъ не удостовѣрятъ своей легальности. Нѣкоторые туристы, мимоходомъ заглядывающіе на нашу окраину, высказываютъ

предположеніе, что безпаспортные манзы—почти исключительно люди, имѣющіе счеты съ правосудіемъ. Едва-ли это вѣрно: опытомъ дознано, что люди этого послѣдняго сорта, во избѣжаніе всякихъ столкновеній съ властями, всегда запасаются паспортами на родинѣ и даже не однимъ, а многими за разъ, чтобы въ нужныхъ случаяхъ удобнѣе было доказать свое alibi. Что-же касается этихъ, какъ ихъ обзываютъ, „дармоѣдовъ", то это—просто несчастные люди, возбуждающіе во всякомъ, кто ихъ хоть немного знаетъ, чувство глубокаго къ себѣ состраданія.

Pium desiderium этихъ несчастныхъ, да и всякаго манзы—является возвращеніе на родину. Съ этой мыслью пріѣзжаетъ онъ въ край, съ этой мыслью ложится спать каждый вечеръ, эта мысль не даетъ ему ни на минуту покоя. Возвращеніе на родину—это единственная, главная и исключительная цѣль, для которой онъ работаетъ, трудится и переноситъ всякія невзгоды на чужбинѣ.

При первой же возможности, т.-е. какъ только ему удастся скопить необходимую сумму на проѣздъ и нѣкоторую сумму про запасъ (это послѣднее удается, впрочемъ, немногимъ счастливцамъ: торговцамъ, лавочникамъ, рядчикамъ, переводчикамъ), манзу уже ничто не въ силахъ удержать вдали отъ родины.

Онъ оставляетъ работу, даже безусловно для него выгодную, бросаетъ насиженное мѣсто и отправляется домой съ тѣмъ, чтобы вскорѣ снова вернуться въ Уссурійскій край, гдѣ ему все-же живется лучше, чѣмъ въ Китаѣ.

Есть что-то необыкновенно трогательное въ этой чистой любви къ родинѣ, въ этомъ безусловно безкорыстномъ патріотизмѣ, въ этой чисто собачьей привязанности къ отчизнѣ, сажающей его на колъ и питающей его дохлыми мышами и крысами.

Эту безкорыстную любовь къ родинѣ манза уноситъ съ собой даже въ загробный міръ, въ Нирванну. И нѣтъ для него большаго горя, какъ умереть на чужой землѣ. Если и случится съ нимъ такое несчастье, то его родственники, друзья, товарищи тайкомъ, подъ страхомъ преслѣдованія и суроваго наказанія, разрываютъ его могилу, уносятъ трупъ его на китайскую границу и здѣсь предаютъ его тѣло родной землѣ. Извѣстно, что даже доведенные до послѣдней степени нищеты китайскіе кули эмигрируютъ въ Америку не иначе, какъ подъ условіемъ, что въ случаѣ ихъ смерти, трупы ихъ будутъ перевезены предпринимателями на родину.

VI.

Въ гостяхъ у Ли-хун-чу.

Невозможность сближенія съ манзами.—Причины.—Предвзятые взгляды.—Результаты этого.—Ли-хун-чу.—Мое удивленіе.—Почему меня „самъ царь люби есть“?—Въ гостяхъ у Ли-хун-чу.—Кон-до-шенъ.—Кули.—Неловкое молчаніе.—Бесѣда съ Кон-до-шеномъ.—Чѣмъ пахнетъ русскій?—Китайская трапеза.—Отношеніе манзъ къ „капитану“.—Чѣмъ оно вызвано?—Откровенность моего собесѣдника.—Въ китайской игорной фанзѣ.—Горе Чжэнь-Люнь-Сяня.

Я жилъ уже не одинъ мѣсяцъ въ краѣ и хорошо зналъ, какъ трудно, почти невозможно нашему брату-европейцу проникнуть въ интимную сторону жизни манзъ. Каждый русскій или вообще европеецъ—въ ихъ глазахъ только „капитана“, т.-е. начальникъ. Иначе они на него не смотрятъ, да иначе, пожалуй, они и не могутъ смотрѣть на него. Въ такомъ преобладающемъ взглядѣ китайцевъ на прочихъ обывателей края,—взглядѣ, создающемъ, конечно, пропасть между обѣими рассами и дѣлающемъ совершенно невозможнымъ всякое сближеніе съ китайцемъ, убѣдился, конечно, всякій, кто хоть случайно, мимоходомъ посѣтилъ нашу далекую окраину.

Уже по этимъ жмущимся къ сторонкѣ и предупредительно уступающимъ вамъ дорогу робкимъ фигурамъ вы уже въ первый день по выходѣ на улицы города или поселенія начинаете догадываться о томъ, какое положеніе занимаютъ они на далекомъ Востокѣ, какая глубокая пропасть лежитъ между ними и нами и къ какой розни это должно вести.

— Вы хотите пойдти въ гости къ китайцу?—говорилъ мнѣ однажды одинъ вполнѣ интеллигентный обыватель Владивостока.—Фи! какія странныя идеи приходятъ вамъ въ голову...

Такъ говоритъ, думаетъ и разсуждаетъ большинство обывателей нашей окраины и нужно-ли говорить, къ какимъ результатамъ ведетъ такой преобладающій и въ сущности ни на чемъ, кромѣ рассоваго предразсудка, не основанный взглядъ.

На манзъ да и на всѣхъ прочихъ инородцевъ, не исключая японцевъ, занимающихъ нынѣ едва-ли не первое мѣсто на всемъ азіатскомъ Востокѣ, европеецъ—безразлично: на нашей-ли далекой окраинѣ, въ Индіи, на Малайскомъ архипелагѣ и т. д.—всегда привыкъ смотрѣть, какъ на людей низшей породы. Съ ними не сближаются, у насъ, притомъ-же, ихъ и не изучаютъ и какъ тридцать шесть лѣтъ назадъ, такъ и теперь, когда мы стали уже твердой ногой на Востокѣ, обыватели равно не знаютъ ихъ и равно чужды имъ.

Вполнѣ, конечно, естественно, если на такой почвѣ возникаютъ предразсудки, предубѣжденія и несправедливыя презумпціи. Съ этимъ явленіемъ изслѣдователю приходится считаться на всемъ азіатскомъ Востокѣ. Достойно лишь сожалѣнія, когда такимъ предвзятымъ отношеніемъ къ инородцамъ заражаются подъ-часъ весьма почтенные и выдающіеся умы.

Такъ, подъ несомнѣннымъ, конечно, вліяніемъ господствовавшихъ среди обывателей воззрѣній на манзъ покойный Пржевальскій въ своемъ капитальномъ изслѣдованіи объ Уссурійскомъ краѣ, на основаніи одного лишь извѣстнаго ему факта (мнимаго, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, факта нападенія разбойничьихъ шаекъ на с. Никольское въ 1868 году) высказалъ едва-ли вполнѣ обоснованное мнѣніе, что всѣ манзы вообще одушевлены ненавистью къ русскимъ и едва-ли подаютъ какія-либо отрадныя надежды въ будущемъ, почему мы, по его убѣжденію, и должны всегда смотрѣть на нихъ, какъ на заклятыхъ враговъ.

Понятно, что мнѣніе, высказанное столь категорически такимъ авторитетнымъ лицомъ, какъ покойный знаменитый путешественникъ-изслѣдователь, имѣло рѣшающее значеніе въ манзовскомъ вопросѣ и едва-ли не было одной изъ главныхъ причинъ закрѣпленія такого взгляда въ общественномъ мнѣніи.

Дѣйствительно, вскорѣ (вѣроятно, изъ того-же источника, давшаго обывателю готовую формулировку вопроса) среди обывателей явилось уже непреложное убѣжденіе, что все манзовское населеніе—поголовно „хунъхузы“, никогда не задумывающіеся надъ грабежемъ и убійствомъ. Практическимъ послѣдствіемъ этого было то, что, по свидѣтельству людей, хорошо знакомыхъ съ условіями мѣстной жизни, долгое время не

малое число скрытыхъ преступленій общественное мнѣніе приписывало исключительно манзамъ, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности впослѣдствіи оказывалось, что преступленія эти совершены совсѣмъ другими, напримѣръ, ссыльно-поселенцами, сахалинцами, отбывшими срокъ каторги и т. п.

— Манза!—сказалъ мнѣ однажды одинъ обыватель:—да это сплошной хунъ-хузъ!

Когда я попросилъ его подробнѣе мотивировать свое восклицаніе, то оказалось, что кромѣ приведеннаго выше взгляда Пржевальскаго въ основѣ его убѣжденія ничего не лежало.

Послѣдніе годы отмѣчены нѣкоторымъ поворотомъ въ общественномъ мнѣніи. Тридцать шесть лѣтъ совмѣстной жизни, тридцать шесть лѣтъ совмѣстной дѣятельности на пользу края начинаютъ, наконецъ, оказывать кое-какое дѣйствіе и нужно надѣяться, что, современемъ, отдѣляющая обывателей отъ манзъ непроницаемая броня взаимныхъ предубѣжденій будетъ, наконецъ, пробита, и „манзовскій вопросъ“ получитъ надлежащее освѣщеніе.

Въ это дѣло внесутъ, конечно, не мало свѣта новѣйшія изслѣдованія путешественниковъ, все чаще и чаще заглядывающихъ въ дебри Уссурійскаго края. Можно только пожелать, чтобы эти новѣйшіе изслѣдователи возможно осторожнѣе относились къ показаніямъ обывателей, провѣряли ихъ собственными наблюденіями и подвергали ихъ критическому освѣщенію, не то они впадутъ въ такое-же печальное заблужденіе, въ какое, уже въ наши дни, впалъ одинъ довольно извѣстный путешественникъ, посѣтившій, въ бытность мою въ краѣ, Владивостокъ и вывезшій отсюда, какъ объ этомъ можно судить по его очеркамъ, скороспѣлый, но вполнѣ безповоротный взглядъ на манзъ, исключительно какъ на эксплоататоровъ края. Весьма кратковременное пребываніе его въ краѣ, не давшее ему, конечно, возможности ближе познакомиться съ той незамѣтной, культурной работой на пользу его, въ которой манзы принимали и принимаютъ едва-ли не равное съ другими участіе,—извиняютъ, конечно, недостаточную обоснованность его взгляда. Однако, нельзя не пожелать, чтобы будущіе просвѣщенные изслѣдователи осторожнѣе относились къ своей задачѣ. Тамъ, гдѣ затрагиваются интересы и достоинство цѣлой рассы, тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о преобладающей по количеству и значенію массѣ населенія,—осторожность—это, вѣдь, только небольшая уступка чувству справедливости.

Какъ бы то ни было, но въ силу годами, десятилѣтіями склады-

вавшихся условій, манзовское населеніе все болѣе и болѣе обособлялось, ограждало себя отъ вторженія въ свой внутренній міръ со стороны всякаго изъ посторонних и проникнуть въ него непосвященному,—дѣло въ общемъ, за весьма незначительными исключеніями, въ настоящее время весьма не изъ легкихъ. Нужно заручиться особымъ и притомъ чрезвычайнымъ довѣріемъ манзы для того, чтобы имѣть возможность сблизиться съ нимъ. Въ лучшемъ случаѣ—и то не всегда—васъ примутъ, угостятъ, но полной близости, откровенности, непринужденности не ждите. Какъ бы вы ни старались сгладить разницу вашихъ положеній, какія-бы вы ни прилагали усилія сравнять пропасть, вырытую между вами и манзой, вы постоянно будете чувствовать существованіе какихъ-то таинственныхъ преградъ, отдѣляющихъ васъ другъ отъ друга. Въ этомъ, къ величайшему моему сожалѣнію, мнѣ приходилось всегда убѣждаться. Ясное дѣло, что дѣло взаимнаго пониманія и сближенія, благодаря всему этому, отдаляется все на болѣе и болѣе неопредѣленное время.

Однажды, помню, ко мнѣ явился мой знакомый китаецъ (назовемъ его Ли-хун-чу),—мелкій желѣзнодорожный подрядчикъ или рядчикъ, по мѣстной терминологіи, которому мнѣ приходилось, время отъ времени, оказывать нѣкоторыя услуги въ его сношеніяхъ съ нѣкоторыми мѣстными учрежденіями.

Это обстоятельство вселяло ему, повидимому, большое довѣріе ко мнѣ, выражавшееся, между прочимъ, долгое время не совсѣмъ пріятнымъ для меня образомъ. Онъ, напримѣръ, почти ежедневно по дѣлу, а чаще безо всякаго дѣла, приходилъ ко мнѣ, внося съ собой чрезвычайно тягостный ароматъ черемши, который послѣ того часами карболка, одеколонъ и духи не брали, садился безъ приглашенія на мое кресло, таскалъ грязными пальцами изъ ящика папиросы безъ спроса, бралъ безъ предувѣдомленія чай, сахаръ и прочее, разсматривалъ, вертѣлъ въ рукахъ разбросанныя на письменномъ столѣ вещи и т. д. Единственное, что утѣшало меня, это то, что онъ никогда первый не начиналъ разговора, который я, въ качествѣ любезнаго хозяина, чувствовалъ бы себя обязаннымъ поддерживать. И если онъ заставалъ меня во время занятій, то по цѣлымъ часамъ сидѣлъ, курилъ мои папиросы, пилъ мой чай, но при этомъ ни единымъ звукомъ не нарушалъ упорно хранимаго мною молчанія.

Въ этотъ разъ онъ выглядѣлъ, однако-же, очень торжественно. Коса,—гордость и краса каждаго правовѣрнаго китайца, лоснилась, какъ хорошо вычищенный сапогъ, обильно, не въ примѣръ про-

чимъ днямъ, успащенная какой-то мазью; голова вокругъ макушки была, повидимому, только что выбрита и даже обыкновенно чрезвычайно грязные длинные ногти были, какъ будто, чище, чѣмъ всегда. Самое лицо этого всегда выдержаннаго, безстрастнаго и наружно, по крайней мѣрѣ, ко всему равнодушнаго человѣка носило слѣды несомнѣннаго душевнаго волненія и возбужденія.

Все это заинтересовало меня, и я, оставивъ обычную тактику, просилъ его объяснить мнѣ непонятную въ немъ перемѣну.

Лу-хун-чу только этого и ждалъ и въ торопяхъ, волнуясь и возбужденно сообщилъ, что спорное дѣло его, въ разрѣшеніи котораго я принималъ участіе своими совѣтами и указаніями, разрѣшено, наконецъ, въ его пользу.

— Отлично,—сказалъ я ему,—бѣги обрадовать свою „компанію", а то онъ, вѣроятно, ждетъ не дождется извѣстій.

Вижу, однако, что Ли-хун-чу мнется и, видимо, не рѣшается приступить съ какой-то просьбой.

— Ну, что такое еще? Говори...

Ли-хун-чу заволновался, но все еще не рѣшался сказать мнѣ, въ чемъ дѣло. И только послѣ вторичнаго приглашенія объясниться, мой пріятель разразился потокомъ исковерканныхъ русско-китайскихъ словъ, изъ которыхъ я съ трудомъ могъ разобрать, что онъ и его „компанія" рѣшили отпраздновать благополучный исходъ дѣла и, мало того, рѣшили просить меня „не побрезговать" явиться къ нимъ на пиръ.

— Конечно,—бормоталъ онъ,—твоя—капитана, тебя—самъ царь люби есть (объясненіе этой фразы читатели найдутъ ниже), а моя—бѣдный манза, и тебѣ, капитану, „стидно" „ходи есть" къ манзѣ въ гости. Конечно, все это такъ, и они вовсе не дерзаютъ разсчитывать на мое согласіе, но... все-таки, хоть они и манзы, но они—„хорошіе манзы, „шангавда" манзы. Вчера, дескать, самъ большой капитанъ *) сказалъ; „Ли-хун-чу—хорошій ты манза"... и еще есть у него одинъ знакомый манза, такъ тотъ тоже хорошій. „шибко холоса"...

Много еще всякаго вздора наговорилъ бы мнѣ Ли-хун-чу, если бы я не прервалъ потока его рѣчей заявленіемъ, что приду къ нему въ гости. Нужно было видѣть Ли-хун-чу въ этотъ моментъ. До сихъ поръ робко, униженно, не смѣло бормотавшій (читатели уже зна-

*) «Большой капитанъ»—это губернаторъ, полиціймейстеръ, городской голова, генералъ,—вообще, всякое высокопоставленное лицо.

ютъ, что значить въ глазахъ манзы „капитанъ"!). онъ моментально преобразился; оживленія, возбужденія не осталось и слѣда. Мое согласіе сразу возвысило его въ собственныхъ глазахъ, напомнило ему о забытомъ на минуту чувствѣ собственнаго достоинства и онъ круто перемѣнилъ тему разговора, начавъ чрезвычайно хладнокровно и равнодушно говорить о чемъ-то совершенно постороннемъ.

Все это находитъ себѣ простое объясненіе. Съ момента выраженнаго ему согласія, я, европеецъ, — „капитана"! — уже становился его близкимъ знакомымъ, „пріятелемъ"; разница между нами перестала существовать, и онъ унизилъ бы свое достоинство, если бы продолжалъ теперь придавать мнѣ наружно то значеніе, которое только что сквозило въ его униженныхъ мольбахъ.

Когда же онъ уходилъ отъ меня, то съ самымъ фамильярнымъ видомъ пожалъ мнѣ руку и, право, чуть не похлопалъ меня по плечу на прощанье.

Долженъ, однако, сказать нѣсколько словъ въ поясненіе проскользнувшей у Ли-хун-чу фразы, что меня „самъ царь люби есть". Это убѣжденіе гвоздемъ засѣло въ головѣ Ли-хун-чу съ того момента, какъ въ одно изъ своихъ многочисленныхъ посѣщеній онъ увидѣлъ изображеніе двуглаваго орла на одномъ изъ моихъ личныхъ документовъ, случайно лежавшихъ на столѣ.

Это изображеніе заинтересовало его. Я началъ ему объяснять значеніе его, но оно, видно, было для него недостаточно ясно (да и трудно-таки было объясняться съ нимъ на томъ варварскомъ русско-китайско-маньчжурскомъ нарѣчіи, которое здѣсь въ общемъ ходу); по крайней мѣрѣ, съ этого дня Ли-хун-чу, своебразно понявшій всѣ мои объясненія, вбилъ себѣ въ голову, что меня „конешино самъ царь люби есть", когда „пишать" (печать). „малка" (марка) на моемъ документѣ.

На другой день, передъ заходомъ солнца, я отправился въ гости къ моему пріятелю. Мысль о черемшѣ не давала мнѣ покоя, но я заранѣе твердо рѣшилъ смотрѣть на нее, какъ на неизбѣжное зло и подвергнуться всему тому, что могло меня еще ожидать тамъ. Отмѣнить своего визита я не видѣлъ никакой возможности: это значило бы кровно обидѣть Ли-хун-чу. Въ силу описанныхъ уже выше условій, китайцы, вѣдь, такъ чутки ко всякому оскорбленію. А это совсѣмъ не входило въ мои виды и планы.

Послѣ безконечныхъ блужданій по туземнымъ кварталамъ между покосившимися, почернѣвшими отъ непогоды и времени фанзами,

точно вросшими въ землю, я, наконецъ, достигъ обиталища Ли-хун-чу.

Здѣсь почти все уже было готово къ предстоящему торжеству. На перевернутыхъ днищами вверхъ бочкахъ, застланныхъ сомнительно чистыми циновками, красовались бутылки и кувшины съ сулей и ханшиномъ (китайской водкой), микроскопическія фаянсовыя чашки, наполненныя какими-то совершенно неизвѣстными мнѣ блюдами, на кото-

...Манзы ловко управлялись своими палочками....

рыя я не безъ тайнаго опасенія поглядывалъ, лежали груды лепешекъ изъ риса, замѣняющихъ у манзъ хлѣбъ. Во дворѣ, близь открытыхъ дверей фанзы, до нельзя грязный китаецъ спѣшно готовилъ на открытой жаровнѣ какую-то снѣдь, издававшую рѣзкій запахъ. Отъ времени до времени онъ снималъ грязнымъ пальцемъ съ края котла, въ которомъ она шипѣла и жарилась, пѣнку, подносилъ ко рту, пробовалъ и съ неодобрительной миной отряхивалъ остатки обратно въ котелъ.

Фанза была полна гостей. Они чинно сидѣли на нарахъ (фанза Ли-хун-чу, да и всѣхъ манзъ, устроена совершенно такъ же, какъ та корейская фанза, о которой я уже говорилъ раньше; она отличается отъ нея только бо́льшимъ просторомъ, да какой-то неуловимой печатью большей зажиточности; пожалуй, здѣсь еще не такъ сквозитъ и дуетъ, какъ тамъ), сосредоточенно потягивая свои „ганзы", время отъ времени вновь наполняя ихъ мелкимъ волокнистымъ табакомъ изъ кисета, висѣвшаго, по обыкновенію, у каждаго изъ нихъ за поясомъ.

Все это были частью рабочіе и компаньоны моего пріятеля, частью почетные гости. О принадлежности нѣкоторыхъ манзъ именно къ послѣдней категоріи можно было судить уже по первому впечатлѣнію. Это были уже не первой молодости люди, очень жирные, упитанные, съ лоснящимися отъ жира щеками, самодовольно и съ чувствомъ нескрываемаго превосходства взиравшими на своихъ бѣдно одѣтыхъ сосѣдей съ худыми, обвѣтренными глазами, подобострастно заглядывавшими имъ въ глаза.

Это была—аристократія фанзы; въ этомъ убѣждали меня уже, кромѣ ихъ надменнаго вида, ихъ длинныя шелковыя курмы (на прочихъ они были изъ дабы) *) и особенно эти длинные ногти (не совсѣмъ, однако-же, чистые) на пальцахъ рукъ, что служило уже нагляднымъ доказательствомъ того, что они настолько богаты, что могутъ себѣ позволить не заниматься черной работой. Это были мелкіе лавочники, торговавшіе на владивостокскомъ базарѣ, подрядчики, коммиссіонеры, переводчики.

Осмотрѣвшись въ фанзѣ, я замѣтилъ среди нихъ, между прочимъ, хорошо знакомую мнѣ фигуру лукаваго и хитраго Кон-до-шена (вымышленное имя), котораго я уже немного зналъ раньше. Это былъ среднихъ лѣтъ китаецъ, во всякомъ случаѣ, не болѣе 35 лѣтъ, насколько ямогъ судить объ этомъ по его безъусому лицу**), довольно опрятный, приличный на видъ,—одинъ изъ манзъ-старожиловъ мѣстнаго края. Едва-ли кто во Вламивостокѣ не знаетъ Кон-до-шена, не слышалъ его вкрадчивыхъ, льстивыхъ рѣчей. Будучи не крупнымъ рядчикомъ и не принадлежа по своей профессіи къ разряду туземной аристократіи, этотъ хитрый, пронырливый манза игралъ, однако-же, видную роль даже въ средѣ богачей-соплеменниковъ, че особенно снисходительно относящихся, вообще говоря, къ „выскочкамъ". И этимъ онъ обязанъ былъ

*) Даба—синій китайскій кумачъ.

**) По китайскому обычаю, усы носятъ, начиная съ 35-лѣтняго возраста.

какъ своему несомнѣнному уму, такъ и относительно хорошему знанію русскаго языка, что дѣлало его посредничество необходимымъ въ сношеніяхъ съ русскими.

Не въ примѣръ прочимъ, онъ говорилъ почти совершенно правильно по-русски, произнося, впрочемъ, русскія слова со свойственнымъ всякому китайцу пришепетываньемъ и сюсюканьемъ. Это не мѣшало ему, однако-же, уснащать и украшать свою рѣчь пословицами и поговорками, обличавшими въ немъ хорошее знакомство и съ чуждымъ ему языкомъ и съ главными сторонами своеобразной окраинной культуры. „Лука луку моетъ—обѣ шисты бываютъ", „ты—менѣ, я—тибѣ: оба ситы" и т. п. пословицы—не сходили у него съ языка. Чтобы дополнитъ его характеристику, я долженъ сказать, что онъ любилъ поговорить, преимущественно о высокихъ матеріяхъ, любилъ притомъ говорить метафорами, образами, не торопясь, медленно, съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой, любуясь собственнымъ краснорѣчіемъ.

Всѣ прочіе гости, т.-е. большинство манзъ, наполнявшихъ фанзу, принадлежали, судя по ихъ изможденнымъ лицамъ, истрепаннымъ костюмамъ, заскорузлымъ пальцамъ, приниженнымъ, жалкимъ, подобострастнымъ улыбкамъ, къ числу мѣстныхъ пролетаріевъ-рабочихъ, т.-е. къ той бѣдной, приниженной, полуголодной, трудящейся манзовской массѣ, которая не бросается въ глаза просвѣщеннымъ путешественникамъ и, оставаясь всегда въ тѣни, несправедливо отождествляется ими съ этими самыми толсторожими, сытыми сосѣдями въ шелковыхъ курмахъ, которые держатъ ихъ въ безвыходной кабалѣ.

Жалкое, грустное впечатлѣніе производятъ эти несчастные на всемъ этомъ торжественномъ фонѣ. Они, видимо, и сами чувствуютъ себя не въ своей тарелкѣ: величіе ихъ жирныхъ сосѣдей явственно подавляетъ ихъ, лишаетъ ихъ самостоятельности, и они являлись здѣсь „нѣмыми лицами", статистами въ полномъ смыслѣ этого слова. Нельзя было безъ состраданія смотрѣть, какъ они держали себя позже, во время пиршества. Въ болѣе или менѣе оживленной бесѣдѣ, поддерживаемой Кон-до-шеномъ и изрѣдка—изъ приличія—прочими представителями туземной плутократіи они не принимали никакого участія, да едва-ли они и слышали что-нибудь изъ того, что говорили ихъ взысканные судьбою сосѣди. Все вниманіе этихъ полуголодныхъ людей было сосредоточено на разставленныхъ передъ ними чашкахъ съ аппетитными яствами: они не сводили съ нихъ глазъ и буквально гипнотизировали блюда... Я не могу забыть, съ какой нескрываемой завистью слѣдили они за тѣмъ, какъ Ли-хун-чу раздавалъ лучшіе куски, лучшія пор-

ціи своимъ почетнымъ гостямъ; съ какимъ возбужденіемъ слѣдили они за лѣнивыми движеніями ихъ рукъ. какъ они, буквально, заглядывали имъ въ рты... Еще-бы! Вѣдь такихъ кусковъ они никогда не ѣдали. Они всегда жили впроголодь, питаясь какими-нибудь рисовыми лепешками и черемшой, почти единственной повседневной пищей китайскаго рабочаго люда.

Мое появленіе въ фанзѣ, повидимому, не произвело на ея обитателей благопріятнаго впечатлѣнія. Бесѣда, которую здѣсь вели, съ моимъ приходомъ оборвалась и въ хорѣ недоброжелательныхъ: „хао! хао!“ (здравствуйте!). которыми привѣтствовали меня эти люди, я услышалъ только два. повидимому, искреннихъ возгласа:

— Здаластуй, капитана! Ходи сюда есть!

которыми встрѣтили меня Кон-до-шенъ и Ли-хун-чу.

Наступило тяжелое, неловкое молчаніе. Я чувствовалъ, что я здѣсь не только чужой всѣмъ имъ, но и совершенно лишній; что самое появленіе мое здѣсь сочтено за насильственное вторженіе „капитана“.

Я чувствовалъ себя весьма тяжело и непріятно и рѣшительно не зналъ, что предпринять: уйдти-ли немедленно подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, или остаться.

Я вспомнилъ, однако, что шелъ сюда съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ подвергнуться всему тому, что могло меня ожидать у моего пріятеля, и предпочелъ послѣднее, не смотря на то, что манзы чувствовали себя, повидимому, не менѣе скверно, чѣмъ я и хранили упорное, угрюмое, гробовое молчаніе.

Одинъ Ли-хун-чу чувствовалъ себя превосходно и какъ будто ничего не замѣчалъ. Онъ былъ на седьмомъ небѣ отъ блаженства: его гордости льстило и то, что у него въ гостяхъ „капитана“, и то, что ему сдѣлали честь своимъ посѣщеніемъ эти сытые „аристократы“, его соплеменники. И онъ съ видомъ наивнаго превосходства смотрѣлъ на своихъ гостей—побѣднѣе, которымъ, конечно, и во снѣ не снилась такая честь. Онъ былъ искренно, неподдѣльно радъ своему торжеству.

Не знаю, чѣмъ кончилась бы вся эта исторія, если бы на выручку ко мнѣ не подоспѣлъ Кон-до-шенъ, не проронявшій до сихъ поръ ни звука изъ уваженія къ болѣе важнымъ гостямъ, отъ которыхъ по этикету зависѣло дать тонъ и направленіе разговору. Съ важностью, подобающей его высокой миссіи—вѣдь, здѣсь рѣчь, такъ сказать, шла, ни болѣе ни менѣе, какъ о томъ, чтобы два полюса рода человѣческаго, Китай и Европа, протянули другъ другу руки!—онъ усѣлся рядомъ со мной и нѣсколько мгновеній степенно поглаживалъ

свою длинную, щедро напомаженную косу. Онъ все еще ждалъ, что кто нибудь изъ болѣе достойныхъ начнетъ разговоръ, что дастъ ему право продолжать его, но упитанные манзы не разжимали плотно сжатыхъ губъ. Наконецъ, даже и его китайское терпѣніе истощилось, и онъ, лукаво улыбаясь, сказалъ, обращаясь ко мнѣ.

— Пришли посмотрэтъ, какъ жифетъ манзофски шеловэкъ, хе-хе-хе!.. Што-жъ, манзофски шеловэкъ—тожи шеловэкъ.

— Конечно.

— Конешино и я такъ тумалъ, и многи шеловэки такъ тумалъ... Ходите къ намъ, и фи будете такъ тумалъ... Конешино, фи не прификъ къ шеремша, манзофски шеремша; она шибко пахнетъ.

— Да, таки попахиваетъ,—замѣтилъ я.

— Истинная прафда ваша... Только, знаете, какъ русскій послофицъ гофоритъ: фсакій птицъ, который назыфаютъ куликъ, хвалитъ ту гразь, фъ которой съ дѣтками жифетъ... Русскому шеловеку не нравится, што манза шеремшей пахнетъ, а манзофски шеловекъ не нрафится, какъ русскій пахнетъ.

— Что вы?—развѣ русскій чѣмъ нибудь пахнетъ.

— Фсакій шеловекъ пахнетъ,—сентенціозно отвѣтилъ мнѣ Кондошенъ.

— И русскій?

— Конешино: манза шеремшей, русски человѣкъ—козломъ...

— Козломъ?—расхохотался я.

— Иногда и козой, только это рэдко быфаитъ; больше—козломъ... Фотъ и они знаютъ,—почтительно кивнулъ онъ головой въ сторону купцовъ, и что-то сказалъ имъ по-китайски. Тѣ улыбнулись и проговорили:

— Прафда есть, прафда есть.

Какъ ни странно было подобное утвержденіе, пришлось мнѣ, однако-жъ съ нимъ согласиться въ виду всеобщаго утвержденія *).

Межъ тѣмъ, бесѣда, такъ хорошо наладившаяся было, вновь оборвалась.

Ли-хун-чу пригласилъ приступить къ трапезѣ. Послѣ того, какъ я видѣлъ, какъ приготовляли пищу, я, понятно, не прикасался къ ней, къ великому огорченію моего пріятеля. Онъ рѣшительно не по-

*) Значительно позже, уже на пути въ Японію (на пароходѣ „Токіо-Мару"), мнѣ пришлось слышать подтвержденіе этой всеобщей увѣренности китайцевъ въ своеобразномъ козлиномъ запахѣ русскихъ отъ такого авторитетнаго лица, какъ пограничный коммиссаръ Уссурійскаго края, г. Матюнинъ.

нималъ, какъ могъ я отказываться отъ этихъ восхитительныхъ трепанговъ, аппетитной морской капусты, рисовыхъ лепешекъ, сои, черемши и прочихъ тонкостей китайской кухни. которыя были поданы каждому изъ присутствовавшихъ въ маленькихъ фаянсовыхъ китайскихъ чашкахъ. Единственное, отъ чего я не могъ уже отказаться,— это „хан-шинъ". Попивая его мелкими глотками. я слѣдилъ за присутствовавшими. Ловкость, съ которою они управлялись своими двумя палочками. употребляемыми ими вмѣсто ножей, ложекъ и вилокъ. поражала меня; я не могъ-бы и кусочка ко рту поднести ими.

Мало-по-малу, подъ вліяніемъ обильнаго угощенія и особенно обильныхъ возліяній „ханшина" лица моихъ сосѣдей начали покрываться румянцемъ. угрюмыя складки ихъ лицъ разглаживаться и языкъ развязываться. Въ фанзѣ дѣлалось уже довольно шумно: на меня совсѣмъ перестали обращать вниманіе, какъ будто ни меня, ни прежняго тягостнаго положенія и не было вовсе, и манзы быстро лопотали другъ съ другомъ на своемъ гортанномъ и пѣвучемъ языкѣ. Манзы любятъ при случаѣ выпить и даже питаютъ большое пристрастіе къ своему національному напитку ханшину, однако-же, эта страсть не переходитъ у нихъ, по крайней мѣрѣ, въ явный порокъ. Какъ бы сильно ни былъ пьянъ манза, онъ никогда не покажется въ нетрезвомъ видѣ на улицѣ.

Но какъ ни повеселѣли мои манзы, а, все-таки, они, повидимому, ни на минуту не забывали о томъ, что рядомъ съ ними сидитъ „капитана" и—нѣтъ, нѣтъ—да и покосятся они изъ подлобья въ мою сторону, да и пробормочутъ себѣ что-то подъ носъ. стараясь сдѣлать это такъ, чтобы я не слышалъ.

— Послушай! — сказалъ я Ли-хун-чу: — чего это твои пріятели такъ косятся на меня. развѣ я у тебя не такой гость, какъ они?

— Ли-хун-чу нагнулся почти къ самому моему уху и прошепталъ:

— Его бойся...

— Чего-же они боятся?

— Всего бойся...

— Но чего же именно...

— Твоя—капитана, его—манза; манза сигда бойся капитана... Его тибя не знай... Моя говоли его: холосій, шибко холосій капитана, никогда обижай нѣту: его вѣли нѣту... Его бойся*).—упорно

*) Т. е.: Ты—русскій; онъ—манза, а манза всегда боится русскаго. Онъ тебя не знаетъ. Я говорилъ ему, что вы хорошій, очень хорошій русскій и никогда насъ не обижаете. Но онъ не вѣритъ... Онъ боится.

твердилъ Ли-хун-чу, укоризненно кивая головой въ сторону своихъ гостей.

Кон-до-шенъ, сильно размякшій, сдѣлался откровеннѣе и подробнѣе мотивировалъ, со свойственной ему образностью, причины явно недоброжелательнаго и недовѣрчиваго ко мнѣ отношенія со стороны прочихъ манзъ.

— Фидишь: когда фолкъ надѣнетъ шкуру офечки, — офечка испугается: офечка всегда боится фолка, таже когда фолкъ—хорошій фолкъ, ха-ха-ха!.. И когда шеловекъ, примѣрича, манзофски человѣкъ, всигда прификъ фитѣть фолка въ офечьей шкурка, манзофски челофѣкъ начинаетъ тумать, что таже настоящій офечка—фалшивый офечка... Офечка толженъ больше ходить до манзофскій человѣка, — много ходить, и тогда манзофски шеловекъ увидитъ, что офечка—настоящій офечка, а не фолкъ... Хочишь вѣлишь—хочишь нѣтъ *), — закончилъ Кон-до-шенъ, по обыкновенію поговоркой.

Послѣ такого откровенннаго разъясненія мнѣ уже, конечно, нечего было дѣлать у Ли-хун-чу, и я рѣшилъ уйти, тѣмъ болѣе, что обѣдъ началъ принимать уже довольно бурный характеръ, да и черемша, вмѣстѣ съ прянымъ ароматомъ приготовленныхъ гостепріимнымъ хозяиномъ блюдъ, начинала сильно давать себя знать, и я чувствовалъ уже, что у меня голова разболѣвается все больше и больше.

Проходя по одному изъ сплошь заселенныхъ манзами дворовъ, я невольно обратилъ вниманіе на одну покосившуюся маленькую фанзу, у входа въ которую толпилось множество манзъ. Видимо, внутри фанзы происходило что-либо экстраординарное, такъ какъ при свѣтѣ луны я замѣтилъ, что всѣ манзы съ любопытствомъ заглядывали внутрь слабо освѣщенной фанзы, изъ которой доносились отрывистыя хриплыя восклицанія.

Я подошелъ ближе. Въ качествѣ „капитана", я легко получилъ доступъ внутрь, хотя мнѣ и приходилось пробираться среди враждебно настроенныхъ людей, метавшихъ на меня молніеносные, гнѣвные, сердитые взгляды и испускавшихъ, судя по тону ихъ голосовъ, по моему адрессу ругательства и проклятія на своемъ гортанномъ языкѣ.

---

*) Т. е.: Видите ли: когда волкъ даже надѣнетъ овечью шкуру, — овца все-таки боится его, боится даже тогда, когда волкъ—хорошій волкъ, ха-ха-ха! И когда человѣкъ, напримѣръ, манза, всегда привыкъ видѣть волка въ овечьей шкурѣ, онъ начинаетъ думать, что даже настоящая овца—подложная. Овца должна больше посѣщать манзу, и тогда онъ убѣдится, что это овца, а не волкъ. Хочешь—вѣришь, хочешь — нѣтъ.

Когда я достигъ входа въ фанзу, то не пожалѣлъ о томъ, что почти насильно заглянулъ въ нее. Меня, правда, обдало невыносимо спертымъ воздухомъ, пропитаннымъ лукомъ и черемшею, но за то я увидѣлъ здѣсь зрѣлище, которое рѣдко кому изъ обывателей удается видѣть, такъ какъ оно преслѣдуется мѣстными властями.

Въ срединѣ фанзы на грязномъ, замызганномъ полу расположилась на корточкахъ въ кружокъ небольшая группа манзъ, окруженныхъ плотнымъ и тѣснымъ кольцомъ буквально висѣвшихъ на ихъ плечахъ соплеменниковъ. Вниманіе всѣхъ ихъ было приковано къ оставшемуся свободнымъ пространству въ центрѣ фанзы, на которомъ около каждаго изъ сидѣвшихъ манзъ были разложены кучки денегъ: здѣсь были китайскія, мексиканскія, русскія, мѣдныя, никкелевыя и серебряныя монеты. Я засталъ въ разгарѣ китайскую „банку“, одну изъ самыхъ азартныхъ игръ въ средѣ манзъ, строго преслѣдуемую полиціей. Лица всѣхъ игроковъ были чрезвычайно возбуждены и горѣли хищнымъ огнемъ; слышались гнѣвныя, сердитыя восклицанія, проклятія, злорадный хохотъ счастливцевъ.

По костюму и загрубѣлымъ лицамъ нетрудно было догадаться, что игроками являются, въ данномъ случаѣ, простые рабочіе, упорнымъ трудомъ зарабатывающіе свое пропитаніе. Я уже раньше слышалъ о господствующей въ средѣ манзъ—зажиточныхъ и бѣдняковъ—рабочихъ страсти къ „банкѣ“, доходящей, особенно въ осеннее время,—время безработицы—до грандіозныхъ размѣровъ,—до того, что рабочій въ какіе нибудь полъ-часа проигрываетъ весь запасъ, скопленный имъ за цѣлое лѣто; я слышалъ также, что часто хозяинъ, садясь играть съ своими рабочими, проигрываетъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ всѣ свои деньги, хозяйство, фанзу и послѣ окончанія игры дѣлается кабальнымъ слугой счастливаго партнера, еще за нѣсколько часовъ до того бывшаго его безотвѣтнымъ рабомъ. И, все-таки, видъ этихъ озвѣрѣвшихъ, хищныхъ лицъ, видъ этой животной радости при выигрышѣ, злораднаго, саркастическаго смѣха надъ несчастливымъ партнеромъ превзошелъ всѣ мои ожиданія.

Манзы до того были увлечены запретной игрой, что даже не замѣтили моего вторженія въ фанзу, что, конечно, заставило бы ихъ, несмотря на разгорѣвшіяся страсти, мгновенно прекратить запрещенную и строго преслѣдуемую игру, раззоряющую въ конецъ манзъ-рабочихъ.

Я, однако-же, не рисковалъ дольше оставаться внутри фанзы, тѣмъ болѣе, что до моего слуха уже началъ доноситься подозрительный шопотъ столпившихся у входа въ фанзу китайцевъ, только

теперь спохватившихся, какія печальныя послѣдствія для игроковъ могло-бы повлечь мое появленіе, еслибы я оказался настоящимъ „капитана“, только переодѣтымъ. Игра въ „банку“ подвергаетъ виновныхъ суровой отвѣтственности *) и, слѣдовательно, можно было опасаться всего.

И, дѣйствительно, не успѣлъ я выскочить изъ фанзы, какъ до моего слуха донесся громкій шумъ и крикъ внутри ея. Спустя нѣсколько секундъ, огни въ фанзѣ потухли, наступило гробовое молчаніе, и я видѣлъ, какъ изъ нея, точно шмели, посыпали манзы и быстрымъ аллюромъ неслышно скрылись въ разныя стороны.

Дома меня ждало своеобразное приклюсеніе. Вскорѣ послѣ моего прихода ко мнѣ явился еще одинъ знакомый мнѣ манза, Чжэнь-Люнь-Сянь.

Чжэнь-Люнь-Сянь былъ мелкимъ подрядчикомъ (или, по мѣстной терминологіи,—рядчикомъ) по сооруженію большой насыпи на одномъ изъ ближайшихъ къ Владивостоку участковъ Уссурійской желѣзной дороги.

Это былъ скромный, тихій, безотвѣтный, тщедушный и сухопарый манза, рѣшительно ничѣмъ не выдѣлявшійся изъ среды прочихъ обыкновенно шустрыхъ, юркихъ и оборотливыхъ манзъ — „компрадоровъ“. Онъ былъ смиренъ, скроменъ и тихъ, какъ кореецъ, честенъ, какъ японецъ и, что весьма рѣдко встрѣтить среди прочихъ рядчиковъ, отличался большимъ трудолюбіемъ и усердіемъ и весьма добросовѣстно разсчитывался съ подчиненной ему небольшой артелью рабочихъ-китайцевъ.

Всѣ были довольны Чжэнь-Люнь-Сянемъ, и онъ былъ всѣми доволенъ. Желѣзнодорожные десятники и техники не могли нахвалиться имъ. Подрядчикъ, отъ котораго онъ работалъ, былъ въ восторгѣ отъ его исполнительности.

Все шло, какъ по маслу, все предвѣщало удачный исходъ его предпріятію, и робкій, забитый Чжэнь-Люнь-Сянь, лишь по какому-то недоразумѣнію сдѣлавшійся рядчикомъ, — предѣлъ мечтаній китайскаго рабочаго, — началъ даже вслухъ мечтать о томъ, какъ онъ, по благополучномъ окончаніи подряда, возвратится къ себѣ на родину, въ Китай, какъ онъ повезетъ своей „бабушкѣ“ (такъ называютъ по-

---

*) Спустя два года, мнѣ пришлось, напримѣръ, присутствовать при томъ, какъ полиція при помощи пожарныхъ разрушала на глазахъ тысячеголовой толпы китайцевъ игорную фанзу. Но и такія энергичныя мѣры, все-таки, не въ силахъ окончательно искоренить зла, гнѣздящагося въ этихъ игорныхъ притонахъ.

русски манзы своихъ женъ) „мало-мало“ гостинцевъ и какъ хорошо заживетъ онъ у себя дома, въ кругу своей семьи.

— Рисъ кушай моя будетъ шибко много... Опій кури будетъ... Шибко холосо...

И въ предвкушеніи такого блаженнаго существованія его глаза мечтательно закатывались подъ самый лобъ.

Я хорошо зналъ Чжэнь-Люнь-Сяня, нерѣдко приходившаго ко мнѣ сообщать о ходѣ своихъ дѣлъ и принималъ въ немъ живое участіе, тѣмъ болѣе, что по своему нравственному складу и характеру онъ представлялъ собой весьма отрадное явленіе среди прочихъ рядчиковъ.

Чѣмъ ближе подходило дѣло къ окончательному разсчету и, слѣдовательно, къ вожделѣнной цѣли высшихъ стремленій Чжэнь-Люнь-Сяня, тѣмъ больше разглаживались складки на его безкровномъ, изможденномъ, точно пергаментномъ лицѣ и тѣмъ болѣе жизнерадостный видъ принималъ онъ.

Я началъ даже замѣчать признаки нѣкотораго кокетства въ костюмѣ и внѣшнемъ видѣ Чжэнь-Люнь-Сяня.

Его коса, всегда туго скрученная и свернутая на макушкѣ, уже не лежала на своемъ обычномъ мѣстѣ и, какъ у всѣхъ богатыхъ и зажиточныхъ китайцевъ, свободно и живописно ниспадала по спинѣ и своимъ пушистымъ концомъ-кистью волочилась почти по полу. На ногахъ, вмѣсто стоптанныхъ соломенныхъ сандалій появились уже настоящія туфли съ раскрашенными по бокамъ ихъ драконами, а на рукахъ ногти становились все длиннѣе и длиннѣе, не дѣлаясь, впрочемъ, отъ этого чище и опрятнѣй.

— Еще иго (одна) недѣля — совсѣмъ моя „капитана“ будетъ, — самодовольно и не безъ достоинства заявилъ мнѣ въ одинъ прекрасный день Чжэнь-Люнь-Сянь.

Прошла недѣля.

Я уже началъ было, признаться, забывать о Чжэнь-Люнь-Сянѣ, тѣмъ болѣе, что и не разсчитывалъ уже больше его видѣть. Какъ вдругъ, по возвращеніи отъ Ли-хун-чу, вижу, дверь моего кабинета раскрывается, и на порогѣ показывается хорошо знакомая мнѣ фигура Чжэнь-Люнь-Сяня.

Его видъ поразилъ меня.

Блѣдный, встревоженный, съ печатью глубокаго страданія на осунувшемся лицѣ—онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, только что перенесшаго незамѣнимую утрату или испытывающаго тяжелое, безъисходное горе.

Я не на шутку встревожился.

— Что съ тобой?

Чжэнь-Люнь-Сянь безнадежно покачалъ головой.

— Что такое? Говори, что случилось?

— Худо есть... Шибко худо... „Пушанго"...

— Но въ чемъ-же дѣло?

— Помирай надо... Совсѣмъ моя помирай надо... Шибко помирай... Твоя сама види...

И онъ съ горькой улыбкой указалъ мнѣ на свою голову.

Тутъ только я замѣтилъ, что во внѣшности Чжэнь-Люнь-Сяня произошла какая-то странная метаморфоза.

Онъ стоялъ предо мною — horribile dictu! — простоволосый, безъ малѣйшаго признака косы, — красы, гордости и необходимой, незамѣнимой принадлежности всякаго „сына неба". Лишь жиденькіе, короткіе волосенки торчали у него на головѣ во всѣ стороны.

Приглядѣвшись къ нему внимательнѣе, я замѣтилъ у него въ правой рукѣ косу, непостижимымъ для меня и, очевидно, святотатственнымъ образомъ очутившуюся въ столь необычномъ для нея мѣстѣ.

Я долженъ замѣтить, что китайца безъ косы совершенно невозможно себѣ представить. Коса—это необходимая и существенная составная часть правовѣрнаго китайца, который никогда и ни въ какомъ случаѣ съ ней не разстается. Соблюденіе этого обычая вмѣняется въ священнѣйшую обязанность каждаго изъ нихъ и не терпитъ никакихъ отступленій. Китаецъ, преступившій этотъ старинный обычай, считается святотатственнымъ нарушителемъ основныхъ устоевъ китайской жизни и подвергается у себя на родинѣ жестокому наказанію, какъ ренегатъ, отступникъ и измѣнникъ. Въ общественномъ мнѣніи онъ считается, въ этомъ случаѣ, ниже послѣдняго человѣка и не только добровольное уничтоженіе косы, но даже случайная потеря ея, по какимъ либо причинамъ, подвергаетъ его насмѣшкамъ всего околотка, вызываетъ презрѣніе къ нему со стороны всякаго встрѣчнаго и кладетъ на него пятно неизгладимаго, на-вѣки не смываемаго позора.

Обычай носить косу — это conditio sine qua non существованія китайца, такъ что даже въ тѣхъ случаяхъ—и это бываетъ нерѣдко,— когда китаецъ отъ природы лишенъ этого украшенія, онъ прибѣгаетъ къ подлогу, фальсификаціи, создавая ее искусственно путемъ вплетенія въ природныя жидкія косички длиннѣйшей поддѣльной косы, сплетенной изъ бумажныхъ и шерстяныхъ (у бѣдняковъ) или шелковыхъ (у богатыхъ) нитей.

Коса — это своего рода культъ каждаго китайца, и она играетъ въ ихъ средѣ, кромѣ того, такую-же роль, какъ, напримѣръ, у насъ платье, драгоцѣнности и всякія другія украшенія. Коса служитъ лучшимъ критеріемъ для опредѣленія общественнаго положенія и степени благосостоянія ея обладателя. Положительно можно сказать, перефразируя нашу поговорку, что китайцы — эти дѣти классической страны низкопоклонства и строжайшаго чинопочитанія — „по косѣ встрѣчаютъ человѣка, по косѣ-же провожаютъ“.

Для читателя ясно теперь, почему видъ Чжэнь-Люнь-Сяня, лишеннаго этого украшенія. такъ поразилъ меня.

А онъ, по-прежнему, продолжалъ стоять у порога и тяжко, безнадежно вздыхалъ, не переставая шептать своими запекшимися губами:

— Помирай надо... Совсѣмъ помирай... Шибко помирай... Въ Китай ходи не надо... „Бабушка“ види не надо... совсѣмъ не надо... Никто помогай нѣту... шибко нѣту... „Чики-чики“ *) надо...

По его лицу текли непритворныя слезы.

Передъ моими глазами разыгрывалась, повидимому, тяжелая драма, и я началъ серьезно опасаться, какъ-бы Чжэнь-Люнь-Сянь не сдѣлалъ чего-либо надъ собой.

Послѣ долгихъ разспросовъ мнѣ удалось, наконецъ. выпытать у безмѣрно огорченнаго китайца, въ чемъ дѣло.

Оказалась обыкновенная исторія.

При сведеніи окончательныхъ разсчетовъ между Чжэнь-Люнь-Сянемъ и русскимъ подрядчикомъ, отъ котораго онъ задѣльно работалъ, между ними возникло недоразумѣніе изъ за нѣсколькихъ кубическихъ саженъ насыпи. Слово за слово, — и пререканія окончились тѣмъ, что подрядчикъ схватилъ манзу за косу, и... она вся, цѣликомъ, осталась у него въ рукахъ.

Это событіе произошло на глазахъ у всей его немногочисленной артели и, по словамъ самого потерпѣвшаго, произвело потрясающій эффектъ. Всѣ его рабочіе-манзы, присутствовавшіе при этомъ безпримѣрномъ происшествіи, какъ шмели разсыпались въ разныя стороны съ искаженными отъ ужаса лицами.

Съ этого момента честь и доброе имя Чжэнь-Люнь-Сяня, конечно, на вѣки потеряны, и ему, по его глубокому убѣжденію, дѣйствительно, ничего болѣе уже не остается, какъ „чики-чики дѣлай“ надъ собой.

---

*) „Чики-чики“ — повѣситься, умереть и т. п. Въ другихъ случаяхъ это выраженіе означаетъ: — бить, истязать, мучить.

Печальный, убитый, съ поникшей головой повѣствовалъ мнѣ несчастный манза эту грустную повѣсть и дѣлился со мною своимъ своеобразнымъ китайскимъ горемъ. Изъ глазъ у него одна за другой капали крупныя слезы,—слезы обиды и униженія.

Мнѣ было отъ души жаль его.

— Моя -- коса не надо... Не надо...,— шепталъ онъ.—Твоя бери...,— и онъ положилъ косу, этотъ своеобразный corpus delicti, ко мнѣ на письменный столъ.

Пышная, блестящая и длинная, красивыми изгибами извивалась она по всей длинѣ письменнаго стола, ниспадая къ полу пушистой бахромчатой кистью. Это была прелестная коса. Ею могъ бы гордиться каждый правовѣрный китаецъ. Она могла-бы служить украшеніемъ для самого „фудутуна" (губернатора).

Я взялъ ее въ руки и... въ изумленіи посмотрѣлъ на своего посѣтителя, едва сдерживаясь отъ хохота.

— Послушай! да, вѣдь, коса-то эта — фальшивая! Она вся изъ шерсти и шелка!...

— Шибко твоя правда, капитана!

— Такъ чего-жъ ты! Возьми ее, вплети въ свои волосы и носи на здоровье по-прежнему!

— Моя не можетъ... „Иго" (одинъ) китаецъ видѣлъ, „сиго" (два) видѣлъ, „ланго" (три) видѣлъ... Много китаецъ видѣлъ... Моя совсѣмъ не можетъ... Моя—чики-чики дѣлай... Въ Китай моя не ходи... „Бабушку" моя види нѣту...

Какъ ни убѣждалъ я Чжэнь-Люнь-Сяня, какіе доводы ни приводилъ я, чтобы убѣдить его въ неосновательности его горя и представить ему въ смѣшномъ видѣ все это приключеніе, отъ котораго онъ, какъ теперь оказалось, не пострадалъ даже физически, такъ какъ фальшивая коса безъ боли отдѣлилась отъ его головы при первомъ прикосновеніи подрядчика,—Чжэнь-Люнь-Сянь упорно стоялъ на своемъ.

Онъ ушелъ отъ меня въ такомъ-же огорченіи, въ какомъ и пришелъ.

Въ этотъ годъ Чжэнь-Люнь-Сянь такъ и не поѣхалъ въ Китай обрадовать свою „бабушку" гостинцами. Онъ остался во Владивостокѣ, сдѣлался опять простымъ рабочимъ и ждалъ, пока забудется въ памяти его соплеменниковъ роковое событіе и отрастутъ его волосы настолько, чтобы можно было, не стѣсняясь, открыто смотрѣть въ глаза каждому китайцу...

VII.

„Бѣлый мѣсяцъ".

Начало февраля. — Въ ожиданіи „бѣлаго мѣсяца". — „Цаганъ-саръ!" — Праздничная трапеза. — Ночная молитва. — Необычная физіономія города. — Визиты. — Манзовскіе кварталы. — Китайскія дѣти. — Прискорбный обычай. — Шань-юань. — Процессіи. — Уличныя представленія. — Обычай „кады".—Въ курильнѣ опіума.—Тяжелое зрѣлище.

Начало февраля. Въ манзовскихъ кварталахъ Владивостока большое смятеніе. Въ узкихъ и кривыхъ переулкахъ, изрѣзывающихъ эту часть города,—толпы народа.

Уже довольно поздно, а, между тѣмъ, длиннокосые „сыны неба"— преимущественно рабочіе, обитающіе здѣсь, — обыкновенно спящіе уже въ эту пору мирнымъ сномъ въ глубинѣ своихъ почернѣвшихъ отъ непогоды и покосившихся отъ времени фанзъ (домовъ)— снуютъ взадъ и впередъ между своими вросшими въ землю лачугами, перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто, собираются группами и то оживленно лопочутъ другъ съ другомъ на своемъ непонятномъ языкѣ, то испускаютъ отрывистыя, гортанныя восклицанія, силясь перекричать вой бурнаго вѣтра.

Приглядѣвшись сквозь мракъ ночи и залѣпляющій глаза снѣгъ внимательнѣе къ тому, что происходитъ вокругъ, можно даже замѣтить нѣсколько словно застывшихъ, неподвижныхъ фигуръ на занесенныхъ пургой деревянныхъ крышахъ окружающихъ переулки непривѣтливыхъ фанзъ.

Вѣтеръ, стремительный уссурійскій „суйфунъ", рветъ и мететъ, вьюга бушуетъ и злится, страшная сибирская пурга — въ полномъ разгарѣ: сметаетъ сугробы, вздымаетъ цѣлыя облака снѣжной пыли, гудитъ и заливается на широкомъ просторѣ сосѣдняго Амурскаго за-

лива, врывается въ китайскіе кварталы и грозитъ снести до основанія самыя хижины ихъ, пріютившіяся у пологаго берега оледенѣвшаго моря,—а манзы все не слѣзаютъ съ качающихся подъ ударами вѣтра, скрипящихъ и стонущихъ крышъ.

Скрючившись, вцѣпившись руками въ ихъ гребни, они продолжаютъ оставаться вверху, и какъ и прежде, не сводятъ снѣгомъ залѣпленныхъ глазъ съ зловѣщаго, подернутаго бѣлымъ саваномъ неба.

Что они дѣлаютъ тамъ? — Они высматриваютъ появленіе на небѣ первой (февральской) луны, открывающей собой Новый годъ по китайскому лѣтосчисленію, знаменующей собою наступленіе свято чтимаго сынами Небесной имперіи „бѣлаго мѣсяца“, одного изъ самыхъ продолжительныхъ праздниковъ.

На мгновеніе въ воздухѣ какъ будто-бы стихло. Порывомъ бурнаго вихря разорвало снѣжныя тучи, заволакивавшія отъ глазъ наблюдателей небо и звѣзды, на землю на мигъ проглянулъ тонкій, словно отточенный, серебристый серпъ только-что народившейся весенней луны—и изъ устъ сотенъ манзъ, наводняющихъ переулки и крыши, вырвался единодушный радостный крикъ: „Цаганъ-саръ!.. Цаганъ-саръ!“ („бѣлый мѣсяцъ явился!“), покрывшій собою вой уссурійской пурги и завыванія вѣтра.

Въ тотъ-же мигъ улицы опустѣли, точно вымело всѣхъ. Манзы скрылись въ жилища, и угрюмыя фанзы освѣтились огнями: манзы дождались таки наступленія Новаго года, начала „бѣлаго мѣсяца“,— мѣсяца радостей, увеселеній и отдыха отъ непосильной, тяжелой работы, длившейся передъ тѣмъ безъ перерыва одиннадцать мѣсяцевъ сряду.

Внутри фанзъ все ужь готово для торжественной встрѣчи рѣдкаго праздника.

На небольшихъ деревянныхъ столахъ, а гдѣ ихъ нѣтъ,—на перевернутыхъ днищами вверхъ кадкахъ и бочкахъ разставлены зажженныя свѣчи, разноцвѣтные китайскіе бумажные фонари самой прихотливой и причудливой формы, куренія, благовонія, ароматныя, душистыя травы и всевозможныя мелкія вещи, предназначенныя въ жертву многочисленнымъ божествамъ, населяющимъ китайскій Олимпъ. У богатыхъ людей на почетномъ мѣстѣ красуется также горшокъ съ національнымъ китайскимъ цвѣткомъ, красной лиліей, — но столы бѣдныхъ кули, съ трудомъ зарабатывающихъ въ теченіи цѣлаго года свое пропитаніе, лишены этого традиціоннаго украшенія, стоющаго такъ дорого въ зимнюю пору на нашей тихоокеанской окраинѣ.

Ровно въ двѣнадцать часовъ всѣ обитатели фанзъ уже въ сборѣ у освѣщенныхъ столовъ, кадокъ и бочекъ. Опрятные, свѣже-умытые—въ нихъ совсѣмъ не узнать тѣхъ засаленныхъ, замасленныхъ, грязныхъ, обтрепанныхъ манзъ, которыхъ глазъ привыкъ ежедневно встрѣчать на улицахъ города. Ихъ „курмы“ *) изъ синей дабы **) сегодня необыкновенно чисты, синіе кумачевые панталоны также не носятъ слѣдовъ повседневной, черной работы; ихъ заскорузлыя и обыкновенно чрезвычайно грязныя руки—опрятны, головы (вокругъ самой макушки) тщательно выбриты. Ихъ длинныя косы—краса и гордость китайца, не въ примѣръ прочимъ днямъ, носятъ на себѣ слѣды чистаго гребня, тщательно вымыты, напомажены и красиво ниспадаютъ по спинамъ носителей ихъ, не оставляя, какъ водится, на курмахъ грязныхъ слѣдовъ. Вмѣсто стереотипныхъ войлочныхъ шапокъ съ наушниками, ихъ головы украшены оригинальными головными уборами съ цвѣтными верхами, и даже на ногахъ, вмѣсто неуклюжихъ войлочныхъ туфель,—изящныя туфельки, отороченныя выдровымъ мѣхомъ и изукрашенныя изображеніями китайскихъ драконовъ.

Праздникъ Новаго года и „бѣлаго мѣсяца“—одинъ изъ немногихъ праздниковъ въ жизни этихъ трудящихся изо дня въ день людей (китайскій календарь не отличается обиліемъ праздничныхъ дней), и манзы должнымъ образомъ приготовляются встрѣтить такъ рѣдко выпадающіе на ихъ долю красные дни.

Самыя празднества, длящіяся въ теченіи всего „бѣлаго мѣсяца“, начинаются, впрочемъ, съ завтрашняго дня, а сегодня—ночь покаянія, ночь очищенія отъ накопившихся за годъ грѣховъ. Двери фанзъ открываются настежь, чтобы облегчить доступъ въ нихъ верховнымъ существамъ, обитающимъ на небѣ, и когда, по предположеніямъ вѣрующихъ, духи приблизились къ ихъ убогимъ лачугамъ, всѣ обитатели фанзъ кидаются на колѣни къ открытымъ дверямъ и долго вымаливаютъ въ такомъ положеніи прощеніе духовъ земныхъ и небесныхъ.

Навстрѣчу молящимся врывается съ улицы бѣшенный вихрь, внутренность фанзы, и безъ того не особенно теплой, застилается клубами холоднаго пара, руки манзъ коченѣютъ и стынутъ, но все же

---

*) Курма, какъ уже извѣстно читателямъ, — верхнее платье китайца, родъ кофты, болѣе или менѣе длинной.

**) Даба, синяя китайка—ткань, въ которую, по традиціи, облачается все многомилліонное недостаточное населеніе Китая. Костюмы богатыхъ дѣлаются обыкновенно изъ шелка или чесучи.

они до тѣхъ поръ не поднимаются на ноги, пока духъ однимъ имъ лишь понятнымъ таинственнымъ знакомъ не дастъ имъ понять, что мольбы ихъ услышаны и приняты суровыми божествами.

Получивъ прощенiе верховныхъ существъ, манзы поднимаются на ноги и, обернувшись къ освѣщенному свѣчами столу, поклоняются домашнимъ духамъ и своимъ умершимъ предкамъ, тѣла которыхъ хранятся землею ихъ родины. Послѣднiй поклонъ, послѣдняя мольба о прощенiи—хозяевамъ и товарищамъ: старшимъ кланяются въ ноги, младшимъ и равнымъ отвѣшивается по молчаливому поясному поклону.

Этой несложной церемонiей религiозная часть праздника „бѣлаго мѣсяца“ вся и исчерпывается.

Послѣ этого начинается ужинъ,—кажется, первый обильный и сытный ужинъ у этихъ всегда полуголодныхъ людей, питающихся обыкновенно малопитательной „будой“ и „чумидзой“ *) и ужъ въ лучшемъ случаѣ—рисомъ.

Столы устанавливаются микроскопическими фаянсовыми чашками китайской работы, наполненными рыбой, морской капустой **), мелко искрошеннымъ мясомъ молодыхъ поросятъ и, наконецъ, шедевромъ китайской кухни—трепангами, этими длинными, отвратительными червями темно-кофейнаго цвѣта, къ которымъ китайцы питаютъ такое большое пристрастiе.

Изголодавшiеся въ теченiи цѣлаго года на „чумидзѣ“, „будѣ“ и рисѣ владивостокскiе манзы ѣдятъ съ необыкновенною жадностью, быстро и удивительно ловко работая своими двумя цилиндрическими палочками, играющими у нихъ роль нашихъ вилокъ и ложекъ, употребленiя которыхъ они вовсе не знаютъ. Въ теченiи всего ужина рѣдко кто изъ нихъ проронитъ слово съ сосѣдомъ; ужинъ проходитъ въ глубокомъ молчанiи. Отчасти это происходитъ въ силу требованiй китайскихъ обычаевъ, не дозволяющихъ въ ночь покаянiя никакой вольной бесѣды, отчасти — въ силу того, что сами манзы торопятся покончить съ ѣдой и пораньше лечь спать на свои жесткiя нары, стараясь сохранить силы на утро.

---

*) „Буда“ и „чумидза“ — родъ проса. Культивируются эти злаки въ Уссурiйскомъ краѣ корейцами и китайцами.

**) Морская капуста—водоросль, въ изобилiи водящаяся у побережья Уссурiйскаго края. Приготовленная особеннымъ образомъ, она является лучшимъ лакомствомъ для китайца. Ее вывозятъ изъ края въ Китай ежегодно болѣе, чѣмъ на $1^1/_2$ миллiона рублей.

Около трехъ часовъ ночи въ манзовскихъ кварталахъ все уже спитъ непробуднымъ сномъ, и только свѣчи, зажженныя для встрѣчи Новаго года, все еще горятъ во всѣхъ фанзахъ, кидая сквозь закопченныя крохотныя окна тусклыя полосы свѣта на сонныя улицы города.

На другой день, съ самаго ранняго утра, городъ совершенно мѣняетъ свою физіономію. Въ торговыхъ кварталахъ—ни души, на базарѣ также нѣтъ обычнаго шума. Всѣ лавки, лари, магазины закрыты. Вся торговля въ городѣ находится почти исключительно въ рукахъ китайцевъ и потому неудивительно, что чествованіе ими своего національнаго праздника такъ замѣтно измѣняетъ физіономію русскаго, въ сущности, города.

Около полудня начинаются взаимные визиты китайцевъ.

Въ этихъ визитахъ и взаимныхъ поздравленіяхъ съ наступленіемъ Новаго года и праздника „бѣлаго мѣсяца“ проходятъ обыкновенно первые пять дней „цаганъ-сара“. Эти визиты манзы обязаны успѣть продѣлать именно въ первые пять дней праздника: визитъ, сдѣланный позже этого срока, уже считается крупнымъ оскорбленіемъ, которое можно смыть только кровью обидчика: китайскій этикетъ очень строгъ въ этихъ случаяхъ.

На улицахъ города въ эти дни очень людно. Толпы манзъ въ лучшихъ одеждахъ, съ одѣтыми на головахъ оригинальными шапками, сверкающими своими ярко-пурпурными верхами, важно выступаютъ по срединѣ улицы, направляясь большими группами къ кому-нибудь изъ общихъ знакомыхъ съ визитомъ. Въ этихъ разряженныхъ манзахъ, съ чувствомъ необыкновеннаго достоинства и съ гордой осанкой торжественно шествующихъ подъ звуки китайскаго гонга, совсѣмъ не узнать вчерашнихъ смиренныхъ, приниженныхъ кули, робко жавшихся къ забору при встрѣчѣ съ „мадамъ“ или „капитана“.

На одномъ перекресткѣ отдѣльныя группы вдругъ останавливаются, встрѣтивъ толпу расфранченныхъ манзъ. Послышался хоръ длинныхъ и витіеватыхъ привѣтствій и обѣ встрѣчныя группы, какъ по командѣ, соединили ладонями руки и начали усиленно потрясать соединенными ладонями надъ головами. Это встрѣтились добрые знакомые и теперь, по китайскому обычаю, привѣтствуютъ и поздравляютъ другъ друга. Спустя минутъ пять, взаимныя привѣтствія окончены,—и обѣ группы расходятся въ разныя стороны такъ же важно, какъ прежде.

Странное впечатлѣніе производятъ на зрителя манзовскіе кварталы во время праздника „бѣлаго мѣсяца“. На улицахъ—неисчислимыя массы народа, люди снуютъ безпрерывно взадъ и впередъ, цѣлыя волны людей то приливаютъ, то отливаютъ отъ фанзъ,—но, глядя на эти оживленныя улицы, какъ-то инстинктивно чувствуешь, что этому оживленію не хватаетъ чего-то, что на этомъ яркомъ, жизнерадостномъ фонѣ есть много пустыхъ мѣстъ и пятенъ:—здѣсь совсѣмъ не видишь дѣтей, не слышишь дѣтскаго лепета, слухъ европейца не улавливаетъ здѣсь ихъ крика восторга и радости. Европейцу, привыкшему видѣть во главѣ и въ хвостѣ всякой процессіи толпы дѣтей разныхъ возрастовъ, принимающихъ живѣйшее участіе во всѣхъ увеселеніяхъ и развлеченіяхъ взрослыхъ, ихъ отсутствіе здѣсь кажется страннымъ, чудовищнымъ и непонятнымъ.

...„А, вотъ, и они“...

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, это здѣсь въ порядкѣ вещей. Не только здѣсь, во Владивостокѣ, но и на всей территоріи Уссурійскаго края живутъ исключительно безсемейные, одинокіе манзы, выгнанные нуждой на заработки въ чужіе края. Есть, правда, изрѣдка и среди нихъ зажиточные и даже богатые люди, но, по законамъ сосѣдней Небесной имперіи, семья эмигранта или вообще уходящаго въ чужую сторону за чѣмъ бы то ни было и на какой бы то ни было срокъ, должна оставаться въ Китаѣ, какъ залогъ, обезпечивающій въ достаточной степени возвращеніе главы семьи на родину.

На всей обширной территоріи Уссурійскаго края, за три года пребыванія въ немъ, мнѣ удалось насчитать только трехъ маленькихъ китайчатъ, — дѣтей одного богатаго владивостокскаго манзы, тайно увезенныхъ имъ въ наши края, гдѣ онъ живетъ уже девятнадцатый годъ. Долгое время онъ подчинялся суровымъ законамъ отчизны и каждый годъ на продолжительное время бросалъ всѣ дѣла свои и уѣзжалъ въ предѣлы Китая для свиданія съ семьей. Эти частыя и

подъ-часъ раззорительныя отлучки, наконецъ, надоѣли ему и года три назадъ онъ. несмотря на суровую кару въ грядущемъ (за увозъ дѣтей, хотя бы и собственныхъ, въ чужую страну въ Китаѣ полагается смертная казнь), увезъ изъ Небесной имперіи во Владивостокъ своихъ китайчатъ.

А вотъ и они. Разодѣтыя въ яркія, пестрыя курмы и шаровары почти опереточнаго фасона и вида, двѣ китаяночки не спѣша подвигаются впередъ въ сопровожденіи своего крохотнаго и смѣшно одѣтаго братца. Онѣ идутъ очень медленно, словно обдумываютъ каждый свой шагъ и этому виною не возрастъ ихъ, а этотъ ужасный китайскій обычай, требующій, чтобы у каждой китаянки съ самаго ранняго дѣтства туго бинтовали ихъ ноги, для того чтобы воспрепятствовать росту ихъ и тѣмъ, по китайскимъ воззрѣніямъ, сдѣлать ихъ красивѣй.

Несчастныя дѣвочки уже подверглись этой мучительной операціи и теперь еле могутъ стоять на своихъ изуродованныхъ кукольныхъ ножкахъ. И только привычка и сознаніе важности возложеннаго на нихъ отцомъ порученія заставляютъ порою бѣдняжекъ подавить крикъ мучительной боли, когда ихъ ножки ступаютъ на острые камни и кочки. Отецъ поручилъ имъ снести въ подарокъ своему компаньону расцвѣтшія лиліи въ китайскихъ горшкахъ: бѣдныя дѣвочки знаютъ, какъ важно донести эти цѣнные въ глазахъ китайца дары, и еще осторожнѣй, еще болѣе сосредоточенно онѣ наблюдаютъ за каждымъ шагомъ своихъ микроскопическихъ ножекъ.

Поражаетъ европейца въ туземныхъ кварталахъ еще одно странное обстоятельство. Блуждая по оживленнымъ и люднымъ кварталамъ, бродя между покосившимися фанзами, увѣшанными теперь, по случаю продолжительнаго праздника, разноцвѣтными китайскими (бумажными) фонарями и длинными цвѣтными холщевыми флагами, исписанными большими китайскими іероглифами, — вы совсѣмъ здѣсь не видите женщинъ. Какъ и дѣти, онѣ, подъ страхомъ смертной казни, не могутъ оставить земли своей родины; вотъ почему онѣ и не оживляютъ здѣшнихъ улицъ своимъ присутствіемъ.

Продолжительные обязательные визиты, наконецъ, окончены. хожденіе въ гости перестало быть обязанностью правовѣрныхъ китайцевъ: — пора приступить, наконецъ, къ увеселеніямъ, которыхъ такъ долго лишена была полуголодная китайская масса. Только теперь, собственно говоря, и начинается настоящій праздникъ „бѣлаго мѣсяца“.

Въ сосѣдней Небесной имперіи празднества начинаются обыкно-

венно на пятнадцатый день послѣ появленія изъ-за тучъ „цаганъ-сара“; здѣсь-же, гдѣ соблюденіе старинныхъ обычаевъ встрѣчаетъ не мало противодѣйствія въ окружающей китайцевъ чуждой имъ обстановкѣ, къ праздествамъ приступаютъ обыкновенно на шестой же день бѣлаго мѣсяца.

Пятнадцатый въ Китаѣ и шестой на нашей окраинѣ день „бѣлаго мѣсяца“ („шань-юань“—по-китайски) самый оживленный, веселый и интересный день многотруднаго праздника. Въ этотъ день: утромъ—большія процессіи по улицамъ, вечеромъ — эффектная иллюминація, ночью—смотръ фонарей.

Къ этому дню манзы усиленно готовятся уже нѣсколько дней. Фанзы убираются, чистятся, моются, украшаются китайскими фонарями, драпируются разноцвѣтными флагами и когда въ день: „шань-юаня“ заглянешь въ туземные городскіе кварталы, то нарядныя улицы, расцвѣченныя разноцвѣтными флагами, трепещущими въ воздухѣ отъ дуновенія легкаго вѣтра, мало напоминаютъ зрителю эти вчера еще кривые, грязные и непривѣтливые переулки.

Улицы, и безъ того людныя всѣ эти дни, теперь буквально переполнены толпами народа. Съ самаго ранняго утра начинается движеніе процессій.

Вотъ плавно движется по кривому переулку „процессія дракона“. Рѣзкіе звуки китайскаго гонга, трещанье тамъ-тама, лязгъ желѣзнаго треугольника уже за два-три квартала даютъ публикѣ знать о приближеніи „дракона“. Манзы и русскіе, пришедшіе посмотрѣть, „какъ манзы гуляютъ“, устремляются туда, гдѣ слышится эта адская музыка и на одномъ изъ перекрестковъ встрѣчаютъ оригинальное зрѣлище.

Въ воздухѣ стоитъ стонъ отъ звуковъ гонга, тамъ-тама и треугольника, перемѣшанныхъ съ трескомъ шутихъ, петардъ, ракетъ и хлопушекъ, имѣющихъ цѣлью отгонять отъ правовѣрныхъ злыхъ духовъ, витающихъ въ воздухѣ надъ ихъ головами. Чѣмъ ближе къ „дракону“, тѣмъ больше шума и треска. Но, вотъ, наконецъ, и процессія. Подъ хаотическіе звуки ракетъ, петардъ и тамъ-тама, образующихъ собою невыносимый для европейскаго уха концертъ, по срединѣ улицы важно выступаютъ два длиннокосыхъ знаменоносца: одинъ изъ нихъ несетъ на длинномъ древкѣ національный флагъ Небесной имперіи, изображающій цвѣтнаго дракона, вышитаго на ярко-желтомъ полѣ, другой—русскій коммерческій флагъ.

Позади знаменоносцевъ—труппа бродячихъ китайскихъ актеровъ (прибывшихъ спеціально для этого праздника во Владивостокъ изъ

Китая) на высокихъ ходуляхъ. Шествіе открываетъ актеръ, изображающій собой мандарина. Пергаментно-желтое лицо — послѣдствіе злоупотребленія опіумомъ, длинные, чуть не до пояса, усы на безбородомъ лицѣ, неимовѣрно широкая и длинная курма — родъ горячечной рубашки, — волочащаяся почти до самой земли, мандаринская шапка, рѣзко выдѣляющаяся своимъ яркимъ верхомъ при свѣтѣ зимняго уссурійскаго солнца и, наконецъ, высокія ходули, сильно затрудняющія движенія актера,—все это дѣлаетъ его похожимъ на манекенъ, а не на живой организмъ.

Позади мандарина, сгорбившись, чтобы казаться ниже, шествуетъ на ходуляхъ-же китаецъ, переодѣтый китаянкой: нарумяненное, набѣленное лицо его яркимъ пятномъ выдѣляется въ морозномъ воздухѣ февральскаго утра, и онъ кажется огромной куклой, механически приводимой въ движеніе посредствомъ скрытой пружины. Но еще болѣе странны сопровождающіе китаянку грозные воины. Ихъ увѣшанныя допотопными бердышами и аллебардами фигуры и остроконечныя шапки положительно царятъ надъ всей многоголовой толпой, испускающей крики ликованія и восторга.

Всѣ эти актеры, не прекращая своего медленнаго движенія впередъ, тутъ же, во время шествія, даютъ представленія, если можно такъ назвать это не прекращающееся кривлянье ихъ, эти дикіе вопли и крики, раздражающіе слухъ речитативы, которыми они все время обмѣниваются другъ съ другомъ.

Шествіе замыкается двумя огромными цвѣтными фонарями. Впереди несутъ гигантскій круглый фонарь, высоко возвышающійся надъ идущими впереди на ходуляхъ актерами, а сзади его нагоняетъ, на спинахъ двадцати-тридцати человѣкъ, еще болѣе колоссальный фонарь въ видѣ дракона, который какъ бы стремится его проглотить. Это и есть тотъ драконъ, которому посвящена вся процессія.

Дальше по улицѣ—снова актеры, и снова тѣ же безумные крики, тѣ же дикія взвизгиванія, тотъ же хаосъ и отсутствіе всякаго содержанія,—словомъ все то, чѣмъ обыкновенно отличается китайская драма.

Цѣлый день длится хожденіе процессій и актеровъ по оживленнымъ улицамъ города.

Къ вечеру театральныя представленія и процессіи прекращаются до слѣдующаго дня, и на смѣну дневного шума выступаетъ другой:— шумъ отъ трескающихся петардъ и хлопушекъ, смѣшанный съ гуломъ опьянѣвшей за день отъ развлеченій и обильныхъ изліяній „ханшина“ толпы.

На улицахъ зажигаются фонари самой разнообразной и причудливой формы, и туземные кварталы залиты моремъ огней: красныхъ, фіолетовыхъ, голубыхъ, зеленыхъ, оранжевыхъ, желтыхъ. Манзы, какъ шмели, гудятъ, перебѣгаютъ отъ одной фанзы къ другой, шутятъ, хохочутъ, пускаютъ ракеты, тамъ и сямъ то и дѣло взвивающіяся въ объявшей городъ ночной темнотѣ.

Внутри самыхъ фанзъ — разливанное море: пьютъ „ханшинъ" въ изобиліи, ѣдятъ морскую капусту, трепанговъ, заѣдаютъ ихъ сладкоиспеченнымъ тѣстомъ, вродѣ лепешекъ. Сегодняшній вечеръ особенно важенъ для манзы; сегодня подтверждаются прежнія братскія клятвы, сегодня же даются ими новыя; сегодня особенно часто примѣняется старинный и священный для китайцевъ обычай „кады" или „кхатху".

Чувство товарищества, братства и солидарности сильно развито между уссурійскими манзами: побратимство съ давнихъ поръ распространено между ними; сплоченность и единеніе, господствующія въ манзовской средѣ, просто удивительны для европейца. И, вотъ, отдѣльныя группы лицъ, чтобы укрѣпить между собой связи и освятить ихъ, какъ того требуетъ обычай, сегодня, въ день „шань-юаня", собираются въ какой-нибудь фанзѣ и даютъ другъ другу взаимное обязательство взаимнаго братства. Это обязательство, или, вѣрнѣе, клятва („кады") пишется по разъ навсегда установленной формѣ китайскими іероглифами, заключаетъ въ себѣ собственноручныя подписи всѣхъ побратимовъ и затѣмъ уносится всѣми участниками въ кумирню и здѣсь, предъ лицомъ „великаго Будды", подтверждается клятвой.

Значеніе „кады" незыблемо навсегда для участниковъ со времени его освященія въ храмѣ. Что-бы ни случилось впослѣдствіи съ каждымъ изъ нихъ, какъ бы далеко ни разошлись ихъ дороги,—члены „кады" остаются навсегда вѣрны ей и всѣмъ своимъ побратимамъ. Сдѣлается-ли одинъ „фудутуномъ" (губернаторомъ), впадетъ-ли другой въ нищету, преступленіе, — онъ всегда можетъ разсчитывать на содѣйствіе и помощь своего названнаго брата. И не было еще случая въ Небесной имперіи, чтобы кто-либо изъ подтверждавшихъ передъ Буддою клятву блюсти на-вѣки „кады" преступилъ ее:—это покрыло бы его въ глазахъ соплеменниковъ неизгладимымъ позоромъ.

Но межъ тѣмъ какъ на улицахъ, кривыхъ переулкахъ и въ яркоосвѣщенныхъ разноцвѣтными огнями фанзахъ народъ развлекается трескотней, ханшиномъ и яствами; въ то самое время, какъ здѣсь, отъ фонаря къ фонарю, снуютъ оживленныя толпы народа, испуская гортанные крики и наполняя воздухъ своимъ шмелинымъ жуж-

жаньемъ,—въ это самое время въ дальнихъ кварталахъ путникъ наталкивается на другія картины и сцены.

Здѣсь господствуетъ съ виду невозмутимая тишина, словно уснули или вымерли всѣ обитатели этихъ покосившихся фанзъ, кажущихся еще непригляднѣе отъ окружающей ихъ ночной темноты. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, внутри этихъ сонныхъ фанзъ далеко не все такъ мертво и безжизненно, какъ это кажется по ихъ наружному виду. На самомъ дѣлѣ, здѣсь народъ также развлекается, и здѣсь, внутри фанзъ, кипятъ еще болѣе могучія страсти, чѣмъ тамъ, на залитыхъ огнемъ улицахъ. Здѣсь играютъ въ запрещенныя полиціей азартныя игры: „банку" (нѣчто вродѣ штосса) и въ кости. Страсти разгораются до того, что въ эту ночь не одинъ богатый китаецъ дѣлается нищимъ и идетъ на другой день на набережную работать въ качествѣ кули, и не одинъ кули дѣлается сразу крезомъ, занявъ мѣсто хозяина.

Еще дальше, за игорными фанзами, подозрительный огонекъ, еле мерцающій въ ночной темнотѣ, приводитъ усталаго путника къ небольшой бревенчатой фанзѣ. Онъ открываетъ тяжелый пологъ изъ цыновки, защищающей входъ, и наталкивается на такую картину, подобной которой ему не придется видѣть нигдѣ во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Здѣсь курятъ опіумъ, тайно отъ глазъ русскихъ властей.

Картина здѣсь ужь не та...

На всемъ царитъ печать какого-то страннаго, почти неземнаго покоя. Тихо въ фанзѣ,—такъ тихо, что слышно, какъ жужжитъ муха, разбуженная слабо-мерцающимъ свѣтомъ одинокаго огонька, освѣщающаго внутренность фанзы.

У одной стѣны ея, во всю длину, расположены деревянныя, ничѣмъ не покрытыя нары. Поперекъ ихъ, во всю ширину, неподвижно лежатъ нѣсколько человѣческихъ фигуръ. Изможденныя, тощія, безкровныя, неподвижныя, окутанныя сладковатымъ одуряющимъ ароматомъ опіума,—они производятъ впечатлѣніе скелетовъ, приготовленныхъ, или, вѣрнѣе, высушенныхъ для анатомическаго театра.

Появленіе европейца не производитъ на курильщиковъ никакого впечатлѣнія. Они, какъ и прежде, продолжаютъ неподвижно лежать, не обнаруживая никакихъ признаковъ жизни, съ широко-раскрытыми безкровными зрачками, устремленными куда-то въ пространство,—словно они всматриваются своими глубоко провалившимися въ орбиты глазами во что-то, что находится выше, за предѣлами прокопченныхъ стѣнъ

и потолка фанзы. Ихъ умъ, воображеніе витаютъ далеко отъ земли подъ вліяніемъ опіума.

Только одинъ манза, лежащій ближе ко входу, еще не успѣлъ пресытиться этимъ ядомъ и уснуть въ сладкихъ грезахъ. Когда я вошелъ, онъ еще только раскуривалъ опіумъ посредствомъ длиннаго чубука изъ сосуда, лежавшаго недалеко отъ него на нарахъ, вдыхая въ себя губительный ароматъ этого наркотическаго снадобья. Отъ времени до времени изъ его плоской, высохшей, провалившейся груди вырывался сухой, надорванный, невыносимый кашель, — кашель чахоточнаго въ предсмертной агоніи. И страшно, и больно, и жутко было смотрѣть на этого несчастнаго, котораго, какъ и прочихъ другихъ, довела до такого состоянія пагубная страсть.

Мнѣ казалось, что этотъ несчастный не въ состояніи былъ бы стоять на ногахъ. Да такъ оно, вѣроятно, и было въ дѣйствительности; жизнь тлѣлась въ этомъ живомъ скелетѣ только подъ вліяніемъ возбуждающихъ паровъ опіума. Его усталый мозгъ, пресыщенное воображеніе и чувство въ состояніи были функціонировать только подъ сильнымъ вліяніемъ этого яда. Онъ уже погибъ для дѣйствительной жизни; вся его жизнь, поддерживаемая ядовитыми парами, протекаетъ въ мірѣ, чуждомъ ея,—въ мірѣ фантастическихъ грезъ, видѣній и образовъ.

Онъ медленно, вяло и лѣниво повернулъ ко мнѣ свое пергаментное, высохшее лицо, безсмысленно посмотрѣлъ на меня своими глубокими впадинами и мнѣ стало такъ жутко, что я поспѣшилъ выйти изъ фанзы.

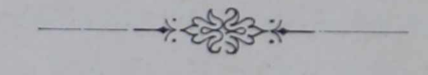
Страсть манзъ къ опіуму просто поразительна. Какія строгости ни существуютъ въ краѣ на этотъ счетъ, а все-же, нѣтъ-нѣтъ, да и обнаружится гдѣ-нибудь тайная курильня. Опіумъ—это одинъ изъ самыхъ сильныхъ и неодолимыхъ соблазновъ для сыновъ Небесной имперіи, заставляющій ихъ пренебрегать всякой отвѣтственностью. По свидѣтельству Максимова, на сѣверѣ монгольской степи куреніе опіума подвергало виновныхъ чрезвычайнымъ карамъ со стороны маньчжурскихъ властей: ихъ били бамбукомъ по пятамъ, имъ одѣвали на плечи тяжелыя трехъ-пудовыя рамы, ихъ ковали по рукамъ и ногамъ грузными желѣзными цѣпями, сажали въ тюрьмы,—и, все-таки, маньчжурскія власти были почти безсильны въ борьбѣ съ этимъ зломъ *).

---

*) Страсть къ опіуму, къ сожалѣнію, овладѣваетъ не одними только манзами, но и мѣстными крестьянами, казаками, чиновниками и даже малолѣтними. На-

Такъ празднуютъ манзы уссурiйскаго края свой „бѣлый мѣсяцъ“. По мѣрѣ приближенiя къ концу февраля въ манзовскихъ кварталахъ становится все тише и тише, и улицы дѣлаются все менѣе и менѣе людными. На двадцать восьмой день „бѣлаго мѣсяца“ только въ двухъ-трехъ мѣстахъ видны освѣщенныя разноцвѣтными фонарями китайскiя фанзы. Тускло мигаютъ одинокiе фонари, посылая прощальные лучи уходящему въ безконечность „бѣлому мѣсяцу“. Завтра снова на долгiе мѣсяцы наступаетъ для манзъ трудовой день: онъ долго длится для нихъ — одинадцать мѣсяцевъ сряду: китайцы не знаютъ другихъ праздниковъ, кромѣ „бѣлаго мѣсяца“.

И если манзы безропотно, въ вѣчной нуждѣ, тянутъ свою безконечную лямку, то—кто знаетъ?—быть можетъ, имъ служитъ путеводной звѣздой „цаганъ-саръ“.—этотъ мѣсяцъ продолжительнаго отдыха, увеселенiй и радостей, который такъ медленно приближается и такъ быстро уходитъ...

дняхъ отъ отравленiя опiумомъ во Владивостокѣ преждевременно погибъ сынъ командира Сибирскаго флотскаго экипажа, ученикъ мѣстныхъ Мореходныхъ Классовъ, мальчикъ 15—16 лѣтъ. „Дальнiй Востокъ“ сообщаетъ, что передъ смертью несчастный былъ приведенъ въ сознанiе дѣйствiемъ электрическаго тока и успѣлъ сообщить, что опiйную лепешку онъ купилъ за 20 коп. у какого-то манзы. Подобные прiемы опiума онъ дѣлалъ *неоднократно*, по его сознанiю, но на этотъ разъ принялъ слишкомъ большую дозу. Этотъ случай, имѣвшiй мѣсто только на-дняхъ (въ апрѣлѣ текущаго 1897 года) еще разъ показываетъ, что одурманенiе опiумомъ проникаетъ и за предѣлы китайской среды и что необходимы энергичныя мѣры для истребленiя опiекуриленъ и продажи этого яда. Но что можно сдѣлать въ этомъ отношенiи, когда въ дебряхъ тайги есть даже цѣлыя плантацiи мака для приготовленiя опiума, не поддающiяся ни учету, ни контролю властей!...

VIII.

Амурскимъ заливомъ.

Отъѣздъ изъ Владивостока. — На катерѣ. — Въ Амурскомъ заливѣ. — Окрестные виды. — Недавнее прошлое. — Китайскіе пираты. — Впечатлѣнія Лаперуза. — Подвиги Невельскаго. — Отзывы иностранцевъ. — Мечты объ Амурѣ. — Неудачныя попытки. — Разрѣшеніе вѣковаго вопроса. — Безумная отвага и дерзость Невельскаго. — Императоръ Николай I и Геннадій Невельской. — Дальнѣйшіе подвиги. — Молодая смолянка. — Тайфунъ. — Въ опасномъ положеніи. — На банкѣ. — У спасательной станціи.

Послѣ довольно продолжительнаго, почти безвыѣзднаго пребыванія во Владивостокѣ я получилъ, наконецъ, возможность отправиться дальше на югъ, гдѣ меня давно уже привлекалъ къ себѣ нашъ округъ (Посьетскій), пограничный съ Кореей и Китаемъ (собственно Маньчжуріей).

Обстоятельства на этотъ разъ складывались такъ благопріятно, что я могъ разсчитывать возможно больше извлечь изъ этой экскурсіи и возможно ближе и подробнѣе познакомиться съ малоизвѣстной еще пограничной частью нашей тихоокеанской окраины, стоящей въ сторонѣ отъ главнаго краеваго почтоваго тракта и потому мало изученной, малолюдной и вполнѣ сохранившей еще тотъ характеръ и видъ, который она имѣла при недавнемъ владычествѣ бродячихъ китайцевъ.

Я ѣхалъ на этотъ разъ не обычнымъ путемъ, т.-е. не на пароходѣ „Новикъ", совершающемъ, по контракту съ правительствомъ, еженедѣльные рейсы между столицею Южно-Уссурійскаго края и крайнимъ пограничнымъ военнымъ постомъ — Посьетомъ, а на принадлежащемъ одному казенному учрежденію небольшомъ катеркѣ, который не связанъ былъ никакими опредѣленными сроками и имѣлъ въ виду заходить въ попутныя поселенія и урочища, какія встрѣтятся намъ на

морскомъ берегу, въ виду котораго мы все время должны были держаться. Пускаться въ открытое море на этомъ утломъ суденышкѣ было довольно рискованно.

Погода стояла восхитительная, и поѣздка обѣщала превратиться въ очаровательную морскую прогулку.

Ровно въ четыре часа пополудни мы, т.-е. я и распорядитель катера, уже сидѣли въ микроскопической каюткѣ его. Раздался сигнальный свистокъ, скрипнула рулевая цѣпь, задымилась труба,— нашъ катерокъ вздрогнулъ, неслышно отдѣлился отъ берега и бодро двинулся подъ всѣми парами впередъ по гладко-зеркальной поверхности Амурскаго залива.

Въ заливѣ полный штиль. Въ воздухѣ—ни вѣтерка; бѣлый флагъ катера повисъ съ флагштока, какъ тряпка, и у́гольный дымъ лѣниво ползетъ изъ трубы катерка, стелется по крошечной палубѣ, заслоняя отъ насъ небо и солнце. Кажется, будто на все наше микроскопическое судно съ его немногочисленными пассажирами и задорно торчащею кверху стройною мачтой наброшено покрывало изъ густаго, чернаго, клубящагося воздушнаго крепа, проникающаго во всѣ поры, люки и отверстія судна.

Небо обливаетъ землю и воду горячими лучами солнца и свѣта, но мы почти не видимъ ни того, ни другого сквозь эту воздушную дымную сѣтку и только чувствуемъ на себѣ дѣйствіе солнечныхъ лучей.

Въ воздухѣ стоитъ почти невыносимая жара, какая обыкновенно въ это время года (мы ѣхали во второй половинѣ іюля) царитъ здѣсь. Раскаленное солнце обливаетъ весь заливъ своими горячими, знойными лучами и сильно нагрѣваетъ поверхность воды, отъ чего она, замѣтно для глаза, клубится, посылая навстрѣчу лучамъ уссурійскаго солнца бѣлоснѣжнаго цвѣта пары. Миновавъ большой островъ Русскій (Дундасъ), мы увидѣли тотчасъ за нимъ гряду небольшихъ острововъ, скрывавшихъ слѣва отъ насъ (на востокѣ) безконечную гладь Японскаго моря.

Какая скудная, жалкая, низкая, изъѣденная туманами растительность на всѣхъ этихъ островкахъ! Не видно ни одного человѣка, ни одного поселенія:—пустынные, скалистые берега и однообразное, монотонно-шумящее, свѣтло-синее море, плещущееся у подножія ихъ.

Лишь кое-гдѣ, на пикѣ выдавшейся въ море скалы видишь одинокую фанзу манзы-охотника, оперша́гося на обломокъ ея и безмолвно глядящаго въ море на мимо-проходящее судно.

Островки пройдены, и слѣва открылась едва подернутая легкою

рябью поверхность свѣтло-синей воды, идущей отсюда вплоть до береговъ недалекой Японіи. Съ моря подулъ слабый вѣтерокъ. Флагъ затрепеталъ, выпрямился, угольный дымъ разсѣялся, — стало чуть-чуть прохладнѣй. Лазурь неба, изумрудъ Японскаго моря, очаровательное солнце, какая-то особенная мягкость и нѣга, разлитая въ воздухѣ, даютъ знать о томъ, что находишься очень близко отъ благодатнаго тропическаго юга: всего въ какихъ-нибудь трехъ-четырехъ дняхъ морскаго пути. Свѣтло-сиреневыя облака, низко, амфитеатромъ опоясавшія горизонтъ, виднѣющійся невдалекѣ отъ насъ, съ правой стороны, окутанный голубоватой поэтической дымкой морскаго тумана берегъ материковой земли, въ виду котораго мы все время идемъ, дополняютъ картину.

Чѣмъ дальше уходимъ мы отъ только-что оставленныхъ островковъ, тѣмъ болѣе чувствительно для нашего утлаго судна вліяніе Японскаго моря. Волны его чуть видны, едва замѣтны для глаза, но нашъ катерокъ уже переваливается на нихъ изъ стороны въ сторону и изрядно покачиваетъ насъ. На всемъ горизонтѣ не видать ни одного судна. Лишь изрѣдка покажется гдѣ-нибудь, точно близь самаго облака, неуклюжая китайская или корейская джонка, мелькнетъ на минуту желтоватый, заплатанный, изъ цыновки сдѣланный парусъ на ней и снова исчезнетъ за горизонтомъ, и снова вокругъ ни души, ни судна, ни паруса, и только слѣва—безконечное море, а справа – пустынный, пологій берегъ Южно-Уссурійскаго края.

Окрестные виды просто угнетаютъ безлюдьемъ своимъ! Глядишь на это безжизненное море воды, рѣдко оживляемое присутствіемъ судна или паруса, смотришь на эти обрисовывающіеся въ дымкѣ морскаго тумана мертвые и безлюдные берега и, подъ аккомпаниментъ мѣрнаго и монотоннаго плеска волнъ Японскаго моря, невольно начинаешь уноситься мыслью къ недалекому прошлому и кажется, будто съ тѣхъ поръ ничего еще не измѣнилось здѣсь, въ этихъ мѣстахъ.

На самомъ дѣлѣ, однако-же, много воды утекло за это короткое время и стоитъ только углубиться на пять-десять верстъ внутрь края, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ сильно измѣнилась физіономія его за послѣдніе годы. Правда, эти перемѣны не всегда производятъ на путника отрадное впечатлѣніе... Тамъ, гдѣ когда-то стояла вѣковая тайга,—онъ натыкается нынѣ порою на обуглившуюся, покрытую горами пепла безбрежную степь; гдѣ когда-то стояли лѣса, — нынѣ торчатъ иногда лишь одни голые пни. Но за то, кое-гдѣ, вмѣсто логовища барса и тигра ему уже приходится встрѣчать и поселеніе че-

ловѣка, а на омывающихъ берега гладко-зеркальныхъ водахъ залива,— нѣтъ-нѣтъ—да и встрѣтится парусъ инородческой джонки, а подъчасъ—и труба парохода.

Между тѣмъ, еще очень недавно на всей видной мнѣ съ палубы поверхности моря было, дѣйствительно, пустынно и глухо. Корабли европейцевъ, шаланды корейцевъ, джонки мирныхъ китайцевъ, легкія „фуне“ (шхуны) японцевъ не бороздили здѣсь водъ. Мертвенно и пусто было на всемъ этомъ обширномъ пространствѣ воды. Лишь дальше къ югу, по преданію, изрѣдка показывались въ виду береговъ джонки свирѣпыхъ китайскихъ пиратовъ, скрывавшихся тамъ отъ преслѣдованія китайскихъ или маньчжурскихъ властей или пріѣзжавшихъ туда хоронить концы преступленія въ воду. Говорятъ, что въ то недавнее время здѣсь разыгрывались кровавыя драмы. Пираты похищали съ ближняго корейскаго берега корейцевъ, ихъ женъ и дѣтей, обирали ихъ до тла, и тамъ, на виду у пустынныхъ, безлюдныхъ береговъ расправлялись съ ними самымъ варварскимъ образомъ. Гладкія воды Японскаго моря, если-бъ могли говорить, разсказали-бы современному путнику не одну печальную драму, которой они были молчаливыми свидѣтелями. Полагаютъ, что и теперь еще не мало корейскихъ костей покоятъ онѣ, поглотивъ ихъ когда-то изъ рукъ китайскихъ пиратовъ.

Европейцы тогда еще совершенно ничего не знали объ этихъ мѣстахъ и едва-ли даже они подозрѣвали ихъ существованіе.

„Это была,—говоритъ Лаперузъ въ своихъ „Путешествіяхъ“,—единственная часть земного шара, ускользнувшая отъ неутомимаго вниманія великаго Кука“...

Тамъ, гдѣ мнѣ теперь виденъ лишенный растительности берегъ,— разстилалась на тысячи верстъ, вплоть до Амура, вѣковая тайга, хищнически-вырубаемая и выжигаемая нынѣ. На морскомъ берегу, мимо котораго идемъ мы теперь, спокойно гуляли тогда кабаны и медвѣди. Дальше, за узкой береговой полосой, начинались дремучія дебри первобытнаго лѣса, покрывавшаго собой, словно крѣпкой и прочной бронею, весь край. Кое-гдѣ возвышались надъ лѣсомъ вершины и пики, увѣнчанные широковѣтвистыми соснами. Съ высокихъ хребтовъ и недоступныхъ твердынь спускались къ самому морю стволы исполинскихъ дубовъ. Извилистые, сверкающіе серебристыми змѣйками лѣсные и горные ручьи, исчезавшіе въ тайгѣ или между тѣснинами, поросшими зеленѣющимъ лѣсомъ, бурно текли въ вѣчно-шумное море, отражая въ прозрачныхъ водахъ своихъ поросшія у ихъ крутыхъ бе-

реговъ плакучія ивы, серебристыя вѣтви березы, раскидистыя зеленыя вѣтви первобытнаго клена. На опушкѣ тайги взоръ тогдашняго путника могъ бы увидѣть подернутыя красноватымъ цвѣтомъ листья орѣшника съ гроздьями круглыхъ плодовъ, исполинскія яблони, обремененныя зрѣлыми фруктами.

Почва покрыта была пестрымъ, красивымъ ковромъ, сотканнымъ самой природой: ароматныя розы, красныя и желтыя лиліи, ландыши, полевые цвѣты, мелкій лукъ, сельдерей и щавель,—все это пышно и мощно расло подъ живительными лучами уссурійскаго солнца.

Въ такомъ видѣ застали этотъ край первые европейцы, проникшіе сюда,—Лаперузъ и вскорѣ послѣ него англійскій мореплаватель Броутонъ,—не жалѣющіе красокъ для описанія видѣнныхъ ими здѣсь богатствъ его фауны и флоры. Какъ мало напоминаетъ, мѣстами, это описаніе обожженный и обезлѣсенный берегъ, мимо котораго идемъ мы теперь *).

Край этотъ, и особенно эта тайга—тихая и безмятежная въ хорошую погоду, гнѣвная и грозно-рокочущая въ штормъ или бурю—не знала тогда человѣка. Никакого слѣда обитаемости не нашелъ здѣсь Лаперузъ; онъ не видалъ здѣсь никакого слѣда жилищъ человѣка: „ни одной лодки не отдѣлялось отъ берега"... „И эта страна, покрытая прекраснѣйшими деревьями, свидѣтельствовавшими о необыкновенномъ плодородіи почвы", этотъ край, въ сравненіи съ которымъ „самая прохладная весна южной Франціи не представляетъ зелени столь свѣжей и разнообразной",—былъ безразсудно оставленъ въ пренебреженіи его номинальными обладателями, сынами Небесной имперіи.

„Этотъ народъ", говоритъ далѣе знаменитый путешественникъ, „могъ бы, конечно, основать здѣсь блистательныя колоніи, но вся его

---

*) Истребленіе лѣса на южномъ побережьи Уссурійскаго края и въ глубинѣ его, близъ людскихъ поселеній—зло, отъ котораго давно уже страдаетъ наша окраина. Вся лѣсная эксплоатація сводится здѣсь, въ сущности, къ истребленію лѣса, въ чемъ русскіе соперничаютъ съ китайцами; разница только въ способахъ истребленія: казакъ рубитъ дерево, когда ему понадобится достать кедровые орѣхи; манза рубитъ его, когда онъ желаетъ добыть древесный грибъ; и тѣ и другіе выжигаютъ цѣлые лѣса, когда пожелаютъ имѣть орѣхи калеными или въ зимнюю стужу пожелаютъ согрѣться. Въ Императорской гавани, напримѣръ, лежащей сѣвернѣе Владивостока, лѣсъ, представляющій собой весьма цѣнное имущество, какъ выяснилось на II хабаровскомъ съѣздѣ (см. „отчетъ" г. И. Надарова подъ заглавіемъ: „2-й съѣздъ губернаторовъ и другихъ представителей въ г. Хабаровскѣ", стр. 49), настолько испорченъ пожарами, что уже въ 1885 году „на пространствѣ 50 верстъ не могли найдти дерева, годнаго на мачту для клипера „Стрѣлокъ"!..

политика заключалась именно въ томъ, чтобы противодѣйствовать всякому заселенію края". И это тѣмъ болѣе удивило Лаперуза, когда онъ вспомнилъ, что „излишекъ населенія обременяетъ обширную Китайскую имперію", что „законъ сыновъ Неба не наказываетъ отца, убивающаго свое дитя", что „этотъ народъ, котораго общественные уставы столь восхваляются, не осмѣливался распространяться по другую сторону „великой стѣны", чтобы извлекать свое пропитаніе изъ почвы, которой растительную силу скорѣе нужно задерживать, чѣмъ развивать...".

Правда, на каждомъ шагу Лаперузъ находилъ слѣды жившихъ здѣсь когда-то людей, но объ этомъ можно было догадываться лишь по тѣмъ разрушеніямъ, которыя оставлялъ послѣ себя „царь природы": „многія деревья были срублены острыми орудіями; признаки опустошеній отъ огня обнаруживались во многихъ мѣстахъ".

Физіономія края начала измѣняться только со времени появленія въ водахъ Великаго океана транспорта „Байкалъ" подъ командой капитанъ-лейтенанта Геннадія Невельскаго,—этого русскаго Колумба переживаемаго нами столѣтія, скромнаго изслѣдователя, открытія котораго произвели переворотъ въ господствовавшихъ цѣлое столѣтіе въ Европѣ представленіяхъ о восточномъ побережьи Уссурійскаго края,—этого малоизвѣстнаго моряка и уже забытаго героя, которому Россія обязана мирнымъ и безкровнымъ присоединеніемъ Уссурійскаго края *).

Подвиги Невельскаго поставили на очередь вопросъ о колонизаціи Амура и Уссури и вскорѣ, безъ всякихъ столкновеній съ Китаемъ, былъ занятъ Амуръ, Уссури, Сахалинъ,—весь край отъ „Студенаго" (Охотскаго) до „Теплаго" (Японскаго) моря. Застучали тридцать шесть лѣтъ назадъ топоры въ дѣвственныхъ уссурійскихъ лѣсахъ, запѣнились спокойныя воды Уссури и Амура, забурлили въ нихъ суда европейской конструкціи, на берегахъ далекаго океана послышалась русская рѣчь, закипѣла работа въ постахъ и урочищахъ; но, на-ряду съ этимъ, современному путнику еще чаще, чѣмъ Лаперузу, приходится отмѣчать на своемъ пути слѣды разрушенія, которые здѣсь оставляютъ послѣ себя теперь люди.

---

*) Въ скоромъ времени во Владивостокѣ будетъ воздвигнутъ памятникъ Геннадію Невельскому, представляющій собою, по утвержденному проекту, пирамиду, увѣнчанную бронзовымъ шаромъ и парящимъ двуглавымъ орломъ. На одной сторонѣ пирамиды будутъ начертаны слова Императора Николая I, которыя навсегда рѣшили амурскій и уссурійскій вопросы: „гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, — онъ уже спускаться не долженъ".

Здѣсь будетъ умѣстно напомнить, что со времени подвига Невельскаго (рѣчь идетъ объ открытіи имъ, вопреки прямымъ распоряженіямъ правительства, устья Амура, которое, до него, изысканіями Лаперуза, Броутона, Крузенштерна и русскаго мореходца Гаврилова признавалось совершенно недоступнымъ, не дающимъ выхода въ океанъ, въ силу чего самый Амуръ и весь край, примыкающій къ нему, былъ признанъ безполезнымъ для русскаго правительства) прошло всего сорокъ пять лѣтъ (а со времени его смерти и всего-то лѣтъ двадцать), а, между тѣмъ, уже теперь въ Россіи мало найдется людей, которые знаютъ, что исключительно его настойчивости, смѣлости, мужеству и самоотверженію Россія обязана тѣмъ, что ея флагъ нынѣ развѣвается на берегахъ Тихаго океана, и что, именно, этотъ безотвѣтный, но въ то же время отважный морякъ и открылъ намъ, почти на нашихъ глазахъ, тотъ путь къ океану, котораго мы упорно, настойчиво, стихійно, но безплодно добивались послѣднія два-три столѣтія.

Любопытно, что въ то время, какъ ближайшее потомство плохо сохранило въ своей памяти воспоминанія о заслугахъ этого отважнаго и безкорыстнаго человѣка передъ родиной, — наши восточные и западные сосѣди не перестаютъ удивляться его мужеству и безпримѣрному патріотизму.

„Такъ, благодаря одной лишь отвагѣ Невельскаго, безъ выстрѣла, великолѣпная Приморская область, съ береговою чертою въ 900 миль, отошла къ Россіи, и Китай, собственной рукою, однимъ почеркомъ пера (Пекинскимъ трактатомъ), навсегда закрылъ себѣ двери въ Японское море“, — писала еще недавно китайская газета „North China Herald“.

„Только безчувственный русскій“,—восклицаетъ, вспоминая о Невельскомъ, англійскій журналъ „Blackwood Edinbourgh Magazine“,— „могъ бы подавить невольный восторгъ при видѣ столь прекраснаго владѣнія на Востокѣ, пріобрѣтеннаго благодаря выдающемуся патріотизму Невельскаго. Уже одно то, что пріобрѣтена страна, равная по величинѣ Франціи, расшевелило бы даже самый неподвижный народъ на земномъ шарѣ и переполнило бы его сердце благодарностью къ скромному виновнику этого пріобрѣтенія. А здѣсь, къ тому же, русскимъ досталась не тощая пустыня гдѣ-нибудь въ глуши Африки, не болотистыя трущобы каннибаловъ въ отдаленныхъ частяхъ океана, но естественное продолженіе самой метрополіи, требующее только устройства путей сообщенія для слитія въ одно цѣлое со всей Имперіей“.

Вся жизнь этого замѣчательнаго человѣка была высокимъ подвигомъ на пользу отчизны. Геннадій Невельской завершилъ наше вѣковое стремленіе на Востокъ, онъ разрѣшилъ десятилѣтіями тянувшійся безконечный „амурскій вопросъ" и разрубилъ, наконецъ, тотъ гордіевъ узелъ, который до появленія въ Тихомъ океанѣ этого скромнаго капитанъ-лейтенанта былъ крѣпко и, казалось, навѣки связанъ авторитетнѣйшими въ Европѣ путешественниками:—Лаперузомъ, Броутономъ, Крузенштерномъ и русскимъ мореходцемъ Гавриловымъ.

Идея завоеванія Амура съ давнихъ поръ занимала умы русскихъ людей.

Уже съ конца прошлаго вѣка, какъ только начали зарождаться наши колоніи на сѣверовосточномъ берегу Восточной Сибири,—русское правительство начинаетъ организовывать экспедиціи для научнаго обслѣдованія этой окраины Первая экспедиція снаряжена была, вскорѣ послѣ путешествія знаменитаго Кука, подъ начальствомъ его спутника Биллингса. Предназначалась она, какъ видно изъ инструкціи, которой она была снабжена, „для немаловажной пользы ученаго свѣта, для открытій на восточнѣйшихъ берегахъ Имперіи и вообще для совершеннѣйшаго познанія во время преславнаго Ея Величества (Екатерины II) царствованія земель пріобрѣтенныхъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, этой экспедиціи поручено было изслѣдовать побережье юго-восточной окраины Сибири. Болѣзнь Биллингса не позволила выполнить послѣдней части задачи. Но одновременно съ нимъ совершалъ въ то время свое знаменитое плаваніе французскій путешественникъ Лаперузъ.

Описавъ, между прочимъ, юго-восточную часть Сахалина, проливъ, отдѣляющій Сахалинъ отъ Матсмая (иначе: о. Іессо—самый сѣверный въ группѣ острововъ Японскаго архипелага), названный его именемъ,—онъ намѣревался проникнуть дальше лиманомъ Амура въ Охотское море, но не успѣлъ въ этомъ и счелъ Сахалинъ за полуостровъ. Той-же неудачей окончилась и попытка проникнуть въ лиманъ Амура, сдѣланная нѣсколько позже мореплавателемъ Броутономъ и его помощникомъ Чампаномъ.

Упомянутыми двумя путешественниками было, такимъ образомъ, казалось, разъ навсегда закрѣплено убѣжденіе, что лиманъ Амура съ моря недоступенъ, и, слѣдовательно, самая рѣка эта,—одна изъ самыхъ большихъ въ Сибири, является безполезной для русскаго правительства, такъ какъ не даетъ доступа къ океану.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Вниманіе всѣхъ русскихъ людей съ наступленіемъ переживаемаго нами XIX столѣтія въ теченіи продолжительнаго времени было отвлекаемо событіями, происходившими на Западѣ Европы. Востокъ и Сѣверъ не были, тѣмъ не менѣе, совсѣмъ позабыты. Оторванность отъ метрополіи нашихъ владѣній на Камчаткѣ и по берегамъ Охотскаго моря, лишенныхъ внутренняго сообщенія съ Россіей, опасенія конкурренціи англичанъ въ нашей едва зарождавшейся торговлѣ съ Китаемъ, безпомощное положеніе восточно-сибирскихъ владѣній въ случаѣ непріязненныхъ дѣйствій со стороны какой-либо иноземной державы, — все это, вмѣстѣ взятое, не давало покоя русскому правительству, несмотря на тяжелую грозовую тучу, надвигавшуюся тогда съ береговъ Сены.

Вниманіе его было снова привлечено къ устью Амура, значеніе котораго видѣлъ еще Петръ Великій и правильно оцѣнила Императрица Екатерина II, сказавшая, что „если-бы даже Амуръ могъ намъ служить только какъ путь, черезъ который легко можно продовольствовать Камчатку, то и тогда обладаніе имъ имѣетъ уже значеніе“.

Результатомъ этихъ стремленій явилось, въ началѣ текущаго столѣтія первое русское кругосвѣтное плаваніе, совершенное Крузенштерномъ.

Первоначальная мысль объ этомъ путешествіи возникла у него еще тогда, когда онъ, плавая на англійскомъ суднѣ, посѣтилъ Кантонъ и заинтересовался русской мѣховой торговлей съ Китаемъ, производившейся сухимъ путемъ изъ Охотска черезъ Кяхту. Предполагая много выгодъ отъ направленія ея морскимъ путемъ, онъ выхлопоталъ разрѣшеніе снарядить экспедицію, которой, помимо торговыхъ и политическихъ порученій, было предписано также отыскать устье Амура и изслѣдовать весь вообще берегъ Восточной Сибири.

Обойдя сѣверную оконечность Сахалина, Крузенштернъ спустился къ югу для отысканія устья Амура и, встрѣтивъ тамъ противное теченіе и прѣсноватую воду, заключилъ по этимъ признакамъ о близости лимана.

Однако-же, посланный имъ на розыски лейтенантъ Ромбергъ встрѣтилъ значительное уменьшеніе глубинъ къ югу (въ Татарскомъ проливѣ) и вернулся назадъ.

Крузенштернъ, такимъ образомъ, впалъ въ ту-же ошибку, что и Лаперузъ и Броутонъ, съ тою лишь разницей, что послѣдніе считали, что лиманъ запертъ перешейкомъ, соединяющимъ материкъ съ Сахалиномъ, а первый рѣшилъ, что устье этой грандіозной рѣки заперто оголяющимися отмелями.

Прошло около сорока лѣтъ. Мысль о завоеваніи Амура, который, по словамъ сибирскаго лѣтописца, „насильственнымъ мирнымъ заключеніемъ за китайцами остался“ *), не переставала волновать умы русскихъ людей.

Къ этому присоединились уже испытанныя неудачи во всѣхъ прежнихъ стремленіяхъ создать надлежащіе порты въ негостепріимныхъ берегахъ „Студенаго моря“, бѣдственное положеніе нашихъ сѣверо-восточныхъ владѣній, а также разсказы якутскихъ купцовъ о доступности Амурскаго устья и представленія генералъ-губернатора Руперта.

Ровно полъ-вѣка назадъ главный правитель русско-американской компаніи снова командируетъ, по порученію правительства, бригъ „Константинъ“, подъ командой Гаврилова, для изслѣдованія все того-же лимана Амура. Послѣ долгихъ изысканій Гавриловъ также пришелъ къ тому заключенію, что къ океану съ Амура нѣтъ доступа даже для мелководныхъ судовъ по извилистымъ и узкимъ протокамъ лимана.

Эта экспедиція на долгое время рѣшила вопросъ объ Амурѣ. Императоръ Николай I былъ теперь положительно убѣжденъ въ непригодности этой двѣсти лѣтъ назадъ принадлежавшей Россіи огромной рѣки. «Напрасно», говорилъ онъ, «хлопотать объ Амурѣ, когда теперь уже окончательно дознано, что въ него могутъ входить только однѣ маленькія шлюбки».

На всеподданнѣйшемъ докладѣ о результатахъ этой экспедиціи Императоръ Николай I начерталъ: «Весьма сожалѣю. Вопросъ объ Амурѣ, какъ о рѣкѣ безполезной, оставить. Лицъ, посылавшихся на Амуръ, наградить».

Изысканія Лаперуза, Броутона, Крузенштерна, Гаврилова, такимъ образомъ, убѣдили всѣхъ, что Амуръ совершенно не судоходенъ, что доступъ въ него, благодаря зыбучимъ пескамъ, очень затруднителенъ, почти невозможенъ, и что вообще вопросъ о его изслѣдованіи и, тѣмъ болѣе, занятіи,—вопросъ совершенно праздный и неумѣстный.

Былъ, однако-жъ, одинъ человѣкъ, который не поддавался этому всеобщему настроенію. Это былъ еще мальчикъ, воспитанникъ петербургскаго морскаго училища, извѣстный впослѣдствіи контръ-адмиралъ Геннадій Ивановичъ Невельской.

Еще на школьной скамьѣ онъ зачитывался сказочными разсказами вольныхъ казаковъ—Пояркова, Хабарова, Стефанова, Дежнева, Стадухина, Атласова и многихъ другихъ, со второй половины XVI вѣка

---

*) По Нерчинскому трактату 27 августа 1669 года.

неустанно стремившихся на далекій сѣверо-востокъ Сибири, въ „незнаемые края“, соблазняемые смутными толками и слухами о богатствахъ этой окраины.

Мальчика-кадета чрезвычайно привлекали къ себѣ эти полу-фантастическіе разсказы. Его воображенію рисовались незнакомыя картины дикой сѣверной природы, безконечныя равнины, покрытыя снѣгомъ, неприступныя твердыни и горы, сцены изъ быта обитателей суровой Сибири. Подъ вліяніемъ массы уже тогда прочитанныхъ имъ книгъ о далекой сѣверо-восточной окраинѣ въ его головѣ начинаютъ возникать вопросы, разрѣшеніе которыхъ сдѣлалось впослѣдствіи дѣломъ всей его жизни. Его уже въ то время началъ интересовать одинъ изъ самыхъ темныхъ и запутанныхъ вопросовъ, — вопросъ объ устьѣ Амура.

Этотъ вопросъ по выходѣ его изъ училища окончательно поглотилъ всѣ его помыслы. Молодой морской офицеръ только то и дѣлалъ, что рылся въ архивахъ, перечитывалъ всевозможныя книги, имѣвшія отношеніе къ мучившимъ его сомнѣніямъ.

„Не можетъ-же быть“,—говорилъ онъ,—„чтобы такая огромная рѣка, какъ Амуръ, терялась въ прибрежныхъ пескахъ и не могла проложить себѣ самостоятельнаго, свободнаго выхода въ море!“...

И онъ съ непостижимымъ упорствомъ продолжалъ повторять это, не смотря на то, что вездѣ, куда онъ ни кидался, онъ встрѣчалъ одинъ и тотъ-же неизмѣнный отвѣтъ: «устье Амура неизвѣстно; предполагаютъ, на основаніи достовѣрныхъ и не подлежащихъ никакому сомнѣнію категорическихъ свидѣтельствъ великихъ мореплавателей, что рѣка теряется въ прибрежныхъ пескахъ океана».

«А что», думалъ онъ, «если Россія упуститъ удобный моментъ и не займетъ этой территоріи, по которой, быть можетъ, пролегаетъ путь, соединяющій Сибирь, а чрезъ нее и Россію, съ океаномъ?... Вѣдь въ одинъ прекрасный день это можетъ сдѣлать Китай, который окончательно и навсегда запретъ тогда русскимъ доступъ къ морю и будетъ грозить самой Россіи».

И мысль объ этомъ приводила его въ такой ужасъ, что онъ тогда-же далъ себѣ клятву во что-бы то ни стало выяснить этотъ вопросъ, и—кто знаетъ?—быть можетъ, даже занять Приамурскій край.

Немало удивлены были въ скоромъ времени въ морскомъ министерствѣ, когда молодой, образованный, подававшій блестящія надежды морской офицеръ въ одинъ прекрасный день заявилъ о желаніи взять на себя командованіе простымъ транспортомъ „Байкалъ“, отправляв-

шимся изъ Кронштадта въ Камчатку для портовой службы въ угрюмомъ, непривѣтливомъ Охотскомъ морѣ.

Напрасно кн. Меньшиковъ, стоявшій тогда во главѣ морскаго министерства, убѣждалъ молодаго моряка выкинуть изъ своей головы эту странную идею,—Невельской упорно стоялъ на своемъ. Меньшикову ничего не оставалось дѣлать, какъ уступить настойчивости и упрямству этого страннаго моряка, „завѣдомо" губившаго свою карьеру. На всякій случай, онъ, впрочемъ, посовѣтовалъ ему представиться вновь назначенному тогда генералъ-губернатору Восточной Сибири, Н. Н. Муравьеву.

Тогда Невельской рѣшился на смѣлый поступокъ. Зная, что своими собственными силами онъ не добьется полученія надлежащей инструкціи, онъ рѣшился сдѣлать своимъ соучастникомъ генералъ-губернатора и смѣло повѣрилъ ему свои надежды, намѣренія, планы.

Пламенная, горячая, искренняя рѣчь юноши-моряка убѣдила Муравьева въ томъ, что предъ нимъ талантливый мечтатель-идеалистъ, могущій, дѣйствительно, осуществить свою мечту; мало того, онъ даже самъ увлекся мыслью пріобрѣсти для Россіи крайне важный для нея Приамурскій край.

Содѣйствіе Муравьева, однако, не предрѣшало осуществленія пламенной мечты Невельскаго. Предъ нимъ стояло непреодолимое препятствіе, обойти которое было совершенно невозможно: оставалось еще склонить на эту экспедицію Императора Николая I. Но въ виду извѣстной уже читателямъ резолюціи Императора объ этомъ нечего было и думать. Изслѣдованія Лаперуза, Крузенштерна и Гаврилова окончательно убѣждали всѣхъ въ томъ, что Амуръ совершенно безполезенъ для Россіи: къ тому же, тогдашній морской министръ, гр. Нессельроде, выражалъ опасеніе, что новое появленіе русскихъ на Амурѣ, вскорѣ послѣ Гаврилова, можетъ вызвать крупныя осложненія со стороны Китая.

Между тѣмъ, юноша Невельской не переставалъ торопить съ составленіемъ потребной ему инструкціи: онъ чрезвычайно опасался, что кто-нибудь—англичане, китайцы, американцы, японцы—можетъ раньше его догадаться, захватить въ свои руки устье Амура и этимъ нанести непоправимый вредъ Россіи.

Видя, однако, что никто не рѣшается даже доложить объ этомъ важномъ и не терпящемъ отлагательства дѣлѣ Императору, молодой смѣльчакъ однажды откровенно заявилъ кн. Меньшикову, что онъ, во всякомъ случаѣ, изслѣдуетъ устье Амура, если даже не получитъ оффиціальнаго разрѣшенія.

— Но какъ-же вы объясните тогда появленіе русскаго корабля въ этихъ мѣстахъ?—воскликнулъ пораженный кн. Меньшиковъ.

Геннадій Невельской.

— Пустяки, — отвѣтилъ Невельской, спокойно улыбаясь. — Вѣдь, это — страна бурь, страшныхъ вѣтровъ и непроницаемыхъ тумановъ.

Что удивительнаго, если бѣдный транспортъ собьется съ намѣченнаго пути!.. Не такъ-ли?

— Это, конечно, ваше дѣло, — отвѣтилъ ему кн. Меньшиковъ.— Знайте, однако, что то, что вы хотите сдѣлать,—не можетъ быть сдѣлано оффицiально. Дѣлайте, что хотите... Я заранѣе умываю руки во всемъ этомъ дѣлѣ и предупреждаю васъ, что сдѣлать что-нибудь для вашей защиты я положительно не могу..

Убѣдившись, наконецъ, въ томъ, что ему не добиться Высочайшаго разрѣшенiя на изслѣдованiе устья Амура, Невельской обратился къ Муравьеву съ письмомъ, въ которомъ изложилъ планъ своихъ дѣйствiй и просилъ его дать ему секретное предписанiе такого содержанiя: „не давая подозрѣнiй, подъ какимъ-либо предлогомъ, происходящимъ отъ случайности, напримѣръ, вслѣдствiе тумана, бури. неблагопрiятнаго теченiя, постараться войти въ лиманъ Амура, изслѣдовать устье этой рѣки и пространство между островомъ Сахалиномъ и материкомъ до предѣла къ югу, сколь можно больше»...

Увлеченный идеей молодаго моряка, Муравьевъ составилъ соотвѣтствующую инструкцiю, но кн. Меньшиковъ не рѣшился доложить ее Императору въ этомъ видѣ, вычеркнулъ изъ нея всѣ тѣ параграфы, въ которыхъ упоминалось самое слово „Амуръ“ и замѣнилъ ихъ словами, допускающими самое разнообразное толкованiе.

Геннадiй Невельской не дождался, однако-же, этой инструкцiи, и 21 августа 1848 г. онъ уже уносился (на „Байкалѣ“) подъ всѣми парусами на далекiй Востокъ. Девять мѣсяцевъ спустя, послѣ продолжительнаго плаванiя вокругъ Южной Америки, транспортъ „Байкалъ“ благополучно достигъ своей конечной цѣли—Петропавловска, уединеннаго порта на берегу Охотскаго моря.

Долго ждалъ здѣсь Невельской обѣщанной ему Муравьевымъ инструкцiи, но время шло, а она все не приходила. Опасаясь, что вмѣсто нея можетъ придти прямое запрещенiе произвести изслѣдованiе Амура, котораго нельзя уже было бы не исполнить, не подвергая себя серьезной отвѣтственности,—Невельской рѣшился на отважный поступокъ:—онъ рѣшилъ самовольно оставить предназначенный для его пребыванiя портъ.

Оставалось только убѣдить своихъ спутниковъ *).

— Господа!—сказалъ онъ, собравъ вокругъ себя всѣхъ своихъ офи-

*) Экипажъ Невельскаго состоялъ изъ офицеровъ: Козакевича, Гревенса, Гейсмора, Грота, Попова, кн. Ухтомскаго, врача Берга, 80 матросовъ и сорока рабочихъ.

церовъ.—Я не хочу подвергать васъ какимъ-бы то ни было опасностямъ. Всю отвѣтственность и грядущую кару я беру на себя. Служа подъ моимъ начальствомъ, вы не отвѣчаете за мои распоряженія.

Офицеры безропотно повиновались ему, и 7 октября 1849 года „Байкалъ“ уже шелъ, распустивъ паруса, по направленію къ предполагаемому устью Амура. Спустя нѣсколько дней, Невельской былъ въ виду песчаныхъ береговъ Сахалина, окаймляемыхъ съ моря рядами безчисленныхъ мелей. Вдругъ Невельской увидѣлъ на горизонтѣ сверкающее озеро, скрытое мелями. Онъ спустилъ съ судна шлюбку и медленно поплылъ по направленію къ нему на „Байкалѣ“... Прошло еще два-три часа, и транспортъ „Байкалъ“, первый изъ всѣхъ европейскихъ судовъ, плавно и медленно вступалъ въ мутныя воды полноводнаго, хотя и узкаго пролива, скрывавшагося на сѣверѣ за горизонтомъ...

Лаперузъ, Крузенштернъ—заблуждались... Сахалинъ отдѣлялся отъ Азіи... Онъ былъ—островъ.

Это открытіе придало энергію и силы отважному юношѣ. Онъ послѣдовалъ дальше на сѣверъ и здѣсь, послѣ многихъ трудовъ и лишеній, онъ достигъ, наконецъ, мели, на большое разстояніе выдавшейся въ проливъ изъ залива (Татарскаго), что и заставило думать его предшественниковъ, что устье Амура скрывалось въ пескахъ... Эту огромную мель они приняли за перешеекъ, соединявшій островъ Сахалинъ съ материковой землей.

Послѣ нѣсколькихъ дней тщательныхъ изысканій Невельскому удалось окончательно убѣдиться въ томъ, что за этой мелью скрывался лиманъ. Вскорѣ онъ нашелъ совершенно свободный и широкій проходъ, котораго такъ страстно и тщетно искали два вѣка подъ-рядъ. Устье Амура было открыто... Тайное предчувствіе не обмануло его... Невельской осуществилъ свою завѣтную мечту, и первый ступилъ на берегъ Амура, по которому еще никогда не ступала нога европейца.

Нужно было, однако, торопиться въ Аянъ. Какъ впослѣдствіи оказалось, въ виду долгаго отсутствія „Байкала“, тамъ уже рѣшили, что это судно погибло. Генералъ Муравьевъ, дожидавшійся здѣсь Невельскаго на обратномъ пути изъ Камчатки, уже отчаялся когда-либо увидѣть его и собирался уѣхать.

Каково-же было его удивленіе, когда почти наканунѣ отъѣзда ему доложили, что на горизонтѣ показался „Байкалъ“. Сгорая отъ нетерпѣнія узнать о результатѣ изслѣдованій молодаго моряка, Н. Н. Му-

равьевъ не дождался его прибытія въ портъ, взялъ шлюбку и поѣхалъ навстрѣчу ему въ открытое море.

Лишь только онъ приблизился къ судну на разстояніе голоса, онъ крикнулъ:

— Невельской!.. Вы откуда?

— Ура, ваше превосходительство!—отвѣчалъ Невельской, стоя на мостикѣ. — Вѣковыя заблужденія разсѣяны... Сахалинъ —островъ, и устье Амура открыто!..

Возгласъ Невельскаго былъ подхваченъ командой, и пустынное прибрежье Аяна впервые огласилось единодушнымъ крикомъ „ура!", вылетѣвшимъ изъ нѣсколькихъ десятковъ матросскихъ грудей.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Невельской уже былъ въ Петербургѣ. Немедленно по пріѣздѣ онъ явился къ князю Меньшикову, и здѣсь онъ узналъ, что Государь не только не гнѣвается на него за его „самовольство", но даже назвалъ его поступки „храбрыми и заслуживающими одобренія, благодаря блестящимъ результатамъ, которые они дали".

Подвигъ Невельскаго открылъ для Россіи новыя перспективы. Николай I и Муравьевъ ясно сознавали, какое огромное значеніе въ политическомъ, стратегическомъ и экономическомъ отношеніяхъ имѣетъ для государства сдѣланное Невельскимъ открытіе.

По утвержденному Императоромъ проекту рѣшено было поручить Муравьеву основать зимовку гдѣ-нибудь на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря, но, впрочемъ, „отнюдь не въ лиманѣ, а тѣмъ болѣе на рѣкѣ Амурѣ", главнымъ образомъ, въ виду донесеній нашего посольства въ Пекинѣ, изъ которыхъ видно было, что все побережье Амура Китай считалъ своей собственностью.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, была снаряжена экспедиція, которая, „подъ видомъ торговли россійско-американской компаніи", должна была завязать сношенія съ обитателями Амурскаго края — гиляками, а также для развѣдыванія края, „не касаясь, однако-же, ни подъ какимъ предлогомъ вопроса о рѣкѣ Амурѣ и его бассейнѣ".

Невельской, произведенный Императоромъ въ капитаны 2-го ранга, отправленъ былъ въ распоряженіе Муравьева для выбора мѣста подъ зимовье, которое онъ вскорѣ и учредилъ подъ названіемъ Петровскаго порта.

Исполненіемъ этой обязанности онъ не считалъ, однако, свою задачу исполненной и, не взирая на прямое запрещеніе Императора, снарядилъ небольшое судно, захватилъ съ собой шесть казаковъ, про-

визію, оружіе, порохъ, двухъ переводчиковъ и смѣло направился къ запретному устью.

Едва углубился онъ внутрь рѣки на разстояніе нѣсколькихъ верстъ отъ ея впаденія въ море, какъ замѣтилъ на берегу толпу гиляковъ, съ изумленіемъ и страхомъ глядѣвшихъ на появленіе бѣлыхъ людей.

Невельской приказалъ остановить свою лодку и. въ сопровожденіи горсти вооруженныхъ казаковъ, твердою поступью подошелъ къ дикарямъ. Толпа гиляковъ разступилась, и капитанъ Невельской увидѣлъ маньчжура Джангина (такъ называли его гиляки), сидѣвшаго въ надменной позѣ на срубленномъ пнѣ.

— По какому праву вы явились сюда? — высокомѣрно спросилъ Невельскаго маньчжуръ.

— Скажите лучше, по какому праву *вы* явились сюда?—тѣмъ же тономъ отвѣтилъ ему Невельской.

— Эта земля всегда принадлежала маньчжурамъ.

— Ты ошибаешься,—отвѣтилъ Невельской.—Эта земля принадлежитъ русскимъ, и ты долженъ немедленно удалиться отсюда.

Джангинъ сдѣлалъ угрожающій жестъ рукой, какъ бы приглашая толпу гиляковъ ринуться на горсточку храбрецовъ.

Невельской не далъ ему привести въ исполненіе угрозы. Вынувъ заряженный револьверъ, онъ спокойно направилъ его на Джангина и заявилъ, что убьетъ его, какъ собаку, если онъ вздумаетъ оказать сопротивленіе.

Этотъ пріемъ произвелъ потрясающій эффектъ. Гордый маньчжуръ моментально смирился.

Отъ гиляковъ Невельской, между прочимъ, узналъ, въ опроверженіе увѣреній китайскихъ властей, что они всегда были свободны и никому не были подчинены; мало того, по ихъ словамъ оказалось, что на всемъ протяженіи Амура нѣтъ ни одного китайскаго городка или крѣпости.

Далѣе онъ узналъ отъ нихъ, что въ послѣдніе годы каждую весну въ заливѣ появляются бѣлые люди на огромныхъ судахъ, обижающіе бѣдныхъ гиляковъ и безцеремонно отнимающіе у нихъ пушнину и рыбу.

Предположивъ, что эти бѣлые люди были никто иные, какъ англичане и американцы, и опасаясь, чтобы они не захватили въ свое обладаніе весь этотъ край, Невельской рѣшился, въ интересахъ отчизны, на безумный по дерзости поступокъ. Онъ заявилъ гилякамъ, что онъ нарочно присланъ Бѣлымъ Царемъ для ихъ защиты, для чего онъ и

уполномоченъ построить на Амурѣ нѣсколько крѣпостей. Мало того, онъ оставилъ имъ письмо отъ имени „Великаго Царя“, для того, чтобы они показали его бѣлымъ людямъ, если-бы тѣ вздумали явиться сюда...

Не довольствуясь этимъ, Невельской отправился къ устью Амура и здѣсь, въ присутствіи команды, на глазахъ многочисленной толпы гиляковъ, заложилъ портъ Николаевскъ и водрузилъ русскій флагъ.

Оставивъ въ новоучрежденномъ порту съ полдесятка солдатъ, вооруживъ его небольшой пушкой, онъ отправился на собакахъ въ Петропавловскъ, въ сопровожденіи выборныхъ отъ гиляковъ, которые должны были подтвердить въ присутствіи русскихъ властей о своемъ желаніи принять русское подданство.

Пріѣхавъ отсюда весною въ Иркутскъ, онъ уже не засталъ тамъ генералъ-губернатора и немедленно отправился вслѣдъ за нимъ въ столицу.

Межъ тѣмъ, въ Петербургѣ надъ головой Невельскаго собирались грозовыя тучи. Былъ созванъ комитетъ для сужденія о его „противозаконныхъ“ поступкахъ. Вина его была слишкомъ велика и серьезна: разжалованіе въ простые матросы было, въ глазахъ комитета, наказаніемъ даже слишкомъ слабымъ и мягкимъ въ сравненіи съ той тяжкой виной—нарушеніемъ инструкцій, превышеніемъ власти,—которая тяготѣла надъ нимъ, и его приговорили къ нему. Остановка была лишь за верховнымъ утвержденіемъ приговора.

Спустя нѣсколько дней, Невельской былъ потребованъ къ Николаю I. Государь встрѣтилъ его серьезно, даже какъ будто сурово, но безъ гнѣва.

— Итакъ, Невельской, — сказалъ Николай I послѣ нѣсколькихъ минутъ гробоваго молчанія,—итакъ, ты организуешь свои собственныя экспедиціи... Такъ, вѣдь?.. Ты измѣняешь по своему усмотрѣнію инструкціи, утвержденныя твоимъ Государемъ? Да?!..

Николай I взялъ лежавшую на столѣ бумагу и снова спросилъ:

— Ну-съ, что же ты мнѣ на это скажешь?

Невельской хранилъ мертвое молчаніе.

— Эта бумага сдѣлала тебя простымъ матросомъ,—продолжалъ Николай I, показывая пальцемъ на бумагу, бывшую у него въ рукѣ.

Затѣмъ онъ взялъ карту и началъ медленно водить пальцемъ по пути, пройденному Невельскимъ на „Байкалѣ“.

— Матросъ! — воскликнулъ Николай I. — Да, матросъ. Но здѣсь ты уже сталъ мичманомъ, тамъ... лейтенантомъ, дальше... капита-

номъ, еще дальше... командиромъ корабля!.. Контръ-адмир... Нѣтъ... еще нѣтъ, — сказалъ Николай I, когда палецъ его остановился на Николаевскѣ.—Нужно сначала наказать тебя за неповиновеніе...

Императоръ взялъ приговоръ комитета, поднялся съ своего мѣста, обнялъ Невельскаго и собственноручно надѣлъ ему крестъ ордена Владиміра 4-й степени.

— Спасибо, Невельской, — сказалъ Николай I. — Спасибо за твое усердіе. Въ другой разъ только будь осторожнѣе, старайся не превышать тѣхъ полномочій, которыя тебѣ даются.

Муравьевъ на другой день заявилъ Невельскому, что Государь, выслушавъ его докладъ, „изволилъ назвать дѣйствія Невельскаго геройскими, благородными и патріотическими".

На постановленіи-же комитета, полагавшаго тотчасъ-же, во избѣжаніе могущихъ быть серьезныхъ столкновеній съ Китаемъ, оставить Николаевскъ и уничтожить основанный Невельскимъ портъ,—Императоръ собственноручно написалъ слова, рѣшившія участь Амурскаго и Уссурійскаго края: „комитетъ еще разъ соберется подъ предсѣдательствомъ Его Высочества Наслѣдника Цесаревича. Гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ,—онъ уже спускаться не долженъ".

Вновь созванный послѣ этого комитетъ высказался уже не только за сохраненіе Николаевска, но и за самое занятіе Амура. На журналѣ его Императоръ Николай I положилъ слѣдующую резолюцію: „Портъ Николаевскъ оставить подъ именемъ лавки Россійско-Американской Компаніи, но никакихъ новыхъ мѣстъ въ этомъ краѣ не занимать. Всѣмъ иностраннымъ судамъ, если таковыя появятся въ этихъ мѣстахъ, объявлять, что безъ согласія русскаго и китайскаго правительствъ они не могутъ занять никакого пункта и что въ противномъ случаѣ они могутъ подвергнуться отвѣтственности".

Невельской тѣмъ временемъ уѣхалъ снова на Амуръ. По пути, остановившись въ Иркутскѣ, онъ познакомился съ дочерью мѣстнаго губернатора, Ельчанинова, Екатериной Ивановной, только что окончившей Смольный институтъ, и женился на ней. Молодая жена пожелала сопровождать его въ трудныхъ изслѣдованіяхъ и, не смотря на протесты мужа и родныхъ, настояла на своемъ.

Край этотъ былъ тогда еще совершенно безлюденъ и пустъ; о дорогахъ, конечно, не было и помину, о какомъ-нибудь подобіи комфорта во время пути и мечтать нечего было. Екатеринѣ Ивановнѣ пришлось ѣздить то въ гамакѣ, протянутомъ между двумя лошадьми, то въ мужскомъ платьѣ верхомъ, а то и вовсе пѣшкомъ по уединен-

нымъ тропамъ. Но эта хрупкая и слабая женщина обнаружила во время путешествія такую бодрость и твердость духа, которая удивляла самого Невельскаго.

Екатерина Ивановна много помогла своему мужу въ дѣлѣ завоеванія симпатій и довѣрія къ Россіи и русскимъ со стороны туземнаго населенія (гиляковъ, орочоновъ и гольдовъ) во вновь присоединенномъ Невельскимъ краѣ: распространеніе русскаго вліянія среди туземцевъ и русской культуры въ это первое, трудное время многимъ обязано ей.

Она не гнушалась ни ихъ нечистоплотностью, ни ихъ невѣжественностью и подъ-часъ дикостью; напротивъ, она охотно принимала ихъ у себя,—и эти дикари, съ незапамятныхъ временъ не знавшіе никакой другой одежды, кромѣ собачьихъ шкуръ, отъ самаго рожденія не мывшіе своего грязнаго тѣла, пропитаннаго невыносимымъ запахомъ, который они всюду вносили съ собой,—эти люди, въ понятіяхъ которыхъ богатство и сила замѣняли всѣ права и законы, люди, считавшіе большимъ грѣхомъ пахать землю,—отъ нея первой узнали объ употребленіи мыла, научились сажать картофель, носить человѣческую одежду, отъ нея первой получили элементарныя понятія о правѣ, о христіанской религіи.

Шагъ за шагомъ слѣдовала она за своимъ мужемъ по пустыннымъ дебрямъ Амурскаго края, своимъ тактомъ, убѣжденіемъ, примѣромъ облегчая ему подчиненіе туземныхъ народцевъ. Она обошла съ нимъ весь край, Сахалинъ и прибрежье Татарскаго пролива. и къ концу 1855 года весь этотъ край, составляющій нынѣ одну изъ лучшихъ колоній Россіи на далекомъ Востокѣ, былъ уже покоренъ ими безъ пролитія капли человѣческой крови, единственно силою необыкновеннаго такта и несокрушимой энергіи.

За занятіе острова Сахалина Невельской произведенъ былъ Императоромъ Николаемъ I въ контръ-адмиралы: именно—„за найденное генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири отличное исполненіе Высочайшихъ повелѣній въ Приамурскомъ краѣ, осуществленныхъ съ ничтожными средствами, въ пустынныхъ и отдаленныхъ мѣстахъ, между дикарями и сопряженныхъ съ неимовѣрными лишеніями и постоянной опасностью для жизни, бдительностью и отважностью и за распространеніе тамъ нашего вліянія на народы, обитающіе на Сахалинѣ, на берегахъ лимана рѣки Амура, на южныхъ берегахъ Охотскаго моря. Татарскаго пролива и по берегамъ рѣки Амура, что положило основаніе къ пріобрѣтенію для Россіи Приамурскаго и Приуссурійскаго края“...

Три года спустя, на пустынныхъ берегахъ порта Мея появился, какъ извѣстно читателямъ, транспортъ „Манджуръ“, положившій основаніе Владивостоку...

Но еще за два года до этого Невельской былъ назначенъ членомъ ученаго комитета морскаго министерства, переѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь скромно, не переставая, однако, до послѣдней минуты живо интересоваться далекимъ Востокомъ, внезапно скончался спустя двадцать лѣтъ (17 апрѣля 1876 года) отъ разрыва сердца. Екатерина Ивановна вся отдалась воспитанію дѣтей.

Возвращаюсь, однако, къ своему катерку, который переживаетъ теперь самыя тяжелыя минуты. Еще раньше, какъ только мы вышли въ открытое море, облака начали все болѣе и болѣе сгущаться, скрывая отъ насъ понемногу солнечный свѣтъ. Теперь же они ужъ нависли тяжелой, свинцовой стѣной, бросая угрюмыя, темныя тѣни на воду. Стало уже довольно темно. Съ юго-запада, откуда раньше до насъ доносился лишь легкій бризъ изъ Южно-японскаго моря, вѣтеръ сталъ больше крѣпчать.

Воды недавно спокойнаго моря, вздымаемыя окрѣпнувшимъ вѣтромъ, бросали на наше судно сердитыя, крѣпкія волны. Нашъ утлый челнъ, какъ въ лихорадкѣ, дрожитъ и то зароется носомъ въ набѣгающія съ юго-запада волны, то выскочитъ на тѣнистый, посѣдѣвшій гребень, на секунду замретъ здѣсь, какъ бы раздумывая, что предпринять, и внезапно весь скроется на днѣ разверзающейся предъ нимъ глубины между волнами.

Въ довершеніе ко всему полилъ дождь, затянувшій какъ сѣткой отъ насъ весь окружающій міръ. Порывомъ вѣтра разорветъ на мгновенье дождевую завѣсу, откроетъ намъ въ отдаленьи силуэтъ высокаго, скалистаго берега справа и вновь обступаетъ насъ непроглядной стѣною убійственный ливень. А вѣтеръ все болѣе крѣпнетъ. Онъ уже рветъ и мечетъ, бушуетъ и злится, вздымаетъ цѣлыя облака брызгъ. Разгулялось Японское море. Намъ становится жутко и страшно. У обоихъ насъ въ мозгу сверлитъ одна мысль, одно тайное опасеніе, котораго мы не рѣшаемся высказать вслухъ.

Въ это время въ нашу каюту, по которой уже всѣ вещи катались изъ стороны въ сторону, торопливо вбѣжалъ машинистъ (онъ же и капитанъ катерка).

— Тайфунъ! — прошепталъ онъ сдавленнымъ голосомъ, обратившись къ моему спутнику.

Этого, именно, мы и боялись. И я и мой спутникъ уже достаточно пожили въ краѣ для того, чтобы знать, что кроется подъ этимъ словомъ. Тайфунъ — это ураганъ Китайскаго моря, господствующій у береговъ Уссурійскаго края обыкновенно въ концѣ лѣта и въ началѣ осени. Самъ по себѣ онъ здѣсь не такъ страшенъ, какъ въ Тихомъ океанѣ, такъ какъ вызываетъ только крупную зыбь на поверхности моря и сопровождается обильнымъ дождемъ. Но иногда—и мы опасались, именно, этого — онъ сопровождается штормомъ, когда даже хорошо оснащенный океанскій корабль не можетъ уже нести никакихъ парусовъ и дѣлается игрушкою волнъ и порывовъ сумасшедшаго вихря.

Нашъ катерокъ не перенесъ-бы, конечно, и слабаго шторма: его закружило бы въ бѣшенной пляскѣ, понесло бы по волнамъ и, въ концѣ-концовъ, какъ это обыкновенно случается здѣсь съ мелкими судами и особенно часто съ китайскими джонками и корейскими шаландами,—его или вышвырнуло бы съ размаху на утесистый берегъ, или перевернуло вверхъ дномъ на разбушевавшихся волнахъ.

Мы вышли на палубу. Дождь какъ будто немного унялся. Усиленно вглядываемся мы въ темноту ночи сквозь порѣдѣвшія перпендикулярныя струи дождя. Но наши усилія тщетны: такъ темно вокругъ, что уже въ двухъ шагахъ мы не видимъ другъ друга.

Въ воздухѣ чувствуется какое-то необыкновенное напряженіе; потемнѣвшее небо словно собирается сказать что-то страшное; чувствуется, что природа еще не сказала всего, что она могла намъ сказать, а словно собирается съ силами... Вотъ-вотъ она надумаетъ, скажетъ свое послѣднее слово,—и въ то-же мгновеніе отъ нашего катера не останется щепки...

Но въ то время, какъ мы въ паническомъ ужасѣ ожидали грозы,— невдалекѣ сверкнула ослѣпительная молнія, грянулъ громъ, и машинистъ, стоявшій недалеко отъ насъ, внезапно перекрестился и дрогнувшимъ голосомъ произнесъ:

— Слава Богу!... Только крыломъ зацѣпило *).

Мы облегченно вздохнули. Насъ, какъ потомъ оказалось, дѣйствительно только „крыломъ зацѣпило“, т.-е. лѣвой стороною тайфуна.

---

*) У китайцевъ существуетъ повѣрье, что гдѣ слышенъ громъ, тамъ уже не будетъ тайфуна. Наблюденіями мореплавателей дѣйствительно, подтверждается, что удары грома наблюдаются только въ сторонѣ отъ центра тайфуна, преимущественно на югѣ и юго-востокѣ отъ него.

Центръ шторма прошелъ далеко въ сторонѣ отъ насъ, какъ объ этомъ могли мы судить по доносившемуся оттуда къ намъ свисту, стону и реву.

Центръ лѣтнихъ тайфуновъ весьма часто проносится въ сторонѣ отъ юго-восточнаго побережья Уссурійскаго края, мимо котораго мы плыли въ тотъ разъ. Это объясняется тѣмъ, что, начинаясь обыкновенно у береговъ Китая, онъ, подъ вліяніемъ господствующаго въ этотъ періодъ юго-западнаго муссона направляется черезъ острова Японскаго архипелага въ океанъ.

Какъ ни успокоилъ насъ такой оборотъ дѣлъ, однако. мы убѣдились, что даже при измѣнившихся условіяхъ продолжать дальнѣйшее плаваніе на нашемъ микроскопическомъ суднѣ было бы чистѣйшимъ безуміемъ. Волны продолжали по-прежнему швырять и подбрасывать его на своихъ высокихъ гребняхъ, къ чему онъ совсѣмъ не былъ подготовленъ; къ тому-же его стало уже замѣтно заливать перекатами волнъ.

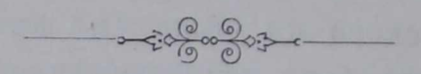
Мы рѣшили остановиться у берега, по крайней мѣрѣ. до утра, когда окончательно выяснится вопросъ, можно ли дальше продолжать на немъ плаваніе. Осторожно повернули мы катеръ, норовя проскользнуть вдоль волны и скоро мы были уже въ двухъ приблизительно миляхъ отъ берега, какъ одно непредвидѣнное препятствіе внезапно разрушило всѣ наши планы: нашъ катеръ сѣлъ на мель. Въ обыкновенное время это приключеніе было бы встрѣчено нами совершенно спокойно. Однако, на этотъ разъ мы имѣли довольно основательныя причины почти потерять хладнокровіе. Дѣло въ томъ, что волны, поднятыя промчавшимся по сосѣдству отъ насъ ураганомъ, еще не успѣли, конечно, улечься, и нашъ катерокъ то подниметъ на гребень набѣжавшей волной, то опуститъ внезапно съ стремительной силой на банку и съ размаху ударитъ килемъ о дно. Мы уже слышали, какъ трещатъ швы нашего судна, и мы понимали, что два, много—три часа такой бѣшенной пляски, и нашъ катерокъ будетъ пополамъ переломанъ: киль его былъ далеко не такъ проченъ, чтобы вынести рядъ такихъ сильныхъ ударовъ, какіе онъ отъ времени до времени получалъ.

Въ этомъ критическомъ положеніи мы рѣшили сѣсть въ маленькую шлюбку, еле вмѣщающую трехъ человѣкъ, и на ней, во что-бы то ни стало, добраться до берега. Шлюбка была привязана къ кормѣ катера и все время тащилась на буксирѣ за нами. Ее почти совсѣмъ залило. Кое-какъ удалось намъ подтащить ее къ борту и съ невѣроятными усиліями (ее каждый разъ отрывало отъ насъ набѣ-

гавшими волнами) удалось намъ ее откачать, кто чѣмъ могъ: черпаками, горстями, головными уборами. Съ трудомъ мы усѣлись въ нее (кочегаръ не могъ помѣститься и остался дожидаться ея возвращенія) и отвязали канатъ. Какъ перышко она понеслась. Насъ заливало, мы три раза собирались тонуть... Но, вотъ, насъ вынесло на берегъ...

Промокшіе насквозь, по колѣни въ грязи мы тщетно блуждали по морскому пребрежью въ надеждѣ отыскать человѣческое жилье. Берегъ былъ совершенно безлюденъ. Но мы упорно пробирались во тьмѣ, пристально вглядываясь по сторонамъ, не увидимъ ли гдѣ огонька. Проблуждавъ часа два по грязи и обширнѣйшимъ лужамъ, мы наткнулись на небольшую рѣку. Мы пошли по одному изъ ея береговъ. Долго шли мы. Наконецъ, мы увидѣли во тьмѣ огонекъ фонаря, бросавшаго тусклыя полосы свѣта сквозь запотѣвшія окна.

Оказалось, что это была спасательная станція на р. Монгугай, близь которой мы такъ счастливо пристали.

IX.

Южнымъ берегомъ.

По рѣкѣ Монгугаю.—Рѣка заперта цѣпью.—Уссурійскіе лѣсопромышленники.—Мѣстная погода и климатъ.—Факторы, вліяющіе на ихъ установленіе.—Оригинальный проектъ.—Почтовая станція.—Природа и виды.—Прибрежные лѣса.—Разрушительное дѣйствіе тумановъ.—Внезапный испугъ.—„Гнусъ".

Оставаться здѣсь долго было, однако, совершенно невозможно. Главное, что гнало насъ отсюда,—это былъ голодъ, котораго рѣшительно нечѣмъ было здѣсь утолить.

Къ счастью, оказалось, что невдалекѣ,—вверхъ по той-же рѣкѣ Монгугаю,—верстахъ приблизительно въ пяти отъ впаденія ея въ Японское море, находится почтовая станція; и такъ какъ мы, по пути сюда, уже отказались отъ мысли продолжать дальнѣйшее плаваніе моремъ, то и рѣшили добраться до почтоваго тракта, откуда могли доѣхать уже на лошадяхъ до Посьета, конечной цѣли нашей поѣздки.

За приличную плату одинъ изъ дежурныхъ солдатъ согласился насъ довезти по рѣкѣ на спасательной шлюбкѣ.

Подъ дождемъ и въ измокшей одеждѣ это плаваніе не предвѣщало намъ ничего соблазнительнаго; но у насъ не было выбора, и мы, волей-неволей, вынуждены были пробираться въ глухую полночь по незнакомой рѣкѣ.

Мы уже были приблизительно на половинѣ пути отъ почтовой станціи, какъ одно неожиданное препятствіе едва не разрушило всѣхъ нашихъ плановъ и чуть не заставило насъ возвратиться назадъ. Дѣло въ томъ, что мы наткнулись на желѣзную цѣпь, перетянутую поперекъ всей рѣки и совершенно преграждавшую какъ выходъ изъ нея къ устью,

такъ и наше движеніе вверхъ по рѣкѣ. Рѣка, какъ оказывается, была заперта желѣзною цѣпью.

На маленькихъ уссурійскихъ, часто даже судоходныхъ рѣкахъ— это обычное явленіе. Здѣсь очень часто (впрочемъ, безъ вѣдома властей) лѣсопромышленники запираютъ рѣку у ея устья для того, чтобы сплавляемый ими изъ тайги по ней лѣсъ не унесло въ Японское море.

Весьма часто къ этому прибѣгаютъ даже тогда, когда лѣсъ еще сложенъ на берегу въ штабеля, изъ опасенія, чтобы вслѣдствіе ливней, которыми особенно отличается уссурійское лѣто, не смыло штабелей съ береговъ разлившимися рѣками.

Съ величайшимъ трудомъ, съ помощью отчаянныхъ эквилибристическихъ па̀ на качавшейся подъ ногами желѣзной цѣпи, рискуя въ каждый моментъ сорваться съ нея въ воду, удалось намъ перетащить черезъ нее нашу лодку и отправиться дальше.

Дождь, между тѣмъ, продолжать лить безъ конца. Какой-то особенно настойчивый, упорный и частый, — онъ пронизывалъ насъ насквозь, напиталъ, какъ губки, все наше платье, заливалъ нашу лодку, доводя насъ почти до отчаянья, тѣмъ болѣе, что ему, повидимому, не предвидѣлось конца, какъ это часто бываетъ въ этихъ мѣстахъ, гдѣ дожди иногда льютъ безъ перерыва по нѣсколько дней и даже недѣль... Кромѣ всего, насъ сталъ вдругъ пронизывать пронзительный холодъ, который совсѣмъ не соотвѣтствовалъ ни времени года, ни широтѣ, подъ которой мы находились.

Такъ хорошо начатая экскурсія въ теченіи какихъ-нибудь полусутокъ превратилась въ серьезное испытаніе. Если-бы я больше жилъ въ этомъ краѣ и лучше зналъ его климатъ, то эти внезапныя перемѣны въ настроеніи погоды не удивляли-бъ меня, и я отнесся бы къ нимъ совершенно спокойно. Но и я и мой спутникъ были еще новичками въ этихъ мѣстахъ (мы жили здѣсь всего нѣсколько мѣсяцевъ до нашей поѣздки въ Посьетъ) и смотрѣли на всѣ наши приключенія, какъ на попущеніе Божіе. Между тѣмъ, эти поразительно быстрыя смѣны холода и тепла—здѣсь обычное явленіе.

Помню, какъ тотъ-же мой спутникъ, еще по пути изъ Одессы на Дальній Востокъ, потиралъ отъ удовольствія руки, глядя на карту Уссурійскаго края.

— Вотъ,—говорилъ онъ, — доведется и мнѣ хоть разъ въ жизни пожить, наконецъ, на благодатномъ югѣ и подышать воздухомъ, почти итальянскимъ!...

И когда другой спутникъ нашъ, напуганный словомъ „Сибирь“

и отожествляя Уссурійскій край, по меньшей мѣрѣ, съ сѣвернымъ полюсомъ, высказывалъ вслухъ опасеніе, что ему, жителю русскаго юга, не пережить „безконечной уссурійской зимы“, гдѣ, конечно, и солнце по нѣсколько мѣсяцевъ не показывается изъ-за затянувшихъ его снѣговыхъ тучъ,—то первый, съ той-же картой въ рукахъ, блистательно доказалъ ему, что „край, находящійся на одной параллели съ Кавказомъ и средней Италіей“, „чуть-чуть только сѣвернѣе Флоренціи, Рима, Тулона и Ниццы“ („какихъ-нибудь 1 — $^{3}/_{4}{}^{0}$ разницы“!), можетъ обладать климатомъ, конечно, только отвѣчающимъ его широтѣ.

Какъ далеки они оба были отъ истины! Какъ мало знали они, что климатъ Уссурійскаго края меньше всего можно опредѣлять его географическимъ положеніемъ, которое здѣсь, само по себѣ, ровно ничего не знаменуетъ собой. Какъ поразились-бы они тогда, если-бъ знали что даже, напримѣръ, южная оконечность Камчатки, лежащая на 8^{0} сѣвернѣе самой крайней на югѣ оконечности Уссурійскаго края,—Владивостока *), обладаетъ, по Зиберту **), годовой температурой, почти равной Владивостокской (+3,64^{0} R)!..

На самомъ дѣлѣ, широта мѣста здѣсь, дѣйствительно, не имѣетъ никакого значенія для опредѣленія климата, и доминирующимъ факторомъ въ этомъ отношеніи являются господствующіе здѣсь вѣтры, дующіе съ сѣверо-запада, изъ далекихъ тундръ Восточной Сибири, не встрѣчая серьезнаго препятствія на этомъ пути, кромѣ невысокаго „Становаго хребта“, и приносящіе съ собой значительное пониженіе температуры по сравненію съ широтой данной мѣстности.

Правда, кромѣ этихъ сѣверныхъ вѣтровъ, на установленіе мѣстнаго климата вліяютъ также южные, дующіе изъ странъ теплыхъ морей, но дѣйствіе ихъ значительно ослабляется преграждающимъ ихъ на югѣ значительнымъ хребтомъ Чань-бо-шань, и имъ приходится вести здѣсь неравную борьбу съ сѣвернымъ гостемъ изъ великой тундры сибирской, который всегда побѣждаетъ въ этой борьбѣ: изъ семи вѣтровъ, дующихъ въ данное время,—только три приходятся на долю юго-востока, и это является, между прочимъ, одною изъ главныхъ причинъ частой суровости здѣшнихъ лѣтнихъ ночей.

Безконечная ширь уссурійской тайги, недоступная солнцу и свѣту, задерживающая зимою на долгое время снѣга, а лѣтомъ—получен-

---

*) Владивостокъ расположенъ подъ 43°6′ сѣв. широты.

**) „Матеріалы къ медико-топографическому описанію Владивостока“.

ную изъ воздуха влагу, не меньше вліяетъ на ухудшеніе климата и увеличеніе его суровости.

Съ другой стороны, даже юго-восточные (теплые) вѣтры не умѣряютъ здѣсь климата въ той степени, въ какой этого можно было-бы ожидать, даже принимая во вниманіе ихъ неравную борьбу съ дуновеніемъ сѣверной тундры. Достигая лѣтомъ своего максимальнаго дѣйствія и почти вытѣсняя въ это время своего конкуррента, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, нагоняютъ къ намъ съ юга непроницаемыя туманныя массы, облекаютъ въ нихъ землю и преграждаютъ къ ней доступъ лучей теплаго южнаго солнца. Нѣсколько умѣряется лишь температура въ теченіи лѣта тѣмъ обстоятельствомъ, что тѣ-же туманы препятствуютъ лучеиспусканію земной поверхности, испаренію ея влаги и задерживаютъ трату ночной теплоты.

Къ счастью, „Теплыя горы", т.-е. хребетъ Сихотэ-Алинь, преграждаютъ доступъ туманамъ въ теченіи лѣта внутрь Уссурійскаго края, но за то тамъ господствуютъ лѣтомъ проливные дожди, длящіеся иногда дня три—четыре подъ-рядъ *).

Здѣсь кстати замѣтить, что несоотвѣтствующая широтѣ мѣста суровость уссурійскаго климата, отличающагося, притомъ, рѣзкой смѣ-

---

*) Лучшимъ временемъ года въ краѣ является осень,—замѣчательно сухая и теплая; за то зима довольно суха и холодна, хотя на югѣ она и малоснѣжна. Во Владивостокѣ, напримѣръ, санная дорога устанавливается очень не надолго, а иногда ея и вовсе не бываетъ, благодаря сильнымъ сѣверо-западнымъ вѣтрамъ, сметающимъ его съ поверхности земли. Зима длится съ ноября и до половины марта; средн. темп.—9,5%. Многіе придерживаются убѣжденія, что климатъ Уссурійскаго края безвреденъ для его обитателей. Однимъ изъ сторонниковъ этого мнѣнія является, между прочимъ, докторъ Эповъ, прочитавшій недавно (2 апрѣля 1897 г.) въ Обществѣ Изученія Амурскаго Края докладъ о климатѣ Владивостока и вліяніи его на здоровье жителей. Изложивъ климатическія особенности края и сравнивъ ихъ съ таковыми же другихъ мѣстностей, въ особенности мѣстностей центральной Россіи, лекторъ, на основаніи цифровыхъ данныхъ, доказывалъ, что въ климатѣ Владивостока не заключается такихъ особенностей, которыя дѣлали бы его вреднымъ для здоровья жителей. Скорѣе всѣ данныя говорятъ въ его пользу и установившееся дурное мнѣніе основано на предубѣжденіи, на недостаточно точно установленныхъ данныхъ, безъ сравнительной оцѣнки ихъ съ другими мѣстностями. Лекторъ подтверждаетъ это рядомъ цифръ болѣзненности и смертности въ войскахъ Приамурскаго военнаго округа въ сравненіи съ другими округами. Оказывается, что болѣзненность и смертность здѣсь несравненно меньше, чѣмъ въ другихъ округахъ, за исключеніемъ Финляндскаго. Даже въ такой болѣзни, какъ чахотка, смертность среди заболѣвшихъ оказывается ничуть не больше и даже меньше, чѣмъ во многихъ округахъ.

ной сухой и вѣтренной зимы влажными и чрезвычайно туманными весною и лѣтомъ (что вліяетъ крайне неблагопріятно не только на растительную жизнь края, но даже на душевное состояніе его обитателей и создаетъ чрезвычайно опасныя условія плаванія у малообслѣдованныхъ еще береговъ) породила въ свое время—и не такъ давно сравнительно—немало любопытныхъ и оригинальныхъ проектовъ. Нашлись люди, которые на почвѣ точнаго, будто-бы изученія условій, порождающихъ столь нежелательныя въ этихъ широтахъ послѣдствія, предлагали умѣрить вліяніе этихъ неблагопріятныхъ факторовъ, или, другими словами, предлагали „улучшить" климатъ, т.-е. измѣнить метеорологическія, а съ ними и физическія условія края...

Какъ ни оригинальны и даже сенсаціонны такіе проекты, однако, нужно сказать, что въ свое время они занимали немало серьезныхъ и пытливыхъ умовъ, вѣрившихъ въ полную возможность ихъ осуществленія.

Дѣло въ томъ, что еще со времени первыхъ изслѣдованій академика Шренка очень долгое время первенствующее мѣсто въ ряду причинъ суровости уссурійскаго климата и вѣчно царящихъ здѣсь тумановъ отводили холодному теченію Охотскаго моря, идущему мимо восточныхъ береговъ Уссурійскаго края.

Это теченіе—такъ полагали—вліяетъ будто-бы охлаждающимъ образомъ на климатъ Уссурійскаго края, и если, такимъ образомъ, преградить ему доступъ въ Татарскій проливъ и дать ему другое направленіе (т.-е. мимо западной стороны Сахалина, Курильскихъ острововъ и острововъ, входящихъ въ составъ Японскаго архипелага), то тѣмъ самымъ устранится основная причина неблагопріятности мѣстнаго климата: лѣтняя температура дойдетъ до соотвѣтствія съ широтой края, и устранятся туманы, являющіеся результатомъ охлажденія, вслѣдствіе этого теченія, влажныхъ и сырыхъ юго-восточныхъ и южныхъ береговъ Уссурійскаго края... Произвести весь этотъ благодѣтельный переворотъ въ краѣ казалось, такимъ образомъ, очень легко:—стоитъ только преградить дамбой Татарскій проливъ.

Была даже нѣкоторыми частными лицами составлена подробная смѣта, исчислявшая стоимость сооруженія гати въ наиболѣе узкой части пролива (всего въ 7 верстъ шириной) въ три съ половиной милліона рублей...

Дѣло только въ томъ, что, какъ въ послѣдніе годы, мало-помалу, выясняется, вліяніе теченія Охотскаго моря на климатъ низводится, въ сущности, до степени нуля, и суровость его устраняется

вовсе не упраздненіемъ теченія, являющагося механическимъ результатомъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ, а, именно, упраздненіемъ этихъ послѣднихъ.

Но для этого пришлось бы на вышинѣ „Становаго хребта" соорудить слишкомъ высокую стѣну...

Послѣ приключенія съ цѣпью наше путешествіе впередъ продолжалось уже безъ серьезныхъ задержекъ въ пути, если не считать неизбѣжныхъ остановокъ для того, чтобы соединенными усиліями—кто чѣмъ могъ—выкачать воду изъ шлюбки, залитой почти до верху ливнемъ, то и дѣло грозившимъ ее потопить.

Скоро показалась и почтовая станція. Тусклый, едва замѣтный во тьмѣ, свѣтъ ея оконъ былъ нами встрѣченъ съ понятнымъ волненьемъ. Еще двѣ-три минуты ходьбы по глубокой грязи и обширнѣйшимъ лужамъ,—наконецъ, вотъ, и станція.

Кое-какъ обсушившись и едва утоливъ молокомъ съ чернымъ хлѣбомъ сильно мучившій насъ голодъ *), мы вынуждены были двинуться дальше, потому что мы сильно устали, ноги уже отказывались намъ больше служить и глаза противъ воли смыкались.

Предупреждая недоумѣвающіе вопросы читателя, считаю необходимымъ сказать, что житель Европейской Россіи, привыкшій передвигаться по желѣзнымъ дорогамъ и представляющій себѣ станцію въ видѣ просторнаго, свѣтлаго, теплаго, каменнаго (въ худшемъ случаѣ деревяннаго) зданія, снабженнаго мягкою мебелью, каминомъ и прочее,—будетъ, конечно, неправъ, если приложитъ это представленіе къ станціи, лежащей на трактѣ, предназначенномъ для „почтовой гоньбы". Здѣшняя станція—это изба, сколоченная изъ бревенъ, обитая внутри дешевыми обоями, чаще „вымазанная" глиной и мѣломъ; въ одной половинѣ ея живетъ станціонный писарь (должность, равная въ одно и то же время должности начальника станціи, кондуктора и ревизора движенія на желѣзной дорогѣ), другая же половина избы — изъ одной комнаты — предназначена для „проѣзжающихъ". Меблировка ея состоитъ изъ двухъ-трехъ табуретовъ, небольшаго стола и одной лишь кровати, не покрытой ничѣмъ.

---

*) На уссурійскихъ почтовыхъ станціяхъ буфетовъ не имѣется, и, кромѣ молока и чернаго хлѣба, часто за чрезвычайно высокую цѣну, путникъ здѣсь ничего не достанетъ. Мы это знали, конечно, раньше, но взять заготовленной нами еще во Владивостокѣ провизіи мы не могли, такъ какъ во время качки на катерѣ ее залило соленой морской водой, и она сдѣлалась негодной къ употребленію.

Вотъ это-то послѣднее обстоятельство и смущало такъ насъ. Постельныхъ принадлежностей мы съ собою не взяли, а спать на голыхъ доскахъ да притомъ еще въ мокрой одеждѣ (легкихъ пальто, въ которыхъ мы выѣхали)—намъ было бы не въ моготу, да и тѣсновато вдвоемъ. Вотъ почему мы и предпочли спать въ тарантасѣ во время пути, зарывшись въ перинѣ изъ сѣна, которымъ всегда—хотя и не особенно щедро—устилаютъ сидѣнье.

Была и еще одна причина, заставлявшая насъ, не взирая на отвратительную погоду и пронзительный холодъ, не ждать до утра здѣсь. Мы ѣхали, какъ здѣсь выражаются, „по частной надобности", то-есть по своимъ личнымъ дѣламъ. Между тѣмъ, станція эта обладала, по положенію, всего двумя тройками лошадей, и если бы къ утру, когда погода улучшится, прибылъ сюда кто-нибудь позже насъ „по казенной надобности", то станціонный писарь обязанъ былъ предпочесть его намъ.

Моему спутнику, да и мнѣ самому уже случалось (на другомъ, впрочемъ, трактѣ) по трое и четверо сутокъ сидѣть на промежуточныхъ станціяхъ („такъ что—ни взадъ, ни впередъ") при аналогичныхъ условіяхъ, то-есть когда разгонъ лошадей подъ „казенныя надобности" былъ особенно силенъ;—вотъ почему мы особенно торопились уѣхать: все-таки, на одну станцію (тридцать верстъ) мы ближе къ цѣли.

Едва на востокѣ забрезжилъ свѣтъ, и невидимое еще намъ дневное свѣтило окрасило розовымъ свѣтомъ молочныя тучи, опоясавшія горизонтъ (дождь въ это время уже почти пересталъ и шелъ словно нéхотя),—мы уже тронулись въ путь.

Бодрая тройка рванула (лошади здѣсь, вообще, далеко не важны; попадаются, однако, порой настоящіе звѣри), тарантасъ загромыкалъ, заколебался и, разбрасывая въ стороны грязь и облака брызгъ, покатился „по втулки" въ мѣсивѣ.

— Ишь ты!—промолвилъ ямщикъ.—Ишь ты—тѣсто какое...

Мы болѣе или менѣе сносно устроились въ сѣнѣ, тѣсно прижались другъ къ другу и крѣпко уснули.

Проснулись мы спустя часъ — полтора отъ чувствительнаго толчка на ухабѣ. Проснулись, оглянулись кругомъ и замерли отъ восхищенія.

Дождь пересталъ. Тройка брела вялой рысцой подъ звонъ колокольца... Колокольчикъ замретъ на мгновенье, звякнетъ и опять заливается медленной трелью.

Солнце взошло и величественно-гордо катилось по синему небу, посылая на обильно орошенную землю золотыя стрѣлы теплыхъ лучей. Земля, стосковавшаяся по солнцу и свѣту, словно нѣжилась въ нихъ, набиралась тепла и была вся окутана легкой дымкой отъ поднимавшихся изъ нея испареній. Ландшафтъ оживился... Воздухъ сталъ ясенъ и чистъ. Со всѣхъ сторонъ въ немъ раздавались звонкія трели маленькихъ птичекъ, оживленно порхавшихъ взадъ и впередъ.

Мы ѣхали по самому краю высокаго берега моря, спускавшагося крутымъ и утесистымъ скатомъ къ водѣ. Каменистая горная дорога то взбиралась на самую вершину морскаго прибрежья, то словно обрывалась внезапно,—падала внизъ и затѣмъ снова тянулась извилистой лентой по скату гдѣ-то высоко, почти надъ головой, такъ что жутко становилось даже глядѣть на нее. Казалось, оступится лошадь, покатится камень изъ-подъ колеса,—и неизбѣжно паденье въ безконечный, зіяющій подъ нами своей черною каменной пастью обрывъ. Взглянешь мелькомъ на него,—и чувствуешь, какъ голова начинаетъ кружиться и спираетъ дыханье.

Порой намъ почти преграждали дорогу частые стебли деревьевъ, протянувшихъ свои цѣпкія зеленыя вѣтви, словно стараясь схватить насъ.

Мы спустились въ ущелье, съ трудомъ поднялись въ гору и, подъ тихій шелестъ зеленыхъ деревьевъ, взобрались на одну изъ самыхъ высокихъ вершинъ, которыя находились до сихъ поръ на нашемъ пути.

Чудный видъ открылся нашему взору, когда мы здѣсь очутились.

Вокругъ насъ, съ трехъ сторонъ, разстилался безконечный просторъ зеленыхъ луговъ и первобытной тайги. По лазурному небу въ надменномъ спокойствіи плыли разбросанныя въ фантастическомъ безпорядкѣ блѣдныя тучи. Внизу — дерзновенно бурлили буруны, вздымая жемчужную пѣну, и съ тихимъ рокотомъ бились о каменный берегъ покрытыя бѣлой пѣной изумрудныя волны.

Я замеръ въ оцѣпенѣніи, весь ушелъ въ созерцаніе окружающихъ красотъ и оторваться не могъ отъ величественнаго ландшафта, который могъ бы дать кисти художника самый лучшій матеріалъ для картины.

Качка и море, штормъ, вѣтеръ и дождь, безсонная ночь, утомительный переходъ по безконечнымъ трясинамъ, — все было забыто, все стушевалось предъ обаяніемъ великой природы...

Дальше — дорога уклонилась къ югу отъ берега моря. Холмы и вершины, ущелья и скаты остались у насъ позади, и мы по пологому каменистому склону углублялись внутрь края.

Въ уссурійской тайгѣ, при исполненіи пастырскихъ обязанностей.

Влѣво отъ тракта по обширному склону хребта тянулась зеленая пустынная степь, вся поросшая сочной высокой травой. Вправо — находилась опушка дремучей тайги.

Человѣка нигдѣ не видать. Въ воздухѣ стоитъ почти могильная тишина, нарушаемая лишь перезвономъ почтоваго колокольчика, да изрѣдка—пѣніемъ птицъ, скрывающихся въ высокой травѣ.

Кой-когда перелетитъ намъ дорогу фазанъ или египетскій ибисъ, водящійся въ этихъ мѣстахъ; перелетитъ, скроется за опушкой тайги, и вновь все попрежнему тихо.

Необъятна тайга, покрытая мощнымъ зеленымъ покровомъ, но ея мягкія, рыхлыя, сырыя деревья, словно „пропаренныя", какъ выражаются здѣсь, не веселятъ взора, какъ приглядишься къ нимъ ближе.

Снаружи посмотришь на дерево,—оно кажется мощнымъ титаномъ, который и отъ настоящаго шторма не дрогнетъ, а, между тѣмъ, стоитъ лишь подуть не особенно сильному вѣтру, и могучее дерево съ виду, словно подкошенное, валится на бокъ. Все это—слѣдствіе вѣчно царящихъ у прибрежья тумановъ, порождающихъ усиленное развитіе плѣсени и ржавчины въ растительномъ царствѣ. Въ періодъ наибольшаго развитія древесныхъ соковъ дерево требуетъ солнца и свѣта. А, между тѣмъ, здѣсь подъ вліяніемъ тумановъ, сковывающихъ непроницаемымъ покровомъ своимъ у прибрежья тайгу, испаренія черезъ листья задерживаются, въ стволѣ остается излишекъ влаги, и дерево начинаетъ гнить на корню. Пріостановка въ движеніи соковъ, задержка испареній ускоряютъ процессы гніенія и разложенія дерева.

Оттого-то на прибрежьи Уссурійскаго края не растетъ почти лѣсъ, а если и растетъ, то—корявый, дуплистый, пустой и гнилой въ серединѣ.

По наружному виду дерева нельзя здѣсь судить о его качествѣ и прочности: стоитъ вамъ сдѣлать небольшое усиліе, и вы убѣдитесь, что предъ вами—не цвѣтущіе кедры съ компактнымъ и плотнымъ стволомъ, а одна лишь кора вокругъ пустой сердцевины.

Поэтому-то путнику и приходится здѣсь такъ много встрѣчать гнилыхъ пней и полусгнившихъ, почернѣвшихъ стволовъ, когда онъ проѣзжаетъ по прибрежному лѣсу.

Къ счастью, невдалекѣ отъ морскаго прибрежья начинаются „Теплыя горы" (Сихотэ-Алинь), охраняющія внутренность Южно-Уссурійскаго края отъ этого мертвящаго юго-восточнаго гостя. За то и лѣсъ тамъ отличается чисто первобытною мощью и крѣпостью: что ни

дубъ,—исполинъ, что ни кедръ,—тверже камня, что ни кленъ,—богатырь.

Перемѣнивъ на ближайшей станціи лошадей и закусивъ традиціоннымъ молокомъ съ чернымъ хлѣбомъ, мы двинулись дальше уже исключительно травянистою степью. Тайга отошла отъ насъ въ сторону и исчезла вдали, сливаясь на горизонтѣ съ лазоревымъ небомъ.

Близилось уже къ двѣнадцати часамъ дня, когда мы очутились въ привольной степи. Солнце снова невыносимо жгло,—именно жгло, припекало съ почти тропической силой: широта таки взяла, наконецъ, свое, что и не удивительно, такъ какъ дѣло близилось къ осени, когда сѣверо-западные и юго-восточные вѣтры мѣсяца на два почти совсѣмъ затихаютъ.

Лошади лѣниво плелись, мотая косматыми головами. Даже обыкновенно бодрый уссурійскій ямщикъ, истомленный жарою и зноемъ, повидимому, началъ дремать. Мы, пассажиры, однако, спать не могли, такъ какъ подъ сильно нагрѣтымъ парусиновымъ верхомъ кибитки было невыносимо душно и намъ не хватало воздуха для дыханья. То и дѣло высовывали мы головы изъ кибитки навстрѣчу движенію воздуха, но почти тотчасъ-же должны были снова скрывать ихъ подъ верхъ отъ лучей неумолимо палящаго солнца, стоявшаго уже въ самомъ зенитѣ.

Мало-по-малу, усталость и безсонная ночь взяли свое, я послѣдовалъ примѣру ямщика и рѣшился вздремнуть.

Не успѣлъ я окончательно уйдти въ міръ сновидѣній и грезъ, какъ внезапно долженъ былъ схватиться отъ рѣзкихъ толчковъ тарантаса по каменистому грунту шоссе.

Ямщикъ, закрывъ руками лицо, безпрерывно дергалъ возжами, изрѣдка энергично подбадривая свою тройку кнутомъ; но лошади, повидимому, не нуждались въ понуканіяхъ, такъ какъ они несли во весь духъ, безпокойно мотая головой и хвостами.

— Что такое?—воскликнулъ я, не на шутку испугавшись.

„Ужь не тигръ-ли?"—мелькнуло у меня въ головѣ.

Но ямщикъ даже не удостоилъ меня отвѣтомъ и только ткнулъ рукой на своихъ лошадей и поспѣшилъ ею тотчасъ снова закрыть свое лицо.

То, что я тамъ увидѣлъ, заставило и меня поспѣшно зарыться съ головою въ влажное сѣно. *Это* было гораздо хуже тигра и даже уссурійскаго барса: отъ нихъ есть спасенье, а отъ этого кровожаднаго врага—не убѣжать никуда, не укрыться нигдѣ въ чистомъ полѣ.

Это былъ—„гнусъ“.

Цѣлыя тучи его кружились надъ бѣдною тройкой. Обагренная свѣжею кровью, бѣшнено мотая хвостами, вздрагивая всѣмъ своимъ тѣломъ, она мчалась во весь духъ, подгоняемая безпощаднымъ врагомъ.

Я съ ужасомъ ждалъ нападенія „гнуса“, — этого бича уссурійскихъ лѣсовъ и степей, способнаго довести до отчаянія и человѣка и звѣря.

Стоитъ ему облѣпить человѣка,—и онъ способенъ до самоубійства дойти. Я еще находился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавняго разсказа одного моего знакомаго о нападеніи на него „гнуса“ (т.-е. слѣпней, оводовъ, комаровъ и мошки) въ степи.

Онъ былъ уже приблизительно верстахъ въ пяти отъ своего становища, когда подвергся его нападенію. Гнусъ буквально облѣпилъ его лошадь и его самого. Онъ рвалъ на себѣ тѣло отъ боли, давилъ ихъ цѣлыми сотнями, но тучи этихъ кровопійцъ не уменьшались. Всѣ его попытки ускорить бѣгъ своей лошади не повели ни къ чему.

Лошадь, какъ изступленная, поднималась на дыбы, вздрагивала всѣмъ своимъ тѣломъ, ржала отъ боли, наконецъ, какъ безумная бросилась на землю, придавивъ своего всадника, и съ дикимъ ржаньемъ стала кататься по ней. „Казалось, она рыдала“, — говорилъ мнѣ знакомый.

Всадникъ почти лишился чувствъ отъ боли и бѣшенства. Все тѣло его въ какіе-нибудь полъ-часа превратилось въ сплошной волдырь, лицо, руки и шея распухли, глаза почти скрылись за вздутыми вѣками, а гнусъ все продолжалъ его жалить; И этотъ человѣкъ, который не разъ видалъ смерть предъ своими глазами, этотъ безстрашный, отважный мужчина, ходившій въ одиночку на тигра, стрѣлявшій, случалось, и въ барса,—какъ ребенокъ, заплакалъ отъ укусовъ ничтожнаго гнуса.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы это приключеніе, если бы проѣзжавшіе мимо манзы не развели „дымокура“ *), разогнавшаго гнусъ, и изъязвленные, покрытые ранами и свѣжею кровью всадникъ и лошадь не перевели духа.

---

*) „Дымокуръ“ — костеръ изъ хвороста; дымъ такого костра—лучшее средство противъ „гнуса“. Манзы устраиваютъ даже у себя на головахъ особое приспособленіе, въ которомъ постоянно тлѣетъ трутъ; дымъ отъ этого трута, да еще смоляная сѣтка, покрывающая лицо и шею,—единственныя средства защиты отъ „гнуса“.

Гнусъ, не дающій покоя ни одному живому существу въ жаркіе дни уссурійскаго лѣта, является однимъ изъ серьезныхъ препятствій для развитія здѣсь скотоводства, такъ какъ въ теченіи почти цѣлаго лѣта, пока стоитъ жаркая погода, скота нельзя выпустить на пастбище, и приходится держать его въ закрытыхъ хлѣвахъ, вокругъ которыхъ днемъ и ночью для отраженія гнуса нужно постоянно въ порядкѣ держать дымокуры.

Этотъ бичъ такъ невыносимъ для скота, что онъ обыкновенно за лѣто, когда, собственно, только и могъ бы набраться жизненныхъ силъ, страшно худѣетъ, и только къ осени, съ исчезновеніемъ гнуса, начинаетъ жирѣть и поправляться.

До какой степени самозабвенія гнусъ можетъ доводить животныхъ, даже наиболѣе осторожныхъ, можно судить по слѣдующему замѣчательному случаю, сообщаемому г. Венюковымъ. „Я видѣлъ“, разсказываетъ онъ, „одну дикую козу, которая дозволила подойти къ себѣ стрѣлку не болѣе, какъ на десять шаговъ, именно потому, что была въ совершенномъ безпамятствѣ отъ его укусовъ“.

Съ чувствомъ необыкновеннаго облегченія подъѣхали мы къ станціи, вокругъ которой тамъ и сямъ дымились костры для отраженія гнуса. Къ счастью, никто изъ насъ, кромѣ лошадей, не пострадалъ; ямщика только покусало немного. Однако, продолжать своего путешествія дальше мы уже не рѣшались. Рѣшили пересидѣть на станціи, пока скроется солнце. Правда, съ наступленіемъ ночи являются на смѣну слѣпнямъ и оводамъ—комары и мошка, но укусы ихъ уже не такъ жестоки и мучительны.

X.

Въ Корейской деревнѣ.

На почтовой дорогѣ.—„Зеленая лощина".—Наглость и дерзость таежнаго хищника. - Природа. — Тизинъ-хе. — Корейское поле. — Мое недоумѣніе.—Корейская деревня. - Корейки.—Старшина. — Фанза. — Нечистоплотность.—Корейскіе взгляды.—Внѣшность корейцевъ. — Характеръ этого племени.—Историческія и политическія причины.—Противорѣчія.—Мнѣніе англичанина.—Корейская шляпа.—Ея значеніе.—Взглядъ на безбородыхъ.—Сорокалѣтнія дѣти.—Корейскій языкъ.—Трудность произношенія.—Корейская женщина.—Отсутствіе имени.—Ея положеніе на родинѣ и на нашей окраинѣ.—Легкомысленный вопросъ моего спутника.—Гнѣвъ старшины.—Странная встрѣча —Кореецъ въ траурѣ.—Корейскій трауръ и его послѣдствія.—Обѣдъ.—Корейская культура полей.—Поразительная урожайность.—Причины.—Незначительность благосостоянія.—Условія сбыта.—Отсутствіе живаго инвентаря.—Корейцы на нашей окраинѣ.—Вопросъ о „шишкахъ". — Письмо крещенаго корейца. — Отзывы американскаго туриста.

...Поздно ночью тронулись мы, предполагая къ разсвѣту поспѣть въ лежавшую у насъ на пути деревушку Тизинъ-хе, заселенную исключительно корейцами, первыми піонерами-колонизаторами пограничной части нашей окраины.

Я долженъ замѣтить, что весь смежный съ Владивостокомъ пограничный округъ (Посьетскій), въ предѣлахъ котораго я совершалъ свое путешествіе, еще очень мало заселенъ и почти совершенно безлюденъ (населеніе его равно 15000 душъ), особенно если принять во вниманіе что по пространству онъ превосходитъ 3—4 губерніи Европейской Россіи. Населенъ онъ притомъ-же почти исключительно корейцами (13000 д.), хуторки которыхъ изрѣдка встрѣчаются по линіямъ обоихъ существующихъ здѣсь почтовыхъ трактовъ, соединяю-

щихъ границу съ Владивостокомъ и с. Никольскимъ. Все остальное громадное пространство округа еще совершенно пустынно.

Мы быстро катили по колеямъ и кочкамъ, подпрыгивая въ тарантасѣ, какъ резиновые шары. Отсутствіе истомы, жары, палящаго солнца и гнуса совсѣмъ примирило-бы насъ съ нашей дальней поѣздкой, если бы не одна лежавшая у насъ на пути по тайгѣ „Зеленая лощина“ *), за которой въ глубинѣ дремучаго лѣса пролегала сомнительная „падь“ (т.-е. глубокая долина). Въ ней, какъ носились упорные слухи, подтверждаемые и станціоннымъ писаремъ, хоронился тигръ.

— Тайга—не родная сестра, порой она хуже злой мачихи,—говорилъ мнѣ одинъ мѣстный житель, снаряжая меня въ дорогу, когда я еще раньше впервые ѣздилъ изъ Владивостока за сто верстъ въ Никольское.

Сжимая въ рукѣ револьверы, приближались мы къ сомнительной „пади“. Но мы проѣхали ее совершенно благополучно, не видавъ тигра; можетъ быть, его тамъ и не было.

Справедливость требуетъ, однакожъ, сказать, что къ слухамъ о тиграхъ далеко не всегда нужно относиться съ недовѣріемъ путешественнику по Уссурійскому краю. Тигръ здѣсь частый и непрошенный гость и если ему хоть разъ удалось попробовать человѣчьяго мяса, онъ уже становится до безумія отваженъ и дерзокъ. Онъ забѣгаетъ въ селенія и хуторки, тащитъ ребятъ, лѣзетъ въ окна, рвется въ двери насильно; онъ подстерегаетъ—хотя и не часто—почтовыя тройки и совершаетъ свои нападенія на проѣзжающихъ по тайгѣ пассажировъ. Съ нахальствомъ и смѣлостью этого хищника ничто не можетъ тогда сравниться. Въ прежнія времена, напримѣръ, т.-е. лѣтъ всего пятнадцать—двадцать назадъ, когда край былъ почти совсѣмъ безлюденъ, и тигръ еще не привыкъ бояться людей,—дерзость его доходила до того, что онъ врывался въ китайскія фанзы и таскалъ оттуда сонныхъ китайцевъ...

Многіе китайскіе хутора были брошены ихъ обитателями исключительно изъ-за того, что они не могли совладать съ тиграми. Въ послѣднее время, по мѣрѣ заселенія края, тигръ все больше и больше удаляется въ чащу первобытнаго лѣса, подальше отъ проѣзжихъ дорогъ и людскихъ поселеній. Тѣмъ не менѣе, и теперь еще этотъ

*) Такъ называлъ ее нашъ ямщикъ; кажется, однако, она имѣетъ другое названіе, котораго теперь не припомню.

звѣрь, подъ вліяніемъ голода (чѣмъ особенно страдаютъ въ тайгѣ старые тигры, потерявшіе прежнюю ловкость въ поимкѣ добычи), выходитъ изъ дремучаго лѣса, залегаетъ гдѣ-нибудь по близости хутора или деревни, и тогда—ни пройти, ни проѣхать нельзя мимо него: вся деревня точно въ осадѣ. Это длится, обыкновенно, до тѣхъ поръ, пока охотничьей облавѣ *) или соединеннымъ группамъ крестьянъ не удастся убить его или угнать обратно въ тайгу: не то, лучше и не показывать носа близь его логовища. Выгнанный голодомъ изъ лѣсу звѣрь отличается неслыханной въ обыкновенное время дерзостью, и всякая попытка торопливаго и легкомысленнаго путника „проскочить" мимо логовища ламазы **) кончается очень часто трагически. Да и безъ того немало горя и слезъ приноситъ селеніямъ сосѣдство голоднаго хищника.

До чего доходитъ отвага и дерзость этого звѣря, можно судить по тому, что спустя нѣсколько мѣсяцевъ (это было всего три года назадъ) мнѣ показывали свѣжіе слѣды его лапъ на желѣзнодорожной насыпи, сооружавшейся въ то время верстахъ въ сорока отъ Владивостока. Тигръ рѣшился явиться сюда изъ сосѣдняго лѣса, не взирая на то, что днемъ на томъ самомъ мѣстѣ, по которому онъ ночью бродилъ, работали сотни рабочихъ, не взирая на то, что на разстояніи каждыхъ семи—восьми верстъ по сооружаемой линіи расположены были бараки рабочихъ и горѣли костры!..

Остальная часть ночи прошла безъ особенныхъ приключеній, и къ утру мы уже приближались къ селу Тизинъ-хе. Дорога шла пока по горамъ и обширнымъ уклонамъ, мимо дремучей тайги. Слѣва поднимались покрытыя зеленымъ покровомъ величественныя горы, справа—далеко до горизонта разстилалась тайга. Тамъ и сямъ виднѣлись гигантскія лѣсныя просѣки, уходящія далеко въ глубь дремучаго лѣса. Мѣстами открывались печальные виды: передъ глазами проходили цѣлые лѣса почернѣвшихъ, обуглившихся голыхъ жердей... Словно гигантскія палки воткнуты въ землю. Это—послѣдствіе „паловъ", ***) бывшихъ недавно здѣсь.

Мы выѣхали на вершину горы. Тайга отошла въ сторону. Гори-

---

*) Часто для этой цѣли отряжаются „охотничьи команды", сформированныя при мѣстныхъ линейныхъ батальонахъ.

**) *Ламаза*—исковерканное мѣстными жителями китайское слово „лао-ма-цзы", что значитъ—тигръ.

***) Палы—лѣсные пожары.

зонтъ опоясывался съ одной стороны причудливыми очертаніями горъ, съ другой—величественнымъ видомъ обширной зеленой долины. Горячее солнце медленно катилось по изумрудному небосклону. Смотришь на окружающія красоты и глазъ не можешь оторвать: куда ни взглянешь, — одна картина величественнѣе и великолѣпнѣе другой. Какое-то странное безмолвіе и спокойствіе разлиты въ окружающей природѣ.

Но, вотъ, въ отдаленіи показались признаки поселенія,—перваго человѣческаго жилья, которое намъ приходится встрѣтить на нашемъ пути.

Это—Тизинъ-хе, одна изъ самыхъ старыхъ въ краѣ корейскихъ деревень. Еще не доѣзжая ея двухъ-трехъ верстъ, намъ уже приходится ѣхать мимо прекрасно обработанныхъ и выхоленныхъ полей, представляющихъ собой чрезвычайно отрадное и пріятное для глазъ зрѣлище. Когда глядишь на эти ровные и стройные ряды культурныхъ злаковъ, безъ малѣйшаго признака сорныхъ травъ, то какъ-то не вѣрится, чтобы *такъ* могли выхолить поле тѣ самые корейцы, съ именемъ которыхъ обыкновенно связывается представленіе о непостижимой лѣни, лукавствѣ и вопіющемъ бездѣльи. Еще болѣе скептически начинаешь относиться къ обычной характеристикѣ корейцевъ, когда проѣзжаешь ближе мимо полей и видишь, какъ отдѣльныя группы этихъ странно, почти по-женски одѣтыхъ людей любовно и кропотливо ползаютъ между рядами хорошо взошедшихъ злаковъ (разстояніе между рядами—до одного аршина; корейцы обыкновенно только такимъ образомъ и сѣютъ ихъ на своихъ поляхъ), тщательно вырываютъ каждый лепестокъ сорной травы, полютъ, окучиваютъ всходы, отваливаютъ отъ растеній землю и т. п.

Работы на поляхъ мы застали въ самомъ разгарѣ. Мѣстами уже снимали кривыми серпами буду (чумидза) *), кукурузу, гаолянъ **) и бобы, мѣстами-же готовились къ осенней вспашкѣ, производимой здѣсь, главнымъ образомъ, при помощи собственныхъ рукъ обладателей поля ***). Только въ двухъ-трехъ мѣстахъ я видѣлъ, чтобы пахали здѣсь на быкахъ.

---

*) „Буда“ (чумидза по-китайски) – корейское просо.

**) Гаолянъ—другой родъ проса.

***) Рабочаго скота корейцы имѣютъ или очень мало, или вовсе не имѣютъ и принуждены прибѣгать къ ручной вспашкѣ и уборкѣ полей. Этимъ объясняется, между прочимъ, малый размѣръ ихъ полей.

Но что это была за странная вспашка!

Она производится здѣсь съ помощью мотыги или, вѣрнѣе, лопаты („хоми“ — по-корейски), заканчивающейся сверху кольцомъ. Одинъ кореецъ наступаетъ на заступъ и вдавливаетъ его въ землю (говорю, именно, вдавливаетъ, такъ какъ иначе я затрудняюсь назвать этотъ процессъ). а двое другихъ стоятъ рядомъ съ нимъ и терпѣливо дожидаются, пока ихъ товарищъ не окончитъ своего занятія; какъ только послѣдній находитъ, что имъ сдѣлано все, что могли отъ него ожидать, онъ отнимаетъ руки отъ лопаты и спокойно закуриваетъ свою неизмѣнную ганзу *). Товарищи его неторопливо прячутъ тогда свои трубки за поясъ, медленно берутся одною рукою каждый за верхнее кольцо (ручку) воткнутой въ землю лопаты, а другими за привязанныя къ основанію ручки веревки, натуживаются, неспѣшно вынимаютъ лопату и выбрасываютъ землю по другую сторону борозды. Все это было такъ странно, что я просто раскрылъ глаза отъ изумленія, когда увидѣлъ воочію, что три дюжихъ корейца едва справляются съ тѣмъ, что дѣлаетъ у насъ обыкновенно пятнадцатилѣтній парень. Притомъ-же все это дѣлалось такъ томительно-медленно, что мой спутникъ, довольно нервный субъектъ, глядя на нихъ, заерзалъ на мѣстѣ и раздражительно вскрикнулъ:

— Что это они? Смѣются надъ нами или въ самомъ дѣлѣ работаютъ! Вѣдь, они съѣдятъ больше, чѣмъ сдѣлаютъ.

Но оказалось, что корейцы вовсе не смѣются надъ нами. Рядомъ съ ними, на другомъ полѣ, мы увидѣли то-же самое.

Я уже готовъ былъ окончательно отказаться отъ только-что передъ тѣмъ (при видѣ образцово культивированныхъ полей) составленнаго мнѣнія о кропотливости и трудолюбіи корейца и вполнѣ согласиться съ распространеннымъ мнѣніемъ о непостижимой лѣни и слабосиліи этого племени, блистательное доказательство которыхъ я только-что видѣлъ, какъ сейчасъ-же вслѣдъ за этимъ увидалъ нѣсколькихъ каули **), которые на своихъ обычныхъ рогулькахъ, прикрѣпленныхъ къ спинѣ, таскали на себѣ цѣлыя горы—до 5-6 пудовъ—сжатаго хлѣба за двѣ версты до ближайшей деревни.

Есть что-то странное и непонятное европейцу въ этомъ флегма-

---

*) Ганза—длинная трубка съ сердоликовымъ мундштукомъ, съ которой кореецъ — страстный курильщикъ — никогда не разстается; она постоянно, даже во время сна, виситъ у него за поясомъ.

**) Носильщики, корейскіе кули (см. гл. II).

тичномъ и нищенскомъ племени, полномъ самыхъ противорѣчивыхъ контрастовъ: лѣни и кропотливости, слабосилія и воловьей выносливости... Впрочемъ, я уже раньше, на примѣрѣ владивостокскихъ каули, видѣлъ все это... Я видѣлъ тамъ, какъ эти несчастные готовы отъ голода горы таскать на себѣ, но стоитъ имъ заработать непосильнымъ трудомъ одну-двѣ копѣйки (это не преувеличеніе), какъ они прекращаютъ работу, и вы уже не сдвинете ихъ съ мѣста до тѣхъ поръ, пока имъ снова буквально нечего ѣсть. Позже, когда я ближе узналъ этихъ людей, меня уже ничто въ нихъ не удивляло: я убѣдился въ томъ, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не представляетъ собою такихъ противоположностей и не заключаетъ въ себѣ столько смѣшаннаго и противорѣчиваго, сколько кореецъ.

Наша мѣрка къ нему совершенно неприложима. Въ этихъ полудикаряхъ какъ-то удивительно уживается на-ряду съ первобытнымъ невѣжествомъ почти поголовная грамотность, на-ряду съ трусливостью, робостью и боязливостью—иногда чрезвычайная отвага, на-ряду съ классической лѣнью—непостижимое трудолюбіе, рядомъ съ инертностью и индифферентизмомъ ко всему, даже къ религіи, — взрывы дикихъ страстей. Уже одинъ внѣшній видъ ихъ указываетъ на то, что эти люди—дѣти „природной страны контрастовъ", какъ многіе—и совершенно справедливо—называютъ Корею: такъ, они отличаются иногда чудовищной нечистоплотностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, круглый годъ, въ продолженіи многихъ уже вѣковъ, одѣваются во все бѣлое,—безразлично, въ какое бы то ни было время года и въ какую бы то ни было погоду.

Межъ тѣмъ, усталая тройка, позванивая колокольчикомъ, приближалась къ корейской деревнѣ.

На довольно широкой (единственной) улицѣ ея царило, по случаю окончанія жатвы, большое оживленіе: взадъ и впередъ сновали пустыя и нагруженныя снопами свѣже-сжатой буды двухколесныя телѣги, везомыя однимъ быкомъ въ такъ-называемой „англійской" упряжи; еще чаще ихъ встрѣчались каули съ пустыми рогульками или нагруженные цѣлыми горами кукурузы и буды, бѣгали взапуски дѣти, изрѣдка одиноко пробирались даже корейскія женщины и дѣвушки въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ — полу-мужскихъ, полуженскихъ,—неся на головахъ кувшины съ водой изъ колодцевъ.

Я съ особеннымъ любопытствомъ присматривался къ послѣднимъ,

пользуясь случаемъ, не часто выпадающимъ на долю европейца, видѣть вблизи корейскую женщину, обыкновенно скрывающуюся, по обычаямъ этого племени, въ глубинѣ своихъ неуютныхъ половинъ, куда къ нимъ никто не можетъ проникнуть, и откуда онѣ, у себя на родинѣ, не имѣютъ права никуда выходить безъ позволенія главы семьи, особенно днемъ. Но, очевидно, здѣсь этотъ обычай не такъ строго соблюдается. Въ Кореѣ-же, то-есть, всего верстахъ въ ста—семидесяти пяти отъ той деревни, въ которой я сейчасъ находился, путнику крайне рѣдко удается встрѣчать на улицѣ женщину. Выходятъ изъ домовъ, большей частью, только старухи, но и ихъ вовсе нельзя разсмотрѣть изъ-подъ закрывающаго ихъ голову кафтана, позволяющаго видѣть только глаза да кончикъ носа.

Здѣшнія женщины довольно красивы: высокія, статныя, стройныя, хотя и съ замѣтно-толстою таліей, съ правильными чертами матоваго лица, онѣ не уступаютъ своей внѣшностью европеянкамъ. Попадаются порою даже красавицы. Костюмъ ихъ довольно оригиналенъ: микроскопическая легкая бѣлая кофточка, закрывающая верхнюю часть туловища и далеко не доходящая до пояса, бѣлые-же шаровары—лѣтомъ изъ легкой бѣлой матеріи, зимою простеганные на ватѣ,—бѣлая юбка поверхъ нихъ, бѣлыя туфли вродѣ лаптей,—вотъ и все, что носитъ на себѣ корейская женщина. Голова ничѣмъ не покрыта, и гладкіе черные волосы завиты въ большую катушку и окаймляютъ виски.

Внѣшній видъ деревни не похожъ на деревни европейскаго типа. Только при въѣздѣ въ нее я видѣлъ нѣсколько фанзъ—очень низкихъ, съ окнами, затянутыми промасленной бумагой,—стоящихъ прямо на улицѣ. Это были фанзы наиболѣе богатыхъ корейцевъ, которымъ принадлежали поля, видѣнныя мною за полчаса передъ тѣмъ. Хозяйствъ съ такими отдаленными полями (на одну—двѣ версты отъ фанзы) я насчиталъ чрезвычайно немного: всего пять—шесть изъ семидесяти, изъ которыхъ состояло корейское поселеніе. Обыкновенно же фанзы корейцевъ средней зажиточности и фанзы бѣднѣйшихъ корейцевъ, которые совершенно лишены живаго инвентаря и вынуждены затрачивать массу ручнаго труда на обработку и уборку полей, расположены близъ самыхъ полей,—чаще-же всего онѣ находятся въ центрѣ самаго поля, либо обнесеннаго заборомъ, либо обсаженнаго высокой, достигающей болѣе сажени вышины кукурузой. При незначительныхъ размѣрахъ корейскихъ полей деревня напоминаетъ, благодаря этому, рядъ симметрично-расположенныхъ другъ возлѣ друга на небольшомъ разстояніи дачъ.

Приблизительно въ центрѣ деревни стояла фанза корейскаго старшины, единственнаго человѣка, кое-какъ говорящаго здѣсь по-русски, и мы направили свою тройку къ нему.

Въ усадьбѣ его, имѣвшей, какъ и всѣ прочія, форму правильнаго четыреугольника, мы застали въ самомъ разгарѣ работы по обмолачиванью недавно сжатой буды, сложенной тутъ-же круглыми стогами, въ тысячу сноповъ каждый.

Въ самой срединѣ усадьбы близь фанзы былъ установленъ небольшой жерновъ около одной сажени въ діаметрѣ. По жернову катался каменный катокъ, прикрѣпленный однимъ концомъ къ стержню, вставленному въ центръ жернова (что дозволяло ему катиться. но не допускало его скатываться на землю) и приводимый въ движеніе осломъ, у котораго глаза были завязаны грязною тряпкой *). Старый кореецъ медленно подсыпалъ на жерновъ буды, которая, попадая подъ каменный катокъ, лишалась своей оболочки. Отсюда зерно пересыпали на стоявшую рядомъ примитивную вѣялку, гдѣ шелуха окончательно отдѣлялась отъ зеренъ.

Не въ далекомъ разстояніи отъ вѣялки одинъ кореецъ обмолачивалъ цѣпами гаолянъ. Цѣпы эти отличаются отъ обыкновенныхъ тѣмъ, что самое „било" ихъ состоитъ изъ трехъ тонкихъ палокъ (а не одной), расположенныхъ параллельно другъ къ другу въ одной плоскости.

Обойдя вѣялку, мы приблизились къ фанзѣ, — невысокому строенію, сложенному изъ глины и покрытому частью камышемъ, частью соломой.

Подъ самой крышей вокругъ всей фанзы висѣлъ для просушки табакъ мѣстнаго произрастанія, спускаясь кое-гдѣ длинными пучками почти до самой земли **). Окна фанзы, несмотря на теплую погоду, были наглухо затянуты промасленной бумагой. Фанза казалась точно герметически закупоренной. Въ одномъ только мѣстѣ, гдѣ, по на-

*) Въ другихъ дворахъ катокъ этотъ, какъ я послѣ видѣлъ, приводился въ движеніе людьми.

**) Табакъ разводится корейцами тутъ-же въ усадьбахъ. Высаживается онъ обыкновенно въ началѣ іюня; первый сборъ даетъ уже въ концѣ этого мѣсяца, второй и третій—въ началѣ и концѣ августа. Листья его сначала сушатся подъ крышей, затѣмъ складываются въ пачки, послѣ чего они вскорѣ пріобрѣтаютъ красноватый цвѣтъ. Просушивъ ихъ послѣ этого еще въ теченіи двухъ-трехъ дней, ихъ связываютъ въ пучки,—и табакъ готовъ для употребленія. Въ продажѣ корейскій табакъ очень дешевъ.

шимъ предположеніямъ, должна была быть дверь, мы увидѣли не плотно спущенный пологъ изъ грубой цыновки. Мы толкнулись туда, но тамъ поднялся такой переполохъ при нашемъ появленіи, что мы поспѣшили немедленно ретироваться назадъ.

Оказалось, что мы попали на женскую половину фанзы, куда входъ не только постороннимъ, тѣмъ болѣе европейцамъ, но и близкимъ членамъ семьи, кромѣ ея главы, безусловно воспрещенъ.

Крикъ женщинъ, шарахнувшихся въ сторону и ужасѣ въ разбѣжавшихся по всѣмъ угламъ полутемной комнаты, въ которой онѣ до того сидѣли, поджавъ подъ себя ноги, привлекъ вниманіе хозяина дома, и онъ поспѣшилъ выйдти къ намъ изъ другой (мужской) половины фанзы.

Это былъ еще не старый кореецъ, высокій, худощавый, съ жидкой растительностью на желтомъ и скуластомъ лицѣ. Увидѣвъ неожиданныхъ гостей, онъ равнодушно пригласилъ насъ зайти въ фанзу. Я затрудняюсь сказать, былъ-ли онъ доволенъ, или недоволенъ нашимъ появленіемъ: на его лѣнивомъ, безстрастномъ лицѣ трудно было что-нибудь прочитать.

Мы зашли въ фанзу, и я началъ съ любопытствомъ разглядывать ея устройство и убранство: фанзы каули и нищихъ рабочихъ-корейцевъ мнѣ уже приходилось раньше видѣть во Владивостокѣ; у зажиточнаго же корейца, какимъ, несомнѣнно, являлся корейскій старшина, мнѣ случалось быть еще впервые.

Удовлетворить свое любопытство мнѣ удалось, однако-жъ, не сразу. Въ комнатѣ, освѣщаемой единственнымъ окномъ, затянутымъ промасленной бумагой, царилъ такой полумракъ, что только съ большимъ трудомъ можно было разсмотрѣть то, что въ ней находилось. Когда, по моей просьбѣ, хозяинъ вынулъ окно и въ комнату вмѣстѣ съ струей свѣжаго воздуха ворвался лучъ солнца, то обстановка этого жилища показалась мнѣ еще болѣе неприглядной и жалкой, чѣмъ я это раньше подозрѣвалъ по нѣкоторымъ признакамъ. И, прежде всего, меня чрезвычайно поразила та масса грязи, отпечатокъ которой носило все на себѣ. Когда хозяинъ открылъ окно, то навстрѣчу солнечному лучу поднялось такое густое облако пыли, что на нѣкоторое время оно совершенно заслонило отъ глазъ нашихъ солнечный свѣтъ. Можно было подумать, да такъ это, вѣроятно, въ дѣйствительности и было, что это жилище никогда не провѣтривалось и еще меньше—когда-либо чистилось.

Признаюсь, я не безъ отвращенія усѣлся за одинъ изъ маленькихъ

низенькихъ столиковъ, являвшихся единственными предметами меблировки корейскаго жилища. Очень скоро, впрочемъ, и я, и мой спутникъ должны были почти въ ужасѣ вскочить со своихъ мѣстъ, такъ какъ подверглись нападенію цѣлой арміи ползающихъ, бѣгающихъ и скачущихъ паразитовъ, которыхъ здѣсь было такъ много, что у насъ явилось въ первую минуту серьезное подозрѣніе, не разводятъ-ли ихъ корейцы съ какою-то намъ неизвѣстною, тайною цѣлью.

Одной изъ главнѣйшихъ причинъ процвѣтанія паразитовъ въ корейскихъ жилищахъ, кромѣ нечистоплотности и равнодушія къ нимъ самихъ обитателей, служитъ своеобразное устройство корейскихъ фанзъ, благодаря которому весь полъ ихъ является, собственно говоря, дымовой трубой для печи, отапливающейся круглый годъ *).

Вслѣдствіе такого устройства корейскихъ половъ ихъ покрытыя толстымъ слоемъ пыли щели, подъ вліяніемъ высокой температуры, являются очагами всякихъ паразитовъ, находящихъ здѣсь въ наличности всѣ факторы, благопріятствующіе ихъ размноженію: грязь, пыль и теплоту.

Корейская женщина.

Къ тому же, какъ я уже замѣтилъ выше, корейцы относятся весьма равнодушно къ этому явленію, которое способно всякаго европейца довести до отчаянія. Когда я

***) Такое устройство достигается тѣмъ, что кухня помѣщается ниже уровня пола, и весь дымъ изъ нея пропускается черезъ подполье. Зимой, какъ уже знаютъ читатели, этимъ путемъ достигается то, что корейцы, большіе охотники лежать на печи, лежа на полу на грязныхъ цыновкахъ (вмѣсто подушекъ, которыхъ корейцы не знаютъ, они подкладываютъ подъ голову деревянныя подставки), получаютъ возможность подогрѣвать то одну, то другую сторону тѣла въ своихъ пропускающихъ холодъ и стужу фанзахъ. За то лѣтомъ отъ духоты въ нихъ сидѣть невозможно.

спросилъ старшину, какъ можетъ онъ выносить присутствіе этихъ паразитовъ,—онъ буквально вытаращилъ глаза, повидимому рѣшительно недоумѣвая, какъ могъ я ему задать столь странный и, можетъ быть, даже неумѣстный вопросъ.

Я попробовалъ выразиться яснѣе. Кореецъ посмотрѣлъ на меня, на моего спутника, медленно обвелъ взоромъ свое жилище; какое-то подобіе улыбки мелькнуло на его безжизненномъ, застывшемъ лицѣ; онъ закурилъ свою ганзу и, наконецъ, когда я уже отчаялся получить отъ него когда-либо отвѣтъ, равнодушно процѣдилъ словно сквозь зубы:

— Сигда...

— Что такое—всегда?—воскликнулъ я.

Прошло снова нѣсколько томительно долгихъ минутъ, въ теченіи которыхъ кореецъ успѣлъ нѣсколько разъ вздохнуть, потянуть раза три ганзу, перемѣнить свое положеніе (онъ сидѣлъ все время на корточкахъ, я и мой спутникъ — на одномъ изъ низенькихъ столиковъ). Наконецъ, кореецъ снова раскрылъ свои оцѣпенѣвшія уста и какъ будто даже оживился подъ наплывомъ воспоминаній.

— Сигда тàко...—проговорилъ онъ. — Сигда... Бабушка—тàко... òтча—тàко. Си Корея—тàко... Плификъ...

Произнеся столь необычайно длинную рѣчь, кореецъ снова замкнулся въ кору непроницаемости и безстрастія, считая, повидимому, вопросъ совершенно исчерпаннымъ. Да и что могъ онъ прибавить къ тому, что сказалъ! Отвѣтъ его достаточно ясенъ: и отцы, и дѣды, вся Корея—всегда изобиловали паразитами. Какъ не привыкнуть къ нимъ въ такомъ случаѣ? Что дѣло въ дѣйствительности обстоитъ въ такомъ видѣ, въ этомъ не могло быть для меня никакого сомнѣнія: я еще раньше въ описаніяхъ немногихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Корею, встрѣчалъ указаніе на обиліе паразитовъ, которыми буквально переполнены всѣ жилища въ Кореѣ, не исключая дворца короля...

Приближалась пора обѣда, и вскорѣ въ фанзѣ начали появляться остальные корейцы, которыхъ я раньше видѣлъ во дворѣ.

Входя въ комнату, они, не обращая никакого вниманія на насъ, подходили къ столикамъ, усаживались передъ ними на корточкахъ, закуривали свои трубки и терпѣливо дожидались обѣда.

По своей внѣшности всѣ они производятъ очень хорошее впечатлѣніе: хорошо сложенные, рослые, статные — они съ виду гораздо симпатичнѣе манзъ. Но на лицахъ всѣхъ ихъ лежитъ какая-то пе-

чать индифферентизма, смѣшаннаго съ „вѣжливою безжизненностью“, какъ выразился о нихъ одинъ путешественникъ. Изрѣдка это выраженіе исчезаетъ и по временамъ можно замѣтить, какъ оно смѣняется робкимъ и покорнымъ выраженіемъ лица.

Повидимому, однако-же, индифферентизмъ, апатія, инертность, (отсутствіе предпріимчивости и иниціативы) являются основными и наиболѣе характерными чертами этого племени. Говорю—„повидимому“, потому что ни мои собственныя наблюденія надъ его представителями въ теченіи трехлѣтняго пребыванія моего въ краѣ, ни наблюденія другихъ путешественниковъ, къ которымъ я обращался за разъясненіемъ интересующаго меня вопроса, не позволяютъ придти ни къ какому окончательному рѣшенію и не даютъ ключа къ точному уразумѣнію душевнаго и нравственнаго склада характера корейцевъ.

Есть, однако, много вѣроятія предполагать, что въ характерѣ корейца преобладаютъ, именно, пассивныя черты надъ активными.

Политическій строй, господствовавшій въ Кореѣ до событій самаго послѣдняго времени, въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ не допускавшій и не одобрявшій никакого проявленія индивидуальной свободы и предпріимчивости, и отстранявшій народъ отъ всякаго участія въ судьбахъ своей страны; многовѣковой гнетъ и произволъ, царившій и понынѣ еще царящій въ Кореѣ; отсутствіе всякихъ живыхъ сношеній со всѣмъ остальнымъ міромъ, вѣковая замкнутость и изолированность,—все это, въ связи съ хронической голодовкой, не могло, конечно, на протяженіи вѣковъ не оказать вліянія на народную жизнь, не могло не наложить своего отпечатка на характеръ народа... Робость, приниженность, апатія и т. п. черты, при такихъ условіяхъ, являются прямымъ послѣдствіемъ всей той обстановки, въ которой кореецъ жилъ до сихъ поръ: лѣнь явилась послѣдствіемъ вѣковой неувѣренности въ правѣ пользованія плодами своихъ трудовъ, отсутствіе стремленій къ богатству и улучшенію своего матеріальнаго положенія — результатомъ господства такого порядка вещей, при которомъ всякій достатокъ могъ только возбуждать алчность корейскихъ чиновниковъ, покорность и безропотность—результатомъ вѣковаго произвола, чисто восточнаго, и насилія корейскихъ властей.

Предпріимчивость народа была парализована всюду и во всѣхъ областяхъ жизни, и въ результатѣ получился тотъ типъ современнаго корейца, который для многихъ еще является загадкой, разгадать которую очень трудно подъ-часъ вслѣдствіе полнаго смѣшенія въ немъ самыхъ противоположныхъ и противорѣчивыхъ чертъ.

Одинъ мой знакомый, долго жившій въ краѣ и хорошо приглядѣвшійся къ этимъ людямъ, мнѣ кажется, довольно удачно и, во всякомъ случаѣ, оригинально подошелъ къ разрѣшенію этой загадки.

— Меня, признаться, не мало удивляетъ, что изслѣдователи этого племени находятъ много загадочныхъ и противорѣчныхъ чертъ въ немъ, сильно расходятся другъ съ другомъ во мнѣніи о характерѣ корейскаго народа и приходятъ часто къ діаметрально противоположнымъ выводамъ,—сказалъ онъ.—Въ сущности, мнѣ кажется, въ этомъ племени менѣе всего загадочнаго и таинственнаго. Кореецъ— я говорю это на основаніи долголѣтнихъ наблюденій—по своимъ душевнымъ свойствамъ и по всему своему складу едва-ли многимъ отличается отъ любого изъ насъ: онъ—покопайтесь глубже въ его душѣ!—такъ-же, какъ и мы, склоненъ къ веселью, инициативѣ, предпріимчивости, онъ такъ-же, какъ и мы, любитъ свою родину, интересуется ея судьбами, онъ такъ-же, какъ и мы, не относится недружелюбно къ труду... Вся разница между нимъ и нами только въ томъ—и разница эта весьма и весьма существенна—что мы, европейцы (мой собесѣдникъ былъ англичанинъ), мы — люди живые, мы живемъ притомъ предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, чуждые опеки и произвола. Кореецъ же—человѣкъ еще полумертвый; онъ еще спитъ и едва-едва началъ просыпаться... Но и полумертвый,—онъ связанъ всевозможными регламентами по рукамъ и ногамъ. Тысячи лѣтъ Корея,— эта „страна отшельниковъ", какъ назвалъ ее Гриффисъ, была замкнута сама въ себѣ, тысячи лѣтъ она спала, она (т.-е., ея правительство) подавляла въ своихъ обитателяхъ малѣйшее проявленіе самодѣятельности и самостоятельности и она усыпила, заглушила, но не подавила въ нихъ окончательно человѣческихъ чувствъ. Кореецъ въ Кореѣ—это еще человѣкъ, одурѣвшій отъ сна, лучи современной цивилизаціи еще не коснулись его въ его сонномъ царствѣ и онъ, дѣйствительно, поражаетъ у себя на родинѣ всѣхъ путешественниковъ своей чисто классической лѣнью и апатіей... Только доведенный до отчаянія невѣроятнымъ гнетомъ и насиліемъ корейскихъ чиновниковъ онъ иногда на мгновенье пробуждается и тогда поражаетъ міръ взрывомъ дикихъ страстей, и тогда этотъ скромный, робкій, апатичный кореецъ выходитъ изъ себя, производя опустошительные разгромы, ломая, сокрушая, уничтожая все, что встрѣтится ему на пути, и затѣмъ вновь засыпаетъ на долгое время и спитъ непробуднымъ сномъ, отъ котораго ничто уже не въ силахъ его разбудить... Словомъ, вы видите, что кореецъ, въ этомъ случаѣ, посту-

паетъ, какъ сонный человѣкъ, вѣрнѣе, какъ человѣкъ съ-просонокъ. Стоитъ вамъ, однако, перенести корейца на другую почву, скажемъ, хотя-бы даже въ вашъ Уссурійскій край, изолировать его отъ вѣками угнетавшей его на родинѣ обстановки, и вы уже не узнаете его: онъ такъ тщательно обрабатываетъ свое поле, какъ, дай Богъ, всякому изъ насъ; онъ извлекаетъ изъ своего участка все, что онъ можетъ ему дать, затрачивая при этомъ такую массу упорнаго, настойчиваго труда, который можетъ возбудить удивленіе въ европейцахъ. Онъ знаетъ, что все, что онъ добылъ, у него никто насильно не отберетъ и онъ трудится въ потѣ лица своего. Но какъ-же, говорите вы, объяснить на-ряду съ этимъ многіе факты, находящіеся въ прямомъ противорѣчіи съ только-что высказаннымъ мною,—факты, имѣющіе мѣсто на территоріи того-же Уссурійскаго края? Вѣдь это противорѣчіе,—говорите вы. Отнюдь нѣтъ. Факты эти находятъ себѣ объясненіе въ томъ, что кореецъ еще не совсѣмъ проснулся отъ своей *вѣковой* спячки. Да при томъ-же, чего захотѣли вы? Вѣдь, корейцы живутъ у васъ, можно сказать, безъ году недѣля, какихъ нибудь тридцать лѣтъ и къ тому-же еще очень обособленно отъ русскаго населенія... А господа путешественники говорятъ:—противорѣчіе... Да пусть-же они дадутъ человѣку проснуться, какъ слѣдуетъ,—тогда и увидятъ, что никакого противорѣчія и загадки въ характерѣ этого племени и въ поминѣ нѣтъ!..

Корейцы, между тѣмъ, продолжали сидѣть въ своей прежней позѣ на корточкахъ и, по-прежнему, безъ устали тянули свои ганзы. Большинство ихъ сидѣло, разумѣется, въ шляпахъ, что, по мѣстнымъ обычаямъ, считается признакомъ особенной вѣжливости по отношенію къ гостю.

Шляпы эти, сплетенныя изъ конскаго волоса или изъ тонко расщепленнаго бамбука, довольно оригинальны и являются такой отличительной особенностью въ костюмѣ корейца, что заслуживаютъ подробнаго описанія. Поля ихъ совершенно прямы, а тулья такъ мала, что кажется дѣтской игрушкой, а не головнымъ уборомъ взрослаго человѣка. Да, строго говоря, шляпа и не предназначается здѣсь для прикрытія головы, а одѣвается только на волосяной узелъ или „шишку", связанную на маковкѣ: корейцы волосъ не стригутъ, а зачесываютъ ихъ вверхъ и здѣсь по-женски связываютъ. На эту „шишку" надѣвается сначала плотно облегающій ее ремешокъ, сплетенный изъ конскаго-же волоса; сверхъ него—коническій колпачекъ изъ такого же волоса, и уже сверхъ этого колпачка одѣвается шляпа,

которая удерживается на своемъ почетномъ мѣстѣ двумя широкими черными лентами, завязывающимися подъ подбородкомъ.

Шляпы эти чрезвычайно дешевы (около 15—20 коп. штука), но, тѣмъ не менѣе, въ глазахъ корейца онѣ служатъ признакомъ извѣстной степени зажиточности и даже роскоши, такъ какъ большинство изъ нихъ такъ бѣдно, что не въ силахъ позволить себѣ даже этой роскоши,—pium desiderium всякаго корейца. Тутъ-же въ комнатѣ сидѣло нѣсколько каули, у которыхъ головы были лишены этого украшенія, и шишка повязана была грязной бѣлой тряпицей.

Сидѣло здѣсь еще нѣсколько корейцевъ безъ шляпъ, но они, какъ оказалось, и не имѣли еще права носить на головѣ какого бы то ни было головнаго убора, даже бѣлой тряпицы. Это была по преимуществу корейская молодежь, т.-е. люди еще не женатые, которыхъ я сначала принялъ было за дѣвушекъ, благодаря тому, что волосы ихъ были заплетены въ одну косу, ниспадавшую по спинѣ, подобно тому, какъ я раньше случайно видѣлъ на улицѣ у корейскихъ дѣвушекъ.

Какъ оказалось, право завязывать волосы узломъ на головѣ кореецъ пріобрѣтаетъ только послѣ женитьбы; до тѣхъ-же поръ, сколько бы ему ни было лѣтъ, онъ не можетъ покрывать головы и долженъ заплетать волосы въ одну косу. Мало того, оказалось, что до женитьбы корейскій юноша, по туземнымъ понятіямъ является такимъ же безправнымъ членомъ семьи и общества, какъ и корейская дѣвушка и женщина. Говорятъ даже, что съ ними обращаются какъ съ маленькими дѣтьми, хотя бы холостому корейцу стукнуло сорокъ лѣтъ. У себя на родинѣ неженатый кореецъ лишенъ даже права поступать на государственную службу.

Во всемъ остальномъ костюмъ всѣхъ корейцевъ одинаковъ и сильно похожъ на видѣнный уже мною костюмъ корейскихъ женщинъ; только нѣтъ юбки, да кофта—длиннѣе; у старшины она была даже до полу и напоминала нѣчто въ родѣ больничнаго халата изъ бѣлой матеріи или балахона: такъ ходятъ обыкновенно всѣ зажиточные корейцы.

Чтобы закончить описаніе внѣшности корейцевъ, я долженъ сказать, что лица ихъ, въ противность манзамъ, не носили никакого слѣда бритвы или ножницъ: брить или стричь бороду—это большой грѣхъ по понятіямъ корейцевъ. Позже мнѣ разсказывали даже, что одному европейцу, обладавшему бритымъ подбородкомъ, было исключительно изъ-за этого отказано корейскимъ королемъ въ аудіенціи.

Подобный же случай произошелъ не такъ давно съ нѣмецкимъ путешественникомъ Эллерсомъ, какъ онъ самъ объ этомъ разсказываетъ.

„Въ качествѣ члена германскаго консульства", — говоритъ онъ, — „я желалъ и имѣлъ право быть представленнымъ корейскому королю, который обыкновенно отнюдь не чуждается европейцевъ. Все уже было улажено, былъ даже назначенъ день для аудіенціи, но тутъ встрѣтилось совершенно неожиданное и крайне своеобразное препятствіе... У меня была начисто сбрита борода, а корейцы питаютъ необъяснимое отвращеніе къ бритымъ подбородкамъ европейцевъ... Король узналъ объ этомъ и отказалъ мнѣ въ аудіенціи, впрочемъ, подъ другимъ благовиднымъ предлогомъ".

Юный кореецъ внесъ въ чашкѣ дымящуюся пищу, и мои молчаливые собесѣдники нѣсколько оживились. Вынувъ изъ-за пояса свои столовые приборы, т.-е. двѣ цилиндрическія палочки, замѣняющія у нихъ, какъ у японцевъ и китайцевъ, ножи, вилки и ложки, они съ жадностью набросились на ѣду.

До сихъ поръ всѣ они хранили глубокое молчаніе, а теперь послышались даже обрывки бесѣды. Однако, при всемъ желаніи уловить хотя бы одно слово изъ ихъ разговора, это мнѣ совершенно не удавалось. Японскій и китайскій языки—я уже зналъ это—чрезвычайно трудны для европейца, благодаря своему произношенію, но съ трудностью корейскаго ничто не можетъ сравниться, и это происходитъ благодаря тѣмъ особенностямъ корейскаго языка, которыя такъ сильно отличаютъ его отъ родственнаго ему китайскаго. Главнымъ образомъ, все затрудненіе сводится къ крайней неопредѣленности гласныхъ и чрезвычайно странному сочетанію согласныхъ, что дѣлаетъ совершенно невозможнымъ точную передачу и усвоеніе корейскихъ словъ. Мы пробовали со спутникомъ повторять вслухъ одни и тѣ же слова, слышанныя нами здѣсь,—и каждый изъ насъ произносилъ, какъ оказывается, совершенно непохожія слова.

Эти особенности корейскаго языка приводятъ, между прочимъ, къ тому, что самая транскрипція наиболѣе посѣщаемыхъ европейцами портовъ до сихъ поръ не можетъ считаться даже приблизительно установленной. Въ точности неизвѣстно даже, какъ нужно произносить названіе корейской столицы: произносятъ и Сауль, и Сеулъ, Сіуль, Соулъ, Саулъ, Сёуль и т. д.,—а, между тѣмъ, ни у кого нѣтъ увѣренности въ томъ, чтобы хотя одно изъ этихъ произношеній было близко къ истинному.

Отказавшись отъ безплодныхъ попытокъ выучить хотя бы одно корейское слово, мы обратили все свое вниманіе на нашихъ сосѣдей.

Женщинъ между ними, конечно, не было: онѣ остались на своей половинѣ, не смѣя переступить порога комнаты, предназначенной для мужчинъ.

Кажется, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ на азіатскомъ Востокѣ, гдѣ положеніе ея далеко не изъ завидныхъ, женщина не является такимъ безправнымъ, безотвѣтнымъ существомъ, какъ у корейцевъ.

Корейская женщина — это въ полномъ смыслѣ этого слова рабыня, приниженное существо, которое *даже не имѣетъ собственнаго имени!..*

Если вы спросите корейца, какъ зовутъ его жену, сестру, мать, дочь, невѣсту, племянницу, бабушку и т. д., то онъ васъ совершенно не пойметъ: корейская женщина, какъ я уже сказалъ, вовсе не имѣетъ имени. „Мать Ту-юн-шана“, „жена Ки-ма“, „бабушка Пинь-яна“,—вотъ что услышите вы въ отвѣтъ на вашъ вопросъ.

Корейская женщина пользуется нѣкоторой свободой только до тѣхъ поръ, пока она еще не вышла изъ отроческаго возраста; но какъ только она перешагнула его, — она дѣлается игрушкой въ рукахъ своего брата, мужа, отца и даже сына. Безъ ихъ позволенія она не смѣетъ шагу ступить, не можетъ не только выйти на улицу, но даже посмотрѣть въ окно. Съ момента возмужанія и до глубокой старости она уже лишается собственной воли и какъ бы вновь дѣлается ребенкомъ. Даже съ ближайшими родственниками она можетъ говорить только съ разрѣшенія старшаго въ домѣ мужчины. Видѣть ее также никому нельзя: женская половина недоступна глазамъ постороннихъ. Насколько сильно охраняется неприкосновенность этой „половины“, можно судить по тому, что въ самой Кореѣ, напримѣръ, даже судья, въ интересахъ правосудія, не смѣетъ проникнуть сюда!...

Въ Уссурійскомъ краѣ произволъ корейскихъ мужчинъ до нѣкоторой степени умѣряется воздѣйствіемъ русскихъ властей, пытающихся по возможности облегчить подневольное положенія корейской женщины, но въ самой Кореѣ законы и обычаи, опредѣляющіе ихъ положеніе, настолько суровы, что даже сами главы семей, если бы пожелали, зачастую не въ силахъ облегчить положеніе женщины даже въ такихъ пустякахъ, какъ въ дѣлѣ разрѣшенія выйти на улицу.

Даже такое разрѣшеніе можетъ быть тамъ (то-есть, въ самой Кореѣ) дано женщинѣ не всегда: по существующимъ законамъ, сохраняющимъ и понынѣ свою грозную силу, корейская женщина можетъ

выйти на улицу только послѣ солнечнаго заката и, главнымъ образомъ, ночью. Днемъ она лишена этого права.

Положимъ, съ другой стороны тамъ существуетъ еще болѣе нелѣпый законъ, нынѣ, кажется уже начинающій отживать свой вѣкъ, запрещающій мужчинамъ появленіе на улицахъ города или селенія послѣ заката солнца.

Европейскому путешественнику по Кореѣ, такимъ образомъ, никогда не удается на улицахъ туземныхъ городовъ видѣть одновременно мужчинъ и женщинъ: днемъ онъ видитъ тамъ только первыхъ, вечеромъ—только послѣднихъ, скрывающихъ при томъ-же, по обычаю, свои лица подъ бѣлымъ балахономъ (въ Уссурійскомъ краѣ женщины ходятъ уже съ непокрытой головой).

— Послушай, — обратился мой спутникъ къ старшинѣ, флегматично управлявшемуся въ это время своими двумя палочками. — послушай, а чего ты жены не зовешь обѣдать?

Кореецъ отложилъ въ сторону обѣ палочки, обернулся къ моему спутнику и необычно быстро заговорилъ негодующимъ голосомъ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ ткнувъ длиннымъ пальцемъ по тому направленію, гдѣ въ это время должна была находиться его жена или „бабушка", какъ выражаются корейцы:

— Бабушка... — почти захлебывался онъ отъ презрѣнія и негодованія,—его... сюда... худо... сюда... ходи?!. Моя—чики-чики... чики-чики... Сюда... ходи?!. Чики-чики!.. Нельзя есть!—взвизгнулъ онъ.— Нельзя есть!.. Моя — шестна корейца... Моя—бабушка мѣсти кушай?!. Моя—бабушка?... моя—собака!?. Нельзя есть!.. Нельзя есть!..— почти въ изступленіи выкрикивалъ онъ.

Больше у него не хватило словъ для выраженія негодованія. Но мы видѣли, что нашъ вопросъ и предположеніе, что этотъ „шестна корейца" можетъ ѣсть за однимъ столомъ со своей „бабушкой", которая въ его глазахъ все равно, что собака,—своей оскорбительностью слишкомъ глубоко, вѣроятно, потрясли его правовѣрную корейскую душу, когда онъ сразу потерялъ все свое спокойствіе и обычное хладнокровіе...

Съ этого момента отношеніе старшины къ намъ рѣзко измѣнилось. Онъ и раньше, нужно правду сказать, весьма мало вниманія обращалъ на насъ, но это не было плодомъ злаго умысла съ его стороны: онъ просто держалъ себя такъ, какъ ему подсказывала его природа и флегма. Теперь-же онъ демонстративно отвернулся отъ насъ, окончательно замкнулся въ себя и не отвѣчалъ намъ ни единаго

звука въ отвѣтъ на самые деликатные вопросы, которые мы ему предлагали.

Какъ ни прискорбны были для насъ послѣдствія нашей неосторожности, но поправить дѣла мы ничѣмъ уже не могли. Пришлось волей-неволей удалиться, оставивъ по себѣ, помимо нашего желанія, самое дурное воспоминаніе.

Намъ не хотѣлось, однако-же, такъ скоро уѣзжать изъ корейской деревни, и мы, выйдя изъ фанзы старшины, зашли въ сосѣдній дворъ.

Хозяина фанзы мы встрѣтили въ серединѣ двора, но въ такомъ странномъ нарядѣ, что, взглянувъ на него, едва могли удержаться отъ хохота.

Представьте себѣ пожилаго, съ сильной просѣдью, корейца, облаченнаго въ чрезвычайно просторную и длинную бѣлую женскую кофту съ необъятными рукавами, спускавшимися почти до самой земли. Въ одной рукѣ онъ держалъ продолговатую дощечку, въ другой—огромный сосудъ въ формѣ гриба, діаметромъ въ основаніи до одного аршина.

Когда мы вошли во дворъ, онъ стоялъ спиной къ намъ. Услышавъ наши голоса уже въ двухъ шагахъ отъ себя, онъ быстро обернулся и на его лицѣ можно было прочитать сильный испугъ, вызванный, какъ мы полагали, нашимъ неожиданнымъ и незамѣченнымъ имъ раньше появленіемъ.

Мы только было раскрыли ротъ, чтобы успокоить его, какъ произошло что-то странное и совершенно для насъ непонятное. Кореецъ быстро надѣлъ на голову описанный мною сосудъ, оказавшійся колоссальной шляпой, скрывшей не только его голову, но даже самыя плечи, поставилъ передъ собой дощечку, похожую на маленькую ширмочку, и въ такомъ странномъ видѣ заговорилъ съ нами пріятнымъ теноркомъ, въ которомъ не слышно было и тѣни испуга и недоброжелательства.

Мы совершенно терялись въ догадкахъ и предположеніяхъ, рѣшительно недоумѣвая, чѣмъ и какъ объяснить себѣ этотъ странный маскарадъ и эту своеобразную манеру поддерживать разговоръ подъ двойной защитой гигантскаго шлема и ширмочки.

— Да, вѣдь, это онъ въ траурѣ! — воскликнулъ вдругъ мой спутникъ.—Какъ я раньше не догадался объ этомъ?

— Въ траурѣ? Ну, теперь и я начинаю понимать въ чемъ дѣло,— расхохотался я.

Кореецъ подтвердилъ наши догадки. Онъ, какъ оказалось, третій

мѣсяцъ уже носитъ трауръ по своей матери. Осталось ему донашивать трауръ еще *двадцать четыре мѣсяца* (обычный срокъ траура—27 мѣсяцевъ) и все это время онъ долженъ носить этотъ нарядъ, при видѣ людей скрывать свое лицо подъ шляпой-грибомъ и защищать его ширмочкой. для вящшаго доказательства того, что грусть его такъ велика и безутѣшна, что ему уже не милъ весь бѣлый свѣтъ и даже не хочется смотрѣть на него.

Крайне равнодушный къ исповѣдываемой имъ религіи *), —кореецъ свято чтитъ въ то-же время память своихъ умершихъ предковъ и строго соблюдаетъ всѣ мелочныя правила, щепетильно предписываемыя ему этимъ культомъ. Пока длится трауръ, кореецъ, по ритуалу. отрѣшается отъ всѣхъ дѣлъ, отъ житейскихъ помысловъ, закупоривается отъ всего міра въ грибовидную шляпу и всецѣло предается неутѣшной скорби. И кореецъ свято блюдетъ этотъ обычай, не взирая на то, что онъ для него крайне тягостенъ, особенно при стеченіи нѣсколькихъ трауровъ.

Здѣсь нерѣдки, благодаря этому. случаи. когда человѣкъ до самой старости. въ буквальномъ смыслѣ этого слова, не видитъ божьяго свѣта изъ-за трауровъ и проводитъ всю жизнь подъ этимъ огромнымъ грибомъ.

Мнѣ извѣстенъ даже одинъ случай, когда двое обрученныхъ состарились изъ-за стеченія трауровъ раньше, чѣмъ успѣли, наконецъ. сыграть свою свадьбу **).

Нашъ оригинальный собесѣдникъ очень скоро оставилъ насъ и, присѣдая и униженно кланяясь, не забывая въ то-же время заслонять себя отъ насъ ширмочкой, ушелъ въ свою фанзу: приличія не дозволяли ему продолжительной бесѣды съ кѣмъ бы то-ни было.

---

*) По отношенію къ религіи,—замѣчаетъ одинъ путешественникъ,—въ корейскомъ народѣ всегда наблюдался индифферентизмъ, и этимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ фактъ, почему въ Кореѣ нѣтъ и слѣда тѣхъ причудливыхъ языческихъ храмовъ, какіе украшаютъ Японію. Съ другой стороны, на корейцевъ вовсе не повліялъ конфуціонизмъ Китая, развившій въ характерѣ китайцевъ черты самодовольства и косности. (Господствующею религіею въ Кореѣ является конфуціонизмъ, перенесенный сюда около пяти вѣковъ назадъ изъ Китая. Но на ряду съ нимъ уживается также и буддизмъ, распространившійся здѣсь еще въ VI вѣкѣ нашей эры).

**) Замѣчу, кстати, что корейцы женятся обыкновенно въ довольно ранніе возрасты, и ранніе браки здѣсь—нормальное явленіе. До брака женихъ и невѣста не видятъ другъ друга, такъ что о взаимной склонности вступающихъ въ бракъ и рѣчи быть не можетъ. Союзъ устраивается по взаимному уговору родителей жениха и невѣсты, но окончательное рѣшеніе вопроса зависитъ отъ астролога; онъ-же и назначаетъ день свадьбы.

Волей-неволей намъ пришлось удалиться изъ его усадьбы. Передъ отъѣздомъ изъ корейской деревни въ Посьетъ, мы, однако, заглянули по пути еще въ нѣсколько корейскихъ фанзъ, обстановка и убранство которыхъ мало чѣмъ отличались отъ фанзы корейскаго старшины: только еще болѣе грязно, душно и пыльно въ нихъ было. За толстыми слоями пыли невозможно было даже различить, какого цвѣта были внутреннія стѣны фанзъ; что-же касается половъ, то только съ большимъ трудомъ можно было догадаться, что они покрыты, какъ обыкновенно въ корейскихъ жилищахъ, грубо сплетенными цыновками.

Обитателей фанзъ, куда мы ни заходили, мы заставали за обѣдомъ,—разумѣется, однихъ мужчинъ: женщины по обыкновенію прятались на своихъ половинахъ и только украдкой выглядывали на насъ изъ дверей, когда мы мимо нихъ проходили.

Въ одной изъ фанзъ пожилой кореецъ пригласилъ насъ къ столу. Корейцы ѣли въ это время свое національное блюдо,—кашу изъ буды (ея бываетъ нѣсколько сортовъ; по-китайски она называется „чумидза“ или „сяо-ми-дзу“), родъ проса. Мы попробовали ее, не безъ брезгливости, и эта клейкая, тягучая масса не особенно пришлась намъ по вкусу. Между тѣмъ, у корейцевъ буда является однимъ изъ важнѣйшихъ продуктовъ питанія. Большинство корейскихъ полей въ краѣ засѣвается будой, дающей при томъ-же, какъ сообщаетъ мѣстный агрономъ г. Крюковъ, благодаря тщательному уходу за полями, при хорошемъ урожаѣ — до трехсотъ тридцати пудовъ на казенную *) десятину, на посѣвъ которой идетъ 18—30 фунтовъ зерна (проса)! Таково плодородіе почвы въ Уссурійскомъ краѣ ..

Впрочемъ, какъ мнѣ сообщили тутъ же за обѣдомъ сами корейцы, урожай самъ—15, самъ—20 и даже самъ—25 является минимальнымъ и уже плохимъ, по понятіямъ корейцевъ, для тѣхъ злаковъ (бобовъ, овса, кукурузы, гао-ляня и т. д.), которые ими культивируются въ Уссурійскомъ краѣ. По сообщенію же г. Крюкова, абсолютная величина этого минимума даже значительно выше: бобы сои, занимающіе въ обиходѣ корейца второе мѣсто послѣ буды и являющіеся вторымъ по важности хлѣбомъ корейскаго земледѣлія даютъ, напримѣръ, въ сред-

*) Собственно корейская земельная мѣра („хора-гари“), по сообщенію того-же г. Крюкова,—равна 800 кв. саж., т.-е. въ три раза меньше такъ назыв. „казенной“ десятины.

немъ самъ-сорокъ—самъ-шестьдесятъ (засѣвается 45—50 ф. на десявину, урожайность — 45-70 пудовъ), кукуруза даетъ еще больше: засѣваютъ восемь фунтовъ,—снимаютъ сорокъ-пятьдесятъ пудовъ!...

Корейская танцовщица.

Такіе поистинѣ блестящіе результаты находятъ себѣ объясненіе, прежде всего, конечно, въ прекрасныхъ качествахъ уссурійской почвы. Вторымъ, по важности, факторомъ, дѣлающимъ возможнымъ до-

стиженіе такихъ поразительныхъ результатовъ, является извѣстная уже читателямъ тщательность культуры корейскихъ полей и неукоснительный уходъ за ними въ теченіи всего періода созрѣванія и роста культурныхъ злаковъ; наконецъ, третьимъ факторомъ является обильное удобреніе.

Г. Крюковъ (агрономъ при приамурскомъ генералъ-губернаторѣ) на послѣднемъ хабаровскомъ съѣздѣ, происходившемъ въ 1893 году, сообщилъ любопытныя свѣдѣнія о своеобразной корейской культурѣ, которую онъ имѣлъ случай изучать въ сел. Янчихѣ, Посьетскаго участка, не въ далекомъ разстояніи отъ той корейской деревни, въ которой я находился.

Культура корейскихъ полей—исключительно „рядовая" или „грядовая". Посѣвы растеній располагаются такимъ образомъ, что междурядья чередуются съ рядами растеній (разстояніе между ними—отъ 12 в. до 1 арш.), т. е. гдѣ были, скажемъ, въ настоящемъ году растенія,—тамъ въ будущемъ году будетъ свободный проходъ между рядами посѣва, въ слѣдующемъ-же году—наоборотъ. Благодаря такой системѣ посѣва, корейцы вынуждены были придумать и особое приспособленіе для посѣва, довольно остроумно, дѣйствительно, устроенное.

Сѣютъ они съ помощью такъ называемой „тубе", т. е. небольшаго цилиндра, діаметромъ отъ четырехъ до шести вершковъ, имѣющаго на одной сторонѣ два отверстія: одно въ центрѣ дна, другое—сбоку отъ него. Въ первое насыпаютъ зерно и герметически закупориваютъ его тряпкой. Другое отверстіе ведетъ въ трубку, проходящую черезъ весь цилиндръ; по другой сторонѣ въ него воткнута палка. Цилиндръ во время посѣва кореецъ держитъ подъ мышкой и, проходя по свободной и широкой полосѣ между бороздами, легонько ударяетъ по немъ пальцемъ, вслѣдствіе чего изъ него прямо на борозду падаетъ по одному—по два зерна. Просто и экономно; притомъ-же это даетъ возможность достигать почти идеальной равномѣрности посѣва, хотя и отнимаетъ невѣроятную массу времени для посѣва даже крохотной корейской „хора-гари".

По мнѣнію цитированнаго мною автора, рядовая система оказываетъ самое благотворное вліяніе на урожайность корейскихъ полей. „Дѣло въ томъ, говоритъ онъ, что чередованіе мѣстъ подъ посѣвами, которое практикуется корейцами, можно разсматривать какъ двухъпольную систему сѣвооборота съ чернымъ паромъ. Но такъ какъ самое растеніе ежегодно мѣняется и между ними одно изъ главныхъ

мѣстъ занимаютъ бобовыя, то этотъ двухъ-польный оборотъ еще болѣе совершенствуется. Благодаря ежегодной перемѣнѣ растеній почва истощается не столь односторонне; бобовыя-же растенія оказываютъ, кромѣ того, благопріятное вліяніе на почву, обогащая ее азотомъ. Постоянная обработка въ теченіи цѣлаго года междурядій усиливаетъ вывѣтриваніе почвы и, такимъ образомъ, содѣйствуетъ проходу питательныхъ веществъ въ удобоусвояемое для растеній состояніе".

Эта то система полеводства въ связи съ тщательностью обработки полей, вполнѣ соотвѣтствующей климатическимъ условіямъ края, хорошо извѣстнымъ корейцамъ, жившимъ у себя на родинѣ почти при одинаковыхъ условіяхъ (сѣверная часть Кореи въ климатическомъ отношеніи близко подходитъ къ Уссурійскому краю) и служитъ, по мнѣнію компетентныхъ людей, главнымъ условіемъ поразительнаго плодородія уссурійской почвы. На преобладающее вліяніе именно только что указанныхъ факторовъ на урожайность почвы указываетъ уже то обстоятельство, что рядомъ съ корейцами наши переселенцы, работающіе при одинаковыхъ съ ними почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ, но придерживающіеся другого сѣвооборота и не такъ тщательно обрабатывающіе свои поля, затрачивая на посѣвъ сѣмянъ *вдвое болѣе* противъ своихъ сосѣдей—корейцевъ, получаютъ, *въ лучшемъ случаѣ*, урожай *вчетверо худшій*...

Читатели будутъ, однако, далеки отъ истины, если, на основаніи только что сообщенныхъ мною свѣдѣній, вообразятъ, что въ корейскихъ деревняхъ текутъ молочныя рѣки съ кисельными берегами. На самомъ дѣлѣ, корейцы пользуются только сравнительнымъ благосостояніемъ. И это находитъ себѣ объясненіе, во первыхъ, въ томъ, что они, за небольшими исключеніями, лишены живого инвентаря и должны всю работу отъ вспашки и посѣва до перевозки (вѣрнѣе, переноски) зерна съ полей производить своимъ личнымъ трудомъ, затрачивая при этомъ массу ручнаго труда совершенно непроизводительно особенно, если принять во вниманіе, что всѣ орудія ихъ примитивнаго устройства. При такихъ условіяхъ кореецъ обработать большаго поля не въ состояніи и слѣдовательно, большому избытку зерна взяться не откуда.

Другой причиной малаго, по сравненію съ поразительной урожайностью корейскихъ полей, благосостоянія корейскихъ поселянъ является то, что при слабомъ еще развитіи Уссурійскаго края, его малолюдствѣ и незаселенности, для корейца чрезвычайно затрудненъ сбытъ его излишковъ, которые волей-неволей должны лежать и даже

гнить въ его амбарахъ не принося никому никакой пользы. Въ прежніе годы постояннымъ, крупнымъ и въ то-же время почти единственнымъ потребителемъ продуктовъ корейскаго земледѣлія было мѣстное интендантское вѣдомство; но въ послѣднее время съ расширеніемъ и усиленіемъ русской колонизаціи Уссурійскаго края, вниманіе этого вѣдомства, главнымъ образомъ, обращено, конечно, на русскія поселенія. Къ корейцамъ-же оно обращается лишь въ томъ случаѣ, если русскія хозяйства не могутъ удовлетворить всей потребности его. Притомъ-же нужно имѣть въ виду и то, что изъ потребляемыхъ русскимъ населеніемъ злаковъ корейцы засѣваютъ только рожь, которой сами не потребляютъ, а пшеницу сѣять начали очень недавно и въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ *): буда-же и гао-лянь, кромѣ кукурузы, идутъ только на продовольствіе самихъ корейцевъ.

При всемъ томъ нужно, однако-жъ, сказать, что корейцы въ общемъ живутъ безбѣдно и не испытываютъ крайней нужды: ихъ пашни, хотя и крайне невелики, но благодаря своему плодородію, вполнѣ удовлетворяютъ ихъ личныя потребности въ основныхъ предметахъ питанія: будѣ, бобахъ и кукурузѣ, считающихся (особенно первые два) самыми пикантными блюдами въ корейскомъ столѣ.

Европейцу—я сужу по себѣ и по своему спутнику—эти блюда едва-ли могутъ понравиться, особенно „черани„, „чени", „тыбы" и другія блюда, приготовленныя изъ бобовъ и считающіяся шедевромъ корейской кухни, и, наряду съ кашей изъ буды, главнѣйшими предметами питанія корейскаго населенія.

Я уже говорилъ раньше, что вязкая, тягучая, клейкая каша мнѣ совсѣмъ не понравилась. Когда же я, по предложенію хозяина фанзы, въ которой мы находились, попробовалъ супъ изъ бобовой мякоти („чени") и корейскую черную сою („черани"), приготовленную изъ тѣхъ-же бобовъ, то они мнѣ показались прямо противными, и я дол-

*) Нужно при этомъ замѣтить, что въ прибрежной (туманной) полосѣ Южно-уссурійскаго края, гдѣ, главнымъ образомъ, и находятся корейскія поселенія, какъ читатели увидятъ дальше, корейцы встрѣчаютъ сильное препятствіе для культуры ярицы, пшеницы и овса въ туманахъ, вліяніе которыхъ, по изслѣдованіямъ Пальчевскаго, порождаетъ особую болѣзнь этихъ злаковъ, дѣлающую ихъ ядовитыми. Этотъ ядовитый хлѣбъ иначе извѣстенъ еще подъ именемъ „пьянаго хлѣба". Обезвреживаніе его достигается въ значительной мѣрѣ рядовой корейской культурой (дѣлающей возможнымъ его провѣтриваніе), но окончательно парализовать вліянія тумана она не въ силахъ, и зерно отличается крайне невысокимъ качествомъ. Въ крестьянскихъ-же хозяйствахъ туманной полосы, придерживающихся другой системы запашки, хлѣбъ вовсе никуда не годится.

женъ былъ употребить большое усиліе для того, чтобъ не выплюнуть ихъ изо рта: это какая-то смѣсь прогорклаго деревяннаго масла съ теплой морской водой.

Тѣмъ не менѣе, корейцы съ большимъ аппетитомъ уписывали и супъ и черную сою изъ чашекъ (мяса корейцы вовсе не знаютъ, молока и молочныхъ продуктовъ также не употребляютъ), надъ приготовленіемъ которыхъ не одинъ день провозилась жена и дѣти моего хозяина, такъ какъ бобы дѣлаются годными къ употребленію (въ видѣ-ли „чени" или „черани") только послѣ продолжительныхъ и довольно сложныхъ манипуляцій.

Корейская черная соя готовится, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ. Бобы сначала варятъ въ водѣ въ теченіи цѣлаго дня, и когда они въ достаточной степени размягчатся, то ихъ толкутъ до тѣхъ поръ, пока они не превратятся въ густую кашу. Изъ этой каши скатываютъ большіе шары, подвѣшиваютъ къ потолку и сушатъ въ теченіи трехъ-четырехъ дней, пока они не покроются плѣсенью (и—замѣчу отъ себя—густымъ слоемъ пыли) и не сдѣлаются твердыми, какъ камень. Послѣ этого ихъ снова кипятятъ въ водѣ, обильно сдобренной солью, до тѣхъ поръ, пока они окончательно не растворятся и вода не превратится въ густую красную жидкость. Жидкость эту процѣживаютъ и снова варятъ день—два, пока она не почернѣетъ, а мякоть, оставшаяся на верху сита складывается кружками. Мякоть эта называется „чени", а почернѣвшая жидкость и есть та черная „соя", которой меня здѣсь угощали.

Въ фанзѣ мы недолго засиживались, и вскорѣ мы распростились съ корейцами, сѣли въ тарантасъ и подъ заунывный звонъ почтоваго колокольчика тронулись въ путь, подскакивая на ухабахъ и кочкахъ.

Не безъ отраднаго чувства оставляли мы корейскую деревню и ея своеобразныхъ обитателей, которые, что-бы ни говорили о нихъ, сильно насъ подкупили въ свою пользу видомъ своихъ цвѣтущихъ, можно даже сказать, образцовыхъ полей, свидѣтельствующихъ, во всякомъ случаѣ, объ огромномъ запасѣ энергіи, кропотливости, трудолюбія и настойчивости, скрывающихся подъ флегматичной и равнодушной внѣшностью этихъ „отшельниковъ"—первыхъ піонеровъ колонизаторовъ Южно-уссурійскаго края.

Читателямъ, можетъ быть, будетъ не безъинтересно узнать, что когда-то изъ нихъ предполагали образовать кадры мирнаго земледѣльческаго населенія, въ которомъ лѣтъ тридцать назадъ такъ нуждался новый и совершенно пустынный тогда край.

Это было вскорѣ послѣ заключенія Пекинскаго договора, сдѣлавшаго Россію сосѣдкой Кореи на протяженіи около пятнадцати верстъ по р. Тюмень-ула, считая отъ впаденія ея въ Японское море.

Не взирая на то, что корейское правительство упорно отказывалось тогда войдти съ нами въ какія-бы то ни было сношенія, не дозволяло нашимъ судамъ даже приблизиться къ своимъ берегамъ и подъ страхомъ суроваго наказанія воспретило своимъ подданнымъ переходить русскую границу, корейское населеніе тотчасъ-же по присоединеніи нами Уссурійскаго края толпами двинулось къ намъ изъ сосѣдней провинціи Хамъ-Гіень, побуждаемое къ тому наводненіями и, главнымъ образомъ, голодомъ, царившимъ у нихъ на родинѣ.

Спустя три года по заключеніи трактата, именно въ 1863 году, въ наши предѣлы тайкомъ перебѣжали черезъ границу 1415 корейцевъ, въ 1868 г.—900 душъ, а осенью 1869 г., благодаря сильному наводненію, уничтожившему въ сѣверной Кореѣ во время лѣта всѣ хлѣба,—до 6000!.. Словомъ, послѣ каждой голодовки, послѣ каждаго стихійскаго бѣдствія, разражавшагося надъ ними на родинѣ, они въ паническомъ ужасѣ, рискуя своими головами, бѣжали въ наши предѣлы, являясь въ край безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Русское правительство очень охотно принимало ихъ, отводило имъ земли (на корейской же границѣ—въ Посьетскомъ участкѣ) и даже выдавало имъ пособія отъ казны, облегчавшія этимъ несчастнымъ первые шаги въ новомъ мѣстѣ, такъ какъ, отличаясь бóльшею сравнительно съ сынами Небесной имперіи способностью къ усвоенію европейской цивилизаціи, они подавали надежду, что современемъ вполнѣ ассимилируются съ русскимъ населеніемъ и сдѣлаются полезнымъ элементомъ для заселенія края.

Массовая тайная иммиграція корейцевъ въ русскіе предѣлы не могла, конечно, пройти незамѣченной для Китая, считавшаго себя сюзереномъ Кореи. Въ 1871 году хунь-чуньскій се-линъ *) обратился къ русскимъ властямъ съ требованіемъ о выдачѣ бѣглецовъ, какъ подданныхъ, будто-бы, Небесной имперіи; но бывшій тогда государственнымъ канцлеромъ князь Горчаковъ разъяснилъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что выдавать корейцевъ отнюдь не слѣдуетъ, такъ какъ съ Кореей у Россіи никакихъ договоровъ не существуетъ.

Этимъ самымъ былъ въ принципѣ разрѣшенъ возбужденный еще

---

*) Т.-е. командиръ маньчжурскаго полка (лянцзы), расположеннаго въ пограничномъ съ Посьетомъ китайскомъ городѣ Хунь-Чунѣ.

раньше вопросъ о подданствѣ корейцевъ: корейцы, переселившіеся къ намъ, были признаны русскими подданными, подчинены русскимъ властямъ и законамъ. Впослѣдствіи ихъ предписано было перечислить въ разрядъ государственныхъ крестьянъ, обязавъ ихъ обрѣзать свои косы,— этотъ внѣшній признакъ правоспособности корейца у себя на родинѣ.

Вопросъ о корейскихъ косахъ или „шишкахъ", а также о корейской національной одеждѣ для мальчиковъ и дѣвочекъ былъ впервые возбужденъ двѣнадцать лѣтъ назадъ на второмъ хабаровскомъ съѣздѣ. Тогда же было высказано, между прочимъ, мнѣніе о нежелательности дальнѣйшей иммиграціи корейцевъ въ русскіе предѣлы и о разселеніи по другимъ участкамъ корейцевъ, поселившихся раньше внутри Посьетскаго участка на самой границѣ, гдѣ присутствіе этой обособленной по языку и вѣрѣ инородческой массы признавалось неблагопріятнымъ въ политическомъ отношеніи. Иммиграція корейцевъ была вслѣдъ за этимъ, дѣйствительно, воспрещена, но разселеніе ихъ между русскими оказалось затруднительнымъ, вслѣдствіе того, что въ Посьетскомъ округѣ корейцы составляли, напримѣръ, 92% (13000 д. изъ 15000 д.) всего населенія.

Вопросъ этотъ, впрочемъ, остался пока еще открытымъ; тѣмъ не менѣе, дѣло ассимиляціи корейскаго населенія съ русскимъ, хотя и медленно, но, повидимому, подвигается. Приблизительно около пятой части живущаго въ краѣ корейскаго населенія исповѣдываетъ уже православную вѣру. Существуетъ, однако-же, мнѣніе, что они принимаютъ православную вѣру наружно, „изъ выгодъ". Къ послѣднему заключенію пришелъ, впрочемъ, упомянутый мной съѣздъ, хотя, повидимому, дѣло и не совсѣмъ такъ обстоитъ и корейцы не такъ виноваты въ этомъ, какъ это принято думать *).

---

*) Любопытное письмо одного крещеннаго корейца пришлось мнѣ прочитать три года назадъ въ одной изъ мѣстныхъ газетъ. „Вотъ уже болѣе 15 лѣтъ", пишетъ онъ, „какъ продолжается просвѣтительная дѣятельность нашихъ миссіонеровъ среди корейцевъ янчихэсскаго стана. За это время смѣнилось уже 5 или 6 проповѣдниковъ, но едва-ли въ существѣ ходъ дѣла можно назвать успѣшнымъ, такъ какъ вниманіе ихъ почти цѣликомъ обращается на внѣшность, именно—на рѣзаніе корейскихъ головныхъ шишекъ и самый ритуалъ крещенія... Крещеные корейцы не знаютъ даже обычныхъ молитвъ: „Отче Нашъ", „Богородицу".., не мудрено, что они забываютъ даже имена, данныя при крещеніи, а въ церковь идутъ, въ сущности, лишь когда ихъ гонятъ туда... Всѣ разъѣзды миссіонеровъ падаютъ, притомъ, на корейцевъ, и безъ того обремененныхъ разными платежами и повинностями". („Дальн. Вост.", № 4, 1894 г.).

Тарантасъ погромыхивалъ, колокольчикъ позванивалъ, лошади, отдохнувшія въ корейской деревнѣ, бодрою рысью бѣжали по каменистой дорогѣ, и скоро корейская деревушка уже исчезла позади насъ за горизонтомъ.

Впереди насъ и съ обѣихъ сторонъ разстилалась зеленая степь, поросшая высокой травой въ перемежку съ полевыми цвѣтами, оживлявшими это безпредѣльное зеленое море, чуть колыхавшееся отъ дуновенія легкаго вѣтра.

Тихо и глухо въ уссурійской степи. Желтая лента шоссе извивается среди всего этого обширнаго царства зеленой растительности, пропадаетъ въ падяхъ и лощинахъ, вновь появляется, змѣйкой ползетъ по пригорку и опять исчезаетъ вдали.

Дорога безлюдна. Рѣдко-рѣдко покажется на ней пѣшеходъ—кореецъ или манза—и еще рѣже—китайскій обозъ, запряженный небольшими туземными лошадьми. Только сѣрый ковыль, гонимый вѣтромъ, то тамъ, то здѣсь перебѣгаетъ дорогу.

Я, впрочемъ, мало вниманія обращалъ на дорогу. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣннаго въ Тызинъ-хе, мысль моя упорно возвращалась къ прошедшему, къ только что оставленной деревушкѣ „отшельниковъ", и воображеніе противъ воли уносило меня въ то же время верстъ на пятьдесятъ или сорокъ впередъ, за рѣку Тюмень-Ула (отдѣляющую Корею отъ Уссурійскаго края), въ эту еще недавно видѣнную мною „страну голодныхъ и нищихъ", такъ мѣтко охарактеризованную однимъ американскимъ туристомъ.

— Goddam!—воскликнулъ онъ въ отвѣтъ на просьбу своихъ соотечественниковъ разсказать, какое впечатлѣніе произвела на него Корея, откуда онъ только-что возвратился:—Goddam!.. Я не знаю, есть-ли что-либо ужаснѣе этой страны нищихъ... Вы хотите знать мое мнѣніе о ней?—вотъ что я вамъ скажу... Имѣй я полъ-милліона въ карманѣ,—я могъ бы купить тамъ дуло, замокъ и прикладъ **)!..

....„Дуло, замокъ и прикладъ!"—грохоталъ по ухабамъ тарантасъ въ тактъ моимъ мыслямъ, и подъ этотъ заунывный припѣвъ мнѣ вспомнился потрясающій по своимъ подробностямъ разсказъ, который мнѣ довелось слышать въ одну изъ прежнихъ моихъ поѣздокъ по краю.

Но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

---

*) „Lock, stock and barrel",—американецъ хотѣлъ этимъ сказать, что эта страна такъ бѣдна, что за 1/2 мил. долларовъ онъ могъ бы купить корейскаго короля, королевство и все корейское населеніе.

XI.

Безпримѣрный походъ.

Зима 18.. года въ Кореѣ.—Голодъ.—Потрясающее путешествіе.—Разсказъ Ту-юн-шана.—Начало безпримѣрнаго похода.—Гибель спутниковъ.—Покушеніе.—У хунъ-хузовъ.—Борьба за жизнь. — Появленіе корейцевъ. — На пути къ Владивостоку.—На льду Амурскаго залива.—Суйфунъ. — Гибель путешественниковъ.—Печальный конецъ корейскаго похода.

Старожилы-обитатели Уссурійскаго края не запомнятъ другой такой суровой зимы, какъ зима 18.. года.

Съ самой ранней осени снѣгъ валилъ безъ конца, покрывая весь край, точно саваномъ, своей пеленой. Пурга — страшная сибирская пурга, это соединеніе мятели и вьюги со штормомъ—свирѣпствовала безъ перерыва отъ самаго наступленія зимы. Улицы, дома, цѣлыя деревни были занесены толщами снѣга, и сообщеніе въ краѣ почти прекратилось.

Смѣльчаки, дерзавшіе, не-смотря на злую пургу, двинуться въ путь изъ своихъ заимокъ, хуторовъ и деревень, кончали, большей частью, весьма печально: на другой или третій день на дорогѣ, или близь самой околицы находили ихъ занесенные снѣгомъ замерзшіе трупы.

Скверная зима была тогда въ краѣ, но еще въ тысячу разъ хуже было тогда въ сосѣдней Кореѣ, гдѣ ко всѣмъ бѣдствіямъ суровой зимы прибавился голодъ.

Въ корейскихъ деревняхъ вслѣдствіе засухи предшествовавшаго года погибла вся буда на поляхъ. Уже къ концу лѣта во многихъ домахъ нечего было ѣсть. Сначала корейцы кое-какъ перебивались впроголодь, побираясь по сосѣднимъ деревнямъ, но къ концу осени всѣ запасы изсякли и тамъ, и они могли питаться лишь травой и

древесной корой. Наступила суровая зима, и они были лишены и этой возможности протянуть какъ-нибудь хоть до ранней весны.

Оставаться въ своихъ деревняхъ—значило бы обречь себя на медленную голодную смерть; близкой помощи также не было и неоткуда было ее ждать. И, вотъ, доведенныя до отчаянiя, изможденныя, голодныя толпы корейскаго населенiя рѣшили двинуться въ сосѣднюю Россiю,—именно, въ Уссурiйскiй край, гдѣ они разсчитывали найти и работу и хлѣбъ.

По разсказамъ очевидцевъ, это переселенiе представляло собою нѣчто ужасное по своей потрясающей обстановкѣ и драматическимъ подробностямъ.

Люди, и безъ того обезсилѣвшiе вслѣдствiе продолжительной голодовки, застревали въ снѣжныхъ сугробахъ, проваливались въ засыпанныя снѣгомъ ущелья и пропасти и здѣсь цѣлыми десятками умирали медленной, мучительной смертью отъ холода и голода, на глазахъ у своихъ односельчанъ, не имѣвшихъ ни силъ, ни возможности имъ помочь...

Весь путь отъ корейской границы до самаго Владивостока былъ усѣянъ трупами этихъ несчастныхъ. Немногiе изъ нихъ уцѣлѣли.

Одного изъ послѣднихъ—крещеннаго впослѣдствiи корейца Ту-юншана—зналъ я, и вотъ что онъ разсказалъ мнѣ объ этомъ ужасномъ времени и о своемъ почти чудесномъ спасенiи.

Ему было тогда всего тринадцать лѣтъ. Онъ былъ самымъ младшимъ изъ своихъ шестерыхъ братьевъ и, какъ теперь смутно припоминаетъ, отецъ и мать любили его больше всѣхъ ихъ, быть можетъ, потому, что онъ, какъ говорили сосѣди, принесъ родителямъ счастье своимъ появленiемъ на свѣтъ. До его рожденiя они были очень бѣдны, буды родилось мало, и имъ очень трудно было прокормить свою большую семью. Со времени же его рожденiя все сразу перемѣнилось: буда начала давать хорошiй урожай, ѣсть было вдоволь, и мало-по-малу они начали все больше и больше поправляться. У нихъ уже завелся работникъ въ домѣ, о чемъ раньше и думать нельзя было; въ сараѣ появились быки и маленькiя лошади, и семья ѣла не только каждый день, но даже по два и по три раза въ день, тогда какъ раньше, какъ разсказывали, бывало и по разу ѣсть не во всякiй день приходилось.

Такъ шло у нихъ до самой той памятной зимы.

Уже съ самаго начала лѣта видно было, что корейцамъ не сдобровать. Солнце жгло безъ перерыва и сушило землю, какъ въ печкѣ. Дождя земля вовсе не видѣла въ теченіи цѣлаго лѣта. Какъ водится, отецъ Ту-юн-шана засѣялъ много буды, имѣя въ виду продать ее японцамъ, пріѣзжавшимъ за нею на своихъ корабляхъ въ Гензанъ, и оставилъ для себя лишь небольшой запасъ, котораго хватило бы до осени этого года. Но отъ засухи буда даже почти не вышла изъ-подъ земли. Показались кой-гдѣ молодые всходы, да и тѣмъ не удалось подняться надъ землей: пожелтѣли, поблекли, засохли...

Съ каждымъ днемъ отецъ, мать и старшіе братья приходили съ поля печальнѣе и озабоченнѣе въ свою деревянную фанзу. Разсказчикъ былъ тогда еще совсѣмъ малышомъ и не хорошо понималъ причины ихъ тревогъ и заботъ, однако-же и онъ чувствовалъ, что въ домѣ творится что-то неладное, и что какая-то бѣда надвигается на всю деревушку.

Въ другихъ фанзахъ было не лучше.

На всю деревню какъ будто какая-то мрачная туча надвинулась. Даже дѣти притихли и не бѣгали, какъ раньше, по улицамъ съ шумомъ и крикомъ. Толки старшихъ про неурожай и про надвигающіяся бѣдствія голода отразились даже на ихъ забавахъ и играхъ... Ту-юн-шанъ помнитъ, напримѣръ, какъ они собирались толпою за околицей и здѣсь цѣлые дни толковали другъ съ другомъ все о томъ-же, имъ не совсѣмъ понятномъ, но страшномъ «Голодѣ». Они представляли его себѣ въ видѣ какого-то страшнаго чудовища на двухъ костыляхъ,—заклятаго врага маленькихъ дѣтей,—и въ ихъ дѣтскія души закрадывалось чувство паническаго ужаса и ненависти къ нему. Со страхомъ и трепетомъ ждали они появленія этого страшнаго гостя.

„Особенно,—говорилъ онъ,—возненавидѣлъ я „его“ послѣ того, какъ приближеніе этого чудовища начало уже замѣтно отражаться на нашемъ образѣ жизни“. „Въ моей памяти,—продолжалъ онъ,—запечлтлѣлась слѣдующая сценка, относящаяся къ этому тяжелому и печальному времени“.

„Мамка, — спросилъ я однажды,—отчего ты даешь намъ съ каждымъ днемъ все меньше буды? Я ѣсть хочу“.

„Нельзя, сынокъ, — отвѣтила мнѣ мать; — надо оставить запасъ на зиму“.

„Для «Голода»? — спросилъ я ее, представляя его въ своемъ дѣтскомъ воображеніи въ видѣ живаго существа“.

„Для голода, сынокъ мой, для голода, — подтвердила моя мать“.

„Онъ скверный, гадкій, не оставляй ему ничего! — крикнулъ я въ негодованіи“.

„Мать ничего не отвѣтила и пошла отъ меня. Но я видѣлъ, какъ изъ ея глазъ лились неслышныя. тихія слезы, и почувствовалъ еще большую ненависть къ этому страшному и незнакомому мнѣ чудовищу — „Голоду“.

Но прошло еще нѣкоторое время, и даже дѣти начали уже понимать, что именно происходитъ вокругъ нихъ.

Въ это время голодъ царилъ уже во всей силѣ... Появились болѣзни. Несчастные корейцы почернѣли, исхудали, терпѣли самыя ужасныя, невыразимыя муки и начали побираться по сосѣднимъ корейскимъ деревнямъ. Но и тамъ было не лучше. И тамъ наталкивались они на каждомъ шагу на такія-же потрясающія, раздирающія душу сцены, отъ какихъ они бѣжали изъ дому... Даже взрослые корейцы, отличающіеся всегда необыкновеннымъ равнодушіемъ ко всему на свѣтѣ, стали неузнаваемы: ропотъ, проклятія, зубовный скрежетъ раздавались повсюду... А тутъ еще подоспѣла эта ужасная, суровая зима, и къ терзаніямъ голода прибавились муки холода.

Можно себѣ представить. что тамъ тогда происходило... Прошло еще около мѣсяца, и во всей и безъ того немногочисленной деревнѣ, осталось не болѣе половины всѣхъ жителей... Изъ шестерыхъ братьевъ разсказчика уцѣлѣло только двое. Мать и отецъ его еле держались на ногахъ. Ужасъ, паническій ужасъ объялъ всю деревню. Спасенья не было.

Тутъ-то, въ отчаяніи, и рѣшились они добраться до Владивостока, за двѣсти пятьдесятъ верстъ отъ своей деревни. Конечно, побудить на это невѣроятно трудное путешествіе съ надеждой, быть можетъ, никогда не достигнуть цѣли его, ихъ могло только отчаяніе и голодъ. Они знали прекрасно, что и здоровому, сильному человѣку въ такую ужасную пургу, какая свирѣпствовала все время, не дойти, не только имъ, голоднымъ, истощеннымъ, обезсилѣвшимъ...

Однако, они двинулись въ путь. Изъ деревни ушли всѣ. Остались тамъ только умирающіе и тѣ, которые уже успѣли умереть до ихъ ухода...

Это было какое-то странное, почти фантастическое путешествіе.

Оборванные, обтрепанные, еле-одѣтые, почернѣвшіе отъ голода, съ выраженіемъ не то застывшаго ужаса, не то покорнаго отчаянія на изможденныхъ лицахъ, они должны были, вѣроятно, казаться скорѣе выходцами съ того свѣта, чѣмъ живыми людьми. Большинство

изъ нихъ и такъ еле держалось на ногахъ, а тутъ еще эта свирѣпая пурга и не прекращавшійся ни на минуту вѣтеръ, сбивавшій ихъ съ ногъ и раскачивавшій ихъ точно маятники стѣнныхъ часовъ.

Они падали, проваливались въ сугробы, рыдали, плакали, но все же продолжали идти впередъ и впередъ, чувствуя, что позади нихъ только „смерть, смерть и смерть“...

Бодрѣе всѣхъ были дѣти, отчасти въ силу самыхъ свойствъ своей дѣтской натуры, отчасти вслѣдствіе того, что отцы и матери до послѣдней возможности поддерживали ихъ существованіе уцѣлѣвшими остатками пищи, отказываясь сами отъ нея ради нихъ.

Прошелъ, наконецъ, первый день путешествія, показавшійся имъ безконечно долгимъ...

Изъ деревни ушло ровно восемьдесятъ душъ; но когда они къ заходу солнца зарылись на ночь въ снѣжныхъ сугробахъ, то не досчитались чуть-ли не цѣлой трети... Несчастные отставали понемногу, одинъ по одному и, вѣроятно, уже спали вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ подъ зловѣщій вой яростной снѣжной пурги.....

Впрочемъ, это даже не поразило оставшихся въ живыхъ: они такъ привыкли ждать смерти съ минуты на минуту, они до того пригляделись къ сценамъ смерти отъ голода и такъ были увѣрены въ томъ, что и ихъ самихъ впереди ждетъ та-же участь, что не только не горевали о погибшихъ, но даже завидовали этимъ счастливцамъ, уже достигшимъ конечной цѣли своего существованія.

Въ уныломъ, тяжеломъ молчаніи, тѣсно прижавшись другъ къ другу подъ огромными сугробами снѣга, провели они въ пути эту первую ночь, показавшуюся имъ безконечной. Едва-ли они даже спали.

Подъ утро они вновь двинулись въ путь. Кому приходилось бывать на корейской границѣ, тотъ знаетъ, какія невозможныя дороги и теперь еще тамъ повсемѣстно существуютъ. Лѣтъ-же двадцать тому назадъ тамъ совсѣмъ ни прохода, ни проѣзда не было. Да и какая ѣзда у корейцевъ! У нихъ вѣдь ни телѣгъ, ни экипажей нѣтъ и ѣздятъ почти исключительно верхомъ: на лошади, быкѣ или коровѣ — безразлично. Много-ли этому животному нужно, чтобы пробраться куда-нибудь? Узенькой тропки, еле замѣтной въ горахъ, совершенно достаточно для этой цѣли.

И вотъ по такой-то горной тропѣ пробирались они гуськомъ черезъ огромныя горы, ущелья, пропасти, тѣснины и дѣвственный лѣсъ, отдѣляющіе Корею отъ Уссурійскаго края.

Въ другое время было-бы и страшно, и жутко очутиться въ этихъ

дикихъ, неприступныхъ, уединенныхъ мѣстахъ, засыпанныхъ снѣгомъ, грозившихъ имъ ежеминутной гибелью. Но они не чувствовали страха и едва-ли даже сознавали весь ужасъ своего положенія.

Они шли безъотчетно впередъ и впередъ, сознавая одно только, что всякое промедленіе все болѣе и болѣе приближаетъ ихъ къ мучительной смерти. И они продолжали идти впередъ, подгоняемые голодомъ, отчаяньемъ и стужей.

„Какъ теперь вспомнишь объ этомъ ужасномъ путешествіи, запечатлѣвшемся въ моей памяти на всю жизнь,—говорилъ мнѣ Ту-юн-шанъ,—то просто диву даешься, какъ не погибли мы въ первыя же сутки. Намъ приходилось пробираться мѣстами, по которымъ и въ ясный солнечный день едвали можно было пройти благополучно. На нашемъ пути, т.-е. вѣрнѣе—на той извилистой горной тропѣ, по которой мы шли, намъ почти ежеминутно приходилось взбираться съ крутизны на крутизну, дѣлая подъчасъ невѣроятныя усилія для того, чтобы не сорваться и не полетѣть внизъ въ зіяющія подъ нами гигантскія пропасти. Порой намъ приходилось буквально ползти по скату горы, скалы и ущелья, причемъ почти цѣлой половиной корпуса мы висѣли надъ пропастью. А то и такъ бывало: идешь, пробираешься гдѣ ползкомъ, гдѣ ничкомъ, цѣпляясь за снѣгъ, за деревья, по вертикальному откосу скалы, — и вдругъ предъ тобой выростаетъ непреодолимая преграда въ видѣ бездонной пропасти, бока которой, точно срѣзанные острымъ ножомъ, вертикально спускаются книзу. Не успѣешь приглядѣться сквозь залѣпляющій глаза снѣгъ къ мѣстности, какъ бѣшеннымъ порывомъ вѣтра, дувшаго все время съ невѣроятной силой, тебя уже свергало внизъ часто съ высоты многихъ десятковъ саженъ“.

Къ счастью, падать, благодаря обильному снѣгу, было мягко, и эти неожиданные головокружительные прыжки кончались, по словамъ Ту-юн-шана, иногда сами по себѣ благополучно.

Ту-юн-шанъ помнитъ, впрочемъ, одинъ печальный случай. Его сосѣда по фанзѣ такъ же, какъ и его самого, неожиданнымъ порывомъ вѣтра столкнуло внизъ, въ пропасть. Къ несчастью для себя, онъ упалъ такъ сильно, что весь зарылся, головой внизъ, въ снѣгъ на днѣ ущелья; видны были только ноги его.

Что было дѣлать имъ?

Снѣгъ въ ущельи былъ необыкновенно глубокъ. Полѣзть за скатившимся,—самъ останешься тамъ, да и силъ не хватитъ взобраться опять на эту крутизну, на которой они находились: они и такъ уже еле держались на ногахъ отъ усталости и истощенія. А вьюга тѣмъ

временемъ выла все злѣе и злѣе, заволакивая и небо и землю, и пока они раздумывали, какъ помочь своему товарищу, пурга занесла его снѣгомъ, и они не могли бы даже опредѣлить, гдѣ именно и искать-то его.

Они пошли дальше... Нѣсколько часовъ спустя, Ту-юн-шанъ потерялъ мать... Она погибла почти такимъ же образомъ, какъ и его сосѣдъ... „Я страстно, горячо, до безумія любилъ свою мать,—говорилъ мнѣ Ту-юн-шанъ,—но тутъ смерть ея, почти у меня на глазахъ, не вызвала во мнѣ ни сожалѣнія, ни скорби, ни одной слезинки. Чувства притупились ко всему и мы почти не замѣтили ея исчезновенія. Даже я, ребенокъ, безучастно отнесся къ этому несчастью. Напротивъ, я стыжусь въ этомъ признаться теперь, — у меня, какъ и у многихъ изъ взрослыхъ, на секунду мелькнула даже жестокая мысль, что такъ лучше: насъ становится меньше, стало быть, намъ можно будетъ дольше продержаться съ помощью тѣхъ жалкихъ запасовъ древесной коры, смѣшанной съ соломой, которую мы въ дорогу захватили съ собой“.

Спустя день, Ту-юн-шанъ потерялъ отца. Онъ даже не обратилъ вниманія, когда и при какихъ обстоятельствахъ это случилось.

На слѣдующій день онъ потерялъ обоихъ остававшихся еще въ живыхъ братьевъ: одинъ выбился изъ силъ и отсталъ далеко позади, другаго же вѣтромъ снесло въ пропасть.

Изъ всей многочисленной семьи его остался, такимъ образомъ, въ живыхъ лишь онъ одинъ. Но онъ относился безучастно къ своему круглому сиротству и продолжалъ брести вслѣдъ за другими. Едва-ли онъ даже понималъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ.

Спустя нѣсколько дней, настало самое трудное время. Почти вся провизія вышла у нихъ, а до вершины хребта горныхъ цѣпей, по которымъ они блуждали, гдѣ они надѣлись найти одинокую фанзу звѣролова-охотника, оставалось еще дня два пути.

На слѣдующій день вышла послѣдняя крошка той смѣси, которой они до сихъ поръ питались, и всѣмъ стало ясно, что идти дальше уже незачѣмъ, все равно не дойдутъ.

Тутъ, кажется, впервые вышли они изъ того состоянія оцѣпенѣнія, въ которомъ они все время находились. Они и раньше знали, что рано или поздно смерть придетъ за ними, — достаточно уже было видѣть смерть своихъ спутниковъ на глазахъ, — но пока запасы провизіи не изсякли, каждаго изъ нихъ въ отдѣльности утѣшала надежда, что ему-то удастся спастись отъ нея. Теперь же корейцевъ поняли, что смерть уже пришла за ними и что она здѣсь, около нихъ, ждетъ, пока они

попадутъ въ ея костлявыя, цѣпкія руки. И тогда-то они впервые почувствовали настоящій страхъ смерти и поняли всю безотрадность своего положенія.

„Вамъ никогда не приходилось находиться среди людей, доведенныхъ до отчаянія голодомъ и мыслью о неизбѣжной смерти, — говорилъ мнѣ Ту-юн-шанъ,—и не желалъ бы я никому быть въ средѣ такихъ людей".

„Дѣти, продолжалъ онъ, — отличаются какою-то особенною чуткостью... Чѣмъ дальше мы углублялись въ горы, тѣмъ болѣе мнѣ началъ бросаться въ глаза необычный видъ моихъ дотолѣ равнодушныхъ и безучастныхъ ко всему спутниковъ"...

„По временамъ они бросали на меня такіе зловѣщіе, хищные, жадные взгляды, что мнѣ становилось необыкновенно жутко, и я началъ инстинктивно догадываться, что предстоитъ что-то ужасное, потрясающее, и инстинктивно же началъ понемногу отставать отъ своихъ немногихъ уже товарищей".

„Прошло еще нѣсколько часовъ. Муки голода и самаго адскаго, ужаснаго холода давали о себѣ знать съ необыкновенною силой, но я какъ будто не чувствовалъ ихъ подъ вліяніемъ какого-то страшнаго ожиданія".

„Мы зашли за скалу. Вѣтеръ и горы совсѣмъ лишили насъ силъ, и мы забились за камень передохнуть".

„Подойди сюда, Ту-юн-шанъ! — позвалъ меня мой дядя. — Подойди сюда, мой племянничекъ, намъ теплѣе будетъ вмѣстѣ!"

„Я инстинктивно продолжалъ стоять на мѣстѣ, чувствуя, что въ этихъ словахъ скрывается что-то недоброе".

— «Подойди-же сюда, Ту-юн-шанъ! — настойчиво повторилъ дядя, и такой хищный, жадный огонекъ промелькнулъ въ его безпокойномъ взглядѣ, что я невольно попятился назадъ".

— „А! онъ упрямится! — воскликнули корейцы, сидѣвшіе рядомъ съ нимъ въ снѣгу, и кинулись ко мнѣ, причемъ въ рукахъ одного изъ нихъ я замѣтилъ блеснувшее на мгновенье лезвее остраго, отточеннаго корейскаго ножа".

„Они хотятъ меня... зарѣзать и... съѣсть!.. — молніей пронеслось у меня въ головѣ, и я въ паническомъ ужасѣ выскочилъ изъ засады, куда завлекли меня дошедшіе до остервенѣнія голодные люди".

Около получаса бѣжалъ онъ, какъ сумасшедшій, путаясь ногами въ снѣгу, цѣпляясь за вѣтви деревьевъ... Онъ падалъ, поднимался, вновь падалъ и вновь бѣжалъ все съ той-же бѣшенной быстротой, подгоняемый паническимъ ужасомъ.

Наконецъ, онъ обезсилѣлъ отъ бѣга, провалился въ сугробъ и уже не поднялся больше.

Сколько времени лежалъ онъ тамъ въ глубокомъ обморокѣ,—онъ не помнитъ, но когда онъ поднялся, то уже не увидѣлъ никого изъ своихъ спутниковъ. Даже слѣды ихъ ногъ сдѣлались почти незамѣтны, занесенные снѣгомъ.

Ту-юн-шанъ остался одинъ, совершенно одинъ въ пустынныхъ горахъ, и все происшедшее ему казалось исчезнувшимъ, но страшнымъ сномъ. Ему казалось, что все, что происходило до настоящаго времени:—голодъ, смерть отца, матери, братьевъ, звѣрское намѣреніе его дяди,—плодъ его воображенія.

Мало-по малу сознаніе начало брать верхъ надъ воображеніемъ и фантазіей; къ тому-же голодъ все настойчивѣй и настойчивѣй давалъ себя чувствовать, и Ту-юн-шанъ вспомнилъ, что нужно идти впередъ, все туда-же по направленію къ Владивостоку, рисовавшемуся въ его воображеніи въ самыхъ яркихъ и радужныхъ краскахъ.

И онъ опять пошелъ въ горы, не сводя глазъ съ еле-замѣтныхъ слѣдовъ своихъ спутниковъ, оставленныхъ ими въ снѣгу.

Въ одномъ мѣстѣ онъ потерялъ слѣдъ. Ту-юн шанъ плакалъ, кричалъ, кидался на снѣгъ, въ отчаяніи звалъ смерть, но, въ концѣ-концовъ, шелъ наугадъ.

Спустя нѣкоторое время онъ вновь напалъ на слѣды... но какіе? Ужасъ и теперь беретъ его, какъ вспомнитъ объ этомъ...

На снѣгу лежалъ человѣкъ... Это былъ его дядя... Вокругъ него алѣлъ снѣгъ, покрытый, повидимому, свѣже-пролитой кровью... Невдалекѣ лежали въ снѣгу обглоданныя кости правой ноги... Какая ужасная встрѣча!.. Съ крикомъ ужаса и точно обезумѣвъ, кинулся Ту-юн-шанъ въ сторону...

Но что это?.. Не обманываетъ-ли его слухъ? Онъ слышитъ лай собаки... хриплый, прерывистый, злой...

Значитъ, здѣсь близко жилье?—подумалъ онъ и съ удвоенной энергіей бросился туда, откуда послышался лай.

Вскорѣ онъ увидѣлъ среди покрытыхъ снѣгомъ деревьевъ какое-то подобіе жилища. Ту-юн-шанъ подошелъ ближе: это была одинокая фанза хунъ-хузовъ,—свирѣпыхъ хунъ-хузовъ, кровожадныхъ китайскихъ разбойниковъ, которыми мать еще въ колыбели пугала его,— но онъ бросился къ нимъ, какъ къ своимъ спасителямъ: его гналъ къ нимъ паническій ужасъ, зловѣщія впечатлѣнія только-что оставленнаго зрѣлища, отъ котораго у него кровь стыла въ жилахъ.

Вихремъ забѣжалъ онъ внутрь фанзы... передъ его глазами промелькнули суровыя лица нѣсколькихъ манзъ... Дальше не помню, что было...

Когда онъ очнулся, то не сразу понялъ, гдѣ онъ находится... Онъ чувствовалъ подъ собой что-то мягкое, теплое и не понималъ, куда же дѣлись пурга, снѣгъ, морозы и вѣтеръ... Наклонившееся надъ нимъ суровое лицо хунъ-хуза напомнило ему о дѣйствительности, и онъ закрылъ глаза.

Хунъ-хузъ сказалъ ему нѣсколько успокоительныхъ словъ на своемъ непонятномъ ему языкѣ, погладилъ его по головѣ, и ему стало такъ тепло отъ прикосновенія руки этого отверженца, что онъ зарыдалъ отъ волненія, истощенія и пережитыхъ страданій.

Больше сутокъ пролежалъ онъ, однако-же, на нарахъ... Хунъ-хузы (ихъ было пятеро) ухаживали за нимъ, какъ за роднымъ сыномъ: поили его ханшиномъ, кормили рисовыми лепешками... Заботливость этихъ свирѣпыхъ людей вырвала таки его изъ когтей смерти.

„Я до сихъ поръ не могу безъ душевнаго волненія и чувства самой глубокой благодарности вспомнить объ этихъ людяхъ, спасшихъ мнѣ жизнь", говорилъ мнѣ Ту-юн-шанъ.

„Вотъ вы всѣ, жители Уссурійскаго края, безъ ужаса, гнѣва, ненависти и раздраженія не можете даже вспомнить о хунъ-хузахъ,—съ неожиданной горячностью продолжалъ онъ. По-вашему, это не люди, а звѣри,—хуже звѣрей; по-вашему, это существа, лишенныя всего человѣческаго, живущія только убійствомъ, грабежомъ и разбоемъ... Увѣряю васъ, это неправда. Это такіе-же люди, какъ и мы съ вами; только они гораздо болѣе, въ тысячу разъ болѣе несчастны, чѣмъ мы!"

„Ихъ положеніе, дѣйствительно, ужасно".

„За преступленія, дѣйствительныя, или мнимыя, совершенныя ими у себя, на своей холодной, жестокой и непріютной родинѣ, они должны были быть подвергнуты самой ужасной изъ всѣхъ казней, существующихъ на свѣтѣ. Ихъ должны были посадить на колъ. И они бѣжали... Куда?.. Въ горы, лѣса и непроходимыя дебри тайги. Съ этого момента они попадаютъ въ положеніе звѣрей, которыхъ всякій можетъ травить и которыхъ всякій травитъ. Убить хунъ-хуза, какъ извѣстно, даже не преступленіе. Неужели вы думаете, что, очутись мы съ вами въ такомъ же безвыходномъ, безнадежномъ положеніи, мы были бы лучше и не несли бы съ собой всюду на концахъ своихъ ружей смерть и гибель всему живому, что встрѣтилось бы намъ на нашемъ пути? Неужто вы допускаете, что мы не были бы такъ же

озлоблены и ожесточены, какъ эти самые хунъ-хузы, каждый шагъ которыхъ напоминаетъ намъ о человѣческой крови? Но что же имъ дѣлать, когда другаго способа къ существованію они не могутъ себѣ найти на всей этой пустынной окраинѣ! И они убиваютъ, грабятъ, рѣжутъ. Но это не простое убійство, вызванное только жестокостью и преступными, кровожадными инстинктами... Это въ то-же время и

Корейцы.

борьба за существованіе, и месть за тѣ весьма часто несправедливыя гоненія, которымъ они не всегда заслуженно подвергаются... Были-ли бы мы съ вами лучше?.. Едва-ли!“..

„И, однако-же, они, все-таки, люди, а не звѣри, и человѣческія побужденія и чувства имъ такъ же свойственны, какъ и каждому изъ насъ. Я убѣдился въ этомъ еще тогда, когда находился подъ кровомъ

этихъ „кровожадныхъ“ людей, и воспоминаніе о дняхъ, проведенныхъ мною когда-то въ средѣ этихъ „убійцъ и разбойниковъ“.—одно изъ самыхъ свѣтлыхъ и отрадныхъ воспоминаній моей юности“.

„Помню, они окружили меня такой заботливостью, вниманіемъ, почти нѣжностью, на которую способна развѣ только женщина... И я никогда не забываю, что если я теперь живъ, богатъ, счастливъ вижу каждый день ясное небо и грѣюсь подъ живительными лучами нашего теплаго солнца, то я этимъ обязанъ только имъ, этимъ „кровожаднымъ убійцамъ“, для которыхъ вы даже достойной казни не придумаете *).

Только на вторыя сутки Ту-юн-шанъ всталъ, наконецъ, на ноги. Онъ еще не думалъ о томъ, куда ему дѣваться дальше, да и сами хунъ-хузы, повидимому, вовсе и не думали гнать его отъ себя, и вопросъ о его поселеніи въ этой уединенной фанзѣ, по крайней мѣрѣ хоть до ранней весны, какъ-то самъ собой рѣшился въ этомъ смыслѣ. Притомъ-же воспоминанія о пройденномъ уже имъ пути были такъ ужасны, что Ту-юн-шанъ и думать не могъ о дальнѣйшемъ путешествіи... Да и куда могъ-бы онъ двинуться, не зная дороги, во время этой пурги, обезсиленный, голодный?

Но тутъ случилось событіе, внезапно измѣнившее всѣ предположенія,—событіе, отразившееся впослѣдствіи на всей жизни разсказчика.

Они сидѣли въ своей фанзѣ, — Ту-юн-шанъ и всѣ пять хунъ-хузовъ—и тоскливо прислушивались къ завыванію пурги за предѣлами бревенчатой хижины. Вьюга злилась въ этотъ день еще больше, чѣмъ раньше. Вѣтеръ гналъ цѣлыя тучи снѣга, крутилъ ихъ въ воздухѣ, перебрасывалъ въ разныя стороны, и извнутри фанзы, въ полутьмѣ, въ которой они находились, имъ казалось, что „всѣ злые духи горъ собрались сюда со всего міра„. Трескъ, громъ, стукъ, свистъ, заунывныя завыванія вѣтра не прекращались ни на минуту. Дѣвственный лѣсъ, покрывавшій сплошной шапкой всю эту мѣстность, положительно стоналъ подъ ударами бѣшеннаго вихря, вырывавшаго вѣковыя деревья съ корнями и перебрасывавшаго ихъ въ воздухѣ.

Это была уже не буря и не мятель, къ какимъ они все-таки привыкли, а настоящій штормъ, безжалостно и безпощадно сносившій все съ своего пути.

---

*) Мой собесѣдникъ имѣлъ въ виду, очевидно, общераспространенныя предразсудки относительно хунъ-хузовъ, — предразсудки, какъ читатели увидятъ дальше, (гл. XIV) едва-ли оправдывающіеся дѣйствительностью.

И вдругъ, сквозь весь этотъ хаосъ звуковъ, сквозь стонъ и скрипъ фанзы, качавшейся точно колыбель отъ бѣшенныхъ порывовъ таежнаго вѣтра, до ихъ слуха слабо-слабо, чуть слышно и точно изъ-подъ земли донеслись крики, похожіе не то на жалобный вой звѣря, не то на вопль человѣка. Спустя минуту этотъ крикъ вновь повторился, прозвенѣлъ въ наполненномъ невообразимымъ гамомъ и шумомъ воздухѣ и замеръ совсѣмъ близко отъ фанзы.

Всѣ, сидѣвшіе внутри ея, невольно вздрогнули и еще съ большей напряженностью начали прислушиваться, не повторится-ли этотъ крикъ?.. Вотъ, опять, и на этотъ разъ они почти явственно различили звукъ человѣческаго голоса. „Кто бы могъ это быть?"—промелькнуло у нихъ, и они быстро соскочили съ наръ и бросились къ выходу.

Продолжаю дальше разсказъ словами самого Ту-юн-шана.

„Наша собака,—разсказывалъ онъ,—смирно лежавшая до того времени свернувшись клубочкомъ, также сорвалась съ мѣста, подбѣжала къ дверямъ, повела носомъ въ воздухѣ и, точно бѣшенная, бросилась изъ фанзы съ громкимъ, прерывистымъ лаемъ. Мы побѣжали за ней, и то, что представилось нашимъ глазамъ, заставило задрожать отъ ужаса, гнѣва и жалости не только меня, но даже этихъ закаленныхъ во всякихъ злодѣйствахъ хунъ-хузовъ.

„На снѣгу, подъ зловѣщій вой пурги и завываніе вѣтра, происходила борьба... Въ томъ хаосѣ, который стоялъ въ воздухѣ, мы могли только различить, что это борются люди".

„Ужасное подозрѣніе мелькнуло у насъ".

„Мы подбѣжали ближе и уже совсѣмъ явственно услышали звуки человѣческаго голоса, молившаго о пощадѣ. Но нападавшіе съ остервенѣніемъ и какимъ-то необыкновенно хищнымъ и животнымъ огнемъ въ глазахъ продолжали безмолвно наносить удары своими ножами. Порывомъ вихря ихъ срывало съ мѣста борьбы, относило наносимые ими удары въ сторону, и этому и былъ обязанъ своимъ спасеніемъ несчастный, жертва нападенія этихъ обезумѣвшихъ отъ голода людей".

„Съ трудомъ отбили мы несчастнаго, залитаго кровью отъ ранъ, которыя ему успѣли нанести. Нападавшіе точно лишились разсудка и, впѣривъ въ насъ безумные взгляды, съ бѣшенствомъ отчаянія вырывали у насъ свою жертву".

Это были тѣ-же корейцы, отъ которыхъ Ту-юн-шанъ бѣжалъ два дня назадъ. Они заблудились въ лѣсу и горахъ, потеряли почти

половину своихъ товарищей (какимъ образомъ?—ихъ объ этомъ не спрашивали), и случаю угодно было привести ихъ вновь на прежнее мѣсто. Къ несчастью для себя, они не замѣтили хунъ-хузской фанзы, которая была занесена снѣгомъ со всѣхъ сторонъ, такъ что они приняли ее за выступъ скалы или лѣсной бугоръ и, притаившись за этой мнимой скалой, рѣшились напасть на своего товарища въ двухъ—трехъ шагахъ отъ нея.

Гостепріимные хунъ-хузы приняли къ себѣ въ свою фанзу всѣхъ ихъ. Они напоили, накормили ихъ, и нужно было видѣть, съ какой алчностью набросились эти полу-звѣри на пищу, которой они уже Богъ знаетъ сколько мѣсяцевъ не видали!

Появленіе корейцевъ (ихъ было девять человѣкъ) измѣнило, конечно, всѣ первоначальные планы и предположенія.

Хунъ-хузы, у которыхъ они пріютились, были не особенно богаты запасами провизіи, и появленіе десяти голодныхъ ртовъ не предвѣщало, конечно, ничего хорошаго никому изъ нихъ.

Нужно было придумать какой-нибудь выходъ изъ этого положенія, грозившаго въ скоромъ времени стать такимъ-же безнадежнымъ для корейцевъ, какимъ оно было до тѣхъ поръ.

Но что могли придумать они, лишенные силъ, здоровья, истощенные и приведенные въ состояніе полнаго изнеможенія всѣми предшествовавшими испытаніями? Все, очевидно, зависѣло отъ хунъ-хузовъ. Если они не придутъ къ нимъ на помощь своимъ совѣтомъ и поддержкой, то несчастнымъ корейцамъ, несомнѣнно, не избѣжать, неминуемой гибели.

Волнуемые страхомъ, надеждой и самыми тягостными мыслями, провели корейцы нѣсколько дней подъ гостепріимной кровлей китайскихъ разбойниковъ, не рѣшаясь первые возбудить вопроса о дальнѣйшей своей судьбѣ. Хунъ-хузы также молчали, какъ будто и не существовало никакого вопроса и какъ-будто ихъ неожиданное къ нимъ появленіе въ количествѣ, вдвое ихъ превышающемъ, не создавало никакихъ осложненій въ вопросѣ о пищѣ.

Прошло нѣсколько дней. Корейцы немного отогрѣлись, отъѣлись, поправились, „вошли въ силу“, оставлявшую, впрочемъ, желать очень и очень многаго, но, все-таки, въ сравненіи съ тѣмъ, что они представляли собой до сихъ поръ, они были теперь почти геркулесами.

— Ну,—сказалъ имъ одинъ изъ хунъ-хузовъ,—вы теперь отдохнули и подкрѣпились. Что жъ вы думаете дальше предпринять? У насъ,

вы сами знаете, долго оставаться нельзя, не то и мы погибнемъ голодной смертью.

Переводчикъ перевелъ корейцамъ этотъ вопросъ, котораго они со страхомъ и трепетомъ ожидали всѣ дни; но тѣ только переглянулись и поникли головами, ничего не отвѣтивъ ему. Да и что могли бы они сказать? Хунъ-хузъ подождалъ немного, затѣмъ сказалъ съ улыбкой:

— Я зналъ, что вы ничего мнѣ не скажете, потому что и сказать то вамъ нечего. Ну, такъ слушайте-же, что я вамъ скажу...

„Мы вздрогнули,—разсказывалъ мнѣ Ту-юн-шанъ,—и впились глазами въ хунъ-хуза и въ нашего переводчика, стараясь по выраженію лицъ говорившихъ прочитать тотъ приговоръ, который постановили между собою хунъ-ху̇зы“.

„Но безстрастное, какъ всегда, лицо китайца не говорило ничего ни нашему уму, ни сердцу; мы было совсѣмъ пріуныли, и только увидѣвъ внезапно просіявшее лицо нашего переводчика, поняли, что мы спасены“.

Торопливый переводъ рѣчи хунъ-хуза не замедлилъ подтвердить ихъ надеждъ и радостныхъ предположеній.

— Мы порѣшили между собою, — сказалъ имъ хунъ-хузъ, — что отпустить васъ однихъ въ Россію (т.-е. въ Уссурійскій край) нельзя,— все равно не дойдете. Оставить васъ здѣсь тоже нельзя: намъ всѣмъ ѣсть нечего будетъ. Лучше всего сдѣлаемъ такъ: вы побудете у насъ еще нѣсколько дней, отдохнете, подкрѣпитесь, а потомъ мы проводимъ васъ до перваго жилья, которое встрѣтимъ въ тайгѣ. Мы отправились-бы съ вами дальше, до Владивостока, но намъ, знаете, нельзя туда. Такъ лучше. Да вотъ что еще: у насъ есть кое-какая лишняя одежда, такъ вы возьмите ее себѣ, а то такъ, какъ вы ходите, нельзя: замерзнете, того и гляди.

„Нужно-ли вамъ говорить,—разсказывалъ мнѣ Ту-юн-шанъ,—какимъ чувствомъ благодарности къ этимъ людямъ преисполнились наши сердца. Мы плакали отъ радости и на душѣ у насъ стало такъ хорошо, какъ еще ни разу не было съ того памятнаго дня, какъ мы оставили свою родину“.

Дней черезъ пять они отправились въ путь.

Вьюга злилась все такъ же; дорога была по-прежнему скверна и опасна; но несчастные путешественники уже иначе относились къ этимъ неудобствамъ пути. Самый вой заунывнаго вѣтра, печально отдававшійся раньше въ ихъ сердцахъ и точно пѣвшій имъ безконечную

похоронную пѣснь, наполнявшую ихъ жутью и тоскою,—теперь звучалъ для нихъ радостнѣе.

На пятый день они добрались уединенными лѣсными тропинками, извѣстными только провожатымъ, до другого логовища хунъ-хузовъ, находившагося уже на русской границѣ, въ предѣлахъ Уссурійскаго края.

Передохнувъ здѣсь нѣсколько дней, они снова отправились въ путь но уже въ сопровожденіи другихъ хунъ-хузовъ.

Такъ шли они отъ фанзы къ фанзѣ около двухъ недѣль подъ рядъ безъ особенныхъ приключеній, если не считать гибели одного изъ своихъ спутниковъ.

Однажды имъ пришлось проходить по крутому скату горы. Вдругъ передъ ними словно оборвалось что-то. Глянули — и обмерли отъ страха: почти изъ-подъ самыхъ ногъ съ шумомъ и грохотомъ,—должно быть, отъ сотрясенія, производимаго ихъ шагами,—оторвалась огромная глыба затвердѣвшаго снѣга и исчезла въ пропасти, унося съ собою одного изъ ихъ спутниковъ. Помочь ему они и думать не могли. Они боялись, какъ бы и ихъ всѣхъ не постигла та-же участь и поспѣшили подальше убраться съ этого мѣста, которое они приняли-было за твердую землю. И это сдѣлано было ими весьма кстати. Не успѣли они отойти саженей двадцать, какъ вся та часть предполагаемой ими суши, на которой они только-что были, съ грохотомъ свалилась туда-же въ пропасть, распадаясь на тысячи кусковъ.

Злополучный спутникъ былъ окончательно погребенъ подъ обрушившимся на него лавинами снѣга. Онъ даже не успѣлъ крикнуть, и спасшіеся видѣли только, какъ онъ, точно въ снѣжномъ облакѣ, унесся на дно гигантскаго ушелья, кувыркаясь въ воздухѣ, и исчезъ изъ глазъ.

Вскорѣ они вышли на трактъ (почтовую дорогу), ведшій отъ хутора Славянки почти по самому берегу Амурскаго залива.

Выведши ихъ сюда, добровольные проводники заявили имъ, что они должны съ ними здѣсь разстаться. Они боялись встрѣчъ съ русскимъ начальствомъ, которыя могли-бы окончиться для нихъ весьма прискорбно, и вынуждены были оставить корейцевъ на произволъ судьбы.

Однако, самая трудная часть пути была пройдена; самыя жестокія испытанія остались позади и отошли уже въ область тяжелыхъ воспоминаній. Осталось пройти всего не болѣе семидесяти верстъ до Владивостока,—и они были уже такъ близки къ конечной цѣли своего путешествія... Но когда они снова остались одни, безъ провожатыхъ, сердца ихъ тоскливо сжались въ предчувствіи какой-то

бѣды. А, казалось-бы, отчего? Провизіи у нихъ было вдоволь: хунъ-хузы дали имъ на дорогу цѣлый ворохъ рисовыхъ лепешекъ. Платьемъ они также, въ сравненіи съ прежнимъ, въ достаточной степени снабжены были суровыми обитателями тѣхъ уединенныхъ фанзъ, которыя по пути посѣщали съ имм, и далеко уже не такъ, какъ прежде, страдали отъ стужи. У нихъ даже была съ собой бутылка крѣпкаго ханшина на случай, если кто-нибудь будетъ сильно страдать отъ жестокихъ морозовъ. Даже погода значительно утихла по сравненію съ прежнимъ и вѣтеръ, хотя и крутилъ вихри по дорогѣ, вздымая цѣлыя тучи снѣжной пыли, но все же это было затишье въ сравненіи съ тѣмъ, что они испытали раньше на корейской границѣ.

„Такимъ образомъ все, казалось-бы, говорило за счастливый исходъ „голоднаго похода“, а между тѣмъ,—разсказывалъ мнѣ Ту-юн-шанъ,— сердце-вѣщунъ!—намъ становилось и страшно и жутко въ предчувствіи какой-то бѣды, и мы чувствовали себя одинокими и безпомощными“.

Была, впрочемъ, одна — и уже не мнимая, а вполнѣ реальная — причина, приводившая въ смущеніе самыхъ отчаянныхъ храбрецовъ, и служившая отчасти объясненіемъ этого упадка духа. Они знали,— ихъ предостерегали хунъ-хузы, очевидно хорошо изучившіе всю эту мѣстность, гдѣ они совершали свои кровавые подвиги,—они знали, что отъ самаго Владивостока ихъ отдѣляетъ заливъ (Амурскій), и что въ самой узкой части его — не менѣе двадцати верстъ — имъ предстояло пройти по льду залива.

— Тамъ,—говорили имъ хунъ-хузы,—вы не встрѣтите ни дикихъ звѣрей, ни ущелій, ни пропастей, но за то вамъ не встрѣтится по пути ни одной фанзы. Это, конечно, не должно пугать васъ,—вы, вѣдь, уже бродили по корейскимъ горамъ. Но за то тамъ есть нѣчто другое, отъ чего нѣтъ почти никакого спасенья. Не желали-бы мы быть на вашемъ мѣстѣ, если съ сѣвера начнетъ дуть суйфунъ. Отъ него не не укроешься на гладкой поверхности амурскаго льда. Онъ пробирается всюду и хоть укройся тремя медвѣжьими шкурами—онъ и подъ ними достанетъ тебя. Помните это и берегитесь суйфуна,—повторили они на прощанье.

Съ большимъ трудомъ и лишеніями достигли, наконецъ, корейцы устьевъ рѣки Монгугая, впадающей въ заливъ противъ самаго почти Владивостока, находящагося на противоположной сторонѣ Амурскаго залива. Владивостокъ — здѣсь, близко: въ ясную, солнечную погоду они могли-бы уже видѣть увѣнчивающія его горы. Перейти-бы только этотъ заливъ!

Погода, повидимому, измѣнилась къ лучшему; вѣтеръ уже не дулъ такимъ бѣшеннымъ вихремъ, какъ раньше, и только изрѣдка, точно шутя, вздымалъ и кружилъ кое-гдѣ клубы пушистаго снѣга.

Даже солнце на минуту проглянуло изъ-за тучъ. Все предвѣщало хорошую погоду, и изнеможденные путешественники съ удвоенной энергіей двинулись по льду по направленію къ Владивостоку. Дорога была, въ общемъ, не дурна, и имъ было даже пріятно скользить по примерзшему ко льду снѣгу послѣ прежнихъ мучительныхъ переходовъ въ горахъ. Кое-гдѣ только на своемъ пути они встрѣчали глыбы льда, стоявшія, словно крѣпости, среди всей этой ледяной равнины. Путники обходили ихъ и вновь продолжали идти впередъ. Скоро очертанія только-что оставленнаго ими берега уже настолько слились съ ледянымъ покровомъ залива, что, даже обладая самымъ острымъ зрѣніемъ, нельзя было-бы различить, гдѣ кончается материкъ и гдѣ начинается царство льда.

Къ вечеру корейцы достигли почти средины залива и прилегли отдохнуть, прижавшись другъ къ другу за выступомъ громадной льдины, возвышавшейся на большое разстояніе надъ уровнемъ ледяной поверхности Амурскаго залива.

Они были одни на всей безпріютной глади залива.

Вѣтеръ, не сдерживаемый ничѣмъ на своемъ пути, гулко свистѣлъ въ воздухѣ, вздымая снѣжную пыль по всей необъятной поверхности застывшаго и точно окаменѣвшаго моря. Куда ни бросишь взглядъ—всюду ледъ, ледъ и ледъ. Лишь кое-гдѣ однообразіе этого пейзажа скрадывалось одинокими глыбами льда, прикованными къ своимъ подножьямъ. Тоскливо, сиротливо и безпріютно чувствовали-бы себя корейцы въ этой обстановкѣ, если-бъ не окрылявшая ихъ надежда на другой день быть, наконецъ, во Владивостокѣ.

„Какъ ни холодно становилось намъ,—говорилъ мнѣ Ту-юн-шанъ—однако мы чувствовали, что намъ нужно уснуть для того, чтобы сберечь силы за завтра. А ихъ уже у насъ оставалось такъ мало!“

Кое-какъ примостились они, сгребши для теплоты снѣгъ въ одну кучу, и, наконецъ, уснули, волнуемые ожиданьемъ и страхомъ.

....Страшный трескъ надъ самыми ихъ головами, точно канонада изъ пушекъ, разбудилъ ихъ внезапно около полуночи. Они вскочили со своихъ мѣстъ, обезумѣвъ отъ ужаса и страха, и тутъ только поняли причину этой внезапной тревоги.

Начинался суйфунъ.

Что было съ ними дальше, разскажу словами самого Ту-юн-шана.

„Мы рѣшились идти впередъ, — сказалъ онъ мнѣ. — Впередъ, во чтобы то ни стало! Авось, мы еще успѣемъ дойти до берега раньше, чѣмъ суйфунъ разыграется въ настоящій штормъ?!“

„Но мы не знали, съ какимъ страшнымъ врагомъ имѣемъ дѣло. Еще хуже,—мы не знали, что суйфунъ уже въ самомъ разгарѣ. Трескъ льдины, за которой мы ночью укрылись, могъ-бы уже самъ по себѣ служить намъ предостереженіемъ, но по невѣдѣнію мы пренебрегли имъ и двинулись въ путь, и это было причиной гибели всѣхъ моихъ спутниковъ“.

„Какъ только мы вышли за льдину, насъ подхватилъ бѣшенный вихрь и, не сдерживаемый ничѣмъ, понесъ насъ въ разныя стороны по гладкой поверхности Амурскаго залива. О сопротивленіи и думать нельзя было: ноги скользили, не находили точки опоры, и почва буквально уходила у насъ изъ-подъ ногъ. Насъ несло прямо въ море... Несло съ головокружительной быстротой... До моихъ ушей уже доносился шумъ волнъ разсвирѣпѣвшаго моря“...

„Я зналъ, что ледяной покровъ оковалъ воды залива только близь материка и что дальше къ югу, на разстояніи, приблизительно, пятнадцати-двадцати верстъ отъ того мѣста, гдѣ мы находились, море никогда не покрывается льдомъ... вспомнилъ во время этого бѣшеннаго полета, что еще дня два-три назадъ, съ высокаго берега, которымъ мы шли, я видѣлъ на горизонтѣ сѣдые, волнующіеся гребни этого огромнаго, прожорливаго, ненасытнаго чудовища,—я вспомнилъ объ этомъ—и обезумѣлъ отъ ужаса: вѣдь это уже смерть, настоящая смерть? Отъ нея, вѣдь, нѣтъ спасенья“...

Сильный ударъ въ голову прервалъ нить его мыслей, и онъ потерялъ сознаніе...

Спустя нѣсколько часовъ, по заливу проѣзжалъ одинъ русскій купецъ на тройкѣ лошадей, возвращаясь изъ Славянки во Владивостокъ, и замѣтилъ человѣческія ноги, торчащія изъ расщелины между двумя огромными льдинами. Когда несчастнаго вытащили оттуда, то оказалось, что онъ весь покрытъ ранами, царапинами и ссадинами, какъ-будто кто-нибудь нѣсколько часовъ подъ рядъ съ силой билъ его объ ледъ. Онъ почти замерзъ и съ большимъ трудомъ удалось его вернуть къ жизни.

„Этотъ человѣкъ былъ я,—закончилъ свой разсказъ Ту-юн-шанъ,—остальные всѣ погибли“..

XII.

На корейско-китайской границѣ.

Снова тарантасъ и почтовая тройка. — Уссурійская степь. — Печальныя картины. — Ближе къ границѣ. — Характеръ пограничнаго округа. — Безпаспортные манзы.—Безплодность борьбы. — Тайга. — «Тайные» манзы.— Въ виду границы.—Природа и виды.

Снова тарантасъ и почтовая тройка... Опять несмолкаемый звонъ колокольчика, почтовыя станціи, ухабы и кочки...

Мы ѣдемъ, по-прежнему, обширною степью, которой еще никогда не бороздилъ плугъ своимъ острымъ ножемъ. Лишь кое-гдѣ къ почтовой дорогѣ подходитъ тайга съ своими корявыми низкорослыми деревьями (морской берегъ близко отъ нашей дороги, и дѣйствіе тумановъ сказывается очень сильно на древесной растительности). Тайга на короткое время обступаетъ насъ со всѣхъ сторонъ и затѣмъ вновь отходитъ въ сторону, скрываясь за горизонтомъ вдали.

Дорога мѣстами производитъ грустное впечатлѣніе: ни одного деревца кругомъ, ни одного зеленаго пятнышка: черныя пади, уклоны, крутые оголенные склоны горъ и хребтовъ угрюмо и печально глядятъ на насъ своими почернѣвшими пнями. Все кругомъ выжжено „пала́ми“ *),—этимъ страшнымъ бичомъ южно-уссурійскаго края. Не на чемъ глазу отдохнуть. Всѣ окрестности похожи на сплошную объуглившуюся массу. Травки нѣтъ и въ поминѣ: вмѣсто нея—обгорѣлыя,

*) „Палы“ или лѣсные пожары—обычное въ краѣ явленіе. Лѣтомъ и осенью не проходитъ недѣли, чтобы гдѣ-нибудь не горѣли лѣса. Огонь безпощадно истребляетъ здѣсь десятки и сотни тысячъ деревьевъ; тайга горитъ иногда на протяженіи многихъ верстъ, и тысячи десятинъ превосходнаго лѣса превращаются въ безплодную почву, покрытую почернѣвшими пнями и горами пепла.

объуглившіяся иглы, которыя прокалываютъ обувь, когда станешь на землю. Кое-гдѣ лишь на всемъ этомъ грустномъ фонѣ желтовато-зелеными пятнами выдѣляются уцѣлѣвшія отъ лѣснаго пожара молодыя деревца.

Ближе къ границѣ — печальныя картины и виды становятся все рѣже и рѣже. Самая дорога, которой мы ѣдемъ, становится оживленнѣй. По всѣмъ направленіямъ снуютъ пѣшеходы, громыхаютъ двухколесныя китайскія телѣги, возы. Русскихъ, однакожъ, не видно на всемъ протяженіи дороги: всѣ эти снующіе, идущіе и ѣдущіе взадъ и впередъ люди—главнымъ образомъ корейцы и затѣмъ манзы.

Если-бы не типичная фигура ямщика на облучкѣ нашего тарантаса, да не русская тройка, которая мчитъ насъ подъ звонъ колокольчика, то, право, я затруднился-бы сказать, гдѣ я собственно нахожусь: въ русскихъ владѣніяхъ, или въ одной изъ провинцій Кореи или Китая.

Хутора и деревушки, встрѣчающіеся кой-гдѣ на пути (впрочемъ, очень не часто: край здѣсь еще совсѣмъ малолюденъ), еще болѣе усиливаютъ недоумѣніе путника. Все это — исключительно корейскія поселенія: тѣ-же фанзы, тотъ-же неизбѣжный оселъ внутри двора, разминающій на жерновѣ чумидзу, тѣ-же квадратныя поля, напоминающія маленькіе огороды; тѣ-же грязные, оборванные ребятишки и тѣ-же кучи мусору и всякихъ отбросовъ на улицахъ, распространяющія вокругъ себя подъ-часъ невыносимое зловоніе.

Таковъ преобладающій характеръ всего Посьетскаго участка, и въ этомъ, въ сущности, нѣтъ ничего удивительнаго. Не только въ этомъ участкѣ, но и во всемъ Южно-Уссурійскомъ краѣ русская народность еще теряется въ массѣ инородцевъ. Только въ центральной части своей, по большому уссурійскому тракту, въ одномъ концѣ котораго находится Владивостокъ (на югѣ), а въ другомъ (на сѣверѣ) — озеро Ханка, русскіе осѣли довольно прочно, и русскій элементъ наложилъ уже на все свой отпечатокъ. Здѣсь-же, въ пограничномъ Посьетскомъ округѣ, лежащемъ въ сторонѣ отъ этого тракта и въ сторонѣ отъ мѣстъ, избранныхъ для колонизаціи русскими поселенцами,—всецѣло господствуетъ міръ инородцевъ — главнымъ образомъ корейцевъ, изъ общаго числа которыхъ, пребывающихъ въ краѣ (около 14000 *) — 92% живутъ именно здѣсь, занимаясь земледѣліемъ.

---

*) Данныя эти относятся къ 1891 году. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за тотъже годъ, относящимся *ко всему* Южно-Уссурійскому краю, корейцы составляютъ 55% населенія, живущаго на территоріи всей нашей тихоокеанской окраины. Эти

Только когда мы приблизились верстъ на двадцать пять — тридцать къ корейско-китайской границѣ, намъ начали изрѣдка встрѣчаться по пути русскія лица. Это были солдаты, отбывающіе нелегкую службу въ пограничныхъ постахъ и урочищахъ, служащихъ здѣсь почти единственными русскими поселеніями, цѣлью которыхъ является какъ наблюденіе за границей и охрана ея, такъ и надзоръ за тѣмъ, чтобы китайцы и корейцы не переходили ея безконтрольно.

Не легко удается, однако, нашимъ постамъ послѣдняя задача. Граница наша растянута на сотни верстъ отъ Японскаго моря, простираясь къ сѣверу, сначала на протяженіи тридцати китайскихъ „ли" („ли"—½ версты), по рѣкѣ Тюмень-ула смежно съ Кореей, и затѣмъ по горамъ и дремучимъ лѣсамъ—смежно съ Маньчжуріей. Только у морскаго прибрежья край здѣсь болѣе или менѣе заселенъ, притомъже почти исключительно корейцами и манзами; дальше къ сѣверу край совершенно безлюденъ: по покрытымъ вѣковымъ лѣсомъ горамъ и ущельямъ нога европейца еще не ступала, близкихъ поселеній нѣтъ, да и самая мѣстность еще мало изслѣдована.

При такихъ условіяхъ охрана границы становится дѣломъ необыкновенно труднымъ, почти невозможнымъ: наши сосѣди—китайцы и корейцы всегда находятъ возможность пробираться въ наши предѣлы по однимъ имъ извѣстнымъ таежнымъ и горнымъ тропамъ.

И они, дѣйствительно, пользуются такъ счастливо сложившимися для нихъ обстоятельствами и сотнями и даже тысячами пробираются въ предѣлы Южно-Уссурійскаго края черезъ сухопутную границу, которая представляетъ такъ много естественныхъ удобствъ для безпрепятственнаго прохода внѣ надзора нашихъ пограничныхъ постовъ.

цифры достаточно опредѣленно характеризуютъ физіономію ея, особенно, если принять во вниманіе, что, кромѣ корейцевъ, здѣсь живетъ еще огромное число манзъ. Замѣчу, кстати, что Южно-Уссурійскій край является наиболѣе заселеннымъ во всей Приморской области (плотность населенія здѣсь достигаетъ уже 0.7 челов. на 1 кв. версту!..). Въ сѣверныхъ-же округахъ области плотность населенія колеблется между 0,03 и 0,02 челов. на 1 кв. версту; притомъ-же русское населеніе тамъ считается единицами его представителей; но и они тонутъ въ морѣ инородцевъ: гиляковъ, орочоновъ, гольдовъ, аиновъ, камчадаловъ и др. Такимъ образомъ, въ сущности, только южную часть области (Южно-Уссурійскаго края) можно считать болѣе или менѣе культурной, и притомъ исключительно въ юго-западной (крайне-незначительной) части своей, ущемленной съ одной стороны отрогами хребта Сихотэ-Алинь и съ другой—китайской границей. Вся-же восточная часть Южно-Уссурійскаго края, обнимающая собой *десятки тысячъ* кв. верстъ, *еще совершенно безлюдна* и представляетъ собою непроходимую чащу тайги.

Проходятъ этимъ путемъ по преимуществу манзы—рабочіе, кули, которымъ не подъ силу платить многіе сборы, связанные съ необходимостью взять паспорта, установленные (въ 1883 г.) высшей администраціей края.

Насколько много въ Южно-Уссурійскомъ краѣ этихъ безпаспортныхъ или, какъ ихъ иначе называютъ, „нелегальныхъ, тайныхъ манзъ“, можно судить изъ того, что однажды, года три назадъ, во Владивостокѣ была при мнѣ задержана партія въ нѣсколько сотъ манзъ безъ паспортовъ, въ то время какъ они, по окончаніи лѣтнихъ работъ на уссурійской желѣзной дорогѣ, уже готовились уѣхать въ китайскій портъ Чифу на германскомъ пароходѣ „Тритосъ“.

Часто производимыми въ краѣ облавами также находятъ то тамъ, то здѣсь не одну сотню безпаспортныхъ манзъ. Незадолго до моего отъѣзда въ Посьетъ на р. Циму-хэ, въ глубинѣ тайги, открыто было даже цѣлое поселеніе нелегальныхъ китайцевъ *изъ 60 фанзъ*. Когда власти явились сюда, то застали больше половины фанзъ совершенно пустыми. При дальнѣйшемъ разслѣдованіи оказалось, что *около полуторы тысячи* манзъ немедленно скрылись въ тайгу при первомъ звукѣ почтоваго колокольчика. Далѣе оказалось, что всѣ эти „тайные“ манзы живутъ здѣсь, повидимому, не одинъ уже годъ, судя по тому, что близь фанзъ найдены расчищенныя таежныя пространства, тщательно культивированныя и засѣянныя будой, гаоляномъ и прочими злаками, разводимыми китайцами-земледѣльцами.

Такихъ уединенныхъ, „тайныхъ“ поселеній не мало разсѣяно въ глубинѣ дремучей тайги, гдѣ услѣдить за ними рѣшительно невозможно при данномъ положеніи окраины, и, такимъ образомъ, подобныя явленія вполнѣ неизбѣжны при малоизвѣстности края, его малолюдности и—особенно—невѣроятной обширности непроходимой тайги, способной скрывать въ своихъ трудно доступныхъ европейцу дебряхъ долгіе годы не одну тысячу людей и способствующей также тайному проходу китайцевъ въ наши предѣлы изъ Маньчжуріи.

Администраціи, при этихъ условіяхъ, приходится волей-неволей спокойно взирать на все усиливающійся въ послѣдніе годы приливъ въ край „тайныхъ“ манзъ и утѣшаться тѣмъ, что прибываетъ къ намъ контрабанднымъ путемъ элементъ, въ сущности, благонадежный и ничего общаго не имѣющій съ маньчжурскими разбойниками — хунъ-хузами, порядкомъ таки наводняющими окраину. Притомъ-же всѣ мѣры, принимавшіяся и теперь принимаемыя для борьбы съ этимъ зломъ,—безплодны, благодаря указанной слабости

нашей сухопутной границы, обусловливаемой ея естественными свойствами.

Пробовали, напримѣръ (да и теперь еще практикуется это), прибѣгать къ массовымъ высылкамъ безпаспортныхъ манзъ въ Китай черезъ хунь-чуньскаго „фудутуна“ (губернатора). Но и это, въ концѣ концовъ, не ведетъ ни къ чему, ибо высылая, скажемъ, сегодня тайнаго манзу въ Хунь-чунь (онъ находится недалеко отъ Посьета), отнюдь нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что спустя нѣкоторое время, можетъ быть, даже завтра, онъ не вернется къ намъ снова тѣмъ-же путемъ, какимъ раньше проникъ въ край.

Есть также одно обстоятельство, которое, волей-неволей, заставляетъ не только мириться съ безпаспортнымъ манзой, но даже, въ извѣстныхъ случаяхъ, предпочитать его манзѣ, снабженному установленнымъ билетомъ. Дѣло въ томъ, что русскіе билеты на проживаніе въ краѣ выдаются манзамъ на основаніи паспортовъ, выданныхъ имъ пограничными китайскими властями. При всѣмъ извѣстной подкупности китайскихъ чиновниковъ и безпорядочности китайской администраціи является всегда крайне сомнительнымъ, дѣйствительно-ли лицо, снабженное документомъ, является тѣмъ именно, которому послѣдній выданъ.

Но даже и въ лучшемъ случаѣ, въ виду нашего незнакомства съ китайскимъ языкомъ,—эта мѣра не всегда достигаетъ главной цѣли—установленія личности и подлинности даннаго лица.

Очень многіе манзы — и это вполнѣ распространенный обычай — какъ оказывается, по соображеніямъ, имъ однимъ извѣстнымъ, въ пограничныхъ китайскихъ городахъ берутъ паспорта не на свое имя, а на имя представляемой ими фирмы, „компаніи“. Вѣроятно, это дѣлается для того, чтобы при частой перемѣнѣ компаньоновъ, ихъ въѣздахъ и выѣздахъ изъ края, не имѣть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надобности брать новые паспорта, что при взяточничествѣ хунчунскихъ (маньчжурскихъ) мандариновъ обходится весьма и весьма недешево. Русскія учрежденія, не имѣя возможности знать, что именно обозначаютъ выставленные на китайскомъ паспортѣ гіероглифы,—названіе фирмы, или имя манзы, и не имѣя никакого оффиціальнаго повода придраться къ бумагѣ, составленной съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ формальностей, вынуждены, volens-nolens, признавать эти документы достаточными.

Въ результатѣ выходитъ то, что иногда совершенно неожиданно приходится видѣть подъ однимъ и тѣмъ-же именемъ нѣсколько манзъ.

Мало того, это влечетъ за собой и другой курьезъ. Я видѣлъ, напримѣръ, отобранный мѣстной полиціей паспортъ у нѣкоего Юй-кэ-ци (такъ оказалось при разслѣдованіи). Между тѣмъ, китайскими властями былъ выданъ паспортъ на имя *фирмы* Хунь-сунь-кай, которой манза Юй-кэ-ци является представителемъ. И вышло такимъ образомъ, что фирма „Хунь-сунь-кай“ или, скажемъ, „Цвѣтъ Небесныхъ Очей“, имѣетъ отъ роду 34 года, росту—2 аршина 4 вершка, брови—черныя, глаза—сѣрые, и только особыхъ примѣтъ не имѣетъ!..

Но, вотъ, вдали на горизонтѣ показались чуть видные силуэты горъ и хребтовъ, на вершинахъ которыхъ покоятся молочныя облака. Это и есть пограничныя съ Маньчжуріей горы, у подножья которыхъ на небольшомъ разстояніи расположенъ постъ Посьетъ. Если стать на вершину пика, который чуть обрисовывается мнѣ въ туманной и облачной дымкѣ, то къ югу можно увидѣть серебристую ленту Тюмень-улы, изливающейся въ безбрежное Японское море и отдѣляющей Уссурійскій край отъ Кореи.

Тамъ, за этими смутными и неясными очертаніями исполинскихъ горъ, поросшихъ густымъ лѣсомъ, перевитымъ ліаной Уссурійскаго края—дикимъ виноградомъ, за этой свѣтлой, точно серебрянной, лентой рѣки,—скрывается міръ, совсѣмъ не похожій на тотъ, который приходится видѣть и наблюдать по сю сторону горъ и рѣки. Другіе, совсѣмъ другіе тамъ нравы, иная культура, иныя условія жизни, другіе обычаи, иной общественный и политическій строй.

Еще только нѣсколько лѣтъ тому назадъ земли, лежащія по ту сторону этого хребта и рѣки были совершенно недоступны европейцу: маньчжуры и корейцы, живущіе тамъ, ревниво охраняли свои предѣлы отъ ихъ вторженія, жили замкнутой жизнью и настойчиво и упорно удерживали за собой право на недопущеніе къ себѣ чужеземцевъ. Всякій смѣльчакъ, рѣшавшійся перешагнуть эту границу, подвергалъ свою жизнь огромному риску.

Съ другой стороны, и жители этихъ странъ зачастую не дерзали переступать этого хребта и вторгаться въ наши предѣлы: въ Кореѣ такъ прямо, безъ церемоніи, рубили головы всѣмъ тѣмъ, кто изъ правовѣрныхъ рѣшался перешагнуть через Рубиконъ — Тюмень-улу, отдѣлявшій эту страну нищихъ отъ нашего края. Только въ 1860 году Китай и въ 1884 году Корея вышли изъ своего замкнутаго положенія по отношенію къ Россіи,—и только съ этихъ поръ начали завязываться у насъ кое-какія сношенія съ обоими этими государствами.

До тѣхъ-же поръ обѣ пограничныя страны ограждали себя непроницаемой стѣной не только отъ Россіи, американцевъ и вообще европейцевъ, но цѣлые вѣка были замкнуты даже другъ отъ друга, несмотря на родство ихъ культуръ, взглядовъ и общность ихъ интересовъ. Такъ, извѣстно, что между Кореей и Китаемъ была установлена широкая пограничная полоса, на которой подъ страхомъ смертной казни запрещено было селиться кому бы то ни было.

И обѣ эти смежныя страны долгое время были изолированы другъ отъ друга широкой, безлюдной и пустынной полосой, на которой рыскали только дикіе звѣри, да бродили хунъ-хузы.

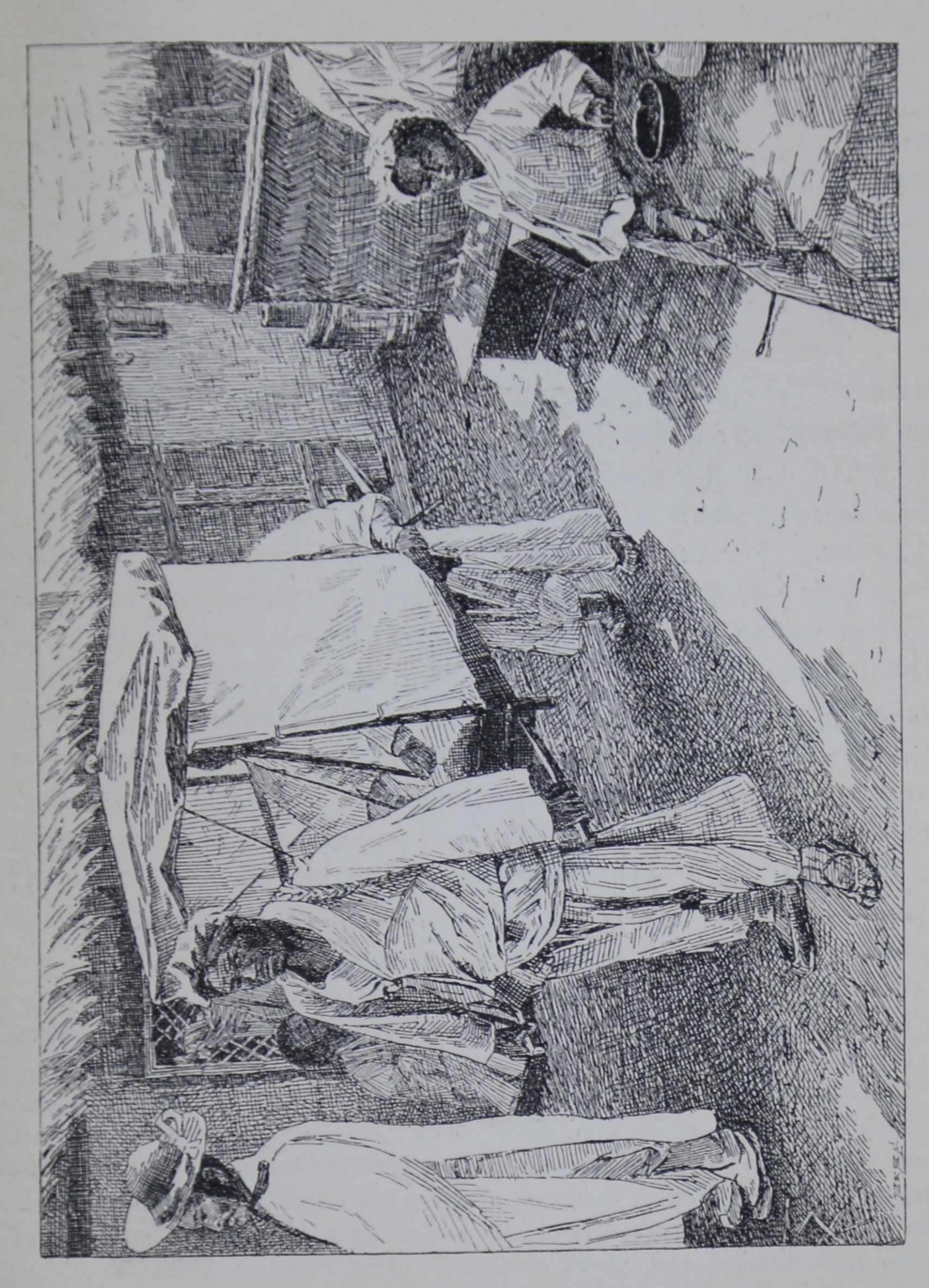
Тридцать шесть лѣтъ назадъ, со времени заключенія Пекинскаго договора, начинаютъ впервые чувствительно трещать стѣны вѣковыхъ предразсудковъ, отдѣлявшихъ до тѣхъ поръ Китай и Корею отъ всего внѣшняго міра. Въ своемъ роковомъ движеніи на Востокъ, на пути къ берегамъ Тихаго Океана, обладаніе которыми дало-бы возможность русскому флоту „быть всюду", Россія внезапно очутилась въ томъ положеніи на азіатскомъ Востокѣ, въ какомъ мы застаемъ ее нынѣ. Съ этого момента она вошла въ непосредственное соприкосновеніе съ Китаемъ, съ его вѣдома (по Пекинскому договору), и Кореей, не спрашивая ея согласія.

Связи съ азіатскимъ Востокомъ, главнымъ образомъ, съ Китаемъ, были и до того времени значительны, но со времени Пекинскаго трактата, а еще болѣе—со времени приступа къ сооруженію Сибирской желѣзной дороги, онѣ стали еще болѣе значительны, еще болѣе сложны. Владивостокъ уже не считается теперь послѣдней станціей на трудномъ пути Ермака за Уралъ, и многіе мечтаютъ уже о незамерзающемъ портѣ въ сосѣдней Кореѣ (верстахъ въ 100 отъ Посьета).

Но и помимо политическихъ соображеній, интересы—торговые, экономическіе—Уссурійскаго края неразрывно связаны съ судьбами нашихъ обоихъ сосѣдей. Отъ нихъ мы получаемъ рабочихъ (раньше—и первыхъ земледѣльцевъ въ краѣ), рогатый скотъ, лошадей, овецъ и пр., которыхъ край, самъ по себѣ, до сихъ поръ еще или не имѣлъ, или не производилъ. Взаимные интересы сблизили край даже съ Кореей, самой замкнутой изъ всѣхъ странъ на Востокѣ, и восемь лѣтъ тому назадъ русскіе уже получили по договору не только право свободнаго доступа въ Корею, но и право свободной торговли въ пограничномъ городѣ Кенгъ-Хонгѣ. Это сближеніе, еще недавно совершенно немыслимое, шло уже въ первые годы довольно быстрыми шагами.

Спустя четыре года послѣ упомянутаго договора, управляющій

Россійской миссіей въ Кореѣ, г. Дмитревскій, довелъ до свѣдѣнія жителей Уссурійскаго края, что на обращенную имъ къ президенту коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Сеулѣ просьбу отвести мѣсто въ

Способы передвиженія въ Кореѣ.

портѣ Гензанѣ для поселенія россійскихъ торговцевъ—онъ получилъ полное согласіе на отводъ для этого спеціальнаго участка земли (длиною по берегу моря 500 фут. и въ глубину—250 ф.) и послалъ Гензанскому камни (губернатору) соотвѣтствующее предписаніе. Такимъ

образомъ, положено основаніе въ Кореѣ русскому сетльменту (поселенію). Спустя годъ послѣ этого, отведенъ былъ такой же сетльментъ и въ Фузанѣ, гдѣ уже и поселилось три года назадъ двое владивостокскихъ торговцевъ.

Непосредственное сосѣдство Уссурійскаго края, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, оказало свою долю вліянія на спящую царевну—Корею, и эта страна, еще недавно казнившая смертью всякаго изъ своихъ подданныхъ, который рѣшался перешагнуть русскую границу, теперь тысячами высылаетъ изъ своихъ нѣдръ къ намъ временныхъ рабочихъ *), мало-по-малу, хотя, повидимому, и не совсѣмъ охотно, вступаетъ съ нами въ торговыя сдѣлки и сношенія **) и т. п.

Было не рано, когда мы подъѣзжали къ Посьету; солнце давно успѣло закатиться, и быстро сгустившіяся вечернія тѣни окутали все окружающее своимъ таинственнымъ мракомъ.

Музыка привольныхъ степей, ласкавшая днемъ нашъ слухъ, утихла и смѣнилась другою: миріады насѣкомыхъ жужжали, стрекотали, звучно разсѣкали ночной воздухъ своимъ быстрымъ полетомъ. Вотъ, зашуршало что-то у самаго края дороги. Это—сонный фазанъ, разбуженный грохотомъ нашего тарантаса, взвился изъ придорожной травы, грузно полетѣлъ дальше и снова неслышно опустился въ траву.

Мы уже были совсѣмъ близко отъ цѣли нашей поѣздки: намъ осталось проѣхать всего два—три перевала до Посьета. Въ воздухѣ вдругъ замѣтно похолодѣло: мы почувствовали близость Японскаго моря, разбивающаго свои бушующіе буруны о береговые утесы Посьета.

А, вотъ, и Японское море.

---

*) Въ 1894 году, напримѣръ, во Владивостокъ прибыло лѣтнихъ рабочихъ изъ Кореи свыше 3,000!..

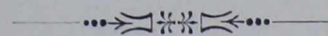
**) Любопытно, между прочимъ, то обстоятельство, что, давая русскимъ подданнымъ разрѣшеніе на свободную торговлю съ корейцами, корейское правительство почти въ то-же время (спустя нѣсколько мѣсяцевъ), подъ страхомъ ссылки въ отдаленныя мѣстности, безусловно воспретило всѣмъ корейскимъ подданнымъ, безъ всякихъ изъятій, дѣлать займы деньгами или *товарами* у россійскихъ подданныхъ, въ силу чего кегыньскій камни чрезъ посредство нашихъ властей въ Уссурійскомъ краѣ и объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, что онъ впредь отказывается принимать всякія просьбы о взысканіи долговъ съ корейцевъ. Впрочемъ, это обычное средство къ которому прибѣгаютъ замкнутыя страны на азіатскомъ Востокѣ, не имѣя мужества подъ напоромъ новыхъ требованій сразу отрѣшиться отъ своей тысячелѣтней политики.

Необъятное, безбрежное разстилалось оно у самыхъ ногъ нашихъ, сверкая фосфорическимъ свѣтомъ. Морской прибой, не умолкая, шумитъ у береговъ, не прекращая своей неустанной таинственной пѣсни, гулко отдающейся въ каменистыхъ ущельяхъ и убаюкивающей нашъ дремлющій слухъ.

Бѣлесоватыя искрящіяся волны бурно ударяются въ каменистые берега, словно нѣжатся и прижимаются къ нимъ; но, спустя мгновенье, со стономъ отскакиваютъ назадъ, сталкиваются съ встрѣчными волнами, вздымаются другъ на друга, бѣшенно борятся, съ трескомъ и грохотомъ распадаются на милліоны водяныхъ брызгъ и далеко разбѣгаются по посинѣвшему морю.

Далеко за полночь подъѣхали мы къ почтовой станціи.

Наконецъ-то, наконецъ, мы въ Посьетѣ, одномъ изъ самыхъ крайнихъ (на югѣ) поселеній Россіи на далекомъ Востокѣ, въ двухъ шагахъ отъ границы, отдѣляющей насъ отъ „недвижной“ Небесной Имперіи и еще болѣе „недвижной“ страны „нищихъ отшельниковъ“...

XIII.

Въ пограничныхъ урочищахъ.

Постъ Посьетъ. — Рейдъ. — Физіономія поста. — Отсутствіе женщинъ и дѣтей. — Характеристика манзы. — Переходъ Тифонтая въ русское подданство.—Условія перехода.—Вліяніе корейско-маньчжурской границы.— Чума и падежи. — Прекращеніе сообщеній. — Падежъ птицъ. — Грустный ландшафтъ. — Новокіевское. — Самоубійства. — Условія жизни на дальней окраинѣ. — Знаменательная эпитафія.

Посьетъ — главный административный центръ всего того округа, по которому я ѣхалъ съ тѣхъ поръ. какъ высадился съ катера на уединенный берегъ Японскаго моря, расположенъ въ глубинѣ одного изъ обширнѣйшихъ на всемъ побережьѣ Уссурійскаго края заливовъ тогоже имени, глубоко вдавшагося въ материкъ и образовавшаго собой бухты Палладу, Экспедиціи и Новгородскую гавань.

Когда глядишь на него съ моря, то онъ не производитъ особенно благопріятнаго впечатлѣнія. Совершенно голые и безлѣсные берега, высокія гранитныя скалы, глубокія каменныя ущелья, покатыя, террасообразныя горы, — вотъ фонъ, на которомъ раскинуты „мазанки", т.-е. небольшія деревянныя, главнымъ образомъ, глинобитныя строенія, составляющія собою Посьетъ.

Самыми лучшими и красивыми являются казенныя зданія: провіантскіе магазины и казармы стрѣлковыхъ батальоновъ. Возлѣ нихъ есть даже небольшой скверикъ, искусственно разведенный. За то дальше, вплоть до виднѣющихся съ моря отроговъ Сихотэ-Алиня, ни одно деревцо не оживляетъ пустыннаго, скучнаго и унылаго ландшафта. Рейдъ хотя и оживленъ китайскими джонками и корейскими шаландами, гавань хотя и кипитъ здѣсь дѣятельностью, но даже при свѣтѣ восходящаго солнца она не имѣетъ такого уютнаго, красиваго

и привлекательнаго вида, какъ бухта Золотой Рогъ, бывшій портъ Мея, на берегу котораго расположенъ Владивостокъ, не говоря уже о томъ, что, какъ это ясно даже для непосвященнаго, здѣшній рейдъ далеко не обладаетъ такими стратегическими удобствами и далеко не такъ недоступенъ съ моря, какъ рейдъ Владивостока.

А, между тѣмъ, еще недавно, всего лѣтъ десять назадъ, Посьетъ мечталъ не только затмить собой Владивостокъ, но даже покушался занять его мѣсто и быть вмѣсто него главнымъ оплотомъ на берегахъ Великаго Океана для нашихъ морскихъ силъ и для сухопутной обороны съ тыла отъ вѣчно грозящей Уссурійскому краю многомилліонной Маньчжуріи.

Въ пользу Посьета очень долго подкупали его природныя скалы, песчаныя отмели, какъ-бы самой природой указывавшія на мѣсто, гдѣ нужно строить военныя укрѣпленія и артиллерійскія баттареи. При этихъ условіяхъ Посьетъ, дѣйствительно, обѣщалъ современемъ сдѣлаться „тихоокеанскимъ Кронштадтомъ"; но сооруженіе тѣхъ твердынь, при наличности которыхъ Посьетъ могъ-бы занять такое мѣсто на дальнемъ Востокѣ, потребовало-бы такихъ огромныхъ затратъ, что ему, въ концѣ концовъ, предпочли Владивостокскую гавань, хотя и не обладающую природными скалами. но за то чрезвычайно удобную, просторную и хорошо защищенную съ моря.

Въ настоящее время Посьетъ играетъ лишь роль простаго урочища, военнаго форпоста на нашей южной границѣ и административнаго центра для округа его имени и потерялъ даже значеніе международнаго центра, которое отошло къ находящемуся верстахъ въ десяти отъ него урочищу Новокіевскому,—резиденціи пограничнаго коммиссара, у котораго сосредоточиваются всѣ наши сношенія съ Кореей и Китаемъ. Новокіевское предпочтено Посьету вслѣдствіе большей близости своей къ китайской границѣ, по ту сторону которой въ небольшомъ разстояніи находится маньчжурскій городъ Хунь-Чунь, губернаторъ котораго (фудутунъ — по-китайски) уполномоченъ Небесной Имперіей вѣдать всѣ дѣла, возникающія изъ сношеній его родины съ Уссурійскимъ краемъ.

Вліяніе близости корейско-маньчжурской границы наложило, однако, и на военный постъ Посьетъ сильную печать, и путникъ, выходящій на его каменистыя и песчаныя улицы, уже съ первыхъ шаговъ чувствуетъ, что Китай и Корея—не за горами отсюда.

Обывателей-русскихъ (не считая, конечно, солдатъ) на мѣстныхъ улицахъ почти совсѣмъ не видать, какъ, впрочемъ, и въ большинствѣ

прочихъ военныхъ урочищъ, разсѣянныхъ по Посьетскому округу. Куда бы ни пошли вы, вы всюду встрѣчаете медленно и сосредоточенно, точно въ раздумьи, шествующаго—обыкновенно по самой серединѣ улицы—корейца въ его неизмѣнномъ бѣломъ саванѣ, или плутоватаго, хитраго манзу съ неизмѣнной подобострастной улыбкой на желтомъ, лимоннаго цвѣта, лицѣ.

Корейцы и манзы—главные аборигены Посьета, въ массѣ которыхъ теряются одинокія фигуры русскихъ поселянъ и торговцевъ. Да ихъ здѣсь, впрочемъ, и не особенно много: вся торговля, всѣ промыслы, всѣ ремесла—въ рукахъ у сыновъ Небесной Имперіи.

Путешественнику и туристу бросается здѣсь, между прочимъ, въ глаза одно любопытное обстоятельство. Кажется, нигдѣ больше въ краѣ не приходится встрѣчать столько стриженныхъ „въ скобку", по положенію, т.-е. крещеныхъ корейцевъ, какъ здѣсь. И это тѣмъ болѣе поразило меня, что въ двухъ шагахъ отсюда находится непривѣтливая отчизна ихъ, сурово, строго и безпощадно карающая измѣну древнимъ обычаямъ и древней религіи.

Впрочемъ, это все русскіе подданные, порвавшіе уже, по крайней мѣрѣ, наружно, по необходимости, всякую связь со своей родиной.

Совершенно другое впечатлѣніе производятъ здѣшніе, посьетскіе, т.-е. пограничные манзы. Если даже во Владивостокѣ, вдали отъ родины, они свято держатся всѣхъ своихъ вѣрованій и обычаевъ, если даже въ глубинѣ уссурійской тайги, на берегахъ Татарскаго пролива, если даже будучи сосланы въ каторгу на Сахалинъ, они до гробовой доски остаются китайцами и въ своемъ сердцѣ хранятъ неизмѣнную вѣрность и рабскую преданность своей суровой отчизнѣ,—то здѣсь, вблизи своей родины, они еще болѣе ревниво, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, оберегаютъ свой внутренній міръ, свои обычаи, вѣрованія отъ всякаго вліянія русскихъ.

Вообще говоря, въ краѣ не рѣдкость встрѣтить корейца, принявшаго не только наружно, но даже внутренно европейское обличье. Другое дѣло—сыны Небесной Имперіи. Я зналъ китайцевъ, жившихъ по двадцати лѣтъ во Владивостокѣ, сжившихся и сроднившихся съ нимъ, пустившихъ въ немъ глубокіе корни, пріобрѣвшихъ недвижимыя имущества,—казалось бы совершенно слившихся съ краемъ, его культурой и его населеніемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый изъ нихъ хранилъ въ своемъ сердцѣ такую привязанность къ родинѣ и своему культу, что безъ ужаса не могъ-бы подумать о томъ, чтобы сложить свои кости въ землѣ, которая пригрѣла его.

— Здѣсь все хорошо, я—почти русскій, но... умереть я долженъ въ Китаѣ, — говорилъ мнѣ одинъ китаецъ, прожившій безвыѣздно въ краѣ двадцать пять лѣтъ.

Крещенаго китайца, китайца въ европейскомъ костюмѣ, китайца, переставшаго брить свою голову и обрѣзавшаго свою длинную косу, китайца, перешедшаго въ русское подданство*),—на всей территоріи Уссурійскаго края такъ-же безплодно искать, какъ безплодно искать жираффа въ уссурійской тайгѣ.

Каждый китаецъ считаетъ свое пребываніе внѣ родины временнымъ изгнаніемъ и гдѣ-бы онъ ни былъ, куда-бы ни пошелъ онъ, въ какія бы условія жизнь ни поставила его, съ кѣмъ-бы его жизнь ни столкнула,—китаецъ вездѣ остается китайцемъ и всюду онъ вноситъ свой культъ, свою косу, свою религію, свои понятія, обычаи, взгляды и нравы и всюду-же ему сопутствуетъ неизмѣнный ароматъ черемши, которымъ онъ насквозь пропитанъ.

Исторія нашего юнаго и многообѣщающаго края знаетъ только одинъ случай перехода китайца въ россійское подданство, имѣвшій мѣсто три года назадъ въ резиденціи генералъ-губернатора Приамурскаго края, — Хабаровскѣ. Этотъ случай произвелъ, говорятъ, потрясающее впечатлѣніе на все манзовское населеніе области. Да и есть имъ отчего приходить въ изумленіе. Вѣдь въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о простомъ переходѣ иностранца въ подданство другой державы, а объ отреченіи отъ самаго культа и родины. Съ ренегатомъ въ Китаѣ расправа короткая: его ждетъ на родинѣ колъ или плаха за городскими воротами.

Случай этотъ тѣмъ болѣе поразителенъ и тѣмъ большее впечатлѣніе производитъ на китайскую массу, что въ данномъ случаѣ, рѣчь идетъ не о простомъ нищемъ, кули, котораго могла-бы къ такому роковому и безповоротному шагу побудить нужда, — а объ извѣстномъ всей области Ти-фон-таѣ, нажившемъ милліоны на тихоокеанской окраинѣ и считавшемся однимъ изъ первыхъ по богатству людей не только среди своихъ соплеменниковъ, но и среди всѣхъ вообще обитателей края.

Какъ сообщаетъ одна изъ мѣстныхъ газетъ (случай этотъ произошелъ вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ края), Ти-фон-тай, давнишній житель области, еще при покойномъ генералъ-губернаторѣ, баронѣ Корфѣ, ходатайствовалъ о принятіи его въ русское подданство, но

*) Въ этомъ, впрочемъ, какъ увидятъ читатели ниже, китайцы встрѣчаютъ затрудненія въ обстоятельствахъ, отъ нихъ не зависящихъ.

ходатайству этому не было тогда дано хода, такъ какъ просителю объяснили, что „для фактическаго перехода въ подданство онъ долженъ обрѣзать себѣ косу“. Такъ, по крайней мѣрѣ, было выражено на второмъ хабаровскомъ съѣздѣ при выясненіи общаго вопроса о проживающихъ въ краѣ китайцахъ, которые пожелали бы сдѣлаться русскими подданными (кромѣ этого, предъявлялось тогда требованіе обязательнаго крещенія и женитьбы на русской).

Такъ какъ коса въ глазахъ китайцевъ служитъ внѣшнимъ признакомъ человѣческаго достоинства и лишеніе ея считается опозореніемъ, то поставленное Ти-фон-таю условіе заставило его отказаться отъ своего ходатайства.

Съ пріѣздомъ въ Хабаровскъ новаго генералъ-губернатора (г.-л. Духовскаго) Ти-фон-тай возобновилъ свое прежнее ходатайство, заявивъ, однако, что обрѣзать косы онъ не можетъ. На этотъ разъ ходатайство его было уважено.

Въ оффиціальномъ органѣ генералъ-губернатора („Приамурскія Вѣдомости“) указаны основанія, послужившія поводомъ къ удовлетворенію ходатайства Ти-фон-тая и характеризующія, между прочимъ, тѣ условія, при какихъ дѣлается возможнымъ переходъ китайцевъ въ русское подданство. Оказывается, что Ти-фон-тай, обращаясь къ генералъ-губернатору съ ходатайствомъ о принятіи его въ русское подданство, предъявилъ законнымъ образомъ составленное духовное завѣщаніе, которымъ все свое огромное состояніе завѣщалъ сыну, родившемуся и воспитывающемуся въ Хабаровскѣ, крещенному по обряду православной церкви. Въ случаѣ же смерти сего послѣдняго бездѣтнымъ, состояніе Ти-фон-тая, за обезпеченіемъ пожизненно *двухъ* его супругъ, обращается на благотворительныя дѣла въ Хабаровскѣ: православныя церкви, больницы, школы и т. п.

Сообщая эти подробности, оффиціальный органъ прибавляетъ отъ себя: „Намъ извѣстно, что упомянутыя условія, а также и прежде проявляемая готовность Ти-фон-тая содѣйствовать своими посильными средствами всякому благому дѣлу, какъ, напримѣръ, при сооруженіи въ Хабаровскѣ православной церкви, дома инвалидовъ и проч., и послужили главною причиной благопріятнаго разрѣшенія его просьбы и что другіе китайцы могутъ, по примѣру Ти-фон-тая, ходатайствовать о принятіи ихъ въ русское подданство только въ томъ случаѣ, если будутъ извѣстны съ такой же хорошей стороны, какъ и г. Ти-фон-тай и представятъ гарантію въ томъ, что ихъ нисходящій родъ сольется нераздѣльно съ коренными русскими людьми“.

Это разъясненіе знаменуетъ собою, повидимому, новую эру для китайцевъ и поворотъ въ господствовавшихъ до этого времени взглядовъ на китайское населеніе, права котораго до сихъ поръ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе съуживались и ограничивались, и самая осѣдлость которыхъ въ краѣ, въ такомъ или иномъ видѣ, признавалась безусловно нежелательной.

Такъ, еще на второмъ хабаровскомъ съѣздѣ (1886 г.) высказано было положеніе, опредѣлившее на все послѣдующее время судьбу китайскаго вопроса въ краѣ, что „вообще китаецъ вреденъ“ и онъ „можетъ быть терпимъ, лишь пока есть надобность въ немъ“, что-же касается ассимиляціи его съ русскимъ населеніемъ, то она даже „нежелательна“: ассимилированный китаецъ сдѣлается, будто-бы, кулакомъ для русскаго населенія и подчинитъ его экономической зависимости отъ себя.

„Мы здѣсь въ краѣ“,—заявилъ на этомъ съѣздѣ одинъ изъ членовъ его,—„на аванпостахъ; но мы недавно пришли сюда и еще не устроились; работы намъ предстоитъ еще много. Мы переселяемъ сюда русскихъ людей, преимущественно земледѣльцевъ, у которыхъ работы много, а, слѣдовательно, намъ нужна рабочая сила... Необходимо, поэтому, дать китайцамъ возможность сперва устроить насъ, а потомъ уже можно принимать противъ нихъ мѣры“.....

Но, повидимому, въ послѣдніе годы взгляды на китайцевъ начинаютъ немного смягчаться, и нетерпимость къ нимъ уже начинаетъ терять свой прежній абсолютный и безусловный характеръ. Условія ассимиляціи, однако-же, таковы, что едва-ли масса китайскаго населенія сольется когда-нибудь съ русскими обитателями окраины, и улицы нашихъ урочищъ еще долго будутъ сохранять физіономію чисто китайскаго поселенія.

Странное впечатлѣніе производятъ, между прочимъ, улицы нашихъ пограничныхъ постовъ и урочищъ на человѣка, впервые попадающаго на нихъ. Блуждая между мѣстными низкорослыми мазанками, какъ-то совершенно забываешь о существованіи цѣлой половины рода человѣческаго: женщинъ мнѣ видѣть здѣсь вовсе не доводилось, словно ихъ совсѣмъ не существуетъ на бѣломъ свѣтѣ.

Я нисколько не удивлялся, конечно, что не видѣлъ здѣсь китаянокъ: путешествующему по Уссурійскому краю ихъ нигдѣ не приходится видѣть, такъ какъ суровые китайскіе законы, подъ угрозой смертной казни и запрещенія погребенія на родной землѣ, не дозволяютъ вывозить эмигрантамъ за предѣлы Китая своихъ женъ, дочерей, сестеръ и

дѣтей. На всей территоріи Уссурійскаго края насчитывается, кажется. не болѣе двухъ или трехъ китаянокъ, живущихъ во Владивостокѣ.

Отсутствіе женщинъ и дѣтей кладетъ, поэтому, какой-то особенный суровый отпечатокъ на китайскіе кварталы. Глухо, пустынно и мертвенно тамъ. Не слышно дѣтскаго лепета, не видно дѣтской возни. Могильной тишины, висящей въ спертомъ и душномъ воздухѣ туземныхъ кварталовъ, не нарушаютъ дѣтскіе голоса.

Кажется, словно путешествуешь по какому-то своеобразному кладбищу, по которому блуждаютъ одинокія, молчаливыя тѣни людей, напоминающихъ своимъ изсохшимъ пергаментнымъ видомъ живыя мощи.

Владивостокская китаянка.

Къ этому зрѣлищу я уже привыкъ во Владивостокѣ, и не это. конечно, удивляло меня. Меня приводило въ недоумѣніе то обстоятельство, что корейскіе кварталы въ Посьетѣ такъ-же безмолвны и пустынны, какъ сосѣдніе манзовскіе; между тѣмъ, тутъ же рядомъ я видѣлъ немало корейцевъ, остриженныхъ „въ скобку“ и, слѣдовательно. открыто и, повидимому, навсегда порвавшихъ всякія связи съ прошлымъ, а стало быть, и съ обычаемъ, запрещающимъ женщинѣ показываться на улицѣ.

Продолжительное пребываніе въ краѣ разрѣшило впослѣдствіи мои недоумѣнія, а близкое знакомство съ „отшельниками“ убѣдило меня, что въ указанномъ явленіи не было, въ сущности, никакого противорѣчія.

Кореецъ вѣками привыкъ смотрѣть на женщину, какъ на суще-

ство безконечно низшей породы. И эти понятія такъ глубоко вросли въ сознаніе людей этого племени, что какихъ-нибудь нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ ими въ другой обстановкѣ, еще слишкомъ недостаточно для того, чтобы произвести коренной переворотъ въ ихъ взглядахъ вообще и въ ихъ взглядахъ на женщину въ частности. Отсутствіе „шишекъ" у нихъ и ихъ принадлежность къ христіанской религіи ничуть не противорѣчатъ высказанному выше положенію. Принадлежность ихъ къ чуждой. иноземной культурѣ,—опредѣляемая пока лишь этими внѣшними (и притомъ обязательными) признаками,—принадлежность пока чисто внѣшняя и наружная. Внутренняго міра корейца эта необходимая и обязательная уступка установленнымъ на окраинѣ требованіямъ не измѣнила *), и онъ остался попрежнему существомъ, вполнѣ обособленнымъ и по своему языку, и по своимъ обычаямъ, и по всему своему міровоззрѣнію.

Да притомъ-же здѣсь, въ Посьетѣ, неблагопріятнымъ факторомъ въ этомъ отношеніи является слишкомъ большая близость къ границѣ, благодаря чему связь эмигрировавшаго корейца съ своей родиной и оставшимися тамъ родными и родственниками никогда не прекращается. и корейцы, не взирая на свои остриженныя головы и кресты, въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ своихъ родичей, живущихъ по ту сторону Тюмень-Улы **).

Близость Кореи и особенно Китая даетъ себя, впрочемъ, чувствовать здѣсь въ пограничныхъ урочищахъ не однимъ этимъ. То чума, то сибирская язва, то, наконецъ, конокрадство постоянно напоминаютъ жителямъ пограничныхъ округовъ и участковъ о томъ, что за близкими горами Сихотэ-Алиня процвѣтаетъ не потухающій никогда очагъ всякихъ заразъ и скотскихъ падежей. И не только пограничный округъ, но весь край сильно страдаетъ отъ этого сосѣдства, котораго избѣжать нѣтъ никакой возможности.

Единственнымъ средствомъ для избавленія населенія отъ этихъ

---

*) Читатели помнятъ, вѣроятно, цитированное мною въ одномъ изъ предшествовавшихъ очерковъ письмо крещенаго корейца.

**) Дѣйствительно, люди, которымъ приходилось подолгу жить въ корейскихъ селеніяхъ окраины, разсказываютъ о тамошней жизни диковинныя вещи. Тамъ еще царятъ во всемъ своемъ ужасѣ мучительныя пытки, престижъ знаменитаго бамбука тамъ еще никѣмъ и ничѣмъ не потрясенъ. Мало того, тамъ, т.-е. подъ бокомъ у русскихъ властей, практикуется рабство, настоящее рабство, и торговля людьми. Торгуютъ обыкновенно вдовами родственники мужа. Очевидно, что однимъ крещеніемъ и рѣзаніемъ шишекъ достигается очень мало; многіе говорятъ даже, что этими, одними этими мѣрами ровно нечего не достигается.

бичей было бы совершенное прекращеніе прогона скота и лошадей изъ-за границы,—но это значило-бы лишить край и его населеніе живаго инвентаря и мяса. Дѣло въ томъ, что въ виду только что начинающагося заселенія края скотоводство еще не могло, конечно, здѣсь принять столь значительныхъ размѣровъ, чтобы для обывателей получилась возможность не прибѣгать къ помощи нашихъ сосѣдей, являющихся въ торговыхъ сношеніяхъ съ нами, по преимуществу, именно поставщиками мяса, рогатаго скота *), свиней, лошадей и даже домашнихъ птицъ. Въ сосѣднихъ же странахъ эпидемическія болѣзни не прекращаются, да не прекратятся, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока онѣ не станутъ смотрѣть на падежи, какъ на несчастье. Притомъ-же, наши западные сосѣди, отличаясь крайней небрезгливостью, преспокойно ѣдятъ падаль и пускаютъ въ продажу мясо павшей скотины. Недалеко отъ Посьета, близъ Новокіевскаго, являющагося главнымъ пунктомъ для прогона скота, нами устроены, правда, два карантина, но, при извѣстныхъ уже читателямъ естественныхъ свойствахъ китайской границы, китайцы и корейцы всегда находятъ возможность, не взирая на чрезвычайно строгія мѣры надзора, тайно прогонять скотъ въ наши предѣлы,—и послѣдствія этого бываютъ крайне печальны для нашей окраины.

Зараза съ поразительной быстротой распространяется по всей территоріи окраины, не щадя ни одного уголка. Рогатый скотъ иногда валится тысячами, лошади падаютъ въ упряжи среди дороги, и почтовые тракты усѣиваются трупами павшихъ животныхъ. Доходитъ иногда до того (какъ это было, напримѣръ, всего два года назадъ за Никольскимъ), что на всѣхъ притрактовыхъ почтовыхъ станціяхъ падаютъ всѣ лошади, содержатели станцій бросаютъ свои жилища, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ края на долгое время прекращается всякое сообщеніе.

Три года назадъ, вслѣдствіе сильнаго распространенія сибирской язвы на лошадяхъ, прекратилось всякое сообщеніе между Хабаровскомъ, резиденціей генералъ-губернатора, и Владивостокомъ. На другихъ трактахъ, за гибелью всѣхъ почтовыхъ лошадей, передвиженіе совершалось на быкахъ, а кое-гдѣ и вовсе пѣшкомъ.

---

*) Раньше рогатый скотъ поставляла намъ на-ряду съ Китаемъ также и Корея. Но въ послѣднее время она сильно обѣднѣла, и къ намъ пригоняется, главнымъ образомъ, маньчжурскій скотъ; вѣрнѣе, даже не маньчжурскій, а монгольскій, закупаемый маньчжурами въ Гиринѣ или восточной Монголіи.

Эти страшные гости, чума и сибирская язва, ежегодно посѣщающіе насъ изъ Маньчжуріи и сосѣдней Кореи, держатъ въ паническомъ страхѣ мѣстное населеніе, и бываютъ времена, когда скотъ и лошади въ теченіи лѣта вовсе не выгоняются на пастбища и держатся въ закрытыхъ хлѣвахъ: эта мѣра является единственнымъ средствомъ уберечь лошадей отъ заразы. заносимой и разносимой по всему краю корейцами и манзами.

Самое печальное во всемъ этомъ то, что борьба съ этими страшными бичами, поглощающими ежегодно не одну тысячу головъ лошадей, скота и даже свиней. совершенно безплодна, такъ какъ въ Кореѣ и Маньчжуріи, какъ я уже упоминалъ, никогда не потухаетъ очагъ заразы. Уберечься-же отъ занесенія ея въ наши предѣлы нѣтъ никакой возможности, какія бы строгія мѣры ни принимались для этого: китайско-корейская граница тянется на протяженіи *семисотъ верстъ* (съ юга на сѣверъ) и представляетъ собой сплошные хребты, поросшіе вѣковымъ лѣсомъ, что дѣлаетъ совершенно невозможнымъ надзоръ за ней и создаетъ условія, чрезвычайно благопріятствующія контрабандному проходу и прогону скота. Дѣйствительно, гдѣ услѣдить не только одинокаго манзу, но даже цѣлый гуртъ скота, пробирающійся по ущельямъ въ лѣсу или по однимъ лишь бродячимъ китайцамъ извѣстнымъ таежнымъ дорожкамъ и звѣринымъ тропамъ! Не одинъ десятокъ лѣтъ еще потребуется для того, чтобы изучить до мельчайшихъ подробностей всѣ тропинки на этой семисотверстной гористой лѣсной полосѣ, отдѣляющей край отъ Китая!

Отъ тѣхъ-же бичей не мало страдаетъ и домашняя птица: моръ коситъ птицъ до одной, и это — обычное явленіе здѣсь. Вотъ, почему, здѣсь, между прочимъ, такъ мало распространено разведеніе птицъ и вотъ почему домашнія птицы такъ дороги здѣсь: индѣйка стоитъ, напримѣръ, во Владивостокѣ до 14 рублей! Умираютъ онѣ массами и часто внезапно, по преимуществу отъ холеры и отъ дифтерита, распространяемаго также тайно проносимыми корейскими и китайскими птицами. Болѣзни эти (особенно первая) отличаются своимъ поразительно быстрымъ теченіемъ, и подвергаются ей гуси, индѣйки, куры и утки. Мнѣ самому пришлось однажды наблюдать внезапную смерть пѣтуха отъ холеры.

Еще за часъ до своей смерти онъ былъ совершенно здоровъ и, гордо поднявъ свою голову, бродилъ по обширному птичьему двору, озирая подвластное ему птичье царство. Вдругъ на одномъ поворотѣ онъ внезапно остановился, распустилъ свои крылья, поникъ головою

и сдѣлался чрезвычайно печальнымъ. Прошло около часа, и уже наступила агонія: его гребешокъ посинѣлъ, зобъ сильно вздулся, шея искривилась, перья взъерошились и изъ горла вылетали сухіе звуки, похожіе на всхлипываніе. Полчаса спустя онъ былъ уже мертвъ. Не прошло послѣ этого и трехъ-четырехъ дней, какъ отъ всего обширнаго птичьяго царства не осталось слѣда.

Мѣстные жители такъ привыкли къ этому злу, что вовсе и не разводятъ у себя домашней птицы и путнику здѣсь ни въ одномъ поселеніи не доводится видѣть бродящихъ по улицамъ стай утокъ, куръ и гусей.

Впрочемъ, мѣстные жители въ этомъ и не испытываютъ существенной необходимости: та-же тайга и безлюдность, которыя создаютъ благопріятныя условія для перенесенія заразы изъ сосѣднихъ государствъ и лишаютъ мѣстнаго обывателя послѣдней утки и курицы, сторицею вознаграждаютъ его, посылая ему взамѣнъ ихъ миріады глухарей, тетеревовъ, дрофъ, куропатокъ и особенно — великолѣпныхъ фазановъ, не говоря уже объ обиліи оленей и козъ, которыхъ здѣсь развѣ только ребенокъ не бьетъ цѣлыми десятками.

Особенно много фазановъ; они водятся здѣсь всюду: въ тайгѣ, въ притаежныхъ степяхъ, на поляхъ переселенцевъ-новоселовъ и даже въ постахъ, хуторахъ и урочищахъ, которые они буквально осаждаютъ лѣтомъ и осенью, забираясь на крыши хуторскихъ надворныхъ построекъ и производя тамъ чувствительныя опустошенія.

— Чистая бѣда,—говорилъ мнѣ одинъ новоселъ, недавно поселившійся въ краѣ, — чистая бѣда отъ фазановъ, совсѣмъ одолѣли: всѣ „стрѣхи“ (крыши) испортили.

Какъ много ихъ здѣсь, я убѣдился уже во второй день пріѣзда въ Посьетъ. Одинъ солдатъ, незадолго до моего пріѣзда сюда, въ теченіи трехъ недѣль убилъ въ окрестностяхъ этого поста тысячу триста фазановъ!.. Это количество казалось-бы мнѣ совершенно невѣроятнымъ, если-бы я раньше этого, во время одной изъ поѣздокъ по Уссурійской желѣзной дорогѣ (за Никольскимъ), не видѣлъ собственными глазами, какъ машинистъ и кондукторъ съ паровоза и вагоновъ стрѣляли тѣхъ-же фазановъ на ходу поѣзда.

Европейцу представилось-бы иногда здѣсь и еще болѣе невѣроятное зрѣлище. Рядомъ съ поѣздомъ, какъ только онъ входитъ въ тайгу, мчатся нерѣдко дикія козы, какъ-бы вперегонку съ нимъ, при каждомъ свисткѣ паровоза дѣлая уморительные прыжки на бѣгу.

Безлѣсныя, лишенныя растительности окрестности Посьета не долго привлекали къ себѣ мое вниманіе. Имѣя еще много свободнаго времени впереди до отхода парохода во Владивостокъ (обратно я предполагалъ возвращаться моремъ), я рѣшилъ съѣздить въ урочище Новокіевское, находящееся близъ самой маньчжурской границы*), верстахъ въ десяти отъ Посьета.

Грустное впечатлѣніе производитъ на путника южное побережье Уссурійскаго края! Любитель природы и ея красотъ найдетъ здѣсь немного для себя интереснаго, и только виднѣющіяся вдали, съ запада, пограничныя горы привлекаютъ къ себѣ взоръ путешественника своимъ вѣковымъ лѣсомъ, вѣнчающимъ ихъ вершины и склоны. На всемъ остальномъ побережьи — безконечная, заунывная ширь оголенныхъ пространствъ. Время, „палы“ и туманы уничтожили здѣсь всѣ деревья, всю зелень,—до послѣдняго листика.

Среди всего этого голаго, безлѣснаго ландшафта глазъ настолько привыкаетъ къ отсутствію растительности, даже кустарниковой, что нѣсколько уцѣлѣвшихъ отъ „пáла“ молодыхъ, тощихъ деревьевъ на берегу тихо журчащаго придорожнаго ручейка невольно обращаютъ уже на себя все вниманіе зрителя. Но эти оазисы здѣсь очень рѣдки. Пустынный, безжизненный ландшафтъ оживляется изрѣдка только перелетомъ дикихъ гусей. Вотъ, потянулась къ сѣверу стая гусей строемъ клина, оглашая воздухъ своими странными, рѣзкими криками. Взоръ одинокаго путника ревниво слѣдитъ за полетомъ ея, пока она не превратится въ точку и не исчезнетъ изъ глазъ за горизонтомъ. Мыслью уносишься далеко за предѣлы окраины, и когда вокругъ снова становится тихо, начинаешь еще больше, сильнѣе чувствовать, что ты здѣсь одинъ, далеко отъ родины,—одинъ, наединѣ со своими мечтами...

Новокіевское, куда я вскорѣ пріѣхалъ, мало чѣмъ отличается отъ Посьета. Впрочемъ, всѣ урочища такъ похожи одно на другое. Тѣ-же „мазанки“, тѣ-же корейцы и манзы, то-же отсутствіе дѣтей и женщинъ: бродишь по улицамъ, какъ по кладбищу. Тоскливо, монотонно и скучно живется немногимъ европейцамъ, волею судебъ поселившимся здѣсь. Жизнь протекаетъ здѣсь внѣ всякихъ общественныхъ

---

*) Близъ границы только эти два поста (Посьетъ и Новокіевское) и являются болѣе или менѣе заселенными русскими жителями. Остальные посты, разсѣянные кой-гдѣ въ пограничномъ округѣ, служатъ исключительно становищами небольшихъ военныхъ отрядовъ.

интересовъ, безъ всякихъ даже личныхъ удобствъ, въ непрерывной борьбѣ съ природой, среди длиннокосыхъ манзъ и стриженыхъ корейцевъ.

Здѣсь—настоящее царство глуши, царство окраины.

На одной изъ улицъ я натолкнулся на печальную процессію. Хоронили молодаго самоубійцу, всего два-три года назадъ пріѣхавшаго сюда изъ Европейской Россіи.

За гробомъ шла немногочисленная толпа, видимо, сильно подавленная этимъ грустнымъ событіемъ.

Самоубійства вездѣ, конечно, случаются, но нигдѣ въ другомъ мѣстѣ эти печальныя явленія не возбуждаютъ въ окружающихъ столько тягостныхъ думъ, сколько здѣсь, на далекихъ берегахъ Великаго океана.

Процентъ самоубійствъ здѣсь чрезвычайно великъ. случаи добровольнаго прекращенія жизни здѣсь чрезвычайно часты. Чуть-ли не каждый мѣсяцъ уноситъ въ могилу какого-нибудь несчастливца въ томъ или другомъ пунктѣ обширной территоріи Южно-Уссурійскаго края. Мѣстному обывателю часто приходится здѣсь производить роковые подсчеты ..

Въ этихъ грустныхъ и прискорбныхъ явленіяхъ, сдѣлавшихся какъ-бы нормальными подъ небомъ Южно-Уссурійскаго края. особенно рѣзко сказывается давленіе окраины. испытываемое всякимъ, кому приходится жить здѣсь болѣе или менѣе продолжительное время...

Жизнь на окраинѣ складывается для колониста совсѣмъ не такъ. какъ на оставленной имъ родинѣ. Человѣкъ. привыкшій жить въ Европейской Россіи. попадаетъ здѣсь въ совершенно иную обстановку дышетъ здѣсь другимъ воздухомъ, видитъ другое небо и солнце, живетъ съ другими людьми.

Здѣсь (особенно—въ уединенныхъ постахъ и урочищахъ) встрѣчаютъ его дикая природа побережья Великаго океана, тяжелыя условія жизни, лишеніе многихъ элементарныхъ удобствъ, безъ которыхъ немыслимо человѣческое сущевтвованіе. Ему приходится жить здѣсь бокъ-о-бокъ съ дремучей тайгой, вдали отъ людей, въ полномъ подъ-часъ одиночествѣ, или—еще хуже—въ обществѣ немногихъ людей, объединяемыхъ лишь общностью мѣста,—людей недоразвитыхъ, полу-культурныхъ, чуждыхъ понятія о долгѣ,—людей, обладающихъ лишь грубыми инстинктами да безпредѣльной жаждой наживы. Шайки отважныхъ и дерзкихъ хунъ-хузовъ, скрывающихся въ окрестныхъ трущобахъ, барсы и тигры, притаившіеся въ ближайшихъ лѣсахъ и отъ времени до времени дѣлающіе набѣги на человѣческое жилье, бѣглые каторж-

ники, подъ-часъ осаждающіе дороги и таежныя тропы и, наконецъ, этотъ мертвящій, гнетущій туманъ, парализующій даже развитіе растеній и скрывающій отъ глазъ европейца на долгое время весь Божій свѣтъ,—все это дополняетъ картину тѣхъ условій окраинной жизни, съ которыми европейцу приходится считаться здѣсь долгіе, долгіе годы.

Изолированный отъ всего внѣшняго міра, предоставленный самому себѣ, не находя сочувствія и поддержки въ окружающихъ, лишенный, наконецъ, родныхъ и семьи*),—европеецъ склоняется подъ гнетомъ окружающей его обстановки и, не умѣя совладать съ своей волей и нервами, ищетъ разрѣшенія всѣхъ своихъ мукъ въ револьверѣ.

Тоска по оставленной и недосягаемой для него родинѣ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду причинъ, содѣйствующихъ роковому исходу.

Только тотъ, кому приходилось долго прожить на окраинѣ, знаетъ, какое ужасное состояніе приходится переживать человѣку, зараженному этой болѣзнью. Тоска по родинѣ—это ядъ, отравляющій здѣсь, на окраинѣ, все существованіе пріѣзжихъ людей. Тоска по родинѣ—это безпрерывное, всепоглощающее страданіе, затмѣвающее въ одержимомъ имъ всѣ желанія, помыслы, чувства... Чисто стихійное пьянство, сумасшествіе или самоубійство являются лишь неизбѣжными послѣдними актами его.

Единственное средство избѣжать этихъ печальныхъ послѣдствій,—это бѣжать изъ окраины на родину или, по крайней мѣрѣ, на югъ, гдѣ солнце ярко свѣтитъ и своими живительными лучами прогоняетъ недугъ, порожденный окраиной. Это, однако, не для всякаго и не всегда возможно: большинство обитателей урочищъ—военные или гражданскіе чины, обязанные прослужить здѣсь извѣстные сроки, раньше истеченія коихъ перемѣна мѣста службы совершенно немыслима.

...Съ грустью проводилъ я останки несчастнаго юноши. Бѣдный европеецъ! Ты ѣхалъ сюда, на чужбину, какъ и всѣ мы—съ самыми лучшими намѣреніями и надеждами: они не сбылись. Нашелъ-ли ты хоть тамъ, въ другомъ мірѣ, то удовлетвореніе, котораго ты такъ страстно, мучительно, но безплодно искалъ подъ непривѣтливымъ небомъ окраины!..

---

*) Большинство обитателей постовъ и урочищъ, какъ, впрочемъ, и вездѣ на окраинѣ,—люди безсемейные, одинокіе.

Съ невеселыми мыслями возвращался я съ кладбища по заросшей чахлою травкой дорожкѣ... У самаго выхода мнѣ показали еще одну могилу самоубійцы. Несчастный уже три года лежитъ подъ заросшимъ холмомъ, осѣненнымъ покосившимся деревяннымъ крестомъ. Когда я подошелъ ближе къ могилѣ, то мнѣ бросилась въ глаза полустертая надпись, сдѣланная на крестѣ большими бѣлыми буквами.

„Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!“—съ трудомъ прочиталъ я.

Я поспѣшилъ уѣхать обратно въ Посьетъ...

XIV.

Хеми и хунъ-хузы.

Невѣроятный слухъ.—Похищеніе Хе-ми хунъ-хузами.—Разсказъ Хе-ми.—Его опасенія.—Что такое хунъ-хузы?—Взаимодѣйствіе культуръ.—Результаты.—Мнѣніе мѣстныхъ жителей.—Сгущеніе красокъ.—Четыре мнѣнія.—Неправильность ихъ.—Истинная физіономія хунъ-хуза.—Ихъ обращеніе съ корейцами и китайцами.—Отношеніе къ русскимъ.—Приключеніе съ Хиномъ.—Подвиги въ Маньчжуріи.—Взгляды китайцевъ.—Поразительные факты.—Набѣгъ на желѣзнодорожную станцію.—Мнѣніе старожила.—Китайская расправа.—Вредныя послѣдствія смертныхъ приговоровъ.

Я находился уже въ двухъ-трехъ верстахъ отъ Посьета, какъ вдругъ мое вниманіе остановила на себѣ одна встрѣча, какія такъ часты здѣсь на границѣ съ Маньчжуріей. Навстрѣчу мнѣ шелъ отрядъ солдатъ, конвоировавшій нѣсколькихъ манзъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ. Встрѣчные путники, главнымъ образомъ, китайцы и корейцы, завидя эту группу, въ паническомъ страхѣ сворачивали въ сторону, провожаемые угрюмыми и враждебными взглядами конвоируемыхъ. Столь явно обнаруживаемый мирными манзами страхъ къ арестованнымъ, который повидимому былъ совершенно неумѣстенъ, чрезвычайно заинтересовалъ меня.

Оказалось, что это вели хунъ-хузовъ.

Тогда для меня стала ясна вся эта паника. Я зналъ уже, что такое хунъ-хузы. Узнать о нихъ впервые мнѣ пришлось, помню, по слѣдующему поводу.

Однажды по Владивостоку распространился странный, невѣроятный, чудовищный слухъ. Утверждали, будто одинъ изъ мѣстныхъ манзъ подъ вечеръ похищенъ изъ города шайкой хунъ-хузовъ.

Слухъ этотъ былъ до того страненъ и такъ смахивалъ на сказку,

что я, еще мало знакомый тогда съ своеобразными условіями жизни Уссурійскаго края, отнесся къ нему весьма недовѣрчиво, принимая его за выдумку и неумѣстную шутку какого-нибудь мѣстнаго остряка.

— Вы шутите,—говорилъ я всѣмъ, кто сообщалъ мнѣ это невѣроятное извѣстіе. — Вы шутите, — повторялъ я. — разсчитывая, очевидно, на мое легковѣріе и недавнее знакомство съ окраиной.

Но стоустая молва продолжала такъ упорно настаивать на справедливости вышеприведеннаго извѣстія, что я невольно началъ менѣе скептически относиться къ циркулировавшимъ въ городѣ толкамъ и слухамъ.

— Кого, однако, украли хунъ-хузы? — полюбопытствовалъ я, все еще недовѣрчиво относясь ко всѣмъ этимъ страннымъ событіямъ.

— Вы не знаете развѣ?— съ удивленіемъ спросили меня.—Да Хе-ми! Рядчика Хе-ми, работающаго у подрядчика С.

— Хе-ми?! Такъ, вотъ, кого!..—и какое-то подозрѣніе мелькнуло у меня въ головѣ.

Дѣйствительно, обстоятельство, поразившее меня, было и подозрительно и странно. Какъ это я раньше не обратилъ на него вниманія?.. Странно... Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я не видѣлъ Хе-ми. Куда могъ онъ скрыться? Да! тутъ, очевидно, что-нибудь да неладно. Ужь не справедливы-ли, въ самомъ дѣлѣ, городскіе толки?.. Хотя все это такъ загадочно и такъ пахнетъ фантастической сказкой... Странно...

И я въ раздумьи отошелъ отъ своего собесѣдника.

Я хорошо зналъ его, этого рядчика Хе-ми, такъ какъ онъ очень часто приходилъ ко мнѣ по одному дѣлу. Это былъ манза невысокаго роста, немного хромой на правую ногу и съ необыкновенно лукавымъ и хитрымъ выраженіемъ на своемъ всегда улыбающемся лицѣ.

Онъ вѣчно жаловался на свою судьбу и тяжело вздыхалъ при воспоминаніи о необходимости расплачиваться со своими рабочими, хотя и я и другіе, знавшіе его немного, подозрѣвали и, вѣроятно, небезъосновательно, что онъ только прикидывался простячкомъ и полунищимъ и немало денегъ отложилъ у себя за поясомъ въ потайномъ карманѣ или гдѣ-либо въ другомъ не менѣе надежномъ мѣстѣ, имѣя въ виду вывезти ихъ современемъ въ Китай своей „бабушкѣ“.

Рабочихъ своихъ (китайцевъ-же) онъ держалъ въ черномъ тѣлѣ ссылаясь на свою бѣдность, безпомощность, и беззащитность. Въ затруднительныхъ-же случаяхъ онъ просто-на-просто прикидывался дурачкомъ и, тѣмъ не менѣе, отлично улаживалъ возникавшія затрудненія, которыя, въ противномъ случаѣ, кончались-бы для него очень при-

скорбно. Съ манзой шутить опасно и если онъ доведенъ до остервенѣнія, то круто и чисто по-китайски расправляется со своимъ притѣснителемъ-рядчикомъ.

Таковъ-то былъ этотъ Хе-ми, котораго, какъ увѣряли мои знакомые, украли хунъ-хузы и, слѣдовательно, будутъ держать до тѣхъ поръ, пока не получатъ отъ него приличнаго выкупа.

Прошло около трехъ недѣль, а Хе-ми все не возвращался изъ своей таинственной отлучки. Стало быть, онъ, дѣйствительно, попалъ въ лапы къ хунъ-хузамъ.

Опросомъ его рабочихъ и знакомыхъ манзъ о подробныхъ обстоятельствахъ его исчезновенія и безъ того уже было установлено къ этому времени, что онъ не могъ никакимъ другимъ путемъ исчезнуть, какъ только путемъ похищенія.

Какъ ни интересовался я всей этой все еще таинственной для меня и полу-фантастической исторіей, однако-же, занятый своими обычными дѣлами, я уже началъ было забывать и о Хе-ми и о хунъ-хузахъ, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день дверь моего кабинета безшумно раскрывается, и въ отверстіе просовывается хорошо знакомая мнѣ, но на этотъ разъ нѣсколько смущенная физіономія Хе-ми, котораго я уже считалъ погибшимъ.

— Ты откуда?—изумился я.— А мы тутъ рѣшили, что тебя и на свѣтѣ уже нѣтъ. Говори, гдѣ ты былъ?

— Моя... капитана, — замялся Хе-ми, пугливо озираясь по сторонамъ.—капитана... моя ѣхала... ѣхала... Никольскъ... лабочіе...

— Ну, это не правда. Говори: ты былъ у хунъ-хузовъ?

Хе-ми еще болѣе пугливо оглянулся, вошелъ въ комнату и плотно закрылъ за собой дверь.

— Да чего ты боишься? — воскликнулъ я въ недоумѣніи.— Вѣдь, тутъ-же никого нѣтъ.

Хе-ми сначала ничего не отвѣтилъ мнѣ и только укоризненно покачалъ головой. Затѣмъ онъ еще разъ оглянулся на дверь, усѣлся подальше отъ нея и недовольно прошепталъ:

— Худо, капитана, гломко кличи: „хунъ-хуза", „хунъ-хуза!"... *Его* услыши можетъ.

— Полно, Хе-ми, пустое болтать! Откуда они услышатъ? Что, у меня здѣсь притонъ ихъ, что-ли?

— Ой, капитана, капитана! Твоя не знаешь хунъ-хуза... Хунъ-хуза все знаетъ, шибко все знаетъ.

Онъ съ такимъ убѣжденіемъ произнесъ послѣднюю фразу, что я

не сталъ уже спорить съ нимъ. Видимо, знакомство съ этими смѣлыми и дерзкими обитателями уссурiйской тайги солоно пришлось ему.

— Хунъ-хуза все знаетъ,—продолжалъ, между тѣмъ, въ полъ-голоса бормотать мой собесѣдникъ.—Все знаетъ: и какой манза шибко деньги имѣй, и какой человѣкъ „большому капитану“ (онъ подразумѣвалъ мѣстнаго полицеймейстера) про хунъ-хуза худо „говори есть“. Ничего отъ хунъ-хуза склойся нѣту...

— Такъ ты, значитъ, таки у хунъ-хузовъ былъ?

— Нѣтъ, капитана, — встрепенулся вдругъ Хе-ми, — моя былъ Никольскѣ... Никольскѣ моя былъ.

И какъ-бы желая еще болѣе убѣдить меня въ справедливости своихъ словъ, онъ съ заискивающей улыбкой прибавилъ:

— Хе-ми—бѣдный манза, Хе-ми всѣ обижай... Пускай Хе-ми былъ Никольскѣ.

— Ладно!—улыбнулся я.—Пускай... Что-жъ Хе-ми видѣлъ тамъ?—отвѣтилъ я въ тонъ ему.

— Худо... много худо... Лучи моя все говоли.

Это рѣшенiе не легко, однако-жъ, досталось ему, и онъ долго мялся, пока, наконецъ, началъ понемногу развязывать свой языкъ, подъ непремѣннымъ, впрочемъ, условiемъ, чтобы я отнюдь не передавалъ содержанiя нашей бесѣды „большому капитану“: такъ сильна въ мирныхъ китайцахъ боязнь мести со стороны хунъ-хунзовъ, безпощадно расплачивающихся съ доносчиками.

Дѣло Хе-ми получило, однако-же, слишкомъ большую огласку въ городѣ, оно дошло даже, по его возвращенiи, до суда (въ которомъ мнѣ-же пришлось быть его защитникомъ) *), и я нынѣ считаю себя свободнымъ отъ даннаго мною Хе-ми обѣщанiя.

Хе-ми, дѣйствительно, взяли хунъ-хузы.

Случилось это такъ.

Однажды вечеромъ въ фанзу, занимаемую имъ совмѣстно съ девятью другими китайцами на „Семеновскомъ покосѣ“,—части города, прилегающей къ отлогому берегу Амурскаго залива, — вошелъ незнакомый ему манза и сообщилъ, что какой-то китаецъ желаетъ видѣть его по очень важному дѣлу и ожидаетъ его на самомъ берегу близь расположенныхъ тамъ стоговъ сѣна.

---

*) Хе-ми обвинялся въ „распространенiи ложныхъ слуховъ, производящихъ безпокойство и смуту въ умахъ“. Судъ оправдалъ его, такъ какъ фактъ его похищенiя оказался неподлежащимъ никакому сомнѣнiю,

Было еще рано, едва начинало вечерѣть, и Хе-ми въ голову не могло придти какое-либо подозрѣніе. Прервавъ разговоръ со своими собесѣдниками, онъ поспѣшно вышелъ изъ фанзы и по людной улицѣ послѣдовалъ за незнакомцемъ по направленію къ берегу, на которомъ еще кипѣла дѣятельная жизнь: то и дѣло причаливали шлюбки, шаланды, нагружали и разгружали ихъ десятки и сотни манзъ и каули.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ этой сутолоки стояла небольшая группа китайцевъ, повидимому поджидавшихъ кого-то. Не успѣлъ Хе-ми поровняться съ ними, какъ отъ нихъ безшумно отдѣлились два человѣка и раньше, чѣмъ онъ успѣлъ издать хоть одинъ звукъ, они набросили ему что-то мягкое и плотное на голову, подхватили подъ руки и быстро понесли.

Это дерзкое нападеніе произошло почти на глазахъ у нѣсколькихъ сотъ человѣкъ—манзъ и корейцевъ, но послѣдніе и не подумали оказать помощи несчастному Хе-ми, а, напротивъ, еще болѣе углубились въ свои занятія, стараясь не видѣть и не замѣчать того, что происходитъ около нихъ: такъ силенъ въ туземномъ населеніи страхъ предъ хунъ-хузами!

Спустя нѣсколько минутъ Хе-ми почувствовалъ, какъ его бросили на что-то жесткое и твердое, закачавшееся подъ нимъ.

„Меня бросили на дно шлюбки“,—рѣшилъ онъ.

Плескъ воды, донесшійся вскорѣ до его слуха, не замедлилъ подтвердить его догадки.

Когда затѣмъ, спустя нѣкоторое время, похитители сняли съ плѣнника душившее его покрывало, то они были уже въ открытомъ заливѣ и въ быстро набѣжавшихъ сумеркахъ растерявшійся Хе-ми не могъ разобрать въ какую, именно, сторону везутъ его хунъ-хузы (это были, именно, они), хранившіе самое глубокое молчаніе почти все время съ момента его похищенія.

Тщетно Хе-ми, очнувшійся, наконецъ, отъ неожиданности, спрашивалъ похитителей, куда они его везутъ и чего имъ отъ него нужно. Они не проронили ни звука въ отвѣтъ на всѣ его вопросы и продолжали, по-прежнему, молча грести веслами.

Хе-ми пригрозилъ было имъ, что начнетъ кричать и только хотѣлъ было привести въ исполненіе свое намѣреніе, но наклонившійся къ нему хунъ-хузъ такъ грозно посмотрѣлъ на него, сжимая въ то-же время въ рукѣ острый, отточенный ножъ, что у несчастнаго плѣнника отъ страха языкъ отнялся. Волей-неволей нужно было покориться судьбѣ и терпѣливо ожидать, что будетъ дальше.

Цѣлую ночь пространствовали они по заливу, направляясь, повидимому, въ хорошо извѣстное имъ укромное мѣстечко на какомъ-нибудь изъ окрестныхъ островковъ.

Къ утру шлюбка была уже недалеко отъ цѣли.

Предводитель хунъ-хузовъ отдалъ шопотомъ какое-то приказаніе своему сосѣду и плѣннику вновь завязали глаза. Было уже свѣтло; солнце уже начало бросать изъ-за горизонта первые привѣтные лучи, и похитители, очевидно, боялись, чтобы Хе-ми не могъ запомнить дороги къ ихъ логовищу.

Скоро лодка мягко стукнулась о какое-то препятствіе, покачнулась, вздрогнула и остановилась.

„Пріѣхали!“—рѣшилъ плѣнникъ, у котораго все еще продолжала лежать повязка на глазахъ.—„Что-то дальше будетъ!“.

Давъ ему конецъ веревки въ руки, хунъ-хузы, все еще не снимая повязки съ его глазъ, приказали ему идти вслѣдъ за ними. Но спустя нѣсколько минутъ, одинъ изъ похитителей сорвалъ повязку съ его лица, и всѣ они немедленно удалились отъ него, оставивъ его одного.

Хе-ми такъ растерялся отъ этого неожиданнаго оборота дѣла, что и не подумалъ воспользоваться предоставленной ему свободой и нерѣшительно поплелся за хунъ-хузами: онъ все еще не могъ объяснить себѣ страннаго поведенія своихъ похитителей.

Его недоумѣнія очень скоро разсѣялись, какъ только онъ немного оріентировался въ своемъ новомъ положеніи. Онъ увидѣлъ, уже при самомъ поверхностномъ осмотрѣ мѣстности, что бѣжать оттуда совершенно немыслимо. Онъ находился на островѣ, берега котораго круто спускались къ водѣ и на всемъ видимомъ горизонтѣ не видно было ничего похожаго на присутствіе земли: вода окружала его со всѣхъ сторонъ на далекое разстояніе.

Хунъ-хузы, повидимому, хорошо знали прибрежные островки и очень удачно выбрали мѣсто для своей резиденціи. Благодаря возвышенному положенію острова, съ него открывался видъ на море на большое разстояніе, и смѣльчакъ, задумавшій бѣжать отсюда, неминуемо былъ-бы замѣченъ находящимися на берегу часовыми и былъ-бы убитъ ими раньше, чѣмъ онъ успѣлъ-бы удалиться за предѣлы поля ихъ выстрѣла.

Мысль плѣнника неутомимо работала надъ разрѣшеніемъ волновавшихъ его вопросовъ, отъ которыхъ, быть можетъ, зависѣла самая жизнь его и существованіе.

Безцѣльно бродилъ онъ по острову, но вездѣ натыкался только на

черствыя, бездушныя, холодныя лица разставленныхъ часовыхъ, которыя словно говорили ему:

„Не трудись, плѣнникъ, искать выхода изъ той западни, въ которую мы завлекли тебя и еще меньше трудись надъ разрѣшеніемъ вопроса о томъ, что будетъ съ тобой: готовься ко всему“...

Первыя сутки прошли въ полной, томительной неизвѣстности для Хе-ми.

Хунъ-хузы не заговаривали съ нимъ и какъ будто совсѣмъ не замѣчали его присутствія. Это былъ тонкій разсчетъ съ ихъ стороны. Они дали ему время убѣдиться въ томъ, что бѣжать невозможно и что, слѣдовательно, онъ вполнѣ находится въ ихъ власти и, во-вторыхъ, дали ему досугъ разсудить съ полной ясностью, что выбраться отсюда онъ, очевидно, можетъ не иначе, какъ заранѣе согласившись на всѣ условія и требованія, которыя будутъ ему предъявлены.

На другой день они позвали его къ себѣ и послѣ краткихъ пререканій предложили ему слѣдующую дилемму: либо уплатить за себя приличный выкупъ, и тогда онъ тотчасъ-же получитъ свободу, либо-же онъ навсегда остается у нихъ на островѣ, съ тѣмъ, понятно, что за будущее его, и даже за ближайшее будущее они на себя отвѣтственности не принимаютъ.

— Выбирай,—лаконически сказали ему хунъ-хузы.

Хе-ми, однако-же, рѣшилъ не сдаваться: сумма выкупа раззорила-бы его окончательно.

— У меня ничего нѣтъ!—Категорически заявилъ онъ.

Но тѣ только холодно пожали плечами и приказали ему удалиться.

Въ тотъ-же день плѣнникъ почувствовалъ перемѣну въ обращеніи.

Его и наканунѣ скудно и недостаточно кормили, а въ этотъ день сразу уменьшили и безъ того скромную порцію риса чуть не въ половину.

Тѣмъ не менѣе, когда его на слѣдующій день вновь притянули къ допросу, онъ съ прежнимъ упорствомъ настаивалъ на томъ, что ему нечѣмъ откупиться.

— Мы подождемъ,—такъ-же холодно и равнодушно, какъ наканунѣ, сказали ему похитители.

И въ теченіи цѣлой недѣли они съ неумолимою послѣдовательностью постепенно все уменьшали и уменьшали ту крохотную и ничтожную порцію риса, которая до сихъ поръ служила единственной пищей плѣнника. Дошло, наконецъ, до того, что рисъ начали выдавать ему уже не горстями, какъ прежде, а зернами...

Хе-ми убѣдился, наконецъ, въ томъ, что съ хунъ-хузами, въ са-

момъ дѣлѣ, шутки плохія, и если такъ дальше будетъ идти, то онъ, чего добраго, умретъ голодной смертью.

Пришлось, волей-неволей, согласиться на все, чего они ни требовали.

Подъ диктовку хунъ-хузовъ онъ написалъ своей „компаніи" записку, въ которой приказывалъ ему немедленно вручить подателю ея требуемую сумму (около 400 рублей, сколько помнится; денегъ этихъ у компаньона не оказалось и пришлось взять ихъ у подрядчика подъ будущія работы!..), и только послѣ того, какъ деньги были привезены, онъ получилъ свободу и былъ доставленъ во Владивостокъ, съ предупрежденіемъ, впрочемъ, чтобы на будущее время онъ былъ осторожнѣе и аккуратнѣе платилъ имъ свои долги.

— Долги?—воскликнулъ я.—Ты имъ развѣ долженъ?

Хе-ми тихо, неслышно засмѣялся одними углами губъ и иронически пробормоталъ:

— Ой-ой, капитана, ничего-то еще „твоя знай нѣту!" ...твоя еще мало живи тута... Вѣдь хунъ-хузу всякій манза долженъ... у кого только есть деньги... И эти долги важнѣе всякихъ другихъ... Вотъ я попробовалъ было отлынивать отъ нихъ, такъ, видишь, что со мною случилось... Еще хорошо, что такъ кончилось... Я ужъ думалъ, что мнѣ совсѣмъ не вернуться.

— Что-же они сдѣлали-бы съ тобой...

— Ишто!? .— передразнилъ меня Хе-ми.— „Мало-мало чики-чики дѣлай"!..—Хе-ми сдѣлалъ при этомъ такой выразительный и недвусмысленный жестъ рукой, что у меня и тѣни сомнѣнія не оставалось относительно того, какое страшное содержаніе кроется въ этомъ „чики-чики".

— Все-таки, о какихъ-же долгахъ ты раньше говорилъ?

— Ето—налога, се-лавно—билета..,—отвѣтилъ мнѣ Хе-ми.

— Но вѣдь, они не „капитаны", чтобы налогомъ облагать васъ!..— воскликнулъ я въ недоумѣніи.

— Ничего твоя понимай нѣту,— укоризненно покачалъ головою Хе-ми, и, нагнувшись почти къ самому уху моему, онъ прошепталъ:— *Его—все мози*...

— Какъ—мози?! Да, вѣдь, есть-же полиція...

Но Хе-ми не далъ мнѣ докончить начатой фразы. Услышавъ слово „полиція", онъ безпокойно заерзалъ на мѣстѣ, вскочилъ и весьма недовольно, почти рѣзко зашепталъ, волнуясь и раздражаясь:

— Что твоя кличи: „полиція", „полиція"... Худо тако, шибко худо... *Его* услыши можетъ...

Вслѣдъ затѣмъ онъ напялилъ на голову свою войлочную шляпу, и даже не попрощавшись со мной, демонстративно вышелъ изъ моего кабинета.

Наша тихо-океанская окраина, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ однажды „Дальній Востокъ“, является пунктомъ соприкосновенія и взаимодѣйствія двухъ различныхъ между собою культуръ—русской и китайской. Русская жизнь широко врывается здѣсь въ китайскую, но, въ свою очередь, и китайскій строй, несомнѣнно, съ большой силой надавливаетъ на всѣ русскіе слои. Если при этомъ,—замѣчаетъ дальше названная газета,—русскіе принципы оказываются господствующими по своему политическому значенію, то принципы китаизма, съ своей стороны, представляютъ не меньшее сопротивленіе первымъ въ силу своей законченности и исторической устойчивости, главное-же—въ силу непосредственнаго сосѣдства самаго Китая и непрерывнаго обновленія мѣстнаго китайскаго (манзовскаго, какъ его иначе называютъ) элемента притокомъ свѣжихъ элементовъ, являющихся постоянно на смѣну уходящимъ старымъ, можетъ быть, въ извѣстной мѣрѣ и поддавшимся русскому вліянію.

Весьма естественно, конечно,—и съ этимъ нельзя не согласиться,—что на почвѣ этого столкновенія двухъ различныхъ культуръ явленія соціальной жизни на нашей окраинѣ пріобрѣтаютъ особую сложность, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объясненіе и устраненіе ихъ вредныхъ послѣдствій становится дѣломъ не менѣе сложнымъ и затруднительнымъ.

Къ числу явленій подобнаго рода, порождаемыхъ столкновеніемъ обѣихъ взаимно соприкасающихся и сталкивающихся культуръ—русской и китайской,—съ одинаковой почти силой сопротивляющихся другъ другу, должны быть отнесены и подвиги хунъ-хузовъ, нарушающихъ въ значительной степени мирное теченіе окраинной жизни.

Вопросъ о хунъ-хузахъ,—этихъ рыцаряхъ безпредѣльной уссурійской тайги, является однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ и жгучихъ для недавно присоединеннаго края и заслуживаетъ того, чтобы подробнѣе остановиться на немъ, тѣмъ болѣе, что обыватели метрополіи почти совершенно незнакомы съ нимъ, а въ средѣ мѣстныхъ жителей, какъ и немногочисленныхъ путешественниковъ, посѣщающихъ изрѣдка край, представленія объ этомъ явленіи не всегда отличаются достаточной правильностью.

— Что-же такое представляютъ собою „хунъ-хузы“? Что это за

странная ассоціація? Какія она преслѣдуетъ цѣли? — спросятъ меня читатели.

Мѣстные жители очень просто и категорически рѣшаютъ поставленные выше вопросы.

— Хунъ-хузы —говорятъ они (и это наиболѣе распространенное мнѣніе въ краѣ),—это китайскіе разбойники, люди, готовые на все, кровожадные, жестокіе, хищные. Встрѣтиться съ ними на большой (т. е. почтовой) дорогѣ—вѣрная смерть. Они держатъ въ страхѣ все мѣстное населеніе, точно бандиты Сициліи, ловко ускользая изъ рукъ строго карающей ихъ Немезиды. Съ неслыханною наглостью и почти безнаказанно грабятъ они обывателей, безъ различія національности и такъ терроризируютъ ихъ, что тѣ, опасаясь жестокой мести, рѣшаются лучше переносить всякія невзгоды отъ нихъ, чѣмъ рисковать своей жизнью въ случаѣ выдачи ихъ русскимъ властямъ. Хунъ-хузы не довольствуются отдѣльными случаями грабежа, разбоя и убійства. Представляя собой тѣсно сплоченную и многочисленную организацію на все готовыхъ людей, они облагаютъ данью туземное населеніе и горе тому, кто оказался-бы по отношенію къ нимъ неаккуратнымъ или неисправнымъ плательщикомъ!.. Хорошо вооруженные, они совершаютъ формальныя нападенія на мирныя села, хутора и деревни, а въ случаѣ сопротивленія не останавливаются предъ самыми крайними мѣрами: —поджогами, рѣзней и полнымъ разгромомъ. Они дерзаютъ даже вступать въ битву и давать настоящія сраженія отдѣльнымъ военнымъ отрядамъ, похищаютъ людей среди бѣлаго дня, увозятъ ихъ въ свои логовища и держатъ тамъ въ плѣну до тѣхъ поръ, пока не получатъ выкупа отъ плѣннаго, его родныхъ или знакомыхъ. Въ противномъ случаѣ они замучиваютъ несчастнаго до смерти и бросаютъ его трупъ на растерзаніе хищнымъ звѣрямъ, уничтожающимъ всѣ слѣды преступленія этихъ кровожадныхъ, безжалостныхъ и жестокихъ людей...

Такова мрачная и безотрадная картина, которую рисуетъ туристу мирный житель Уссурійскаго края.

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что эта характеристика далеко не соотвѣтствуетъ истинной физіономіи „рыцаря уссурійской тайги“. Краски слишкомъ сгущены, преувеличенія слишкомъ рѣзко бросаются въ глаза, заключенія слишкомъ поспѣшны и этому виною то, что въ созданіи этого внушающаго ужасъ и отвращеніе образа участвуютъ не столько дѣйствительные факты, сколько обывательское воображеніе и фантазія, перешагнувшія за предѣлы возможнаго, даже

въ такомъ пустынномъ и мало-заселенномъ краѣ, какимъ является нашъ дальній Востокъ.

Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ, и у серьезныхъ наблюдателей и изслѣдователей окраинной жизни существуетъ разногласіе не только относительно роли, какую играютъ хунъ-хузы и, такъ сказать, функцій, отправляемыхъ ими, но и относительно причинъ, порождающихъ это явленіе, а также цѣлей, ими преслѣдуемыхъ.

Одни, отождествляя терминъ хунъ-хузъ съ терминами: бродяга, грабитель, убійца,—подводятъ подъ это понятіе всякаго безбилетнаго и безпаспортнаго манзу. Другіе видятъ въ нихъ бѣглыхъ китайскихъ или манчьжурскихъ преступниковъ, которымъ, по такимъ или инымъ причинамъ, приходится скрываться отъ законныхъ маньчжурскихъ и китайскихъ властей,—людей, затравленныхъ притѣсненіями на родинѣ, которымъ всякій путь къ легальной жизни отрѣзанъ,—людей, ожесточенныхъ преслѣдованіями и, въ силу этого, съ оружіемъ въ рукахъ отстаивающихъ свое существованіе и вымещающихъ на ни въ чемъ предъ ними неповинныхъ жертвахъ свои заслуженныя или незаслуженныя обиды. Третьи видятъ въ хунъ-хузахъ исключительно политическую ассоціацію людей, до сихъ поръ еще не примирившихся съ русскимъ владычествомъ въ недавно принадлежавшемъ китайцамъ краѣ и ведущихъ съ нимъ мелкую, но настойчивую и упорную партизанскую войну. Четвертые, наконецъ, видятъ въ нихъ ассоціацію наслѣдственныхъ разбойниковъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе занимающихся грабежомъ и убійствомъ, какъ постоянной профессіей.

При крайне маломъ знакомствѣ нашемъ съ хунъ-хузами и при отсутствіи точныхъ данныхъ на этотъ счетъ, нѣтъ, однако, возможности принять за истинное и непреложное какое-либо изъ приведенныхъ выше мнѣній по этому вопросу, въ сущности, крайне неясному, запутанному и мало изслѣдованному.

Нѣкоторые факты и соображенія приводятъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ условіями мѣстной жизни, къ убѣжденію, что всѣ три (и даже четыре) взгляда, изложенные выше, не совсѣмъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности и отличаются крайностями, едва-ли находящими себѣ подтвержденіе въ фактахъ, извѣстныхъ серьезнымъ изслѣдователямъ этого явленія.

Прежде всего—и съ этимъ нельзя не согласится—нѣтъ никакого основанія подводить подъ категорію хунъ-хузовъ всѣхъ безпаспортныхъ манзъ, обитающихъ въ краѣ. Безпаспортные манзы—люди сами по

себѣ вполнѣ благонадежные. Контингентъ ихъ составляютъ почти исключительно либо нищіе, у которыхъ нѣтъ средствъ платить довольно высокіе сборы, сопряженные съ операціей взятія паспорта, либо-же люди, уклоняющіеся отъ этого по чисто фискальнымъ соображеніямъ. Но и съ этой стороны ихъ едва ли можно строго судить: у себя на родинѣ китайцы вовсе не знаютъ паспортовъ, да и въ нашъ край они долгое время безпрепятственно входили безъ всякихъ документовъ. предъявленіе которыхъ установлено только тринадцать лѣтъ тому назадъ. Къ тому-же всѣмъ, кто жилъ въ краѣ и видѣлъ хунъ-хузовъ, извѣстно, что у каждаго изъ нихъ приготовлено „про всякій случай“ не только по одному, но даже по нѣсколько паспортовъ.

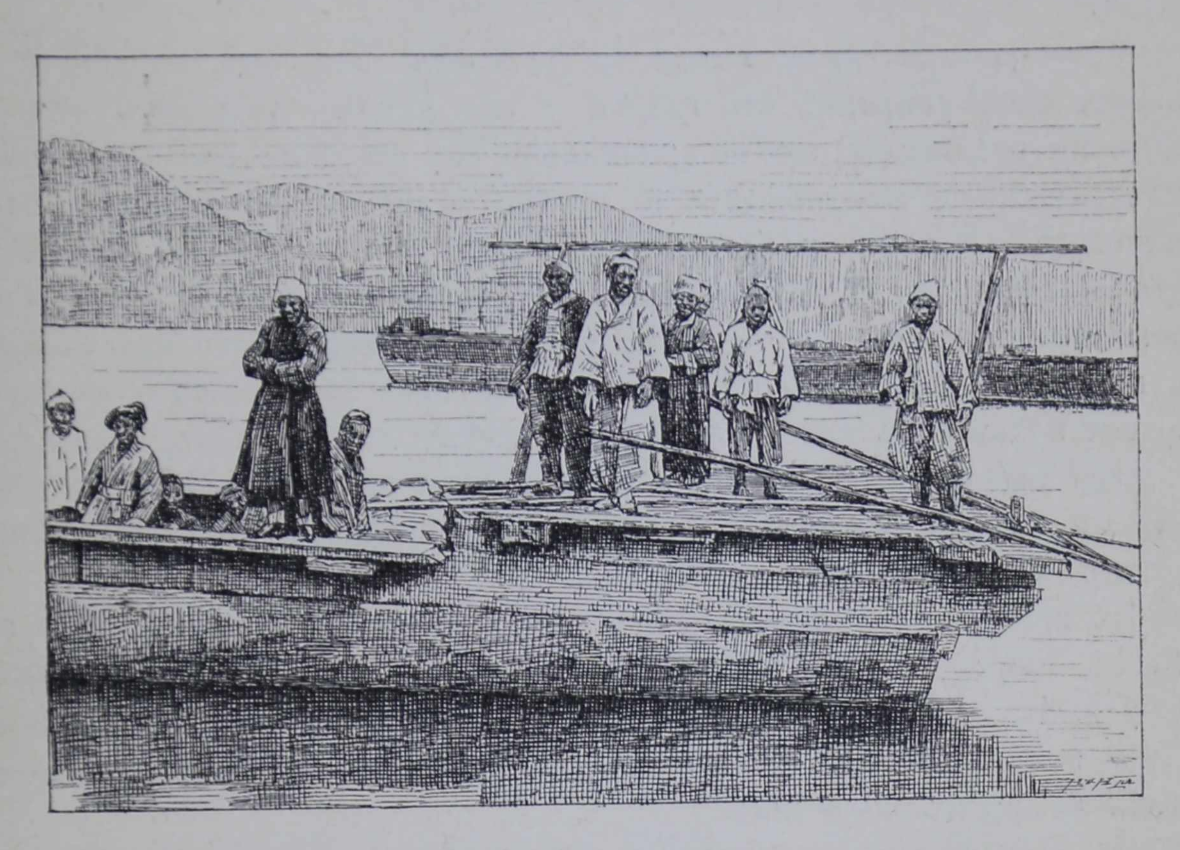
Серьезное возраженіе вызываютъ также остальныя предположенія. Сторонники ихъ, помимо того, что видятъ въ хунъ-хузахъ подобіе какой-то политической ассоціаціи, склонны также видѣть въ нихъ наслѣдственныхъ разбойниковъ. вѣками занимавшихся разбоемъ, какъ профессіей и ремесломъ, что даже, по ихъ утвержденію. отражается на ихъ внѣшности: хунъ-хузы. будто-бы, обладаютъ болѣе нѣжными и маленькими руками, чѣмъ другіе китайцы, по сравненію съ которыми они кажутся аристократами и т. п.

Трудно сказать, такъ-ли это на самомъ дѣлѣ. Мнѣ лично въ теченіи трехъ лѣтъ неоднократно приходилось видѣть не одинъ десятокъ пойманныхъ хунъ-хузовъ, и мнѣ они, напротивъ, казались болѣе мускулистыми, здоровыми. сильными, болѣе загрубѣлыми по сравненію съ прочими китайцами. что, конечно, вполнѣ естественно, если принять во вниманіе, что они дышутъ вольнымъ воздухомъ тайги и. въ общемъ, питаются значительно лучше своихъ мирныхъ соотечественниковъ. Извѣстно, далѣе, всякому, кому приходилось слѣдить за хроникой подвиговъ этихъ смѣлыхъ до дерзости людей, что ихъ преступная дѣятельность направлена, *главнымъ образомъ*, противъ ихъ соплеменниковъ и другихъ инородцевъ, населяющихъ край (гольдовъ. орочоновъ, корейцевъ) и весьма рѣдко. сравнительно, приходится слышать объ ихъ нападеніи на русскихъ.

Если принять въ соображеніе это обстоятельство, то становится вполнѣ яснымъ, что предположеніе, приписывающее хунъ-хузамъ какую-то политическую роль, направленную притомъ именно противъ русскихъ, — не находитъ себѣ опоры въ фактахъ дѣйствительности. Подтвержденіе этому бытописатель Уссурійскаго края находитъ въ многочисленныхъ фактахъ разбойничьихъ продѣлокъ за предѣлами Уссурійскаго края, въ Маньчжуріи, что было бы совершенно необъ-

яснимо, если допустить, что хунъ-хузы преслѣдуютъ какія-то анти-русскія цѣли.

Лѣто 1893 года было, напримѣръ, особенно памятно маньчжурскимъ властямъ. Не говоря уже о похищеніи многочисленнхъ заложниковъ и ограбленіи путешественниковъ. хунъ-хузы простерли тамъ свою дерзость до того, что отобрали оружіе у маньчжурскаго военнаго отряда въ двадцать пять человѣкъ, возвращавшагося изъ Гириня въ пограничный съ нашимъ краемъ китайскій городъ Хунь-Чунь, а въ Нингутайскомъ округѣ шайка въ сорокъ человѣкъ разбила на голову

Манзовская шаланда.

китайскій отрядъ въ 50 человѣкъ. причемъ около десяти солдатъ и самъ начальникъ отряда были убиты, а изъ хунъ-хузовъ не былъ убитъ ни одинъ. Въ іюнѣ того-же года они разграбили китайскій городъ О-дун-ченъ. Такимъ образомъ, какъ видятъ читатели, хунъ-хузы даютъ даже правильныя сраженія китайскимъ властямъ и грабятъ своихъ-же мирныхъ соплеменниковъ, уводя ихъ въ плѣнъ въ качествѣ заложниковъ.

Въ предѣлахъ Уссурійскаго края русскіе, вообще говоря, мало страдаютъ отъ хунъ-хузовъ по сравненію съ манзами и корейцами. Съ послѣдними за то они совсѣмъ не церемонятся. Считая ихъ, по-

добно всѣмъ китайцамъ, людьми низшей расы, они не даютъ себѣ даже труда уводить ихъ въ плѣнъ, съ цѣлью получить впослѣдствіи выкупъ за нихъ и, большей частью, убиваютъ ихъ на мѣстѣ.

Совсѣмъ иначе поступаютъ они съ своими одноплеменниками—манзами.

По отношенію къ нимъ, насколько объ этомъ можно судить по многочисленнымъ случаямъ, имѣвшимъ мѣсто за время моего пребыванія въ краѣ, они дѣйствуютъ съ очень тонкимъ разсчетомъ, обличающимъ въ нихъ большую дозу хитрости и дипломатическаго такта.

Манза-рабочій, кули, нищій застрахованъ отъ ихъ нападенія и можетъ быть увѣренъ, что гдѣ-бы и при какихъ условіяхъ онъ съ ними ни встрѣтился, они не причиняютъ ему никакого вреда. Не такъ поступаютъ они по отношенію къ своимъ болѣе состоятельнымъ соплеменникамъ. Заранѣе намѣтивъ какую-либо жертву, собравъ надлежащія справки о ея состоятельности, они, чрезъ посредство своихъ многочисленныхъ агентовъ, облагаютъ его извѣстною ежегодною данью, а, въ случаѣ сопротивленія данника, они безъ дальнѣйшихъ околичностей похищаютъ его и держатъ въ плѣну до тѣхъ поръ, пока подъ угрозой смерти не вынудятъ у него обязательства уплатить за себя выкупъ, а также обязательства и впредь ежегодно въ извѣстные сроки платить устанавливаемую ими дань.

Къ кровавымъ расправамъ они прибѣгаютъ очень рѣдко: либо въ случаѣ доноса на нихъ, либо-же въ случаѣ личныхъ счетовъ съ кѣмъ-нибудь. Въ этомъ случаѣ, особенно въ первомъ, — они безпощадны: ножъ, пуля, висѣлица, поджогъ — все пускается въ ходъ для того, чтобы отомстить доносчику.

Пустынность, малолюдность и малоизслѣдованность края являются для хунъ-хузовъ прочной защитой отъ стрѣлъ правосудія и дѣлаютъ ихъ похожденія почти совершенно безнаказанными. А это, само собою разумѣется, вселяетъ такой страхъ къ нимъ въ мирныхъ китайцахъ, что тѣ лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ рѣшаются доносить на нихъ русскимъ властямъ. Въ этомъ—одна изъ серьезныхъ причинъ малоуспѣшности нашей борьбы съ этимъ зломъ, нарушающимъ мирное теченіе жизни въ краѣ. Кому неизвѣстно, напримѣръ, что огромное большинство китайскихъ торговцевъ платитъ крупные налоги хунъ-хузамъ, скрывающимся частью даже на ближайшихъ островахъ, въ непроходимой тайгѣ, частью въ самомъ городѣ Владивостокѣ. А, между тѣмъ, спросите любого китайца объ этомъ, и онъ состроитъ такую

невинную физіономію, какъ будто о самомъ существованіи хунъ-хузовъ никогда не слыхалъ.

Точно также упорные толки и слухи, циркулирующіе въ краѣ, называютъ не мало именъ манзъ, похищаемыхъ хунъ-хузами, и, тѣмъ не менѣе, никто изъ нихъ, даже самъ похищенный, не рѣшится сознаться въ этомъ, изъ боязни свидѣтельствовать противъ хунъхузовъ: такъ великъ страхъ, внушаемый ими къ себѣ.

Благодаря такому положенію вещей неудивительно, что подобные случаи всплываютъ крайне рѣдко. Кромѣ факта похищенія Хе-ми, я помню еще лишь 2—3 случая похищенія, хотя далеко не рѣшусь утверждать, что ихъ больше не было.

Помню послѣдній случай. Это было за нѣсколько мѣсяцевъ до моего отъѣзда изъ края, приблизительно около половины лѣта. Въ шесть часовъ дня четыре хунъ-хуза напали на китайскаго рядчика Хина, связали его, завязали глаза, закрыли ротъ, положили на спину въ лодку и среди бѣла дня увезли его изъ Владивостока. Пять дней возили его хунъ-хузы, имѣя, должно быть, въ виду запутать дорогу и скрыть свои слѣды. Привезя его, наконецъ, въ свое логовище, они потребовали у него выкупъ въ размѣрѣ 5000 р., давая ему нѣсколько дней срока и угрожая, въ противномъ случаѣ, лишить его жизни.

Послѣ продолжительнаго и упорнаго торга обѣ стороны покончили на 1000 рубляхъ. Хинъ подписалъ письмо, доставленное шлюбочникомъ во Владивостокъ, и спустя нѣсколько дней онъ возвратился обратно, пробывъ въ рукахъ хунъ-хузовъ больше трехъ недѣль. Продолжительнаго отсутствія его нельзя было почему-то скрыть, и случай этотъ, помимо его воли, конечно, сдѣлался извѣстнымъ властямъ; тѣмъ не менѣе, Хинъ не рѣшился, изъ боязни хунъ-хузовъ, сообщить не только своихъ догадокъ о мѣстности, въ которую онъ былъ увезенъ, но даже отказался сообщить имя того лица, которое выручило его изъ бѣды, ссудивъ ему нужную для уплаты хунъ-хузамъ сумму.

Страхъ мести служитъ, конечно, для хунъ-хузовъ лучшей гарантіей безопасности, хотя они въ то-же время стараются не доводить китайцевъ до раздраженія кровавыми расправами. Насколько силенъ въ китайцахъ страхъ къ нимъ, можно судить по слѣдующему случаю, сообщенному въ мѣстной газетѣ изъ сосѣдней Маньчжуріи.

Въ долинѣ р. Хуньчунки маньчжурскіе солдаты напали однажды на шайку хунъ-хузовъ въ 8 человѣкъ, ночевавшую въ деревенькѣ, состоявшей изъ пяти-шести фанзъ и успѣли поймать одного хунъ-хуза, котораго тотчасъ-же увели въ Хунь-чунь на судъ къ китайскому фудутуну.

Вскорѣ послѣ ухода военнаго отряда, остальные хунъ-хузы, скрывшіеся на время въ ближайшихъ заросляхъ, возвратились въ недавно оставленный ими хуторокъ и потребовали отъ обывателей-манзъ, чтобы тѣ выручили ихъ товарища, иначе они уничтожатъ дотла всѣ ихъ фанзы. Что оставалось дѣлать беззащитнымъ жителямъ!.. Волей-неволей отправили они въ Хунь-Чунь двухъ самыхъ уважаемыхъ стариковъ-домохозяевъ, и тѣ, прійдя въ „ямынь" (управленіе фудутуна) заявили, что арестованный „вовсе не хунъ-хузъ, а хорошій человѣкъ, и что они ручаются за него, какъ за самихъ себя"... Ихъ допрашивали, и даже—по-китайскому обычаю—*пытали*, но они продолжали утверждать свое и добились таки того, что хунъ-хуза освободили...

Это характерное происшествіе указываетъ, между прочимъ, на то, съ какой осторожностью нужно относиться къ показаніямъ манзъ въ дѣлѣ, въ которомъ замѣшаны хунъ-хузы, и съ какими трудностями приходится имѣть дѣло властямъ въ борьбѣ съ этимъ зломъ.

Итакъ, какъ видятъ читатели, хунъ-хузъ, въ сущности, тотъ-же разбойникъ и грабитель (но не убійца по профессіи), съ той лишь особенностью, вопервыхъ, что преступная дѣятельность его направлена только противъ одной части населенія, почти не касаясь другой, и именно—русскихъ, и, во-вторыхъ, какъ остроумно выразился одинъ изъ мѣстныхъ органовъ, что для обыкновеннаго преступника „жертва имѣетъ только наличную цѣнность,—цѣнность шкуры у звѣря, больше которой снять съ него нечего", для хунъ-хуза же жертва, захваченная имъ въ плѣнъ, является только „квитанціей на полученіе изъ банка извѣстнаго куша, выдача котораго зависитъ отъ сохранности самой квитанціи и возращенія ея по принадлежности"...

Дѣйствуютъ хунъ-хузы обыкновенно сообща и, повидимому, хорошо организованными и тѣсно сплоченными шайками, работающими дружно, какъ одинъ человѣкъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: кромѣ того, что ихъ соединяютъ между собой общія опасности и общіе интересы, ихъ сплоченность находитъ себѣ объясненіе и въ обычаяхъ Китайцевъ, главнымъ образомъ, въ столь распространенномъ среди манзъ обычаѣ „кады", т.-е. побратимствѣ. Есть даже основаніе думать, что и всѣ отдѣльныя шайки связаны между собою какими-то обязательствами. По крайней мѣрѣ, бывали случаи, что если по чьему-либо доносу удавалось изловить всѣхъ членовъ одной какой-нибудь шайки, то прочія уже изъ принципа тѣмъ или инымъ путемъ расправлялись съ доносчиками.

Эта организація дѣлаетъ хунъ-хузовъ страшно сильными и опасными въ глазахъ мирныхъ китайцевъ, которые, такимъ образомъ, по-неволѣ стараются жить съ ними въ ладу, даютъ имъ пристанище, пищу и даже укрываютъ ихъ, доставляя имъ нужныя свѣдѣнія, и даже чуть-ли не рѣшаются быть ихъ агентами!.. Понятно послѣ этого, почему въ глазахъ манзъ — сужу объ этомъ по личнымъ впечатлѣніямъ — хунъ-хузъ — это какое-то почти сверхъестественное существо, неуязвимое, всевѣдущее, вездѣсущее („ничего отъ него склойся нѣту“!), всемогущее („его все мози“!) и даже не боящееся смерти!..

Хунъ-хузъ, въ глазахъ манзы окруженъ какимъ-то ореоломъ. Равнодушный, индифферентный даже къ своимъ многочисленнымъ богамъ,— манза, тѣмъ не менѣе, трепещетъ предъ нимъ, какъ предъ божествомъ; хунъ-хузъ—въ его представленіи—это самъ духъ зла.

Но что касается русскаго населенія, то, насколько позволяютъ объ этомъ судить наиболѣе тщательныя изслѣдованія и опытъ протекшихъ тридцати шести лѣтъ, ему почти никогда, за весьма рѣдкими исключеніями, не приходится терпѣть отъ насилій хунъ-хузовъ, проявляющихъ свою силу только надъ китайцами и корейцами. Извѣстно даже, что безстрашные во всѣхъ отношеніяхъ, держащіе въ страхѣ цѣлые манзовскіе округа, хунъ-хузы боятся, или, по крайней мѣрѣ, избѣгаютъ столкновеній съ русскими и нападеній на нихъ. Объясняется это, быть можетъ, тѣмъ, что русскій всегда вооруженъ и, слѣдовательно, всегда можетъ дать имъ серьезный отпоръ, а отчасти, быть можетъ, и боязнью, что насиліе надъ русскимъ грозитъ вызвать сильную репрессію со стороны властей, послѣ чего положеніе хунъ-хузовъ можетъ сдѣлаться весьма тревожнымъ и небезопаснымъ.

До чего доходитъ боязнь къ русскимъ или осторожность хунъ-хузовъ, доказываетъ слѣдующій примѣръ, который казался-бы просто невѣроятнымъ, если-бы я подтвержденія его не слышалъ неоднократно изъ источниковъ, на достовѣрность которыхъ вполнѣ могу положиться.

Оказывается, что стоитъ только одному русскому появиться гдѣ-нибудь (напримѣръ, въ дорогѣ) въ обществѣ китайцевъ, и опасность нападенія хунъ-хузовъ становится уже почти невѣроятной.

Мнѣ извѣстенъ, напримѣръ, такой случай. У одного желѣзнодорожнаго подрядчика работала въ тайгѣ, вдали отъ поселеній, большая артель манзъ. Совсѣмъ одолѣли ихъ хунъ-хузы; цѣлыми шайками въ нѣсколько десятковъ человѣкъ являлись они сюда по ночамъ, требовали корма, играли въ „банку“, пили сулею и ханшинъ, и манзы никакъ отъ нихъ отдѣлаться не могли. Тогда подрядчику пришла въ

голову остроумная мысль перерядить одного изъ своихъ десятниковъ въ полицейскую форму и поручить ему охрану манзовскихъ фанзъ. И что-же?—Съ момента появленія въ фанзахъ переодѣтаго полицейскаго хунъ-хузы исчезли, точно въ воду канули.

Случаевъ-же похищенія русскихъ хунъ-хузами край вовсе не знаетъ.

Хроника мѣстной жизни богата, правда, фактами кровавой расправы съ русскими,—но по ближайшемъ изслѣдованіи ихъ оказывалось, что либо эти печальные случаи неправильно приписываются хунъ-хузамъ, и виновниками ихъ являются, на самомъ дѣлѣ, обыкновенные манзы—рабочіе или поселенцы, ссыльно-каторжные, либо-же — и это чаще всего—такія расправы совершались хунъ-хузами изъ мести, вслѣдствіе личнаго озлобленія. Лишь очень рѣдко убійства совершались хунъ-хузами изъ-за оружія, которое необходимо имъ для самозащиты.

Въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ извѣстны, кажется, всего два случая, когда хунъ-хузы, доведенные до отчаянія систематическимъ преслѣдованіемъ ихъ охотничьими командами, и нуждаясь въ отраженіи ихъ нападеній равнымъ оружіемъ рѣшались нападать съ этой цѣлью.

Послѣдній и наиболѣе дерзкій случай нападенія, приписываемый хунъ-хузамъ, имѣлъ мѣсто года два тому назадъ, — и именно въ концѣ 1894 года.

Въ началѣ сентября позапрошлаго года во Владивостокѣ получена была телеграмма съ желѣзнодорожной станціи Муравьевъ - Амурскій, съ просьбой отъ имени окрестнаго населенія, въ виду начавшихся разбоевъ (передъ этимъ было вырѣзано нѣсколько китайскихъ и корейскихъ фанзъ), сдѣлать распоряженіе о присылкѣ вооруженнаго отряда, такъ какъ рабочіе-китайцы отъ страха начинаютъ уже бросать работы по сооруженію желѣзнодорожнаго полотна. Не успѣли, однако, сдѣлать надлежащихъ распоряженій, какъ оттуда-же пришло по телеграфу новое извѣстіе, что въ ночь послѣ отправленія первой телеграммы шайкою вооруженныхъ китайцевъ, состоявшей изъ 40 пѣшихъ и 12 конныхъ человѣкъ, сдѣлано было вооруженное нападеніе на находившійся тамъ магазинъ одной владивостокской фирмы, причемъ произошло форменное сраженіе, въ которомъ 6 китайцевъ было убито, 1 взятъ въ плѣнъ и 1 изъ русскихъ раненъ.

Китайцы разграбили магазинъ и *захватили въ немъ все оружіе и четыре тысячи патроновъ*. Во время нападенія женщины и дѣти укрылись въ телеграфную контору, все-же наличное мужское населеніе примкнуло къ ротмистру г. Латернеру и жандармамъ, отражавшимъ нападеніе хунъ-хузовъ.

Оттуда же и въ тотъ-же день вечеромъ получена была во Владивостокѣ вторая телеграмма, въ которой сообщалось уже о дневномъ нападенiи 38 вооруженныхъ китайцевъ на станъ манзъ, работавшихъ у рядчика Колышкина. „Работы", гласила телеграмма, „брошены; люди находятся въ паникѣ; семьи служащихъ и инженеровъ перебрались въ телеграфный домъ".

Русскаго населенiя—по тѣмъ-же свѣдѣнiѣмъ—хунъ-хузы, однако-же, не тронули, а добывъ нужное имъ оружiе и расправившись съ манзами, работавшими у Колышкина, съ которыми у нихъ были какiе-то личные счеты, они отправились дальше по направленiю къ р. Уссури, убивъ по дорогѣ нѣсколько китайцевъ, заподозрѣнныхъ ими въ доносѣ, причемъ, по обычаю хунъ-хузовъ, каждый убiйца сдѣлалъ собственноручную рану на трупахъ убитыхъ.

Таковы краткiя, но не нуждающiяся въ комментарiяхъ свѣдѣнiя, которыя жители Владивостока читали въ одной изъ мѣстныхъ газетъ. Читаешь—и диву даешься: словно рѣчь идетъ о настоящемъ сраженiи.

Болѣе подробныя свѣдѣнiя, которыя получены были позже съ театра военныхъ дѣйствiй, значительно ослабили впечатлѣнiе, произведенное этими лаконическими телеграммами и, какъ оказалось, этотъ инцидентъ далеко не сопровождался тѣми ужасающими подробностями, о какихъ гласили телеграммы, значительно преувеличивавшiя дѣйствительное положенiе дѣла. Остался, повидимому, рѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ, что участниками въ этомъ нападенiи были именно—хунъ-хузы.

Но насколько теменъ и невыясненъ еще вопросъ о хунъ-хузахъ, видно изъ того, что люди, хорошо знающiе край, даже послѣ описаннаго случая продолжали утверждать, что хунъ-хузы никогда не нападаютъ на мирное русское населенiе съ цѣлью-ли грабежа или убiйства.

— Чѣмъ-же, однако, объясняется та дурная и жестокая слава, которою пользуется хунъ-хузъ во мнѣнiи мѣстныхъ обывателей-русскихъ?—спросилъ я у нихъ.

Старожилы объяснили мнѣ это слѣдующимъ образомъ.

— Въ краѣ,—говорили они,—слишкомъ много дурныхъ элементовъ и помимо хунъ-хузовъ: достаточно уже однихъ поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ. Лишенные возможности добывать себѣ пропитанiе законными путями, они, волей-неволей, должны прибѣгать къ нелегальнымъ прiемамъ. При трудности разслѣдованiя преступленiй, совершающихся здѣсь, и при маломъ знакомствѣ съ обычаями хунъ-хузовъ, а также

въ виду извѣстности всѣмъ и каждому о томъ паническомъ страхѣ, который они наводятъ на своихъ соплеменниковъ угрозою мести (къ слову сказать, рѣдко приводимой ими въ исполненіе)—во всѣхъ преступленіяхъ, совершающихся въ краѣ, какъ-бы сами собой напрашиваются обвиненія противъ хунъ-хузовъ. На самомъ дѣлѣ, это не такъ, что и доказывается тщательными разслѣдованіями, и виновниками всѣхъ подобныхъ убійствъ русскихъ являются не хунъ-хузы. Люди затѣмъ, вообще склонны къ преувеличеніямъ, быть можетъ, безсознательнымъ, особенно въ такомъ дѣлѣ, которое неясно, темно, неизвѣстно. Послушать нашихъ обывателей,—можно подумать, что Уссурійскій край это какой-то вражескій станъ, въ которомъ русскому человѣку грозитъ ежеминутная опасность потерять свою жизнь. Это, конечно, не больше, какъ гипербола. На самомъ дѣлѣ, здѣсь не Сицилія и не Корсика съ ихъ бандитами, ущельями, горами, трущобами и смертельными схватками. Край достаточно вооруженъ, русская власть пользуется достаточнымъ престижемъ, опасность репрессіи съ ея стороны слишкомъ сильна и велика для того, чтобы сдѣлать здѣсь пребываніе русскаго спокойнымъ и безопаснымъ отъ нападенія инородцевъ.

— Я прожилъ двадцать лѣтъ въ краѣ, —добавилъ одинъ изъ собесѣдниковъ,—и могу категорически утверждать, что хунъ-хузъ не осмѣливается тронуть даже волоска на головѣ русскаго. Бывали, правда, случаи и у насъ, но ихъ, во-первыхъ, было такъ мало, что они отнюдь не даютъ права дѣлать поспѣшныя заключенія и, во-вторыхъ, это были не случаи разбоя и грабежа, а случаи личной мести. А что стоустая молва говоритъ о многочисленныхъ случаяхъ дерзкихъ нападеній хунъ-хузовъ на русскихъ, такъ вѣрьте нашему знанію края, 50% изъ нихъ — дѣло рукъ не хунъ-хузовъ, а другіе 50% — плодъ обывательскаго воображенія или, еще хуже, завѣдомая выдумка людей, преслѣдующихъ свои личныя цѣли и имѣющихъ выгоду въ распространеніи такихъ слуховъ и поддержаніи обывательскихъ нервовъ въ постоянномъ напряженіи.

— Вообще я долженъ вамъ сказать, — вмѣшался опять въ разговоръ первый собесѣдникъ. — не вѣрьте вы „бывалымъ“ людямъ, О! они чего не наскажутъ. Отраженія, нападенія, схватки, убійства,— такъ и сыплютъ этими словами. Но мой совѣтъ—будьте осторожны къ ихъ показаніямъ: все это не болѣе, какъ „достовѣрные лжесвидѣтели“. Лѣтъ восемнадцать тому назадъ у насъ былъ такой случай. Одинъ телеграфистъ организовалъ добровольный отрядъ для преслѣдованія

хунъ-хузовъ. Дѣйствительно, онъ показалъ чудеса храбрости на этомъ поприщѣ. Слухи о его подвигахъ распространились по всему краю. Обыватели ликовали. Что-же, однако, оказалось впослѣдствіи? Оказалось... оказалось, что во главѣ своего отряда онъ великолѣпно и чрезвычайно удачно искоренилъ всѣхъ своихъ кредиторовъ-китайцевъ, до послѣдняго... Да что залѣзать въ старину! Еще-надняхъ такой случай былъ. Помните, какъ одинъ подрядчикъ такимъ-же самымъ манеромъ не менѣе удачно искоренилъ, т.-е. въ данномъ случаѣ разогналъ вооруженною силой всѣхъ своихъ манзъ-рабочихъ, которымъ онъ былъ долженъ не мало за работы, распустивъ предварительно слухъ о томъ, что хунъ-хузы („цѣлыя шайки!") просто дышать не даютъ имъ своими поборами. Да мало-ли такихъ случаевъ было.

— Вы оба какъ будто защищаете хунъ-хузовъ?—замѣтилъ я.

— Нѣтъ, не защищаемъ, — сурово отвѣтили мнѣ мои собесѣдники,—а только желаемъ быть къ нимъ справедливыми. Зачѣмъ-же, въ самомъ дѣлѣ, валить на нихъ то, въ чемъ они совсѣмъ не повинны. Довольно съ нихъ и ихъ истинной вины.

Какъ бы то ни было, правы или неправы мои собесѣдники, жизнь на окраинѣ не становится отъ того привлекательнѣй. Нервы обывателей въ достаточной степени расшатываются подъ вліяніемъ однихъ только слуховъ, и воображеніе рисуетъ имъ слишкомъ мрачныя и зловѣщія картины, не всегда основанныя на фактахъ дѣйствительности *).

Умы не однихъ только обывателей, но и людей, занятыхъ серьезнымъ изученіемъ столь наболѣвшаго въ краѣ вопроса о хунъ-хузахъ, до сихъ поръ еще темнаго и не разъясненнаго, заняты вопросомъ о томъ, что такое, собственно говоря, представляютъ собою хунъ-хузы: „наслѣдственную ассоціацію", либо же кадры ихъ формируются изъ среды обыкновенныхъ китайцевъ.

Въ настоящее время есть много основаній отвергнуть первое предположеніе.

Два обстоятельства, притомъ-же, даютъ, повидимому, опору для другого, противоположнаго рѣшенія этого вопроса. Замѣчено, напри-

*) Такъ, напримѣръ, въ телеграммѣ, оповѣщавшей о нападеніи шайки хунъ-хузовъ, было, между прочимъ, категорически сообщено, что хунъ-хузы были одѣты въ военное (маньчжурское) платье и явились со знаменами въ рукахъ. Впослѣдствіи оказалось, что первое извѣстіе вовсе не оправдалось, а второе—также было сильно раздуто: найдены, въ дѣйствительности, лишь два клочка матеріи, изъ которыхъ на одномъ было написано по-китайски: „долой богатыхъ" (обычный девизъ хунъ-хузовъ), а на другомъ: „да будетъ успѣхъ нашему предпріятію".

мѣръ, что количество похищеній, нападеній и вообще преступленій хунъ-хузовъ и самая численность ихъ въ краѣ находится въ прямой зависимоисти отъ наплыва манзъ въ нашу окраину. Чѣмъ больше манзъ пріѣзжаетъ сюда на лѣтнія работы, чѣмъ больше падаютъ цѣны на манзовскій трудъ, чѣмъ сильнѣе безработица среди манзъ,—тѣмъ больше хунъ-хузовъ, тѣмъ чаще случаи ихъ дерзкихъ преступленій.

Съ другой стороны замѣчено также, что увеличеніе численности хунъ-хузовъ въ Уссурійскомъ краѣ всегда совпадаетъ съ случаями бѣгства солдатъ изъ китайскихъ „лянцзъ", расположенныхъ въ сосѣдней Маньчжуріи. Г. Мосинъ (секретарь и переводчикъ при пограничномъ комиссарѣ) категорически утверждаетъ, даже что всякій китайскій солдатъ (изъ служащихъ въ Маньчжуріи), уволившійся или бѣжавшій изъ лянцзы, почти непремѣнно дѣлается хунъ-хузомъ, причемъ, уходя, оставляетъ тамъ побратимовъ, чрезъ посредство которыхъ хунъ-хузы всегда получаютъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія о готовящихся противъ нихъ поискахъ и своевременно принимаютъ мѣры, чтобы одурачить высланный противъ нихъ китайскій отрядъ. Еще не было примѣра, чтобы такой отрядъ словилъ шайку хунъ-хузовъ.

Нужно добавить при этомъ, что дезертирство солдатъ въ Маньчжуріи (иногда цѣлыми лянцзами!) — обычное тамъ явленіе, и причина этого кроется какъ въ общемъ строѣ маньчжурской жизни: взяточничествѣ офицеровъ, держащихъ своихъ солдатъ вѣчно впроголодь, суровости дисциплины, грозящей за самое маловажное нарушеніе жестокими наказаніями (пыткой, казнями, сажаньемъ на колъ), деморализующемъ вліяніи развращеннаго манчжурскаго чиновничества и офицерства, подкупнаго и продажнаго,—такъ и въ спеціальныхъ условіяхъ службы китайскаго солдата: его голодовкѣ, безденежьи и т. п. Жизнь хунъхуза является для него раемъ по сравненію съ той каторгой, которую ему приходится переносить въ лянцзѣ, не будучи, притомъ увѣреннымъ въ каждомъ днѣ своего существованія.

Если прибавить къ этимъ двумъ категоріямъ людей, пополняющихъ собою кадры хунъ-хузовъ, еще значительный контингентъ лицъ, преступныхъ по своимъ наклонностямъ, лицъ, бѣжавшихъ изъ Маньчжуріи отъ незаслуженныхъ суровыхъ каръ и царящаго тамъ произвола и, наконецъ, лицъ, скрывающихся отъ правосудія за дѣйствительныя, а не мнимыя вины,—то источники, питающіе собой и постепенно пополняющіе естественно или насильственно убывающіе ряды хунъхузовъ, являются вполнѣ очевидными.

Не менѣе ясны и причины, толкающія китайцевъ на этотъ опасный

путь, и тѣ факторы, подъ вліяніемъ которыхъ китайское населеніе и сосѣдняя Маньчжурія выдѣляютъ изъ своей среды хунъ-хузовъ и выбрасываютъ ихъ на нашу окраину. Голодъ, нужда—съ одной стороны, произволъ, суровая дисциплина и полная деморализація — съ другой, суровость, поборы, недостатки китайскаго правосудія, чрезвычайная строгость господствующей тамъ системы наказаній—съ третьей,—вотъ тѣ коренныя причины, которыя порождаютъ хунъ-хузовъ, доставляющихъ намъ столько возни и безпокойныхъ ночей.

И до тѣхъ поръ, пока у насъ подъ бокомъ будетъ существовать этотъ никогда не потухающій очагъ разбойничьей заразы, всѣ наши усилія окончательно отдѣлаться отъ хунъ-хузовъ едва-ли приведутъ къ желательной цѣли.

Очевидно, такимъ образомъ, что наша борьба съ этимъ зломъ не должна и не можетъ ограничиваться однимъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ на хунъ-хузскія шайки, а должна вестись двояко: во-первыхъ, путемъ непосредственнаго давленія на хунъ-хузовъ (что и дѣлается теперь), но гораздо болѣе успѣшныхъ результатовъ можно было-бы добиться, если-бы дѣйствовать на это зло окольнымъ, хотя и медленнымъ, но за то болѣе вѣрнымъ путемъ,—путемъ давленія на нашу сосѣдку Маньчжурію въ смыслѣ измѣненія ея строя, смягченія ея законовъ, уничтоженія ея наказаній, мѣръ къ улучшенію ея нравовъ и мѣръ, содѣйствующихъ подъему ея экономическаго благосостоянія, очищенію ея дряхлой административной машины отъ всѣхъ тѣхъ недостатковъ, которые такъ хорошо извѣстны, и которые порождаютъ для насъ столь нежелательные результаты.

Обновленіе Китая, или, по меньшей мѣрѣ, Маньчжуріи, соотвѣтственныя реформы всего ея строя сослужили-бы намъ великую службу въ борьбѣ съ хунъ-хузами.

До тѣхъ-же поръ, пока не будутъ устранены общія причины, порождающія это зло, всѣ наши усилія будутъ безплодны, безполезны, не взирая на то, что по отношенію къ преступникамъ этого рода у насъ примѣняются высшія наказанія: военно-полевой судъ и смертная казнь, а въ Маньчжуріи—пытки и казни. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить уже тридцатипятилѣтній опытъ нашей безрезультатной борьбы съ этимъ зломъ, являющійся вполнѣ вѣскимъ для того, чтобы признать практикуемыя нынѣ и нами и китайцами мѣры борьбы съ нимъ не ведущими къ цѣли. Дѣло, какъ мы видѣли, собственно говоря, не въ хунъ-хузахъ и не въ нихъ здѣсь вся сила! Не съ ними, какъ мы видѣли, слѣдуетъ вести упорную и систематическую войну,

а съ тѣми общими условіями, которыя порождаютъ это печальное явленіе. Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи пока еще ничего не сдѣлано; напротивъ того, мы не только не стремимся воздѣйствовать на Китай, но даже допускаемъ китайскихъ чиновниковъ расправляться по своему съ хунъ-хузами, дѣйствительными или мнимыми, на территоріи Уссурійской окраины... Благодаря этому, на нашей окраинѣ разыгрываются иногда удивительныя сцены. Вотъ что разсказываетъ, напримѣръ, одинъ туристъ, которому недавно пришлось проѣзжать на русскомъ пароходѣ по р. Уссури:

„Теплый ясный день. Я сижу за столомъ и закусываю съ пріятелемъ. Такъ все мирно, хорошо. На р. Уссури послѣ недавней бури наступило затишье... Вдругъ раздаются странные, неслыханные звуки трубъ. Мы выскочили изъ-за стола и бросились вонъ изъ комнаты. Передъ нами оригинальная картина. Прямо къ нашему берегу несется пароходъ „Ингода", а за нимъ на буксирѣ двѣ манзовскія шхуны. На всѣхъ трехъ судахъ множество народа. На пароходѣ на мостикѣ стоятъ русскіе офицеры. Одинъ изъ нихъ въ ярко-зеленомъ костюмѣ. На палубѣ китайцы и русскіе. На первой шхунѣ тѣснятся китайскіе солдаты въ синихъ курткахъ, въ черныхъ штанахъ и съ черными повязками на головахъ. У нѣкоторыхъ въ рукахъ ружья. На носу стоятъ два китайскихъ солдата и трубятъ въ длинныя трубы. Они издаютъ только три ноты (до-соль-до), но въ ихъ сочетаніи есть что-то торжественное и страшное. Говорятъ, что этотъ мотивъ они обыкновенно играютъ при казни. Мирная картина вдругъ нарушена приходомъ страшнаго судьи—китайскаго офицера. Невольно всѣ манзы задрожали при этихъ звукахъ. Страшный генералъ (такъ его величаютъ, хотя онъ въ чинѣ полковника) переберетъ всю публику съ косами, произведетъ самый тщательный осмотръ ихъ паспортовъ и выдѣлитъ изъ нихъ всѣхъ хунъ-хузовъ, чтобы казнить отсѣченьемъ головы...

„На другой шхунѣ стояли русскіе солдаты. У нѣкоторыхъ зеленыя рубахи и зеленыя шапки подъ цвѣтъ травы, чтобы удобно было скрываться въ кустахъ отъ хунъ-хузскихъ выстрѣловъ. Между ними торчатъ ружья со штыками.

„Я поѣхалъ на пароходъ. Биткомъ набитъ. Тутъ и русскіе солдаты, и китайскіе въ длинныхъ юбкахъ съ красною обшивкою, и служители парохода. Но самое интересное — это, конечно, пойманные хунъ-хузы. На палубѣ между кожухами гребныхъ колесъ сидятъ обыкновенные манзы. На ногахъ желѣзные кандалы. Лопатки рукъ стя-

нуты назадъ веревкою, конецъ которой привязанъ наверху подъ мостикомъ. Въ рукахъ у каждаго веревка. Это и есть хунъ-хузы. Они смотрятъ на меня очень спокойно, тогда какъ я стараюсь прочесть въ глазахъ ихъ страхъ передъ смертью. Иные спятъ. Только одинъ старый китаецъ, тоже связанный, стоитъ на ногахъ. Это купецъ, поставщикъ хунъ-хузовъ. Я боялся, что будутъ сейчасъ казнить ихъ, какъ это случилось въ ст. Венюковой и въ Покровской. Но... пароходъ снялся съ якоря и быстро исчезъ изъ глазъ. Многіе манзы вздохнули облегченно...

„Гдѣ теперь „Ингода“? Гдѣ трубятъ трубы синяго воинства „небесной имперіи“?

„Говорятъ, страшный судья отправился казнить хунъ-хузовъ въ ст. Казакевича. Хорошо еще, что даютъ приговореннымъ къ смерти опіумъ!

Надо думать, однако, что эти сцены никогда болѣе не повторятся, такъ какъ уже начинаютъ раздаваться слабые протесты противъ китайскихъ казней на русской землѣ... Въ томъ же номерѣ „Владивостока“ другой корреспондентъ, перечисляя мѣста расправы китайскаго генерала, заканчиваетъ словами: „Кажется, до сихъ поръ въ Уссурійскихъ станицахъ не было ничего подобнаго. И не надо бы сквернить русскій берегъ этими ужасными казнями“.

А, вотъ, и самая картина китайскаго пограничнаго правосудія,— простой, но полный трагизма разсказъ о которомъ напечатанъ однимъ русскимъ офицеромъ въ „Развѣдчикѣ“ за нынѣшній 1897 годъ:

„Въ Приморской области, близь села Никольскаго, русскія власти арестовали пятерыхъ хунъ-хузовъ, которыхъ помѣстили въ солдатскую столовую. Русскій адъютантъ сейчасъ же поѣхалъ въ противолежащую отъ станицы Графской на р. Уссури китайскую деревню Има-хаузе за китайскими властями, для передачи имъ хунъ-хузовъ. Сочувствуя горю хунъ-хузовъ, солдаты мигомъ принесли щей, каши и хлѣба. Трое изъ хунъ-хузовъ стали ѣсть, а двое отказались. Всѣ они немного говорили по-русски. Стали спрашивать: скоро-ли ихъ посадятъ въ острогъ; они думали, что ихъ будутъ судить по русскимъ законамъ. Но вотъ раздается звонъ колокольцевъ, и въ столовую съ нашимъ адъютантомъ входятъ китайскіе чиновники съ китайскими солдатами. Хунъ-хузы вздрогнули и поблѣднѣли. Чиновники стали спрашивать хунъ-хузовъ ихъ имена и фамиліи. А мы принялись разсматривать ихъ солдатъ и ружья. Это какая-то пародія на войска: во-первыхъ, всѣ чуть не мальчишки, а во-вторыхъ, ружья ихъ

въ руки нельзя взять, потому что отъ ржавчины можно испачкаться. Дуло у всѣхъ заткнуто красными платками. Съ чиновниками было два трубача. Мы сказали чиновнику, чтобы они что-нибудь сыграли. Трубачи стали играть. Мотивъ—мычаніе коровы. Чиновники самодовольно посматривали на насъ. Изъ деликатности мы закрыли рты, кто шапками, кто платками. Когда кончилась коровья арія, адъютантъ приказалъ играть нашему оркестру. Китайцы сейчасъ же подошли къ музыкантамъ и стали вплотную сзади басовъ, а самый главный чиновникъ—за геликономъ. Наконецъ, мы попросили ихъ снять съ нихъ фотографію. Они охотно согласились. Затѣмъ хунъ-хузовъ посадили на нѣсколько саней и увезли въ Има-хаузе.

„Мы рѣшили",—говоритъ далѣе авторъ,—„прослѣдить участь этихъ хунъ-хузовъ, хотя, конечно, знали, что ихъ казнятъ. На другой день компаніей поѣхали въ Има-хаузе. Вошли въ фанзу начальника и застали слѣдующую картину. Чиновники сидѣли на нарахъ и допрашивали хунъ-хузовъ по одиночкѣ. Одинъ изъ нихъ обратился къ намъ и сказалъ: „вашъ законъ плохой, вотъ нашъ хорошій,—возьмутъ большой ножъ и голова долой". „А сколько ты человѣкъ убилъ? спросили мы. Онъ, видимо бравируя, отвѣтилъ улыбаясь: „семьдесятъ два". Послѣ допроса всѣхъ хунъ-хузовъ повели за деревню. Поставили на колѣни, и началась по очереди рубка головъ. Рубаки были неопытные; каждаго рубили по нѣскольку разъ. Ужасные крики раздавались на далекое пространство. Снѣгъ былъ залитъ кровью. Когда операція окончилась, съ убитыхъ сняли кандалы. Трупы ихъ закопали тутъ же, а головы за косы подвѣсили къ козламъ, которые поставили у дороги въ деревнѣ Има-хаузе".

Въ самомъ Хунь-Чунѣ казнь хунъ-хузовъ обставляется нѣсколько иначе.

По дѣйствующимъ китайскимъ законамъ, процессъ надъ хунъ-хузами обставленъ многочисленными и чисто китайскими формальностями.

Хунъ-хуза тотчасъ послѣ поимки приводятъ въ управленіе хуньчуньскаго „фудутуна" и передаютъ въ распоряженіе судебнаго отдѣленія. Здѣсь его „допрашиваютъ самымъ тщательнымъ образомъ", т.-е. пытаютъ,—впрочемъ, въ томъ только случаѣ, если есть лица, свидѣтельствующія противъ него, или если его захватили на мѣстѣ преступленія. Голословныхъ обвиненій, по китайскимъ законамъ, недостаточно для того, чтобы предполагаемаго хунъ-хуза подвергнуть пыткѣ.

Допросы и передопросы тянутся иногда годами, а бываетъ и такъ,

по словамъ г. Мосина, что посадятъ китайца въ тюрьму, да и позабудутъ о немъ. Цѣлью этихъ допросовъ „съ пристрастіемъ“ является желаніе вывѣдать отъ пойманнаго имена его соучастниковъ, но хунъ-хузы чрезвычайно рѣдко выдаютъ своихъ товарищей, а тѣмъ паче— побратимовъ: лишь слабость характера или усиленная пытка могутъ заставить допрашиваемаго сдѣлать это.

Добившись, наконецъ, отъ него выдачи сообщниковъ или же истощивъ всѣ способы къ достиженію этой цѣли, хунъ-хуза подвергаютъ суду, который, по закону, всегда приговариваетъ его къ смертной казни, совершаемой, по существующимъ обычаямъ, надъ осужденнымъ тотчасъ-же по полученіи утвержденнаго хуньчуньскимъ фудутуномъ или гириньскимъ „цзянь-цзюнемъ“ (генералъ-губернаторомъ) приговора.

Любопытенъ, между прочимъ, слѣдующій обычай. Приговоры, присылаемые цзянь-цзюнемъ изъ Гириня для приведенія ихъ въ исполненіе, по конфирмаціи, особеннымъ образомъ конвертуются, такъ что уже по внѣшности конверта китайскій чиновникъ узнаетъ, что въ немъ заключается. Дѣлается это обыкновенно такимъ образомъ. Вложивъ приговоръ въ конвертъ, его прокалываютъ насквозь и въ отверстіе продѣваютъ скрученную бумажку, концы которой съ обѣихъ сторонъ расправляются и приклеиваются къ наружнымъ сторонамъ конверта. На расправленныхъ концахъ бумажки пишутъ гіероглифъ „гвоздь“, сверхъ котораго прикладывается печать (красками).

По этимъ признакамъ почтовый чиновникъ тотчасъ-же узнаетъ содержаніе препровождаемой бумаги, и, по закону, послѣдняя почтовая станція можетъ доставить ее по назначенію фудутуну только въ томъ случаѣ, если еще довольно рано и по разсчету времени казнь можетъ быть совершена въ тотъ-же день до заката солнца. Въ противномъ случаѣ, почтовый чиновникъ обязанъ задержать ея доставленіе до слѣдующаго дня.

Получивъ, наконецъ, этотъ пакетъ, фудутунъ обязанъ немедленно потребовать къ себѣ начальника судебнаго отдѣленія и приказать ему сейчасъ-же привести приговоръ въ исполненіе. Чиновникъ, получивъ приказаніе, долженъ опять-таки, ни минуты не медля, написать „бяо-цзы“.—нѣчто въ родѣ позорной надписи, съ которой и отправляется въ тюрьму къ преступнику. Послѣдняго вводятъ въ судебное присутствіе, ставятъ на колѣни и читаютъ конфирмованный приговоръ. По прочтеніи его, предсѣдатель суда дѣлаетъ на „бяо-цзы“ помѣтку красною тушью, послѣ чего бросаетъ черезъ голову кисть, которою

онъ писалъ и опрокидываетъ стоящій передъ нимъ столикъ, на которомъ онъ только-что дѣлалъ отмѣтку; „бяо-цзы“-же онъ вручаетъ чиновнику, назначенному для присутствованія при казни, который вкладываетъ эту бумагу въ связанныя назади руки хунъ-хуза.

Этимъ и исчерпываются формальности, предшествующія совершенію послѣдняго акта земнаго правосудія надъ осужденнымъ.

Послѣ казни колѣнопреклоненнаго преступника, голова его, по китайскимъ законамъ, вывѣшивается либо на городскихъ воротахъ, либо на придорожныхъ деревьяхъ, либо-же на мѣстѣ послѣдняго преступленія казненнаго. Тѣла-же казненныхъ отдаются на съѣденіе собакамъ...

Г. Мосинъ былъ очевидцемъ при совершеніи казни въ пограничномъ Хунь-чунѣ надъ молодымъ хунъ-хузомъ. Вотъ что разсказываетъ онъ, между прочимъ, объ этомъ столь обычномъ въ Китаѣ, актѣ правосудія.

Приговоренный къ смертной казни субъектъ, китаецъ, по имени Ли-сяо-чэнъ, лѣтъ 18-ти отъ роду, съ виду выглядѣлъ мальчикомъ. Онъ былъ приговоренъ къ смерти за участіе въ грабежахъ въ сообществѣ шести человѣкъ. Арестованъ онъ былъ русскими властями въ урочищѣ Барабашъ, верстахъ въ шестидесяти отъ Владивостока, за безписьменность и высланъ въ Хунь-чунь, гдѣ неожиданно открыто было его сообщество съ хунъ-хузами. Во время судебнаго (?) слѣдствія, сколько его ни пытали, онъ не указалъ ни одного изъ своихъ товарищей, держался надменно и дерзко, на допросахъ спорилъ со слѣдователемъ и всѣ обвиненія, взводимыя на шайку, принималъ всецѣло на себя.

Приговоръ о немъ получился въ Хунь-чунѣ въ 12 часовъ дня. Фудутунъ потребовалъ къ себѣ начальника судебнаго отдѣленія и велѣлъ ему изготовить „бяо-цзы“, а начальнику личнаго конвоя (формальности, установленныя китайскими законами, по свидѣтельству разсказчика, рѣдко соблюдаются въ точности въ Хунь-чунѣ), приказалъ приготовить конвой для сопровожденія преступника, а также велѣлъ захватить въ городѣ первую попавшуюся телѣгу для того, чтобы везти осужденнаго на мѣсто казни.

Хотя о мѣстѣ и времени казни въ Хунь-чунѣ обыкновенно и не объявляется во всеобщее свѣдѣніе, но жители уже знаютъ, для какой цѣли китайскіе солдаты хватаютъ на улицахъ телѣги; поэтому, едва разнеслась объ этомъ случаѣ вѣсть, какъ китайцы толпой повалили къ тюрьмѣ. Догадаться о томъ, что будетъ происходить за городскими стѣнами, было не трудно еще и потому, что вскорѣ съ крѣпостныхъ стѣнъ

загудѣли надъ городомъ пушечные выстрѣлы: а это, какъ знали жители, было уже несомнѣннымъ признакомъ близости казни, ибо такіе выстрѣлы въ мирное время обозначаютъ собой салюты въ честь выносимаго начальникомъ конвоя фудутунскаго знамени,—символа, обозначающаго дарованное ему богдыханомъ право казнить и миловать ввѣренное ему населеніе.

Толпы народа окружили тюрьму, сгорая страстнымъ желаніемъ видѣть, какъ будетъ держать себя хунъ-хузъ передъ казнью, слышать его предсмертную волю. Это, собственно говоря, и привлекаетъ народъ къ подобному зрѣлищу.

Мальчикъ хунъ-хузъ показалъ себя героемъ. Выведенный изъ тюрьмы, онъ весело обратился къ многочисленной публикѣ, приглашая ее идти за городъ посмотрѣть, какъ онъ будетъ тамъ „давать представленіе". Когда по пути къ мѣсту казни, телѣга проѣзжала людной и торговой улицей, онъ потребовалъ водки. Сотни рукъ тотчасъ-же протянулись къ нему съ бутылками, наполненными ханшиномъ. Мальчикъ схватилъ одну бутылку и съ жадностью выпилъ ее до дна*).

Когда юнаго хунъ-хуза привезли на мѣсто казни, происходившей сейчасъ-же за городскими воротами, и заставили стать на колѣни, то онъ вступилъ въ споръ съ палачемъ; мало того, онъ еще нашелъ въ себѣ силы шутить.

— Эхъ, ты,—насмѣшливо сказалъ онъ палачу подъ конецъ,—какой же ты палачъ, если не можешь мнѣ стоячему голову срубить... Дай-ка мнѣ шашку, я тебя научу, какъ... А, впрочемъ, изволь,—равнодушно прибавилъ онъ и сталъ на колѣни.

Палачъ занесъ надъ нимъ японскую шашку (обычное орудіе казни), и казнь совершилась**).

Народъ, по свидѣтельству очевидца, съ чувствомъ почти священнаго страха и трепетнаго благоговѣнія смотрѣлъ на молодаго хунъ-хуза.

---

*) Въ Китаѣ, нужно замѣтить, существуетъ обычай, согласно которому преступника передъ казнью угощаютъ обѣдомъ съ обильной выпивкой. Въ Хунь-чунѣ, однако, этотъ обычай не соблюдается; не запрещается только давать преступнику водку по пути къ мѣсту казни.

**) Въ Хунь-чунѣ патентованнаго палача нѣтъ, а производитъ эту операцію одинъ изъ конвойныхъ солдатъ фудутуна, юноша лѣтъ 27, получая по 80 коп. за голову: „плата за убой одной свиньи",—замѣчаетъ разсказчикъ. Кромѣ того, палачъ получаетъ награду—отъ 4 до 6 серебряныхъ рублей. Онъ лишается ея, впрочемъ, въ томъ случаѣ, если не отрубитъ головы сразу.

„Неудивительно“,—заканчиваетъ разсказчикъ,—„что китайцы, видящіе воочію такое поведеніе хунъ-хузовъ во время казни, считаютъ ихъ олицетвореніемъ геройства и мужества. Составилось понятіе, что этихъ людей сама смерть какъ будто боится“!...

Неудивительно также, — прибавлю я съ своей стороны, — что эти суровыя наказанія не ведутъ ни къ чему. Не говоря уже о томъ, что китайское населеніе настолько уже присмотрѣлось къ смертной казни, что не испытываетъ предъ ней никакого страха (въ послѣдній годъ моего пребыванія въ краѣ, въ сосѣдней съ нимъ Маньчжуріи *казнено свыше 300 человѣкъ въ теченіи лѣта!.....*), не говоря уже о томъ, что геройское поведеніе хунъ-хузовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ компетентные люди, часто вызываетъ желаніе подражать имъ въ самихъ мирныхъ китайцахъ,—дурная сторона этого рода наказанія заключается еще и въ томъ, что народъ, видя поведеніе хунъ-хузовъ, надѣляетъ ихъ сверхъестественными качествами, и хунъ-хузы, хорошо понимая, какое впечатлѣніе производятъ эти сцены на невѣжественныхъ соплеменниковъ, стараются еще болѣе поддержать ихъ въ этомъ мнѣніи своимъ поведеніемъ на волѣ. Общій голосъ утверждаетъ, что ничто больше не закрѣпляетъ въ мирныхъ китайцахъ паническаго страха передъ хунъ-хузами, какъ именно эти публичныя казни.

Этотъ психическій факторъ, увѣряютъ, занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ факторовъ, создающихъ хунъ-хузамъ благопріятную обстановку, содѣйствующую и обезпечивающую имъ безнаказанность въ совершеніи ихъ подвиговъ надъ мирнымъ инородческимъ населеніемъ. Другими факторами, играющими первенствующее въ этомъ дѣлѣ значеніе, являются: слабое еще заселеніе края, наличность густой, непроходимой, малоизвѣстной тайги, удобной для сокрытія цѣлыхъ полчищъ враждебныхъ порядку людей, и, наконецъ, обособленность китайскаго населенія, отдѣляемаго отъ насъ прочной стѣной сложившихся здѣсь понятій, привычекъ и обычаевъ.

Культурный прогрессъ края совершается, однако, въ послѣднее время болѣе или менѣе быстро и, нужно надѣяться, не пройдетъ нѣсколькихъ лѣтъ, какъ самый вопросъ о хунъ-хузахъ отойдетъ въ область преданій и созданный (какъ утверждаютъ, далеко не всегда основательно) воображеніемъ обывателя образъ хунъ-хуза, надѣляемый имъ качествами былиннаго Соловья-разбойника и тысячеголовой, тысячерукой гидры, потускнѣетъ скоро въ глазахъ самихъ творцовъ своихъ.

XV.

На морскихъ промыслахъ.

Посьетскій заливъ.—Мечты Муравьева-Амурскаго.—Ихъ неосуществимость. — Рыбныя ловли. — Хищничество.—Въ бурунахъ.—На японской «фуне».—Среди водолазовъ.—Ловъ трепанговъ.—Мои спутники-японцы.—Странный водолазъ.—Подвиги китайскихъ пиратовъ.—Акулы.—Берегъ залива.—На промыслахъ морской капусты.—Упадокъ промысла.—Причины.—Хищничество.—Морская капуста.—Особенности ея.—Европейцы и китайцы. — Обостренныя отношенія. —Кто виноватъ?—Способы добычи.—Китайскіе кули и маньчжуры. — Взаимныя отношенія. — Расплата съ рабочими.—Безпросвѣтная кабала.—Тормазы для развитія русскихъ промысловъ.

Пароходъ „Новикъ", на которомъ я предполагалъ уѣхать съ китайской границы, долженъ уйти, какъ оказалось, еще не скоро изъ Посьета, и я воспользовался этимъ временемъ, чтобы посмотрѣть въ глубинѣ залива рыбныя ловли, производимыя здѣсь въ большихъ размѣрахъ все тѣми-же китайцами и отчасти корейцами. Русскихъ промышленниковъ, какъ и въ прочихъ областяхъ торговли и промысловъ, здѣсь еще нѣтъ, и все рыбное дѣло, всѣ морскіе промыслы находятся почти исключительно въ рукахъ у манзъ и корейцевъ.

Меня интересовали, собственно говоря, не столько рыбныя ловли, сколько производившійся невдалекѣ ловъ морской капусты и ловля трепанговъ,—этихъ главныхъ (послѣ риса) предметовъ питанія многомилліоннаго монгольскаго племени, вывозимыхъ на сотни тысячъ рублей изъ Южно-Уссурійскаго края въ ближайшіе порты Небесной имперіи *).

*) Какъ увидятъ читатели дальше, морская капуста и трепанги являются важнѣйшими предметами вывоза изъ Уссурійскаго края, который пока, какъ извѣстно, ничего еще самъ по себѣ не производитъ.

Я взялъ манзовскую шлюбку (здѣсь, какъ и во Владивостокѣ, шлюбочники—исключительно китайцы) и, не теряя времени, отправился къ взморью, по направленію къ мысу Чурухадѐ,—крайней сѣверной (въ Посьетскомъ округѣ) границѣ ловли трепанговъ.

Широконосая, плоскодонная шлюбка медленно пробирается впередъ, приводимая въ движеніе единственнымъ весломъ, которое мой манза вращаетъ у кормы на манеръ пароходнаго винта, и я имѣю возможность подробно осмотрѣть Посьетскій заливъ, приведшій когда-то въ восхищеніе перваго генералъ-губернатора Восточной Сибири, графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго.

Когда смотришь на заливъ и его берега съ моря, то начинаешь понимать восклицаніе Муравьева, назвавшаго Посьетъ, когда онъ его впервые увидѣлъ, „одной изъ лучшихъ гаваней въ свѣтѣ". Очевидцы, присутствовавшіе при первомъ въѣздѣ Муравьева въ Посьетъ, разсказываютъ, что, увидя заливъ, онъ такъ впился глазами въ него и въ его окрестности, какъ будто предполагалъ здѣсь воздвигнуть цѣлый городъ; онъ такъ восхищался тогда этимъ прибрежьемъ, съ виду, дѣйствительно, сулившимъ вмѣстить въ себѣ значительныя поселенія, и гаванью, обѣщавшей въ грядущемъ сдѣлаться притономъ для многочисленнаго флота, что тогда-же рѣшилъ присоединить этотъ портъ къ южно-уссурійскимъ владѣніямъ и перенести сюда изъ Владивостока портовыя сооруженія. Къ тому-же, во время осмотра гавани въ китайской фанзѣ случайно найденъ былъ кусокъ каменнаго угля, по качеству не хуже хакодадскаго (въ Японіи), мѣсторожденіе котораго находилось тутъ-же въ одномъ изъ углубленій бухты Экспедиціи,—и это окончательно утвердило генералъ-губернатора въ его первоначальномъ предположеніи прибрать къ своимъ рукамъ этотъ портъ, изъ котораго онъ мечталъ современемъ создать тихо-океанскій Кронштадтъ.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего имъ увидѣннаго здѣсь, онъ написалъ тогда въ Петербургъ изъ Посьета:

„Бухту Посьета мы отмежевываемъ себѣ и границу проводимъ до устьевъ р. Тюмень-Ула, которая составляетъ границу Кореи съ Китаемъ. Не хотѣлось-бы захватывать лишняго, но оказывается необходимо: въ бухтѣ Посьета есть такая прекрасная гавань, что англичане непремѣнно бы ее захватили при первомъ разрывѣ съ Китаемъ" *).

Впослѣдствіи взглядъ на Посьетъ измѣнился и отдано было пред-

---

*) Барсуковъ, „Графъ Муравьевъ-Амурскій".

почтеніе Владивостоку, который, какъ оказалось при ближайшемъ знакомствѣ съ обоими портами, значительно превосходилъ первый по своимъ удобствамъ и по своему положенію.

Графъ Муравьевъ-Амурскій не совсѣмъ, однако-же, былъ неправъ въ своихъ заключеніяхъ: съ виду, преимущества Посьетской гавани такъ велики по сравненію съ Золотымъ Рогомъ, что даже человѣкъ, заранѣе предубѣжденный противъ него и знающій уже тѣ дурныя стороны этого порта, которыя выяснились при ближайшемъ изслѣдованіи, глядя на него впервые, невольно приходитъ въ недоумѣніе и, протирая глаза, спрашиваетъ себя, что-же дурнаго въ этой, съ виду, великолѣпнѣйшей гавани въ мірѣ?

Дѣйствительно, грандіознѣе гавани Посьета нѣтъ, кажется, нигдѣ на азіатскомъ материкѣ, и съ этой стороны зоркій и проницательный глазъ Муравьева-Амурскаго не обманулъ его: онъ сразу отличилъ внѣшнее удобство положенія гавани для созданія изъ нея центральной крѣпости и могущественнаго оплота, откуда можно было-бы „владѣть всѣмъ океаномъ".

Этотъ заливъ представляетъ собою обширное водное пространство (шириной у выхода въ море 10 миль, глубиной 7 миль), заключенное между мысомъ Гамова и островомъ Фуругельма до корейской границы включительно и образующее на всемъ этомъ протяженіи три удачно и удобно соединенныхъ самостоятельныхъ рейда: бухту Паллада *), бухту Экспедиціи и Новгородскую гавань, т.-е. три самостоятельныхъ гавани, обладающія извилистыми берегами, обильно усѣянными многочисленными глубокими бухточками, каждая изъ которыхъ въ отдѣльности съ виду представляетъ великолѣпную якорную стоянку для океанскихъ судовъ.

Морское прибрежье, окружающее этотъ обширный заливъ, не представляетъ, повидимому, ничего лучшаго для развитія обширныхъ поселеній и защиты отъ нападенія съ тылу, со стороны сосѣдней Маньчжуріи: съ юга его защищаетъ высокій горный хребетъ полуострова, съ сѣвера надъ нимъ возвышаются холмы и вершины высокаго предгорья Хуньчуньскаго хребта; за то на западѣ разстилаются большое плато и низменный берегъ, поросшій высокою, густою травою.

Лучшаго мѣста для центральнаго морскаго оплота нельзя было-бы выбрать. И только при ближайшемъ гидрографическомъ изслѣдованіи

*) Бухта эта названа въ честь знаменитаго фрегата „Паллада", заходившаго сюда на пути въ Японію.

впослѣдствiи (впрочемъ, очень недавно) выяснилось, что наружность залива чрезвычайно обманчива: глубина его не превышаетъ, въ среднемъ, трехъ футовъ (Новгородская гавань), что дѣлаетъ совершенно невозможной стоянку въ ней океанскихъ судовъ; но и помимо того, оказывается, что всѣ эти бухты изобилуютъ значительнымъ количествомъ устричныхъ банокъ, особенно то именно мѣсто, которое предполагалось когда-то сдѣлать мѣстомъ якорной стоянки и зимовки судовъ.

Моя плоскодонная шлюбка, конечно, не чувствуетъ близости подводной каменистой гряды и вполнѣ безопасно пробирается по устричнымъ банкамъ среди многихъ другихъ плоскодонныхъ-же шлюбокъ, въ которыхъ одинокiе манзы ловятъ одноглазую камбалу, въ невѣроятномъ изобилiи водящуюся у всего побережья Южно-Уссурiйскаго края, отъ корейской границы и вплоть до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ его.

Чрезвычайное обилiе этой рыбы положительно изумляетъ непривычнаго зрителя. Рыболовъ, буквально, не успѣваетъ забросить въ воду удочки, на которую насажено до десятка крючковъ, какъ тотчасъ-же приходится вытаскивать ее изъ воды, сплошь облѣпленную одноглазой камбалой. Очень рѣдко случается, чтобы приманка на какомъ либо крючкѣ не была тронута рыбой.

Заинтересованный этой ловлей, я взялъ у ближайшаго манзы его удочку и въ теченiи не болѣе десяти минутъ наловилъ больше пуда... Европейцу, привыкшему иногда цѣлыя ночи просиживать для того, чтобы, въ концѣ концовъ, къ утру поймать какого-нибудь жалкаго пискаря,—это количество покажется, конечно, невѣроятнымъ. А, между тѣмъ, рыболовы—корейцы и манзы,—увидѣвъ результаты моихъ усилiй, только презрительно пожали плечами и сказали мнѣ, что изъ-за того количества рыбы, которое я наловилъ, не стоило-бы тратить времени и приманки.

И, дѣйствительно, всѣ шлюбки рыболововъ до верху нагружены были этой рыбой, которая тутъ-же на солнцѣ и вялилась ими.. Правда, ея здѣсь много портилось, но это рыболововъ ничуть не смущало: у ближняго берега я видѣлъ цѣлыя горы испорченной рыбы, наваленной за послѣднiе дни рыбаками. Впрочемъ, путешественнику по Уссурiйскому краю не привыкать къ картинамъ безразсуднаго расхищенiя тѣхъ даровъ, которыми такъ щедро его надѣлила природа. Здѣсь, вообще говоря, болѣе чѣмъ умѣстно замѣнить слово „эксплоатацiя“ (естественныхъ богатствъ) терминомъ—„истребленiе“.

По мѣрѣ приближенiя къ морю шлюпокъ рыболововъ становится

все меньше и меньше; а, наконецъ, онѣ и вовсе исчезаютъ вдали въ извилистыхъ углубленіяхъ залива Посьета.

Мы подвигаемся теперь по гладкой поверхности обширнаго рейда въ виду повисшихъ надъ нимъ съ одной стороны волнистыхъ отроговъ Сихотэ-Алиня. Плоскодонная шлюбка плавно и медленно скользитъ по водѣ, бороздя ее своимъ непомѣрно широкимъ „утинымъ“ носомъ. Ближе къ мысу Чурухаде, чувствуется уже недалекое Японское море. Въ воздухѣ становится свѣжѣе, слышится уже немолчный прибой волнъ у скалистыхъ береговыхъ утесовъ; на сѣверо-востокѣ въ хорошій бинокль можно даже различить сѣрую пелену морскаго тумана, не проницаемой стѣной окутавшаго грозный мысъ Гамовъ,—этотъ далеко протянувшійся въ море одинокій гигантскій утесъ, загроможденный колоссальными голыми горами, лишенными всякой растительности.

Скоро вдали показалась флотилія шлюбокъ и японскихъ „фуне“ (шхунъ), плавно покачивающихся на легкой морской зыби у сосѣдняго берега; сюда непосредственно доходитъ уже волна Японскаго моря, и здѣсь, поэтому, очень часто стоитъ легкая зыбь.

Въ одномъ мѣстѣ мы попали въ буруны, разбивавшіеся не особенно сильно у небольшаго утеса, выступавшаго съ берега.

Объѣзжать ихъ было-бы не близко, и мой шлюбочникъ смѣло рѣшилъ перерѣзать буруны недалеко отъ утеса. Несмотря, однако, на трудность гребли въ бурунахъ, моя шлюбка съ честью вышла изъ предстоявшаго ей испытанія, хотя мнѣ, признаться, не одинъ разъ казалось, что я переживаю послѣднія минуты. Нѣсколько разъ насъ заливало водой, трепало на гребняхъ, наша шлюбка скакала, громыхала скрипѣла, словно ей приходилось совершать свой полетъ по ухабамъ и кочкамъ; ее кружило, обдавало бѣлою пѣной,—опасность разбиться о прибрежные рифы порою, казалось, была такъ близка, такъ возможна. Къ счастью, эта не особенно пріятная скачка съ препятствіями скоро окончилась, и мы уже были совсѣмъ въ безопасности: буруны остались у насъ позади, и мы подвигались впередъ по утихшему морю.

Какъ ни безстрастенъ былъ мой шлюбочникъ, но и у него изъ груди вырвался вздохъ облегченія, когда мы миновали буруны. Не легко приходилось ему тамъ. Все время онъ стоялъ на ногахъ и зорко слѣдилъ за всѣми движеніями шлюбки. Особенно трудно приходилось ему, когда на насъ налетали пѣнистые гребни буруновъ, грозившіе насъ завертѣть въ своей бѣшенной пляскѣ и выбросить вмѣстѣ съ шлюбкой на скалистые рифы. Нужно было употре-

бить много искусства и ловкости для того, чтобы въ то время, когда шлюбка проскочитъ гребень праваго буруна, повернуть ее лагомъ и поставить снова въ положеніе, удобное для самозащиты и дальнѣйшаго движенія впередъ. Одинъ разъ,—руль-ли сплоховалъ или былъ упущенъ удобный моментъ, я затрудняюсь рѣшить,—наша шлюбка, завертѣвшись на гребнѣ, подхвачена была подступившей волной и подталкиваемая всей массой воды, какъ птица, направилась къ ближнему берегу. Но когда мы были уже саженяхъ въ пятидесяти, не болѣе, отъ перваго прибрежнаго рифа,—мой шлюбочникъ съ быстротой молніи выскочилъ въ воду (она была ему здѣсь только до пояса), стремительно повернулъ свою шлюбку, ловко вскочилъ въ нее и, спустя нѣсколько секундъ. мы уже были совсѣмъ въ безопасности.

Мы подъѣхали къ двухмачтовой японской „фуне́“ (шхунѣ), стоявшей на взморьѣ приблизительно въ одной милѣ отъ берега. Какъ всѣ прочія, что стояли десятками по всему побережью, она пришла сюда изъ Японіи для ловли трепанговъ. Дальше къ югу виднѣлись китайскія джонки, усѣявшія сплошь горизонтъ, ловившія у того-же прибрежья морскую капусту.

Послѣ бѣшеной скачки по бурунамъ мнѣ было чрезвычайно пріятно очутиться на настоящемъ (хотя и не очень большомъ) морскомъ парусномъ суднѣ, гдѣ меня притомъ-же очень любезно и радушно встрѣтили гостепріимные японцы своими обычными присѣданіями и церемонными поклонами. Какъ непохожи они были на моего молчаливаго шлюбочника, хранившаго всю дорогу упорное молчаніе, не взирая ни на какіе подходы съ моей стороны!

Все это были, большей частью, матросы и простые японскіе кули. исполнявшіе здѣсь обязанности водолазовъ;—но какіе это были вѣжливые, деликатные, благовоспитанные и общительные люди.

Я еще впервые тогда очутился въ обществѣ сыновъ сосѣдней „Страны восходящаго солнца“. Послѣ, на пути изъ Уссурійскаго края въ Китай, мнѣ немало пришлось постранствовать по гористымъ островамъ Японскаго архипелага, и я убѣдился, что японцы вездѣ и всѣ таковы: отъ Кіу-Сіу до Іессо и отъ дайміоса (феодала) до послѣдняго нищаго включительно. Но объ этомъ мнѣ уже пришлось въ другомъ мѣстѣ болѣе подробно бесѣдовать съ читателями *).

Японцы угостили меня обильнымъ обѣдомъ, въ которомъ, по обыкновенію, фигурировали всѣ ихъ національныя блюда, начиная

*) См. мою книгу „Японія и японцы“. Спб., 1895.

отъ вяленой камбалы до сои съ рисовой кашей включительно,—и послѣ этого любезно и предупредительно согласились показать мнѣ, какъ ловятъ трепанговъ, этихъ червей (видъ голотурій) темнокофейнаго цвѣта, играющихъ такую видную роль въ китайскомъ столѣ и являющихся солиднымъ по цѣнности предметомъ въ нашей внѣшней торговли съ Китаемъ *).

Еще первые изслѣдователи края встрѣчали здѣсь, главнымъ образомъ у мыса Чурухаде, сотни китайскихъ шлюбокъ, промышлявшихъ ловлей трепанговъ. Вплоть до послѣдняго почти времени надзора за нашей морской границей не было никакого, и тысячи китайцевъ каждую весну и лѣто облѣпляли все побережье Уссурійскаго края, отъ корейской границы на югѣ до бухты Пластунъ (противъ о. Iессо) — на сѣверѣ, безданно, безпошлинно увозя въ Небесную имперiю доверху нагруженныя трепангами джонки, шаланды и шхуны и вообще безконтрольно расхищая тѣ богатства, которыми такъ изобилуютъ прибрежныя воды нашей дальней окраины.

Только недавно, всего, кажется, года три - четыре назадъ, былъ установленъ надзоръ за морскимъ побережьемъ, были выработаны особыя правила для промысла въ нашихъ восточныхъ водахъ, промышленники были обложены сборами въ пользу казны съ каждой промышленной шлюбки, и возлѣ береговъ Уссурійскаго края начала крейсировать военная шхуна „Сторожъ" для контроля за промысломъ и поимки хищниковъ.

Тогда-же, между прочимъ, установлено было высшей администрацiей края, что ловля трепанговъ практиковавшимся до того времени, т.-е. примитивнымъ „манзовскимъ" способомъ воспрещается и разрѣшается только при посредствѣ водолазнаго аппарата.

Этотъ способъ ловли моллюсковъ былъ впервые введенъ въ Уссурiйскихъ водахъ японскими промышленниками,—въ качествѣ способа, значительно облегчающаго добычу трепанговъ и увеличивающаго успѣшность ея. Любопытно, между прочимъ, то обстоятельство, что въ то время, какъ, по свидѣтельству шанхайской газеты „North China Herald", японцы у себя дома, въ своихъ собственныхъ водахъ, воспретили употребленiе упомянутаго нововведенiя взамѣнъ обычнаго спо-

*) 1 пудъ трепанговъ стоитъ отъ 27 до 40 р. на китайскихъ рынкахъ. Сколько именно ихъ вывозилось въ мое время въ порты Небесной имперiи, трудно сказать, такъ какъ здѣсь процвѣталъ контрабандный промыселъ; извѣстно только, что цѣнность вывоза превышала десятки тысячъ рублей.

соба ловли, въ видахъ предупрежденія хищническаго истребленія моллюсковъ, — въ это самое время у нашихъ береговъ ловля трепанговъ воспрещена именно обычнымъ способомъ, и предписано неукоснительно слѣдить за тѣмъ, чтобы трепанговый промыселъ производился исключительно водолазными аппаратами.

Въ силу этого запрещенія, ловлей трепанговъ у нашихъ береговъ и занимаются, главнымъ образомъ, японцы, такъ какъ китайцы и корейцы никакъ не могутъ примириться съ этимъ новшествомъ и отстать отъ традиціонныхъ пріемовъ ловли, здѣсь запрещенныхъ.

Я пріѣхалъ на японскую „фуне" очень удачно, — какъ разъ въ тотъ моментъ, когда шлюбки, привезшія недавно наловленныхъ трепанговъ, выгрузили ихъ на шхуну и вновь собирались отправиться за добычей.

Я сѣлъ въ одинъ изъ „сампановъ" (японское названіе шлюбки) и отправился вмѣстѣ съ водолазами къ мѣсту добычи, находившемуся близь берега, недалеко отъ стоянки „фуне" (трепанговый промыселъ здѣсь отдавался съ торговъ, причемъ каждому промышленнику было отмежевано отдѣльное пространство воды, за предѣлы котораго выходить онъ не имѣлъ права). Въ сампанѣ сидѣло семь человѣкъ японцевъ,—предѣльное количество людей для одной шлюбки, установленное утвержденными генералъ-губернаторомъ правилами.

Сампанъ медленно плылъ по чуть колеблющейся поверхности Японскаго моря, увозя насъ отъ японской фуне. Мои спутники — черноволосые, щуплые, низкорослые — оказались очень веселыми людьми, совсѣмъ непохожими на своихъ сородичей, манзъ и корейцевъ, и всю дорогу оживленно болтали, шутили, смѣялись, словно они совершали морскую прогулку, а не ѣхали производить одну изъ самыхъ тягостныхъ работъ, сопряженныхъ съ нелегкимъ промысломъ ловли трепанговъ.

Межъ тѣмъ, сампанъ нашъ уже приближался къ мѣсту, предназначенному для промысла, обозначенному ярко-краснаго цвѣта баканомъ конической формы, покачивавшимся на легкой зыби залива.

Сампанъ мягко стукнулся о баканъ, вздрогнулъ, остановился, въ тотъ-же мигъ якорь былъ съ шумомъ спущенъ въ воду, и мои спутники дѣятельно и энергично, все съ тѣмъ-же жизнерадостнымъ видомъ и съ той-же неизмѣнной улыбкой принялись за работу.

Тотчасъ-же изъ-подъ палубы былъ вытащенъ водолазный аппаратъ, и въ то время какъ нѣсколько японцевъ очищали на сампанѣ мѣсто для помѣщенія трепанговъ, одинъ изъ нихъ началъ облачаться въ

этотъ неудобный подводный костюмъ. Спустя двѣ-три минуты онъ уже спускался въ воду при помощи прочихъ товарищей и скоро окончательно погрузился на дно, оставивъ послѣ себя на водѣ только нѣсколько расходящихся на поверхности круговъ, указывавшихъ мѣсто, куда онъ неслышно спустился.

Ловъ шелъ довольно успѣшно. Водолазный аппаратъ позволялъ японцамъ видѣть до мельчайшихъ подробностей подводную часть залива, и отъ ихъ зоркаго взора не ускользалъ ни одинъ трепангъ; они до-чиста подбирали ихъ и то и дѣло передавали въ шлюбку. Оттого-то японцы у себя дома и запретили употребленіе въ дѣло водолазныхъ аппаратовъ, такъ какъ при такомъ, въ сущности, хищническомъ способѣ добычи, мѣста, на которыхъ производится ловъ, рискуютъ на долгое время лишиться этихъ голотурій.

Не легко, однако, доставалась японцамъ ихъ успѣшная подводная охота. Хотя они и смѣнялись часто, поочередно спускаясь на дно, тѣмъ не менѣе, эта работа сильно ихъ изнуряла и едва-ли благодѣтельно отражалась на ихъ здоровьи.

Вылѣзая изъ воды, каждый изъ водолазовъ имѣлъ видъ тяжелобольнаго. Блѣдный, какъ мертвецъ, безъ кровинки въ лицѣ онъ видимо задыхался отъ отсутствія свѣжаго воздуха или отъ слабаго притока его. Минутъ по пяти лежалъ каждый изъ нихъ, какъ пластъ, безъ движенія, не пророняя ни звука, пока, наконецъ, не приходилъ въ себя.

Не успѣвъ отдохнуть хорошенько, водолазъ, однако, вынужденъ былъ снова спускаться на смѣну другимъ двумъ (остальные четыре японца занимались сортировкой трепанговъ и ихъ размѣщеніемъ въ шлюбкѣ, что требовало немалаго искусства, такъ какъ трепанга очень легко испортить, т.-е. смять, раздавить, разорвать и т. п.).

— Трудно?—спросилъ я одного изъ нихъ.

— Не легко, — тяжело дыша, но улыбаясь, отвѣтилъ мнѣ на ломанномъ англійскомъ языкѣ водолазъ. — Ну, да мы къ легкой работѣ не привыкли. За то интересно, очень интересно, very interesting,—добавилъ онъ, тяжело переводя духъ, и все съ той-же слабой улыбкой на лицѣ.

Этотъ отвѣтъ, признаться, поразилъ меня своею неожиданностью. Вѣдь я слышалъ его не отъ любознательнаго гастролера, изъ любопытства опускавшагося на дно моря, а отъ простаго кули, который изо-дня-въ-день задыхался отъ отсутствія воздуха и который этимъ нелегкимъ путемъ, сокращавшимъ его жизнь, добывалъ себѣ и оставленной на родинѣ семьѣ скудное пропитаніе.

— Интересно?—переспросилъ я его.

— Да, очень интересно и любопытно, — съ живостью возразилъ онъ мнѣ, насколько это позволяло ему утомленіе и слабое знаніе языка сыновъ Альбіона.—Я много читалъ о морѣ и его обитателяхъ, я читалъ даже вашего (т.-е. европейскаго) писателя,—Гартвига *) (у насъ онъ есть въ переводѣ на японскій языкъ,—вскользь замѣтилъ онъ),—но всѣ красоты лучшихъ мастеровъ пера блѣднѣютъ передъ этими красотами природы, когда наблюдаешь ихъ непосредственно. Тамъ, въ нѣдрахъ морскихъ, — продолжалъ онъ, замѣтно оживившись, предъ глазами раскрывается совсѣмъ особый міръ, полный движенія и жизни,—міръ непохожій на тотъ, который привыкли видѣть люди, живущіе на землѣ. Глубина морей раскрываетъ тамъ предъ нами всѣ свои тайны и открываетъ глазамъ такія картины, которыя здѣсь на землѣ намъ недоступны.

Я съ любопытствомъ и изумленіемъ слушалъ этого тщедушнаго, невзрачнаго японца. Тотъ-ли это несчастный водолазъ, за котораго я его сначала принялъ?

Мой собесѣдникъ охотно разсѣялъ мои недоумѣнія. Онъ, какъ оказалось, вовсе не поэтъ и не ученый; онъ всего только водолазъ, никогда и не учившійся ни въ какомъ изъ высшихъ или даже среднихъ учебныхъ заведеній Японіи; но въ то же время—онъ грамотенъ („въ Японіи нѣтъ неграмотныхъ“,—съ гордостью добавилъ онъ) и любитъ читать; а въ странѣ, гдѣ „книги такъ дешевы“, гдѣ „онѣ издаются не для того, чтобы валяться на полкахъ и служить только богатымъ людямъ, которымъ и безъ нихъ хорошо живется на свѣтѣ“; въ странѣ, „гдѣ всякій нищій знаетъ цѣну знанія и образованія“, гдѣ „образованіе одинаково доступно, притомъ, и дайміосу (б. феодалъ) и гіакшко“ *):—нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что въ такой странѣ и онъ, „бѣдный водолазъ, пожелалъ и имѣлъ возможность“ познакомиться изъ книгъ („вѣдь, и для водолазовъ тамъ кое-что найдется“) съ тѣмъ міромъ, въ которомъ ему приходится работать всю свою жизнь.

Любопытно, между прочимъ, что наряду съ этими разсужденіями, которыя сдѣлали-бы честь и просвѣщенному европейцу,—мой собесѣдникъ оказался полонъ всякихъ суевѣрій и предразсудковъ, отличаю-

---

*) „Море и его жизнь“.

*) Гіакшо—землецѣлецъ, одно изъ самыхъ презираемыхъ въ Японіи сословій до реформъ послѣдняго царствованія.

щихъ, впрочемъ, вообще всѣхъ моряковъ и всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ дѣло съ моремъ.

Мой собесѣдникъ упорно настаивалъ, между прочимъ, на томъ, — это оригинальное повѣрье я слышалъ позже въ другой части свѣта, также отъ водолазовъ,—что воды открытаго моря, вдали отъ береговъ, находятся на извѣстной глубинѣ въ абсолютномъ покоѣ, что всякая органическая жизнь за извѣстными предѣлами тамъ прекращается; случайно-же попадающіе туда организмы немедленно умираютъ и, какъ и всѣ вообще предметы, попадающіе туда, остаются на-вѣки въ томъ положеніи, въ которомъ застигла ихъ смерть. Такъ, напримѣръ, онъ утверждалъ, что покойникъ, спущенный съ корабля съ гирей въ ногахъ, сохраняетъ вѣчно стоячее положеніе на днѣ океана и т. п.

Времени у меня оставалось немного (я еще хотѣлъ посѣтить передъ отъѣздомъ въ Посьетъ производившійся невдалекѣ манзами ловъ морской капусты), и я собрался оставить гостепріимный японскій сампанъ.

Всѣ японцы прекратили работу и начали усиленно выряжать меня въ дорогу: кто давалъ мнѣ завернутую въ японскую бумагу сушеную камбалу на память о посѣщеніи мной сампана, кто — какія-то микроскопическія корзинки японской работы и т. под. Всѣ эти скромныя подношенія дѣлались тамъ радушно, и просьба принять ихъ была сдѣлана въ такой настойчивой формѣ, что я только съ большимъ трудомъ могъ убѣдить ихъ отказаться отъ своихъ настояній.

Когда я усѣлся, наконецъ, въ свою лодку, то всѣ японцы въ полномъ составѣ вошли туда вслѣдъ за мной и поочередно пожимали мнѣ руку, продѣлывая при этомъ всѣ формальности, предписываемыя строгимъ японскимъ этикетомъ, т.-е. присѣдая, прижимая руки то къ груди, то къ колѣнямъ и не переставая напутствовать меня длиннѣйшими прощальными привѣтствіями, которыя они произносили на своемъ пѣвучемъ языкѣ. Вся эта оригинальная и въ то же время сильно растрогавшая меня сцена закончилась единодушнымъ крикомъ „сайанара" (до свиданья!), которое они хоромъ проговорили, стоя уже на палубѣ своего сампана.

— Ну, до свиданья!—только и могъ вымолвить я, буквально подавленный всей этой сценой прощанья. — Желаю вамъ хорошаго, обильнаго лова...

— Только не такого, какой былъ у насъ вчера, — отвѣтилъ мнѣ съ улыбкой мой прежній собесѣдникъ.

— А что развѣ?—полюбопытствовалъ я и задержалъ свою шлюбку, уже готовившуюся отчалить отъ сампана.

— А то, — не переставая улыбаться, отвѣтилъ онъ, — что иногда у этихъ береговъ попадается уже слишкомъ крупная добыча.

— Напримѣръ?

— Да вчера, вотъ, мы вмѣсто трепанга вытащили цѣлаго человѣка?

— Человѣка?!

— Это нерѣдко случается въ этихъ мѣстахъ, — продолжалъ мой словоохотливый собесѣдникъ.

— Кто-жъ это былъ?

— Какъ водится, — трупъ т.-е., вѣрнѣе, не трупъ, а скелетъ корейца съ привязаннымъ къ ногѣ камнемъ.

— Какъ водится?—говорите вы. Развѣ это часто случается здѣсь?

— Не совсѣмъ часто,—но и не рѣдко. Это все подвиги прежнихъ китайскихъ хунъ-хузовъ.

Это предположеніе было весьма вѣроятно. Еще не такъ давно, когда край этотъ еще не принадлежалъ русскимъ, и все это побережье было совершенно пустынно, китайскіе пираты, крейсировавшіе въ ближнихъ корейскихъ водахъ (корейская граница отстоитъ отсюда всего верстахъ въ 20 — 25-ти), часто привозили сюда, гдѣ они были въ полной безопасности, плѣнныхъ корейцевъ и здѣсь безнаказанно расправлялись съ ними, спуская ихъ въ воду для сокрытія слѣдовъ преступленія.

Мнѣ приходилось уже раньше слышать объ этомъ отъ старожиловъ Уссурійскаго края. Они разсказывали мнѣ даже, что гдѣ-то (гдѣ именно,—неизвѣстно) у прибрежья нынѣшняго Посьетскаго округа, недалеко отъ корейской границы — находится даже особое „морское кладбище“, — подводная впадина, сплошь наполненная корейскими трупами. Многіе жители края не подтверждаютъ, впрочемъ, этого факта, хотя въ то-же время никто не отрицаетъ возможности его существованія: память о подвигахъ китайскихъ пиратовъ, наводившихъ въ то недавнее время ужасъ и страхъ на жителей приморской части Кореи, слишкомъ свѣжа еще. Къ счастью, владычество пиратовъ, еще лѣтъ тридцать назадъ безраздѣльно и полновластно царившихъ по всему сѣверному побережью Японскаго моря, нынѣ отошло уже въ область преданій: съ появленіемъ перваго русскаго крейсера въ восточныхъ водахъ они все дальше и дальше уходили на югъ отъ нашей границы, а, наконецъ, и вовсе исчезли съ лица земли.

— Впрочемъ, это что?—скелетъ, — продолжалъ, между тѣмъ, мой собесѣдникъ. — Хоть и не такъ пріятно наткнуться на него, да еще подъ водой, да все-жъ не опасно. А то на дняхъ вотъ ему (указалъ

онъ на одного изъ своихъ товарищей) пришлось наткнуться на добычу пострашнѣе скелета: акула метнулась къ нему, да къ счастью успѣли во-время вытащить его. Хорошо, что ихъ здѣсь не особенно много *).

Дальнѣйшая бесѣда наша неожиданно прервалась. Моему шлюбочнику надоѣло безплодно стоять у сампана, и онъ, не дожидаясь моего разрѣшенія, отчалилъ отъ него и завертѣлъ своимъ единственнымъ весломъ у кормы. Пришлось покориться желанію шлюбочника, тѣмъ болѣе, что времени впереди у меня было не особенно много: солнце замѣтно уже склонялось къ закату.

Вскорѣ я былъ далеко отъ гостепріимнаго сампана.

Мы проѣзжали въ это время совсѣмъ близко отъ берега. Лѣнивая морская волна колыхала на своихъ чуть видныхъ гребняхъ нашъ утлый челнокъ, словно убаюкивала его въ своихъ нѣжныхъ, но въ то-же время и мощныхъ объятіяхъ. Съ каждымъ поворотомъ весла гористый и извилистый берегъ открывалъ мнѣ другія картины и виды. То предо мною возставалъ во всемъ своемъ гордомъ величіи отрогъ Сихотэ-Алиня съ его высокими горами, возвышающимися подъ самое небо пиками, тѣсными горными проходами и глубокими черными впадинами-ущельями изъ гранита и камня; то взоръ мой падалъ на болотистый низменный берегъ съ сверкающими кой-гдѣ на солнцѣ лагунами и озерами. Лишь изрѣдка мнѣ приходилось видѣть здѣсь берега, поросшіе яркой зеленой растительностью: большей частью, безлѣсные, лишенные всякой растительности, сплошь состоящіе изъ голыхъ—то крутыхъ, то пологихъ—каменныхъ скатовъ, они выглядѣли еще мрачнѣй и печальнѣй при солнечномъ свѣтѣ.

Проѣхавъ большой выступъ береговаго утеса, мы, наконецъ, увидѣли невдалекѣ флотилію манзовскихъ шлюбокъ, бывшихъ главной цѣлью моего путешествія.

Сверхъ ожиданія, я нашелъ здѣсь не больше ста —двухсотъ про-

*) Акулъ здѣсь, въ сѣверной части Японскаго моря, дѣйствительно, не особенно много, хотя водятся онѣ, главнымъ образомъ, именно здѣсь, близъ Посьета, и особенно къ востоку отъ недалекаго мыса Гамова. Случается, впрочемъ, что акулы забѣгаютъ иногда даже въ Амурскій и Уссурійскій заливы, омывающіе полуостровъ, на которомъ расположенъ Владивостокъ. Наглость этихъ хищниковъ доходитъ до того, что онѣ иногда гоняются за появляющимися здѣсь пароходами, и однажды, напримѣръ, акула даже откусила спущенный съ кормы лагъ, какъ это случилось недавно съ пароходомъ „Новикъ", на которомъ я долженъ былъ вскорѣ уѣхать изъ Посьета.

мысловыхъ лодокъ, на которыхъ работало всего человѣкъ 500—600 китайцевъ. Обыкновенно, какъ мнѣ было извѣстно, промысловыхъ лодокъ здѣсь бываетъ гораздо больше: 1000 и даже $1^1/_2$, съ 3—4 тысячами рабочихъ-китайцевъ. Это замѣтное уменьшеніе промысловыхъ лодокъ объясняется тѣмъ, что въ послѣдніе два—три года мѣстной администраціей установленъ строгій надзоръ за нашей морской границей, и промышленники обложены сборами въ пользу казны. До этого времени на всемъ почти протяженіи нашей морской границы въ краѣ—отъ Тюмень-Улы до бухты Пластунъ—ловъ производилъ всякій, кто хотѣлъ. По преимуществу же занимались да и теперь еще занимаются у нашихъ береговъ промысломъ морской капусты: у прибрежья Уссурійскаго края—китайцы, у береговъ острова Сахалина—главнымъ образомъ японцы, не уплачивая никакихъ сборовъ и пошлинъ, что лишало наше правительство большихъ доходовъ, если принять во вниманіе, что даже по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ вывозъ морской капусты изъ нашихъ предѣловъ въ Китай превышалъ ежегодно 1.200,000 р. с.! *) Эти цифры едва-ли, впрочемъ, даже приблизительно опредѣляютъ истинное количество вывозимой капусты; благодаря отсутствію надзора (онъ установленъ только

Маньчжуръ.

*) Именно 500.000 пуд., считая по 2,41 таэля за пикуль, или по 2 р. 19 к. за пудъ. Это, впрочемъ, только *приблизительная* цифра, т.-е. далеко меньше дѣйствительной, косвеннымъ образомъ добытая изъ отчетовъ китайскихъ таможенъ, публикуемыхъ въ „Reports of trade at the treaty ports in China“. Данныя эти къ тому-же относятся къ 1885 году. Изъ тѣхъ-же „Reports“ видно, между прочимъ, что вывозъ русской капусты съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе усиливается, даже больше японской.

три года назадъ) и контроля за промысломъ, есть основаніе думать, что немало десятковъ тысячъ пудовъ вовсе ускользаетъ отъ учета.

Была, впрочемъ, какъ послѣ оказалось, и еще одна причина, вызвавшая сокращеніе промысла у побережья Посьетскаго округа:— въ этомъ году въ сосѣдней Небесной имперіи царилъ, по слухамъ, сильный неурожай, приближавшійся къ голоду, и это значительно сократило добычу и вывозъ морской капусты не только здѣсь въ Посьетскомъ округѣ, но и дальше на сѣверѣ, у береговъ Сахалина и даже въ Японіи, прибрежье которой изобилуетъ этой водорослью даже больше, чѣмъ прибрежье Уссурійскаго края и Сахалина.

Я долженъ, однако, замѣтить, что, вообще говоря, сбытъ морской капусты, а, слѣдовательно, и успѣшность самаго промысла зависитъ не отъ одной только степени урожайности въ ближнемъ Китаѣ, гдѣ исключительно существуетъ спросъ на нее. Въ не меньшей мѣрѣ на расширеніи или сокращеніи промысла отражается: во-первыхъ, самая урожайность морской капусты,—неодинаковая въ различные годы отъ причинъ, до сихъ поръ еще не выясненныхъ; во-вторыхъ, качество ея, неодинаковое въ различныхъ частяхъ Японскаго моря (именно, лучшіе сорта добываются у береговъ Японскаго архипелага, нѣсколько хуже сортъ морской капусты, добываемой на Сахалинѣ, еще хуже—добываемая у сѣверо-восточныхъ береговъ Уссурійскаго края, и, наконецъ, еще хуже—на югѣ, въ Посьетскомъ округѣ), въ-третьихъ, конкуренція японской капусты,—такъ, наконецъ, и самая обработка ея, которая, къ слову сказать, здѣсь всегда проигрываетъ въ сравненіи съ японской, и конкурренція въ китайскихъ портахъ со стороны добываемой на Малакскомъ полуостровѣ однокачественной водоросли, извѣстной подъ именемъ „агаръ-агаръ".

Но даже въ лучшемъ случаѣ, т.-е. даже при вполнѣ благопріятномъ рынкѣ, южно-уссурійская морская капуста до самаго послѣдняго времени пользовалась слабымъ спросомъ вслѣдствіе своихъ плохихъ качествъ по сравненію съ японской,—что является, къ слову сказать, въ значительной степени неизбѣжнымъ послѣдствіемъ практикующихся здѣсь хищническихъ способовъ добычи,—добычи никѣмъ не контролируемой, никакими правилами не регламентированной и не соображающейся съ спеціальными условіями произрастанія этой водоросли.

Какъ утверждаетъ г. Семеновъ *),—единственный въ краѣ русскій

*) См. его докладъ въ „Общ. изученія Амурскаго края". Владивостокъ, 1886.

промышленникъ, болѣе 20 лѣтъ занимающійся добычей морской капусты,—полнаго развитія морская капуста достигаетъ только на второй годъ послѣ сбора. Такимъ образомъ, при правильной постановкѣ промысла сборъ капусты долженъ повторяться не раньше двухъ лѣтъ и притомъ, именно, въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда водоросль достигаетъ полнаго своего развитія; сборъ, совершаемый при такихъ условіяхъ, по его наблюденіямъ, не принесетъ ущерба промыслу въ будущемъ, и урожаи ея при такихъ условіяхъ будутъ всегда одинаковы, поскольку на нихъ не окажутъ, впрочемъ, вліянія другія, еще невыясненныя условія, вслѣдствіе которыхъ вообще капуста родится въ иное лѣто плоше, чѣмъ въ другое, какъ можно убѣдиться въ этомъ даже въ мѣстахъ, которыхъ вовсе еще не коснулся промыселъ.

Правильное производство промысла, съ соблюденіемъ указанныхъ періодовъ, по наблюденіямъ того-же промышленника, вполнѣ совпадающимъ съ наблюденіями японскихъ промышленниковъ,—весьма часто даже содѣйствуетъ росту морской капусты и ея урожайности, такъ какъ при особенно обильномъ урожаѣ въ мѣстахъ, не подвергающихся правильной разработкѣ, отжившіе листы капусты, не убранные своевременно, ложатся на дно такимъ толстымъ слоемъ, что препятствуютъ въ слѣдующемъ году развитію молодыхъ порослей, въ ущербъ сбору.

И только на мелкихъ мѣстахъ, у самаго берега, это неблагопріятное для урожайности обстоятельство—и то не всегда—устраняется тѣмъ, что либо въ осеннія бури волны вырываютъ густыя поросли и выбрасываютъ ихъ на берегъ, либо-же въ болѣе позднее время года нагроможденный вѣтромъ ледъ срываетъ листья съ корней и уноситъ ихъ съ собой при повышеніи воды.

Въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, къ сожалѣнію, особенно тамъ, гдѣ ловъ морской капусты, какъ, напримѣръ, и въ томъ промысловомъ участкѣ, гдѣ я сейчасъ нахожусь, находится въ рукахъ у хищниковъ-китайцевъ и маньчжуровъ, по преимуществу мелкихъ промышленниковъ,—о правильной добычѣ морской капусты пока еще и рѣчи быть не можетъ.

Оттого-то, между прочимъ, здѣсь и сокращается съ каждымъ годомъ ловъ этой водоросли, и урожайность ея здѣсь ниже средней, и качествомъ она здѣсь хуже, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ Японскаго моря, да и тщательность ея обработки куда хуже, чѣмъ у нашихъ сосѣдей-японцевъ.

Послѣднее обстоятельство бросилось мнѣ, между прочимъ, въ глаза

сейчасъ-же, какъ только я началъ приближаться къ манзовской флотиліи, состоявшей почти исключительно изъ маленькихъ шлюбокъ, замѣтно отличающихся отъ тѣхъ, которыя находятся въ употребленіи въ портахъ Уссурійскаго края: промысловыя лодки имѣютъ болѣе узкую корму и носъ и болѣе высокіе борты.

Я ѣхалъ очень близко отъ берега и съ шлюбки могъ ясно видѣть, какъ халатно и неаккуратно обращались эти промышленники, вѣрнѣе, хищники, со своей цѣнной добычей: по всему побережью то тамъ, то сямъ, близъ самой воды, виднѣлись горы морской капусты, разложенной прямо на землѣ для просушки на солнцѣ.

Между тѣмъ, аккуратность и тщательность въ раскладкѣ добытой капусты существеннымъ образомъ вліяетъ на ея качество и, съ другой стороны, небрежность въ этомъ процессѣ не менѣе существенно отражается на цѣнности добычи.

Мнѣ приходилось позже видѣть въ Японіи, какъ обходятся съ добытой изъ моря капустой японскіе промышленники. Большей частью, они ея на землѣ вовсе не просушиваютъ, а устраиваютъ для этой цѣли деревянные подмостки на т. н. „ко́злахъ", чѣмъ вполнѣ устраняется присыханіе къ лопастямъ водоросли песчинокъ, земли и т. п., значительно уменьшающихъ цѣнность добычи. Если-же по какимъ-нибудь причинамъ просушка производится на землѣ, а не на „ко́злахъ", то для этой цѣли выбирается по преимуществу каменистый грунтъ, причемъ тщательно, до послѣдняго листика, вырывается съ корнемъ вся трава, пробивающаяся между камнями. И это имѣетъ огромное значеніе для добычи, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ морская капуста соприкасается съ травой, она успѣваетъ сгнивать раньше, чѣмъ просушиться, и, такимъ образомъ, либо дѣлается ни къ чему негодной, либо-же крайне низкопробной, извѣстной подъ названіемъ „удоменьдинъ".

Но китайскихъ промышленниковъ, повидимому, весьма мало смущало это обстоятельство, судя по тому обильному количеству сгнившихъ, листьевъ морской капусты, которое я встрѣтилъ на поверхности чуть колеблющагося моря, когда подъѣхалъ къ промысловымъ лодкамъ.

Не могу сказать, чтобы здѣсь встрѣтили меня особенно радушно и гостепріимно. Куда ни обращалъ я своихъ взоровъ, я всюду встрѣчалъ недружелюбные взгляды маньчжуровъ, смотрѣвшихъ на меня съ плохо скрытой злобой и подозрительностью. И мнѣ здѣсь еще одинъ лишній разъ пришлось убѣдиться въ той розни, въ той отчужденности.

которая вездѣ. гдѣ-бы вы ни встрѣтились съ сыномъ Неба, китайской стѣной отдѣляетъ его отъ европейца.

Кажется, нигдѣ больше, чѣмъ здѣсь на Востокѣ, европейскому туристу не приходится встрѣчать такой явной враждебности. Въ этомъ, помню, мнѣ впервые пришлось убѣдиться еще въ бытность мою въ Шанхаѣ. Когда я вздумалъ тамъ безъ провожатаго и, главнымъ образомъ, безъ полисмена, заглянуть вглубь туземныхъ кварталовъ, то натолкнулся тамъ на такіе злобные, горѣвшіе нескрываемой ненавистью, взгляды, что поспѣшилъ поскорѣе убраться оттуда. Европейцы (французы и американцы), жившіе подолгу тамъ въ особыхъ, вполнѣ благоустроенныхъ settlement'ахъ, которымъ я разсказывалъ объ этомъ приключеніи, серьезно увѣряли меня, что ихъ ничуть не удивило-бы, если бы китайцы „по-своему" расправились со мною, т.-е. спустили меня въ мутно-желтыя воды Ян-тсе-кіанга, „откуда,—добавили они,—еще никому въ живыхъ не удалось возвратиться".

— За что?—въ недоумѣніи воскликнулъ я.

— За то, что вы—европеецъ... Этого достаточно,—безаппелляціонно заявили мнѣ.—Мы, здѣсь живущіе, никогда не рѣшаемся входить въ туземные кварталы, не принявъ необходимыхъ мѣръ предосторожности: мы не входимъ туда безъ оружія, въ немногочисленномъ обществѣ и безъ полисмена.

Едва-ли, впрочемъ, въ возникновеніи этихъ столь обостренныхъ отношеній съ желтой расой виновны одни китайцы. Стоитъ только вспомнить тѣ прискорбные эпизоды, которыми сопровождалось вторженіе европейцевъ въ порты Небесной имперіи, стоитъ только вспомнить тѣ подвиги европейцевъ-же, которыми они ознаменовывали свои домогательства на азіатскомъ Востокѣ, стоитъ только вспомнить, какъ мало считались они въ своихъ далеко не безкорыстныхъ стремленіяхъ съ національнымъ самолюбіемъ китайцевъ, съ ихъ традиціями, съ ихъ интересами, какъ сильно, наконецъ, эксплоатировали и до сихъ поръ еще эксплоатируютъ они этихъ „длиннокосыхъ варваровъ", стоитъ, наконецъ, видѣть, съ какимъ нескрываемымъ превосходствомъ и презрѣніемъ относятся гордые европейцы и теперь еще къ „ces indigenes sauvages",—чтобы значительную часть вины снять съ этихъ послѣднихъ.

Здѣсь, въ Уссурійскомъ краѣ, ко всѣмъ этимъ условіямъ, создававшимъ столь тягостную для меня обстановку на манзовскихъ промыслахъ присоединялось и еще одно, существенно важное обстоятельство, усугублявшее традиціонную враждебность всякаго китайца по отношенію къ европейцу. Весь этотъ край, всѣ эти воды, на которыхъ

сейчасъ плавно покачиваются наши лодки, еще почти вчера, — всего тридцать четыре года назадъ!—принадлежали сынамъ Неба, и эти „длиннокосые варвары“ еще не могутъ забыть потери одной изъ самыхъ лучшихъ своихъ сѣверныхъ провинцій, въ которой они еще наканунѣ были полными хозяевами, а теперь—являются только гостями, и притомъ нежеланными. Эти люди, задыхающіеся у себя на родинѣ отъ тѣсноты и хроническихъ голодовокъ, еще до сихъ поръ не могутъ простить своимъ жирнымъ мандаринамъ того, что тѣ безъ борьбы, безъ протеста, безъ крови, однимъ почеркомъ пера (по Пекинскому договору) отдали Россіи этотъ край, куда они съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе тщетно стучатся.

Явной враждебности по отношенію ко мнѣ лично китайцы-промышленники, однако, не проявляли: мы были все-же въ русскихъ владѣніяхъ, въ двухъ шагахъ отъ хорошо вооруженныхъ постовъ и урочищъ. Справедливость требуетъ притомъ-же сказать, что и недоброжелательство (скрытое) я встрѣтилъ не со стороны рабочихъ-китайскихъ кули, китайцевъ изъ сѣверныхъ провинцій Небесной имперіи, а со стороны ихъ хозяевъ-маньчжуровъ.

Хозяевами были, конечно, они, маньчжуры, какъ объ этомъ можно было судить уже по ихъ крупнымъ, рослымъ фигурамъ и той печати какой-то непримиримости во взорѣ, которая такъ поражаетъ всѣхъ туристовъ, изрѣдка заглядывающимъ въ ихъ непривѣтливую отчизну. Съ другой стороны, рабочіе были, несомнѣнно, китайцы, вѣрнѣе — китайскіе кули. На это указывалъ уже ихъ робкій, приниженный видъ, ихъ изможденныя, тщедушныя небольшія тѣла, возбуждающія всегда столько состраданія въ зрителѣ. Ихъ болѣе взысканные судьбой хозяева, маньчжуры, умудряющіеся всегда въ столкновеніяхъ съ китайцами держать ихъ въ кабальной отъ себя зависимости, были здѣсь таковы-же, какъ и у себя на родинѣ: гордые, надменные и деспотичные съ низшими и болѣе слабыми, подобострастные—съ высшими и болѣе сильными. Это были все тѣ-же маньчжуры, которые за время своего сравнительно непродолжительнаго владычества надъ Китаемъ въ конецъ развратили эту націю своей пагубной системой управленія,—системой, убившей въ китайскомъ народѣ всякое самобытное стремленіе къ благородству и подвигу, всякую иниціативу, самодѣятельность и предпріимчивость, стѣснившей домашнюю жизнь китайца невѣроятнымъ множествомъ обрядовъ, „спутавшей, по выраженію одного путешественника, его общественную жизнь такими пріемами, такой регламентаціей и обязательными церемоніа-

лами, число которыхъ даже для самаго простаго человѣка выходитъ свыше тысячи".

Работы я засталъ въ самомъ разгарѣ. Солнце ярко свѣтило. море слегка подернуто было легкою зыбью, не препятствовавшей разсмотрѣть въ водѣ водоросль, и рабочiе (по два-три человѣка на каждой шлюбкѣ) то и дѣло опускали на дно свои оригинальныя вилки,— единственное орудiе производства въ этомъ промыслѣ, и вытаскивали въ шлюбку кусты морской капусты, обильно усѣивавшей подводные рифы *). Вилка эта, замѣчу, очень проста и удобна. Она представляетъ собой шестъ произвольной длины, глядя по глубинѣ моря (не болѣе, однако, 28 футовъ, такъ какъ на большей глубинѣ управляться съ ней уже трудно); у одного конца ея по окружности вставляются палочки, какъ спицы въ колесѣ. Взявъ этотъ шестъ за верхнiй конецъ, рабочiй опускаетъ его въ воду и старается захватить имъ кустъ морской капусты у его основанiя; затѣмъ, онъ поворачиваетъ шестъ нѣсколько разъ вокругъ вертикальной оси, наматываетъ водоросль на спицы и вытягиваетъ ее на лодку, обрубая корни, которые бросаетъ снова въ море. Любопытно, между прочимъ, то обстоятельство, что, какъ въ этомъ увѣряли меня не одни здѣшнiе промышленники, эти корни не теряютъ своей производительной силы и пускаютъ ростки такъ-же хорошо, какъ и тѣ, которые вовсе не тронуты промышленниками.

Добыча морской капусты не вездѣ производилась здѣсь одинаковымъ способомъ. Ближе къ берегу, на глубинѣ, не превышавшей 3—4 футовъ, употребленiе описаннаго шеста, въ видахъ бóльшаго удобства, замѣнялось искривленнымъ ножемъ, которымъ водоросль срѣзывалась подъ корень и затѣмъ уже вытаскивалась прямо руками въ лодку; при этомъ бѣднымъ китайцамъ приходилось работать уже почти по поясъ въ водѣ.

Морская капуста, которую здѣсь добывали, была, какъ я уже упоминалъ, не важнаго свойства, низкопробная, чему виною былъ какъ хищническiй способъ добычи, такъ и общiя условiя, въ силу которыхъ капуста на южномъ побережьи Уссурiйскаго края хуже, чѣмъ на сѣверномъ. Здѣсь добывалась, главнымъ образомъ, либо „сеѣза" (т.-е. молодая поросль, требующая при правильной организацiи промысла еще года отдыха для полнаго своего развитiя), либо-же такъ называемая „лабаньцза", т.-е. перестоявшаяся капуста. Самый видъ, форма кустовъ

*) Эта водоросль произрастаетъ преимущественно на каменистомъ грунтѣ.

и цвѣтъ водоросли были, съ китайской точки зрѣнія, т.-е. съ точки зрѣнія потребителей, оцѣнивающихъ этотъ товаръ, неудовлетворительны.

Лучшей морской капустой (представляющей собой кустъ сходящихся основаніями у корня листьевъ, большей или меньшей длины и густоты) китайцы считаютъ такую, которая имѣетъ очень длинные листья (до 45 фут.!), отличающіеся, притомъ, одинаковой толщиной какъ въ срединѣ, такъ и по краямъ, и сохраняетъ свой естественный буровато-зеленый цвѣтъ даже въ высушенномъ видѣ. Этотъ сортъ капусты, пользующійся преимущественнымъ спросомъ, называется „таѣза“.

Здѣшняя капуста далеко не удовлетворяетъ описаннымъ требованіямъ: и листья ея не особенно длинны, и толщина ихъ неодинакова и неравномѣрна, и цвѣтъ ея, особенно послѣ просушки—красновато-желтый. Словомъ, это самый низшій сортъ капусты, которую потребляютъ бѣднѣйшіе слои китайскаго населенія.

Меня, между прочимъ, интересовалъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между рабочими-китайцами и ихъ хозяевами маньчжурами. Не легко, однако, мнѣ было добиться интересовавшихъ меня подробностей. Отчасти этому препятствовали недружелюбные взгляды, которые маньчжуры бросали на своихъ подчиненныхъ, какъ только тѣ вступали со мною въ бесѣду; отчасти-же этому сильно мѣшало слабое знаніе китайцами русскаго языка, не взирая на то, что они годами не выѣзжаютъ изъ Уссурійскаго края, такъ какъ въ видахъ сокращенія расходовъ, хозяева-маньчжуры, уѣзжающіе обыкновенно съ окончаніемъ промысловаго сезона въ сосѣдній Хунь-Чунь, оставляютъ рабочихъ зимовать здѣсь-же на берегу въ наскоро устроенныхъ и на живую нитку сколоченныхъ фанзахъ, превосходящихъ, къ слову сказать, своими неудобствами все, что мнѣ приходилось когда-либо видѣть въ этомъ отношеніи: сырость, грязь, убожество обстановки, широкія щели въ потолкѣ и стѣнахъ,—всѣмъ этимъ фанзы положительно злоупотребляли.

Говорить съ китайцами было очень трудно. И мнѣ, и имъ приходилось употреблять всѣ силы ума, воображенія, памяти, всевозможные извороты, ухищренія, окольные пути и подходы для того, чтобы, въ концѣ концовъ, быть едва понятыми другъ другомъ. Мнѣ приходилось говорить съ ними такъ, какъ говорятъ съ годовалыми дѣтьми, едва начинающими лепетать. Я долженъ былъ употреблять простѣйшія слова и выраженія, какія я только могъ придумать; я вынужденъ былъ пренебрегать родами, числами, падежами; глаголы мнѣ можно было употреблять исключительно въ неопредѣленномъ наклоненіи. Но какихъ мукъ стоило и мнѣ и имъ, пока мы доходили до

взаимнаго пониманія. Здѣсь я впервые убѣдился, какое огромное значеніе имѣютъ для человѣческаго общенія и взаимнаго обмѣна мыслей мимика, выразительная интонація и, главнымъ образомъ, тотъ особый языкъ жестовъ и демонстративный способъ объясненія мыслей, которые мнѣ во дни моей юности сослужили такую хорошую службу, когда я дрессировалъ простую дворняшку.

Summa summarum, мнѣ, все-таки, удалось добиться не лишенныхъ интереса подробностей, вполнѣ подтвердившихся впослѣдствіи при разспросахъ моихъ владивостокскихъ пріятелей-китайцевъ, говорившихъ довольно сносно по-русски *).

Разсчетъ съ китайскими рабочими производится задѣльный, приблизительно около 0,35 лана за пикуль **) капусты добытой, высушенной и сданной къ борту уходящаго въ Китай судна. Принимая во вниманіе, что каждый рабочій, въ среднемъ вырабатываетъ въ теченіи промысловаго сезона 100—120 пикулей,—эту плату можно было-бы назвать даже хорошей, такъ какъ при этихъ условіяхъ рабочій зарабатывалъ-бы въ теченіи одного сезона—съ марта по октябрь—до 150 р. Но дѣло въ томъ, что разсчетъ этотъ, такъ сказать, теоретическій, и осуществленіе его зависитъ отъ такихъ условій и производится въ такихъ формахъ, что у китайца-рабочаго, въ концѣ концовъ, не только ровно ничего не остается, но къ концу одного—двухъ сезоновъ онъ даже умудряется сдѣлаться неоплатнымъ должникомъ своего хозяина-маньчжура.

Дѣло въ томъ, что хозяинъ-маньчжуръ устанавливаетъ цѣну за трудъ рабочаго только условно и, болѣе или менѣе, гадательно. Окончательный разсчетъ производится уже послѣ того, какъ капуста доставлена на китайскіе рынки и находится въ прямой зависимости отъ той цѣны капусты, какая тамъ существуетъ въ моментъ продажи.

Благодаря этому, рабочіе-китайцы не только во время промысловаго сезона, но даже въ теченіи всей послѣдующей зимы не имѣютъ и приблизительнаго представленія о томъ, по какой, собственно говоря, цѣнѣ они работали и какъ велика сумма, заработанная каждымъ.

По существующимъ, далѣе, обычаямъ, впредь до окончательнаго разсчета, рабочій ни одной копѣйки наличными деньгами въ счетъ

*) Сообщенныя мнѣ китайцами свѣдѣнія подтверждаются также г. Семеновымъ, а также частнымъ письмомъ одного знакомаго, сообщавшаго мнѣ съ о. Сахалина подробности, вполнѣ совпадавшія съ тѣми, которыя мнѣ удалось добыть на мѣстѣ.

**) Пикуль=3 п. 27 ф.; ланъ, серебряная китайская монета,—около 3 р.

заработка не получаетъ. Въ счетъ заработка въ теченіи промысловаго сезона хозяинъ доставляетъ ему на мѣсто работъ пищу и одежду (китайцы работаютъ здѣсь на полномъ своемъ содержаніи); зимою-же, въ періодъ прекращенія работъ, хозяинъ открываетъ ему кредитъ, исключительно, впрочемъ, на предметы первой и настоятельной необходимости, въ своихъ-же лавкахъ въ Хунь-Чунѣ, куда рабочему предоставляется, какъ онъ можетъ и знаетъ, отправляться за ними и способами, ему одному только извѣстными, доставлять ихъ въ зимній холодъ, стужу и пургу на промысловыя зимовья.

Такъ длится обыкновенно до слѣдующей весны, т.-е. до начала слѣдующаго промысловаго сезона. Съ наступленіемъ весны на промысловый участокъ является хозяинъ, успѣвшій уже къ тому времени распродать весь прошлогодній сборъ, и тогда-то, собственно говоря, и начинается окончательный разсчетъ; тогда-же, между прочимъ, рабочіе окончательно узнаютъ и ту цѣну, за которую они работали въ теченіи прошлаго сезона.

Прежде всего, изъ суммы заработка высчитывается, конечно, все то, что было рабочими забрано въ теченіи всего предыдущаго года провизіей и одеждой.

Потребности китайскаго рабочаго крайне мизерны и за вычетомъ стоимости забраннаго ими, даже по тѣмъ крайне высокимъ цѣнамъ, которыя ставятся имъ въ счетъ хозяевами-маньчжурами,—все же остается излишекъ, который долженъ быть выданъ имъ на руки серебрянными ланами.

Но тутъ оказывается, что при сдачѣ бунтовъ капусты покупщику въ Шанхаѣ или Чифу хозяиномъ замѣчено было въ нихъ присутствіе песка, приставшаго, будто-бы къ стеблямъ вслѣдствіе неаккуратной просушки. По „взаимному“ уговору, рабочіе въ этомъ случаѣ подвергаются штрафу или вычету изъ заработной платы въ размѣрѣ отъ 40 до 50%.

Случается, впрочемъ, что даже и послѣ этого вычета, большей частью поглощающаго весь излишекъ, подлежащій выдачѣ рабочему на руки, остается еще, въ весьма рѣдкихъ, къ слову сказать, случаяхъ, небольшая сумма, которую рабочій разсчитываетъ получить наличными деньгами. Хозяинъ-маньчжуръ охотно готовъ былъ бы выдать ее рабочему, но, „къ великому его сожалѣнію“, капуста, которую они всѣ здѣсь отнесли къ сорту „лабаньцза“,—въ мѣстѣ продажи, какъ оказалось, не могла быть по своимъ впослѣдствіи обнаружившимся качествамъ отнесена къ этому сорту и пошла по цѣнѣ низшаго сорта—„лоди“. Такимъ образомъ, рабочій не только не можетъ

разсчитывать на излишекъ, но и долженъ еще возмѣстить хозяину всю ту потерю, которую онъ понесъ, благодаря низшей оцѣнкѣ...

Благодаря всему этому, въ концѣ концовъ, получается то, что рабочій только съ наступленіемъ слѣдующаго промысловаго сезона узнаетъ, что не только нѣтъ никакихъ основаній для получки за работу прошлаго года, но что самъ онъ уже долженъ своему хозяину, неожиданно для него ставшему по отношенію къ нему въ положеніе кредитора. Теперь ему приходится думать уже не о заработкѣ, а о томъ, чтобы какъ-нибудь раздѣлаться съ возникшимъ для него, повидимому, столь естественнымъ путемъ, долгомъ. Но, само собою разумѣется, чѣмъ больше работаетъ китаецъ, тѣмъ больше растетъ его задолженность, тѣмъ туже и туже затягивается петля вокругъ его шеи и тѣмъ меньше у него надежды вырваться изъ безъисходной. безнадежной кабальной зависимости отъ хуньчунскихъ маньчжуровъ.

Можно себѣ представить, до какой степени обнищанія дошли у себя на родинѣ эти несчастные люди, когда они соглашаются работать на такихъ убійственныхъ и болѣе чѣмъ возмутительныхъ условіяхъ, завѣдомо и заранѣе зная, къ чему все это поведетъ!..

Всѣ китайцы-рабочіе, которыхъ я здѣсь видѣлъ, были въ такомъ же положеніи, и стоило только видѣть ихъ приниженныя фигуры, робкія лица, изможденный и истощенный видъ, истрепанныя курмы и шаровары, чтобы проникнуться чувствомъ безконечнаго къ нимъ состраданія.

Хозяева-маньчжуры остаются, конечно, не въ убыткѣ отъ описаннаго способа расплаты съ рабочими. Этотъ способъ имѣетъ для нихъ еще и ту выгоду, что ставитъ ихъ внѣ конкурренціи со всякими другими промышленниками-европейцами. Этимъ, между прочимъ, главнымъ образомъ и объясняется то обстоятельство, что русская предпріимчивость, за единственнымъ исключеніемъ, до сихъ поръ обходила этотъ промыселъ, дающій солидные доходы даже при добросовѣстной расплатѣ съ рабочими (до 70 к. за пудъ) и имѣющій большія перспективы въ грядущемъ *).

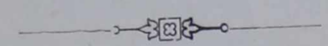
*) Вотъ цифры, взятыя изъ цитированныхъ уже мной „Reports“ и указывающія на то, что, несмотря на лучшія качества японской капусты по сравненію съ русской, спросъ на послѣднюю все возрастаетъ, между тѣмъ какъ на первую съ каждымъ годомъ онъ все болѣе и болѣе падаетъ:

Вывезено капусты въ Китай въ 1865—1868 гг.	русской—51432 пик.	япон.—20489 пик.
„ „ „ „ „ 1869—1872 „	„ 94038 „	„ 20027 „
„ „ „ „ „ 1875—1878 „	„ 71701 „	„ 7802 „
„ „ „ „ „ 1879—1882 „	„ 94291 „	„ 12363 „

Впрочемъ, кромѣ неопреодолимой конкурренціи со стороны китайцевъ, русскіе предприниматели встрѣчаютъ сильныя помѣхи также и въ своеобразныхъ условіяхъ китайскаго рынка. Дѣло въ томъ, что, какъ это выяснилось изъ опыта, произведеннаго г. Семеновымъ, вся торговля иностранцевъ съ китайцами, по изстари заведенному обычаю, ведется на наличныя деньги, что, конечно, сильно стѣсняетъ китайскихъ покупателей и затрудняетъ совершеніе сдѣлокъ.

Между тѣмъ, торговля между китайцами производится совсѣмъ иначе.

Маньчжуръ, доставляющій морскую капусту на рынокъ, въ обмѣнъ на нее получаетъ не деньги, а товары (черносливъ, вермишель и т. п.), имѣющіе сбытъ въ Маньчжуріи. Эти товары маньчжуръ, въ свою очередь, обмѣниваетъ лишь частью на деньги, частью-же—въ обмѣнъ на предметы потребности для рабочихъ, которые, въ свою очередь, въ слѣдующій промысловый сезонъ поступаютъ въ новый оборотъ уже на побережьи Уссурійскаго края. Наживая при каждомъ такомъ обмѣнѣ, китаецъ пользуется, правда, небольшимъ процентомъ, но все-же получаетъ возможность такъ дешево продавать морскую капусту, что никакой европеецъ не угоняется за нимъ. Такая сложная операція,—справедливо замѣчаетъ г. Семеновъ,—совершенно невозможна для русскаго, который никогда не пріобрѣтетъ обширныхъ торговыхъ связей внутри Китая, встрѣчая вездѣ лишь дружное противодѣйствіе со стороны туземцевъ.

XVI.

Японскимъ моремъ.

Заливъ вечеромъ.—На палубѣ „Новика".—Мысъ Гамовъ.—О. Фуругельмъ.—Сивучи и нерпы.—Берегъ материка.—Жертвоприношенія манзъ.—Впечатлѣнія.—Мѣры къ развитію русскаго каботажа.—Плаваніе у береговъ Уссурійскаго края. — Отзывъ моряка. — Отсутствіе безопасности. — Неувѣренность моряковъ.—Недостатки картъ, промѣровъ и лоціи.—Пріѣздъ.

....Медленно пробирается впередъ моя шлюбка. минуя подводные рифы, испещряющіе все побережье Посьетскаго округа. Въ воздухѣ стоитъ невозмутимая тишина, нарушаемая лишь слабымъ плескомъ волнъ Японскаго моря о борты моей шлюбки.

Мой угрюмый и мрачный шлюбочникъ-манза,—настоящій Харонъ.—возмутительно неразговорчивъ. какъ ни стараюсь я расшевелить его и вывести изъ того состоянія непреклонной сосредоточенности и безнадежной мизантропіи, которое словно отъ дня его рожденія застыло на его желтомъ, скуластомъ, пергаментномъ лицѣ. носящемъ на себѣ несомнѣнные слѣды сильнаго злоупотребленія опіумомъ.

Но, вотъ, изъ-за тучъ на море проглянула луна,—бѣлая, ослѣпительная, яркая, какая изрѣдка посѣщаетъ въ лѣтнюю пору уссурійскій небосклонъ.

Въ морѣ быть въ такую пору большое наслажденіе. Въ воздухѣ разлито тепло; дышется вольно, свободно, чувствуешь какъ жизнь и здоровье разливаются по жиламъ и невольно поддаешься очарованію этой безмолвной лунной ночи, тишина которой нарушается лишь слабымъ скрипомъ весла.

Окрестные виды подавляютъ своей красотой и безмолвіемъ. Съ одной стороны тянется безбрежное море, которое словно зажглось

серебристымъ свѣтомъ яркой луны и, точно море бриліантовъ, искрится и сверкаетъ въ своемъ вѣковѣчномъ просторѣ. Слѣва видны извилистые, излучистые берега материка и въ отдаленьи—нависшія надъ ними, парящія въ воздухѣ окутанныя лунною дымкой исполинскія пограничныя горы. Въ полусумракѣ вечера ихъ очертанія смутны, причудливы, едва уловимы, мѣняются на тысячу ладовъ отъ движенія шлюбки.

Объятый нѣжнымъ и теплымъ дыханіемъ ночи, безмолвно любуюсь я окрестными видами, гляжусь въ обширное зеркальное пространство воды, слѣжу за исчезающими силуэтами пиковъ и горъ. Такая чудная ночь выпадаетъ не часто на долю обывателей Уссурійскаго края; упоительная, красивая, изящная, — она способна растопить сердце самаго холоднаго и ко всему равнодушнаго человѣка.

Мой Харонъ, однако-же, совершенно нечувствителенъ ко всѣмъ этимъ дарамъ, которые такъ щедро изливаетъ на насъ море, природа и небо. Онъ какъ будто еще болѣе замкнулся въ себя, и если раньше онъ отвѣчалъ мнѣ хоть односложными звуками, то теперь вовсе оставляетъ безъ отвѣта мои вопросы и вплоть до пріѣзда къ пароходу „Новикъ" не разжималъ уже своихъ плотно сомкнутыхъ устъ.

На „Новикѣ" (куда я направлялся для дальнѣйшаго слѣдованія моремъ во Владивостокъ изъ Посьета) къ моменту моего прибытія заканчивались уже приготовленія къ отъѣзду, и, спустя два-три часа, онъ уже мчался впередъ полнымъ, увѣреннымъ ходомъ, обливаемый снопами яркаго луннаго свѣта, и рѣзалъ своей острою грудью гладко-зеркальную воду, которая, чуть пѣнясь и сверкая фосфорическимъ свѣтомъ, провожала наше судно и широкой блестящей змѣйкой мчалась вслѣдъ за нами.

Я вышелъ на палубу.

Мы проходили это время невдалекѣ отъ острова Фуругельма, бывшаго у насъ на траверзѣ. Днемъ можно, говорятъ, съ этого мѣста разсмотрѣть нерпъ и сивучей, — этихъ „морскихъ львовъ", которые водятся здѣсь на надводныхъ утесахъ, окружающихъ островъ. Своеобразный лай этихъ странныхъ, съ виду свирѣпыхъ, но, въ сущности, кроткихъ животныхъ, доносится къ намъ въ тишинѣ ночи, смѣшанный съ шумомъ отдаленнаго морскаго прибоя, разбивающагося о береговые утесы.

Скоро налѣво отъ насъ показался окутанный мглистою дымкой

гигантскій утесъ, далеко отбрасываемый съ высоты двухъ тысячъ футовъ въ море отрогомъ Туманной горы, господствующей надъ полуостровомъ Гамова. Этотъ колоссъ давалъ намъ о себѣ знать еще задолго до того, какъ мы его на горизонтѣ увидѣли, бѣшенымъ грохотомъ, стукомъ и громомъ, несшимися намъ навстрѣчу оттуда.

Вахтенный офицеръ и команда сразу настораживаются, дѣлаются необычайно серьезными и вперяютъ глаза по направленію къ чуть виднѣющейся ихъ опытному и привычному глазу сѣрой стопѣ Туманной горы. Съ „Гамовымъ" шутки опасны: онъ вѣчно бурлитъ и бушуетъ, у его подножья непрестанно разбиваются мощныя волны, отбрасываются имъ обратно и производятъ здѣсь такое волненіе, что на далекое разстояніе отъ него даже для большихъ океанскихъ судовъ затрудняется плаваніе. Нужна большая осторожность, осмотрительность, опытность, ловкость, чтобы, огибая этотъ исполинскій утесъ, не попасть въ эту ужасную толчею, которая даже для большаго корабля не всегда безопасна.

Старожилы-обитатели Уссурійскаго края разсказываютъ, что манзы, всякій разъ, какъ рѣшались на своихъ неуклюжихъ шаландахъ и джонкахъ огибать этотъ мысъ, окруженный вѣчно кипящими въ бѣшенной пляскѣ бурунами, приносили безкровныя жертвы своимъ многочисленнымъ божествамъ и молились въ кумирняхъ. Позади Туманной горы и теперь еще можно видѣть руины одной кумирни, служившей для этихъ цѣлей лѣтъ 20—30 назадъ, т.-е. въ первые годы присоединенія Уссурійскаго края къ Россіи. Нынѣ отъ этой кумирни остались лишь разбросанные тамъ и сямъ средь развалинъ обломки изображеній китайскихъ драконовъ.

Мысъ Гамовъ остался, наконецъ, у насъ позади, и команда легче вздохнула. Море опять гладко и спокойно, какъ зеркало, и нашъ пароходъ, который еще четверть часа назадъ скрипѣлъ и боролся съ волненьемъ, то выскакивая на гребень волны, то всѣмъ носомъ въ нее зарываясь и почти исчезая подъ напоромъ ея, — нынѣ опять пришелъ въ спокойное состояніе и только чуть вздрагивалъ отъ дѣйствія мощнаго винта, словно отряхивался отъ облѣпившихъ его брызгъ.

Берегъ материка (пологій и низменный на всемъ своемъ протяженіи дальше) здѣсь, вблизи Посьета, все еще продолжаетъ быть крутымъ и обрывистымъ. Безлюдные, безлѣсные, лишенные всякой растительности скалистые мысы, вертикально спускающіеся къ самому

морю, производятъ невеселое впечатлѣніе на зрителя. Кой-гдѣ лишь на обрывистомъ мысѣ стоитъ одиноко сосна, словно искусственно вса-женная въ мощный гранитъ, и уныло киваетъ своими раскидистыми зелеными вѣтками. Дальше — снова тотъ-же пустынный ландшафтъ, не оживляемый ни признакомъ зелени. Причудливыя скалы, вертикальные, отвѣсные склоны, обрывы, обращенныя къ морю ущелья, съ тихо журчащей водой, извивающейся серебристой лентой межъ камней и скалъ, — вотъ все, что мы видимъ на нашемъ пути.

Мы вышли въ открытое море. Берега почти ужъ не видно. Впереди—одно безбрежное, вѣчно шумное море, осѣненное исполинскимъ шатромъ, расшитымъ яркими звѣздами.

Одиноко плывемъ мы въ ночной тишинѣ и безмолвіи. Кругомъ, куда ни посмотришь,—ни признака паруса, мачты или пароходнаго дыма. Кажется, будто находишься въ безпредѣльномъ, неоглядномъ океанѣ, будто корабль твой идетъ по той необъятной „равнинѣ синихъ водъ“, которая тянется на тысячи верстъ, отъ полюса до полюса, и совсѣмъ забываешь о томъ, что даже Японское-то море, строго говоря, далеко ушло въ туманъ вправо отъ насъ и что „Новикъ“ (небольшое, субсидированное правительствомъ винтовое судно, предназначенное исключительно для каботажнаго плаванія между южными портами Уссурійскаго края: Владивостокомъ и заливами Славянки и Посьета — съ одной стороны и Владивостокомъ и бухтой Находкой—съ другой) находится въ прибрежной части залива Петра Великаго, всего въ какомъ-нибудь десяткѣ миль отъ материковаго берега и пяти-шести десяткахъ—отъ прибрежныхъ внутреннихъ портовъ, между которыми онъ (по контракту съ правительствомъ) совершаетъ свои обязательные рейсы.

Между тѣмъ, плаваніе по заливу Петра Великаго и даже по Амурскому заливу всегда производило на меня впечатлѣніе плаванія по безлюдному океану. Каботажное плаваніе между находящимися на немъ портами и бухтами находится пока еще въ зародышѣ и развито крайне слабо. Наиболѣе часто бурлитъ воды залива все тотъ-же „Новикъ“; кромѣ него, здѣсь главнымъ образомъ крейсируютъ китайскія джонки и корейскія „шаланды“, которыя преимущественно и занимаются каботажемъ у береговъ Уссурійскаго края. Сравнительная громадность этихъ каботажныхъ судовъ и вліяетъ подавляющимъ образомъ на развитіе собственно русскаго каботажа и тормозитъ его на столько, что безъ содѣйствія извнѣ (т.-е. отъ казны) не видятъ возможности развить его на нашей тихоокеанской окраинѣ.

Въ послѣдніе годы въ этомъ отношеніи сдѣланы даже кое-какія попытки, исходившія пока отъ министерства финансовъ: именно, имъ ассигновано 1,500 р. „на поощреніе русскаго мелкаго каботажа на восточной окраинѣ". Спеціальная-же коммиссія, созванная въ 1883 году во Владивостокѣ для выясненія вопроса о мѣрахъ къ развитію русскаго каботажа, пришла къ тому заключенію, что борьба съ инородцами — китайцами и корейцами — до сихъ поръ кончалась въ пользу послѣднихъ, будто-бы, лишь благодаря отсутствію у русскихъ предпринимателей судовъ, пригодныхъ для плаванія по Амурскому, Уссурійскому и Петра Великаго заливамъ и впадающимъ въ нихъ рѣкамъ.

Въ виду этого, коммиссія объявила конкурсъ на выработку типа подходящихъ для означенной цѣли судовъ, постановивъ выдавать преміи въ размѣрѣ 150 руб. за проектъ лодки и по 300 руб. за проектъ судна. впрочемъ, только по сооруженіи ихъ и надлежащемъ освидѣтельствованіи, а также въ зависимости отъ предварительнаго письменнаго соглашенія. Преміи эти должны выдаваться только въ томъ случаѣ, если судохозяинъ дастъ обязательство въ своей командѣ имѣть *не менње* $^1/_3$ („въ виду отсутствія русскихъ матросовъ") русскихъ.

Такимъ образомъ, даже это субсидированное каботажное судоходство будетъ, въ сущности, даже не на половину русскимъ, и инородческій элементъ будетъ по-прежнему играть первенствующую роль въ „русскомъ" каботажѣ, съ тою лишь разницей, что онъ будетъ покровительствуемъ какъ прямыми субсидіями, такъ и косвеннымъ образомъ путемъ установленнаго въ краѣ освобожденія отъ необходимости платить въ казну налогъ за порубку казеннаго корабельнаго лѣса, идущаго для сооруженія покровительствуемыхъ судовъ и т. п. Это обстоятельство указываетъ, между прочимъ, и на истинныя причины ничтожнаго развитія въ мѣстныхъ водахъ русскаго мелкаго каботажа: очевидно, что не въ отсутствіи надлежащаго типа каботажнаго судна коренится причина подавленія русскаго каботажа инородческимъ, а все въ той же малозаселенности нашей окраины и крайней недостаточности въ ней русскаго элемента. И до тѣхъ поръ, пока русская колонизація нашей окраины не достигнетъ значительныхъ размѣровъ,—край все не будетъ имѣть возможности обходиться безъ помощи китайцевъ и корейцевъ, и никакія покровительства и „содѣйствія" не возбудятъ русскаго каботажа тамъ, гдѣ край живетъ и дышетъ китайцами и корейцами и гдѣ одинъ русскій отдѣленъ отъ дру-

гого сотнями верстъ пустынныхъ степей и тысячами верстъ непроходимой, дремучей тайги.

Такъ смотритъ на этотъ вопросъ, повидимому, и высшая администрація края. Когда на III-мъ Хабаровскомъ съѣздѣ (въ 1892/93 гг.) коммиссія изъ „свѣдущихъ людей", обсуждавшая вопросъ о русскомъ каботажѣ, пришла къ заключенію о необходимости „вовсе воспретить китайскій каботажъ на линіи Владивостокъ—Посьетъ", то на общемъ собраніи съѣзда этотъ вопросъ разрѣшенъ былъ покойнымъ генералъ-губернаторомъ, барономъ Корфомъ, въ томъ смыслѣ, что „рѣшительное запрещеніе такого каботажа до тѣхъ поръ, пока транспортировка судовъ не будетъ вполнѣ и безъ задержекъ обезпечена русскими судами, является еще преждевременнымъ".

Въ этомъ же смыслѣ высказалась недавно и командированная (въ 1896 году) коммиссіей при министерствѣ финансовъ экспедиція подъ начальствомъ т. с. Забугина. Такъ, по свидѣтельству экспедиціи, принимавшіяся до сихъ поръ на дальнемъ востокѣ къ развитію каботажа мѣры, въ видѣ премій за судостроеніе, воспрещенія иностраннаго каботажа, отпуска казеннаго лѣса на постройку судовъ и т. п., не приносятъ накакихъ результатовъ: суда, выстроенныя на одномъ изъ владивостокскихъ острововъ при помощи казны, сгнили въ портѣ, не имѣя работы. По мнѣнію тайнаго совѣтника Забугина, единственнымъ вѣрнымъ средствомъ развить русскій каботажъ является созданіе грузовъ, чего можно достигнуть лишь разумнымъ покровительствомъ устройству на прочныхъ основаніяхъ прибрежныхъ промысловъ. Рыба, лѣсъ, желѣзо, по свидѣтельству коммиссіи, изобилуютъ въ прибрежныхъ мѣстностяхъ нашей восточной окраины и могутъ дать умѣлымъ предпринимателямъ солидныя выгоды, а большому количеству рукъ вполнѣ обезпеченный заработокъ. По мнѣнію коммиссіи, прежде всего слѣдуетъ сосредоточить вниманіе на развитіи промысловъ и поощрить предпринимателей не столько преміями и другими льготами, сколько установленіемъ и неуклоннымъ соблюденіемъ такого порядка, при которомъ предприниматели безъ риска могли-бы производить затраты на первоначальное обзаведеніе, окупаемыя лишь въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ, а также уничтоженіемъ несправедливыхъ по существу и обременительныхъ по способу взиманія сборовъ, въ видѣ отпускныхъ пошлинъ. Когда явятся промышленники и вокругъ нихъ явятся поселенія рабочихъ—явятся и грузы, и необходимость перевозки послѣднихъ вызоветъ потребность въ русскомъ каботажѣ и сдѣлаетъ его выгоднымъ безъ всякихъ премій. Во всякомъ случаѣ, лишь когда будутъ

русскіе грузы, тогда только сама жизнь укажетъ, нужны-ли и въ какомъ размѣрѣ поощрительныя мѣры для развитія русскаго каботажа. Тогда же настанетъ очередь и для возбужденія вопроса о воспрещеніи каботажа иностраннаго, ибо нынѣ такое воспрещеніе можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ лишь совершенное прекращеніе сообщеній между нѣкоторыми пунктами побережья и лишеніе края даже тѣхъ немногихъ выгодъ, которыя получаются нынѣ отъ эксплоатированія нѣкоторыхъ промысловъ.

Межъ тѣмъ, берегъ окончательне скрылся изъ виду, и „Новикъ", пользуясь своимъ благопріятнымъ положеніемъ, прибавилъ ходу и, пыхтя и громыхая якорной цѣпью, на всѣхъ парахъ понесся впередъ по направленію къ Владивостоку, куда мы должны были прибыть подъ утро.

Вахтенный офицеръ и команда сразу повеселѣли: берегъ далеко, машина работаетъ хорошо, руль въ полной исправности и, стало быть, ни одной изъ тѣхъ непріятныхъ и часто весьма прискорбныхъ неожиданностей, которыми столь чревато плаваніе у береговъ Уссурійскаго края,—нѣтъ въ перспективѣ.

Впрочемъ, „Новикъ" идетъ хорошо ему извѣстнымъ путемъ и по основательно изученному имъ направленію („Новикъ" совершаетъ уже нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ еженедѣльные рейсы на линіи Владивостокъ — Посьетъ) и, слѣдовательно, можетъ быть увѣренъ въ томъ, что никакихъ задержекъ и затрудненій на своемъ пути онъ не встрѣтитъ.

Въ этомъ отношеніи онъ находится въ завидномъ и чуть-ли не исключительномъ положеніи по сравненію со всѣми тѣми судами, которымъ, по волѣ судебъ, приходится совершать свои рейсы у береговъ Уссурійскаго края, такъ какъ, вообще говоря, внѣшнія условія плаванія въ нашихъ восточныхъ водахъ таковы, что—даже при всѣхъ прочихъ благопріятныхъ условіяхъ—судно, выходя изъ одного порта въ другой, никогда не можетъ быть увѣрено, во-первыхъ, въ томъ, что оно придетъ, именно, туда, куда оно держитъ свой путь, и, во-вторыхъ, не можетъ быть даже увѣрено въ томъ, придетъ-ли оно вообще куда-нибудь въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени:—статистика крушеній, происходящихъ у нашихъ восточныхъ береговъ, краснорѣчиво подтверждаетъ эти сомнѣнія.

— Плаваніе по заливу Петра Великаго и особенно по Сѣверо-Японскому морю,—говорилъ мнѣ одинъ мѣстный морякъ,—можно зачастую уподобить плаванію по неизвѣстному морю, среди безчислен-

ныхъ, неизвѣстныхъ острововъ, на суднѣ, руководимомъ командиромъ, у котораго глаза, притомъ-же, крѣпко завязаны. Въ такомъ предпріятіи, безспорно, много отваги и риска, но еще больше опасностей, сомнѣнія и неувѣренности въ цѣлости своего „живота“....

Мой знакомый, несомнѣнно, преувеличенно и, такъ сказать, гиперболически охарактеризовалъ неблагопріятность условій плаванія у береговъ нашей тихо-океанской окраины: въ дѣйствительности, не каждый-же день суда терпятъ крушенія здѣсь. Тѣмъ не менѣе, въ словахъ моряка не все—ложь. И это находитъ себѣ объясненіе какъ въ несовершенствѣ и въ тѣхъ подъ-часъ крупныхъ недостаткахъ, которыми отличается мѣстная картографія и лоція, такъ и въ недостаточномъ изученіи мѣстной гидрографіи и гидрологіи, на самомъ дѣлѣ плохо обезпечивающемъ мореплаванію надлежащую безопасность и недостаточно ослабляющемъ вліяніе всевозможныхъ случайностей, ведущихъ иногда къ прискорбнымъ результатамъ.

Группируя все то, что мнѣ по этому поводу пришлось узнать и слышать въ теченіи моего трехлѣтняго пребыванія въ краѣ отъ лицъ, вполнѣ компетентныхъ, совершавшихъ неоднократное плаваніе у береговъ Уссурійскаго края, а также сопоставляя сообщенныя мнѣ ими свѣдѣнія со всѣмъ тѣмъ, что въ теченіи этого времени писалось мѣстными моряками въ одной изъ вполнѣ освѣдомленныхъ въ мѣстныхъ морскихъ вопросахъ газетъ *), можно представить себѣ картину здѣшнихъ плаваній въ слѣдующемъ видѣ.

Безопасность плаванія у береговъ, зависящая, прежде всего, отъ полноты и вѣрности картъ берега,—не обезпечивается здѣсь существующими картами, отличающимися существенными неточностями и пробѣлами.

„На протяженіи болѣе 700 миль отъ мыса Поворотнаго, находящагося въ 60 верстахъ отъ Владивостока, вплодь до залива Де-Кастри“,—пишетъ, напримѣръ, одинъ морякъ,—„мы только мѣстами имѣемъ двѣ линіи глубинъ, а въ большинствѣ случаевъ лишь одну линію или же полное отсутствіе всякаго промѣра. Мы говоримъ здѣсь о „сборной картѣ Сахалинскаго пролива и Японскаго моря, отъ зал. Де-Кастри до залива св. Владиміра“ съ описей 1853—1873 гг., изданія 1874 г.“ До 1879 года это была главная и единственная русская карта, по

*) Интересующіеся вопросомъ о современныхъ условіяхъ плаванія въ нашихъ восточныхъ водахъ могутъ найти цѣнныя указанія и не лишенныя интереса подробности въ статьяхъ „Дальняго Востока“ за 1891—1894 гг.

которой совершались плаванія въ предѣлахъ Сѣверо-Японскаго моря: въ этомъ году была издана новая карта берега (снятая экспедиціей топографовъ подъ начальствомъ полковника Большева), но совсѣмъ безъ промѣра глубинъ.

Обѣ эти карты, несмотря на „значительное разногласіе въ очертаніи берега и положеніи выдающихся пунктовъ", оставались въ употребленіи до 1890 года, когда первая, „сборная" карта была вычеркнута изъ каталоговъ и оставлена только карта Большева. „Такимъ образомъ, въ настоящее время (это писано въ іюлѣ 1893 года) плавающія суда поставлены въ полную невозможность даже приблизительно оріентироваться при подходѣ къ берегу въ туманную погоду, которая господствуетъ здѣсь какъ разъ въ періодъ наибольшаго оживленія навигаціи,—съ мая до половины августа".

Съ этимъ недостаткомъ, хотя не всегда и удобно, но все-же можно мириться,—говорили мнѣ моряки. Наконецъ,—говорятъ они,—вѣдь, бываютъ-же и солнечные дни, довольно рѣдко, впрочемъ, посѣщающіе берега Уссурійскаго края въ навигаціонный періодъ. Но дѣло въ томъ, что обѣ эти карты отличаются еще одной особенностью, затрудняющею плаваніе: „съемка," по сообщенію того-же моряка, „какъ оказывается, производилась въ обоихъ случаяхъ не со стороны моря и не моряками, а потому мало имѣетъ, въ смыслѣ распознанія, характернаго какъ въ выдѣленіи примѣтныхъ пунктовъ, такъ и въ самыхъ ихъ названіяхъ", благодаря чему такая карта „для морскаго глаза" является почти „нѣмою", ничего не говорящею въ смыслѣ распознаванія отдѣльныхъ пунктовъ, такъ какъ они всѣ сливаются между собою и не вызываютъ никакого исключительнаго къ себѣ вниманія въ мореплавателѣ. Короче,—заключаетъ морякъ,—карты эти (особенно карты Большева) морскихъ достоинствъ не имѣютъ и яснаго представленія о рельефѣ не даютъ никакого и „судно, идущее на протяженіи сотенъ миль вдоль берега, плыветъ положительно какъ вдоль гладкой стѣны, не имѣя возможности какимъ-либо внѣшнимъ признакомъ распознать свое мѣсто".

Пользованіе указанными картами для мореплавателя является, по отзывамъ моряковъ, неудобнымъ еще и потому, что, при сравненіи ихъ, они иногда наталкиваются на разногласіе въ астрономическомъ опредѣленіи тѣхъ пунктовъ, мимо и между которыми они совершаютъ свое плаваніе (разница въ долготахъ относительно нѣкоторыхъ пунктовъ на сѣверѣ Японскаго моря достигаетъ, напримѣръ, 11—13 минутъ).

„Такимъ образомъ, мореплаватель, плывущій вдоль тихоокеанскаго берега въ туманное или пасмурное время, не только не имѣетъ возможности оріентироваться на огромныхъ протяженіяхъ по рельефу дна и берега, но вѣчно еще находится подъ сомнѣніемъ, что, прокладывая свой курсъ въ безопасномъ разстояніи, онъ не очутится гдѣ-нибудь сюрпризомъ на береговой отмели или камняхъ“.

Подобныя условія плаванія не могутъ быть, конечно, отнесены къ числу благопріятныхъ и сколько-нибудь обезпеченныхъ для плаванія вообще судовъ у тихоокеанскаго побережья; для коммерческаго же флота и торговыхъ судовъ они ведутъ и къ другимъ неблагопріятствующимъ развитію торговаго мореходства послѣдствіямъ. Такъ, ближайшимъ практическимъ послѣдствіемъ описанныхъ условій мѣстнаго плаванія является чрезмѣрность страховыхъ премій, уплачиваемыхъ судами, крейсирующими между портами Сѣверо-Японскаго моря: онѣ „повышены здѣсь до размѣровъ, установленныхъ лишь для наиболѣе опасныхъ въ навигаціонномъ отношеніи районовъ“.

По отзывамъ моряковъ, лоція моря находится въ соотвѣтствіи съ упомянутыми береговыми картами. Въ рѣшеніи вопросовъ о погодѣ, господствующихъ вѣтрахъ, теченіяхъ и пр. здѣсь до сихъ поръ еще большой вѣсъ имѣютъ замѣчанія Крузенштерна, Лаперуза, Броутона и другихъ старинныхъ мореплавателей, бывшихъ здѣсь, въ сущности, весьма короткое время для того, чтобы ихъ замѣчанія могли быть непогрѣшимыми и всесторонне освѣщающими существенные для плаванія судна вопросы лоціи. Пользованіе ихъ наблюденіями осложняется къ тому-же ихъ разнорѣчіемъ и разногласіемъ относительно многихъ весьма важныхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ часто судьба судна и такимъ образомъ, плавающій въ восточныхъ водахъ „самъ долженъ быть гидрографомъ, близко знакомымъ со всей литературой вопроса, и критикомъ въ вопросахъ чисто научнаго характера, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе цѣльное представленіе о мѣстной лоціи“ *).

---

*) На морскихъ и географическихъ картахъ указано, напримѣръ, существованіе теченія, идущаго вдоль берега изъ Охотскаго моря. Теченіе это указано Шренкомъ и нанесено на карты на основаніи его заключеній. Между тѣмъ, послѣдующіе изслѣдователи (Майдель, Онацевичъ) вовсе его отвергаютъ. Еще менѣе можно полагаться на наблюденія отдѣльныхъ судовъ. Извѣстенъ, напримѣръ, такой случай. Въ 1881 г. изъ Де-Кастри во Владивостокъ соединенно шли въ сплошномъ туманѣ три судна: „Абрекъ“, „Ермакъ“ и „Тунгузъ“. На первомъ изъ нихъ теченіе оказывалось на югъ, на третьемъ—его вовсе не замѣчалось, на второмъ-же теченіе оказывалось на сѣверъ, и оно выскочило на входной мысъ залива св. Владиміра.

Результатомъ всего этого бываетъ то, что суда иногда разбиваются, садятся на мель или приходятъ въ ненадлежащее мѣсто, „вопреки всякимъ разсчетамъ", какъ выражаются моряки. Шхуна „Тунгузъ", напримѣръ, принявъ въ руководство мнѣніе о существованіи противнаго теченія изъ Охотскаго моря, вмѣсто Корсаковскаго поста, находящагося на западномъ берегу Сахалина, очутилась однажды (въ 1879 году), сама не подозрѣвая того, не на западномъ, а на восточномъ берегу Сахалина, за мысомъ Анива. Недавній случай крушенія парохода добровольнаго флота „Владивостокъ" (судно это разбилось въ 1893 г. на прибрежныхъ камняхъ, не подозрѣвая ихъ близости) также объясняютъ тѣмъ, что оно, опредѣляя свое мѣсто по картѣ и считая себя въ полной безопасности, въ дѣйствительности было *на 30 миль позади своего мѣста на картѣ* и, воображая (день былъ туманный), что оно идетъ въ море, на самомъ дѣлѣ шло къ своей гибели на прибрежные камни.

Справедливость требуетъ сказать, что вліяніе указанныхъ выше неблагопріятныхъ для плаванія факторовъ значительно ослабляется (въ Сѣверо-Японскомъ морѣ) тѣмъ обстоятельствомъ, что берега здѣсь, въ общемъ, чисты и приглубы и, во-вторыхъ, тѣмъ, что судамъ, плавающимъ здѣсь, приходится, большей частью, ходить не „наперерѣзъ" берегамъ, а вдоль ихъ и, притомъ безъ большихъ измѣненій курса. Этимъ и объясняютъ, между прочимъ, сравнительную немногочисленность случаевъ крушеній и аварій у сѣвернаго побережья Уссурійскаго края. Въ окрестностяхъ-же Владивостока, въ заливѣ Петръ Великій, по которому сейчасъ идетъ „Новикъ", гдѣ большей частью приходится идти „наперерѣзъ" берегамъ, статистика крушеній, въ силу этого, обширнѣе.

Производство новыхъ точныхъ съемокъ и промѣровъ и, хотя бы на первое время, группировка и систематизація всѣхъ извѣстныхъ гидрографическихъ и гидрологическихъ фактовъ признаются компетентными лицами поэтому и желательными и даже настоятельно необходимыми для обезпеченія безпрепятственнаго плаванія въ нашихъ восточныхъ водахъ. „Въ настоящемъ году", пишетъ одинъ морякъ въ концѣ 1894 года, „истекаетъ пятнадцать лѣтъ со времени основанія регулярныхъ описныхъ работъ, ставшихъ задачей „Отдѣльной Съемки въ Восточномъ океанѣ". Указанный промежутокъ достаточно великъ для того, чтобы уяснить себѣ результаты этихъ работъ. Къ сожалѣнію, эти результаты такъ и остаются замкнутыми въ рамки оффиціальныхъ отчетовъ. *До сихъ поръ мы не имѣемъ даже вѣрной карты залива*

Петра Великаго! (курсивъ въ подлинникѣ). „Между тѣмъ, потребность въ вѣрныхъ картахъ растетъ съ каждымъ днемъ, и желаніе плавать не ощупью проявляется настоятельнѣе“.

Какъ бы то ни было, судно, на которомъ я въ данный моментъ нахожусь, по причинамъ, указаннымъ мною раньше, не испытываетъ на себѣ вліянія упомянутыхъ неблагопріятныхъ факторовъ и бодро и смѣло мчится впередъ подъ всѣми парусами.

Къ разсвѣту мы уже были вблизи Владивостока.

Скоро показались вправо отъ насъ пустынные острова (Попова, Рикордъ, Русскій), объятые голубоватою дымкой морскаго тумана.

...На улицахъ было пусто...

Предъ нашими глазами внезапно обрисовался въ предразсвѣтной мглѣ величественный контуръ скалистаго мыса Эгершельда. до нашихъ ушей уже началъ доноситься немолчный шумъ вѣковѣчныхъ буруновъ, разбивающихся объ утесы материковаго берега.

Востокъ едва заалѣлъ, окрестныя горы едва окрасились розовымъ цвѣтомъ,—вѣстникомъ близкаго появленія изъ за-горизонта дневнаго свѣтила,—когда, „Новикъ“ замедливъ ходъ, подошелъ къ своему мѣсту на рейдѣ, бросилъ съ грохотомъ якорь, вздрогнулъ и внезапно остановился на мѣстѣ, обозначенномъ ярко-краснаго цвѣта бакaномъ конической формы.

Баканъ безшумно закачался на дремлющей поверхности рейда.

Рейдъ, на которомъ тамъ и сямъ видны были силуэты военныхъ и коммерческихъ судовъ, китайскихъ джонокъ и корейскихъ шаландъ, былъ еще тихъ и спокоенъ.

Городъ спалъ. На улицахъ было пусто.

Шлюбочникъ-манза, разбуженный грохотомъ якорной цѣпи, спущенной въ воду съ „Новика", выглянулъ изъ своей шлюбки и направился къ намъ, медленно и словно нехотя гребя единственнымъ весломъ.

Матросы спустили траппъ.

Я спустился внизъ, сѣлъ въ шлюбку и отправился въ городъ.

XVII.

Въ тайгѣ.

Давленіе окраины.—Средство его избѣжать. — „На Сучанъ".—Преддверье тайги.—Я—въ тайгѣ.—Картины и виды.—Фауна и флора.—Аномалія.—У одинокаго манзы.—„Пантачъ".—Исторія манзы. -Жень-шень.—Плантаціи.—Полиція въ тайгѣ.—Оригинальный походъ. — Искусственная культура жень-шеня.—Приготовленіе.—Инертность русскаго населенія.

Жизнь на далекой, едва развивающейся окраинѣ, при всѣхъ своихъ подъ-часъ весьма ощутительныхъ неудобствахъ и лишеніяхъ, обладаетъ, однако-же, однимъ драгоцѣннымъ и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ незамѣнимымъ свойствомъ.

Когда сердце долго зажившагося на одномъ мѣстѣ европейца начинаетъ глодать невыносимая тоска, когда все окружающее надоѣстъ ему и опостылѣетъ, когда, наконецъ, давленіе окраины и ея своеобразныхъ условій начинаетъ сказываться особенно сильно,—то стоитъ ему только сдѣлать нѣсколько десятковъ верстъ въ сторону отъ угнетающаго его мірка—города или урочища,—и онъ уже попадаетъ совсѣмъ въ другой міръ: — онъ уже стоитъ лицомъ къ лицу съ первобытной природой.

Все, что его до сихъ поръ волновало и мучило, все, что лишало его сна и покоя, — все это тускнѣетъ и меркнетъ предъ обаяньемъ великой природы, встрѣчающей путника здѣсь (въ глубинѣ края, подальше отъ людскихъ поселеній и морскаго прибрежья) во всей своей первобытной красотѣ, во всемъ своемъ величіи и мощи.

Въ теченіи своего трехъ-лѣтняго пребыванія на нашей восточной окраинѣ мнѣ не разъ приходилось прибѣгать къ этому цѣлительному средству. Нужно, однако, правду сказать, оно далеко не всегда оказывалось дѣйствительнымъ: путешествіе по Уссурійскому краю даритъ

иногда туриста такими картинами и впечатлѣніями, которыя не всегда по-плечу слабымъ нервамъ европейскаго жителя.

Одна экскурсія особенно сохранилась въ моей памяти, можетъ быть, потому, что мнѣ тогда впервые пришлось быть очевидцемъ грандіознаго пàла, — этого безпощаднаго бича, съ всесокрушающею, стихійною силою уничтожающаго вѣковые, дремучіе лѣса Уссурійскаго края.

Я выѣхалъ, помню, изъ Владивостока въ ясный августовскій день, держа путь черезъ селеніе Шкотово „на Сучанъ" (т.-е. въ долину р. Сучанъ, находящуюся на сѣверо-востокѣ отъ Владивостока *), считающійся житницей Уссурійскаго края и являющійся въ то же время почти предѣльной на сѣверо-востокѣ границей культурныхъ поселеній нашей далекой окраины. Дальше Сучана, вплоть до Татарскаго пролива, на тысячи верстъ тянется уже безлюдная, неизвѣстная и неизслѣдованная тайга. Лишь кое-гдѣ по берегу Сѣверо-Японскаго моря разбросаны уединенные посты и урочища, изрѣдка посѣщаемые попутно заходящими въ нихъ судами. Сухопутнаго сообщенія съ культурными центрами окраины они не имѣютъ и туда приходится пробираться либо верхомъ, либо пѣшкомъ по звѣринымъ тропамъ.

Съ Сучаномъ сообщеніе болѣе удобно. Сюда можно проѣхать или на томъ-же пароходѣ „Новикъ" (на которомъ я уже плавалъ однажды изъ Посьета) до бухты Находка, въ которую изливается Сучанъ, или же по колесной дорогѣ, недавно, всего 3—4 года назадъ, проложенной въ дремучей тайгѣ.

Я ѣхалъ сухимъ путемъ, хотя самый процессъ передвиженія не предвѣщалъ мнѣ ничего утѣшительнаго: въ то время (три года назадъ) дорога была только едва-едва кончена и вся еще пестрѣла пнями и кочками.

Часа два-три спустя по выѣздѣ изъ Владивостока я уже сворачивалъ (въ Подгородней **) круто въ сторону отъ главнаго краеваго почтоваго тракта, ведущаго къ Хабаровску.

День былъ ясный и солнечный. Лѣто приближалось къ концу. Начиналась чудесная, безоблачная уссурійская осень, украшающая землю, отдыхающую, наконецъ, отъ безконечныхъ лѣтнихъ тумановъ, безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ, которые растутъ на привольѣ, пышно расцвѣтаютъ и распространяютъ вокругъ себя живительный ароматъ.

---

*) Въ 180-ти верстахъ отъ него (сухимъ путемъ).

**) 20 верстъ къ сѣверу отъ Владивостока.

Дорога шла сначала опушкой тайги между нагроможденными другъ на друга громадами горъ,—отрогами Сихотэ-Алиня,—то тамъ, то здѣсь прерываемыми глубокими оврагами, ущельями, падями, лощинами.

Хотя я еще и не въ настоящей тайгѣ, но близость ея уже ощущается: окрестные виды становятся величественнѣй, суровѣй и разнообразнѣй. Вотъ, въ трепетѣ льются темныя воды по мрачнымъ ущельямъ; дальше—журчитъ серэбристый горный ручей и скромно бьютъ родники прозрачно-хрустальной воды. Въ одномъ мѣстѣ неуклюжій фазанъ пробудилъ своимъ крикомъ тихую долину отъ безмятежнаго сна. Оживилась долина: перекликаются дрофы и тетерева, шепчутся ели, кивая въ тактъ таинственнымъ рѣчамъ своимъ вѣчнозеленымъ нарядомъ, говорятъ ручейки.

На минуту, когда мы углубляемся въ чащу,—все вдругъ стихаетъ; самое небо скрывается изъ нашихъ глазъ. Но лишь только мы выѣзжаемъ на освѣщенную солнцемъ лужайку, какъ до насъ уже доносится тотъ немолчный говоръ, та музыка преддверья тысячеголосой тайги, которая проникаетъ въ самые сокровенные тайники сердца и заставляетъ его биться сильнѣе...

Мы спустились въ глубокій оврагъ. На днѣ его мракъ все больше густѣетъ. Мы попадаемъ, наконецъ, въ мощныя объятія тайги,—тихой, задумчивой, молчаливой и мрачной. Чистый, здоровый и прохладный воздухъ горъ, освѣжавшій до сихъ поръ лицо мнѣ и вселявшій бодрость во всѣ члены, смѣнился другимъ,—благоухающимъ, ароматнымъ воздухомъ дремучей тайги.

Горныя цѣпи, покрытыя густой гривой зеленыхъ лѣсовъ, поднимая вершины, уходятъ вдаль отъ меня. Удаляясь, онѣ какъ-бы оглядываются на только-что оставленный мной позади глубокій обрывъ, раскрывшій свою огромную пасть, могущую проглотить не одну почтовую тройку: сотни и тысячи ихъ свободно улягутся на его днѣ.

Солнце мало-по-малу покидаетъ меня. Онъ уже освѣщаетъ теперь лишь вершины горныхъ цѣпей и оттуда улыбается мнѣ своими веселыми косыми лучами. На мгновенье оно какъ будто остановилось, послало мнѣ прощальный привѣтъ и скрылось изъ глазъ.

Я—въ тайгѣ, настоящей. первобытной, могучей, а не той, изъѣденной туманами, корявой, гнилой и дуплистой, на которую я достаточно насмотрѣлся во время своихъ странствованій по морскому прибрежью нашей дальней окраины.

Дорога становится хуже. Тарантасъ скачетъ по кочкамъ и пнямъ. Лошади плетутся мелкой. лѣнивою рысью. Мнѣ приходится уже про-

бираться здѣсь почти во тьмѣ, имѣя съ обѣихъ сторонъ вплотную прижавшіяся къ неширокой дорогѣ непроходимыя чащи густо-сплетенныхъ между собою деревьевъ, по верхамъ которыхъ, время отъ времени, проносится легкій бризъ изъ недалекаго Японскаго моря; сквозь рѣдкіе просвѣты я изрѣдка могу видѣть, какъ онъ качаетъ верхушки тысячелѣтнихъ старцевъ тайги.

Шумно вверху, но внизу, у подножья могучихъ великановъ тайги, царитъ, повидимому, могильная тишина. Листъ не шелохнетъ, вѣтка не дрогнетъ. Ни солнца, ни тѣни, ни шума, ни вѣтра, — все скрыто зелеными шапками лѣсныхъ великановъ.

Подъ сплошными вѣтвями деревьевъ царитъ полумракъ. Лучи солнца золотятъ лишь ихъ вершины, отражаются, искрятся, играютъ въ изумительно-чистыхъ и свѣжихъ росинкахъ, покрывающихъ листву, но въ глубину, гущину непроходимой таежной чащи не проникаютъ они. Лишенная свѣта и солнца, тепла и росы таежная почва кажется безплодной, пустынной. Покрытая опавшей листвой, она представляетъ собой обширный коверъ грязно-желтаго цвѣта. Ни травки, ни зелени.

Глухая чаща, густо-лиственныя деревья скрываетъ отъ глазъ и звѣря и птицу, притаившихся бокъ-о-бокъ съ дорогой. Прислушайтесь, однако, внимательнѣе, и вы услышите нескончаемый концертъ тысячеголосой тайги, до вашего слуха долетятъ разнообразные отголоски, которыми тайга на всѣ лады славитъ природу. Въ грязновато-желтомъ грунтѣ земли, въ безмолвіи застывшаго, застоявшагося воздуха, въ ліанѣ, обвившей тысячелѣтнее дерево, въ каждомъ кустикѣ, пріютившемся подъ сѣнью исполинскаго кедра, въ каждой вѣткѣ орѣшника, широко разсѣвшагося по самой землѣ, въ чащѣ и непроходимой гущѣ деревьевъ, плотной, компактной стѣной обступающей почтовую дорогу,—всюду вы слышите цѣлый міръ органическихъ силъ, цѣлый міръ могучей жизни.

Мѣстами деревья, переплетенныя другъ съ другомъ, перевитыя ліаной, кустарниками, лозами дикаго винограда, представляютъ собой такой непроницаемый слой, что становится совершенно темно, и намъ приходится почти ощупью ѣхать, между тѣмъ какъ вверху, на разстояніи всего нѣсколькихъ саженъ отъ насъ, солнце обливаетъ своими лучами вырвавшуюся на волю верхушку стройнаго кедра. Но это длится недолго. Съ каждымъ шагомъ впередъ мѣняются окрестные виды, самыя формы и роды деревьевъ, самый характеръ тайги.

Невдалекѣ, средь вѣтвей и стволовъ, показался просвѣтъ. Лучъ солнца скользнулъ въ него какъ будто ненарокомъ и на минуту освѣ-

тилъ неуловимой, вибрирующей, трепещущей волной полусумрачный сводъ тайги.

Мы осторожно пробираемся по направленію къ свѣтлой полоскѣ, прорѣзавшей чащу дремучаго лѣса. Еще нѣсколько оборотовъ колеса, чаща расступилась, пропустила тарантасъ, и мы очутились на прелестной зеленой лужайкѣ, ярко освѣщенной лучами горячаго солнца. Сплошнюю стѣной обступили ее исполинскіе кедры, перевитые лозами дикаго винограда.

Багряные виноградные листья, словно яркія пятна, выдѣляются на фонѣ зеленаго лѣса.

Вспугнутыя грохотомъ тарантаса дикія козы выскочили изъ высокой травы—почти въ ростъ человѣка — и уморительными прыжками ускакали въ чащу.

Мы снова остаемся одни. Лошади медленно бредутъ, позванивая колокольчикомъ.

Дорога идетъ самыми причудливыми зигзагами. Мы то взбираемся по отлогости горъ, то спускаемся въ глубокій оврагъ, то пробираемся зеленой поляной подъ сѣнью исполинскихъ деревьевъ, топча расшитый лѣсными цвѣтами ярко-пестрый коверъ.

Осторожно, шагъ за шагомъ пробираемся мы въ чащѣ лѣса, прислушиваясь къ каждому шороху, къ шуму вѣтра въ лѣсу, къ треску сучьевъ въ тайгѣ.

Мѣстами намъ приходится переѣзжать черезъ лѣсные ручьи. Извилистой змѣйкой вьются они по склону зеленой лужайки и пропадаютъ вдали въ глубинѣ широчайшаго рва.

Но, вотъ, подулъ вѣтерокъ,—заволновалось, зашептала тайга. Полонъ тайны и ласки шопотъ ея—нѣжный, немолчный, баюкающій. Вѣковые дубы, огромные клены, исполинскіе кедры, стройныя сосны, развѣсистый грецкій орѣхъ, гигантскія, пробковыя деревья, черешня и пихта, — всѣ представители уссурійской тайги толпятся у края дороги, обступаютъ ее съ обѣихъ сторонъ и протягиваютъ свои цѣпкія, зеленыя вѣтви къ моему тарантасу, словно желая заглянуть внутрь его.

Впечатлѣніе, производимое уссурійской тайгой, особенно когда видишь ее «у себя дома» впервые, трудно забыть. Разнообразіе, роскошь и мощь ея первобытной растительности напоминаютъ собой подтропическую джунглю и не имѣютъ ничего общаго съ тѣми чахлыми, худосочными, словно недоношенными лѣсами, которые приходиться такъ часто видѣть въ Европейской Россіи. И что особенно поражаетъ

зрителя, такъ это удивительное богатство, разнообразіе и смѣшеніе формъ мѣстной растительности. Сѣверъ и Югъ соединили здѣсь, кажется, всѣ свои силы для того, чтобы создать этотъ лѣсъ, не имѣющій себѣ равнаго на всемъ континентѣ. Вы видите здѣсь на каждомъ шагу, какъ раскидистая ель, — это растеніе суроваго сѣвера, обвивается толстой лозой дикаго винограда, вы видите, какъ приземистая пихта, — это дѣтище сѣверной тундры, растетъ рядомъ съ грецкимъ орѣхомъ, сосна и кедръ — сплетаютъ свои вѣтви съ красивыми перистыми листьями пробковаго дерева, береза и липа переплетаются съ робиніей и кипарисомъ, громадные ильмы и вязы растутъ въ перемежку съ абрикосомъ и персикомъ, маньчжурская аралія таится подъ сѣнью широковѣтвистаго клена.

Это смѣшеніе формъ сѣверныхъ и южныхъ, эта странная и безпримѣрная аномалія въ растительномъ царствѣ является исключительной, замѣчательной и отличительной особенностью уссурійской тайги.

То же смѣшеніе, та же аномалія и въ силу того такое же разнообразіе отличаютъ и животное царство, притаившееся въ падяхъ и ущельяхъ, въ горахъ и оврагахъ, въ чащѣ дремучаго лѣса и на открытыхъ лощинахъ.

Бенгальскій тигръ и олень, соболь и барсъ, кабарга и медвѣдь антилопы и волки, бѣлка и дикая коза, иволга и египетскій ибисъ, жаворонокъ и грузный фазанъ, журавли и бенгальскіе зимородки являются одинаково частыми, постоянными и равноправными обитателями дѣвственной уссурійской тайги, одинаково свободно гуляютъ подъ покровомъ первобытнаго лѣса, одинаково часто встрѣчаются бродячему охотнику въ торжественно-величавомъ безмолвіи лѣса.

И все это—на территоріи всего того-же Южно-Уссурійскаго края!.. Природа словно устроила здѣсь гигантскую естественную выставку, колоссальный и разнообразный ботаническій и зоологическій садъ, гуляя по которымъ вы можете на сравнительно тѣсномъ пространствѣ видѣть представителей самой сѣверной флоры на ряду съ самыми южными, жителей полярныхъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ пустынныхъ равнинъ—на ряду съ обитателями подтропической джунгли.

На одной изъ промежуточныхъ почтовыхъ станцій, расположенной въ тайгѣ, мнѣ неожиданно пришлось застрять на довольно продолжительное время въ виду отсутствія свободныхъ лошадей. Предстояло сидѣть здѣсь, Богъ знаетъ, сколько времени... Къ счастью, станціонный писарь сообщилъ мнѣ, что невдалекѣ въ чащѣ тайги живетъ

одинокій манза-„пантачъ“ *), и я, не теряя времени, отправился разыскивать этого манзу,—одного изъ тѣхъ многочисленныхъ аборигеновъ тайги, о которыхъ мнѣ раньше пришлось столько слышать.

Несмотря на подробныя указанія писаря и даннаго имъ мнѣ для руководства гида (тщедушнаго китайца лѣтъ 40), разыскать его было не легко. Намъ приходилось то и дѣло пробираться по безъименнымъ ручьямъ и рѣченкамъ, взбираться на поросшіе лѣсомъ склоны горъ и хребтовъ, спускаться на дно лощинъ, овраговъ и ущелій. То передъ нами вставалъ гигантскій хребетъ, то поднимался цѣлый хаосъ горъ, покрытыхъ глухимъ, непроницаемымъ лѣсомъ.

Въ глубинѣ маленькой котловины, пріютившейся у подножья одного изъ хребтовъ, нашли, наконецъ, одинокую фанзу пантача, кокетливо выглядывавшую на окраинѣ таежной лужайки изъ-за развѣсистыхъ кедровъ.

Фанза, когда я разсмотрѣлъ ее ближе, была сама по себѣ неприглядна. Сколоченная наскоро, еле обмазанная глиной, почернѣвшая, покосившаяся отъ непогоды и времени она не могла вызвать въ зрителѣ восхищенія, но въ этой зеленой оправѣ, точно въ рамкѣ изъ листьевь и зелени, она казалась жилищемъ сказочной феи.

Я откинулъ пологъ изъ цыновки и вошелъ въ фанзу.

Внутренній видъ ея вполнѣ соотвѣтствовалъ ея внѣшности: грязь и нечистота. на полу какая-то слизь, вѣроятно отъ сырости. Мебели въ фанзѣ и признака нѣтъ. Во всю длину ея тянутся нары, заканчивающіяся грубо сложенной изъ неотесанныхъ камней трубой. Обильныя щели неуклюже. неопрятно залѣплены жидкой землей, вмѣсто глины.

Хозяинъ фанзы не на шутку встревожился, когда увидѣлъ меня у себя. Мало-по-малу, мнѣ удалось успокоить его опасенія, и я настолько успѣлъ въ этомъ, что онъ даже изобразилъ оттѣнокъ радушія на своемъ загрубѣломъ, изборожденномъ глубокими морщинами желтомъ лицѣ.

Это былъ. какъ я узналъ отъ него, манза Кинь-Кою-Санъ, бродячій звѣроловъ-охотникъ, „пантачъ“, какихъ не мало разсѣяно въ уединенныхъ фанзахъ, хоронящихся по всему обширному пространству уссурійской тайги, гдѣ эти люди — звѣроловы, охотники, искатели жень-шеня — являются единственными представителями человѣческой рассы.

---

*) „Пантачъ“—охотникъ за пантами, т.-е. молодыми рогами оленей и изюбрей.

Когда поселился здѣсь Кинь-Кою-Санъ, онъ, пожалуй, и самъ не могъ бы сказать: въ дремучей тайгѣ незамѣтно проходятъ часы и недѣли, мѣсяцы и цѣлые годы. Когда-то онъ жилъ въ сосѣдней Маньчжуріи. Затѣмъ, какъ и многіе другіе, что скрываются мѣстами въ тайгѣ, онъ оттуда бѣжалъ и скрылся въ нашъ край. Онъ живетъ здѣсь, повидимому, давно одинокій, забытый, отрѣзанный почти отъ всего внѣшняго міра, съ которымъ онъ лишь изрѣдка сносится чрезъ посредство знакомаго ему въ городѣ манзы, которому онъ сбываетъ добытые панты и жень-шень.

Исторія всѣхъ этихъ людей, уединенно живущихъ въ тайгѣ— почти одинакова. Каждый изъ нихъ—изгой своей непривѣтливой родины, возвращеніе котораго туда сопряжено съ рискомъ быть посаженнымъ на колъ или потерять голову за городскими воротами. Каждый изъ нихъ—это, строго говоря, бѣглый преступникъ, дезертировавшій сюда изъ сосѣдней Маньчжуріи спасать свою шкуру и голову: китайское населеніе тайги состоитъ въ значительной части изъ такого рода людей. Каждый изъ нихъ—изгнанникъ, оторванный навсегда отъ семьи и отчизны. За многими изъ нихъ на родинѣ числятся такія преступленія, при одномъ упоминаніи о которыхъ у мирнаго обывателя сжимается сердце. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что нерѣдко эти преступленія бываютъ лишь мнимыми, оправдаться отъ которыхъ, тѣмъ не менѣе, при царящемъ въ сосѣдней Китайской имперіи произволѣ—совершенно немыслимо.

Судьба тѣхъ и другихъ одинаково печальна въ Китаѣ: висѣлица и колъ одинаково грозятъ имъ на родинѣ. Единственный способъ спасти свою жизнь—это бѣгство въ сосѣдній съ Маньчжуріей край, гдѣ они, понятно, какъ и на родинѣ, находятся уже внѣ закона. Лишенные всякой надежды возвратиться въ родные края, вынужденные постоянно скрываться отъ преслѣдованія китайскихъ и русскихъ властей, преслѣдуемые, словно дикіе звѣри, — многіе изъ нихъ превращаются въ разбойниковъ, — въ этихъ страшныхъ хунъ-хузовъ, которые держатъ въ паническомъ страхѣ все туземное населеніе нашей дальней окраины.

Но есть между ними и кроткіе характеры, неспособные, кажется, мухи убить. Судьба этихъ послѣднихъ печальна даже въ изгнаніи. Даже въ дремучей тайгѣ они умудряются сдѣлаться кабальными людьми своихъ болѣе ловкихъ, смышленыхъ и предпріимчивыхъ соплеменниковъ. Не будучи въ силахъ приняться за опасное, подверженное зачастую огромному риску и требующее не мало отваги и

мужества ремесло хунъ-хуза, они превращаются здѣсь въ бродячихъ звѣролововъ-охотниковъ.

Обыкновенно случается такъ, что какой-нибудь богатый китаецъ, узнавъ о томъ, что въ тайгѣ водворяется фанзою бѣглый манза, разыскиваетъ его, снабжаетъ средствами къ жизни подъ условіемъ. чтобы вся добыча бродяги была доставляема исключительно ему; и постепенно онъ такъ закабаляетъ несчастнаго, что тотъ даже въ этой необъятной тайгѣ чувствуетъ себя тѣсно отъ заботъ благодѣтеля. Такихъ несчастливцевъ не мало хоронится въ непроходимой тайгѣ,— отъ маньчжурской границы и вплоть до пролива Геннадія Невельскаго (Татарскаго).

Ихъ можно тотчасъ же узнать по ихъ забитому, робкому виду, (это въ тайгѣ-то, гдѣ имъ часто приходится съ глазу на глазъ оспаривать добычу у тигра, медвѣдя и барса!), кроткому взгляду и нищенски—бѣдной одеждѣ.

Уже при поверхностномъ взглядѣ на Кинь-Кою-Сана, я не затруднился отнести его именно къ этому разряду изгнанниковъ.

Забитый, тщедушный и робкій, какъ мало вызывалъ онъ во мнѣ представленіе о смѣломъ, отважномъ охотникѣ дремучей тайги.

Внѣшность его была такъ симпатична, его глаза свѣтились такой кротостью и добротой и губы складывались въ такую печальную улыбку, что у меня при всемъ недовѣріи къ этому одинокому обитателю лѣса не могло не возникнуть чувства состраданья къ нему. Какъ попалъ сюда этотъ несчастный? Что онъ сдѣлалъ на родинѣ? Какое преступленіе лежитъ на его сердцѣ и совѣсти?

Кинь-Кою-Санъ охотно удовлетворилъ мое любопытство. Искренность его тона, открытый взглядъ его кроткихъ, слезящихся глазъ, грустная улыбка, не сходившая съ его лица, не оставляли во мнѣ сомнѣнья, что онъ говоритъ правду.

Онъ игралъ когда-то (когда?—онъ не помнитъ: въ дремучей тайгѣ день сливается съ ночью) немаловажную роль въ сосѣдней Маньчжуріи. Онъ былъ богатъ, вліятеленъ, пользовался всеобщимъ почетомъ. Хорошо жилось Кинь-Кою-Сану на родинѣ: домъ—полная чаша денегъ тоже немало припрятано на черные дни; опіума—вдоволь, съ мандаринами—въ дружбѣ. И вотъ словно затменіе нашло на него. Полюбилась ему жена его сосѣда по фанзѣ. Рѣдко случаются такія вещи въ Маньчжуріи, но все же бываютъ и тамъ. Къ несчастью, это была жена богатаго китайца, приходившагося къ тому-же сродни самому фудутуну (губернатору)... Ну, что тутъ разсказывать дальше...

Въ Маньчжуріи въ подобныхъ случаяхъ расправа короткая, особенно тамъ, гдѣ затронута честь самого фудутуна... Несчастную женщину зашили въ мѣшокъ и спустили на дно ближайшей рѣки, а Кинь-Кою-Сана посадили въ темницу и собирались посадить на колъ.

Хоть китайцы и философски относятся къ смерти и даже считаютъ ее переходомъ къ лучшей жизни, однако содрогнулся Кинь-Кою-Санъ, когда услышалъ о рѣшеніи Гиринскаго цзянь-цзюня (генералъ-губернатора). Въ Китаѣ не рѣдкость такіе приговоры, и Кинь-Кою-Санъ наглядѣлся вдоволь на эти казни. Онъ вспомнилъ о тѣхъ несчастныхъ, которыхъ немало видѣлъ на своемъ вѣку сидящими на колахъ, онъ представилъ себѣ ихъ искаженныя ужасомъ и нечеловѣческими муками лица, налитые слезами и кровью глаза, почти вылѣзавшіе изъ орбитъ, — и ему стало такъ страшно и жутко, что у него „вся коса стала дыбомъ".

Онъ задумалъ бѣжать, цѣною какихъ бы то ни было жертвъ, изъ неволи.

Къ счастью, въ Китаѣ, гдѣ такъ легко погибнуть по мановенію руки послѣдняго писца въ канцеляріи фудутуна, — такъ-же легко подкупить самого генералъ-губернатора. Съ помощью большой горсти китайскихъ лановъ, которые ему какимъ-то чудомъ удалось сохранить при себѣ, онъ осуществилъ свою завѣтную мечту.

Оставаться въ предѣлахъ Китая было, понятно, немыслимо. Каждый часъ пребыванія здѣсь грозилъ ему мучительной смертью, и онъ бѣжалъ къ русской границѣ, въ дебри первобытной тайги, какъ бы самой природой созданныя для того, чтобы укрывать въ предѣлахъ несчастныхъ изгнанниковъ.

Долго блуждалъ онъ по тайгѣ, одинокій, безпомощный, голодный. Наконецъ ему удалось набрести на логовище хунъ-хузовъ въ дремучемъ лѣсу.

Хунъ-хузы дали ему кой-какую одежонку, старенькое ружье, два-три добрыхъ совѣта и отпустили его отъ себя.

По ихъ указанію онъ и пришелъ сюда, гдѣ устроилъ свою звѣроловную фанзу. Лѣсъ здѣсь большой и дремучій, звѣрья и дичи — хоть отбавляй: одна бѣда-некуда добычи сбывать. Въ ближайшія поселенія показываться онъ по неопытности опасался. Онъ еще не зналъ тогда, что среди всѣхъ манзъ, обитающихъ по долинамъ рѣкъ, тамъ и сямъ пересѣкающихъ тайгу, — очень мало легальныхъ манзъ: все это—либо такіе же бѣглые, какъ и самъ онъ, либо безпаспортные манзы, не признающіе русскихъ властей, хотя они и живутъ здѣсь

не одинъ уже годъ и не одну сотню десятинъ лѣса выжгли и засѣяли чумидзой, не съ одной тысячи деревьевъ собрали грибы и предоставили ихъ на волю гніенія *). Онъ еще не зналъ тогда, что тайга велика и обширна. Отъ моря до моря стелется она, на тысячи „ли“ **) простирается она по всему тому мѣсту, гдѣ когда-то процвѣтало славное царство Бохай. Заглушила она города, поростила дороги, скрыла плодоносную землю отъ живительныхъ лучей уссурійскаго солнца, простерла гигантскія „Теплыя Горы“ (Сихотэ-Алинь) до самаго неба, и не было еще человѣка—ни манзы, ни русскаго,—кто-бы зналъ ее хорошо, эту дремучую, безпредѣльную тайгу! Тысячи тысячъ людей способна она скрывать въ своихъ падяхъ и плодоносныхъ долинахъ ***)! Тысячи поселеній могли-бы тайно отъ всѣхъ пріютить на своихъ берегахъ ея безчисленныя, безъименныя хрустальныя рѣки!..

Но Кинь-Кою-Санъ тогда еще не зналъ всего этого. Не зналъ онъ тогда, что не скоро еще пойдутъ люди съ топорами и заступами рубить и корчевать эти вѣковые лѣса, трепать окружающія ихъ привольныя степи и что не скоро еще нарушитъ безмолвіе могильной тайги человѣческій голосъ, не скоро исчезнутъ хищные звѣри и навѣки оставятъ свои таежныя логовища бродячіе манзы. Мало-ль ихъ тамъ притаилось въ долинахъ, падяхъ и ущельяхъ тайги! Ихъ никто не считалъ, ни одинъ глазъ европейца не проникалъ къ нимъ въ уединенныя фанзы, одиноко раскинутыя по необъятной тайгѣ.

Обо всемъ этомъ узналъ Кинь-Кою-Санъ только потомъ, когда на охотѣ онъ началъ встрѣчать одного-другого бродячаго звѣролова-охотника.

Чрезъ нихъ онъ и свелъ скоро знакомство съ однимъ изъ тѣхъ „благодѣтелей“—китайскихъ купцовъ, которые держатъ его теперь въ такихъ крѣпкихъ тискахъ, въ такой кабалѣ угрозой доноса властямъ, что ему уже не избавиться отъ нихъ до послѣдняго дня, когда его поглотитъ Нирвана.

— Ушелъ бы отсюда!—нерѣшительно посовѣтовалъ я.

Куда?—оказалось, уйти ему невозможно. Велика, необъятна тайга всемогуща она,—но власть человѣка обширнѣй. Не скроешься отъ него. Вѣдь, Кинь-Кою-Санъ внѣ закона. И куда-бъ ни пошелъ онъ,

*) О грибномъ промыслѣ см. слѣдующій очеркъ.

**) „Ли“—китайская мѣра=$^1/_2$ версты.

***) Объ этомъ подробнѣе въ слѣдующихъ очеркахъ.

вездѣ найдется другой, который придавитъ его своей всемогущею дланью.

Промышляетъ здѣсь Кинь-Кою-Санъ, главнымъ образомъ, добычей пантовъ, т.-е. скальповъ изюбрей *). Панты—это рога оленя, еще налитые свѣжею кровью и не успѣвшие еще превратиться въ компактную роговую массу. Для того, чтобы они удовлетворяли этому условію, необходимо убить изюбря непремѣнно весною, когда старые рога отпадаютъ и новые еще богаты кровеносными сосудами. По убѣжденію китайцевъ. панты, приготовленные надлежащимъ образомъ. являются радикальнымъ средствомъ при грудныхъ и легочныхъ болѣзняхъ **). Вѣра въ цѣлебную силу пантовъ такъ велика, что китайцы платятъ за нихъ баснословныя цѣны: хорошій скальпъ изюбря стоитъ иногда до 200 р. сер.!

Эта высокая и соблазнительная плата вызвала къ жизни сущест-

---

*) Изюбремъ въ Восточной Сибири называется тотъ видъ крупнаго сибирскаго оленя, который въ южной части Азіатской Россіи извѣстенъ подъ именемъ марала. Главную цѣль охоты на марала, убиваемаго также изъ-за мяса и изъ-за шкуры. представляютъ его рога, которые весьма цѣнятся китайцами и служатъ предметомъ оживленной торговли въ Уссурійскомъ краѣ, въ Амурской и Забайкальской областяхъ. на Алтаѣ и въ Семирѣчьѣ. Нѣкоторые промышленники приступили, помимо охоты на мараловъ, представляющей большія затрудненія, къ содержанію ихъ въ прирученномъ состояніи, съ цѣлью ежегоднаго пользованія молодыми, въ надлежащій срокъ срѣзаемыми рогами. Такимъ образомъ, возникла новая отрасль животноводства- мараловодство. Главнымъ центромъ мараловодства являются Бійскій округъ Томской губ., а также округа Троицко-Савскій и Верхнеудинскій Забайкальской облости. За послѣднее время, однако, замѣчается повсемѣстное уменьшеніе количества мараловъ, мѣстами даже граничащее съ полнымъ ихъ исчезновеніемъ; между тѣмъ, спросъ и цѣны на маральи рога увеличиваются. Для дальнѣйшаго правильнаго развитія указываемой отрасли животноводства необходимо поэтому принять соотвѣтствующія мѣры. въ видѣ ограниченія практикуемаго нынѣ безконтрольнаго истребленія мараловъ въ теченіи цѣлаго года всякими способами и даже полнаго воспрещенія охоты на мараловъ, съ предоставленіемъ въ тоже время различнаго рода льготъ населенію, желающему заниматься мараловодствомъ. Съ цѣлью ближайшаго выясненія современнаго положенія мараловодства и промысловой охоты на мараловъ Министерствомъ Земледѣлія, по словамъ органа Министерства Финансовъ— „Торг.-Пром. Газеты", командированъ недавно въ соотвѣтствующія мѣстности Сибири ассистентъ при кафедрѣ зоологіи въ Лѣсномъ Институтѣ г. А. А. Силантьевъ.

**) Предъ употребленіемъ ихъ высушиваютъ, толкутъ въ порошокъ, изъ котораго дѣлаютъ настойку, принимаемую внутрь въ микроскопическихъ дозахъ. Въ Китай, (главнымъ образомъ, въ Пекинъ) ихъ отправляютъ чаще всего цѣлыми. Секретъ ихъ приготовленія сохраняется въ тайнѣ, благодаря чему русскіе промышленники волей-неволей должны переуступать ихъ владивостокскимъ китайцамъ купцамъ.

вованіе многочисленнаго класса охотниковъ, промышляющихъ исключительно добычей пантовъ. Манза и русскій одинаково усердно преслѣдуютъ несчастныхъ изюбрей, съ тою лишь разницей, что манза скитается по великой уссурійской тайгѣ, забредая порою туда, куда еще отъ сотворенія міра не ступала нога человѣка, а русскій охотникъ облѣпилъ ближайшіе къ Владивостоку острова (преимущественно о. о. Аскольдъ, Рикордъ, Путятинъ) и дальше опушки тайги заглянуть не рѣшается.

Усердная охота на этого звѣря не мало содѣйствовала исчезновенію его изъ окрестностей обитаемыхъ мѣстъ, и теперь тамъ, особенно на близь Владивостока лежащихъ небольшихъ островкахъ добыть скальпъ изюбря—дѣло не легкое. Съ цѣлью противодѣйствовать хищническому истребленію звѣря въ окрестныхъ лѣсахъ, нѣкогда кишѣвшихъ оленями, нынѣ приходится уже прибѣгать къ искусственному разведенію „пантачей". Существующее во Владивостокѣ „Общество любителей охоты", которому предоставлено морскимъ вѣдомствомъ исключительное право охоты на подвѣдомственныхъ ему островахъ въ заливѣ Амурскомъ, Уссурійскомъ и заливѣ Петра Великаго, обставило даже дѣло охоты на изюбрей особыми и, пожалуй, для вольнаго охотника обременительными условіями (установлены особые періоды охоты, штрафы за убійство матокъ и проч.) и даже тратитъ не мало денегъ на *содержаніе* оленей зимою.

Дѣло въ томъ, что въ хуровыя зимы, сопровождающіяся обильными снѣгами, оттепелью и морозами, превращающими снѣгъ въ непроницаемый для слабыхъ копытъ изюбрей ледяной покровъ,—въ тайгѣ и на островахъ тысячами гибнутъ олени, лишенные возможности добыть себѣ пищу. Въ предупрежденіе этого, на островахъ, находящихся въ районѣ исключительной охоты „любителей", еще съ осени тамъ и сямъ заготовляются ихъ для пропитанія стоги сѣна. Все это, конечно, отнимаетъ много соблазнительнаго у самой охоты; немногочисленные звѣри такъ привыкаютъ, въ концѣ концовъ, къ людямъ, что охота за ними превращается, собственно говоря, въ бойню; но кому же охота углубляться въ дебри тайги!

Въ глубинѣ тайги охота иная; здѣсь удается ловкимъ промышленникамъ добывать иногда въ одинъ пріемъ до двухъ — трехъ десятковъ „пантачей" въ звѣроловныя ямы, такъ называемыя „лудевы", во многомъ напоминающія южно-африканскія „гопо", посредствомъ которыхъ ловятъ жираффовъ. Промышленники перегораживаютъ въ тайгѣ изгородью большое пространство, верстъ на 8 — 10, и на всемъ

этомъ протяженіи устраиваютъ (на разстояніи $^1/_4$—$^1/_2$ версты одна отъ другой) глубокія ямы, выложенныя бревенчатымъ срубомъ. Это колоссальное сооруженіе стоитъ, конечно, очень и очень не дешево, но за то, когда спустя день-два промышленники подходятъ къ лудевамъ, — ихъ восхищенному взору представляются ямы, наполненныя звѣрьми.

Этотъ хищническій способъ охоты не дозволенъ закономъ, но преслѣдованіе его не ведетъ ни къ чему, такъ какъ въ тайгѣ слишкомъ трудно найти такія лудевы, тайное населеніе ея слишкомъ велико, сообщенія никакого со всѣми культурными поселеніями они не имѣютъ, и здѣсь случается даже иногда такъ, что не только лудевы, но даже цѣлыя поселенія манзъ и сотни десятинъ, обрабатываемыхъ ими изъ года въ годъ, долгіе годы ускользаютъ отъ вниманія властей, хотя послѣднія и весьма нерѣдко предпринимаютъ походы вглубь тайги для разысканія нелегальныхъ манзъ, укрывающихся въ ней.

Замѣчу, кстати, что благодаря всему этому появленіе небольшаго полицейскаго отряда въ глубинѣ тайги, въ сторонѣ отъ населенныхъ мѣстъ и почтоваго тракта, каждый разъ имѣетъ характеръ вторженія непріятелей въ военное время и даже сопровождается всѣми аксессуарами настоящей войны: разрушеніемъ, пожарами и даже *плѣномъ*. Во время такого шествія уничтожаютъ на прибрежьяхъ тайги шхуны и лодки, занимающіяся въ уединенныхъ заливахъ и бухтахъ контрабандной добычей трепанговъ, морской капусты и рыбы, сжигаются сулевые *) заводы, звѣроловныя и земледѣльческія тайныя фанзы, срываются до основанія лудевы и изгороди, берутся въ плѣнъ безпаспортные манзы.

И если случайному охотнику приходится въ уединенной тайгѣ набрести на слѣды такихъ разрушеній, то онъ можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что тамъ недавно прошелъ полицейскій отрядъ. Путь его по дремучей тайгѣ всегда сопровождается разрушеніемъ. И, тѣмъ не менѣе, не смотря на строгія, крутыя и чисто военныя мѣры, борьба съ тайными поселеніями манзъ почти безуспѣшна: слишкомъ обширна и недоступна тайга.

Нужно самому видѣть, разсказываетъ одинъ очевидецъ, изъ любознательности сопровождавшій отрядъ полицейскаго пристава, совершавшаго облаву въ тайгѣ по пути изъ Св. Ольги до Тазушева,—нужно са-

---

*) Сулевой — водочный заводъ. Въ тайгѣ не мало такихъ заводовъ, которые „гонятъ“ „сулею“, т.-е. рисовую водку,—національный напитокъ китайцевъ.

мому видѣть,—говоритъ онъ,—чтобы повѣрить, „какую панику производитъ на манзъ появленіе пристава: во всемъ, всегда многолюдномъ Тазушевѣ, растянутомъ по рѣкѣ Тазушевой верстъ на сорокъ, я видѣлъ теперь не болѣе 50—60 манзъ. Остальные всѣ разбѣжались, кто куда могъ и успѣлъ,—даже скотъ поугоняли. Не знаю,—продолжаетъ онъ,—всегда ли пріѣздъ пристава производитъ такое впечатлѣніе на манзъ или это было вызвано, въ данномъ случаѣ, внушительнымъ видомъ сопровождавшаго его военнаго отряда изъ 12-ти человѣкъ“.

Дальше разсказъ очевидца носитъ уже вовсе характеръ реляціи о побѣдоносномъ походѣ по странѣ непріятелей: „произвели погромъ (въ видѣ истребленія лодокъ) въ бухтѣ Владиміра..., увидѣли фанзы и внезапно нагрянули: всѣ находившіеся въ нихъ манзы повыскакивали изъ оконъ и удрали въ тайгу...; набрели на лудевы... срыли до основанія... Сожгли звѣроловную фанзу... подожгли сулевой заводъ... уничтожили поле, засѣянное макомъ... *), взяли одного въ плѣнъ, но онъ впрочемъ ночью удралъ, угнавъ вмѣстѣ съ собой лучшихъ лошадей изъ отряда“...

Возвращаюсь, однако-же, къ Кинь-Кою-Сану.

Само собой разумѣется, устройство лудевъ и звѣроловныхъ ямъ, обезпечивающихъ хорошую добычу, было не по силамъ одинокому охотнику, которому приходилось промышлять плохонькимъ ружьемъ. Поэтому-то и добыча его была всегда крайне скудна, не говоря уже о томъ, что охота по оленямъ, сама по себѣ, для одинокаго звѣролова сопряжена съ огромными трудностями, большимъ рискомъ и многими опасностями.

Изюбрь—животное чрезвычайно пугливое и держится всегда вдали отъ людскихъ поселеній, въ глубинѣ непроходимой тайги, населенной тиграми, медвѣдями, дикими кабанами, а иногда и кровожадными барсами. При такихъ условіяхъ охота на нихъ является дѣломъ мало привлекательнымъ, и только бѣглый манза можетъ жить здѣсь подъ постояннымъ страхомъ встрѣчи съ полосатымъ хищникомъ ламазой (тигромъ), слѣдующимъ обыкновенно по пятамъ за стадомъ изюбрей. Неудивительно, поэтому, что на такого рода промыселъ, могущій привлечь лишь людей, одаренныхъ исключительной страстью къ охотѣ и сильнымъ ощущеніемъ,—идутъ эти люди, которымъ, какъ говорится, терять уже нечего.

При всемъ томъ, благодаря своему нелегальному положенію въ

---

*) Макъ сѣютъ для добыванія изъ него опіума.

краѣ и полной зависимости отъ перекупщика—„благодѣтеля“, промышленникъ получаетъ лишь ничтожныя крохи за свой нелегкій и опасный промыселъ да и тѣ рѣдко выдаются ему наличными деньгами; большей частью, расплата производится натурой — предметами потребленія и вооруженія, поставляемыми охотникамъ по непомѣрно возвышеннымъ цѣнамъ. Благодаря этому, добыча пантовъ даетъ, въ концѣ концовъ, бродячему охотнику такъ-же мало, какъ и добыча морской капусты китайскимъ кули, несмотря на то, что промыселъ этотъ, въ общемъ, очень выгоденъ, особенно если удается добыть панты лани или пятнистаго оленя (cervus axis), цѣнящіеся особенно дорого, такъ какъ имъ приписывается большая цѣлебная сила въ болѣзняхъ *).

Удачная охота не всегда, однако-же, достается на долю Кинь-Кою-Сана. Очень часто ему приходится забираться въ глубину тайги, за много верстъ отъ фанзы и еще чаще — оспаривать добычу чуть не у самого тигра. Все же этотъ промыселъ, какъ ни опасенъ онъ,—говорилъ мнѣ бродячій охотникъ,—не сопровождается такими лишеніями и опасностями, съ какими сопряжена добыча жень-шеня (этого „человѣка-корня“ „стосила“, какъ характерно назвали его мѣстные обыватели), которой онъ одно время занимался въ тайгѣ.

Дѣло въ томъ, что этотъ драгоцѣнный, янтарнаго цвѣта, корень, которому китайская медицина приписываетъ способность возстановлять потерянныя силы, ободрять стариковъ и возвращать крѣпость тѣла, утерянную въ наслажденіяхъ извѣстнаго рода,—растетъ обыкновенно въ самыхъ дикихъ и неприступныхъ ущельяхъ, гнѣздилищахъ тигровъ и барсовъ. Поплатиться жизнью при этомъ промыслѣ—обыкновенное дѣло. И, тѣмъ не менѣе, сотни и тысячи манзъ съ опасностью жизни ежегодно, съ наступленіемъ лѣта, пробираются въ самыя глухія и опасныя дебри тайги въ поискахъ за этимъ растеніемъ, цѣнность котораго доходитъ до 100, 200, 300 и болѣе рублей за корешокъ!

Въ ряду предметовъ, вывозимыхъ китайцами изъ Уссурійскаго края въ сосѣдній Китай, этотъ корень занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто.

Жень-шень и панты и были, собственно говоря, тѣми могучими двигателями, тѣми соблазнами, которые съ давнихъ поръ, еще до присоединенія края къ Россіи, привлекали сюда не одного искателя

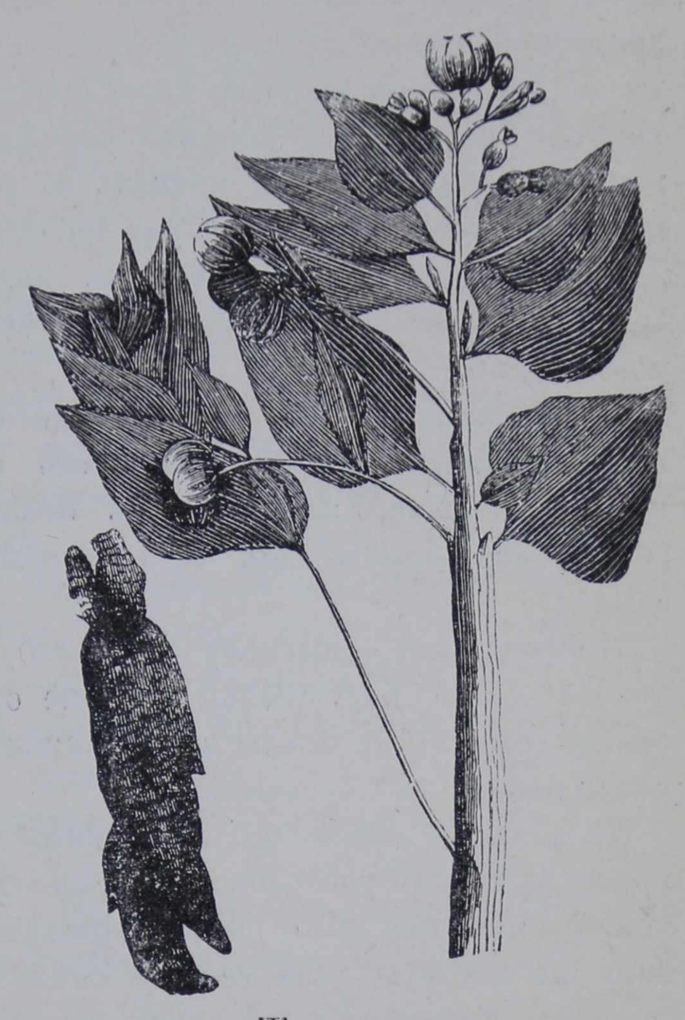
---

*) Шкурки лани—очень красивыя — употребляются, между прочимъ, при религіозныхъ церемоніяхъ шамановъ и, по убѣжденію инородцевъ, дѣйствительность заклинаній, зависитъ именно оттого, что одежда шамановъ сдѣлана изъ этихъ шкуръ.

приключеній, не одну буйную голову изъ сосѣдней недвижной имперіи. Жень-шень былъ главной приманкой для сосѣднихъ китайцевъ, онъ былъ давнимъ путеводителемъ этихъ людей по дебрямъ уссурійской тайги.

Десятки тысячъ манзъ одиноко, по цѣлымъ мѣсяцамъ, бродили по тайгѣ въ поискахъ за этимъ цѣннымъ растеніемъ, пользующимся славою самаго дорогаго изъ произведеній земли, за исключеніемъ алмазовъ и драгоцѣнныхъ камней.

Слава этого растенія такъ велика, что первые посѣтители Китая создали даже цѣлыя легенды о его цѣнности. Миссіонеръ Вероль, одинъ изъ первыхъ европейцевъ, посѣтившихъ Китай, увѣряетъ, напримѣръ, что въ его время одинъ фунтъ жень-шеня стоилъ въ Китаѣ двадцать тысячъ рублей! Де-ла-Брюньеръ увѣряетъ, что корешокъ толщиною въ палецъ стоилъ до 2000 рублей!

Жень-шень.

Въ дѣйствительности, эти цифры сильно преувеличены, но, все-таки, и существующая цѣна—отъ 1 до 100 р. за корень средняго достоинства—такъ велика, что многіе китайскіе купцы наживаютъ большія состоянія на скупкѣ этого корня.

Значительная стоимость его объясняется тѣмъ, что онъ встрѣчается крайне рѣдко въ дикомъ видѣ и приходится иногда недѣли и мѣсяцы, терпя голодъ и жажду, рискуя ежесекундно наткнуться на хищника, бродить по трущобамъ, не спуская взора съ травы и осторожно раздвигая ее передъ собою палочкой, чтобы какъ-нибудь не повредить этого нѣжнаго растенія. Сколько страху натерпится искатель, сколько тревогъ, лишеній, опасностей приходится испытать смѣльчаку раньше, чѣмъ онъ наткнется на корень! И какъ велико бы-

ваетъ его разочарованіе, когда, проблуждавъ десятки дней по скрытымъ отъ солнца узкимъ горнымъ долинамъ, онъ, въ концѣ концовъ, натыкается лишь на тощій корешокъ. Всѣ его мечты разбиваются въ прахъ, потому что такая добыча стоитъ всего нѣсколько десятковъ рублей. За то, если ему удается наткнуться на большой, толстый и вполнѣ сформировавшійся корень, — восторгу его нѣтъ предѣловъ. Бѣдный до сихъ поръ искатель становится сразу богатымъ. ибо жень-шень, подобно алмазу и другимъ драгоцѣннымъ камнямъ, страшно и непропорціонально вѣсу. растетъ въ цѣнѣ. Такіе случаи весьма, однакоже, не часто выпадаютъ на долю искателей. Большей частью, имъ приходится пробавляться мелкими корешками, наиболѣе часто,—но въ тоже время и рѣдко, если принять во вниманіе рискъ, затрату времени и труда,—встрѣчающимися ему по пути.

Нужно еще и то имѣть въ виду, что найти корень еще не значитъ добыть его и извлечь изъ него всю ту пользу, которую онъ можетъ дать.

Жень-шень растеніе очень нѣжнаго свойства и нужно съ величайшею осторожностью выкопать его изъ земли, предохранить отъ вліянія воздуха, завернуть въ бумагу, тщательно уложить, какъ зеницу ока блюсти для того, чтобы всѣ труды не пропали безслѣдно.

Обыкновенно, опытному искателю удается въ теченіи лѣта найдти отъ 15 до 40 корешковъ, которые онъ до окончанія промысловаго сезона сажаетъ въ землю въ укромномъ мѣстѣ, вблизи котораго находится районъ его промысла.

Но и этимъ еще не все достигается. Раньше, чѣмъ сдѣлать корень пригоднымъ для употребленія, приходится продѣлать массу сложныхъ манипуляцій для того, чтобы придать ему, наконецъ. ту цѣлебную силу, въ которую такъ свято и слѣпо вѣрятъ китайцы. Сначала отдѣляется приставшая къ корню земля и травяныя частицы. Это — дѣло нелегкое, особенно когда приходится очищать верхнюю часть корня, изборожденную морщинами и складками, что достигается только при помощи туго, какъ тетива у лука, натянутой на маленькомъ прутикѣ шелковой нитки.

Послѣ этого приступаютъ къ приготовленію корня. Очевидцы описываютъ этотъ кропотливый процессъ слѣдующимъ образомъ.

Корень кипятятъ минутъ 5—10 въ сахарной водѣ; затѣмъ, обернувъ промасленной бумагой, его около получаса подвергаютъ дѣйствію водяныхъ паровъ. И только послѣ этого корень высушивается и

считается окончательно готовымъ къ употребленію *). Но и въ этомъ видѣ онъ требуетъ крайне осторожнаго съ собой обращенія и его чрезвычайно остерегаются брать или трогать руками, а въ случаѣ нужды его берутъ двумя цилиндрическими палочками. Употребленіе жень-шеня сильно распространено между китайцами: почти у каждаго изъ нихъ на груди постоянно виситъ мѣшечекъ съ этимъ спасительнымъ корнемъ, съ которымъ китаецъ никогда не разстается.

Высокая оцѣнка жень-шеня, съ одной стороны, и трудность добычи его въ дикомъ видѣ—съ другой съ давнихъ поръ вызвали въ краѣ возникновеніе искусственной культуры его на спеціальныхъ плантаціяхъ, устраиваемыхъ въ тайгѣ богатыми владивостокскими и даже пекинскими купцами и приносящихъ имъ тысячи рублей годоваго дохода.

Кинь-Кою-Сану пришлось около двухъ лѣтъ проработать на одной изъ такихъ плантацій, и онъ сообщилъ мнѣ не лишенныя интереса подробности объ этой своеобразной и дорого стоющей культурѣ.

Для плантаціи обыкновенно выбирается мѣсто, по своему мѣстоположенію и свойствамъ подходящее къ природному мѣсторожденію жень-шеня. Наиболѣе удобными для разведенія его считаются узкія горныя долины, причемъ для сообщенія ему тѣни и влаги все мѣсто, отведенное для плантаціи, обносится глухимъ и частымъ заборомъ и прикрывается палатками или навѣсами изъ бѣлой дабы. Земля подъ посадку жень-шеня тщательно просѣивается и послѣ этого изъ нея устраиваютъ ровныя грядки, уходъ за которыми просто изумителенъ. Жень-шень разсаживается правильными рядами и подвергается тщательному надзору со стороны 15—20 рабочихъ (по преимуществу бѣглыхъ китайцевъ). На каждой плантаціи имѣется до 15—20 тысячъ корней этого растенія, половина которыхъ ежегодно идетъ въ продажу; остальные-же остаются доростать.

Очень часто плантаторъ отправляетъ бѣглыхъ китайцевъ въ таежныя горы искать дикій жень-шень, и если онъ не достигъ на свободѣ внушительныхъ размѣровъ, придающихъ ему особенную цѣнность, то плантаторъ даетъ ему на своей плантаціи доростать. Искусственно разводимый жень-шень въ глазахъ китайца не имѣетъ силы и значенія дико растущаго и продается значительно дешевле послѣдняго, тѣмъ не менѣе, несмотря на большую затрату труда и дорого

*) Употребляютъ внутрь, собственно говоря, отваръ корня.

стоющую культуру, онъ даетъ, все-таки, такой крупный доходъ, что многіе плантаторы наживаютъ большія состоянія.

Къ сожалѣнію, примѣръ китайцевъ не приноситъ никакой пользы ни русскому населенію, ни правительству, такъ какъ промыселъ не обложенъ никакими пошлинами въ пользу казны. На II-мъ Хабаровскомъ съѣздѣ былъ, правда, возбужденъ вопросъ о подчиненіи контролю китайскихъ плантацій, но „въ виду трудности надзора за ними“ обложеніе ихъ было признано преждевременнымъ, „впредь до увеличенія русскаго населенія въ краѣ.“ А, между тѣмъ, даже по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, далеко не выражающимъ истиннаго положенія дѣлъ, вывозъ жень-шеня только чрезъ Владивостокъ, моремъ, „не считая того, который безконтрольно провозится черезъ сухопутную границу“, достигаетъ въ иные годы болѣе 21.000 рублей *). А сколько его провозится тайно!

Русскимъ поселенцамъ, живущимъ зачастую бокъ-о-бокъ съ манзовскими плантаціями, примѣръ ихъ сосѣдей приноситъ также мало пользы. Впрочемъ, въ этомъ винить нужно уже не хищниковъ-манзъ, а самихъ русскихъ,—ихъ инертность, неподвижность, отсутствіе предпріимчивости. Только этимъ, да еще нелюбовью и подозрительностью ко всякому новому, необычному роду культуры и можно себѣ объяснить то, что русскій поселенецъ не берется за культуру жень-шеня, приносящую его трудолюбивому, практичному и дѣятельному сосѣду огромные доходы, и рядомъ съ нимъ перебивается, не умѣя приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ съ хлѣба на воду.

Солнце уже значительно склонилось къ закату, когда я удалялся средь немолчнаго лѣса отъ фанзы Кинь-Кою-Сана.

Безмолвный, одинокій, забытый,—одинъ среди безпредѣльнаго лѣса и хищныхъ звѣрей остался снова Кинь-Кою-Санъ въ фанзѣ по прежнему прислушиваться къ тихому шопоту кедровъ, къ шуму вѣтра въ лѣсу, къ шороху звѣря въ тайгѣ.

Часа три спустя я приближался къ станціи. Стоялъ чудный августовскій вечеръ. По необозримому синему небу медленно и плавно катилась луна. Въ небѣ мерцали звѣзды.

---

*) Въ томъ числѣ культивированнаго—на 18.500 р.! Конечно, въ виду трудности надзора въ тайгѣ не мало плантацій вовсе ускользаетъ отъ учета.

XVIII.

У старожиловъ.

Вблизи людскаго поселенія.—Печальныя картины. — Истребители лѣса.— Древесные грибы. — Шкотово. — Старожилы. — Ихъ положеніе.—Условія жизни. — Неувѣренность. — Вѣчные странники.—Тигры.— Комическіе случаи.—Драмы въ тайгѣ. — Тайга весною и лѣтомъ. — Охота.—Ходъ козы. — Манзы.

Къ утру я уже былъ недалеко отъ Шкотова. На близость людскаго поселенія указывалъ одинъ вѣрный признакъ, который никогда не обманывалъ меня во время моихъ странствованій по Уссурійскому краю: именно,—странная метаморфоза, которая совершается съ тайгой.

Ѣдешь все время хребтами, заросшими глухимъ, могучимъ и непроницаемымъ лѣсомъ. Деревья такъ густы, такъ плотно сплетаются другъ съ другомъ, что неширокая дорога, по которой пробираешься впередъ, кажется проложенной между двумя компактными зелеными стѣнами и напоминаетъ своеобразный, безконечный, шелестящій тоннель.—И вдругъ тайга начинаетъ такъ странно и быстро рѣдѣть. Чѣмъ дальше,—тѣмъ больше. Не проходитъ четверти часа ѣзды, какъ приходится уже ѣхать мѣстами, про которыя мѣстные жители говорятъ: „отъ древа до древа—не слыхать тигроваго рева". Тамъ и сямъ торчатъ одинокія ели и сосны, отдѣляемыя другъ отъ друга большими пространствами, усѣянными, вмѣсто мощныхъ титановъ тайги, лишь ихъ почернѣвшими, частью обуглившимися, частью полусгнившими пнями.

И если путнику приходится вдругъ натыкаться въ тайгѣ на такія печальныя картины истребленія лѣса, то онъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что въ двухъ-трехъ верстахъ протекаетъ рѣка, и на ней живетъ „царь природы". По этимъ слѣдамъ разрушенія, по этимъ обож-

женнымъ и вырубленнымъ таежнымъ пространствамъ безошибочно можно угадать его сосѣдство: въ нашемъ юномъ и исполненномъ блестящихъ надеждъ краѣ, въ которомъ до самаго недавняго времени понятіе „лѣснаго хозяйства“ отожествлялось съ понятіемъ „истребленіе лѣса“, слѣды разрушенія сопровождаютъ и отмѣчаютъ каждый шагъ человѣка.

Еще недавно весь этотъ край былъ покрытъ, какъ бронею, необъятной, безбрежной, густой и непроходимой чащей могучей тайги, а теперь здѣсь уже существуютъ обширныя пространства, оффиціально отнесенныя къ районамъ, гдѣ „лѣса оказывается уже недостаточно для полнаго обезпеченія мѣстнаго населенія“...

Огонь и топоръ, русскій поселенецъ и манза, охотникъ и земледѣлецъ одинаково быстро и безразсудно истребляютъ превосходные строевые и карабельные лѣса вблизи людскихъ поселеній и особенно у побережья южной части Уссурійскаго края, представляющаго собой нынѣ непривлекательный видъ. И только подальше отъ берега моря и человѣческаго жилья тайга сохранилась еще во всей своей мощи и неприкосновенности и тянется въ глубь страны на тысячи верстъ такой же непроницаемой, глухою стѣной, какъ и прежде до появленія здѣсь человѣка.

Впрочемъ, въ послѣдніе годы установленъ строгій надзоръ за самовольными истребителями лѣса, заводится, мало-по-малу, правильное лѣсное хозяйство и теперь съ каждымъ годомъ приходится сравнительно меньше наталкиваться на печальные виды въ тайгѣ.

Бороться съ истребителями лѣса почти не представляется возможнымъ лѣсному надзору, лишенному физической возможности услѣдить за тѣмъ, что происходитъ внутри тайги. Да и гдѣ услѣдить въ ней за вольнымъ охотникомъ, пускающимъ палъ, чтобы выгнать кабана или за бродячимъ манзой-промышленникомъ, вырубающимъ столѣтній дубъ для того, чтобы современемъ добыть на немъ грибъ.

Особенно трудно бороться съ послѣдними, такъ какъ для своихъ хищническихъ операцій. т.-е. добычи столь цѣнимыхъ въ Китаѣ древесныхъ грибовъ они углубляются обыкновенно въ такія мѣста. гдѣ отыскать ихъ-внѣ физическихъ силъ человѣка.

Дѣло въ томъ, что въ сосѣднемъ Китаѣ однимъ изъ любимыхъ предметовъ питанія и продовольствія являются слизистые паросты или грибы, выростающіе на гніющихъ дубахъ. Спросъ на нихъ такъ великъ и на туземныхъ рынкахъ сбытъ ихъ такъ хорошъ, что они продаются въ Китаѣ по 30 коп. за фунтъ.

Столь высокія цѣны вызвали къ жизни цѣлый классъ особыхъ промышленниковъ, которые, пользуясь трудностью надзора за лѣсомъ, забираются въ тайгу и здѣсь занимаются *искусственнымъ* разведеніемъ грибовъ, вырубая для этой цѣли дубовыя рощи цѣликомъ. Въ послѣднее время, съ усиленіемъ надзора за лѣсными пространствами, хищническое истребленіе дуба начинаетъ, по слухамъ, принимать меньшіе размѣры, хотя, повидимому, этотъ промыселъ еще нельзя считать окончательно прекратившимся. Слѣды этихъ своеобразныхъ плантацій можно и теперь еще видѣть по встрѣчающимся въ тайгѣ срубленнымъ стволамъ широковѣтвистыхъ дубовъ и гнилымъ пнямъ, покрывающимъ землю.

У самаго Шкотова нѣтъ уже и признака лѣса и намъ приходатся пробираться по болоту, почти слившемуся съ маленькимъ озеромъ, пріютившимъ на своей гладкой поверхности и въ поросшихъ камышомъ берегахъ стаи утокъ, гусей, чаекъ и лебедей.

Дальше мы ѣдемъ то мимо поросшихъ хлѣбомъ полей, то среди сотканнаго самой природой ковра тучной, высокой травы, расшитаго пышными букетами полевыхъ цвѣтовъ, между которыми ярко-зеленые широкіе листья серебристаго ландыша спорятъ съ красными, желтыми и бѣлыми лиліями, рододендронъ перемѣшался съ піонами, стройный и нѣжный дико-растущій геліотропъ—съ синими васильками.

Еще полъ-часа ѣзды огородами,—наконецъ, вотъ и Шкотово, одно изъ самымъ старыхъ поселеній Уссурійскаго края (поселеніе это существуетъ съ 1865 г.), являющееся, вмѣстѣ съ тѣмъ, первымъ культурнымъ пунктомъ на сѣверо-востокѣ отъ Владивостока,—однимъ изъ тѣхъ немногихъ этаповъ, которые встрѣчаетъ на своемъ пути туристъ, пробирающійся отсюда къ берегамъ Татарскаго пролива сухимъ путемъ. Дальше во всемъ Сучанскомъ округѣ путнику встрѣтятся только семь—восемь деревень *), и затѣмъ вплоть до зал. св. Ольги, гдѣ сосредоточено четыре-пять деревушекъ, нѣтъ ни одного поселенія на всемъ сѣверо-востокѣ, т.-е. на значительнѣйшей части территоріи края.

Шкотово не производитъ благопріятнаго впечатлѣнія на посѣтителя. Живутъ, какъ и раньше (т.-е. лѣтъ 25—30 назадъ)—бѣдно; не видно здѣсь признаковъ зажиточности. Первоначально здѣсь поселены

*) Старѣйшія изъ нихъ—Владиміровка (здѣсь живутъ крестьяне изъ Вятской губ., пришедшіе сюда въ 1865 г. съ нижняго Амура) и Александровка, въ которой живутъ вывезенные въ 1864 г. поселенцы изъ Николаевска. Затѣмъ идутъ—Голубовка, Екатериновка, Унаши, Перетино, Новицкое и Флоровка.

были крестьяне, пришедшіе съ низовьевъ Амура, безсрочно отпускные солдаты, матросы и даже ссыльно-поселенцы и бѣдность ихъ приписывали именно этой пестротѣ основнаго ядра поселенія, мало пригодной для колонизаторской дѣятельности. Съ тѣхъ поръ прошло, однако, двадцать пять лѣтъ, — время, достаточное для того, чтобы освоиться съ своей новой родиной, а между тѣмъ большихъ успѣховъ, въ смыслѣ упроченія своего благосостоянія, шкотовцы не сдѣлали за это время, и самая деревня совсѣмъ не носитъ характера благоустроеннаго села.

Главнѣйшей причиной, какъ оказалось при ближайшихъ разспросахъ, является здѣсь, какъ и во многихъ другихъ поселеніяхъ, разбросанныхъ по Южно-Уссурійскому краю. крайняя неувѣренность колонистовъ въ прочности своего мѣстопребыванія.

Значительное большинство обывателей Шкотова—какіе-то вѣчные странники. Жили они когда-то въ Вятской губерніи. Недородъ, малоземелье заставили ихъ потянуться на новыя мѣста. въ Минусинскія степи.

— Пошли мы, —говорятъ они,—въ „Минусу", а попали на Амуръ (нижнее теченіе его). — Здѣсь они вскорѣ испытали сильное наводненіе. которое затопило ихъ село и смыло съ полей весь хлѣбъ.

— Потянулись мы,—разсказываютъ они. — въ Вольгу (т.-е. въ заливъ Св. Ольги).

Здѣсь имъ тоже пришлось испытать наводненіе.

— Снялись мы съ Вольги и пошли на Цымухе (рѣка, въ долинѣ которой находится Шкотово).

— Ну, а здѣсь?

— Да, что: здѣсь то же случается.

И, вотъ, благодаря этому, у нихъ и идетъ все спустя рукава, и нѣтъ у нихъ увѣренности въ томъ, что они навсегда здѣсь останутся.

Другой причиной, ослабляющей энергію мѣстныхъ крестьянъ и отвлекающей ихъ мысли отъ земледѣлія, нужно считать то, что они по старой памяти, предпочитаютъ занятію земледѣліемъ — погоню за легкой наживой, главнымъ образомъ добычу пантовъ *).

---

*) Замѣчу, кстати, что погоней за легкой наживой отличаются и вообще піонеры-колонизаторы края, т.-е. поселенцы Амура, солдаты, матросы и сс.-поселенцы, бывшіе главными обитателями первыхъ мѣстныхъ культурныхъ поселеній. Живущіе-же рядомъ съ ними переселенцы изъ южныхъ губерній, которые начали колонизировать край всего лѣтъ 10—12 назадъ, крѣпко привержены къ землѣ, и самые хутора и деревни ихъ являются отрадными контрастами среди запущенныхъ и покосившихся деревень старожиловъ.

Раньше, когда тайга подходила къ самому Шкотову, „пантачей“ въ ней водилась не мало, и старожилы зарабатывали, бывало, въ иное лѣто до 800 руб. на душу одной продажей пантовъ. Теперь-же лѣсъ вокругъ вырубленъ, частью выжженъ палами, изюбри напуганные отчасти частыми ружейными выстрѣлами, отчасти тиграми, залегшими въ ближнихъ лѣсахъ, далеко убрались въ тайгу,—и самая охота на нихъ далеко не такъ легка, привлекательна и выгодна, какъ бывало когда-то. Тѣмъ не менѣе, старинная привычка глубоко въѣлась въ характеръ старожиловъ, и они по сію пору не оставляютъ своихъ теперь уже почти безплодныхъ скитаній по лѣсу съ ружьемъ. Все это имѣетъ еще и то дурное послѣдствіе, что мѣстный старожилъ, за незначительными исключеніями, совсѣмъ отбился отъ земли, отвыкъ отъ правильнаго и систематическаго труда и приняться ему теперь, спустя тридцать лѣтъ, за хозяйство, сильно запущенное къ тому-же продолжительнымъ бабьимъ управленіемъ (на женщинахъ да на наемныхъ манзахъ, главнымъ образомъ, и лежали до сихъ поръ всѣ полевыя и домашнія работы),—совсѣмъ невозможно: слишкомъ привыкъ онъ къ вольной бродяжнической жизни, слишкомъ развратило его продолжительное пользованіе наемнымъ трудомъ.

Сами старожилы не скрываютъ того, что за послѣдніе двадцать пять лѣтъ они совсѣмъ отбились отъ земли, но, не отрицая хорошихъ качествъ мѣстнаго чернозема, объясняютъ свое пренебреженіе землей тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ ихъ усилія подъ-часъ разбиваются въ прахъ о чисто стихійныя бѣдствія, въ ряду которыхъ одинаковое мѣсто занимаютъ какъ наводненія, причиняемыя разлившимися во время сильныхъ лѣтнихъ дождей рѣками, противъ чего они лишены средствъ бороться, такъ и тигры, притаившіеся въ окрестныхъ лѣсахъ и мѣшающіе правильному развитію скотоводства и коневодства. Жалобы шкотовцевъ не лишены основанія: имъ приходится, дѣйствительно, не мало страдать отъ наводненій. Но собенно скверно приходится имъ отъ сосѣдства тигровъ. Эти полосатые хищники положительно свирѣпствуютъ здѣсь. До моего пріѣзда, напримѣръ, эти тигры въ теченіи лѣта зарѣзали у обывателей Шкотова около пятидесяти коней.

Правда, обозленные жители доведенные почти до отчаянья, пустившись облавой на хищника, успѣли въ теченіи двухъ недѣль убить пять „ламазъ“ *), но это, конечно, не вознаградило ихъ за потерянныхъ лошадей (шкура обыкновеннаго тигра стоитъ здѣсь 60—70 р.,

---

*) „Ламаза“—исковерканное китайское слово „лао-ма-цзы“, что значитъ—тигръ.

а лошади здѣсь очень дороги: до 100 р. штука и болѣе). Къ тому-же, не прошло двухъ—трехъ недѣль послѣ облавы, какъ тигры опять появились близъ Шкотова и, какъ будто, - говорили мнѣ,—даже въ большомъ количествѣ.

Дня за два до моего пріѣзда въ Шкотово здѣсь произошелъ, напримѣръ, такой случай. Идетъ мужикъ изъ села по дорожкѣ къ лѣсу за лошадью, которая паслась тамъ на волѣ близь опушки тайги. Не успѣлъ онъ отойти и версты отъ деревни, какъ на одномъ поворотѣ неожиданно натыкается на тигра, который лежалъ на придорожномъ холмикѣ и на солнышкѣ грѣлъ свою спину. Въ страшномъ испугѣ, растерявшись, мужикъ упалъ на колѣни предъ тигромъ, въ двухъ—трехъ шагахъ отъ пасти, и началъ читать предсмертную молитву. Сытъ-ли былъ тигръ, или испугался внезапнаго появленія человѣка, только на этотъ разъ онъ не тронулъ его, а поднявшись съ земли тихонько ушелъ обратно въ тайгу.

За недѣлю передъ тѣмъ парень изъ Шкотова-же также къ лѣсу за лошадью шелъ.

Онъ уже былъ недалеко отъ мѣста, гдѣ оставилъ ее пастись нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, какъ вдругъ видитъ:—тигръ доѣдаетъ ее. Парень не растерялся и тотчасъ-же началъ ретироваться назадъ, но на свою бѣду оступился и упалъ. Шумъ отъ паденія привлекъ вниманіе звѣря, и тигръ, вскочивъ съ задавленной лошади, неспѣшно направился къ помертвѣвшему парню. Къ счастью, невдалекѣ стояло высокое дерево. Увидѣвъ его, парень поспѣшилъ взобраться на самую вершину его. Но тигръ и тутъ не оставилъ несчастнаго. Онъ подошелъ къ дереву, улегся у его основанія, помахиваетъ тихонько своимъ могучимъ хвостомъ и нѣтъ-нѣтъ—да и обожжетъ парня хищнымъ, пощады не знающимъ взглядомъ. Часа два просидѣлъ парень на деревѣ и только тогда, когда невдалекѣ показались односельчане и, привлеченные его отчаянными воплями, поспѣшно направились къ дереву, тигръ поднялся, внимательно посмотрѣлъ еще разъ на плѣнника и неслышно умчался въ чащу.

На злополучнаго плѣнника этотъ случай произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что онъ заболѣлъ нервной горячкой. Позже мнѣ передавали, что онъ навсегда оставилъ деревню, бросилъ землю, хозяйство и переселился во Владивостокъ.

Въ тотъ-же приблизительно періодъ времени вблизи Шкотова имѣлъ мѣсто такой случай. Ведетъ крестьянинъ рано утромъ вола къ рѣкѣ поить. Не успѣлъ онъ дойти до рѣки, какъ изъ густой

заросли выскочилъ тигръ и тутъ-же у него на глазахъ раздираетъ вола. Крестьянинъ, къ счастью, цѣлымъ ушелъ.

Бываютъ иногда съ тигромъ и совсѣмъ комическія приключенія. Такъ, спустя нѣсколько дней, когда я былъ уже въ Сучанской долинѣ (верстахъ въ 90 къ востоку отъ Шкотова) мнѣ разсказывали, какъ одному маленькому мальчику удалось... помоями прогнать тигра отъ дома, который онъ буквально осаждалъ (домъ стоялъ одиноко, далеко отъ ближнихъ поселеній) цѣлую недѣлю подъ-рядъ, приходя туда каждый вечеръ, какъ только стемнѣетъ. Мальчикъ примѣтилъ, что тигръ обыкновенно хоронится близь самыхъ наружныхъ дверей и здѣсь терпѣливо, часами, дожидается, не выйдетъ-ли кто-нибудь изъ дома. Замѣтивъ это, мальчикъ, не сказавъ никому объ идеѣ, осѣнившей его, въ одинъ вечеръ, дождавшись тигра и замѣтивъ, что тотъ уже терпѣливо стоитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, неожиданно распахнулъ дверь и выплеснулъ хищнику прямо въ морду ведро помоевъ. Тигръ былъ такъ пораженъ неожиданной ванной, что тотчасъ, поджавъ хвостъ, съ жалобнымъ воемъ убѣжалъ въ сосѣдній лѣсъ и больше уже не показывался у такъ долго, но безплодно осаждаемой имъ хижины.

Еще болѣе оригинальный случай, характеризующій, между прочимъ, трусость этого кровожаднаго хищника, мнѣ пришлось слышать предъ отъѣздомъ изъ Владивостока. Случай этотъ тоже имѣлъ мѣсто въ Сучанской долинѣ. Дѣло было такъ, по разсказамъ, подтверждаемымъ сообщеніемъ одной изъ мѣстныхъ газетъ. Ѣдетъ въ саняхъ изъ одной деревни въ другую кореецъ; за санями бѣжитъ собака. Вдругъ изъ кустовъ выскочилъ тигръ и кинулся на собаку, но промахнулся и ткнулся мордой въ пристяжную со стороны заднихъ копытъ. Лошадь, почувствовавъ сильный толчекъ, со всей силы лягнула его и разбила ему челюсть. Въ это время испуганныя лошади круто повернули въ сторону, ударивъ краемъ саней тигра по ногамъ, сбили его въ сани и, какъ бѣшенныя, помчались впередъ. Кореецъ, спавшій до сихъ поръ, почувствовавъ на себѣ тяжелую ношу, внезапно проснулся и, увидѣвъ своего неожиданнаго спутвика, съ перепуга началъ бить его хворостиной по мордѣ. Тигръ, окончательно переконфуженный всѣмъ этимъ приключеніемъ, выскочилъ изъ саней и скрылся.

Къ сожалѣнію, встрѣча съ этимъ свирѣпымъ обитателемъ уссурійской тайги не всегда кончается такъ счастливо, какъ въ случаяхъ, только что мною разсказанныхъ. Иногда здѣсь разыгрываются крова-

выя, потрясающія драмы, надолго нагоняющія панику на всѣхъ мирныхъ обывателей окраины.

Во время моего пребыванія въ Шкотовѣ, съ устъ ея обывателей еще не сходилъ разсказъ объ одной драмѣ, которая въ теченіи лѣта разыгралась съ ихъ односельчаниномъ въ сосѣдней тайгѣ.

Несчастный отправился въ тайгу за пантами; это было въ концѣ весны, какъ разъ въ самый разгаръ „пантовки", во время которой, какъ я уже упоминалъ раньше, рѣдкій изъ жителей Шкотова усидитъ дома около своего очага. Пробродивъ цѣлый день по тайгѣ въ тщетныхъ поискахъ оленей, совсѣмъ не дававшихся ему въ этотъ разъ, охотникъ уже рѣшилъ возвратиться домой, тѣмъ болѣе, что дѣло близилось къ солнечному закату, когда тигры, цѣлый день дремлющіе въ своемъ логовищѣ, выходятъ обыкновенно на охоту.

Въ это время послышался трескъ сучьевъ въ чащѣ, не оставлявшій сомнѣнія въ близости изюбрей. Взявъ ружье на прицѣлъ, охотникъ спѣшно направился въ сторону изюбрей; вышелъ на полянку и обмеръ. Прямо передъ нимъ стоялъ тигръ, также выслѣживавшій ихъ. Между тѣмъ, какъ оба они, пораженные неожиданностью, стояли носомъ къ носу и измѣряли другъ друга глазами,—олени, почуявъ враговъ, умчались въ тайгу.

Тигръ бросился за ними вдогонку, но, сдѣлавъ нѣсколько скачковъ, убѣдился, что удобный моментъ для охоты уже упущенъ. Крайне раздосадованный неожиданной помѣхой, хищникъ быстрыми прыжками снова вернулся къ охотнику, который все еще не могъ придти въ себя и продолжалъ стоять на одномъ мѣстѣ въ какомъ-то оцепенѣніи. Подойдя къ охотнику шаговъ на тридцать, тигръ неожиданно прилегъ и, бѣшенно мотая хвостомъ, началъ, ползя и извиваясь, приближаться къ нему. Проползъ пять — шесть шаговъ, остановился и не сводитъ своихъ зеленыхъ, горящихъ огнемъ безпощадной ненависти и алчности глазъ съ врага. Нѣсколько секундъ, казавшихся охотнику вѣчностью, тигръ и человѣкъ не сводили другъ съ друга распаленныхъ взоровъ. Казалось, они мѣрялись силами.

Одно время охотнику показалось, что тигръ какъ будто-бы дрогнулъ. Это придало ему силы, и, вспомнивъ о ружьѣ, онъ быстро прицѣлился, выстрѣлилъ и угодилъ тигру въ лобъ. Раненый и испуганный хищникъ съ бѣшеннымъ ревомъ, огласившимъ тайгу, ринулся на охотника; но въ то время, когда онъ совершалъ свой гигантскій прыжокъ, охотникъ успѣлъ выпустить другую и послѣднюю пулю изъ своего винчестера разсвирѣпѣвшему звѣрю въ открытую грудь.

Выстрѣлъ былъ удаченъ. Тигръ заревѣлъ, съ жалобнымъ воемъ упалъ, опять подскочилъ и, какъ подкошенный, грохнулся на земь. Человѣкъ побѣдилъ.

Но въ то самое время, какъ изъ груди охотника вырвался вздохъ облегченія, хищникъ—эта порода, какъ извѣстно, отличается иногда просто необычайной живучестью—собравъ свои послѣднія силы, сдѣлалъ послѣдній отчаянный скачекъ и впился когтями въ охотника. Еще одно лишь мгновенье,—и несчастный былъ бы растерзанъ и изуродованъ тигромъ, но въ тотъ самый моментъ, какъ тигръ раскрылъ свою пасть надъ охотникомъ. и горячее дыханіе хищника уже касалось его головы,—охотникъ, не потерявъ присутствія духа, схватилъ хищника за его длинный шаршавый языкъ и изо всѣхъ силъ началъ крутить его, между тѣмъ какъ тигръ, оглашая тайгу раздирающимъ ревомъ, силился покончить съ своимъ двуногимъ противникомъ, поверженнымъ въ прахъ.

Дальнѣйшихъ перипетій этой рѣдкой борьбы человѣка и тигра охотникъ не помнилъ. Отъ волненія и потери крови онъ упалъ въ обморокъ. Когда онъ очнулся, то ночь уже окутала своимъ мрачнымъ покровомъ тайгу. Было совершенно темно. Осмотрѣвшись вокругъ, онъ могъ убѣдиться, что хищникъ лежалъ близъ него бездыханный.

Человѣкъ побѣдилъ, но побѣда эта обошлась ему очень дорого. Когда онъ лишь на другой день къ вечеру ползкомъ добрался до Шкотова, израненный и сильно измятый, то потерялъ сознаніе и цѣлую ночь пролежалъ подъ открытымъ небомъ у самой околицы.

Только на третій день утромъ его замѣтили здѣсь, но спасти уже не могли. Спустя нѣсколько дней онъ умеръ, какъ говорятъ, отъ зараженія крови.

Къ сожалѣнію, этотъ случай — не единственный въ краѣ. Живущему здѣсь то и дѣло приходится слышать доносящіяся изъ всѣхъ округовъ печальныя вѣсти о кровавыхъ исходахъ встрѣчъ обывателей съ давнишнимъ обитателемъ уссурійской тайги: тамъ хищникъ двухъ манзъ-рабочихъ заѣлъ, тамъ — солдата унесъ, въ другомъ мѣстѣ — на почтовую тройку напалъ, въ третьемъ—ребенка у матери вырвалъ и на глазахъ у ополоумѣвшей женщины сожралъ, въ четвертомъ — онъ уже прямо врывается въ хуторокъ новоселовъ — переселенцевъ. со страхомъ, любопытствомъ и трепетомъ глядящихъ на разрушительные подвиги невиданнаго ими „ситцеваго“ *) звѣря, и т. д., и т. д.

*) „Ситцевымъ“ назвали его переселенцы за пестроту его шкуры.

Нѣкоторыя поселенія положительно осаждаются ими. Такъ, еще на-дняхъ въ одну изъ мѣстныхъ газетъ пишутъ изъ Бикина. „Съ самаго начала зимы окрестности нашего села посѣщаются семьей тигровъ, состоящей изъ пары взрослыхъ и парочки молодыхъ. Поведеніе ихъ долго ограничивалось лишь похищеніемъ собакъ, но за послѣднее время, очевидно, собаки стали слишкомъ осторожны, и вслѣдствіе голода тигры сдѣлались довольно дерзки. Въ концѣ декабря одинъ изъ нихъ бросился на перекочевывавшаго манзу и, содравъ съ него котомку со всѣмъ имуществомъ и кулекъ муки, которую несъ манза на котомкѣ, разодралъ все, но, напуганный крикомъ другихъ манзъ, скрылся въ чащу.

„2 января (1897 г.) одинъ изъ тигровъ вблизи лѣсопилки чуть-чуть не схватилъ дорожнаго сторожа, очищающаго путь, но, будучи замѣченъ рабочими манзами, въ то время, когда подбѣгалъ къ занятому очисткой дороги сторожу, на крикъ послѣднихъ остановился и затѣмъ скрылся съ дороги.

„9 января, проточкой отъ лѣсопилки Бринера, проходило трое манзъ. Послѣдній изъ нихъ отсталъ отъ двухъ первыхъ. Тигръ, выскочилъ изъ чащи, догналъ второго, бросился ему на спину и сбилъ на землю. Передній манза бросился впередъ сломя голову, а задній бѣгомъ вернулся обратно. Всеобщая паника охватила рабочихъ... Рабочіе и подрядчикъ Плотниковъ, доставляющіе камень къ линіи ж. д., заперлись и караулили быковъ... Узнавъ объ этомъ 10 января, одинъ изъ нашихъ мѣстныхъ охотниковъ, г. Домбровскій, взявъ съ собою двухъ русскихъ охотниковъ, отправился на мѣсто происшествія. Пришлось до 12 верстъ сдѣлать пѣшкомъ и съ разсвѣтомъ они были на мѣстѣ.

„Тамъ, гдѣ тигръ бросился на манзу, лежалъ полушубокъ, съ признаками клыковъ и когтей на спинѣ; трубка и шапка манзовская вся въ крови; тѣло же несчастнаго было унесено въ чащу орѣшника. Обойдя кругомъ, проточкой, островокъ и убѣдившись, что тигръ не вышелъ, охотники стали подступать къ чащѣ, гдѣ вороны и сороки указывали мѣсто, гдѣ лежалъ или трупъ манзы, или же тигръ. Орѣшникъ вышиной въ ростъ человѣка, притомъ густой, крайне затруднялъ движеніе и стрѣльбу. Двѣ собаки, пущенныя впередъ, вертѣлись около людей и впередъ идти не желали. Охотники, занявъ линію, шаговъ въ 60 остановились, подбодряя собакъ идти впередъ, что отчасти и удалось. Но лишь только одна изъ собакъ отошла шаговъ на двадцать впередъ, какъ тигръ моментально бросился къ ней, съ шумомъ

Уссурійскій тигръ.

ломая сухой орѣшникъ... Въ 20 шагахъ показалась свирѣпая фигура звѣря, и грянулъ первый выстрѣлъ, вслѣдъ за которымъ тигръ поднялся на заднія лапы, вѣроятно, желая взглянуть, кто стрѣляетъ... Въ тотъ же моментъ посыпались другіе выстрѣлы и звѣрь свалился, но вновь поднялся и сталъ приближаться къ людямъ... Опять выстрѣлы,—и лишь послѣ третьяго залпа звѣрь повалился и сталъ ломать орѣшникъ... Послали еще нѣсколько пуль—и все кончено.

„Погибшій манза оказался конторщикомъ отъ подрядчика на лѣсопилкѣ Бринера. Голова несчастнаго была объѣдена; остальная часть тѣла, безъ шеи, спины, лѣваго бока и другихъ мягкихъ частей была обглодана до костей. Тигръ — самецъ, не изъ старыхъ, и оцѣненъ въ 130 руб.

Какія мѣры ни принимаютъ мирные обитатели селъ и хуторовъ, онѣ мало пользы приносятъ. Лучше всего помогаютъ облавы на тигра, отъ времени до времени предпринимаемыя доведенными до отчаянья хуторянами, но и тѣ дѣйствительны только на время. Пройдетъ двѣ—три недѣли, и на смѣну убитаго хищника является новый, часто еще болѣе кровожадный и дерзкій, чѣмъ прежній: — и снова все село въ паническомъ ужасѣ, и снова кой-гдѣ не досчитываются лошаденки, коровъ, вола, поросенка, собаки, а мѣстами и своего-же односельчанина. Разсказами о нападеніяхъ тигра можно было-бы, впрочемъ, наполнить цѣлую книгу.

Въ Шкотовѣ я не долго засиживался и около полудня уже выѣхалъ дальше по направленію къ знаменитой Сучанской долинѣ. прославленной житницѣ Уссурійскаго края и еще болѣе прославленной благодаря недавно открытымъ въ ней богатѣйшимъ мѣсторожденіямъ каменнаго угля, обѣщающаго сдѣлать изъ нея современемъ одинъ изъ главныхъ и важнѣйшихъ на нашей окраинѣ угле- и горно-промышленныхъ центровъ.

Отъѣхавъ верстъ пять-шесть отъ Шкотова, мы снова попали въ объятья безмолвной тайги. Чѣмъ дальше подвигаемся мы впередъ, тѣмъ гуще, могучѣй она. И снова потянулись лѣсныя трущобы, гигантскія пади, величественныя горы съ нагроможденными на нихъ вѣковыми деревьями.

Какъ страшенъ и величественъ этотъ первобытный лѣсъ даже теперь, въ ясный солнечный день, когда онъ весь сверкаетъ и искрится подъ лучами яркаго солнца и привѣтливо шелеститъ своими зелеными вѣтвями! Но когда по небу заходятъ свинцовыя, мрачныя тучи,

а съ ближняго моря подуетъ штормъ и загудитъ по падямъ и лощинамъ, по ущельямъ и колоссальнымъ хребтамъ, и когда еще недавно спокойная, безмолвная тайга начинаетъ въ безпокойствѣ и сильномъ смятенiи стонать и метаться изъ стороны въ сторону,—тогда съ разъяренной тайгой ничто не можетъ сравниться! Тогда только, когда тайга разойдется во-всю, человѣкъ убѣждается въ томъ, что онъ безсиленъ и ничтоженъ предъ ней. Дерзкiе люди, хищные звѣри, птицы и бѣлки,—всѣ, кого штормъ застигнетъ въ тайгѣ,—всѣ сбиваются тогда въ общую кучу, забывая взаимные страхи, ненависть и ненасытную злобу, и съ трепетомъ прислушиваются къ грозному рокоту гнѣвнаго лѣса.

За то какъ хорошо въ тайгѣ въ лѣтнюю пору, когда по небу ясное солнце плыветъ и въ воздухѣ ни вѣтерка. Она кажется тогда такой привѣтливой, нарядной, уютной, что—попадешь въ нее, и разстаться не хочется съ ней. Не худо въ ней также весной. Весна непродолжительна на нашей дальней окраинѣ: въ какихъ-нибудь двѣ—три недѣли тайга, оголенная зимнею стужей, уже покрывается пышнымъ зеленымъ нарядомъ. И когда въ перiодъ обновленiя и возрожденiя лѣса случается заглянуть въ него мимоходомъ, то видишь, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, какъ на глазахъ трава выростаетъ, какъ раскрываются почки, расцвѣтаютъ цвѣты *), и вдыхаешь въ себя въ ту пору живительный ароматъ возвращающейся къ жизни тайги.

По мѣрѣ углубленiя въ тайгу, намъ все чаще и чаще встрѣчаются по дорогѣ охотники,—крестьяне изъ ближнихъ хуторовъ и заимокъ. Дѣло близится къ осени, когда работы по хозяйству заканчиваются, звѣрь въ тайгѣ прибываетъ, и ни одинъ изъ обывателей, владѣющiй ружьемъ, не можетъ усидѣть дома. Для многихъ охота является, притомъ-же не простой забавой, а промысломъ, служащимъ значительнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ.

Теперь, впрочемъ, охотниковъ сравнительно мало. Но позже, къ зимѣ, особенно съ выпаденiемъ перваго снѣга, деревни замѣтно пустѣютъ и всякъ—взрослый и малый—идетъ „по порошѣ" выслѣживать звѣря.

*) Это замѣчено не однимъ мною. Одинъ старожилъ-охотникъ, сжившiйся съ тайгой, какъ съ своимъ роднымъ селомъ, разсказывалъ мнѣ, что ему пришлось видѣть собственными глазами, какъ выростала травка изъ земли. Это неудивительно, если принять во вниманiе, что въ Уссурiйскомъ краѣ весна чрезвычайно кратковременна, и земля и лѣсъ должны покрыться лѣтней одеждой въ перiодъ времени вдвое болѣе короткiй, чѣмъ гдѣ-либо.

Въ тайгѣ тогда людно, особенно въ ноябрѣ, во время хода дикой козы.

Въ это время она идетъ массами, большими стадами, въ тысячи головъ каждое, передвигаясь на зимнія квартиры, на новыя мѣста. Охотники располагаются тогда на пути слѣдованія козъ и убиваютъ ихъ сотнями. Въ послѣднюю зиму моего пребыванія въ краѣ въ станицѣ Атамановской казаки „по первому снѣгу", во время хода козы, убили въ теченіи недѣли 900 штукъ! Тогда-же въ Платоно-Александровской станицѣ, „по первому-же снѣгу", убили до 300 штукъ изюбрей и дикихъ кабановъ. Въ то-же самое время жители с. Шкотова въ верховьяхъ рѣки Цэмухе убили до двухсотъ оленей и кабановъ. Мясо убитыхъ животныхъ продается обыкновенно скупщикамъ-манзамъ тушами по 2 р. за пудъ и доставляется ими по санной дорогѣ во Владивостокъ.

Во время послѣдней охоты двумъ изъ охотниковъ случилось, между прочимъ, встрѣтиться съ самымъ страшнымъ обитателемъ уссурійской тайги,—барсомъ. Одинъ изъ нихъ, увидѣвъ хищника, далъ нѣсколько выстрѣловъ по немъ и ранилъ его, но не смертельно. Барсъ, какъ разсказываютъ, бросился на охотника; тотъ принялъ его прикладомъ, и завязалась смертельная борьба. Охотникъ обломалъ весь прикладъ, но барсъ успѣлъ таки сильно изранить ему руку. Въ концѣ-концовъ барсъ оказался побѣжденнымъ.

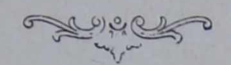
Мѣстами тайга рѣдѣетъ, и кое-гдѣ въ долинахъ виднѣются фанзы китайцевъ, — чѣмъ дальше, тѣмъ больше ихъ. Когда мы, миновавъ Кангоузу, прибыли часовъ около пяти дня въ деревню Петровку, основанную всего тринадцать лѣтъ назадъ (въ 1884 году), то нашли здѣсь около полусотни манзъ. Оказалось, что всѣ они, на такихъ или иныхъ условіяхъ, арендуютъ землю у крестьянъ.

Пренебреженіе къ землѣ со стороны переселенцевъ, прожившихъ въ краѣ уже девять лѣтъ, не могло не поразить меня. Между тѣмъ, ни на качество земли-ни на ея неплодородіе, ни на общія условія хозяйства жаловаться крестьяне не могутъ, да и живутъ они здѣсь, въ общемъ, куда зажиточнѣе шкотовцевъ: домики чистенькіе, свѣтлые, просторные, скота также довольно. Одна лишь бѣда—отсутствіе хорошихъ орудій для обработки земли, что вынуждаетъ ихъ ограничивать посѣвную площадь. Тѣмъ не менѣе, хорошія качества почвы, при надлежащемъ усердіи и тщательности, даютъ сносные урожаи. И все-же, несмотря на это, петровцы сдаютъ свои земли частями, манзамъ „въ кортомъ", а сами „подаются" въ лѣсъ звѣря

искать. Такъ великъ соблазнъ и выгода мѣстнаго охотничьяго промысла.

Раньше въ этихъ мѣстахъ и немного дальше—въ Тинканѣ и пр., въ 35 в. отъ Петровки, проживали манзы въ большомъ количествѣ. По словамъ очевидцевъ, поля и огороды у нихъ были образцовые и на самое хозяйство ихъ любо было смотрѣть. Поля петровцевъ, какъ и поля прочихъ новоселовъ, значительно уступаютъ манзовскимъ: и этому причиной отчасти большее трудолюбіе и кропотливость послѣднихъ, отчасти большая способность и умѣнье ихъ приспособляться къ климатическимъ условіямъ окраины.

Впрочемъ, при сравненіи даже корейскихъ поселеній съ поселеніями русскихъ переселенцевъ приходится дѣлать выводы, далеко не говорящіе въ пользу послѣднихъ.

XIX.

Палъ.

Буря въ тайгѣ.—На почтовой станціи.—„Палъ".—Грандіозный костеръ.—Участь лѣсныхъ обитателей.—Грустная картина.—Борьба съ лѣсоистребленіемъ.—Условія борьбы.—Лѣсоистребители.—Отношеніе населенія.—На куполообразной горѣ.—Виды.—Тайга.—Ея жизнь и ея обитатели.—«Китайскія республики».—Причины.—Св. Ольга.—Забытый край.

Къ ночи погода рѣзко измѣнилась, и я рѣшилъ отложить свое дальнѣйшее путешествіе до утра, стараясь поскорѣе добраться до ближайшей станціи.

Было уже довольно поздно. Ясный безоблачный день давно уже успѣлъ смѣниться темною ночью, не предвѣщавшей мнѣ ничего хорошаго въ пути. Почернѣло синее небо, поползли съ ближнихъ горъ потемнѣвшія, словно взлохмаченныя облака, послышались раскаты отдаленнаго грома, загудѣла и застонала тайга; съ рѣзкимъ крикомъ закружились надъ лѣсомъ вспугнутыя птицы, предвѣщая грозу.

Природа готовилась, повидимому, дать намъ одинъ изъ тѣхъ грандіозныхъ спектаклей, которые такъ страшны путнику, пробирающемуся по безлюдной уссурійской тайгѣ.

Я торопилъ ямщика и почти съ бѣшенной быстротой мчался въ непроглядной ночной темнотѣ по направленію къ станціи. Ослѣпительныя молніи ежеминутно сверкали, разрывали свинцовый пологъ облаковъ и то освѣщали намъ путь, то погружали насъ еще въ большую тьму. Вѣтеръ, какъ бѣшенный, рвалъ и металъ, вздымая цѣлыя облака пыли, ломая деревья. Глухо и грозно рокотала тайга. Заволновались деревья и, будто ратники въ полѣ, мечутся взадъ и впередъ и бьются другъ съ дружкой.

Словно утлый челнокъ, нырялъ тарантасъ по ухабамъ, влекомый

обезумѣвшей тройкой подъ свистъ, стонъ и ревъ разъяренной стихіи.

Небо, земля и тайга—все слилось въ одну непроглядную, мрачную тучу, въ одномъ пронзительномъ крикѣ разъяреннаго шторма. На мгновенье гигантская зигзагообразная молнія освѣтитъ бушующій лѣсъ, — и затѣмъ снова оглушительные раскаты грома, потрясающіе до основанія тайгу, снова тьма и снова „милліономъ черныхъ глазъ глядитъ ночная темнота сквозь вѣтви каждаго куста“.

Тысячелѣтніе дубы и кедры съ глухимъ стономъ валились подъ напоромъ бурнаго вихря; вотъ-вотъ они преградятъ намъ дорогу или еще хуже — обрушатся на мой тарантасъ. Но, къ счастью, этого не случилось и намъ удалось благополучно добраться до станціи.

Какъ ни неуютно въ ней было, но продолжать путешествіе въ такую бурную ночь было-бы безуміемъ, и я рѣшилъ остаться здѣсь до утра.

Я затопилъ станціонную печь, подсѣлъ къ огню, погрузился въ раздумье, и въ комнатѣ воцарилась тишина, нарушаемая лишь веселымъ трескомъ горящихъ въ камелькѣ березовыхъ дровъ. Изрѣдка до меня доносилось извнѣ завываніе шторма. Онъ рвался въ полуосвѣщенную комнату, отъ времени до времени грозно постукивая въ плотно закрытыя деревянныя ставни. Вихремъ кружилъ онъ за предѣлами бревенчатыхъ стѣнъ, сметая, снося все, что попадалось ему на пути, и я еще ближе придвигался къ огню.

Вдругъ въ фанзу торопливо вбѣжалъ манза-прислужникъ на станціи. По его блѣдному и сильно разстроенному лицу, прерывистому дыханію и помертвѣвшимъ губамъ не трудно было догадаться, что случилось нѣчто экстраординарное.

Дѣйствительно, оказалось, что невдалекѣ разыгрался „палъ“, — одинъ изъ тѣхъ грандіозныхъ лѣсныхъ пожаровъ, вслѣдствіе которыхъ, какъ это засвидѣтельствовано на III Хабаровскомъ съѣздѣ (1892—93 гг.) „быстро исчезаютъ съ лица земли лѣсныя богатства Приамурскаго края.“

Я выбѣжалъ изъ фанзы. Ѣдкій дымъ встрѣтилъ меня, какъ только я распахнулъ наружную дверь. Небо пылало, окрашенное кровавымъ цвѣтомъ огня. Невдалекѣ, къ счастью, въ сторонѣ отъ фанзы,—цѣлое море огня, съ страшной быстротой распространяющагося благодаря не прекращающемуся вѣтру. Огромные огненные языки жадно лизали тайгу, оставляя послѣ себя черныя прогалины. Искры сыпались во всѣ стороны, сверкали въ клубахъ густого чернаго дыма и съ трескомъ лопались высоко надъ тайгой.

Скоро сдѣлалось совершенно свѣтло и можно было съ поразительною ясностью видѣть, какъ вѣковыя деревья съ трескомъ и быстро сгорали, валились и падали. Мѣстами могучіе кедры, объятые пламенемъ, съ корнями вырывались силою шторма, и въ бѣшенной пляскѣ, какъ огненные столбы, носились по воздуху, разбрасывая вокругъ себя снопы искръ и огненныхъ брызгъ.

Это была грандіозная картина лѣснаго пожара, это была картина стихійнаго разрушенія, огненной оргіи, производившая ошеломляющее, угнетающее впечатлѣніе на зрителя.

Грохотъ и трескъ, шипѣнье и свистъ и тотъ особенный леденящій сердце зрителя гулъ, которымъ сопровождается каждый пожаръ,—все слилось въ одинъ общій стонъ, въ одинъ общій потрясающій крикъ, которымъ истерзанная, залитая на нѣсколько верстъ пламенемъ тайга, казалось, взывала, молила о помощи.

Но кто и чѣмъ могъ помочь ей?...

Предъ стихійной, разрушительной силой таежнаго пала, раздуваемаго разсвирѣпѣвшимъ штормомъ, человѣческія руки безсильны...

Бывали моменты, когда вдругъ все стихало. Это молчаніе умирающей въ страшной агоніи тайги длилось всего мгновенье, не болѣе,—но оно было еще страшнѣе, чѣмъ та разнузданная оргія, которая только-что разыгрывалась у меня предъ глазами. Но мгновенье пройдетъ,—и вновь еще съ большею силой разгорается исполинскій костеръ: и вновь бьется и мечется, стонетъ и гулко вздыхаетъ въ предсмертныхъ мукахъ тайга.

Временами сквозь весь этотъ хаосъ доносятся вопли обитателей еще недавно спокойнаго и мощнаго лѣса. При свѣтѣ огня можно видѣть, какъ обезумѣвшіе отъ ужаса звѣри съ ревомъ, блеяньемъ и воемъ кружатся, носятся, мечутся по горящему лѣсу. Вотъ пробѣжалъ дикій кабанъ. Потерявшій сознаніе звѣрь бѣжитъ прямо въ огонь и здѣсь, въ страшныхъ мученіяхъ, находитъ скорую смерть. Дальше—мечется дикая коза. Она совсѣмъ потерялась отъ страха и въ смертельной тревогѣ прижимается къ своей несчастной подругѣ, въ паническомъ ужасѣ присѣвшей на заднія ноги и поводящей кругомъ расширившимися зрачками.

Подавленный, уничтоженный вернулся я въ фанзу съ колоссальнаго фейерверка, гонимаго силою шторма все дальше и дальше отъ фанзы въ дебри первобытной тайги.

Когда я, уже подъ утро, взглянулъ еще разъ на тайгу, то могъ уже видѣть, какъ пламя лизало ее далеко отъ меня, за предѣлами горизонта.

Въ фанзѣ я засталъ манзу-прислужника (Ивен-линъ, такъ звали его), все еще не пришедшаго въ себя отъ пережитыхъ волненій. Оказалось, что онъ самъ чуть не сдѣлался жертвою пала.

Еще засвѣтло было, когда онъ вмѣстѣ съ однимъ новоселомъ отправился въ ближній лѣсъ на охоту. Въ тайгѣ они раздѣлились. Новоселъ ушелъ въ чащу, а Ивен-линъ усѣлся на кочкѣ близь маленькаго таежнаго озера.

Сколько времени просидѣлъ онъ тамъ, манза не помнитъ, такъ какъ въ ожиданіи звѣря онъ крѣпко заснулъ.

Когда онъ, разбуженный страшнымъ трескомъ и грохотомъ, внезапно проснулся, то вокругъ озера уже почти весь лѣсъ былъ въ огнѣ. Несчастный Ивен-линъ страшно растерялся.

— Ивен-линъ сиди въ болота на кочка,—разсказывалъ онъ мнѣ:— кругомъ сильно нòча есть!.. Вѣтеръ дуй! огня трещи! Дуба на небо лети!.. Сильный пала по тайга ходи!.. А манза все сиди на кочка. все испугайся, все вой, кличи и говоли: „капитана, капитана, меня бери надо“...

„Капитана“, самъ еле ушедшій отъ пала, не могъ, конечно, оказать ему помощи. Къ счастью, Ивен-линъ пришелъ, наконецъ, въ себя и по уцѣлѣвшей еще отъ огня прогалинѣ выбрался за предѣлы губительнаго дѣйствія пала.

Печальную картину представляла окрестная тайга на другой день, когда, продолжая свое дальнѣйшее путешествіе на Сучанъ, я проѣзжалъ мимо вчерашняго пожарища. Тамъ, гдѣ еще наканунѣ стоялъ мощный, величественный лѣсъ и разстилалась безпредѣльная тайга, веселившая взоры путника своей мощью и своимъ зеленымъ покровомъ, теперь было пусто, уныло, какъ на кладбищѣ. Горы сѣраго пепла, груды золы, кой-гдѣ еще тлѣющіе стволы и среди нихъ одиноко, какъ жерди, торчащіе кверху обгорѣлые, тлѣющіеся мертвые кедры, дубы, клены и пробки,—вотъ что встрѣчалось мнѣ по пути.

Тайга умерла мучительной смертью, и только эти тощіе, тонкіе, покрытые чернымъ саваномъ мертвецы напоминаютъ путнику о ея недавнемъ величіи. Не скоро на мѣстѣ вчерашняго пожарища появятся кой-какіе кустарники. Но даже и тогда они будутъ выступать только одинокими зелеными пятнами на обожженной, почернѣвшей землѣ. Прежняго мощнаго царства растительности здѣсь ужь не будетъ, и вся эта обожженная площадь будетъ вѣчной могилой первобытнаго лѣса, о которой долгіе годы будутъ напоминать лишь обгорѣлыя, су-

хостойныя жерди, оставшіяся на этомъ огромномъ кладбищѣ. Многомного лѣтъ снова пройдетъ, пока на смѣну мертвецамъ, стерегущимъ могилы великановъ тайги, явится новое поколѣніе лѣса. Но ему уже не сравняться съ первобытной тайгой...

Вопросъ объ истребленіи уссурійскихъ лѣсовъ вслѣдствіе лѣсныхъ пожаровъ, а также вслѣдствіе хищническихъ порубокъ, — одинъ изъ самыхъ жгучихъ для недавно присоединеннаго края и, тѣмъ не менѣе, для прекращенія грандіознаго лѣсоистребленія, царящаго здѣсь, сдѣлано пока еще очень мало. Тайга попрежнему таетъ и исчезаетъ подъ двойнымъ воздѣйствіемъ топора и огня.

Еще всего три года назадъ, на послѣднемъ (третьемъ) хабаровскомъ съѣздѣ, одинъ изъ членовъ его (г. М. И. Янковскій) начиналъ свой докладъ слѣдующими словами:

„Вопросъ о гарантированіи природныхъ богатствъ отъ уничтоженія и истощенія самый больной!.. О немъ много писалось, много говорилось, принимались самыя серьезныя мѣры къ прекращенію зла,—и все-таки онъ до сихъ поръ остается открытымъ, постоянно новымъ и самымъ жгучимъ:—особенно вопросъ лѣсной“...

Вопросъ объ охраненіи лѣсовъ поднятъ былъ администраціей, правда, еще двадцать лѣтъ назадъ (въ 1877 году), когда впервые были изданы правила, воспрещавшія, подъ страхомъ законной отвѣтственности, пусканіе паловъ близъ тайги, неосторожное обращеніе съ огнемъ, а также „грибной“, „ямной“ (устройство лудевъ) и другіе промыслы. Правила эти подтверждались неоднократно и впослѣдствіи; были даже (въ 1881 г.) учреждены заповѣдныя рощи (на полуостровѣ Муравьевѣ-Амурскомъ близъ Владивостока), установлены штрафы за порубки и т. д., и т. д., но все сводилось къ тому, что наблюсти за выполненіемъ всѣхъ этихъ правилъ и запрещеній администрація лишена была всякой возможности какъ за отсутствіемъ какого-бы то ни было фактическаго надзора, такъ и вслѣдствіе необъятности самой тайги. И благодаря этому, лѣсоистребленіе не только не прекращалось, но лѣса исчезали еще быстрѣе, чѣмъ раньше.

Тогда только—уже въ 1886 году, т.-е. всего одинадцать лѣтъ назадъ—возникъ вопросъ о мѣрахъ для охраненія лѣсовъ и введеніи правильнаго лѣснаго хозяйства *). Но, строго говоря, вопросъ о правильной

---

*) До тѣхъ поръ вся лѣсная администрація состояла изъ одного лѣснаго ревизора, 11 объѣздчиковъ и двухъ лѣсныхъ сторожей, т.-е. всего изъ 14-ти человѣкъ.

организаціи лѣснаго хозяйства, объ охраненіи лѣсовъ и организаціи лѣсной стражи былъ поставленъ на прочную ногу только три съ половиной года тому назадъ: до тѣхъ поръ, какъ я уже упоминалъ, всѣ правила, ограждавшія лѣсъ отъ хищническаго истребленія, существовали только на бумагѣ и наблюдать за ихъ выполненіемъ некому было.

Мѣры, принятыя нынѣшнимъ генералъ-губернаторомъ (утверждены онѣ имъ 15 октября 1893 г.), еще слишкомъ короткое время примѣняются для того, чтобы судить, насколько имъ удастся предохранить на будущее время лѣсъ отъ гибели, но, повидимому, есть возможность надѣяться, что онѣ, болѣе или менѣе, удовлетворяютъ своему назначенію. Этими мѣрами, между прочимъ, впервые въ краѣ устанавливаются защитные лѣса, вводится надзоръ за порубками и выработаны особыя правила для предупрежденія систематическихъ лѣсныхъ пожаровъ, распространяемыхъ въ краѣ благодаря паламъ, пускаемымъ населеніемъ ежегодно осенью и весною. Вовсе запретить ихъ, какъ это было раньше, найдено, въ силу мѣстныхъ особенностей края, совершенно невозможнымъ, такъ какъ иногда здѣсь приходится пускать палъ для расчистки лѣсовъ подъ сельско-хозяйственныя угодья и ежегодно-же крестьянамъ обязательно приходится пускать степные палы для очистки полей отъ отавы или сухой прошлогодней травы, отличающейся здѣсь такимъ сильнымъ ростомъ, что, не будучи выжжена, она препятствуетъ сѣнокошенію. Новыми правилами усиленъ также штатъ лѣсной стражи и установлена лѣсная администрація, которая должна содержаться на мѣстныя средства. Принимая во вниманіе, что доходы казны отъ эксплоатаціи лѣсовъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возрастаютъ (валовой доходъ за 1892 годъ достигалъ почти 197.000 р. с.), нужно ожидать, что настоятельная потребность въ увеличеніи лѣсной стражи и усиленіи надзора за тайгой будетъ болѣе удовлетворяться, и благодаря этому получится возможность если не устранить, то ослабить то колоссальное лѣсоистребленіе, которое приходилось до сихъ поръ здѣсь наблюдать.

Во всякомъ случаѣ, лѣсному надзору и администраціи предстоитъ здѣсь дѣло далеко не изъ легкихъ, и причины трудности, если не невозможности, борьбы съ грандіознымъ лѣсоистребленіемъ (хищническими рубками и колоссальными палàми) кроются не столько въ обширности тайги, дѣлающей невозможнымъ тщательный надзоръ за ней, сколько въ самомъ населеніи, обитающемъ въ краѣ.

Дѣло въ томъ, что чувство уваженія къ лѣсу совершенно незна-

комо мѣстному населенію, жившему здѣсь всегда среди изобильныхъ лѣсныхъ угодій, никогда не нуждавшемуся въ лѣсѣ, не привыкшему его цѣнить и упорно считающему его добромъ „не человѣчьимъ, а Божьимъ“. Долголѣтнее безконтрольное истребленіе лѣса еще болѣе утвердило населеніе въ этомъ убѣжденіи и еще болѣе развратило его въ этомъ отношеніи. И это хищническое отношеніе къ несмѣтнымъ лѣснымъ богатствамъ наблюдается не только въ Уссурійскомъ краѣ, но и во всей западной и восточной Сибири.

„По всему великому Сибирскому почтовому тракту“,—разсказываетъ одинъ очевидецъ,—„по выѣздѣ изъ Омска, дорога проходитъ сплошными лѣсами. И что-же вы видите?.. Сплошь обожженные, обуглившіеся стволы, а гдѣ лѣсъ не обожженъ, тамъ нѣтъ дерева, съ котораго, въ ростъ человѣка, не была-бы содрана кора. Настоящая живодерка! Сердце обливается кровью, глядя на эти могучія, вѣковыя, варварски ободранныя деревья“.

— Что вы дѣлаете?!—восклицаетъ пораженный этимъ зрѣлищемъ путешественникъ.—Почему вы не бережете лѣса?

— А что его беречь?—отвѣчаютъ ему мѣстные жители.—Лѣсъ у насъ вольный, дѣлай съ нимъ, что хочешь! Жжемъ его подъ поля, кору обдираемъ на крыши *) и другое что...

— Ну, валите уже одно-другое дерево, да и обдирайте его цѣликомъ. Зачѣмъ-же вы весь лѣсъ кругомъ портите?!

— Да у насъ все такъ. Нужна тебѣ ось, или оглобля, или, примѣрно, другое,—не выбираешь. Свалимъ дерево, выберемъ сукъ; смотришь,—не потрафилъ; другое валишь, третье,—сколько хочешь: лѣсъ у насъ вольный. Также и на счетъ коры: пришелъ, надралъ сколько нужно, сколько рукою достанешь, — и готово. А то: — руби, да вали его, да канителься съ нимъ,—ну его. Мало его здѣся, что-ли? На нашъ вѣкъ хватитъ, да и дѣтямъ нашимъ его останется. Лѣсъ у насъ вольный...

Неуваженіе къ лѣсу и увѣренность въ его неисчерпаемомъ изобиліи доходитъ у жителей Уссурійскаго края до того, что у многихъ казаковъ изъ станицъ, расположенныхъ по р. Уссури, подымается рука пустить палъ тогда, когда имъ захочется добыть себѣ каленые орѣхи.

И, вотъ, въ результатѣ такого отношенія и является то, что напримѣръ, въ сосѣдней Забайкальской области, съ 1883 по 1885 годъ,

---

*) Дѣйствительно, по свидѣтельству очевидцевъ, крыши въ западно-сибирскихъ деревняхъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ зажиточныхъ хатъ, сплошь покрыты корой.

т.-е. въ теченіи двухъ лѣтъ всего, непроизводительно погибло 16.965 000 десятинъ лѣса. Цифра эта до того грандіозна, что, приводя ее, сочли нужнымъ прибавить. что „тому, кто видѣлъ Забайкалье весною 1885 года, когда дымъ отъ лѣсныхъ пожаровъ затмѣвалъ солнце, цифра эта не покажется невѣроятной“.

Сколько лѣса погибаетъ въ Уссурійскомъ краѣ, трудно сказать. Этотъ вопросъ еще долго будетъ открытымъ. Но, во всякомъ случаѣ, количество погибающаго лѣса должно быть весьма велико. Одинъ старожилъ, четыре года подъ рядъ жившій въ тайгѣ, увѣряетъ, что въ районѣ его мѣстожительства аккуратно каждую весну и осень происходили палы и загубили не менѣе $^1/_8$ части лѣса.

Можно еще надѣяться на болѣе или менѣе успѣшную борьбу съ лѣсными пожарами, когда виновниками ихъ являются новоселы, переселенцы и станичные казаки: за ними и услѣдить легче, и открыть истиннаго виновника лѣснаго пожара есть хоть какая-нибудь надежда и возможность. Но дѣло въ томъ, что горятъ-то лѣса не только близь людскихъ поселеній, а, пожалуй, еще чаще и больше— въ дебряхъ тайги, гдѣ не только виновника лѣснаго пожара открыть невозможно, но гдѣ часто даже существованіе самыхъ паловъ, истребляющихъ десятки квадратныхъ верстъ лѣса, остается долгое время никому неизвѣстнымъ и гдѣ зачастую скрываются не только отдѣльные бродяги, но даже цѣлыя поселенія манзъ внѣ надзора.

Что происходитъ тамъ, при такихъ условіяхъ, трудно даже представить себѣ, такъ какъ тайга еще совершенно неизслѣдована и о томъ страшномъ, неизгладимомъ уронѣ, который наносятъ первобытному лѣсу скрывающіеся въ немъ „тайные манзы“, можно судить только по разсказамъ тѣхъ немногихъ людей, которымъ случайно приходилось проживать тамъ. Тамъ происходятъ, дѣйствительно, ужасные лѣсные пожары, и безразсудное отношеніе къ лѣсу достигаетъ тамъ своихъ крайнихъ предѣловъ. Читатели уже знаютъ, какъ сильно страдала еще недавно тайга, благодаря существовавшему здѣсь промыслу сбора манзами древесныхъ грибовъ. Но это далеко еще не весь вредъ, наносимый обитателями тайги уссурійскимъ лѣсамъ.

Оказывается, напримѣръ, что въ тайгѣ существуетъ особый промыселъ, заключающійся въ добычѣ опавшихъ оленьихъ роговъ, на которые существуетъ довольно большой спросъ въ сосѣднемъ Китаѣ (отъ 25 к. до 1 р. за фунтъ). И, вотъ, сборъ опавшихъ оленьихъ роговъ, производящійся обыкновенно весною и осенью, „непремѣнно сопровождается паломъ“, какъ объ этомъ заявляетъ на страницахъ

одной изъ мѣстныхъ газетъ лицо, имѣвшее случай прожить нѣсколько лѣтъ въ глубинѣ непроходимой тайги. Въ густой травѣ искать рога или даже собирать кедровые орѣхи трудно, и вотъ, ради очистки значительнаго пространства отъ травы, мѣшающей успѣшности промысла, манза зажигаетъ траву, нисколько не заботясь о томъ, что палъ можетъ пройти тысячи десятинъ лѣснаго пространства, загубить милліоны молодыхъ порослей и многія тысячи деревьевъ.

Немало вреда приносятъ лѣсамъ также таежные охотники. Дѣло въ томъ, что ходить ранней весной на охоту по сухой травѣ плохо, вслѣдствіе сильнаго шума, издаваемаго ею при каждомъ, даже очень осторожномъ шагѣ. Кромѣ того, на мѣстахъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ не было пала, появляются довольно густыя заросли кустарниковъ и молодыхъ порослей деревьевъ, также служащихъ немалой помѣхой для охотника. И, вотъ, съ цѣлью уничтоженія этихъ препятствій, охотники—манзы и корейцы—зажигаютъ траву. Палъ, пройдя извѣстное пространство, уничтожаетъ „ветошь", т.-е. сухую траву и обжигаетъ кусты, которые за зиму совершенно высыхаютъ, а весною и лѣтомъ, благодаря рѣзкимъ переходамъ отъ сырости къ сухости, подгниваютъ и падаютъ. За то весною на опаленной мѣстности появляется густая мягкая трава и притомъ ранѣе, чѣмъ на неопаленной; звѣрь охотно пасется на такихъ мѣстахъ, и шума охотниковъ не слышно.

Мнѣ не случалось далеко углубляться въ дебри тайги, но и тамъ, гдѣ мнѣ приходилось бывать, обожженный, опаленный лѣсъ производилъ на меня гнетущее впечатлѣніе. По словамъ-же немногихъ очевидцевъ, которымъ приходилось углубляться внутрь уссурійской тайги, — въ это сплошное царство тигровъ и манзъ, легальныхъ и „тайныхъ", куда очень часто еще не ступала нога человѣка *), — лѣсъ производитъ мѣстами тамъ на зрителя еще болѣе грустное впечатлѣніе.

„Путникъ, проѣзжающій здѣсь среди лѣса, любуясь и восхищаясь густою лѣсною зеленью и кажущейся чащей его, и не подозрѣваетъ",— говорятъ они,—„что въ теплое время покрываются также листвою и

---

*) Читателямъ извѣстно, конечно, что значительнѣйшая часть территоріи Уссурійскаго края не только не заселена еще, но даже еще и не изслѣдована. Край населенъ только въ самой незначительной (юго-западной) части своей, по берегамъ нѣсколькихъ рѣкъ; такимъ образомъ, на всемъ необъятномъ пространствѣ Уссурійскаго края людскія поселенія являются только незначительными пятнами. Дальше—нетронутая тайга.

деревья, долженствующія погибнуть. Но если-бы любитель и знатокъ лѣса заглянулъ въ самый лѣсъ и осмотрѣлъ его не поверхностно, то пришелъ-бы въ ужасъ отъ массы подпаленныхъ, погибающихъ и погибшихъ деревьевъ, а также отъ громады валежника, загромождающаго наши лѣса. Если бы онъ побылъ въ лѣсу во время сильныхъ вѣтровъ или пала и услышалъ бы частый грохотъ падающихъ деревьевъ, то сердце у него невольно сжалось бы отъ боли по этомъ, дѣйствительно, прекрасномъ и разнообразномъ по породамъ лѣсѣ"...

Къ счастью, тайга велика и обширна. И если тысячи десятинъ ея уже обречены на неизбѣжную гибель, то въ глубинѣ края, подальше отъ морскаго прибрежья, есть еще значительно бо́льшія лѣсныя пространства, идущія къ сѣверу сплошной полосой въ тысячу и болѣе верстъ, въ которыя не ступала еще даже нога „тайнаго" манзы и куда не заглядывалъ даже самый смѣлый, отважный и дерзкій изъ китайцевъ-промышленниковъ,—искатель жень-шеня.

Нужно, однако-же, надѣяться, что этотъ то-лѣсъ уже уцѣлѣетъ и не сдѣлается жертвою безразсуднаго хищника, топоромъ и огнемъ ополчавшагося до сихъ поръ на прибрежные вѣковые лѣса.

Къ утру слѣдующаго дня я былъ уже близь Сучана.

Необычное зрѣлище открывается путнику, когда онъ подъѣзжаетъ къ этой долинѣ. Обыкновенно въ краѣ приходится странствовать десятки, а иногда и сотни верстъ, пока на пути встрѣтится одинокая деревушка или чаще всего—хуторокъ и заимка. Между тѣмъ, здѣсь, когда тарантасъ въѣхалъ на возвышеніе, взору моему открылся рядъ деревень (около пяти), расположенныхъ въ обширной зеленой долинѣ, недалеко одна отъ другой, на берегу извивавшейся серебристой лентой рѣки, отъ которой долина получила названіе.

Глядишь на стройные ряды хижинъ и надворныхъ построекъ, на обработанныя поля, огороды, опоясавшіе ихъ, на необычное движеніе между деревнями по проселочнымъ тропамъ и колеснымъ дорогамъ и совсѣмъ забываешь, что тебя окружаетъ глухая тайга и что эта долина со всѣми ея поселеніями является лишь микроскопическимъ „культурнымъ пятномъ" на всемъ необъятномъ пространствѣ тайги.

Видъ на живописную сучанскую долину особенно красивъ съ устья рѣки, съ того именно мѣста, гдѣ находятся два грандіозныхъ конусообразныхъ купола горъ. Видъ отсюда, съ вершины скалистаго купола, необыкновенно хорошъ. Я взбирался на третій день по прі-

ѣздѣ на одну изъ этихъ вершинъ, и впечатлѣніе, произведенное на меня той панорамой, которая мнѣ открылась оттуда, до сихъ поръ еще сохраняется въ моей памяти во всѣхъ своихъ мельчайшихъ деталяхъ.

Прямо на югъ, черезъ зеленые скаты исполинскихъ горъ и холмовъ, взоръ мой падалъ на синее (Японское) море, разстилающееся далеко вдали за предѣлами видимаго горизонта, позади залива Америка съ бухтой Находкой.

Съ запада высятся величественныя горы. нагроможденныя другъ на друга и словно висящія надъ зеленой Сучанской долиной. Къ сѣверу тянется неширокой полосой плодородная долина Сучана. По срединѣ ея серебрянной лентой вьется Сучанъ. На его берегахъ тамъ и сямъ желтѣютъ деревни, точно вкрапленныя въ зелень небольшими желто-бѣлыми пятнами.

Къ востоку опять тянутся горы, поросшія дремучими лѣсами. Дальше, за этимъ возвышеннымъ на востокѣ краемъ долины,—предѣлъ культурныхъ поселеній окраины. Тамъ, за поросшими частымъ лѣсомъ холмами — царство вѣковѣчной тайги, непроницаемой, необъятной. безконечной, вплоть до Амура на сѣверѣ и пролива Геннадія Невельскаго (Татарскаго) на востокѣ. Тамъ на тысячи верстъ землю скрываетъ отъ солнца вѣковая тайга, — такая густая, что, кажется, по ея зубчатой, волнистой поверхности можно пройти отъ моря до моря, не рискуя встрѣтить прогалины на всемъ этомъ пути. Тамъ—царство тайги, царство барсовъ и тигровъ, но въ то-же время и царство сулеи *) и шень-женя, царство „тайныхъ“ манзъ и грандіозныхъ паловъ.

Дальше къ сѣверу прекращается даже владычество манзъ. Путь преграждаютъ имъ тамъ исполинскія „Теплыя горы“, — колоссальный хребетъ „Сихотэ Алиня“, прорѣзывающій собою весь край отъ маньчжурской границы до далекаго, суроваго и непривѣтливаго „Студенаго моря“ (Охотскаго). У подножья этихъ гигантскихъ твердынь нога человѣка еще не топтала травы, ножъ его еще не рубилъ тамъ деревьевъ, огонь его тамъ не жегъ еще мощныхъ лѣсовъ, и окрестныя горы, ущелья, лощины и пади никогда еще не оглашались звукомъ выстрѣла изъ ружья отважнаго смѣльчака. Никто—ни манза, ни русскій—забредать туда еще не дерзалъ. Только лукавый и свирѣпый звѣрекъ.

*) Сулея—рисовая водка. Контрабандные сулевые заводы разбросаны по всей тайгѣ, гдѣ только есть хоть двѣ три фанзы бродячихъ китайцевъ.

быстрый соболь, завлекшій когда-то на берега океана вольныхъ казаковъ съ далекаго русскаго запада,—только этотъ звѣрекъ тамъ безраздѣльно царитъ и охотится у подножія „Теплыхъ горъ".

По ту сторону ихъ—уже царство инородцевъ; орочоновъ гиляковъ и гольдовъ, этихъ первыхъ обитателей края, уже вымирающихъ нынѣ. Тамъ, у этихъ первобытныхъ обитателей уссурійской тайги еще царитъ безпросвѣтный мракъ и невѣжество. Лучъ современной цивилизаціи

Семья орочоновъ.

еще не проникъ въ это глухое, темное царство. И кто знаетъ, проникнетъ-ли? Вымираніе инородцевъ идетъ очень быстро.

Европейцы, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе заполоняющіе весь этотъ край, не дали еще имъ ничего, кромѣ водки и кабалы, взамѣнъ отбираемой у нихъ пушнины.

На всемъ этомъ огромномъ пространствѣ безлюдной тайги культурные пункты попадаются только мѣстами, у сѣверо-восточнаго побережья Японскаго моря и однимъ изъ главныхъ, если не единствен-

нымъ такимъ населеннымъ пунктомъ на всемъ сѣверо-востокѣ Уссурійскаго края являются окрестности залива Св. Ольги (и смежныхъ съ ней бухтъ), находящагося въ 204 морскихъ миляхъ пути къ сѣверу отъ Владивостока. Но и этотъ пунктъ можно считать культурнымъ только вслѣдствіе бѣдности нашей разговорной терминологіи. Въ дѣйствительности, несмотря за то, что русскія деревушки, раскинутыя тамъ. существуютъ уже съ 1864 года (сюда переселились тогда съ нижняго Амура крестьяне, отставные солдаты и нѣсколько ссыльно-поселенцевъ съ острова Сахалина; во всѣхъ 4-хъ деревняхъ въ 1868 г. считалось 257 д. обоего пола), — культурная жизнь тамъ только въ зародышѣ, и весь этотъ край представляетъ собой настоящій глухой уголъ, несмотря на все плодородіе своей почвы, богатство морскихъ береговъ и богатѣйшія залежи минераловъ.

И главной причиной этого является то, что всѣ эти поселенія совершенно отрѣзаны отъ всѣхъ прочихъ населенныхъ пунктовъ Уссурійскаго края глухою тайгой. Сообщеніе со всѣмъ остальнымъ міромъ поддерживается только пароходомъ „Байкалъ", заходящимъ сюда по пути изъ Николаевска на Амурѣ во Владивостокъ и обратно. Это случается, конечно, не часто: недѣли и мѣсяцы проходятъ иногда въ ожиданіи этого парохода. Другого сообщенія съ этимъ забытымъ угломъ нѣтъ.

Правда, туда можно пробраться сухимъ путемъ, но это составитъ уже болѣе 500 верстъ вьючнаго пути до Владивостока (колесной дороги еще нѣтъ, только въ 1894 году. т.-е. три года назадъ, начали строить ее *) простою тропою въ тайгѣ, и, по словамъ лицъ, испытавшихъ этотъ способъ передвиженія, онъ отличается такими трудностями и неудобствами, что его, поистинѣ, можно назвать подвигомъ.

Зимою же, конечно, нечего и думать о какомъ бы то ни было сообщеніи. На весь долгій зимній сезонъ жизнь здѣсь совершенно замираетъ. Даже почта не всегда получается и не всегда отправляется отсюда мѣстными властями (ольгинскимъ приставомъ и находящимися здѣсь на посту военнымъ отрядомъ). Въ крайнихъ только случаяхъ ее отправляютъ во Владивостокъ..... на лыжахъ.

Если бы рѣчь шла о побережьи Берингова моря, о землѣ чук-

---

*) Колесную дорогу на Сучанъ начали строить только въ августѣ 1894 года, т.-е. спустя ровно 20 лѣтъ послѣ того, какъ были устроены здѣсь поселенія; предполагаютъ окончить ее къ 1898 году. Стало-быть, и въ настоящій моментъ весь Ольгинскій край еще совершенно отрѣзанъ отъ всего міра.

чей, олюторовъ, или даже, наконецъ, о Камчаткѣ *), то такое забвеніе можно было-бы, конечно, и объяснить и понять; но, вѣдь, въ данномъ случаѣ, рѣчь идетъ о мѣстности, находящейся всего въ какихъ нибудь 350 верстахъ отъ Владивостока (по морскому берегу), и притомъ-же о мѣстности, которая еще недавно (лѣтъ всего десять—двѣнадцать назадъ) оспаривала у Владивостока право быть главнымъ портомъ для нашего тихо-океанскаго флота,—мѣстности, изобильной и плодородной землей, и обширнѣйшими лѣсами и щедро награжденной природою естественными богатствами...

Этотъ, по странной и непонятной причинѣ забытый и пренебреженный уголокъ Уссурійскаго края, обладаетъ большимъ запасомъ богатствъ, совершенно нетронутыхъ, неизслѣдованныхъ и мало извѣстныхъ.

Мѣстныя рѣки изобилуютъ неисчислимымъ количествомъ рыбы, а въ заливахъ ея еще больше; морское прибрежье даетъ изобильнѣйшіе урожаи морской капусты, но все это для края и для мѣстныхъ жителей-русскихъ — пропадаетъ почти безслѣдно: рыбу увозятъ ежегодно японцы на свой архипелагъ (въ 1894 году ея вывезено на 60.000 р.; уплачено пошлины только 2.500 р.),—морскую, капусту добываютъ и увозятъ китайцы (въ томъ-же году вывезено, по частнымъ свѣдѣніямъ, капусты на 126.000 р.! **) Мѣстные-же крестьяне (русскіе) занимаются рыболовствомъ только въ предѣлахъ своей потребности, и никакого прока это изобиліе имъ, въ сущности, не приноситъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни знанія дѣла, ни возможности конкуррировать съ японцами и китайцами на иностранныхъ рынкахъ; сбывать же рыбу на внутренніе рынки окраины они лишены возможности уже въ силу тѣхъ убійственныхъ способовъ сообщенія, которые здѣсь существуютъ.

Однимъ этимъ богатства окрестностей Ольги далеко не исчерпываются: тамъ есть обширныя (нетронутыя) залежи мрамора, гипса, магнитной руды, *содержащей до 80% желѣза*, серебрянно-свинцовой руды и каменнаго угля. Тамъ имѣются чудныя долины, роскошныя пастбища, богатѣйшіе покосы, большія пространства плодородной земли, которыя могутъ вмѣстить въ себѣ не одно поселеніе. Климатическія условія всей этой мѣстности превосходятъ даже условія, въ которыхъ

*) Всѣ эти мѣста, къ слову сказать, входятъ въ составъ все той-же Приморской Области, главнымъ городомъ которой является Владивостокъ.

**) Тамъ-же, въ трехъ миляхъ отъ залива св. Ольги, на Кошкѣ добыто манзами съ 1890 по 1893 г. 600.000 пуд. морской капусты. Одной пошлины уплачено 47.000 р.

находится Владивостокъ: тумановъ здѣсь совсѣмъ не бываетъ, вѣтры умѣренные, зимы—короткія и легкія.

И, тѣмъ не менѣе, эти богатѣйшіе покосы, которые могутъ прокормить не одинъ десятокъ тысячъ головъ скота, растутъ и цвѣтутъ, засыхаютъ и гніютъ, не принося никому никакой пользы,—а обширныя долины, могущія вселитъ въ себѣ не одно многолюдное село, не только не заселяются, но съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе пустѣютъ, и, какъ говорятъ, недалеко, пожалуй, то время, когда здѣсь не будетъ ни одного русскаго крестьянина-поселенца. Какъ ни странно это на первый взглядъ, но фактъ тотъ, что районъ залива св. Ольги, еще лѣтъ двадцать назадъ бывшій довольно люднымъ и обладавшій довольно значительнымъ, по мѣстнымъ условіямъ, контингентомъ русскаго населенія, нынѣ съ каждымъ годомъ все больше пустѣетъ вслѣдствіе выселенія русскихъ крестьянъ. Село Пермское, имѣвшее раньше до 70 русскихъ дворовъ, уже три года назадъ насчитывало всего 18 дворовъ; въ двухъ остальныхъ русскихъ селеніяхъ осталось всего 2—3 двора! Въ самомъ административномъ центрѣ (Ольгинскомъ посту) три года назадъ временно пребывало всего 50 чел. военной команды и нѣсколько семей частныхъ лицъ.

Все это тѣмъ болѣе удивительно, что на-ряду съ исчезновеніемъ русскихъ деревень весь районъ Ольги съ каждымъ годомъ все больше и больше заполоняется манзами, вытѣсняемыми изъ Южно-Уссурійскаго края, и никому даже неизвѣстно, сколько ихъ здѣсь, такъ какъ дорогъ здѣсь не существуетъ, и ихъ деревушки отдѣляются одна отъ другой таежными тропами, существованія которыхъ зачастую никто изъ начальствующихъ лицъ даже не подозрѣваетъ.

Послѣ всего сказаннаго неудивительно, конечно, что пребывающіе еще здѣсь русскіе крестьяне влачатъ, по слухамъ, довольно жалкое существованіе. И это въ то самое время, какъ живущіе тутъ-же манзы отличаются большою зажиточностью. Русскіе-же крестьяне, обладая прекрасными землями, не занимаются земледѣліемъ; имѣя въ своемъ распоряженіи обширныя пастбища, не имѣютъ скота..... Главнымъ образомъ они занимаются здѣсь охотой (по преимуществу за пантами) и рыболовствомъ.

Коренную причину исчезновенія русскаго населенія въ районѣ Ольги видятъ все въ той же изолированности этого района, все въ томъ-же полномъ отсутствіи путей сообщенія. Затѣмъ, не послѣднюю роль въ малоуспѣшности ихъ попытокъ приложить свои силы къ землѣ и играетъ слѣдующее обстоятельство.

На первый разъ, — говорятъ лица, которымъ приходилось подолгу жить здѣсь,—можетъ показаться страннымъ, почему русскіе крестьяне, поставленные въ одинаковыя условія съ манзами, значительно уступаютъ имъ въ благосостояніи. Удивительнаго, въ этомъ, однако-же, нѣтъ ничего, и вотъ почему: русскій крестьянинъ, переселившійся изъ своего роднаго гнѣзда въ эту отдаленную, глухую и чуждую ему страну, въ большинствѣ случаевъ обремененный семьею и являющійся въ ней единственнымъ кормильцемъ и работникомъ, въ силу незнакомства съ мѣстными почвенными и климатическими условіями, волей-неволей, болѣе или менѣе долгое время бьется какъ рыба объ ледъ. То у него разливомъ рѣки зальетъ всѣ поля и испортитъ посѣвы, то снесетъ водой сѣно и сжатый хлѣбъ. и тогда поневолѣ нашъ мужикъ долженъ идти къ манзѣ покупать у него и хлѣбъ для своего пропитанія, и кормъ для скота.

Старожилы-обитатели Ольги оговариваются, впрочемъ, что такія стихійныя бѣдствія случаются здѣсь не часто, и въ два-три года крестьянинъ можетъ, все-таки, приноровиться къ мѣстнымъ условіямъ. Но па этомъ пути онъ встрѣчаетъ неодолимое препятствіе въ своей инертности, любви къ рутинѣ, антипатіи къ новшествамъ *) и отсутствіи предпріимчивости, главнымъ-же образомъ,—въ своей темнотѣ и безпросвѣтномъ невѣжествѣ. Къ сожалѣнію, для устраненія этихъ помѣхъ (не говоря уже объ устраненіи общихъ, внѣ его лежащихъ причинъ, отшибающихъ у него всякую энергію), до сихъ поръ ничего еще не сдѣлано.

Заброшенный въ непроницаемую мурью, отрѣшенный отъ всего внѣшняго міра, встрѣчая притомъ подъ-часъ сильно враждебное къ себѣ отношеніе со стороны окружающей его манзовской среды, зарытый въ глухую трущобу, не видя ни откуда ни помощи, ни сочувствія, ни поддержки, русскій крестьянинъ (рѣчь идетъ о первыхъ колонистахъ края; поселяющіеся теперь въ краѣ переселенцы поставлены совсѣмъ въ иныя условія) начинаетъ опускать руки и доходитъ, въ концѣ концовъ, до того, что долженъ бросить годами насиженныя мѣста и

---

*) Кому приходилось видѣть манзовское или даже корейское поле рядомъ съ русскимъ, тотъ, конечно, не могъ не поразиться полнымъ несходствомъ ихъ даже по внѣшнему виду. Въ то время, какъ первыя производятъ впечатлѣніе образцоваго опытнаго поля и поражаютъ тщательностью обработки, какъ это и требуется мѣстными условіями,—крестьянинъ (русскій) попрежнему продолжаетъ обрабатывать свое поле такъ, какъ это дѣлали дѣды его въ Перми и Вяткѣ. Въ результатѣ урожайность его пашни всегда въ 3—4 раза ниже манзовской пашни.

идти или въ батраки, или опять на новыя мѣста, въ долину р. Даубихэ, Улахэ и т. д., гдѣ ему въ сущности, будетъ не легче.

Всѣмъ этимъ отчасти и объясняется то, что первые пiонеры-обитатели края, какими въ данномъ случаѣ, являются колонизаторы Ольги, въ концѣ концовъ всегда бѣгутъ съ своихъ мѣстъ и бѣгутъ притомъ въ то самое время, когда рядомъ съ ними манзы, живущiе на той же землѣ, вывозятъ по истеченiи извѣстнаго ряда лѣтъ цѣлыя состоянiя въ Китай.

А между тѣмъ, какъ я уже упоминалъ выше, манзы все болѣе и болѣе приливаютъ сюда и именно въ эти глухiе, оставляемые русскими крестьянами районы, гдѣ репрессiя и ограничительныя мѣры русскихъ властей ихъ не могутъ достать и коснуться. Обыкновенно сюда перебѣгаютъ тѣ манзы, которыхъ администрацiя вытѣсняетъ изъ южной части Уссурiйскаго края.

Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что при существующихъ въ краѣ условiяхъ манзы стараются возможно рѣже попадаться на глаза мѣстной власти (имѣющейся здѣсь въ лицѣ пристава и двухъ казаковъ на весь обширный районъ!) и забираются подальше въ тайгу, куда къ нимъ никто не можетъ, да, какъ говорятъ, и не рѣшится проникнуть.

За то здѣсь, въ дебряхъ тайги, они чувствуютъ себя полными хозяевами. Всякiй приходящiй сюда дѣлается, въ буквальномъ смыслѣ, свободнымъ, независимымъ и вольнымъ гражданиномъ великой тайги. Выбираетъ землю, какую хочетъ, строитъ фанзу, гдѣ хочетъ, земли беретъ, сколько можетъ. Ни надзора, ни контроля здѣсь нѣтъ никакого, какъ вслѣдствiе обширности тайги и полной неизслѣдованности ея, такъ и вслѣдствiе крайней малочисленности штата мѣстной полицiи, состоящей всего изъ трехъ человѣкъ на весь край (Ольгинскiй участокъ), превышающiй по своей территорiи двѣ-три губернiи Европейской Россiи.

Мало-по-малу, здѣсь, въ тайгѣ, благодаря этому, выростаютъ цѣлыя поселенiя, — настоящiе манзовскiе и „вольные города", жители которыхъ не только не чувствуютъ на себѣ влiянiя русскихъ властей, но часто даже едвали-ли и слышали о существованiи русскихъ.

Лѣтъ шесть-семь тому назадъ въ средѣ обывателей Уссурiйскаго края циркулировалъ, напримѣръ, упорный слухъ, что на р. Улахэ (отъ слiянiя которой съ р. Даубихэ образуется Уссури) находится цѣлый манзовскiй городъ, не имѣющiй никакого отношенiя къ русскимъ властямъ и пользующiйся своими чисто-китайскими учрежденiями.

Два съ половиной года тому назадъ во Владивостокѣ носились еще

болѣе упорные слухи, что въ Ольгинскомъ участкѣ, къ сѣверу отъ залива св. Ольги, вверхъ по рѣкамъ живетъ много „тайныхъ" манзъ, о существованіи которыхъ догадывалась, будто-бы, даже мѣстная администрація, лишенная, однако, возможности заглянуть къ нимъ за отсутствіемъ сухопутнаго сообщенія. По слухамъ, подтверждаемымъ въ мѣстной газетѣ однимъ изъ жителей Ольги, мѣстный приставъ, получившій свѣдѣнія объ этихъ незаконныхъ поселеніяхъ, не рискнулъ отправиться на поиски ихъ, имѣя у себя для охраны всего двухъ казаковъ.

Есть много вѣроятія думать, что эти и многіе имъ подобные слухи о тайныхъ китайскихъ „вольныхъ городахъ", разбросанныхъ тамъ и сямъ въ дебряхъ тайги, не совсѣмъ лишены основанія.

Извѣстно (какъ это подтвержаютъ Пржевальскій, Венюковъ, Маакъ и др.), что въ шестидесятыхъ годахъ русскіе колонизаторы края встрѣчались здѣсь съ правильно организованными китайскими общинами, управлявшимися выборными старшинами, находившимися въ полной зависимости отъ маньчжурскихъ чиновниковъ. Русская власть не сразу фактически установилась во всѣхъ пунктахъ ново-присоединеннаго края; благодаря этому, фактически, проживающіе на территоріи Уссурійскаго края китайцы еще долгое время послѣ присоединенія его были подчинены все тѣмъ-же маньчжурскимъ властямъ, ревниво оберегавшимъ свои прежнія прерогативы посредствомъ ежегодно посылаемыхъ изъ Хунь-Чуна *) нойоновъ, творившихъ здѣсь судъ и расправу. Положительно установленнымъ можетъ считаться также и то, что много позже послѣ Пекинскаго трактата, отдавшаго въ обладаніе Россіи Уссурійскій край, фактическими распорядителями судебъ манзъ, проживающихъ въ немъ, были все тѣ же маньчжуры; они облагали ихъ поборами за право производить въ краѣ промыслы, выдавали имъ билеты для проживанія въ немъ, а непокорныхъ все тѣ-же нойоны клеймили на нашей территоріи каленымъ желѣзомъ.

Этотъ порядокъ вещей, какъ утверждаетъ г. Надаровъ, на основаніи своихъ личныхъ наблюденій **), просуществовалъ во всей своей неприкосновенности до самаго послѣдняго времени, т.-е. до 1885—86 года, другими словами, до самаго послѣдняго времени маньчжурскіе нойоны творили судъ и расправу (*до смертной казни включительно!*) на

*) Хунь-Чунъ, если помнятъ читатели,—маньчжурскій городъ, находящійся въ недалекомъ разстояніи отъ нашей китайской границы.

**) И. Надаровъ. „Матеріалы къ изученію Уссурійскаго края". Владивостокъ. 1886.

территоріи Уссурійскаго края, управляли чрезъ посредство своихъ чиновниковъ, нойоновъ и тайя, всѣмъ манзовскимъ населеніемъ, и даже, какъ утверждаетъ г. Надаровъ, весь край былъ раздѣленъ на извѣстное число манзовскихъ округовъ, верховный надзоръ надъ которыми имѣли все тѣ же маньчжуры.

Если все это было еще такъ недавно въ южной и сѣверной части Уссурійскаго края, вблизи пунктовъ, гдѣ русская власть утвердилась уже достаточно прочно и твердо, — на территоріи, уже заселяемой русскими колонистами, неподалеку или, вѣрнѣе, даже подъ бокомъ у Владивостока и Никольскаго, вооруженныхъ русскими пушками и охраняемыхъ не одной тысячью русскихъ солдатъ, то нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что въ глухой Ольгѣ, гдѣ все русское населеніе считается всего двумя-тремя сотнями людей, этотъ порядокъ вещей сохраняется еще и понынѣ, особенно въ дебряхъ тайги, недоступныхъ ни контролю, ни надзору русскихъ властей.

Тайное бродячее населеніе манзъ здѣсь, по слухамъ, очень многочисленно и занятія его чрезвычайно разнообразны. Они расчищаютъ подъ пашни лѣса, распахиваютъ сотни десятинъ подъ чумидзу (китайское просо), гаолянъ, просо и бобы, занимаются варварскимъ уничтоженіемъ звѣря при помощи ямъ и лудевъ, разводятъ обширныя плантаціи мака для добыванія опіума, гонятъ на тайныхъ заводахъ сулею и ханшинъ *), истребляютъ обширныя дубовыя рощи для разведенія грибовъ, выжигаютъ тысячи десятинъ строеваго и корабельнаго лѣса для сбора каленыхъ орѣховъ и добычи опавшихъ оленьихъ роговъ.

И только тогда, когда установится правильное сухопутное сообщеніе между этимъ забытымъ, глухимъ угломъ и всей остальной территоріей края и сюда двинутся потоки новоселовъ-переселенцевъ изъ южныхъ губерній,—только тогда можетъ здѣсь прекратиться владычество манзъ и устранится тотъ вредъ, который они приносятъ теперь этому цѣнному уголку плодородной земли своимъ хищническимъ отношеніемъ къ тѣмъ дарамъ, которыми такъ щедро его наградила природа.

---

*) Ханшинъ—другой сортъ рисовой водки.

XX.

По Сучану.

Сучанская долина. — Стихійныя бѣдствія. — Жалобы на мало-и многоземелье.—„Перепроизводство" зерна.—Странное явленіе. — Причины.—Таинственная обстановка.—Новоселы-переселенцы. — Неожиданности. — Единоличное... общество.—Пути сообщенія.—Каменный уголь. — Работы горной экспедиціи.—Открытіе г. Горлова. — Будущее Сучана. — На „Новикѣ".—Аскольдъ. — „Манзовское возстаніе".—Его послѣдствія. — Историческія мѣста.—Контрабандисты. — Русскій Островъ.—Отъѣзжающіе.—Въ „Золотомъ Рогѣ".—Пріѣздъ.

Отрадное впечатлѣніе производитъ на путника путешествіе по Сучанской долинѣ. И не столько отраденъ для взора его видъ необычайнаго обилія поселеній, раскинутыхъ въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи по обоимъ берегамъ извивающейся среди зеленой долины рѣки, сколько самый видъ этихъ поселеній.

По сравненію съ неказистой внѣшностью села Шкотова или печальными и угрюмыми полузаброшенными поселеніями Ольгинскаго района, сучанскія производятъ впечатлѣніе вполнѣ благоустроенныхъ селъ.

Живется сучанцамъ, дѣйствительно, недурно, хотя и не легко имъ было приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ, да подъ-часъ и теперь не легко справляться съ стихійными бѣдствіями, нѣтъ-нѣтъ, да и посѣщающими ихъ: то тигръ въ полѣ лошадь задавитъ; то во время лѣтнихъ дождей разольется Сучанъ и причинитъ не мало бѣдъ наводненіемъ; то гречиху хватитъ заморозками, а овесъ и просо поѣдятъ мыши и птицы; то отъ засухи пропадаютъ цѣликомъ яровые хлѣба; то, наконецъ, на хлѣбѣ появится червь и гусеница и дочиста, до стеблей включительно, поѣдаетъ его на поляхъ; то, наконецъ, сильными вѣтрами «поломаетъ» посѣвы. Отъ всѣхъ этихъ стихійныхъ бѣдствій страдаютъ, впрочемъ, не одни лишь су-

чанцы. Тѣ-же самыя жалобы приходится слышать вездѣ и въ другихъ округахъ Южно-Уссурійскаго края; и тамъ, гдѣ поселенія давно уже существуютъ и земля болѣе или менѣе истощена продолжительной обработкой, поселянамъ, дѣйствительно. приходится круто *).

Здѣсь-же. на Сучанѣ, гдѣ большинство крестьянъ—переселенцы, недавно осѣвшіе на новыя мѣста и, благодаря этому, не успѣвшіе еще истощить почву, упорнымъ трудомъ они добиваются того, что даже при указанныхъ бѣдствіяхъ, отъ времени до времени посѣщающихъ ихъ, все-же умудряются жить даже зажиточно и, какъ они говорятъ, «вольготно».

Дѣйствительно, по сравненію съ тѣмъ, какъ имъ приходилось жить недавно на родинѣ, они кажутся здѣсь почти помѣщиками: земли много (каждому переселенцу отводится. какъ извѣстно, по 100 десятинъ), «сѣна коси—пока не намашутся руки», «скотины разводи—сколько влѣзетъ», лѣсу бери изъ своего же участка—«покуль силы хватитъ твоей».

Однако, судя по словамъ нѣкоторыхъ новоселовъ, и эта, съ виду блестящая медаль имѣетъ свою оборотную сторону и мнѣ, къ величайшему моему изумленію, приходилось и здѣсь слышать жалобы на *малоземелье*, исходившія, главнымъ образомъ. отъ многосемейныхъ крестьянъ.

Дѣло въ томъ, что, по словамъ новоселовъ. въ число отводимыхъ имъ 100 десятинъ входитъ все:—и болота, и горы, и кустарникъ и лѣсъ. Удобной земли для пашни на всемъ этомъ обширномъ пространствѣ найдется не болѣе 12—15 десятинъ на семью; остальныя же 85—88 десятинъ пропадаютъ для пашни, такъ какъ для того, чтобы сдѣлать ихъ годными для обработки, приходится затрачивать такую массу времени и труда (приходится осушать болота, выкорчевывать лѣсъ и т. п.), что, при данномъ положеніи и средствахъ крестьянъ, является для хозяйства прямо убыточнымъ. Такимъ образомъ, многосемейныя хозяйства, волей-неволей, вынуждены ограничивать себя въ пашнѣ въ ущербъ своимъ прямымъ интересамъ.

Любопытно, что на-ряду съ этимъ въ хозяйствѣ малосемейныхъ

---

*) По наблюденіямъ агронома г. Крюкова, съ которыми онъ познакомилъ публику на послѣднемъ Хабаровскомъ съѣздѣ,—благодаря отсутствію удобреній и улучшенныхъ пріемовъ въ хозяйствахъ новоселовъ, почва постепенно выпахивается. Такъ, напр., въ южной части Уссур. края распаханныя цѣлины даютъ сбора 100—120 пуд. на десятину, паханныя нѣсколько лѣтъ — 70-80 пуд., а старыя пашни — не болѣе 60 пуд.

крестьянъ приходится слышать, какъ разъ наоборотъ, жалобы на *многоземелье*, ведущее, въ концѣ-концовъ, также къ ограниченію запашки. Какъ ни странны для русскаго слуха такія претензіи, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что такого рода жалобы не только здѣсь кое-гдѣ уже раздаются, но что онѣ, сами по себѣ, не лишены нѣкотораго основанія.

Какъ уже знаютъ читатели изъ предъидушихъ очерковъ, главнымъ и почти единственнымъ потребителемъ всѣхъ излишковъ зерна скопляющихся, за удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей, по преимуществу въ хозяйствахъ малосемейныхъ,—до сихъ еще поръ является въ краѣ исключительно военное интендантство (частныя лица, какъ увидятъ читатели ниже, удовлетворяютъ свои потребности изъ другого источника). Потребности его, само собою разумѣется, не безпредѣльны и опредѣляются изъ года въ годъ приблизительно въ однихъ и тѣхъ же границахъ. Между тѣмъ, заселеніе края идетъ своимъ чередомъ, и излишки зерна съ каждымъ годомъ все въ большихъ и большихъ размѣрахъ залеживаются въ крестьянскихъ амбарахъ, не находя себѣ сбыта. На этой-то почвѣ и возникаютъ, съ одной стороны, жалобы на многоземелье и, съ другой—вопросъ о «перепроизводствѣ» зерна.

Программа вопросовъ, предложенныхъ обсужденію послѣдняго Хабаровскаго съѣзда (въ 1892—93 г.), даже начиналась слѣдующими словами: „Земледѣліе въ Приморской и Амурской областяхъ подвинулось впередъ на столько, что является ежегодно значительный избытокъ хлѣба, которому необходимо дать какой нибудь сбытъ". При обсужденіи этого вопроса въ коммиссіи съѣзда выяснилось, правда, что однимъ своимъ хлѣбомъ Приморская область не въ состояніи даже прокормить собственное поселеніе и потому въ предѣлы области даже ввозится значительное количество хлѣба—изъ Китая и крупчатки—изъ Америки и Одессы*), но, тѣмъ не менѣе, тогда-же было установлено что, на-ряду съ этимъ, часть внутренняго зерна, все-таки, остается на рукахъ у мѣстнаго населенія, не находя себѣ сбыта.

Это странное, на первый взглядъ, явленіе, на съѣздѣ объяснено было тѣмъ обстоятельствомъ, что отчасти вслѣдствіе дурной обработки, отчасти вслѣдствіе мѣстныхъ климатическихъ вліяній (излишней влаги и сырости) и почвенныхъ условій, на крестьянской пашнѣ не только зерно получается довольно низкаго качества, но и самыя сѣмена

---

*) По вычисленію приамурскаго агромона Крюкова „недопроизводство зерна" равно $1^1/_2$ милліонамъ пуд., которые и пополняются ввозомъ.

подвергаются вырожденію. Благодаря всему этому, мѣстный хлѣбъ и не способенъ конкуррировать съ ввозимымъ въ предѣлы края китайцами (изъ Маньчжуріи, съ береговъ Сунгари) ни по своимъ качествамъ, ни даже по своей цѣнѣ и, за удовлетвореніемъ потребностей интендантскаго вѣдомства, волей-неволей, долженъ лежать въ амбарахъ въ то самое время, когда для частнаго потребленія въ край ввозится зерно изъ-за границы.

Какъ бы то ни было, но, какъ оказывается, крестьяне жалуются не совсѣмъ безъосновательно, и если не будутъ приняты своевременно хотя-бы только тѣ мѣры *), которыя предложены послѣднимъ съѣздомъ, то вопросъ о томъ, куда дѣваться крестьянамъ съ все болѣе и болѣе накопляющимися избытками хлѣба, можетъ сдѣлаться, дѣйствительно, грознымъ для мѣстнаго населенія.

Вопросы объ улучшеніи обработки земли и улучшеніи крестьянскаго зерна (тѣсно связанные съ вопросомъ о сбытѣ продуктовъ земледѣлія), замѣчу кстати, возбуждаются здѣсь не впервые. Уже десять лѣтъ назадъ эти вопросы не безъ оттѣнка тревоги задавали себѣ члены втораго Хабаровскаго съѣзда, какъ объ этомъ можно судить по краткому резюме преній, сдѣланному покойнымъ генералъ-губернаторомъ, барономъ Корфомъ: „Положеніе небезнадежное",—резюмировалъ баронъ Корфъ высказанныя тогда на съѣздѣ мнѣнія. Тогда-же были высказаны пожеланія и предложены мѣры, въ общемъ схожія съ тѣми, какія высказывались и предлагались спустя семь лѣтъ (въ 1892 — 93 г.) на третьемъ съѣздѣ, но, если не ошибаюсь, для практическаго осуществленія ихъ съ тѣхъ поръ, кажется, ничего еще не сдѣлано.

Между тѣмъ, новоселы - переселенцы Уссурійскаго края болѣе, чѣмъ кто и гдѣ-либо, страдаютъ отъ этой медленности, и это объясняется особенностями тѣхъ условій, въ которыя они здѣсь попадаютъ.

„Лица, занимавшіяся сельскимъ хозяйствомъ въ Европейской Россіи и даже въ Сибири и вздумавшіе заняться тѣмъ-же въ прибрежной полосѣ Южно-Уссурійскаго края",—говоритъ на страницахъ мѣстной газеты г. Макаревичъ, одинъ изъ старожиловъ-заимщиковъ окраины,— „натолкнутся здѣсь на совершенно другія условія, благодаря особен-

---

*) Для борьбы съ вырожденіемъ зерна предложено было установить обязательный „рядовой" посѣвъ, содѣйствующій стоку влаги, предложено было также устроить опытное поле, сельско-хозяйственную школу, складъ земледѣльческихъ орудій и т. п.

ностямъ климата и почвы, за весьма малыми исключеніями—еще дѣвственной". Будучи предоставлены самимъ себѣ, не встрѣчая здѣсь потребныхъ указаній, содѣйствія, руководства и совѣтовъ, новоселы, по его словамъ, „попадаютъ здѣсь съ самаго-же начала въ просакъ и будутъ терпѣть убытки, что́ для людей малоимущихъ можетъ кончиться раззореніемъ"; и это—въ то самое время, замѣчу, когда корейцы умудряются болѣе или менѣе безбѣдно жить со своихъ микроскопическихъ полей-огородовъ (самой земли у нихъ, какъ извѣстно, гораздо меньше, чѣмъ у русскихъ переселенцевъ: корейцамъ отводится всего лишь по 30 десятинъ на семью), а манзы ухитряются даже благоденствовать, имѣя въ своемъ обладаніи арендованныя, а часто контрабандныя поля, раскинутыя притомъ-же въ дебряхъ неприступной тайги.

Ларчикъ, повидимому, просто открывается:—все дѣло сводится къ усвоенію туземныхъ пріемовъ культуры земледѣльческихъ злаковъ, однако, новоселы-переселенцы секретомъ преуспѣянія манзъ и корейцевъ на поприщѣ земледѣльческаго труда, а равно и секретомъ полученія ими, при тѣхъ-же климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, болѣе обильныхъ урожаевъ зерна, отличающагося также лучшими качествами, до сихъ поръ еще не овладѣли.

Секретъ этотъ, впрочемъ, не единственный который остается тайной для переселенцевъ, прибывающихъ въ край изъ далекой Европейской Россіи. Не говоря уже объ эксплоатаціи почвенныхъ богатствъ, самый процессъ „осѣданія" на землю имѣетъ въ себѣ для новоселовъ-переселенцевъ подъ-часъ не мало таинственнаго и неожиданнаго.

Процессъ этотъ обыкновенно, нужно замѣтить, совершается слѣдующимъ образомъ. По прибытіи переселенцевъ на пароходахъ Добровольнаго флота во Владивостокъ, семьи ихъ временно поселяются въ переселенческихъ баракахъ (простыхъ деревянныхъ строеніяхъ, расположенныхъ на берегу Золотаго Рога),—а главы семей и хозяйствъ разбредаются по краю для отысканія подходящихъ для себя мѣстъ въ районахъ, отведенныхъ подъ поселенія и добычи пріемнаго приговора. И, вотъ здѣсь-то, собственно говоря, и начинается область таинственнаго для нихъ.

Оказывается, что крестьяне, ранѣе поселившіеся въ данной мѣстности, считаютъ себя хозяевами не только своихъ душевыхъ надѣловъ но и полноправными и безконтрольными распорядителями всего того участка земли, который прирѣзанъ къ ихъ селенію для заселенія въ будущемъ. Исходя изъ этого, старожилы обусловливаютъ выдачу

пріемнаго приговора, помимо неизбѣжныхъ могарычей („пріемнаго"— какъ здѣсь выражаются), еще и довольно чувствительными „вступными платами", не только противозаконными, но подъ-часъ и раззорительными для новоселовъ. Утверждаютъ, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ существуютъ даже особенныя „пріемныя таксы", ихъ же „не перейдеши"; называютъ даже селенія, въ которыхъ онѣ установлены (напр. Спасское, Жариково, Прохорово, Ключики, Воскресенское, Монастырище, Дмитровка, Халкедонъ и др); указываютъ даже размѣръ „вступной платы" (она колеблется между 25 и *250* *) рублями, въ зависимости отъ качествъ почвы, близости къ главному почтовому тракту, большей или меньшей отдаленности отъ линіи строющейся Уссурійской жел. дор. и т. п.).

Въ 1893 году мнѣ приходилось, напримѣръ, слышать, что нѣкоторыя селенія, расположенныя близъ линіи строившейся еще тогда жел. дороги, вовсе прекратили на время пріемъ новоселовъ-переселенцевъ въ свою среду, разсчитавъ, что съ началомъ эксплоатаціи желѣзнодорожной линіи можно будетъ въ два-три раза повысить установленный раньше размѣръ „вступной платы". Тогда же передавали, напримѣръ, и такой случай. Нѣкій Федоръ Скоробогатовъ, крестьянинъ-переселенецъ, поселился на участкѣ земли, отведенномъ подъ поселеніе въ нѣсколько десятковъ дворовъ. Прожилъ онъ въ одиночествѣ на этомъ участкѣ, кажется, около года. На слѣдующій годъ начали появляться новоселы, только что прибывшіе изъ Европейской Россіи. Мѣсто, на которомъ поселился Скоробогатовъ, имъ понравилось, и тогда этотъ единственный житель поселенія, слѣдуя традиціямъ, установленнымъ въ окрестныхъ селеніяхъ, началъ выдавать имъ „*общественные*" пріемные приговоры, взимая „вступную плату" съ каждаго новосела въ размѣрѣ *35 р*..... конечно, въ свою пользу, за отсутствіемъ общественной кассы....

Удивительно въ этой почти сказочной исторіи не то, конечно, что Скоробогатовъ грубо эксплоатировалъ новоселовъ, а то именно, что новоселы настолько мало были освѣдомлены о своихъ правахъ въ новомъ краѣ, что безропотно поддавались на такое явное злоупотребленіе и безъ протеста и даже, какъ говорятъ, „съ удовольствіемъ" вносили свои лепты Скоробогатову.

---

*) Кстати, это выходитъ по 2 р. 50 к. за десятину (при 100-десятинномъ душевомъ надѣлѣ); не лишне вспомнить при этомъ, что продажная цѣна казенной земли въ Уссурійскомъ краѣ равна 3 р. 20 к. за десятину.

Какъ сообщила, впрочемъ, въ томъ же году одна изъ мѣстныхъ газетъ „этому безобразію положилъ конецъ приставъ Ханкайскаго участка, какъ только до него дошла объ этомъ вѣсть“.

Всѣ эти секреты и неожиданности не мало, конечно, омрачаютъ жизнь новоселовъ-переселенцевъ; бываютъ даже случаи, что нѣкоторые изъ нихъ, не устоявъ въ борьбѣ съ новыми условіями, вынуждены возвращаться обратно въ Европейскую Россію или отправляться на заработки во Владивостокъ или на линію желѣзной дороги. Къ счастью, жители Сучанской долины находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ очень многіе другіе новоселы, живущіе въ сѣверныхъ районахъ Южно-Уссурійскаго края (Суйфунскомъ и Ханкайскомъ) и, въ общемъ, выходятъ побѣдителями въ борьбѣ съ незнакомыми имъ климатическими и почвенными условіями, съ посѣщающими ихъ изрѣдка стихійными бѣдствіями и даже въ борьбѣ съ донимающимъ ихъ бездорожьемъ, препятствующимъ или сильно затрудняющимъ сбытъ даже тѣхъ продуктовъ, на которые существуетъ спросъ на главнѣйшемъ изъ мѣстныхъ рынковъ,—Владивостокѣ. И своей побѣдой они обязаны ничему другому, какъ своему упорному труду и плодородію мѣстной почвы, одной изъ лучшихъ почвъ Южно-Уссурійскаго края. вознаграждающей ихъ трудъ, несмотря ни на какія неблагопріятныя вліянія и не смотря ни на какія помѣхи.

Въ ближайшемъ будущемъ положеніе сучанцевъ должно, по всѣмъ вѣроятіямъ, сдѣлаться болѣе прочнымъ, благодаря недавно открытымъ здѣсь въ падяхъ, примыкающихъ къ Сучану, залежамъ каменнаго угля. Сучанцы разсчитываютъ, главнымъ образомъ, на то, что съ началомъ правильной эксплоатаціи угольныхъ богатствъ, улучшатся существующіе пути сообщенія и откроется на мѣстѣ рынокъ для сбыта ихъ продуктовъ, теперь зачастую непроизводительно лежащихъ въ амбарахъ и сараяхъ. Оправдаются-ли ихъ надежды—покажетъ, конечно, будущее.

Уголь открытъ былъ здѣсь всего восемь-девять лѣтъ назадъ и притомъ совершенно случайно. Недалеко отъ селенія Новицкаго давно уже пользовалась извѣстностью въ качествѣ лучшаго мѣста для охоты за пантами такъ называемая „Оленья Падь“. Въ 1887 году предсѣдатель „Общества изученія Амурскаго края“ (во Владивостокѣ). г. В. П. Маргаритовъ, въ бытность свою на морскомъ побережьи Сучанской долины, куда онъ командированъ былъ Обществомъ для осмотра угольныхъ обнаженій, случайно столкнулся съ охотникомъ-манзой, промышлявшимъ пантовъ въ „Оленьей Пади“. Изъ бесѣды съ охотникомъ г. Мар-

гаритовъ узналъ, что въ устроенной (въ помянутой „пади") первымъ лудёвѣ (т.-е. звѣроловной ямѣ) имъ давно уже обнаружено присутствіе угля. Отправившись туда въ сопровожденіи манзы, Маргаритовъ убѣдился въ правильности его разсказа. Въ слѣдующемъ (1888) году въ край прибылъ инженеръ-геологъ горной экспедиціи. г. Д. Л. Ивановъ, ближайшей практической задачей котораго было производство изысканія, при помощи геологическаго изученія края, благонадежныхъ мѣсторожденій каменнаго угля для потребностей нашего тихоокеанскаго флота. Пользуясь указаніями г. Маргаритова, г. Ивановъ произвелъ подробный осмотръ лудёвы и, убѣдившись въ хорошихъ качествахъ угля, въ слѣдующемъ (1889) году приступилъ, во главѣ южно-уссурійской горной экспедиціи, къ производству развѣдокъ.

Затрудненій на этомъ пути экспедиціи пришлось встрѣтить не мало. Мѣсто было тогда (т.-е. всего семь-восемь лѣтъ назадъ) совершенно пустынное; не только „Оленья Падь", но и всѣ мѣста, прилегающія къ ней, представляли собой глухую тайгу. Экспедиціи приходилось мѣстами буквально продираться сквозь чащу густо-сплетенныхъ деревьевъ. Все это затрудняло не только производство развѣдочныхъ работъ, но и самый осмотръ мѣстности, окружающей падь. Приходилось съ оружіемъ въ рукахъ, на случай встрѣчи съ тигромъ или краснымъ волкомъ, отвоевывать каждый шагъ у глухой, непроницаемой тайги, и теперь еще кишащей хищниками, отъ времени до времени заглядывающими на площадь развѣдокъ.

Около двухъ лѣтъ пришлось экспедиціи провозиться въ тайгѣ, пока, наконецъ, она на столько раздвинула ее, что получила возможность безпрепятственно заняться своими прямыми обязанностями. Болѣе подробныя и тщательныя изысканія и изслѣдованія, произведенныя экспедиціей въ теченіи двухъ слѣдующихъ лѣтъ, не обманули первоначальныхъ предположеній начальника экспедиціи: въ „Кедровой" шахтѣ открытъ былъ такъ называемый полуантрацитъ, т.-е. антрацитовый уголь не спекающійся, переходящій далѣе къ сѣверо-востоку въ кардифный и еще далѣе—въ прекрасно-спекающійся длинно-пламенный сухой уголь. Уголь этотъ былъ испытанъ на фрегатѣ „Память Азова" и далъ хорошіе результаты: плотность, чистота, бездымность, бо̀льшая экономія по сравненію съ японскимъ углемъ, которымъ до тѣхъ поръ отапливались суда нашей тихоокеанской эскадры, указывали на полную пригодность его въ качествѣ „боеваго" угля для военно-морскихъ цѣлей.

Три съ половиной года назадъ возбужденъ былъ вопросъ о пере-

дачѣ сучанскаго мѣсторожденія для эксплоатаціи частному предпринимателю, горному инженеру Летуновскому; тогда-же предприняты были изысканія узкоколейной желѣзной дороги отъ Владивостока до Сучана, но въ томъ-же году, вслѣдствіе внезапной болѣзни г. Летуновскаго, пришлось отказаться отъ перваго предположенія и прекратить желѣзнодорожныя изысканія, а въ концѣ 1893 года горнымъ департаментомъ объявлено было во всеобщее свѣдѣніе, что „сучанское каменноугольное мѣсторожденіе отдается въ арендное содержаніе на тридцать шесть лѣтъ“, но, кажется, до сихъ поръ еще не нашелся предприниматель, который пожелалъ бы взять на себя его эксплоатацію, и вопросъ объ этомъ до настоящаго времени, насколько мнѣ извѣстно, продолжаетъ оставаться открытымъ, а залежи каменнаго угля не разрабатываемыми *).

Въ числѣ причинъ, тормозящихъ ихъ разработку, по сообщенію оффиціальныхъ „Приамурскихъ Вѣдомостей», является главною—значительность капитала, который потребуется на это дѣло: „сучанскіе угли находятся въ 45 верстахъ отъ бухты Находка, а потому на первыхъ же порахъ необходимо будетъ проложить узкоколейную желѣзную дорогу, на что, съ пристанью для нагрузки угля на суда, придется затратить не менѣе одного милл. рублей; затѣмъ, на устройство копи, при добычѣ отъ 3 до 4 милл. пуд.,—200,000 руб. Если къ этому присоединить устройство складовъ, агентуръ, необходимый оборотный капиталъ, какъ для веденія самаго предпріятія, такъ и распространенія угля на рынки, непредвидѣнные расходы, а также окончаніе развѣдочныхъ работъ на спекающіеся угли, то безъ преувеличенія можно сказать, что на раціональную постановку сучанскаго каменноугольнаго предпріятія понадобится 1½ милл. руб.“

Послѣ горной экспедиціи, изслѣдовавшей сучанское мѣсторожденіе, извѣстный горный инженеръ и спеціалистъ по каменноугольному дѣлу г. Н. П. Горловъ, хотя и оцѣниваетъ здѣсь запасы каменнаго угля въ милліардъ слишкомъ пудовъ **) но находитъ, что горною экспедиціею былъ развѣданъ только одинъ пластъ, наз. Кедровымъ, изъ котораго добывался *тощій* уголь, пригодный для военныхъ судовъ, а остальные три пласта ***), содержащіе спекающійся уголь, развѣдыва-

---

*) Общій запасъ сучанскаго мѣсторожденія, по самымъ осторожнымъ разсчетамъ экспедиціи, исчисляется болѣе, чѣмъ въ 100 мил. пудовъ.

**) Газ. „Владивостокъ“—„Сучанское мѣсторожденіе каменнаго угля“.

***) Горловъ насчитываетъ въ Сучанѣ не семь пластовъ (горной экспедиціи), а четыре, и остальные разсматриваетъ, какъ оторванныя части.

лись на весьма малую глубину. Притомъ развѣдочныя работы горной экспедиціи совсѣмъ не коснулись синклинальныхъ частей каменноугольныхъ пластовъ. Такое компетентное мнѣніе Н. П. Горлова о томъ, что мѣсторожденіе не достаточно развѣдано вообще и, въ частности, относительпо спекающихся углей, быть можетъ, также является, по мнѣнію „Приамурскихъ Вѣдомостей", хотя и ничтожной, но все же причиной, тормозящей начало эксплоатаціи.

Съ проведеніемъ Уссурійской желѣзной дороги до Имана и увеличеніемъ населенія въ этой мѣстности, вопросъ о топливѣ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, обострился; „ежегодно истребляемые теперь желѣзной дорогой 12.000 кубовъ дровъ подняли цѣны на это топливо не только въ Владивостокѣ, но и по всей линіи, и въ будущемъ цѣны на дрова пойдутъ еще болѣе на повышеніе, явленіе совершенно понятное при мѣстномъ рѣдколѣсьи, когда съ десятины можно получить едва 10—12 кубовъ дровъ, тогда какъ въ Европейской Россіи—28".

Между тѣмъ въ 1894 и 1895 гг. открыты залежи угля уже близь самаго Владивостока. Одна изъ нихъ находится на берегу Амурскаго залива, на сѣверо-востокъ отъ Владивостока, на 22-й верстѣ по линіи желѣзной дороги, минуя ст. Подгородную, у мыса Клыкова.

Развѣдочными работами обнаружено двѣнадцать пластовъ ископаемаго угля, съ сѣвера омываемыхъ водами залива Углового, а съ запада и юго-запада—залива Амурскаго. Восточная и юго-восточная границы участка проходятъ по материку. Юго-восточная граница подходитъ къ самой желѣзной дорогѣ.

Г. Бацевичъ, сообщая всѣ эти свѣдѣнія въ помянутомъ органѣ, говоритъ, что мѣстность, покрытая древесною растительностью, возвышается надъ уровнемъ моря футовъ на 60. Мы имѣемъ здѣсь дѣло, по его словамъ, съ цѣлой свитой различныхъ по цвѣту плотныхъ песчаниковъ, образующихъ нѣсколько антиклинальныхъ и синклинальныхъ складокъ. Сѣверное крыло одной изъ антиклинальныхъ складокъ и слагаетъ отведенную площадь. Песчаники въ верхнихъ горизонтахъ переходятъ въ конгломераты, а въ нижнихъ заключаютъ два пласта огнеупорныхъ глинъ. Песчаники, со включенными въ нихъ, на разныхъ горизонтахъ, пластами ископаемаго угля, простираются съ юго-запада на сѣверо-востокъ и падаютъ на сѣверо-западъ подъ угломъ 45°.

Судя по растительнымъ отпечаткамъ, среди которыхъ изрѣдка попадаются прекрасно сохранившіеся аспленіумы, эту группу породъ можно отнести къ юрскому возрасту.

Развѣдочными работами г. Н. П. Горловъ обнаружилъ здѣсь 12 пла-

стовъ ископаемаго угля, большинство которыхъ обнажается въ возвышенномъ отвѣсномъ берегу Амурскаго залива. Мѣсторожденіе прослѣдовано, по простиранію пластовъ, рядомъ штоленъ, устья которыхъ заложены по берегу и у подошвы возвышенности.

Всѣ горловскіе угли спекающіеся и отдѣляются при добычѣ маленькими кусочками. Уголь мягкій, что составляетъ крупный его недостатокъ. Впрочемъ ниже уровня моря на 7 саж. и въ разстояніи 40 саж. отъ берега, обнаружено уплотненіе и улучшеніе качества угля.

Второе мѣсторожденіе, заявленное лѣтомъ 1895 года, находится приблизительно верстахъ въ 17 на с.-в. отъ желѣзнодорожной станціи Надеждинской (40 в. отъ Владивостока) и верстахъ въ 13 отъ бывшей почтовой ст. Тигровой. Плоско-возвышенная, покрытая сплошь лѣсомъ, мѣстность, на которой обнаружены пласты угля, понижается къ пади Безъимянной, по которой течетъ ручей, принадлежащій бассейну верховьевъ рѣчки Топъ-хоуза, изливающейся въ бухту Мойтунъ, въ Уссурійскомъ заливѣ. Судя по осыпямъ и искусственнымъ выемкамъ, проведеннымъ съ цѣлью развѣдки, мѣстность здѣсь слагается плотными, сланцеватыми песчаниками, мѣстами кварцитовыми песчаниками, которые въ верхнихъ горизонтахъ чередуются съ такими же плотными конгломератами.

Уголь здѣсь, по тому-же источнику, обнаруженъ совершенно случайно: бурей, пронесшейся надъ этой мѣстностью, вырывало деревья съ корнями, увлекавшими за собой на поверхность землю, въ которой проходившій китаецъ замѣтилъ кусочки угля. Въ склонахъ одного изъ глубокихъ овраговъ, прорѣзывающихъ мѣстность, впослѣдствіи замѣтили черную землю, въ которой заложенныя выработки показали, что она постепенно, съ углубленіемъ, переходила въ каменный уголь. Такимъ образомъ, въ этомъ оврагѣ обнаружено было четыре пласта каменнаго угля до аршина и болѣе толщиной.

Въ концѣ іюня 1896 года еще только начинались развѣдочныя работы, заключавшіяся въ четырехъ штольнообразныхъ выработкахъ, по пластамъ углей, длиной отъ 3 до 10 саженъ.

Говорить съ положительностью объ этомъ мѣсторожденіи въ настоящее время, по мнѣнію г. Бацевича, еще преждевременно въ виду начала развѣдочныхъ работъ, но и то, что пока обнаружено, привлекаетъ самое серьезное вниманіе къ этимъ углямъ.

Срокъ моего пребыванія внѣ Владивостока истекалъ, и я вынужденъ былъ отправиться обратно въ столицу Южно-Уссурійскаго края.

Переѣздъ свой, въ видахъ большихъ удобствъ и быстроты, я совершалъ на этотъ разъ моремъ на томъ-же пароходѣ „Новикъ", который, какъ уже извѣстно читателямъ, является здѣсь единственнымъ судномъ, поддерживающимъ пассажирское сообщеніе между Владивостокомъ и прибрежными портами, лежащими какъ къ югу, такъ и къ сѣверу отъ него.

Ровно въ семь часовъ утра „Новикъ" уже снялся съ якоря, и скоро уютная бухта Находка, въ которой онъ стоялъ до сихъ поръ, серебристая лента впадающаго въ нее Сучана, зеленая долина этой рѣки и замыкающія ее у устья куполообразныя горы—остались у насъ далеко позади, окутываясь все болѣе густой дымкой голубоватаго морскаго тумана.

Къ полудню мы уже приближались къ знаменитому нѣкогда острову Аскольду, гдѣ въ 1868 году разыгрался первый актъ пресловутаго, памятнаго еще и теперь старожиламъ „манзовскаго возстанія", охватившаго всю южную часть Уссурійскаго края, отъ Владивостока до Никольскаго. Это было первое и, нужно полагать, послѣднее „возстаніе манзъ", какъ оно извѣстно по оффиціальной терминологіи.

Въ настоящее время, по прошествіи болѣе четверти вѣка, немногіе рѣшаются по-прежнему такъ его называть и всему этому событію, въ свое время не мало всполошившему и обывателей и мѣстную администрацію и положившему начало нынѣ укоренившемуся взгляду на манзъ, придаютъ значеніе простаго недоразумѣнія.

Дѣло было, собственно говоря, въ слѣдующемъ. Когда въ 1860 году русскіе заняли Уссурійскій край и въ портѣ Мей (port May), нынѣ бухтѣ Золотой Рогъ, основали военный постъ Владивостокъ,—то не только край, примыкающій къ нему, былъ имъ совершенно неизвѣстенъ, но не были имъ даже извѣстны ближайшіе къ порту острова, едва нанесенные на тогдашнія морскія карты. Въ ряду этихъ островов, никогда еще не посѣщавшихся русскими, былъ и самый большой островъ залива Петра Великаго, — островъ Аскольдъ, хотя онъ и отдѣляется отъ материка лишь неширокимъ проливомъ и отстоитъ отъ Владивостока всего на разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути. Спустя семь лѣтъ послѣ присоединенія края (именно въ 1867 году) до русскихъ властей дошелъ слухъ о томъ, что на сосѣднемъ островѣ Аскольдѣ давно уже разрабатываются манзами золотые пріиски; мало того, тогда-же стало извѣстно, что двое владивостокскихъ обывателей тайно доставляютъ на пріиски необходимые припасы въ обмѣнъ на добываемое тамъ манзами золото и ведутъ до-

вольно оживленную торговлю золотымъ пескомъ, сбывая его въ Маньчжурію.

Понятно, такой порядокъ вещей не могъ быть терпимъ въ благоустроенномъ государствѣ и манзамъ приказано было убраться съ острова.

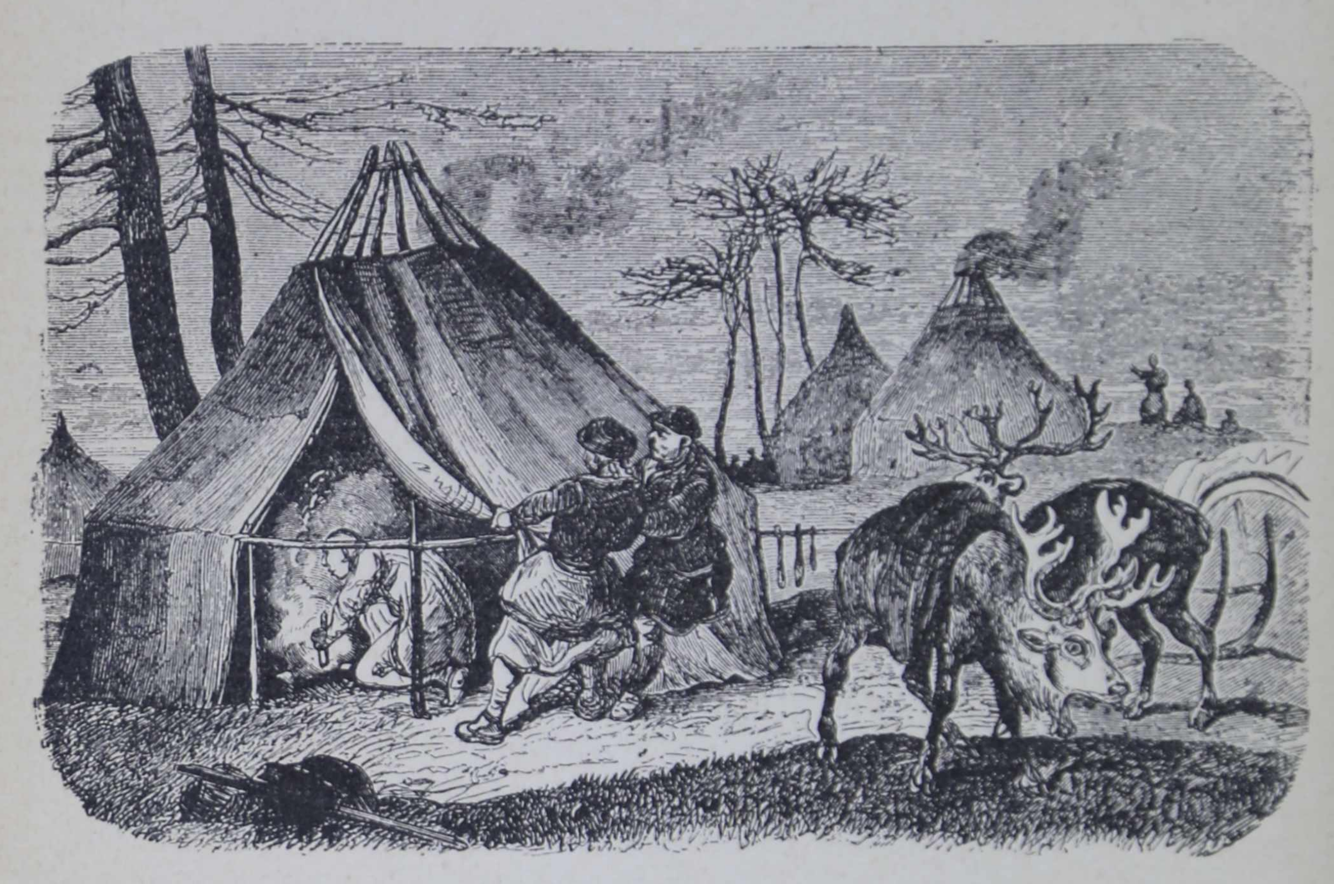
Читатели помнятъ, однако-же, изъ предыдущей главы, въ какомъ положеніи находилось до послѣдняго времени манзовское населеніе на территоріи Уссурійскаго края: манзы жили здѣсь строго организованными общинами, управлялись своими выборными старшинами, безпрекословно подчинялись маньчжурскимъ властямъ, творившимъ здѣсь, на русской территоріи, судъ и расправу надъ ними, безъ всякой помѣхи со стороны кого-бы то ни было. Благодаря такому положенію вещей, длившемуся не годъ и не два, въ глазахъ манзъ авторитетъ маньчжурскихъ властей остался по-прежнему, т.-е. какъ и до Пекинскаго трактата, непоколебленнымъ, и многіе изъ нихъ, какъ говорятъ, даже не подозрѣвали, что живутъ на русской землѣ и должны въ своихъ дѣйствіяхъ справляться съ велѣніями и желаніями русскихъ властей.

Естественно, что объявленное при такихъ условіяхъ манзамъ запрещеніе появляться на островѣ было встрѣчено ими, какъ ни на чемъ не основанное вмѣшательство чуждой имъ власти, и въ 1868 году, съ открытіемъ навигаціи, они не преминули еще въ большемъ количествѣ (предыдущій годъ былъ очень удаченъ для золотоискателей) явиться изъ пограничныхъ провинцій Маньчжуріи на островъ для промывки золота.

Къ острову послана была изъ Владивостока военная шхуна „Алеутъ". „Неизвѣстно,—говоритъ одинъ изъ лѣтописцевъ молодаго Южно-Уссурійскаго края *),—что послужило ближайшей причиной столкновенія, но на берегу манзы убили двухъ матросовъ съ отправленной туда шлюбки, а остальныхъ начали преслѣдовать ружейнымъ огнемъ. Затѣмъ, напуганные ядрами шхуны и предстоящимъ возмездіемъ за убійство, золотоискатели всей массой бросились черезъ проливъ „Стрѣлокъ", отдѣляющій отъ материка Аскольдъ,—на самый материкъ. Въ виду ихъ одинъ изъ захваченныхъ манзъ былъ повѣшенъ на реѣ. „Но эта даже заслуженная кара,—продолжаетъ современникъ всѣхъ этихъ печальныхъ событій,—едва-ли была умѣстна въ данномъ случаѣ, принимая во вниманіе отсутствіе на берегу какихъ-бы то ни было предупредительныхъ мѣръ, чтобы сдержать буйные порывы и безъ того

*) „Владивостокъ въ его историческомъ развитіи", В. П. „Д. В." 1893 г.

озлобленной толпы, не имѣвшей продовольствія и поставленной самыми обстоятельствами въ положеніе затравливаемаго звѣря. Результатомъ этого было то, что, пробираясь назадъ за границу, золотоискатели сожгли три русскихъ деревни (селенія -- Никольское, Суйфунское и Шкотово) и два поста"... „По реляціямъ, — продолжаетъ онъ, — войска гдѣ-то выдержали съ этой шайкой цѣлое сраженіе; на дѣлѣ же была безвредная перестрѣлка, ничѣмъ не кончившаяся по дальности разстоянія, и золотоискатели благополучно выбрались изъ предѣловъ Уссурійскаго края".

Орочонское поселеніе.

„Таково, — говоритъ современникъ, — интимное содержаніе упомянутаго эпизода, облеченнаго исторически въ формулу „*манзовскаго* возстанія", хотя осѣдлое населеніе не принимало въ немъ никакого участія. Во Владивостокѣ 18 человѣкъ манзъ одновременно были преданы полевому суду и разстрѣляны. Городъ, хотя и не былъ тронутъ, тѣмъ не менѣе волненіе въ немъ было весьма велико: шхуна „Алеутъ" ежедневно, послѣ заката солнца, на ночь забирала дѣтей и женщинъ и отходила дальше отъ берега, а утромъ снова спускала своихъ пассажировъ... На случай-же обороны поста

образовался отрядъ волонтеровъ, причемъ въ мутной водѣ не обошлось, къ сожалѣнію, и безъ соотвѣтствующаго рыбака: одинъ изъ волонтеревъ, пользуясь общимъ возбужденіемъ, началъ прямо съ корыстными цѣлями грабить и преслѣдовать совершенно невинныхъ китайцевъ, особенно тѣхъ, съ которыми имѣлъ свои личные счеты"...

Таковъ простой и безпритязательный разсказъ современника (подтверждаемый, замѣчу, во всѣхъ подробностяхъ другими старожилами, съ которыми я имѣлъ случай бесѣдовать по этому поводу), не оставляющій, по крайней мѣрѣ, ни въ комъ сомнѣнія, что мирное китайское населеніе было ни при чемъ во всей этой передрягѣ. Однако-же, для манзъ событія 1868 года не прошли безслѣдно и до настоящаго времени. Съ легкой руки покойнаго Пржевальскаго, которому „манзовское возстаніе" дало поводъ высказать ничѣмъ не подтверждающееся мнѣніе, что всѣ манзы вообще одушевлены ненавистью къ русскимъ и не подаютъ никакихъ отрадныхъ надеждъ въ грядущемъ,—среди мѣстныхъ обывателей, на основаніи того-же источника, начала, мало-по-малу складываться легенда о тысячерукомъ, тысячеглазомъ хунъ-хузѣ, руками и глазами котораго является все манзовское населеніе, живущее въ краѣ, и начали укрѣпляться убѣжденія, что всякій манза — прежде всего разбойникъ („хунъ-хузъ"!), заклятый врагъ русскаго.

Практическихъ послѣдствій этого было и есть не мало. Такъ, напримѣръ, немалое число скрытыхъ преступленій было приписываемо мѣстнымъ манзамъ, тогда какъ дѣйствительные преступники, по всей вѣроятности, находились въ собственной же русской средѣ. Съ другой стороны, упомянутый взглядъ на манзовское населеніе „далъ поводъ ко многимъ противозаконнымъ дѣяніямъ, имѣвшимъ, яко-бы, легальную подкладку, или же признававшимся мѣрами необходимости по отношенію къ манзамъ, въ силу вышесказанныхъ ихъ, будто-бы, качествъ"... „Подъ ту-же сурдинку пѣлось здѣсь въ краѣ не мало патріотическихъ пѣсенъ, и не мало создавалось всякаго рода проектовъ, преслѣдующихъ, подъ видомъ необходимаго вытѣсненія изъ края китайцевъ, самыя эгоистическія цѣли единичной эксплоатаціи и наживы"... *).

Все это десять лѣтъ назадъ вылилось въ окончательную формулу, провозглашенную на второмъ Хабаровскомъ съѣздѣ и гласившую безъапелляціонно, что „манзы безусловно вредны для насъ (т.-е. русскихъ)

*) Тамъ-же.

во всѣхъ отношеніяхъ, какъ элементъ, враждебный политически и экономически" *).

Хабаровское купечество, промышляющее между уссурійскими инородцами (гиляками, орочонами, гольдами) водкой и встрѣчающее на этомъ пути конкурренцію со стороны китайцевъ, извлекшее и извлекающее не мало выгодъ отъ существующихъ нынѣ воззрѣній на манзъ, — не мало содѣйствовало своими разсужденіями и показаніями на съѣздѣ провозглашенію упомянутой формулы.

Возвращаюсь, однако къ прерванному разсказу.

Аскольдъ, сослужившій, въ концѣ-концовъ, плохую службу китайцамъ, нынѣ потерялъ свою прежнюю физіономію и прежнее значеніе центра золотопромышленности. Золотые пріиски, отданные въ аренду одному владивостокскому купцу, разрабатываются теперь (при посредствѣ манзъ-же) плохо и едва покрываютъ расходы по ихъ эксплоатаціи.

Это обстоятельство объясняютъ нынѣ тѣмъ, что въ прежнее время манзы успѣли использовать всѣ розсыпи и ко времени ихъ изгнанія съ острова они успѣли превратиться въ чистый песокъ со слабой и недостаточной для промышленныхъ цѣлей примѣсью золота.

Въ настоящее время Аскольдъ извѣстенъ лишь какъ охотничья дача, на которой пользуется преимущественнымъ правомъ охоты „охотничье общество", организованное во Владивостокѣ.

Съ палубы видъ на него очень красивъ. Онъ напоминаетъ по формѣ гигантскую подкову (около двадцати пяти кв. верстъ), поднимающуюся надъ моремъ на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ. Поверхность его испещрена глубокими падями и сѣдловинами въ-перемежку съ величественными, покрытыми матерымъ лѣсомъ пиками, возвышающимися надъ уровнемъ моря на 1200—1500 футовъ. Отсюда, съ этихъ величественныхъ пиковъ, открываются путнику чудные виды. Внизу, у подножья твердынь, виднѣется сквозь лѣсныя просѣки самый островъ, покрытый роскошнымъ ковромъ зеленой растительности; дальше видно изумрудное море (Японское), гладкое и спокойное на горизонтѣ и кипящее бѣлоснѣжными бурунами у утесистыхъ, обрывистыхъ береговъ, круто, точно они срѣзаны острымъ ножемъ, спускающихся къ водѣ. У самаго берега на скалѣ, надъ отвѣснымъ обрывомъ стоитъ одинокій маякъ. Если глядѣть черезъ него съ вершины хребта, то за лѣсистыми склонами, обрывающимися къ морю отвѣсными скалами, по ту

*) См. „Отчетъ о 2-мъ Хабаровскомъ съѣздѣ", г. И. Надарова, стр. 18.

сторону пролива, виденъ извилистый островъ Путятинъ, а за нимъ— поросшій глухою тайгой материкъ, съ парящей надъ нимъ куполообразной горой Іосифа. Дальше къ западу открывается видъ на Уссурійскій заливъ, омывающій полуостровъ Муравьевъ-Амурскій, скрывающій въ своей бухтѣ Владивостокъ, къ югу—открывается видъ на островъ Рикордъ и за нимъ—на островъ Русскій (Дундасъ), преграждающій своими баттареями доступъ съ моря во владивостокскую гавань.

Прежде столь людный островъ, теперь, однако-жъ, совершенно пустыненъ; даже дикіе звѣри-хищники въ послѣдніе годы убрались съ живописнаго острова Аскольда. Остались тамъ только олени, но и тѣ, благодаря усердной охотѣ, все болѣе и болѣе исчезаютъ и вырождаются: ихъ насчитываютъ теперь тамъ не больше двухсотъ головъ.

Мы вышли въ проливъ „Стрѣлокъ". „Новикъ" нѣсколько замедлилъ ходъ, прижался ближе къ материку и, не спѣша, проходитъ мимо живописнаго материковаго берега, почти у подножья величественной горы Іосифа, лавируя между одѣтыми зеленой растительностью островками. Материковый берегъ, какъ и берегъ Аскольда, пустыненъ и безлюденъ. Кой-гдѣ только покажется одинокая фанза китайца, кокетливо выглядывающая на насъ изъ-за зелени, пробредетъ манза по таежной тропинкѣ, зашелеститъ крѣпкими листьями высокая, въ ростъ человѣка, кукуруза, разводимая здѣсь какимъ-нибудь Робинзономъ изъ сосѣдней Маньчжуріи, и вновь — ни человѣка, ни фанзы, а одна сплошная тайга да лазоревое море, плещущееся у крутыхъ береговъ.

Мы проходимъ здѣсь до нѣкоторой степени историческія мѣста, которыхъ такъ мало во всемъ этомъ краѣ, писанная исторія котораго начинается лишь съ 1860 года, т.-е. со времени фактическаго занятія его русскимъ военнымъ судномъ „Манджуръ".

Дѣйствительно, все это безлюдное побережье материка, отъ бухты Находка вплоть до самаго почти Владивостока (именно, до вершины Уссурійскаго залива, омывающаго полуостровъ Муравьевъ-Амурскій) имѣетъ уже свою исторію.

Здѣсь существовали когда-то, около четверти вѣка назадъ, поселенія финляндскихъ колонистовъ. Отъ нихъ теперь и слѣда не осталось. Поселили ихъ здѣсь въ 1868 году, мечтая создать изъ нихъ піонеровъ-колонизаторовъ края, возлагая на нихъ большія надежды. Управленію финляндскими колоніями было передано здѣсь для нихъ 466.000 десятинъ земли. Первоначально прибыло изъ Финляндіи около 80 человѣкъ, часть изъ которыхъ занялась земледѣліемъ, дру-

гая-же часть—меньшая—китобойнымъ промысломъ у здѣшнихъ-же береговъ. Управленіе финляндской колоніей, помѣщавшееся тутъ-же. пріобрѣло даже морское судно „Находка“, посредствомъ котораго предполагалось завести и поддерживать торговыя сношенія съ Кореей и Китаемъ.

Къ сожалѣнію, оказалось,—говоря словами цитированнаго уже мной источника,—что „дѣло это было создано на скорую руку и не имѣло подъ собой никакой прочной основы: среди колонистовъ не нашлось ни одного земледѣльца, ни одного китобоя; были провизоры, фотографы, плотники, былъ даже одинъ богословъ или философъ, но никто изъ нихъ никогда не имѣлъ дѣла съ землей и не умѣлъ толкомъ посадить даже кортофель... Очутившись лицомъ къ лицу съ совершенно незнакомымъ краемъ, среди дѣвственной природы, подъ руководствомъ засѣвшаго въ Находкѣ чиновничества, люди эти, естественно, оказались въ положеніи щедринскихъ генераловъ на необитаемомъ островѣ“.

Спустя два-три года колонисты по одиночкѣ разбрелись по градамъ и весямъ Уссурійскаго края, а еще спустя три года (въ 1871 году) управленіе колоніями ликвидировало свои дѣла, и земли, отведенныя для нихъ, отошли обратно въ казну.

Съ выходомъ „Новика“ изъ пролива и вступленіемъ его въ спокойныя воды Уссурійскаго залива, стало немного люднѣй и оживленнѣй: кой-гдѣ, въ укромной, скрытой крутыми берегами бухточкѣ или небольшомъ заливчикѣ,—нѣтъ-нѣтъ, да и покажется тоненькая мачта шаланды (баржи) или шхуны, еле выглядывающая изъ-за зелени окружающихъ ее горъ и холмовъ. Особенно отраднаго въ этомъ оживленіи ландшафта, однако, нѣтъ:—это хищническія лодки, промышляющія здѣсь тайной добычей трепанговъ и камбалы, пользуясь отсутствіемъ надзора и контроля за побережьемъ. Впрочемъ, незадолго до моего пріѣзда въ распоряженіе администраціи Приморской области отдана была парусная шхуна „Сторожъ“ для наблюденія за правильностью производства морскихъ промысловъ въ нашихъ восточныхъ водахъ, и, нѣтъ сомнѣнія, въ скоромъ времени царству контрабанды настанетъ конецъ. По слухамъ, появленіе „Сторожа“ уже успѣло отразиться на интересахъ казны, судя по тому, что, какъ мнѣ извѣстно, уже на другой годъ послѣ ея перваго крейсерства (именно, уже въ 1894 году) спросъ на разрѣшительные билеты для производства морскихъ промысловъ у нашего морскаго побережья сразу и быстро возросъ.

Но, вотъ, наконецъ, и островъ Русскій, за которымъ скрывается уже входъ во Владивостокскую гавань. Его чистыя и бѣлыя казармы, блестящія жерла орудій на прибрежныхъ баттареяхъ внушительно глядятъ на проходящее мимо судно и вовсе не гармонируютъ съ жизнерадостнымъ видомъ острова, покрытаго хотя и не такой мощной растительностью, какую я видѣлъ недавно на пути въ Шкотово и дальше къ Сучану (туманы препятствуютъ здѣсь развитію растительнаго царства), но все-же—довольно высокорослыми и пышными съ виду деревьями, скрывавшими когда-то въ чащѣ своей не одну тысячу головъ оленей, не одну сотню дикихъ кабановъ и козъ. Теперь звѣрь здѣсь почти совсѣмъ перевелся: частью онъ зимой по льду перекочевалъ на материкъ и сосѣдніе острова, частью палъ жертвой усердныхъ не въ мѣру охотниковъ, частью—въ суровыя, снѣжныя зимы погибъ отъ истощенія и крайняго утомленія. Упадокъ силъ звѣря доходилъ иногда до того, что звѣря (оленей и козъ) ловили руками.

Замедливъ ходъ, „Новикъ" началъ тихо поворачивать по направленію ко входу въ бухту „Золотой Рогъ". Не успѣли мы какъ слѣдуетъ повернуть, какъ на насъ чуть не налетѣлъ пароходъ Добровольнаго флота, только-что снявшійся съ якоря и начавшій свой трудный, продолжительный путь въ Европейскую Россію. Мы прошли такъ близко другъ къ другу, почти касаясь бортами, что, стоя у борта на палубѣ, я могъ ясно и отчетливо видѣть улыбающіяся, счастливыя лица отъѣзжающихъ, быть можетъ навсегда, изъ Уссурійскаго края. Капитанъ, офицеры „Новика" и нѣсколько пассажировъ, стоявшіе рядомъ со мною, съ нескрываемой завистью посмотрѣли вслѣдъ удаляющимся, глубоко вздохнули, нахмурились и отошли въ сторону, будучи не въ силахъ смотрѣть на жизнерадостныя лица пассажировъ Добровольнаго флота.

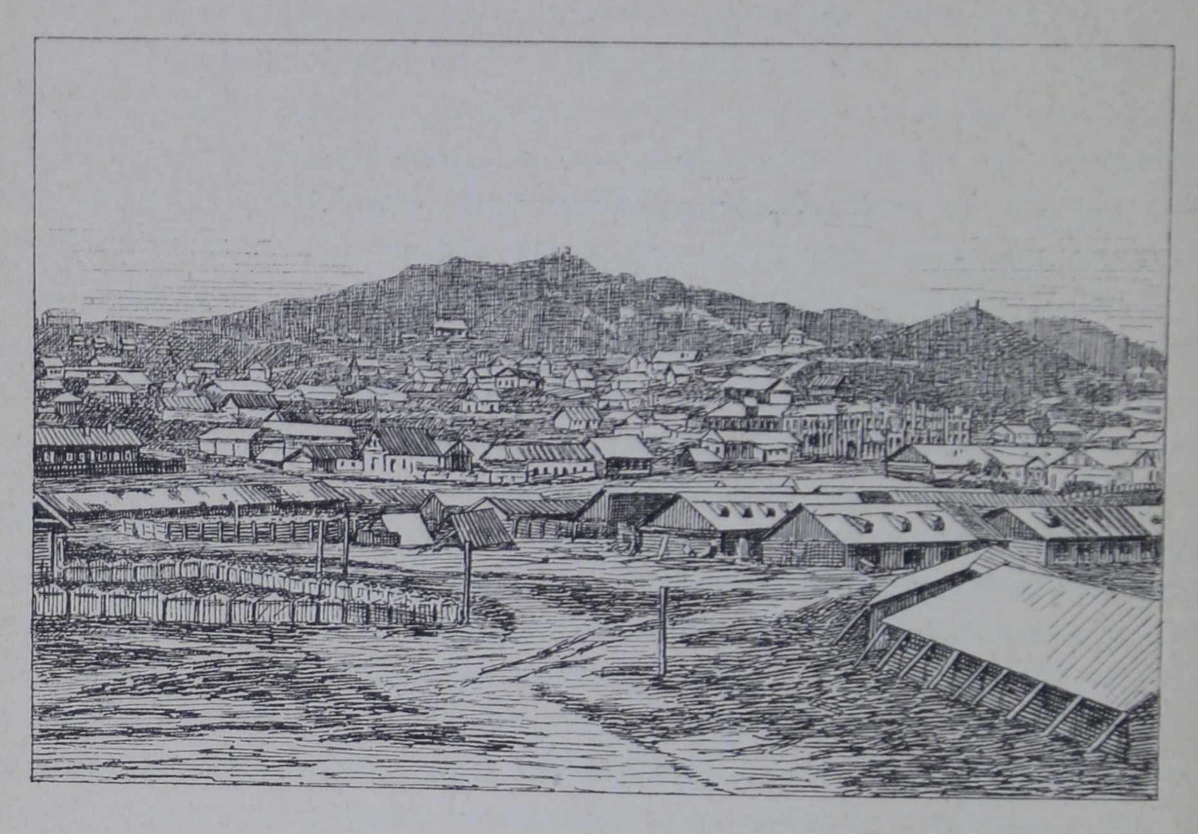
Странная вещь! Мнѣ не одинъ разъ приходилось присутствовать при отходѣ изъ владивостокскаго порта парохода въ Одессу, и я ни разу не видѣлъ на лицахъ отъѣзжающихъ ничего, кромѣ блаженной улыбки.

Ни одной слезинки на прощанье окраинѣ, пригрѣвшей и вскормившей многихъ изъ нихъ! Ни одного сожалѣнія по адрессу оставляемаго края! Всѣ помыслы, всѣ мечты и надежды направлены въ сторону далекой Одессы.

Край, продолжительное пребываніе въ немъ,—все забывается съ послѣднимъ свисткомъ парохода, долголѣтнія связи съ окраиной такъ легко, такъ охотно порываются со спускомъ траппа съ бортовъ ко-

рабля. Не въ этомъ-ли и причина многихъ несовершенствъ, которыми столь изобиловала наша далекая и недавно еще полузабытая окраина? Не здѣсь-ли источникъ, причина и объясненіе того равнодушія и бездушія, о которыхъ намъ приходится слышать изъ устъ старожиловъ и лѣтописцевъ этого юнаго края и съ которыми здѣсь дѣлалось почти всякое дѣло?

Солнце близилось уже къ закату, когда мы входили на рейдъ. Розовые лучи его подъ большимъ угломъ падали на зеркальную поверхность воды, освѣщая всѣми цвѣтами радуги красныхъ медузъ и

Подъ нами открылся городъ.

„португальскихъ военныхъ людей" (portuguese man of war) *), медленно плывшихъ взадъ и впередъ на всей поверхности рейда, распустивъ бѣлые паруса.

*) Такъ называютъ англичане физалію (physalia), — моллюскъ, въ изобиліи водящійся, между прочимъ, въ бухтѣ Золотой Рогъ, что дѣлаетъ совершенно невозможнымъ купанье въ ней, такъ какъ въ мѣстахъ прикосновенія моллюска къ тѣлу купальщика кожа мгновенно вздувается, краснѣетъ и распухаетъ. Прикосновеніе физаліи вызываетъ, кромѣ того, одышку, сильную головную боль и лихорадку, продолжающуюся нѣсколько дней. Мнѣ извѣстенъ случай, имѣвшій мѣсто незадолго до моего отъѣзда изъ края, когда одинъ матросъ, вздумавшій было поймать физалію голой рукой, едва не утонулъ, обожженный ея прикосновеніемъ.

При послѣднихъ лучахъ потухающаго солнца предъ нами открылся городъ, небрежно и свободно расположившійся у подножья голыхъ вершинъ и холмовъ. Тріумфальная арка, находящаяся на самомъ берегу, у адмиральской пристани, позлащенная косыми лучами умиравшаго дневнаго свѣтила, казалось, вся горѣла, объятая кровавымъ огнемъ.

Тріумфальная арка.

Свѣжій вѣтерокъ, сопровождавшій приливъ, понесъ насъ къ землѣ.

У пловучаго бакана „Новикъ“ остановился, съ шумомъ и грохотомъ бросилъ въ зеркальную воду съ бо́рта свой якорь и остановился, какъ вкопанный.

Мы съѣхали на подоспѣвшихъ къ намъ манзовскихъ шлюбкахъ на набережную и отправились въ городъ.

XXI.

Въ долинѣ Воцзи *).

Отъѣздъ. — Природа. — У „Перевала". — Въ тайгѣ. — „Медвѣжьи Щеки". — Борьба двухъ твердынь. — Суйфунъ — примиритель. — Воцзи. — Чингисханъ. — Кублай. — Грандіозная охота. — Воцзи въ настоящее время. — Пріѣздъ.

Рабочій поѣздъ строющейся Уссурійской желѣзной дороги не спѣша пробирается по только что проложеннымъ рельсамъ. Но какъ ни неохотно, словно обдумывая каждый свой шагъ, ползетъ онъ съ уклона на подъемъ, а все-же понемногу онъ увозитъ меня все дальше и дальше отъ столицы Южно-Уссурійскаго края — Владивостока — въ глубь „воцзи", этой нѣкогда „страны дикихъ и дремучихъ лѣсовъ", теперь уже совсѣмъ потерявшей свой прежній характеръ.

Оголенныя кой-гдѣ поляны, уныло торчащіе полусгнившіе, полуобгорѣвшіе пни по краямъ полотна желѣзной дороги, порѣдѣвшія деревья мало напоминаютъ тѣ картинныя описанія мощной, величественной „воцзи", которыя сохранили до нашего времени старинныя китайскія книги, писанныя тушью и кисточками.

Мы ѣдемъ пока берегомъ Амурскаго залива. Внизу растилаются гладкія воды его, освѣщенныя яркими лучами солнца, стоящаго почти въ самомъ зенитѣ. Дальше, по ту сторону залива, виденъ пологій берегъ материка, сливающійся въ отдаленьи съ облаками, опоясавшими горизонтъ. Въ одномъ мѣстѣ залива, несмотря на совершенно тихую погоду, замѣтно волненье. Это изливаетъ въ заливъ свои хрустальныя воды Суйфунъ, — старинная рѣка, носившая на себѣ когда-то еще джонки маньчжуровъ и еще раньше лодки жителей таинственнаго, затеряв-

---

*) „Воцзи"—китайское слово, означающее въ переводѣ на русскій языкъ: „страна дикихъ и дремучихъ лѣсовъ". Этимъ именемъ маньчжуры нѣкогда называли западную часть Уссурійскаго края, бывшую въ ихъ обладаніи въ XVII вѣкѣ.

шагося въ протекшихъ вѣкахъ королевства Бохай, широко раскидывавшагося нѣкогда по всей примыкающей къ рѣкѣ „воцзи“.

Съ послѣдними лучами заходящаго солнца мы приближаемся къ „Перевалу“,—гигантской выемкѣ, прорубленной въ южномъ отрогѣ грандіознаго хребта Сихотэ-Алинь, прорѣзывающемъ весь край отъ маньчжурской границы вплоть до устья Амура на сѣверѣ. Поѣздъ тяжело подымается въ гору. Здѣсь очень крутой подъемъ, и когда стоишь въ вагонѣ, то чувствуешь, какъ полъ начинаетъ принимать все болѣе и болѣе наклонное положеніе и инстинктивно подаешься всѣмъ корпусомъ впередъ.

Чудный видъ открылся намъ изъ дверей вагона, когда поѣздъ, запыхавшись, выбрался, наконецъ, на вершину хребта и остановился на мѣстѣ перевести духъ.

Вправо и влѣво предъ нами,-гдѣ то далеко внизу, у подножья лѣсистыхъ склоповъ хребта Сихотэ-Алинь, разстилаются громадныя равнины, одѣтыя, словно панцыремъ, густолиственной чащей тайги. Волнистая поверхность деревьевъ, дымящаяся въ испареніяхъ, которыя посылаетъ влажная земля навстрѣчу горячему уссурійскому солнцу, представляетъ собою оригинальный зеленый коверъ, пышно раскинутый вплоть до горъ, увѣнчанныхъ тысячелѣтними кедрами.

Солнце все дальше и дальше уходитъ за горы, золотя своими прощальными лучами надвигающійся на окрестности чудный вечеръ, полный благоуханій, испускаемыхъ тайгой и равнинами. Легкій туманъ, поднимается къ вершинамъ горъ, становится розовымъ и сливается съ вырисовывающимися на фонѣ нѣжныхъ перистыхъ облаковъ конусообразными пиками. Дальше горизонта все сливается въ одну общую массу, мѣняя свой видъ, формы и цвѣтъ подъ вліяніемъ еле замѣтнаго вѣтерка. Горы и холмы кажутся неподвижными, воздушными облаками, нѣжныя облака—причудливыми горами.

Вечернія тѣни успѣли уже сгуститься до степени полнаго мрака, когда нашъ поѣздъ началъ осторожно спускаться съ „Перевала“ по крутому уклону. Въ воздухѣ тихо. Пробираясь впередъ между двумя почти вертикальными откосами, поросшими густой чащей деревьевъ, мы ѣдемъ теперь окруженные зелеными стѣнами, и здѣсь, на глубинѣ десятисаженной выемки, спокойствіе и тишина еще полнѣе, чѣмъ раньше.

Но, вотъ, поѣздъ начинаетъ принимать все болѣе и болѣе горизонтальное положеніе. Мы приближаемся къ концу „Перевала“. Взглянувъ назадъ, мы въ темнотѣ ночи уже не видимъ только-что прой-

деннаго нами пути и только по мерцающему въ вышинѣ далеко за нами огню сторожеваго фонаря догадываемся о томъ, гдѣ стоялъ недавно нашъ поѣздъ.

При спускѣ кой-гдѣ намъ попадаются навстрѣчу шалаши манзъ-рабочихъ, живописно расположившіеся близь полотна желѣзной дороги въ зеленомъ морѣ густыхъ вѣтвей. Кой-гдѣ сквозь просвѣты густосплетенныхъ деревьевъ мигаетъ тусклый свѣтъ одинокаго огонька мерцающаго въ фанзѣ китайскихъ рабочихъ. Но чѣмъ ниже спускаемся мы, тѣмъ безлюднѣй становятся окрестности, тѣмъ меньше фанзъ и огней.

Еще четверть часа пути,—и мы уже одни, съ глазу на глазъ съ тайгой, таинственно кивающей зелеными вѣтвями своихъ тысячелѣтнихъ деревьевъ. До нашего слуха уже доносится та странная, неуловимая ночная музыка тайги, въ которой смѣшиваются шелестъ вѣтвей, трещанье кузнечиковъ и грузное хлопанье крыльевъ полусоннаго фазана съ рычаньемъ медвѣдя, блеяньемъ дикой козы, пискомъ крохотной бѣлки и ревомъ уссурійскаго тигра. Лѣсъ спитъ вокругъ насъ, убаюкивая себя шопотомъ собственныхъ деревьевъ, но его обитатели только теперь начинаютъ жить. До утра, вплоть до первыхъ лучей восходящаго солнца, здѣсь разыгрываются кровавыя драмы, проливается кровь, раздаются раздирательные вопли жертвъ, пожираемыхъ кровожадными хищниками. Но взойдетъ солнце, освѣтитъ своими косыми лучами тайгу, и она вновь затихаетъ до вечера.

На одномъ поворотѣ мы увидѣли слѣва въ чащѣ деревьевъ какое-то странное, громоздкое зданіе съ высоко надъ окружающимъ лѣсомъ царящей трубой, изрыгавшей клубы чернаго дыма, смѣшаннаго съ блестящими искрами. Изрѣдка изъ трубы выглядывали наружу длинные языки пламени. Пламя лизнетъ наружныя стѣны затрепещется въ воздухѣ, освѣтитъ на мгновенье окутанную темнотою ночи безмолвную тайгу и вновь скроется внутрь гигантской трубы. Здѣсь находится два-три года всего лишь назадъ устроенный однимъ изъ владивостокскихъ купцовъ спичечный заводъ, открывшій собой новую эру для края *).

*) Фабрично-заводская промышленность находится здѣсь еще въ зародышѣ (кромѣ упомянутаго завода, во всемъ краѣ имѣется лишь 1 мыловаренный заводъ, 1 канатная фабрика, 1 маслобойный заводъ и 1 кожевенный; всѣ эти заводы насчитываютъ своему существованію не болѣе трехъ-четырехъ лѣтъ), и въ ближайшемъ будущемъ едва-ли можно разсчитывать на крупное развитіе мѣстной промышленности: для этого здѣсь нѣтъ ни свободныхъ капиталовъ, ни достаточнаго контингента опыт-

Переночевавъ на станціи Раздольной, я съ первыми лучами восходящаго солнца отправился дальше къ сѣверу по направленію къ селенію Никольскому, самому старому поселенію края, находящемуся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стояла китайская крѣпость. Слѣды ея еще и теперь сохранились здѣсь въ видѣ рвовъ и валовъ, окружающихъ часть поселенія, занятую войсками.

Дорога идетъ по-прежнему тайгой, но далеко уже не столь величественной и мощной, какъ та, которую мы видѣли наканунѣ близъ „Перевала".

Только дальше, поближе къ Суйфуну, лѣсъ становится мощнѣй, гуще и тѣнистѣй. А, вотъ, сквозь лѣсную просѣку сверкнулъ и Суйфунъ. Лѣниво катитъ онъ изъ сосѣдней Маньчжуріи свои прозрачныя воды, отражая солнечные лучи въ хрустальной поверхности. Зеркальною лентой извивается онъ тамъ и сямъ и то исчезаетъ съ нашихъ глазъ, теряясь въ морѣ вѣтвей и деревьевъ, скрываясь за пригорками и поросшими лѣсомъ холмами, то вновь неожиданно появляется предъ нами.

Какъ и всѣ рѣки Уссурійскаго края, онъ отличается необычайной и неизвѣстной въ Европѣ кривизной,—кривунами, осьмерками, утюгами *), какъ называютъ здѣсь извилистыя до-нельзя рѣки. Между двумя пунктами, лежащими на разстояніи одной версты другъ отъ друга, Суйфунъ пробирается такими причудливыми, капризными зигзагами, что подъ-часъ приходится проплыть на немъ больше семи-восьми верстъ, пока доберешься до конечнаго пункта, находящагося тутъ-же подъ бокомъ.

Чѣмъ больше углубляемся мы внутрь Суйфунской долины, тѣмъ чаще встрѣчаются на нашемъ пути нагроможденные другъ на друга горные хребты и твердыни. Любитель природы и ея красотъ долженъ сосредоточить здѣсь все свое вниманіе на окрестныхъ видахъ.

ныхъ рабочихъ (китайцы въ счетъ не идутъ, такъ какъ ихъ участіе признается мѣстною властью нежелательнымъ по соображеніямъ политическаго свойства), ни опытныхъ техниковъ, ни потребнаго запаса сырья, ни, наконецъ, обезпеченнаго рынка для сбыта. Только съ усиленіемъ колонизаціи и расширеніемъ изученія края, улучшеніемъ путей сообщенія и развитіемъ кредита можетъ получиться обстановка, благопріятная для развитія промышленной инціативы. До тѣхъ-же поръ всѣ стремленія и проекты насадить промышленность въ краѣ не выйдутъ изъ области пожеланій: при первой-же попыткѣ практическаго осуществленія этихъ проектовъ, у самаго предпріимчиваго человѣка отпадаетъ всякая охота продолжать начатое дѣло.

*) Мѣстныя названія, данныя Суйфуну первыми русскими обитателями.

Мы приближаемся къ знаменитымъ „Суйфунскимъ“ или „Медвѣжьимъ Щекамъ“, которыя по дикой красотѣ сравниваютъ съ лучшими мѣстами Кавказа.

Уже за нѣсколько верстъ до этихъ „Щекъ“ отдѣльные холмы и твердыни, встрѣчавшіеся намъ тамъ и сямъ по дорогѣ, начинаютъ превращаться въ сплошныя горныя цѣпи, то тѣсно прижимающіяся къ Суйфуну, то отступающія въ сторону отъ этой хотя и не широкой, но полноводной рѣки.

Мѣстами эти титаническія, непокорныя громады словно сталкиваются вверху съ легкими облаками, застилая небо отъ нашихъ глазъ, мѣстами онѣ отступаютъ въ сторону и открываюъ взору узкія ущелья, или просторныя долины и лощины, широкіе луга, покрытые роскошнымъ ковромъ полевыхъ цвѣтовъ, достигающихъ здѣсь огромныхъ размѣровъ.

Но, вотъ, горныя цѣпи начинаютъ все болѣе приближаться другъ къ другу. Мы подъѣхали ближе, поднялись на самый край утесистаго берега Суйфуна, вертикально спускающійся съ высоты многихъ саженъ къ водѣ, сдѣлали крутой поворотъ и—замерли отъ восхищенія.

Внизу, у подошвы откоса, бурлила рѣка. Сверху надъ нею нависли косматыя гривы двухъ гигантскихъ горныхъ кряжей. Обѣ горныя цѣпи угрюмо стоятъ другъ противъ друга, какъ два заклятыхъ врага, враждебно сближаясь у своихъ каменистыхъ подножій, надменно вздувая свои мощныя груди, словно онѣ хотятъ броситься другъ на друга, сразиться и на смерть разбиться...

Вотъ, кажется, уже совсѣмъ сблизились оба кряжа. Ихъ косматыя гривы уже почти касаются одна другой; еще немного и они-бы столкнулись, разбились... Но Суйфунъ, лазурная рѣка таинственнаго Бохая, извиваясь между мощными громадами, мечется изъ стороны въ сторону, взбиваетъ жемчужную пѣну, стонетъ и заливается, словно воетъ и умоляетъ ихъ прекратить вѣковую вражду; онъ лижетъ подножія то у одной, то у другой гигантской твердыни, словно стремится разъединить ихъ и не допустить до смертельнаго боя,—и горные кряжи, нахмуривъ свои исполинскія головы, уступаютъ мольбамъ истрадавшейся и задыхающейся въ смертельномъ страхѣ рѣки и, гордо поднявъ свои могучія головы-вершины, мирно расходятся: одна—къ югу, другая—къ сѣверу.

Но, удаляясь, они все еще злобно оглядываются другъ на друга и въ то-же время сосредоточенно киваютъ своими косматыми гривами Суйфуну. А онъ, сіяющій, радостный, снова нарядный и ярко-

сверкающій, тихо журча, быстро удаляется дальше въ долину, разнося повсюду вѣсть о примиреніи исполинскихъ твердынь.

Хороши „Суйфунскія Щеки“! Это одинъ изъ самыхъ живописныхъ и красивыхъ уголковъ Уссурійскаго края. Въ послѣднее время онъ много потерялъ своей прежней таинственной прелести и не производитъ уже на зрителя такого впечатлѣнія дикости и неприступности, какъ прежде. Для проведенія полотна желѣзной дороги пришлось срѣзать край лѣваго горнаго кряжа и устроить здѣсь надъ самымъ Суйфуномъ обширную террассу для пропуска желѣзной дороги. Но все-же и теперь еще едва-ли можно найдти другое настолько-же красивое мѣсто въ предѣлахъ Уссурійскаго края.

Съ выходомъ поѣзда изъ „Щекъ“ картина ихъ по ту сторону быстро и рѣзко мѣняется. Горныя цѣпи, кряжи и твердыми остались позади или отошли въ сторону, теряясь въ облакахъ на горизонтѣ.

Предъ нами открывается обширная долина, полная историческаго интереса для путника.

Здѣсь, на этомъ обширномъ, безлѣсномъ, травянистомъ плато, нынѣ совершенно безжизненномъ и безлюдномъ,—оживляемомъ лишь дальше къ сѣверу видомъ селенія Никольскаго,—нѣкогда ключомъ била жизнь, боролись интриги и страсти. Эта зеленая долина, окаймляемая нынѣ обнаженными, оголенными холмами, когда-то окружена была глухимъ лѣсомъ, наполненнымъ тиграми, барсами, оленями, медвѣдями, дикими кабанами и бѣлками. Эта обширная равнина была нѣкогда свидѣтельницей диковинныхъ зрѣлищъ, о которыхъ теперь разсказываютъ здѣсь другъ другу обитатели края, какъ о фантастическихъ сказкахъ.

Здѣсь было когда-то королевство Бохай, о существованіи котораго можно догадываться только по немногимъ развалинамъ сохранившимся до нашего времени въ пустынныхъ дебряхъ тайги, скрывшей ихъ своей зеленой броней отъ нескромнаго взора современнаго путника. Это таинственное королевство обладало многотысячной арміей, оно раскинуло здѣсь сотни людныхъ городовъ, окруженныхъ зубчатыми стѣнами, оно распахало здѣсь нѣкогда тысячи десятинъ плодородной земли.

Королевство Бохай вскорѣ исчезло, и, спустя нѣсколько вѣковъ, на поросшихъ уже густымъ лѣсомъ развалинахъ возникло царство маньчжуровъ. Вновь застучали топоры по тайгѣ, снова затвердѣвшую грудь уссурійской земли начали терзать заступъ и плугъ.

Когда въ средніе вѣка Чингисханъ разметалъ свои орды по всему

Старому Свѣту, онъ не оставилъ въ покоѣ маньчжуровъ, мирно обитавшихъ тогда въ предѣлахъ Уссурійскаго края. Полчища владыки монголовъ вторгнулись въ этотъ край, разгромили города, предали уничтоженію поля и залили кровью всю страну. Немногіе маньчжуры уцѣлѣли во время этой рѣзни. А кто и уцѣлѣлъ,—тотъ, какъ безумный, бѣжалъ отсюда, гдѣ каждый шагъ, каждый камень, каждый листикъ и дикій цвѣтокъ, истоптанный безпощадной монгольской пятой, напоминалъ о пережитомъ несчастьи.

Край опять запустѣлъ на многіе годы. Города превратились въ руины, прогалины и дороги въ тайгѣ заглушили кустарники, крѣпостныя стѣны и камни заросли высокой травой и ползучимъ шиповникомъ.

...Ханъ Кублай снялся изъ ставки...

Чингисханъ вскорѣ умеръ, провожаемый проклятьями маньчжуровъ-изгнанниковъ, но край уже не возродился опять къ новой жизни.

Когда спустя полъ-вѣка воцарился знаменитый Кублай,—вся эта огромная равнина успѣла уже превратиться въ мощную „воцзи“,—„страну дремучихъ лѣсовъ“, и сами монголы уже успѣли забыть о существованіи тѣхъ городовъ, которые такъ недавно оживляли это глухое, безлюдное мѣсто. Эта равнина и окружившая ее снова тайга, скрывшая опять своимъ непроницаемымъ покровомъ груды костей и горы пепла отъ сожженныхъ строеній, сдѣлалась любимымъ мѣстомъ охоты монголовъ. „Здѣсь,—говорили они,—никто не тревожитъ дикаго лебедя и журавля, никто не пугаетъ своимъ крикомъ оленя, никто

не покушается на трусливаго зайца:—на пустынныхъ равнинахъ Суйфуна нѣтъ иной жизни, кромѣ той, которая создана на утѣху охотничьяго сердца".

Даже черствое сердце хана Кублая не могло устоять передъ этими рѣчами его раболѣпныхъ и льстивыхъ царедворцевъ. Къ тому-же онъ уже раньше слышалъ объ этой странѣ, откуда ему привозили кречетовъ для его любимой соколиной охоты.

И, вотъ, въ ясный солнечный день ближашей весны гордый ханъ снялся изъ ставки и, окруженный вельможами, двинулся въ богатѣйшемъ шатрѣ, везомомъ цѣлымъ стадомъ быковъ, въ долину Суйфуна. И здѣсь, на берегу лазурной рѣки, быть можетъ, на томъ самомъ мѣстѣ, которое я вижу теперь изъ раскрытой двери вагона, ханъ Кублай разбилъ свой шатеръ и началъ охотиться.

Много лѣтъ прошло со времени этой пышной охоты, въ которой, по преданію, участвовало до десяти тысячъ человѣкъ ханской свиты.

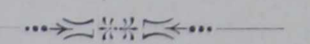
Истоптанная охотниками трава и цвѣты вновь покрыли уссурійскую почву и расцвѣли пышнымъ ковромъ, вырубленные лѣса вновь заросли, лѣсъ сталъ еще глуше и гуще.

И вотъ, теперь, спустя почти четыреста лѣтъ, въ столько видѣвшей и столько перемѣнъ испытавшей Суйфунской долинѣ, снова появился человѣкъ, на этотъ разъ уже не изъ сосѣдней Монголіи и Маньчжуріи, а изъ далекой Европы. На тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ когда-то раскинулась жизнь, она теперь вновь расцвѣтаетъ, но тамъ, гдѣ теперь вырубается мощная тайга, она уже не воскреснетъ опять: полуобгорѣлые, полусгнившіе пни вырубленныхъ и выжженныхъ деревьевъ тайги уже не возродятся къ своей прежней вольной жизни. И тамъ, гдѣ теперь прошелъ плугъ человѣка, никогда не возродятся ужь вновь, какъ прежде изъ пепла, великаны тайги.

Самое воспоминаніе о мощной, непроницаемой „воцзи", веселившей нѣкогда взоры Кублая, мало-по-малу здѣсь, въ Суйфунской долинѣ, отходитъ въ область преданій. Эта долина является теперь однимъ изъ главныхъ центровъ, куда толпою стремятся переселенцы изъ Европейской Россіи. Съ каждымъ годомъ въ разныхъ концахъ ея все чаще и чаще слышится русская рѣчь, въ влажномъ воздухѣ ея все чаще и чаще разстилаются тяжелые клубы дыма изъ трубъ новоселовъ, все гуще и гуще на ней появляется человѣческое жилье. Ревъ тигра, этого еще недавно владыки уссурійскихъ лѣсовъ, раздается все рѣже и рѣже, свистки паровоза становятся все слышнѣй и слышнѣй.

Прежняя „воцзи“ умираетъ въ агоніи. На смѣну ей явилась съ далекаго сѣверо-запада новая жизнь, которая съ неудержимою силой гонитъ и раздвигаетъ тайгу. Города и селенія, возросшіе нынѣ изъ пепла, не исчезнутъ такъ безслѣдно, какъ прежде... Времена измѣнились...

Это была послѣдняя мысль, съ которою я заснулъ въ эту ночь по пріѣздѣ въ Никольское.

XXII.

Въ долинѣ Суйфуна.

Никольское.—Внѣшній видъ.—Манзовскій адъ. — Причины. — У япойнца Каван.—Особенности этой рассы. — Предразсудки.—Никольскій базаръ. — Корейцы.—Странная психика.—Жизнь на окраинѣ. — Сплошной мартирологъ.—Потрясающіе разсказы.—Роль и вліяніе ссыльныхъ.

Находящееся въ центрѣ „страны дикихъ и дремучихъ лѣсовъ" селеніе Никольское, куда поздно вечеромъ привезъ меня рабочій поѣздъ Уссурійской желѣзной дороги, не оставляетъ въ современномъ путникѣ никакого сомнѣнія въ томъ, что царство могущественной „воцзи" нынѣ уже безвозвратно кануло въ Лету.

Возникшее на развалинахъ старинной китайской крѣпости, о существованіи которой напоминаютъ нынѣ лишь сохранившіеся здѣсь коегдѣ небольшіе рвы и валы, это селеніе является вполнѣ сформировавшимся населеннымъ пунктомъ въ краѣ, еще малолюдномъ и почти незаселенномъ. Послѣ Владивостока — это, дѣйствительно, одинъ изъ главныхъ стратегическихъ, коммерческихъ и торговыхъ пунктовъ страны, чему сильно благопріятствуетъ его географическое положеніе: оно находится въ 100 верстахъ къ сѣверу отъ столицы Южно-Уссурійскаго края, въ срединѣ плодородной долины, на главномъ трактѣ, соединяющемъ далекую окраину съ Европейской Россіей.

Въ Никольскомъ сосредоточены главныя военныя силы, здѣсь-же находится резиденція командующаго всѣми войсками, расположенными въ краѣ, сосредоточены главныя депо и мастерскія уссурійской желѣзной дороги, зданія которыхъ вытянулись въ ровную и внушительную линію двухъ и трехъэтажныхъ зданій близь вокзала; здѣсь-же находится главная паровая мельница, перемалывающая для нуждъ казенныхъ вѣдомствъ за десятки и сотни верстъ свозимый сюда мѣст-

ными хлѣборобами хлѣбъ; здѣсь есть даже церковь (во Владивостокѣ имѣется всего одинъ соборъ); отсюда-же, главнымъ образомъ и начинается та узкая полоса плодородной и доступной для воздѣлыванія земли, которая вплоть до озера Ханка (300 верстъ къ сѣверу) частью уже заселена, частью-же только еще заселяется. Читателю ясно отсюда, какую значительную роль въ краѣ играетъ это село,—одно изъ самыхъ многолюдныхъ послѣ Владивостока.

На видъ это обширное село, о переименованіи котораго въ городъ давно уже поговариваютъ, не особенно казисто. Оно раскинуто при впаденіи небольшой рѣченки Супутинки въ бурный Суйфунъ, на обширной равнинѣ, нѣкогда сплошь покрытой первобытной тайгой, а нынѣ совсѣмъ оголенной отъ лѣса усердными колонизаторами. Только кой-гдѣ на горизонтѣ приходится встрѣчать одинокія, чахлыя деревца, покрытыя скудною зеленью. Въ самомъ селѣ вы также почти напрасно искали-бы растительности: на улицахъ—ни деревца, и только въ немногихъ дворахъ сохранились небольшіе сады и чаще всего—скудные палисадники.

Улицы села довольно широки, но, понятно, совсѣмъ не мощены, благодаря чему въ лѣтнюю пору, особенно въ концѣ іюля и августа, когда солнце здѣсь обыкновенно немилосердно жжетъ, приходится подъ-часъ просто задыхаться въ пыли. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что обонянію путешественника здѣсь, какъ, впрочемъ, и вездѣ дальше въ хуторахъ новоселовъ, почти вовсе не приходится страдать: просторные дворы и глинобитные или деревянные одноэтажные домики, изъ которыхъ состоитъ все село, очень опрятны, и глазъ пріятно поражаетъ бѣлая окраска жилищъ мѣстныхъ обитателей, оживляемая зелеными ставнями.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производятъ мѣстные манзовскій и корейскій кварталы. Отъ удушливаго, прогорклаго запаха черемши; непривычному человѣку почти совсѣмъ дышать невозможно. Внутрь-же грязныхъ и смрадныхъ фанзъ и вовсе нельзя зайти. Я неоднократно пытался проникнуть въ встрѣчавшіяся мнѣ по пути туземныя фанзы, но это оказалось дѣломъ совсѣмъ невозможнымъ: лишь только сдѣлаешь нѣсколько шаговъ внутрь полутемнаго обиталища мѣстныхъ аборигеновъ, какъ тотчасъ-же чувствуешь, какъ невыносимо сдавливаетъ виски, сердце начинаетъ усиленно биться и почти въ полуобморочномъ состояніи торопишься вырваться на свѣжій воздухъ. Особенно тяжелое впечатлѣніе произвели на меня жилища манзъ и корейцевъ, находящіяся на такъ-называемомъ „манзовскомъ базарѣ". Европейцу,

привыкшему къ сравнительному благоустройству своихъ поселеній, трудно представить себѣ что нибудь-мрачнѣе, безотраднѣе и ужаснѣе этого мѣста, по справедливости называемаго многими „манзовскимъ адомъ“. Это какая-то сплошная клоака, пышащая въ лицо ѣдкимъ, пронзительнымъ зловоніемъ, задолго до приближенія къ ней предупреждающимъ путника, что всякъ, сюда идущій, долженъ оставить всякую надежду найти что-либо подобное тому, къ чему онъ привыкъ въ мало-мальски благоустроенномъ обществѣ. Какъ ухищряются обладатели мѣстныхъ „адиковъ“ жить въ нихъ,—эту тайну никому еще не удалось разгадать.

Владивостокскій соборъ.

Мѣстной администраціи этотъ „адъ“—и въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ — доставляетъ не мало хлопотъ, и, все-таки, дѣло оздоровленія его является, кажется, однимъ изъ самыхъ проблематичныхъ въ свѣтѣ: ни увѣщанія, ни угрозы, ни внушительный процентъ заболѣваній среди обитателей мѣстныхъ кварталовъ.—ничто не въ силахъ упорядочить эту клоаку, ничего подобнаго которой мнѣ не приходилось видѣть нигдѣ въ другомъ мѣстѣ окраины, кромѣ непріютной и непривѣтливой родины подданныхъ богдыхана. Только позже, въ Шанхаѣ, въ наиболѣе бѣдныхъ туземныхъ кварталахъ этого милліон-

наго города, мнѣ пришлось еще разъ натолкнуться на такую-же зловѣщую обстановку, какую я раньше видѣлъ здѣсь, въ этомъ „манзовскомъ адѣ“.

Исключительныя условія, въ которыхъ находятся обитатели только что описанныхъ мною кварталовъ, объясняются тѣмъ, что здѣсь ютится, главнымъ образомъ, бѣднота, путемъ невѣроятныхъ усилій и ухищреній умудряющаяся перебиваться съ риса на воду. Не до заботъ о соблюденіи санитарныхъ и гигіеническихъ условій этимъ людямъ, которымъ, по мѣстнымъ условіямъ, такъ трудно дается насущная горсть риса. Присущая, впрочемъ, всей этой рассѣ нечистоплотность играетъ, конечно, не послѣднюю роль въ данномъ случаѣ.

Немного болѣе удовлетворительными въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи являются помѣщенія туземныхъ оффиціальныхъ учрежденій: — китайскаго и корейскаго „общественныхъ управленій“, но и тѣмъ, конечно, весьма далеко до самаго скромнаго идеала благоустройства. Все-жъ таки, здѣсь есть хоть возможность перевести духъ и отдохнуть, опомниться отъ того глубоко печальнаго зрѣлища, какое представляетъ собой до-нельзя скученный и загаженный „манзовскій базаръ“.

Какъ пріятно за то черезъ два-три квартала отъ этой клоаки очутиться у японца Каваи! Онъ живетъ всего въ двухъ-трехъ шагахъ отъ „манзовскаго ада“, въ такой-же низенькой, въ землю вросшей бревенчатой фанзѣ; онъ такъ-же бѣденъ, какъ и только-что оставленные мною сосѣди его, пожалуй, еще бѣднѣе ихъ, такъ какъ ему приходится своимъ единоличнымъ трудомъ содержать при себѣ большую семью, отъ которой всѣ тѣ избавлены по законамъ своей страны,— а, между тѣмъ, какой поразительный контрастъ между трудолюбивымъ японцемъ и родственными ему и по духу, и по культурѣ и по самому происхожденію представителями монгольской рассы! Какъ здѣсь чисто, уютно, опрятно! Какъ бѣдно, но въ то-же время кокетливо убрано его болѣе, чѣмъ скромное жилище и какъ все это непохоже на то безотрадное зрѣлище, свидѣтелемъ котораго мнѣ пришлось только-что быть. Есть что-то трогательное въ этой беззавѣтной любви къ чистотѣ и порядку, уживающейся въ этой рассѣ иногда на-ряду съ самой безпросвѣтной нуждой. Японцы—и мнѣ въ этомъ приходилось убѣждаться какъ впослѣдствіи во время моихъ странствованій по островамъ японскаго архипелага, такъ и раньше, во время посѣщенія ихъ на чужбинѣ, на нашей окраинѣ, — обладаютъ удивительнымъ умѣньемъ соблюдать опрятность (и даже съ явной претензіей на ще-

гольство) въ самой, повидимому, неподходящей, для этого обстановкѣ. Это замѣтно преобладающее въ этой рассѣ стремленіе къ корректности, чистотѣ и порядку создало даже особую поговорку, пользующуюся большой популярностью среди японцевъ и объяснившую мнѣ впослѣдствіи многое въ ихъ характерѣ: „стоитъ только одинъ разъ,— говорятъ они,—„ступить въ грязь, чтобы уже никогда не избавиться отъ ея слѣдовъ".

Японцевъ въ Никольскомъ, какъ и вообще во всемъ краѣ, не особенно много,—всего нѣсколько сотъ семей; все это, главнымъ образомъ, ремесленники, а не торговцы: столяры, башмачники, портные, плотники и т. п. Въ противность китайцамъ и корейцамъ, они живутъ не отдѣльно сплоченными безсемейными массами, а отдѣльными семьями, разбросанными тамъ и сямъ по всему обширному поселенію. Отличаясь неизмѣримо большей терпимостью, чѣмъ родственныя имъ рассы, надменно замкнувшіяся въ гордомъ презрѣніи ко всему остальному міру, японцы, напротивъ, обнаруживаютъ большую готовность ассимилироваться, такъ или иначе, съ господствующей національностью и не только не чуждаются русскаго населенія, но даже, по возможности, облегчаютъ путь для взаимнаго сближенія: они стараются говорить и говорятъ по-русски довольно сносно, перенимаютъ обычаи, костюмъ у русскихъ и т. д.

Вотъ, почему, посѣтителю Уссурійскаго края, привыкшему всегда и вездѣ видѣть здѣсь двѣ рѣзко обособленныя, изолированныя и даже подъ-часъ явно враждебныя другъ другу культуры и рассы,—по отношенію къ японцамъ приходится пріятно разочаровываться. Мнѣ пришлось три года прожить на нашей окраинѣ, и я не помню случая, гдѣ-бы, въ такой или иной формѣ и степени, проявился національный антагонизмъ между русскими и японцами, между тѣмъ, въ отношеніяхъ къ китайцамъ и корейцамъ прискорбныя недоразумѣнія возникаютъ на этой почвѣ чуть-ли не ежедневно и зачастую по самымъ ничтожнымъ поводамъ.

Едва-ли, какъ многіе это утверждаютъ, поведеніе японцевъ можно объяснить только присущимъ имъ матеріалистическимъ взглядомъ на вещи и исключительно присущимъ имъ въ высокой степени политическимъ тактомъ, предписывающимъ имъ-де „во что-бы то ни стало ладить съ подданными страны, которая ихъ пріютила". Едва-ли все ихъ тактичное поведеніе въ краѣ находитъ себѣ объясненіе только въ этихъ двухъ чертахъ, а не въ особенностяхъ ихъ характера, по общимъ отзывамъ лицъ, хорошо изучившихъ ихъ,—терпимаго, добродушнаго.

уступчиваго, неизмѣннаго при всякихъ условіяхъ ихъ жизни, куда-бы ни занесла ихъ судьба.

Неудивительно, поэтому, японцы пользуются всеобщими симпатіями и мало-по-малу начинаютъ играть все болѣе и болѣе замѣтную роль въ краѣ, такъ сильно нуждающемся въ рабочей силѣ, въ добросовѣстныхъ, трудящихся людяхъ. Японская иммиграція, въ сравненіи съ корейской и китайской, не достигаетъ пока, правда, внушительныхъ размѣровъ, но все-же въ послѣдніе годы путешественнику по Уссурійскому краю приходится все чаще и чаще встрѣчаться съ оригинальнымъ костюмомъ этихъ малорослыхъ людей,—киримономъ*), такъ плохо приспособленномъ къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, особенно во время господствующихъ здѣсь зачастую зимней стужи и крѣпкихъ морозовъ.

Въ общемъ, однако-же, если исключить спеціальные туземные кварталы, занимающіе, благодаря скученности своихъ фанзъ, лишь незначительную часть территоріи Никольскаго, — селеніе это производитъ впечатлѣніе русскаго поселенія: хохлацкая „смушковая“ шапка и свитка являются въ немъ преобладающими, особенно въ праздничные и воскресные дни, когда со всей округи съѣзжаются на площадь русскаго базара крестьяне изъ окрестныхъ деревень, привозящіе сюда для продажи, главнымъ образомъ, деготь, смолу и холстъ, скупаемые у нихъ по преимуществу все тѣми-же китайцами. Въ эти дни площадь русскаго базара представляетъ собой оригинальное и любопытное зрѣлище, и у зрителя получается впечатлѣніе настоящей ярмарки.

Корейцы съ своими неизмѣнными ганзами въ зубахъ и въ бѣлоснѣжнаго цвѣта кофтахъ, китайцы съ длинными косами, волочащимися почти до самой земли, въ синихъ дабовыхъ рубахахъ и вышитыхъ туфляхъ, наконецъ, немногочисленные японцы и японки въ живописныхъ цвѣтныхъ киримонахъ и деревянныхъ сандаліяхъ („гета“) на босую ногу, и, главнымъ образомъ, русскіе крестьяне и крестьянки въ смушковыхъ шапкахъ, юфтевыхъ сапогахъ, очипкахъ, запаскахъ и плахтахъ,—все это толпится, снуетъ, гомонитъ, торопится, торгуется выкрикивая для взаимнаго убѣжденія цѣлые потоки отдѣльныхъ словъ,

---

*) Киримонъ—національный костюмъ японцевъ обоего пола; это—родъ халата, не застегивающагося ни у мужчинъ, ни у женщинъ, и подпоясываемаго лишь болѣе или менѣе широкой лентой, которая у женщинъ заканчивается большимъ бантомъ назади.

выраженій и фразъ на невозможно-варварскомъ, полу-русскомъ, полу-корейско-китайскомъ нарѣчіи.

Только и слышно:

— Капитана, „моя", „твоя", „ходи покупай есть", „моя десево плодавай", „обмани моя нѣту", „лутчи товали" и т., д. и т. д.

И это неизмѣнно повторяется на разные лады во всѣхъ концахъ обширной базарной площади. Спокойнѣе всего держатъ себя корейцы, являющіеся сюда частью изъ празднаго любопытства, частью для продажи накопленныхъ запасовъ хлѣба и пушнины, главнымъ образомъ—соболей. Всеобщее оживленіе мало заражаетъ ихъ и развѣ только слегка нарушаетъ ихъ вѣчно созерцательное отношеніе ко всему окружающему. Подерется-ли кто у нихъ предъ глазами, обидитъ-ли кто, наконецъ, самого корейца, — онъ одинаково невозмутимо шествуетъ по людной площади съ заложенными за спину руками. Это странное созданіе,—дитя „страны вѣчныхъ нищихъ", какъ будто совсѣмъ лишено нервовъ и крови. Вы точно видите предъ собой не живыхъ людей, а ходячихъ мумій; да и внѣшнимъ видомъ своимъ они такъ похожи на высохшіе скелеты. Глядишь на нихъ, и въ голову невольно закрадывается мысль, что имъ мѣсто не здѣсь, среди живыхъ людей, а гдѣ нибудь въ музеѣ или анатомическомъ театрѣ.

Странная психика этихъ людей тѣмъ болѣе непонятна, что жизненный путь ихъ далеко не усѣянъ розами, да и самыя условія окраинной жизни вовсе не благопріятствуютъ созерцательному отношенію къ окружающей дѣйствительности или-же развитію душевнаго покоя и равновѣсія въ обитателяхъ нашей дальней окраины. Здѣсь, вообще говоря (а инородцу, по многимъ условіямъ, въ особенности), нужно держать ухо востро. Жизнь на окраинѣ складывается, въ общемъ, очень сурово для ея обитателей. Самые обитатели края, особенно „старожилы"—народъ, въ большинствѣ случаевъ, „прожженный", какъ здѣсь выражаются, прошедшій сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы,—людъ, испытавшій на своей далекой родинѣ не мало несчастій, прежде чѣмъ рѣшился пуститься въ отдаленнѣйшій край, обладающій всѣми данными для того, чтобы закалить и очерствить сердце даже самаго деликатнаго и сантиментальнаго человѣка. Вѣчная война за существованіе, борьба съ окружающей природой, людьми и звѣрьми наложила какой-то особенный, суровый отпечатокъ на вольныхъ и невольныхъ обитателей окраины. Строго говоря, здѣсь, вѣдь, все населеніе, кромѣ обитающихъ издавна въ глубинѣ тайги гольдовъ и орочоновъ,—народъ пришлый, бездомный, порвавшій съ Европой и далеко не всегда завя-

завшій прочныя связи съ окраиной, на которую многимъ, волей-неволей, приходится смотрѣть не какъ на вторую родину, а какъ на злую мачиху.

Я имѣю особенно въ виду ссыльно-поселенцевъ, играющихъ довольно видную роль среди русскаго населенія окраины и дававшихъ еще такъ недавно—до постройки желѣзной дороги—тонъ и направленіе почти всей мѣстной жизни, особенно въ глубинѣ хуторовъ, станицъ и урочищъ. Эти невольные обитатели, прошедшіе суровую школу „Соколинаго острова“, попавши сюда въ малолюдный край, населенный по преимуществу инородцами, и очутившись здѣсь сразу на полной свободѣ, притомъ-же почти безъ всякаго контроля извнѣ, не могли, конечно, отказать въ себѣ въ удовольствіи вознаградить себя, за счетъ инородцевъ, за многолѣтнее лишеніе свободы и благъ, съ ней сопряженныхъ. Являясь сюда въ качествѣ промышленниковъ, купцовъ, ремесленниковъ, вольныхъ ходатаевъ, входя въ непосредственное соприкосновеніе съ туземцами, эти люди, лишенные вовсе понятія о законности,—люди, добродѣтели коихъ отъ пребыванія на той сторонѣ Татарскаго пролива не прибавились, а уменьшились,—

Представители уссурійскаго войска (въ Никольскомъ).

вымещали, все на тѣхъ-же китайцахъ и корейцахъ, всѣ свои прежнія, заслуженныя или незаслуженныя бѣды, не останавливаясь буквально ни передъ чѣмъ на этомъ пути.

Первые годы послѣ покоренія края представляютъ собой поистинѣ сплошной мартирологъ, насчитывающій не мало жертвъ и съ той и съ другой стороны. Жизнь инородцевъ, еще очень недавно, цѣнилась здѣсь поразительно дешево.

Старожилы разсказываютъ просто невѣроятныя вещи. Говорятъ (точно указываютъ мѣсто и время, а подъ-часъ и имена дѣйствующихъ лицъ), что въ то недавнее, къ счастью, навсегда уже минувшее время, здѣсь, мѣстами и временами, между представителями обѣихъ культуръ царила борьба, не на животъ, а на смерть въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Ни одинъ одинокій манза, застигнутый въ тайгѣ или глухомъ перелѣскѣ ближе разстоянія ружейнаго выстрѣла, не выходилъ живымъ послѣ этой встрѣчи. Эта охота по манзамъ велась, конечно, не безъ корыстныхъ цѣлей: охотникъ добирался до пояса своего противника, за которымъ, по своему обычаю, они носятъ все свое состояніе. Правда, охотникамъ часто приходилось, разочаровываться въ своихъ ожиданіяхъ и не находить у манзы за поясомъ ничего, кромѣ кисета съ манзовскимъ табакомъ, довольно противнымъ на вкусъ европейскаго обитателя. Эти разочарованія не вели, однако-же, къ уменьшенію жертвъ: жизнь манзъ, какъ я уже говорилъ, цѣнилась тогда невѣроятно дешево, и вѣроятно, не мало полегло ихъ, въ ту пору, если судить по той массѣ труповъ, которые теперь, уже спустя много лѣтъ, при проведеніи полотна Уссурійской желѣзной дороги, находятъ тамъ и сямъ въ расчищаемой тайгѣ.

Съ началомъ правильнаго заселенія края, усиленіемъ войска, проведеніемъ дорогъ, улучшеніемъ путей сообщенія печальныя драмы, разыгрывавшіяся въ чащѣ непроходимой тайги, отошли, конечно, въ область преданій, нравы обывателей смягчились, взаимныя отношенія конкуррирующихъ рассъ замѣтно улучшились,—однако-же, далеко не все еще сдѣлано въ этомъ направленіи и, время отъ времени, правильное и нормальное теченіе окраинной жизни все еще нарушается иногда весьма прискорбными явленіями.

И едва-ли жизни мѣстнаго общества удастся войти въ правильную колею до тѣхъ поръ, пока окраина будетъ находиться подъ не прекращающимся воздѣйствіемъ питомцевъ такой испытанной школы, какою является „Соколиный островъ“, пока не будетъ прекращенъ сюда доступъ ссыльнаго элемента, все болѣе и болѣе наводняющаго нынѣ со-

бой окраину. Край слишкомъ еще молодъ для того, чтобы, поглощая въ себѣ недоброкачественные элементы ссылки, способенъ былъ переварить ихъ на свой ладъ и наложить на нихъ свою печать. Въ дѣйствительности достигаются результаты, діаметрально противоположные. Попадая въ здоровую общественную среду, ссылка вноситъ съ собой такую деморализацію и порчу въ здоровыя понятія мирныхъ обывателей, что является серьезное опасеніе за стойкость нравственныхъ устоевъ самаго общества.

Опасность и вредъ ссылки для края съ этой стороны признается не только теоретиками и мирными обывателями: самое тюремное вѣдомство устами своихъ представителей (на Хабаровскомъ съѣздѣ 1886 года) открыто высказывало убѣжденіе въ крайнемъ вредѣ ссылки и крайней шаткости элементовъ, вносимыхъ ею въ среду мѣстнаго населенія чрезъ посредство водворяемыхъ здѣсь ссыльно-поселенцевъ, — людей, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, неспособныхъ къ правильному труду и съ крайне шаткою и условною нравственностью.

Отмѣна ссылки, прекращеніе доступа ссыльнаго элемента явились-бы истиннымъ благодѣяніемъ для молодой окраины, едва начинающей расправлять своя крылья (инородческое-же туземное населеніе края отъ этого особенно выиграетъ, конечно).

Жизнь здѣсь и безъ того не легка. Піонеру-культуртрегеру приходится вести упорную борьбу со всевозможными препятствіями, въ другомъ мѣстѣ почти неизвѣстными.

XXIII.

«Зеленый Клинъ».

„Зеленый Клинъ". — Малороссы и Великороссы. — Условія жизни. — Стихійныя бѣдствія.—Противорѣчивые отзывы.—„Лѣсные рыболовы". —„Пьяный" хлѣбъ.—Дороговизна.—Естественныя богатства.—Симпатичное учрежденіе.—Его роль и значеніе.

Странное, необычное впечатлѣніе производятъ на путника мѣста, находящіяся къ сѣверу отъ сел. Никольскаго по направленію къ озеру Ханка, представляющему собой (при впаденіи въ него р. Уссури) границу Южно-Уссурійскаго края.

Глазъ, привыкшій видѣть раньше только горы, покрытыя непроницаемой бронею тайги, да поросшія цѣпкимъ кустарникомъ глубокія ущелья-впадины, начинаетъ замѣтно отвыкать отъ этого зрѣлища. Горы съ каждымъ шагомъ постепенно и замѣтно понижаются къ сѣверу, очертанія ихъ становятся мягче. Здѣсь приходится уже ѣхать не гористою, а холмистою мѣстностью, самой по себѣ очень красивой и живописной, съ синѣющими далеко въ сторонѣ на горизонтѣ горами. Мѣстами дорога проходитъ почти настоящею степью,—обширною травянистою степью, богатою растительностью и полевыми цвѣтами.

Травянистая растительность здѣсь весьма роскошна, разнообразна и представляетъ собою замѣчательное смѣшеніе видовъ,—прямой результатъ обилія влаги, долго задерживаемой корнями. Мѣстами попадаются отдѣльныя, довольно большія пятна кустарниковъ, шиповника, боярышника и особенно — дикаго уссурійскаго рододендра, рѣзко выдѣляющагося своими розовыми цвѣтами. Рододендръ покрываетъ иногда обширныя пространства холмовъ, отчего они издали кажутся оригинальными, пышными, огромными бутонами гигантской, еще не распустившей своихъ лепестковъ розы.

Кой-гдѣ въ отдаленьи, у опушки небольшаго лѣска, на фонѣ зеленыхъ деревьевъ бросается въ глаза подернутая уже красноватымъ цвѣтомъ осени виноградная лоза, то низко-низко стелющаяся по землѣ, то внезапно подымающаяся почти вертикальными гирляндами на близьстоящее дерево, обвивающая его тѣсными кольцами такъ густо, что почти скрываетъ его отъ глазъ зрителя.

По мѣрѣ приближенія къ бассейну р. Лефу (южнаго притока оз. Ханка), орошающей собою плодородную долину, окрестные виды теряютъ прежній характеръ первобытной, нетронутой степи. Здѣсь уже царство мирной культуры: все чаще и чаще встрѣчаются отдѣльные хутора новоселовъ-переселенцевъ, обнесенные изгородями или бревенчатые домики отдѣльныхъ фермеровъ-землевладѣльцевъ. Розовыя пятна рододендра смѣняются полосами распаханной и сплошь покрытою желтыми колосьями земли; трещаніе кузнечиковъ, шуршаніе крыльевъ японскаго ибиса, снѣгиря и индѣйской утки (сѣверной границей которыхъ являются берега озера Ханка) смѣняются мычаньемъ коровъ, блеяньемъ овецъ и ржаньемъ коней. И только вдали отъ хуторовъ, подальше отъ людскаго жилья, на сжатыхъ поляхъ въ бинокль можно разсмотрѣть важно расхаживающихъ по „отавѣ“ *) дрофъ и фазановъ, напоминающихъ о близости безбрежной тайги.

Мы здѣсь—въ центрѣ пространствъ, колонизируемыхъ переселенцами изъ далекой Европейской Россіи,—въ сердцѣ „Зеленаго Клына“, какъ называютъ малороссы весь этотъ край. Я не буду подробно останавливаться на вопросѣ о русской колонизаціи нашей далекой окраины, имѣя въ виду, по сложности этого вопроса коснуться его въ другомъ мѣстѣ и въ другое время: ему не мѣсто въ моихъ бѣглыхъ путевыхъ очеркахъ, которые уже и безъ того разрослись. Скажу только нѣсколько словъ о томъ впечатлѣніи, которое производятъ на путника здѣшнія деревеньки.

Уже съ перваго взгляда бросается въ глаза разница въ типѣ построекъ и характерѣ самаго расположенія мѣстныхъ хуторковъ. Стоитъ только издали посмотрѣть на раскинутый близь рѣчки (всѣ хутора строятся близъ рѣкъ) хуторъ, чтобы заранѣе рѣшить, кто въ немъ живетъ:—малороссы или великороссы? Первые и здѣсь, какъ у себя на далекой родинѣ, строютъ плетневыя хаты, вымазанныя глиной и тщательно выбѣленныя „крейдой“ (мѣломъ), отчего весь хуторокъ производитъ при свѣтѣ лучей палящаго солнца жизнерадостное, веселое

*) Отава — возвышающіеся надъ поверхностью корни сжатаго или скошеннаго хлѣба.

впечатлѣніе на путешественника. Хуторки-же великороссовъ, сплошь состоящіе изъ бревенчатыхъ избъ неуклюжей. приземистой архитектуры, производятъ, напротивъ, угрюмое впечатлѣніе. Впечатлѣніе это усиливается, главнымъ образомъ, еще благодаря полному отсутствію признаковъ какой-либо растительности, въ противоположность малороссамъ, поэтическая натура которыхъ побуждаетъ ихъ разводить около своихъ хатъ „садочки" изъ дикой яблони, груши и ползучаго винограда.

Впрочемъ, эти микроскопическіе садики, обличающіе въ хохлахъ любовь къ природѣ и ея красотамъ, водятся только въ хуторахъ старожиловъ, переселившихся сюда уже лѣтъ пять-шесть назадъ; у новоселовъ-же—голо, какъ на ладони, и ихъ деревушки имѣютъ такой-же неуютный и какъ-будто нежилой видъ, какъ и великорусскія деревни.

Переселенцы, успѣвшіе обжиться въ краѣ, присмотрѣться къ условіямъ своей новой родины и приспособиться къ нимъ, живутъ, въ общемъ, недурно и даже зажиточно. Слышать жалобы изъ устъ такихъ переселенцевъ-старожиловъ на свою судьбу приходилось-бы не часто. если бы только они не ощущали крайняго недостатка въ школахъ *) да въ удобныхъ путяхъ сообщенія, которые способствовали-бы сбыту ихъ произведеній въ близь-лежащіе рынки. Въ этомъ отношеніи еще очень мало сдѣлано для нихъ, и жалобы переселенцевъ на отсутствіе школъ и дорогъ еще долго, вѣроятно, будутъ раздаваться на нашей окраинѣ.

Все-же, въ общемъ, „жывемо, якъ люде". — говорятъ старожилы. хотя и не сразу дается имъ здѣсь „людьске життя". Много лѣтъ зачастую приходится прожить новоселамъ, много верстъ по тайгѣ измѣрять, много мѣстъ перемѣнить, много труда и горя перенести приходится многимъ изъ нихъ, пока они, какъ слѣдуетъ, обоснуются въ краѣ и достигнутъ той сравнительной зажиточности, которая такъ пріятно поражаетъ путника въ хуторахъ старожиловъ. Немало ошибокъ совершаютъ новоселы, пока вдосталь изучатъ условія своей новой жизни.

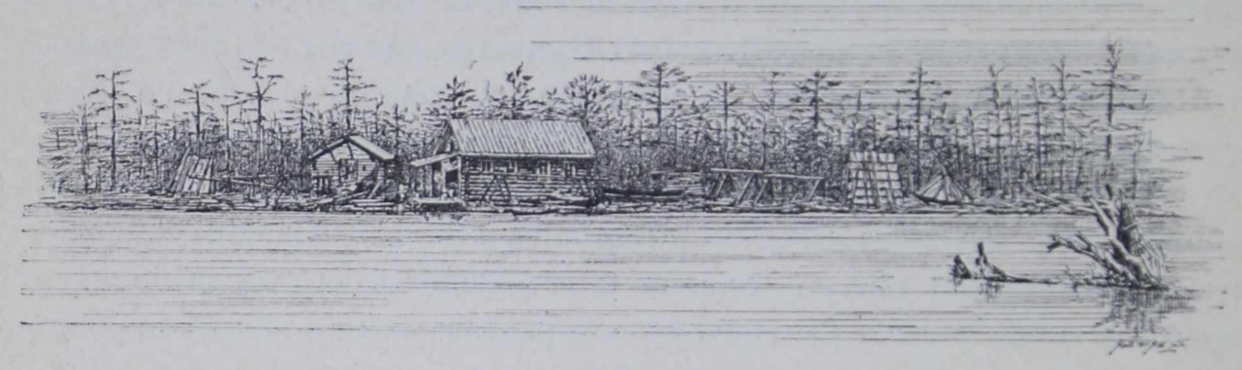
Уже самый выборъ мѣста для поселенія сопряженъ для нихъ съ большими затрудненіями. Дѣло въ томъ, что, попадая сюда, въ этотъ

---

*) Насколько силенъ здѣсь недостатокъ въ школахъ, можно судить хотя-бы по тому, что, напримѣръ, по послѣднимъ даннымъ, одно училище приходится здѣсь на 6,000 кв. верстъ!.. (Во всемъ Приамурскомъ краѣ имѣется всего 12 средне-учебныхъ заведеній и 415 низшихъ школъ въ томъ числѣ—396 начальныхъ школъ).

„горо́вый край“, изъ равнинныхъ мѣстъ Европейской Россіи, новоселы по традиціи и долголѣтней привычкѣ ищутъ равнинъ и за отсутствіемъ ихъ довольствуются низинами по долинамъ рѣкъ. Обсидятся съ большимъ трудомъ (такъ какъ лѣсу хотя и много кругомъ, но пока довезешь его до мѣста по таежнымъ тропамъ, „чи-мало горя напріймаешь“), обсѣются, и съ трепетомъ и надеждой ждутъ урожая, радуясь, что такъ легко удалось избѣжать трудностей запашки на „горовыхъ“ мѣстахъ. Но приходитъ конецъ лѣта, польютъ безконечные уссурійскіе дожди, переполнятся рѣки, разольются и производятъ такое ужасающее опустошеніе, что послѣ спада водъ—нигдѣ ни признака стога сжатаго и бережно сложеннаго хлѣба.

Наводненія здѣсь очень часты и производятъ губительныя опустошенія. Нерѣдко случается, что внезапно разлившейся рѣкой уничтожаетъ цѣлыя селенія.

Хуторокъ новоселовъ.

Поистинѣ ужаснымъ въ этомъ отношеніи былъ прошлый (1896) годъ. Страшное наводненіе, постигшее долину р. Суйфуна, уничтожило, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, большую часть фанзъ и заимокъ, унесло весь сжатый хлѣбъ, сложенное въ зароды сѣно, заготовленныя на зиму дрова, причемъ погибло много скота. Вышина воды доходила до двухъ саженей и хлынула сразу такъ, что во многихъ мѣстахъ люди едва сами успѣвали спасаться.

Не обошлось, понятно, и безъ человѣческихъ жертвъ. У одной Полтавской станицы погибло, по словамъ „Приамурскихъ Вѣдомостей“, свыше 200 человѣкъ...

Подобное наводненіе было, говорятъ, лишь пятьдесятъ лѣтъ назадъ, но теперь вода поднялась еще на 2 фута выше, и, именно, въ р. Тумень-ула она поднялась на 40 фут. выше ординара. Долины рр. Тумень-улы и Хунчунки сильно пострадали, а еще болѣе—засе-

ленныя узкія пади, какъ, напр., Катунъ-хе. Гая-хе, Ванцинь и др. Нѣсколько деревень снесены безслѣдно, и многіе жители, не успѣвъ добраться до ближайшихъ возвышенностей, унесены потокомъ. Число жертвъ по р. Тумень-ула свыше 500 чел. и до 800 чел. спасено таможенными лодками.

Въ Хунь-Чунѣ успѣли заложить городскія ворота, и вода изъ рѣки не успѣла пробраться въ городъ; но страшнымъ ливнемъ размыто нѣсколько фанзъ, и 2 купца утонули.

Изъ 70—80 фанзъ въ Сейваньцзе осталось менѣе 20. Въ Кевоньскомъ округѣ утонуло 8 чел. Во всемъ Хунь-Чунскомъ округѣ погибло отъ наводненія до 1000 чел.

Гибли даже спасавшіе; такъ, между прочимъ, погибъ, спасая утопающихъ, офицеръ Дубровкинъ. „За нѣсколько дней до наводненія красиво расположенные хутора и заимки, буквально тонувшіе въ зелени, и Божьи нивы тучнаго хлѣба радовали взоръ каждаго прохожаго и проѣзжаго человѣка, не говоря уже о пахарѣ. Но что-же теперь послѣ наводненія? Отъ цвѣтущихъ хуторовъ кое-гдѣ лишь остались одинокія, покосившіяся избенки, за немногими исключеніями, совершенно непригодныя для жилья. Хлѣба нѣкоторые замыло окончательно, не оставивъ отъ нихъ и слѣда, нѣкоторые повалило, прижавъ ихъ къ землѣ, и занесло иломъ. Отъ селенія Никольскаго по долинѣ рѣки Суйфуна до самой границы едва-ли осталась и сотая часть урожая хлѣба; пригодность и этого остатка сомнительна“...

Пострадавшія отъ наводненія деревни производятъ самое гнетущее впечатлѣніе на путника.

„Еще издали, когда подъѣзжаешь къ деревнѣ“,—пишутъ въ одну изъ мѣстныхъ газетъ. — „замѣтно, что тамъ что-то неладно: не поднимается надъ каждой трубой дымъ столбомъ, какъ это обыкновенно можно видѣть, подъѣзжая къ деревнѣ въ ясное, зимнее утро, не видно заборовъ, стоговъ сѣна, а чѣмъ ближе, тѣмъ яснѣе выступаютъ дома безъ крышъ, оконъ, дверей, съ обвалившейся штукатуркой и сыростью выше оконъ. . И съ болью въ сердцѣ видишь, что это слѣды недавняго наводненія. Половина почти домовъ находится въ такомъ состояніи, что жить въ нихъ нѣтъ никакой возможности. Вездѣ встрѣчаете вы печальныя, блѣдныя, исхудалыя лица жителей этой злосчастной деревни; дѣтишки бѣгаютъ по снѣгу оборванныя и босикомъ, скотъ тощій, бродитъ, едва передвигая ноги. По всей деревнѣ заборы и плетни разрушены, словомъ—сразу поражаетъ васъ крайняя нужда, которая не требуетъ, чтобы за нее говорили терпя-

щіе ее, а сама, изъ-за каждаго угла, бросается въ глаза наблюдателю.

„Войдите въ домъ: въ одной избѣ помѣщаются двѣ-три семьи съ маленькими ребятами и безпомощными стариками. Вотъ бѣдная вдова съ шестью дѣтишками, изъ которыхъ старшей дѣвочкѣ не болѣе восьми лѣтъ. На вопросъ, чѣмъ они питаются, несчастная вдова отвѣчаетъ: „что добрые люди дадутъ, кто муки, кто крупы—такъ и живемъ“. А, между тѣмъ, сами эти „добрые люди“ ничего не имѣютъ! Одинъ старикъ, у котораго обѣ ноги разбиты параличомъ, сказалъ очевидцу: „если не дадутъ намъ чѣмъ засѣять полей весной, то всѣмъ съ голоду придется погибать!.. Была, говоритъ, у меня, старика, своя, хотя плохенькая, хата и ѣсть что было, а наводненіемъ все теперь снесло, меня едва живымъ вытащили, и ничего теперь у меня нѣтъ. Кабы меня не пріютили другіе, я съ голоду-бы пропалъ. Поѣхать-же въ с. Никольское вопросить, чтобы дали что-нибудь (такъ какъ, тамъ раздавали въ полиціи деньги пострадавшимъ отъ наводненія), я не могу: ноги мѣшаютъ, и силъ нѣтъ. Хорошо еще, что теперь дорога санная, и кто имѣетъ лошадей, можетъ дрова возить и такимъ образомъ прокормить себя и лошадей. А кончится зима, начнется плохая дорога, тогда прямо пропадай“.

Такія поголовныя стихійныя бѣдствія случаются здѣсь, правда, не часто и въ исключительные годы, но все-же и въ обычное время переселенцы не всегда гарантированы отъ бѣдствій наводненія. Особенно плохо приходится, конечно, новоселамъ. И много лѣтъ проходитъ, пока наученные горькимъ опытомъ, раззоренные новоселы снимаются съ насиженнаго мѣста и переселяются на болѣе возвышенныя мѣста, на горы и въ дремучіе лѣса.

Здѣсь, конечно, имъ не страшны никакіе разливы, но за то имъ приходится встрѣчаться съ препятствіями другого рода.

Вмѣсто мягкаго и рыхлаго черниговскаго или полтавскаго чернозема, легко поддающагося острому ножу „лемеха“, они натыкаются на „жесткую“ и „трудную“ землю, надъ обработкой которой, какъ и всякей первобытной почвы, приходится крѣпко потрудиться прежде, чѣмъ рѣшиться на ней сѣять хлѣбъ. Новоселы, однако-же, крѣпко вѣрны дѣдовскимъ обычаямъ, мало принимаютъ во вниманіе особенности мѣстнаго климата и почвы и, благодаря этому, получается то, что, засѣявъ по первопашкѣ на такой „новинѣ“ пшеницу,—къ осени и сѣмянъ не собираютъ, благодаря тому, что весь посѣвъ заростаетъ и заглушается густой, высокой травой.

И только потерпѣвъ новую неудачу, начинаютъ они чесать затылки и прибѣгаютъ къ совѣтамъ и указаніямъ болѣе опытныхъ старожиловъ, которые такимъ-же горькимъ опытомъ пришли къ заключенію, что на новинѣ въ первый годъ запашки ни въ какомъ случаѣ нельзя сѣять никакого хлѣба, кромѣ гречихи.

И много мукъ и тревогъ приходится претерпѣть новоселу, пока онъ приспособится къ новымъ условіямъ жизни, отстанетъ отъ вѣками сложившихся на родинѣ привычекъ и взглядовъ, пока онъ научится подчинять свои желанія новымъ требованіямъ, измѣнитъ свои обычаи и позаимствуется новыми.

Инертность новоселовъ, подозрительное и недовѣрчивое отношеніе къ необычнымъ на ихъ взглядъ пріемамъ обработки почвы и проч. у старожиловъ, презрительное отношеніе къ весьма полезному примѣру китайцевъ и корейцевъ, вполнѣ освоившихся уже съ мѣстными условіями,—всегда играютъ плохія шутки съ новоселами; тѣмъ не менѣе, рѣдко приходится наблюдать, чтобы новоселы не проходили всей той тяжелой школы, которую готовитъ имъ край, и это повторяется изъ года въ годъ съ каждой новоприбывающей партіей переселенцевъ.

Въ концѣ-концовъ крестьяне, конечно, осваиваются съ новыми условіями жизни и, какъ мы видѣли, даже достигаютъ зажиточности, но на-ряду съ такими примѣрами (справедливость требуетъ сказать, что ихъ большинство) приходится наблюдать и случаи обратнаго переселенія изъ края.

Вотъ, почему, отъ переселенцевъ приходится зачастую слышать самые противорѣчивые отзывы о „Зеленомъ Клину". Въ то время, какъ одни съ восторгомъ отзываются объ этомъ краѣ, другіе не находятъ словъ для его порицанія. Строго говоря, не правы, конечно, и тѣ и другіе: первые—потому, что безъ труда здѣсь ничего не дается, вторые — потому, что ихъ мнѣніе сложилось подъ вліяніемъ неудачныхъ опытовъ,—неудачныхъ благодаря тому, что они не съумѣли надлежащимъ образомъ примѣнить къ нему свои силы.

Во всякомъ случаѣ, первые ближе къ истинѣ, вторые-же и вовсе не правы. Если рѣки здѣсь и не текутъ млекомъ, то за то здѣсь, во всякомъ случаѣ, вольготно живется человѣку, съумѣвшему примѣниться къ землѣ и мѣстному климату. Земля здѣсь, дѣйствительно,—умѣй только съ ней обращаться,—„не земля, а кладъ", какъ говорятъ старожилы; лѣса богаты дичью, дающей крестьянамъ круглый годъ мясо, степи полны птицъ (ихъ насчитываютъ болѣе 220 видовъ!), и во время осенняго и весенняго перелетовъ число ихъ

достигаетъ такихъ громадныхъ размѣровъ, что „хоть голой рукою хватай“. Тѣмъ не менѣе, Южно-Уссурійскій край, какъ справедливо замѣчаетъ покойный Елисѣевъ,—„не рай, куда всѣ, желающіе легкаго хлѣба, должны летѣть, какъ птицы... Въ этой странѣ такъ-же, какъ и въ другихъ, не легко зарабатывать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба, и кто хочетъ разбогатѣть, тотъ долженъ работать въ потѣ лица своего... Сама по себѣ земля ничего не даетъ; надъ нею приходится хорошенько подумать и полить ее каплями своего пота“...

...Не на радость и беззаботную жизнь, а на тяжелый трудъ, на трудъ упорный, хотя и хорошо вознаграждающійся, долженъ ѣхать всякій переселенецъ, собирающійся въ Южно-Уссурійскій край,—продолжаетъ цитируемый мною авторъ.—Всего тамъ много, правда, далъ Богъ; но ко всему человѣкъ долженъ приложить свой трудъ и терпѣніе, подъ-часъ не меньшіе, чѣмъ и дома, на родной истощенной нивѣ. Кто боится этого труда или не умѣетъ взяться за него даже у себя на родинѣ, тотъ и въ этомъ, какъ думаютъ нѣкоторые крестьяне „раю“, останется голоднымъ. Напрасно такой человѣкъ броситъ свой родной край, родныхъ, родныя могилы... Охватитъ тамъ его раскаяніе,—и пропадетъ такой человѣкъ. Такихъ несчастливцевъ много среди переселенцевъ; разстроили они свою прежнюю жизнь на родинѣ и проклинаютъ теперь свою долю...

Лицамъ, мечтающимъ о переселеніи на далекую окраину, слѣдуетъ крѣпко призадуматься надъ этими словами почтеннаго путешественника; иначе—не избѣжать имъ разочарованія и повторенія той грустной, прискорбной исторіи, которая разыгралась здѣсь хотя-бы съ астраханскими рыболовами еще на нашихъ глазахъ.

Очевидцы разсказываютъ печальныя вещи о судьбѣ этихъ несчастныхъ, до сихъ поръ еще не примѣнившихся къ краю и окончательно выбившихся изъ колеи. Исторія этихъ рыболововъ раскрываетъ собой поучительную картинку переселенія промысловаго люда изъ Европейской Россіи на нашу окраину.

Рѣчь идетъ о тѣхъ рыболовахъ и рыболовныхъ артеляхъ, которыя были переселены сюда для эксплоатаціи мѣстныхъ водныхъ богатствъ. А уссурійскія воды, дѣйствительно, богаты. Чего только нѣтъ здѣсь въ рѣкахъ и рѣченкахъ, изрѣзывающихъ весь этотъ край? Ерши, чебаки, кета и форель, осетры и вьюны, кунжа и линки, караси и лещи, осетры и сомы,—всѣ эти породы рыбъ въ громадномъ изобиліи населяютъ мѣстныя воды. Мѣстами въ здѣшнихъ водахъ водится такъ много рыбы, что порой (какъ, напримѣръ, на озерѣ Ханка), слышно плыву-

щему по озеру, какъ она шуршитъ плавниками!.. Этому легко повѣрить, если принять во вниманіе, что даже относительно такой микроскопической рѣченкѣ, какъ Эльдогоу (притокъ Суйфуна). мнѣ извѣстенъ случай, что одинъ изъ мѣстныхъ рыболововъ въ теченіи одной ночи наловилъ свыше *трехъ тысячъ* штукъ кеты во время ея осенняго хода. Мнѣ извѣстны также случаи, когда той-же кеты (изъ семьи лососевыхъ: родъ семги), случалось, вытаскивали неводомъ *десятки тысячъ штукъ* изъ рѣки во время ея „хода" *).

Какъ-же, однако, справились съ предстоявшей имъ, казалось бы, столь блестящей задачей наши астраханскіе рыболовы?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить нижеслѣдуюшій разсказъ одного любознательнаго туриста, случайно проникнувшаго въ тайну ихъ существованія въ „Зеленомъ Клыну".

Ѣдетъ онъ тайгой по падямъ и переваламъ Уссурійскаго края,—вдругъ видитъ въ дремучемъ лѣсу четыре лачуги-жилья, еле сотканныя изъ хвороста и небрежно облѣпленныя глиной.

— Чьи эти хижины?—удивляется туристъ.

— *Лѣсныхъ* рыболововъ ...—серьезно отвѣчаетъ возница.

— ?!?!...

Опомнившись отъ изумленія, въ которое онъ былъ повергнутъ столь странной и парадоксальной характеристикой. туристъ продолжаетъ свои изслѣдованія. Съ любопытствомъ входитъ онъ въ ближайшую хижину. Слѣва у дверей огромная русская печь, кое-какъ сбитая изъ глины; дальше вдоль стѣнъ—замызганныя, грязныя нары; предъ ними убогій столъ и вмѣсто стульевъ два обрубка изъ дерева. Еще дальше — два мизерныхъ окна... Тѣснота помѣщенія и невыносимый угаръ дополняютъ картину.

---

*) Эта, несомнѣнно, блестящая сторона медали имѣетъ и свою оборотную сторону. Неисчислимыя природныя богатства туземнаго воднаго царства породили въ мѣстныхъ жителяхъ, главнымъ образомъ, въ корейцахъ, безобразное - небрежное, хищническое отношеніе къ природнымъ дарамъ, результатомъ чего кое-гдѣ замѣчается уже полное оскудѣніе рыбьяго царства: такъ, напримѣръ, рѣки Монгугай, Седеми, Адеми, Эльдогоу, Майхе, Цемухе («Рыбная Рѣка») и др. можно уже считать почти совершенно обезрыбленными: оскудѣніе отразилось, главнымъ образомъ, на кетѣ и затѣмъ на форели, кунжѣ и линкахъ и явилось прямымъ послѣдствіемъ практикуемыхъ корейцами хищническихъ способовъ эксплоатаціи. Сотни корейцевъ облѣпляютъ борега рѣкъ вверхъ отъ устья съ крючками, удилищами и пр., загораживаютъ рѣки заѣздками (загородями), преграждаютъ рыбѣ входъ въ устье, распугиваютъ ее и, мало-по-малу, понуждаютъ ее искать другихъ рѣкъ для входа въ верховья ихъ.

Приглядѣвшись въ полумракѣ къ окружающей обстановкѣ, туристъ замѣчаетъ въ углу наръ двухъ пожилыхъ женщинъ въ худыхъ платьяхъ. Одна изъ нихъ—хозяйка этой хижины, другая—ея сосѣдка по хатѣ. На лицахъ обѣихъ горе и годы провели не мало морщинъ.

Да, не мало-таки горя пришлось имъ увидѣть съ тѣхъ поръ, какъ ихъ мужья усѣлись „въ лѣсу рыбу ловить".—съ горькой усмѣшкой разсказываютъ онѣ.—Нищета и бѣдность царятъ среди рыболововъ ужасныя.

Въ прошедшую зиму дѣло доходило до того, что вмѣсто хлѣба ѣли немолотую пшеницу, вареную въ водѣ: „измолоть отдать не на что было".

— А гдѣ-же мужчины?—Рыбачатъ?

Какое?—Одни ушли собирать орѣхи въ лѣсу по опаленнымъ мѣстамъ: „все-же подспорье для ѣды". Другіе ищутъ работы по деревнямъ: „а то, вѣдь, все равно тутъ съ голоду сдохнешь!"...

Незадачливые какіе-то они... Съ перваго-же дня по пріѣздѣ сюда изъ Европейской Россіи не повезло имъ. Съ перваго-же дня они начали колобродить: то тѣмъ недовольны, то другое имъ не нравится, то рыбныхъ мѣстъ не находятъ.

Кое-какъ поселились они, наконецъ, въ проливѣ Стрѣлокъ. Прожили мѣсяца два, обстроились, возвели хаты,—и вдругъ опять забурлили, снова рѣшили переселяться: и разбрелись кто-куда. Одни (семь семействъ) переселились къ заливу Америка, въ бухтѣ Врангеля, истративъ послѣднія деньги, другіе—въ заливѣ Стрѣлокъ, въ *четырехъ* верстахъ отъ него и еще дальше отъ залива. Странные рыболовы!..

Ларчикъ, между тѣмъ, просто открывается. Одному изъ рыбаковъ удалось какъ-то убить „пантача" и хорошо поживиться, — и побоку все рыболовство. Но какъ убили одного „пантача", такъ съ тѣмъ и остались. „Поселившись-же изолированно отъ жилыхъ мѣстъ,—заработка никакого не имѣютъ, а 500 р. вспомоществованія отъ казны проѣдены, пропиты и проѣзжены, рыболовная снасть тоже, а что уцѣлѣло, то порублено на части во время дѣлежа и въ концѣ концовъ—нищета и голодовка у Стрѣлецкихъ рыболововъ"....

Врангельскимъ рыбакамъ сначала, какъ будто, улыбнулась судьба. Раза два они имѣли чрезвычайно удачные уловы таймени, такъ что даже на продажу во Владивостокъ отправили пудовъ семьдесятъ, но тѣмъ дѣло и ограничилось.

Рыболовы жалуются, что поселились на безрыбныхъ мѣстахъ и что отъ этого, будто-бы, всѣ ихъ напасти и бѣды.

Едва-ли, однако, эти жалобы имѣютъ подъ собой почву: такъ, не далѣе нѣсколькихъ верстъ, по той-же рѣкѣ, крестьяне-переселенцы дер. Душкиной, не имѣя никакихъ принадлежностей и рыболовныхъ снастей, *„надергали“ сотни пудовъ рыбы изъ рѣки простыми крючками, вдѣланными въ палку.*

Очевидно, не въ безрыбьи здѣсь дѣло, а все въ той-же неприспособленности астраханцевъ, отъ которой страдаютъ здѣсь многіе переселенцы, легкомысленно относясь къ переѣзду на дальнюю окраину.

Къ счастью, подобныхъ случаевъ переселенческая хроника Уссурійскаго края насчитываетъ не особенно много, и, въ общемъ, переселенцы живутъ здѣсь даже съ завидной для своихъ европейскихъ собратьевъ зажиточностью.

Есть, впрочемъ, пятна и на этомъ преобладающемъ фонѣ. Одно изъ главныхъ — такъ называемый „пьяный хлѣбъ“ и затѣмъ царящая въ краѣ дороговизна, замѣтно отражающаяся особенно на бюджетѣ земледѣльческаго населенія.

Что касается „пьянаго хлѣба“, то хотя по компетентному заявленію покойнаго Ѳ. Ѳ. Буссе, онъ и не имѣетъ большаго распространенія въ краѣ и не представляетъ собой неустранимаго зла, однако-же, населенію иногда приходится порядкомъ страдать отъ этого явленія. Происхожденіе его объясняется слѣдующимъ образомъ (Пальчевскій, Буссе и др.) *). Съ наступленіамъ лѣтней жары и большой влажности воздуха на молодыхъ покровахъ колоса появляются розовыя пятна, составляющія колоніи fusarium roseum. Съ развитіемъ зерна на немъ поселяется грибокъ и питается его содержимымъ, почему зерно истощается и бѣлѣетъ, рѣзко отличаясь отъ здороваго сморщеннымъ и бѣловатымъ видомъ и малымъ вѣсомъ.

Хлѣбъ, приготовленный изъ такого зерна, вызываетъ тошноту и головную боль, затѣмъ наступаетъ сонъ, послѣ котораго чувствуется недомоганіе, какъ послѣ охмѣленія водкой, почему народъ и назвалъ такой хлѣбъ „пьянымъ“. Припадокъ этотъ проходитъ безслѣдно, но при частыхъ повтореніяхъ вызываетъ, конечно, разстройство здоровья. По мнѣнію Ѳ. Ѳ. Буссе, легковѣсность зерна даетъ возможность отвѣять его и, слѣдовательно, все зло выражается потерею части урожая. Эта потеря составляетъ, притомъ, разный процентъ умолота, въ зависимости отъ степени распространенія въ данной пашнѣ грибка, какъ послѣдствія жары и влажности почвы и воздуха, въ виду чего

---

*) Ѳ. Ѳ. Буссе. Переселен. кр. въ Уссур. кр. СПБ. 1896. Стр. 15.

наибольшее распространеніе болѣзнь имѣетъ въ сосѣдствѣ болотъ и особенно тамъ, гдѣ пашня расположена на склонѣ, обращенномъ къ югу.

Наблюденія хозяевъ и Пальчевскаго,—говоритъ Ѳ. Ѳ. Буссе,—выяснили слѣдующія мѣры для борьбы съ болѣзнью: 1) необходимость посѣва хлѣба возможно раньше, чтобы къ іюню мѣсяцу, т.-е. ко времени наступленія жары и влажности, колосъ настолько развился, чтобы его болѣе твердые покровы могли представить значительное сопротивленіе зарожденію и росту грибка; 2) отводъ дождевой воды и осушеніе почвы; и 3) заимствованіе у манзъ системы грядковаго посѣва.

Что касается за симъ вопроса о дороговизнѣ, то нужно замѣтить, что дороговизна предметовъ потребленія — самое больное мѣсто для обывателей нашей дальней окраины. Вопросъ о причинахъ ея хронически всплываетъ на сцену, обсуждается, трактуется, выясняется на разные лады, но все это пока мало помогаетъ дѣлу. На каждомъ изъ бывшихъ до настоящаго времени съѣздовъ свѣдущихъ людей въ Хабаровскѣ ребромъ ставился вопросъ о томъ: „какія причины неимовѣрной дороговизны въ Амурской и Приморской областяхъ?", и каждый разъ обсужденіе его наводило на невеселыя мысли.

Дѣло въ томъ, что Уссурійскій край,—край еще очень молодой, едва-едва расправляющій свои крылья. Обыватели Европейской Россіи, судящіе по чисто внѣшнимъ признакамъ, замѣткамъ, извѣстіямъ, фактамъ, отъ времени до времени проскальзывающимъ на страницы періодической прессы, и на основаніи этихъ внѣшнихъ данныхъ приходящіе подъ-часъ въ восторгъ отъ „быстраго роста и развитія края",—въ дѣйствительности весьма далеки отъ истины и сильно-таки идеализируютъ дѣйствительность.

Въ дѣйствительности, развитіе края въ торгово-промышленномъ отношеніи не только не совершается „со сказочной быстротой", какъ въ этомъ упорно увѣряли меня многіе изъ моихъ знакомыхъ въ Европейской Россіи по моемъ возвращеніи сюда съ дальней окраины,—но для этой сказочности отсутствуютъ въ краѣ всѣ условія даже въ ближайшемъ будущемъ.

Обыватели Европейской Россіи совершенно упускаютъ изъ виду, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ окраиной, превышающей по своей территоріи Германскую Имперію,—окраиной притомъ-же почти совсѣмъ неизвѣстной, малолюдной, обладающей поразительно ничтожной плотностью населенія, едва равняющейся *0,16 чел.* на 1 кв. версту!

„Въ Амурской и Приморской областяхъ почти вовсе не существуетъ

ни заводской, ни фабричной, ни кустарной промышленности. Это обстоятельство весьма неблагопріятно отзывается на земледѣльческомъ населеніи областей, такъ какъ за всѣ мануфактурные, желѣзные и другіе товары приходится платить очень дорого. Эта дороговизна не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ цѣнами земледѣльческихъ продуктовъ. Отсутствіе промышленности въ краѣ вредно еще въ томъ отношеніи, что не даетъ земледѣльцу никакого заработка". Такъ формулированъ былъ этотъ вопросъ на послѣднемъ Хабаровскомъ съѣздѣ четыре года тому назадъ, такъ оно есть въ дѣйствительности, и есть опасеніе предполагать, что въ такомъ или приблизительно такомъ видѣ дѣло будетъ обстоять еще долгіе годы.

И не въ отсутствіи и недостаткѣ инициативы тутъ дѣло,—ея хоть отбавляй, а въ отсутствіи самыхъ условій для ея проявленія: свободныхъ капиталовъ, знающихъ техниковъ, опытныхъ и умѣлыхъ рабочихъ. Если даже предположить, что съ теченіемъ времени и капиталы найдутся и техники прибудутъ, то, все-таки, остается совершенно открытымъ вопросъ, откуда, изъ какого источника будутъ пополняться кадры рабочихъ въ имѣющихъ здѣсь вновь возникнуть фабрикахъ и заводахъ?

Русскаго населенія, кромѣ ничтожнаго числа переселенцевъ, занимающихся земледѣліемъ, здѣсь нѣтъ, стало-быть, придется допустить къ участію въ работахъ на фабрикахъ и заводахъ китайцевъ и корейцевъ. Читатели, однако-же, знаютъ уже, что такое рѣшеніе вопроса признается нежелательнымъ изъ соображеній политическаго свойства; такимъ образомъ, прогрессъ нашей промышленности долженъ, волей-неволей, если не вовсе затормозиться, то, во всякомъ случаѣ, совершаться болѣе чѣмъ медленно.

Отсутствіе мѣстной производительности, кромѣ земледѣльческой, тоже едва нарождающейся, да вдобавокъ еще отсутствіе постоянныхъ и прочныхъ путей сообщенія, дальность и изолированность нашей окраины отъ русскихъ и иностранныхъ центровъ снабженія,—всѣ эти обстоятельства являются исключительными факторами, тормозящими прогрессъ края и на-ряду съ этимъ обусловливающими, питающими и поддерживающими цѣны на той неимовѣрной высотѣ, на какой онѣ стоятъ нынѣ.

Какъ видятъ читатели, при такихъ условіяхъ наша дальняя окраина не могла еще превратиться въ то промышленнео Эльдорадо, какое предполагается многими по слухамъ, да едва-ли скоро и настанутъ условія для подобнаго превращенія.

Между тѣмъ, въ обиліи природныхъ, естественныхъ богатствъ нашей дальней окраины сомнѣваться, какъ уже знаютъ читатели, нельзя: здѣсь есть все, начиная отъ безбрежныхъ лѣсовъ, плодородныхъ полей и кончая желѣзомъ и драгоцѣнными металлами *).

Объ изобиліи этихъ богатствъ можно, впрочемъ, пока только догадываться по многимъ несомнѣннымъ признакамъ: страна все еще мало изслѣдована и изучена. Въ настоящее время есть, однако, серьезныя надежды предполагать, что дѣло изученія края будетъ поставлено на надлежащую почву и сильно подвинуто впередъ по сравненію съ предшествовавшими годами, благодаря учрежденію въ краѣ (въ Хабаровскѣ) особаго Приамурскаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества и учрежденію во Владивостокѣ филіальнаго отдѣленія этого отдѣла, преобразованнаго въ 1894 году изъ существовавшаго тамъ до тѣхъ поръ „Общества изученія Амурскаго края“.

Это послѣднее Общество, несмотря на свои симпатичныя цѣли и задачи, несмотря на необычайную энергію, одушевлявшую его членовъ, безкорыстно отдававшихъ на служеніе ему и время и средства, къ сожалѣнію, по причинамъ не отъ него зависѣвшимъ, могло очень немногое сдѣлать за десятилѣтній періодъ своего существованія. Основанное кружкомъ интеллигентныхъ лицъ, обладавшихъ только желаніемъ и доброю волей, но небольшими матеріальными средствами, оно едва влачило свое существованіе, въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Судьба его любопытна и поучительна, какъ примѣръ того, чего можетъ достигнуть никѣмъ и ничѣмъ нестѣсняемая общественная инициатива даже при самыхъ неблагопріятныхъ и прямо-таки убійственныхъ условіяхъ.

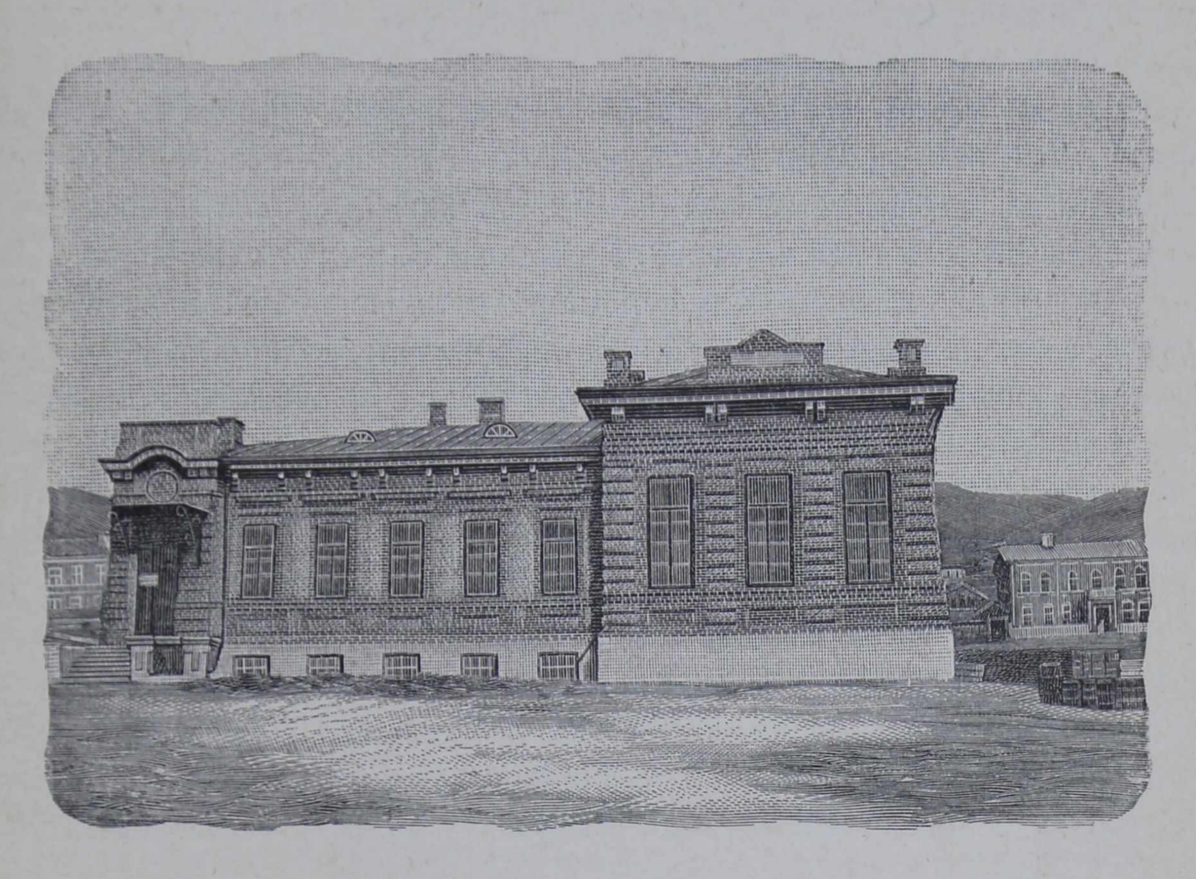
Общество изученія Амурскаго края обладало такими ничтожными средствами, слагавшимися, главнымъ образомъ, изъ членскихъ взносовъ, что бывали въ его прошломъ, и прошломъ очень недавнемъ, длившіеся годами періоды, когда всѣ функціи его должны были сво-

---

*) Признаки золотоносныхъ песковъ встрѣчаются здѣсь во многихъ мѣстахъ по всей рѣчной системѣ Уссурійскаго края, хотя изслѣдованія этихъ песковъ сосредоточились пока только на рѣкахъ, впадающихъ въ Японское море. Здѣсь уже разрабатываются даже нѣсколько площадей, но пока еще въ очень незначительныхъ размѣрахъ. Недавно открыты также серебрянныя руды — на р. Вань-Цинь, впадающей въ море между бухтами Св. Преображенія и Св. Ольги, и свинцовыя—по р. Аввакумовкѣ, впадающей въ бухту Св. Ольги. Разрабатывается, впрочемъ, только свинецъ съ 1894 года.

диться лишь къ заботамъ объ отопленіи зданіи своего прекраснаго музея и содержаніи сторожа при немъ. Но и удовлетвореніе этихъ насущнѣйшихъ потребностей давалось ему не легко.

Сторожъ былъ единственнымъ должностнымъ лицомъ Общества, получавшимъ вознагражденіе (въ размѣрѣ 15 р. въ мѣсяцъ) за исполненіе лежавшихъ на немъ обязанностей, но и этотъ, въ сущности, болѣе чѣмъ скромный расходъ зачастую приходилось удовлетворять, чуть-ли не прибѣгая къ помощи мѣстной благотворительности...

Музей Общ, Изуч. Амур. Края.

Отопленіе принадлежащаго Обществу зданія музея—къ слову сказать, спеціально устроеннаго на средства частныхъ лицъ — было затѣмъ вторымъ по важности расходомъ Общества. Но удовлетвореніе этой потребности уже вовсе выходило подъ-часъ изъ его бюджета и пишущему эти строки памятны еще тѣ дни, когда ему, въ качествѣ секретаря Общества изученія Амурскаго края, приходилось писать протоколы засѣданій въ теплыхъ перчаткахъ и обсуждать текущія дѣла Общества и правленія его въ сообществѣ своихъ коллегъ-сочленовъ, облаченныхъ въ калоши, теплыя шубы и даже мѣховыя шапки.

При такихъ условіяхъ дѣятельность Общества не могла быть, ко-

нечно, особенно плодотворной *). Недостатокъ средствъ въ значительной степени парализировалъ дѣятельность Общества, не говоря уже о томъ, что все это губительно отражалось на самомъ имуществѣ Общества, добываемомъ съ такимъ большимъ трудомъ. Зданіе Общества сырѣло, коллекціи музея портились, да и самое пользованіе ими для научныхъ цѣлей было дѣломъ почти невозможнымъ: консерватора музей не имѣлъ, ухода за коллекціями не было, систематическаго каталога библіотеки—также, самое распредѣленіе и размѣщеніе коллекцій, за отсутствіемъ спеціалистовъ, производилось „на глазомѣръ“ и, главнымъ образомъ, сторожемъ...

Тѣмъ не менѣе, и при такихъ губительныхъ условіяхъ „послѣдовательные отчеты Общества, какъ объ этомъ съ гордостью говоритъ правленіе въ одномъ изъ своихъ отчетовъ наглядно показываютъ, что это весьма трудное дѣло постепенно развивалось и крѣпло во всѣхъ отношеніяхъ“. Какъ ни слабы были первыя попытки Общества, оно считаетъ, однако, себя въ правѣ высказать, что первоначальная идея, положившая основаніе Обществу въ 1884 году, не только не оказалось праздною и искусственною, но, напротивъ, отвѣтила на коренные запросы населенія, народила дѣло въ основѣ живое, близкое всему краю и отвѣчающее кореннымъ потребностямъ населенія.

Въ этомъ убѣждаетъ насъ уже одно поверхностное знакомство съ дѣятельностью этого Общества, его цѣнными трудами **), обширной бібліотекой и цѣннымъ содержаніемъ его музея, обратившаго даже на себя вниманіе иностранныхъ ученыхъ обществъ, — и всему этому Общество обязано единственно частной инициативѣ, частнымъ пожертвованіямъ и неослабѣвавшей ни на минуту энергіи частныхъ лицъ.

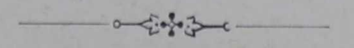
*) Общество изученія Амурскаго края, по утвержденному уставу (§ 1), имѣло своей цѣлью „всестороннее изученіе бассейна р. Амура, русскаго побережья Восточнаго океана и сопредѣльныхъ мѣстностей и ознакомленіе съ ними посредствомъ собиранія коллекцій и разныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ естествознанія, географіи, этнографіи, археологіи и научной разработки собранныхъ матеріаловъ, равно посредствомъ составленія библіотеки изъ сочиненій объ указанномъ краѣ, не ограничиваясь какою-либо спеціальностью“.

**) Въ 1887 году Общество начало издавать свои доклады подъ общимъ наименованіемъ: „Записки Общ. изученія Амурскаго края“ по слѣдующей программѣ: 1) доклады и сообщенія въ общихъ собраніяхъ, 2) отдѣльныя замѣтки и монографіи, 3) списки документовъ по исторіи края, 4) свѣдѣнія библіографическія о научныхъ сочиненіяхъ и т. д. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ средствъ, Общество вынуждено было остановиться уже на 2-мъ выпускѣ своихъ „Записокъ“. За то отдѣльные труды его составляютъ довольно почтенный списокъ.

И нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что своими докладами, библіотекой, музеемъ, экспедиціями Общество из. Ам. Края въ значительной степени способствовало установленію вѣрнаго взгляда на жизнь нашей дальшей окраины, ознакомленію общества съ ея естественными богатствами, нуждами и тѣми средствами, при помощи которыхъ край могъ бы развиваться и прогрессировать, не подвергаясь тѣмъ прискорбнымъ и грустнымъ случайностямъ, какія неизбѣжно связаны съ незнаніемъ мѣстныхъ условій.

Нельзя, конечно, указать, какую именно долю вліянія внесло Общество изученія Амурскаго края въ жизнь нашей окраины, нельзя далѣе, опредѣлить, какія именно стороны этой жизни затронуло оно,— справедливо замѣчаютъ почтенные дѣятели этого симпатичнаго учрежденія: — для этого Общество и по своимъ средствамъ и по своему составу, несомнѣнно, было еще слишкомъ слабо, слишкомъ поверхностно, неустойчиво и само для себя не могло еще выработать какойлибо опредѣленной программы, почему и должно было по необходимости теряться въ обширности принятой на себя задачи и обращать свое вниманіе на вопросы случайные, болѣе или менѣе обособленные, такъ какъ группы связныхъ явленій и вопросы сложнаго характера не могли быть доступны ему пока ни по средствамъ, ни по его наличнымъ силамъ. Но несомнѣнно,—и въ этомъ съ ними нельзя не согласиться,—это вліяніе существовало и фактически проявилось уже все возрастающимъ со стороны населенія края интересомъ къ задачамъ Общества,—интересомъ, который выражался не прекращающимся расширеніемъ музея и библіотеки исключительно частными пожертвованіями. Съ другой стороны, вліяніе Общества, въ большей или меньшей степени, успѣло выразиться въ появленіи нѣсколькихъ работъ и трудовъ по изслѣдованію мѣстной жизни, по отношенію къ которымъ возникшее Общество, если не прямо, то косвенно, играло роль необходимаго импульса, безъ котораго имъ, можетъ быть, никогда не предстояло-бы появиться въ свѣтъ. Наиболѣе рельефнымъ проявленіемъ общественнаго интереса къ задачамъ Общества служатъ, конечно, тѣ крупныя пожертвованія мѣстнаго населенія, которыя дали возможность въ двухлѣтній срокъ построить зданіе музея, стоющее свыше 30,000 р.

Въ настоящее время, съ преобразованіемъ Общества изученія Амурскаго края въ „отдѣленіе“ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества дѣятельность этого во всякомъ случаѣ замѣчательнаго въ своемъ родѣ учрежденія вступитъ, конечно, въ надлежащую фазу своего существованія.

XXIV.

Угасающее племя.

Аборигены края.—Наивное преданіе.—Роль утки по вѣрованію орочоновъ.—Село орочей. —Убійственныя условія. — Занятія и промыслы. — Орочъ въ тайгѣ.—Причины вымиранія.—Муки европейца.—„Ванька-Кузнецъ“.—Шаманство и шаманы.—Будущее несчастнаго племени.

Представленія читателя о нашей далекой окраинѣ были-бы далеко не полны, если-бы я, въ заключеніе своихъ очерковъ, не сказалъ нѣсколько словъ объ аборигенахъ окраины, когда-то населявшихъ всю ту котловину, которая теперь болѣе извѣстна подъ именемъ „Зеленаго Клына“.

Они жили здѣсь съ незапамятныхъ временъ; они видѣли весь этотъ край въ самыя разнообразныя времена, видѣли его тогда, когда онъ представлялъ изъ себя сплошную тайгу, видѣли его въ періодъ расцвѣта его силъ; на ихъ глазахъ происходило возникновеніе и паденіе полулегендарнаго, таинственнаго королевства Бохай, и нынѣ ихъ застала здѣсь иммиграція съ далекаго запада.

Это были орочоны или тазы и гольды, первые обитатели этого края, нынѣ оттѣсняемые все глубже и глубже въ тайгу и вымирающіе все болѣе и болѣе. Еще очень недавно орочей можно было видѣть почти у самаго Владивостока, нынѣ ихъ нѣтъ уже тамъ. Орочи, напримѣръ, по словамъ г. Маргаритова *), уцѣлѣли въ болѣе перво-

*) В. П. Маргаритовъ. Объ орочахъ Императорской Гавани. Изданіе Общ. Изученія Амурскаго Края. Кромѣ г. Маргаритова, объ орочанахъ писали также академикъ Шренкъ, Будищевъ, Пржевальскій, Альфтанъ и др. Послѣдней по времени и самой полной является, однако-же, работа г. Маргаритова, обстоятельнымъ изслѣдованіемъ котораго мы, главнымъ образомъ, и пользуемся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

начальномъ своемъ видѣ лишь въ приморскихъ пунктахъ и притомъ сѣвернѣе 48° с. ш. Во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ, гдѣ представители этого немногочисленнаго племени еще сохранились, они, подъ тройнымъ вліяніемъ народовъ другаго типа, въ сосѣдствѣ съ которыми они жили, постепенно претерпѣвали этнологическое превращеніе. Подъ сильнымъ вліяніемъ маньчжуръ и китайцевъ орочи переродились, утратили свои бытовыя особенности; „даже типъ, какъ выразитель внѣшности, и языкъ, какъ выразитель внутренней жизни человѣка, до того измѣнились что съ трудомъ напоминаютъ объ ихъ кровномъ тунгузскомъ происхожденіи".

Наивное преданіе устами современныхъ орочей такимъ образомъ разсказываетъ о появленіи этого оригинальнаго, вымирающаго племени на дѣвственной уссурійской землѣ.

Много-много лѣтъ тому назадъ земля была совсѣмъ не такая, какою видятъ ее теперь тазы: ни звѣрь, ни люди не ходили по землѣ, ни соболь, ни тигръ не пробѣгали по тайгѣ: да и самой тайги тогда не было. Земля нагрѣвалась тогда тремя солнцами и оттого было такъ жарко на ней, что камни кипѣли въ горахъ, и человѣкъ принужденъ бывалъ бѣгать по воздуху и ходитъ по водѣ. Надоѣло ему, наконецъ, такое житье и, вотъ, чтобы разъ на-всегда избавить землю отъ жары, а себя отъ тоски,—порѣшилъ онъ два солнца убить. Взялъ онъ лукъ и стрѣлу и пошелъ на охоту. Долго-ли, коротко шелъ онъ,—наконецъ, ему удалось оба солнца изъ лука убить и потопить ихъ въ водѣ. Сразу стало прохладно на свѣтѣ, и онъ переѣхалъ на землю, которая понемногу остыла, покрылась тайгой, сохранивъ только въ горахъ въ видѣ воспоминанія объ этомъ „горячемъ времени" ноздреватые камни, когда-то кипѣвшіе отъ тройнаго вліянія солнца.

Человѣкъ этотъ,—конечно, орочъ,—спустившись на землю, жилъ тогда не такъ хорошо, какъ теперь живутъ тазы: онъ жилъ тогда въ видѣ животнаго, не имѣлъ ни одежды, ни особой пищи, ни особаго языка. Да и все было тогда не такъ, какъ теперь: рѣки имѣли двойныя теченія *), деревья были прочны, какъ камни, камни горѣли—точно деревья. Все это измѣнилось случайно, благодаря ходатайству выдры предъ добрымъ духомъ Андури Боа́. Однажды случилось ей вмѣстѣ съ дѣтенышемъ плыть по рѣкѣ; на самой рединѣ рѣки выдра попала въ одно теченіе, а ея дѣтенышъ въ другое. Не успѣла она оглянуться,

*) Т.-е., у одного берега вода текла къ одну сторону, у другого—въ другую.

какъ дѣтенышъ исчезъ у нея изъ глазъ, а, наконецъ, и вовсе пропалъ. выдра отправилась къ Андури Бэ̀

— О, Андури! — воскликнула огорченная выдра. Не хорошо на землѣ: человѣкъ—словно звѣрь, деревья—какъ камни, камни — какъ деревья горятъ, въ рѣкѣ—два различныхъ теченія, и я потеряла ребенка. Помоги, добрый духъ!

Андури задумался надъ жалобой выдры и, поразмысливъ, велѣлъ выдрѣ вѣчно жить въ рѣкѣ и лишь изрѣдка выходить на землю и глядѣть, какъ живутъ другія животныя; человѣка-же онъ выдѣлилъ изъ среды животныхъ и поставилъ его выше ихъ всѣхъ. Вотъ этотъ-то человѣкъ и былъ первымъ орочемъ, родоначальникамъ та́зовъ. Онъ сдѣлалъ себѣ юрту и жилъ въ ней одинъ, ловя рыбу, промышляя звѣрей и славя Андури. Однажды къ нему въ юрту забрела Кіоча (утка) изъ дальняго лѣса. Пришла и положила голову къ нему на колѣни. Сталъ онъ кормить ее и съ теченіемъ времени она выросла, располнѣла, стала „большая-большая“, начала понимать человѣческую рѣчь, и даже сама стала говорить человѣчьимъ языкомъ. Прошло еще немного времени, надѣла она на себя платье, стала настоящей женщиной и сдѣлась женою ороча. Спустя нѣсколько лѣтъ, у нея появились и дѣти—сынъ и дочь. Орочъ отвелъ ихъ въ тайгу и поселилъ въ отдѣльной юртѣ. Однажды сынъ его возвратился съ охоты и, не найдя сестры дома, снова отправился въ тайгу. Сестра его тѣмъ временемъ ушла далеко въ глубь тайги сдѣлала себѣ тамъ новую юрту и тотчасъ-же кратчайшей дорогой возвратилась домой. По приходѣ брата она разсказала ему, что была въ тайгѣ, видѣла тамъ новую юрту, а въ ней женщину, которая просила прислать его къ ней.

По ея указанію, братъ отправился въ лѣсъ и послѣ долгихъ поисковъ нашелъ, наконецъ, юрту. Входитъ внутрь и видитъ въ ней женщину, которая сидитъ, закрывшись руками. Раскрывъ ей лицо, онъ поразился ея сходствомъ съ сестрой. Она, однако-жъ, увѣрила его, что она совсѣмъ чужая ему. Тогда онъ женился на ней и сильно радовался, что приведетъ сестрѣ въ домъ помощницу въ хозяйствѣ. Когда-же онъ, однако, три дня спустя вернулся съ женою домой, то сестры не засталъ тамъ, конечно, и тутъ только убѣдился, что сдѣлался жертвой обмана съ ея стороны. Погоревалъ орочонъ, да нечего дѣлать.

Такимъ образомъ, мало-по-малу, количество орочонскихъ юртъ въ тайгѣ увеличивалось и сдѣлалось ихъ тамъ уже довольно много, такъ

что скоро уже почти все у нихъ было такъ, какъ и теперь у орочей, съ тою лишь разницей, что не знали тогда орочи ни болѣзни, ни смерти; только впослѣдствіи появились они у орочей. И вотъ какъ случилось это. Молодой орочонъ, сынъ одного шамана, полѣзъ на утесъ доставать яйца морской утки, свившей себѣ гнѣздо тамъ. Утесъ былъ крутой и почти совсѣмъ гладкій. Набравши яйца, онъ хотѣлъ уже слѣзть, да оступился, упалъ на камни и разбился. Шаманъ-отецъ сталъ сильно роптать на несправедливость Андури. Долго шаманилъ онъ предъ лицомъ духовъ орочей, наконецъ ушелъ въ горы вырылъ глубокую яму и сказалъ:

— Пусть эта яма будетъ дорогою въ Бунни-Боа (т.-е. въ рай, куда рано или поздно всѣ люди должны отправляться).

Такъ и случилось затѣмъ: нашаманилъ шаманъ. Бунни Боа—это міръ подъ землей: тамъ есть земля и тайга, солнце, вода, человѣкъ безъ трудовъ и усилій имѣетъ тамъ все, что стремился имѣть на землѣ. Попавшіе въ Бунни орочи живутъ долго-долго, затѣмъ умираютъ и, какъ дымъ, поднимаются снова на землю, гдѣ въ видѣ маленькихъ возрождаются снова для новой жизни на землѣ. Правда, не всѣ попадаютъ въ Бунни Боа. Есть для многихъ орочей другое мѣсто, куда они отправляются послѣ своихъ земныхъ странствій:—это Окки Боа (адъ), куда переходятъ всѣ недобрые люди. Въ Окки—всегда холодно и темно, и орочи съ большимъ трудомъ добываютъ себѣ все необходимое. Путь съ земли въ подземный міръ очень извилистый, сбивчивый: только хорошіе, богатые, благочестивые орочи находятъ дорогу въ Бунни; дурные-же тазы, сколько ни бьются, все попадаютъ въ Окки.

Такъ разсказываетъ орочонское преданіе о появленіи орочей въ уссурійской тайгѣ. Въ настоящее время орочей сохранилось такъ мало (они ютятся, по преимуществу, близъ Императорской Гавани), что о нихъ уже нельзя говорить какъ объ отдѣльномъ народѣ: на всемъ этомъ пространствѣ они размѣщаются въ небольшихъ и рѣдкихъ селеніяхъ, насчитывающихъ всего-на-всего нѣсколько сотъ душъ. Это уже, слѣдовательно, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ г. Маргаритовъ,—не племя, а остатки когда-то большаго племени и намъ теперь приходится говорить уже не о немъ, а о послѣднихъ его представителяхъ...

Выборъ мѣста для орочонскаго селенія обусловливается, главнымъ образомъ, пригодностью рѣки для захода въ нее рыбы для метанія икры. Поэтому-то всѣ немногочисленныя селеньица ихъ и расположены преимущественно при устьяхъ рѣкъ: Ботиль, Коппи, Худэ, Уй,

Дю-анко и Тунджи. Однако-же, орочей отнюдь нельзя считать вполнѣ осѣдлымъ племенемъ, вполнѣ прикрѣпленнымъ къ тому или другому поселенiю: „каждый орочъ, по завѣтной привычкѣ къ кочеванiю, причисляетъ себя къ тому или другому поселенiю и живетъ въ немъ лишь до тѣхъ поръ, пока житейскiя обстоятельства позволяютъ жить". Обстоятельства-же жизни орочей до того измѣнчивы, что рѣдкiй изъ нихъ живетъ большую часть жизни въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, и это находится въ прямой зависимости отъ степени богатства рыбой той или другой мѣстности и отъ необходимости искать все болѣе и болѣе „рыбныхъ мѣстъ". Мало-по-малу, переселенiе съ мѣста на мѣсто переходитъ въ такую привычку къ кочевому образу жизни, что зачастую мѣсто жительства мѣняется уже безъ всякихъ серьезныхъ причинъ и основанiй.

Въ послѣднiе годы, благодаря влiянiю русской администрацiи, многiе изъ орочей начинаютъ уже обзаводиться, взамѣнъ легко переносимыхъ юртъ, болѣе фундаментальными постройками, и это волей-неволей прикрѣпляетъ ихъ понемногу къ одному опредѣленному мѣсту. Впрочемъ, лѣтомъ во время жаровъ орочи покидаютъ эти бревенчатыя избы и поселяются по-прежнему въ юртахъ, представляющихъ собою двухъ-скатный балаганъ въ формѣ трехгранной призмы, поставленной на землю четырехъугольной стороной. Такая юрта не имѣетъ ни оконъ, ни дверей; вмѣсто послѣднихъ—четырехъугольное отверстiе, прикрываемое либо натянутой на деревянную раму рыбьей кожей, либо берестой, сшитой въ два слоя.

Благодаря такому устройству, юрта является очень плохой защитницей отъ холода и вѣтра, пронизывающаго ее зимою по всѣмъ направленiямъ. Смрадъ отъ дыма и рыбьяго жира, вонь отъ прѣлаго тряпья и отъ всевозможныхъ выдѣланныхъ и невыдѣланныхъ кожъ наполняютъ всю юрту и составляютъ ея неотъемлемыя свойства во всѣ времена года.

Прелести этого жилья достаточно обрисовываются уже и этимъ описанiемъ его. Можно, однако, представить себѣ, что дѣлается въ этой юртѣ зимою! По словамъ лица, командированнаго въ текущемъ 1897 г. для производства переписи орочонъ, у него не только замерзали чернила на перѣ, но замерзалъ въ ороченской юртѣ даже коньякъ.

Въ этой-то жизненной обстановкѣ и видятъ причину быстраго вымиранiя этого когда-то господствовавшаго въ краѣ племени: всякая эпидемическая болѣзнь, разъ забравшись въ ихъ среду, находитъ себѣ здѣсь всѣ условiя для своего развитiя. И въ этомъ, въ сущ-

пости, нѣтъ ничего удивительнаго; стоитъ только заглянуть внутрь любой юрты, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ благопріятна здѣсь обстановка для развитія самой усиленной смертности среди этого первобытнаго племени.

Внутренняя обстановка юрты представляется зрителю въ слѣдующемъ видѣ. По самой рединѣ ея — продолговатый очагъ съ системой нависшихъ надъ нимъ просаленныхъ и прокопченныхъ помостовъ, предназначенныхъ для храненія юколы, т. е. прокопченной рыбы, играющей у орочей роль хлѣба—у европейцевъ и риса—у японцевъ и китайцевъ. По бокамъ, отступя отъ помостовъ на аршинъ-полтора, возвышаются нары, покрытыя берестой и переполненныя всевозможнымъ хламомъ: на этихъ нарахъ хранится все движимое имущество ороча: все, чѣмъ онъ владѣетъ, помѣщается здѣсь либо рядомъ съ нимъ, или въ ногахъ, или подъ головой, или подъ бокомъ. Что-бы вы ни спросили у ороча,—ему весьма рѣдко приходится встать съ наръ, чтобы достать нужную вамъ вещь; обыкновенно, наклонившись въ ту или другую сторону, онъ, не вставая съ наръ, можетъ дать вамъ все, чего только можно ожидать отъ него.

„Вся юрта переполнена дымомъ и невозможнымъ смрадомъ, а посреди этого хаоса, какъ-бы для оживленія картины, сейчасъ у входа на корточкахъ сидитъ хозяйка дома съ какой-нибудь работой“,—разсказываетъ г. Маргаритовъ;—„на полу, среди шкуръ и тряпокъ, спятъ или валяются грязныя дѣтишки зачастую вмѣстѣ съ собаками, а на нарахъ, полулежа, растянулся орочъ съ трубкой въ зубахъ“... „Сидятъ они оба и молчатъ, погрузившись въ какую-то глубокую думу; и если-бы не миганье глазъ ороча и не движеніе пальцевъ орочонки, то ихъ также можно было-бы принять за груду хлама, такъ какъ одѣяніе ихъ до того грязно и изорвано, что издалека совсѣмъ немудрено смѣшать ихъ съ кучей тряпья. Если въ юртѣ живутъ двѣ семьи, то такую же картину вы видите въ другомъ углу, у другой двери; бываютъ въ одной юртѣ и три семьи *и даже больше*; тутъ уже ничего не разберешь, гдѣ кончаются предѣлы одной четы и гдѣ начинаются владѣнія другой“.

Шесть-семь такихъ юртъ, разбросанныхъ у берега рыбной рѣченки на низменномъ берегу, окаймляемомъ лѣсистой горою съ тылу,—вотъ и все селеніе орочей въ тайгѣ.

Съ разсвѣтомъ орочи обыкновенно уже пробуждаются отъ продолжительнаго и крѣпкаго ночнаго сна, село оживляется, и повсюду замѣчается движеніе: мужчины отправляются на рыбную ловлю, а жены принимаются за уборку готовой рыбы и приготовленіе мѣста для свѣжей.

Часа черезъ два рыболовы возвращаются въ юрты и почти полуголые садятся пить чай (кирпичный):—это время самаго сильнаго оживленія въ орочонскомъ селѣ: „женщины, окруженныя вереницею дѣтей и собакъ, обдираютъ и рѣжутъ свѣжую рыбу. Гамъ дѣтей, сосущихъ рыбьи головы, ворчанье дерущихся собакъ, карканье воронъ — стономъ стоятъ надъ угрюмой тайгой". Тѣ-же самыя сцены повторяются и послѣ вечерняго улова. Съ угасаніемъ зари орочи ложатся спать, и если сосѣдній шаманъ не вздумаетъ оглашать окрестности ударами въ бубенъ и своими дикими раздирающими душу завываніями, то наступаетъ полнѣйшая тишина, изрѣдка нарушаемая воемъ собакъ, головъ въ 50 сразу.

Для человѣка непривычнаго, говоритъ цитируемый мною авторъ, этотъ вой кажется чѣмъ-то невѣроятнымъ. Когда онъ услышалъ его въ первый разъ, то никакъ не могъ сразу сообразить, что такое вокругъ него творится, и только тогда, когда орочъ закричалъ на нихъ свое обычное „тай", и собаки одна за одной стали затихать,—тогда только онъ различилъ, что это вой собакъ.

Занятія и работы у орочей распредѣлены крайне неравномѣрно между мужчинами и женщинами: „все, что относится къ добыванію и пріобрѣтенію, находится въ рукахъ мужчины, а все, что касается обдѣлыванія и обработки добытаго,—все это лежитъ на рукахъ женщины". Но такъ какъ требованія орочей крайне неприхотливы, то занятія мужчины, хотя и трудны и подъ-часъ рискованны,—все-же непродолжительны, занятія-же женщины, хотя и болѣе легки,—обильны и кропотливы. Вотъ почему, конечно, „орочъ, когда на него ни посмотри, все лежитъ да трубку куритъ, а женщина всегда что-нибудь да дѣлаетъ". Потребности ороча, дѣйствительно, до сказочнаго невелики и неприхотливы.

— Орочъ—говорятъ они,—все кушай умѣй. Если орочъ одна кушай, а другое не кушай, то орочъ скоро умирай.

И, въ самомъ дѣлѣ, они ѣдятъ все, кромѣ змѣй, которыхъ они считаютъ нечистыми; ѣдятъ притомъ съ солью или безъ соли, въ сыромъ или вареномъ видѣ,—какъ придется.

Внѣшность ороча неказиста на видъ: бѣлый или синій халатъ изъ дабы, замѣняющій ему и верхнюю одежду и бѣлье (зимой—халатъ изъ собачьихъ шкуръ), дабовые-же шаровары съ наколѣнниками изъ рыбьей кожи, обувь изъ рыбьей-же кожи, мѣховая шапка, — вотъ и весь костюмъ орочона. Необходимою принадлежностью мужскаго костюма является, впрочемъ, поясъ, подпоясы-

вающій халатъ, къ которому всегда, гдѣ-бы обладатель его ни находился, привязаны два ножа въ берестовыхъ или кожаныхъ ножнахъ: одинъ изъ нихъ—узкій и длинный—замѣняетъ орочу всякій инструментъ: онъ просверливаетъ имъ дыры, строгаетъ какъ рубанкомъ, выдалбливаетъ и вырѣзываетъ имъ все, что угодно. Другой ножъ — короче и шире, употребляется имъ для ѣды и вообще для незатѣйливыхъ работъ. Если прибавить къ этому кисетъ для табаку, съ мѣдной или костяной бляхой на ременной затяжкѣ, то читатель будетъ имѣть полное представленіе объ обыкновенномъ мужскомъ костюмѣ ороча.

Костюмъ орочекъ мало чѣмъ отъ него отличается.

Разница сводится не къ покрою его, а лишь къ цвѣту и матеріалу, изъ котораго онъ дѣлается. Такъ, на костюмахъ орочекъ—всегда яркаго цвѣта — бываетъ больше украшеній въ видѣ мѣдныхъ бляхъ и разноцвѣтныхъ обшивокъ и узоровъ. Преобладающими цвѣтами являются желтый и красный, затѣмъ голубой и коричневый, причемъ, по требованіямъ мѣстнаго вкуса, костюмъ долженъ быть всегда двухъ- или даже трехъцвѣтный, что является, конечно, съ точки зрѣнія европейца, страшной безвкусицей. Необходимымъ украшеніемъ, кромѣ побрякушекъ, навѣшанныхъ на спинкѣ халата, являются у женщинъ серьги, состоящія изъ серебрянаго кольца діаметромъ въ дюймъ, и нѣсколькихъ кружковъ изъ цвѣтнаго камня, привѣшенныхъ къ кольцу. Эти серьги очень тяжелы; однако-же, чѣмъ богаче орочонка, тѣмъ больше такихъ серегъ носитъ она; многіи носятъ даже до полудесятка ихъ въ каждомъ ухѣ.

Замѣчу при этомъ, что костюмы женщинъ и дѣтей шьются главнымъ образомъ изъ рыбьей кожи, артистически выдѣлываемой женщинами-же *). Мужчины носятъ рыбью кожу только лѣтомъ, и то не

*) По описанію г. Маргаритова, кожу для одежды орочки снимаютъ со всѣхъ большихъ рыбъ: кэты, горбуши, кунджи, чумы, трески и др., но, главнымъ образомъ, съ рыбы хое. Сдѣлавъ надрѣзъ вдоль линіи живота, „орочка очень ловко и проворно обдираетъ кожу съ обоихъ боковъ рыбы; гдѣ были плавники, образуются дыры, на которыя затѣмъ кладутся заплатки. Каждая шкурка растягивается на палочкѣ и засушивается или на солнцѣ или надъ очагомъ, гдѣ она и прокапчивается, отъ чего лучше выдерживаетъ сырость. Дальнѣйшая обработка производится такъ: на толстомъ бревнѣ дѣлается выемка, глубиною дюйма въ два и шириною въ дюймъ. Сухую шкурку, скомкавши какъ попало, кладутъ въ эту выемку и начинаютъ бить по ней сильно затупленнымъ желѣзнымъ топоромъ, или сдѣланнымъ спеціально для этого деревяннымъ топоромъ. Шкурка, повороченная нѣсколько разъ подъ ударами, становится мягкою и годною для употребленія“.

всегда: для зимней охоты рыбья кожа холодна, а лѣтомъ, вслѣдствіе раскисанія ея отъ воды, для орочей, находящихся зачастую на водѣ или подъ дождемъ, она неудобна.

Преоблающимъ занятіемъ орочей является, еднако, не рыболовство, а охота по пушному звѣрю и, именно. по соболю.

„Промышлять соболя“ — это, по словамъ г. Маргаритова, все, вокругъ чего группируется жизнъ ороча; вся лѣтняя и весенняя жизнь состоитъ изъ ряда приготовленій къ пушному промыслу: рыбу заготовляютъ лѣтомъ для того, чтобы зимою быть свободнѣе для пушнаго промысла, одежду шьютъ для того, чтобы зимою было въ чемъ ходить на охоту.

Появленіе перваго снѣга, приблизительно въ началѣ октября,— знаменуетъ собой для ороча начало охотничьяго періода. Еще за двѣ-три недѣли до этого начинаются подготовительныя работы въ орочонскихъ селеніяхъ: приводятся въ порядокъ снасти, ремонтируются охотничьи принадлежности, готовятся запасы юколы.

Какъ только показался первый снѣжокъ, орочъ. по-старинному обычаю, идетъ въ тайгу на горы молиться Богу, дабы онъ помогъ ему во время предстоящаго сезона преодолѣть всѣ несчастія и препятствія и послалъ ему удачу въ охотѣ. Сверхъестественная сила, въ рукахъ которой находится вся жизнь ороча и возможность распоряжаться всякой живностью въ тайгѣ, называется у орочей Андури. Вотъ этому-то сверхъестественному существу каждый орочъ, хотя-бы онъ былъ христіаниномъ, и считаетъ своимъ долгомъ помолиться передъ отправленіемъ на промыселъ.

По описаніямъ очевидцевъ, молитва эта производится слѣдующимъ образомъ.

Каждый домовитый орочъ еще съ лѣта старается пріобрѣсти фунта два крупы и заготовить какую-либо ягоду. Изъ этой крупы самимъ орочемъ, и отнюдь не его женою, приготовляется каша, перемѣшивается съ ягодой и обливается нерпичьимъ или оленьимъ жиромъ. Если нѣтъ крупы, то приготовляется каша изъ смѣси толченой юколы и ягодъ. Зашедши въ тайгу, орочъ садится на колѣни и говоритъ:

— Андури, Андури! Я орочъ бѣдный, часто хворай, ноги боли, рука боли, долго тайга ходи не могу... Пошли моя пленка *) соболя лучше и больше! Пошли моя стрѣла оленя, моя ловушка кабарожку!..

*) Пленка — западня.

Орочи.

Проговоривъ громко и заунывно эту просьбу, орочъ разбрасываетъ на всѣ четыре стороны кашу, а если есть при этомъ водка, то разливаетъ и водку.

Весь этотъ день вплоть до самаго вечера орочъ ровно ничего не дѣлаетъ, а на другой день рано утромъ беретъ съ собой все необходимое и уходитъ въ тайгу для разстановки пленокъ и стрѣлъ на нѣсколько дней. Съ собой онъ беретъ очень мало запасовъ: фунта четыре крошеной юколы въ мѣшечкѣ изъ рыбьей кожи, кусокъ кирпичнаго чаю и чайникъ. Само собою разумѣется, орочу приходится во время своихъ странствованій по тайгѣ—иногда весьма продолжительныхъ—терпѣть не мало отъ голода и холода. Спитъ онъ, большей частью, зарывшись въ сугробъ снѣга; въ погонѣ за соболемъ удаляется все глубже и глубже въ тайгу, пока у него не выйдетъ вся провизія. Благодаря этому, обратный путь, иногда въ теченіи двухъ-трехъ дней, орочу почти всегда приходится совершать безъ провизіи. Впрочемъ, орочи нашли очень оригинальный, хотя и едва-ли достигающій своей цѣли выходъ изъ такого неудобнаго положенія: они стараются возможно больше ѣсть предъ отправленіемъ на охоту. Г. Маргаритову указывали, напримѣръ, одного ороча, который чрезвычайно много ѣлъ предъ отправленіемъ на промыселъ, но за то уже въ тайгу съ собой совсѣмъ ничего не бралъ и ходилъ тамъ обыкновенно съ пустымъ желудкомъ дней 6—7 подъ рядъ.

Охотится орочъ въ тайгѣ, главнымъ образомъ, за соболемъ; при случаѣ не упускаетъ онъ, однако, случая поохотиться и за другимъ звѣрьемъ, попадающимся ему на пути: за лисицей, выдрой, кабаргой и бѣлкой, а изрѣдка и за лосемъ, медвѣдемъ, нерпами и сивучемъ, но особенно за кабаргой, водящейся въ изобиліи въ районѣ расположенія орочонскихъ селеній и дающей ему „струю", т. е. мускусъ, охотно покупаемый у этихъ бродячихъ охотниковъ не только маньчжурами и китайцами, но зачастую и русскими купцами.

Оригинальныя вѣрованія существуютъ у орочей во время охоты на нерпъ и сивучей. Такъ, напримѣръ, весною, когда, по увѣренію ороча, убитые нерпы и сивучи не тонутъ, орочи охотятся за ними на лодкахъ. Нерпы или сивучи, бьются ружьемъ и, по обычаю, являются общимъ достояніемъ всѣхъ орочей, находящихся въ лодкѣ. Въ другое время года орочи подкрадываются ночью къ соннымъ нерпамъ и сивучамъ на лодкахъ-же („оморочкахъ") и бьютъ ихъ острогой. Однако-же, ни одинъ орочъ никогда не убиваетъ спящаго животнаго. Приблизившись къ нему, орочъ направляетъ въ него острогу, въ

то-же время стукомъ или крикомъ будитъ его, и какъ только животное пошевелится, орочъ тотчасъ-же вонзаетъ въ него острогу.

По увѣреніямъ орочей, пушной и вообще звѣровой промыселъ, въ силу таежныхъ передрягъ, годъ отъ году ухудшается; даже такія животныя,—говорятъ они,—какъ нерпа и сивучъ, пользующіяся болѣе устойчивой жизненной средой, именно—моремъ, и тѣ, какъ говорятъ орочи, уменьшаются въ численности. Одинъ видъ нерпъ, именно бѣлый, за послѣднее время вовсе исчезъ изъ окрестностей Императорской Гавани, и здѣсь осталась только пятнистая нерпа. Что же касается наземныхъ животныхъ, то они уменьшаются еще въ большей степени, благодаря частымъ паламъ, неравномѣрно снѣжнымъ зимамъ, обмелѣнію рѣкъ и т. п.

Всѣ эти невзгоды, по убѣжденію орочей, проявились у нихъ съ появленіемъ въ ихъ мѣстахъ европейцевъ и въ частности—русскихъ. Даже такое явленіе, какъ громъ,—увѣряютъ они,—они услышали впервые лишь тогда, когда узнали русскихъ.

Признавая, съ своей стороны, уменьшеніе соболей и вообще таежной живности фактомъ, находящимся въ связи съ появленіемъ европейцевъ въ предѣлахъ Императорской Гавани, почтенный изслѣдователь считаетъ главной причиной этого таежные пожары, уничтожающіе не только логовища и излюбленныя мѣста животныхъ, но и самихъ животныхъ, и которые въ сильныхъ размѣрахъ, иногда на нѣсколько десятковъ верстъ въ длину и ширину, начали происходить именно съ появленіемъ въ тайгѣ европейцевъ, не дорожащихъ богатствами тайги и обходящихся съ огнемъ не такъ осторожно, какъ орочъ, которому въ тайгѣ приходится питаться, одѣваться и коротать свою обездоленную жизнь.

По собраннымъ имъ, напримѣръ, свѣдѣніямъ, пушной и вообще звѣровой промыселъ среди орочей за послѣдніе годы можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ цифрахъ: самый лучшій, т.-е. вполнѣ здоровый и рьяный охотникъ бьетъ въ годъ соболей до семидесяти, лисицъ—до тридцати и другихъ животныхъ—до 75 штукъ. Охотникъ средней руки бьетъ соболей до сорока, лисицъ—до пятнадцати и другихъ животныхъ—до пятидесяти штукъ; и, наконецъ, лѣнивый или дряхлый охотникъ бьетъ соболей до десяти и прочихъ животныхъ до двадцати штукъ; да и эта добыча является, впрочемъ, лишь дѣломъ счастливаго случая.

Вторымъ, по важности, промысломъ послѣ пушнаго является рыболовство, имѣющее цѣлью добычу и приготовленіе главнаго жизненнаго про-

дукта орочей, юколы, или иначе—сушено-копченой рыбы. Для юколы употребляется по преимуществу кэта и горбуша, какъ потому, что изъ всѣхъ сортовъ рыбы, добываемой орочами, эти сорта отличаются наибольшей мясистостью и малокостистостью, такъ и потому, что кэта и горбуша всегда въ опредѣленное время года большими стадами собираются у устьевъ рѣкъ и входятъ въ нихъ для метанія икры и, слѣдовательно, удобны для улова ихъ массами, такъ еще и потому, что метаніе икры кэтой и горбушей совпадаетъ какъ разъ съ такимъ временемъ года, когда орочи не заняты своимъ звѣровымъ промысломъ и, слѣдовательно, для нихъ болѣе всего удобно и возможно удѣлять больше времени для заготовленія изъ нихъ юколы. Ловятъ орочи рыбу неводами, сѣтями, острогами, удочками, крючками и т. д..—чѣмъ придется.

Продукты пушнаго, вообще звѣроваго и рыбнаго промысловъ идутъ у орочей частью на жизненную потребу ихъ самихъ, частью на покупку другихъ необходимыхъ вещей у пріѣзжающихъ къ нимъ купцовъ. Торговля ведется почти исключительно мѣновая и только въ рѣдкихъ случаяхъ можно встрѣтить, что орочъ за свои товары проситъ денегъ; въ большинствѣ-же случаевъ, онъ мѣняетъ ихъ на необходимые для себя предметы: табакъ, чай, порохъ, свинецъ, крупу, металлическую посуду, матеріи, различнаго рода украшенія: серьги, пуговицы, ожерелья и т. п.

Цѣну своей пушнины орочъ знаетъ и довольно вѣрно опредѣляетъ стоимость ея въ рубляхъ *); но за то онъ не знаетъ цѣны предлагаемыхъ ему товаровъ, что ведетъ къ злоупотребленіямъ со стороны пріѣзжихъ купцовъ.

Нужно имѣть при этомъ въ виду, что сами орочи никуда не возятъ своихъ товаровъ. Единственнымъ исключеніемъ во время пребыванія среди нихъ г. Маргаритова, являлся только одинъ орочъ, по иниціативѣ русскихъ властей сдѣлавшійся самостоятельнымъ купцомъ. Этотъ купецъ не только возитъ свою пушнину въ Николаевскъ (въ устьѣ Амура), но предъ отправленіемъ скупаетъ ее и у другихъ орочей. Обыкновенно-же купцы съ Амура сами пріѣзжаютъ сюда, хотя подобныя путешествія въ уединенныя среди дремучей тайги поселенія орочей и совершаются ими съ огромнымъ трудомъ и лишеніями, въ виду того, что сухопутное сообщеніе между Амуромъ и Императорской Гаванью,

*) Средняя цѣна соболя на орочонскомъ рынкѣ—5 р., лисицы—тоже, выдры—по 1 р. четверть, струя взрослой кабарги—около 3 р.

вслѣдствіе непроходимыхъ горъ и тайги, возможно только зимою, когда всѣ рѣки покрываются льдомъ. Но и въ этомъ случаѣ сообщеніе должно производиться на собакахъ, запряженныхъ въ нарты. Во все остальное время орочи почти совершенно отрѣзаны отъ всего внѣшняго міра. Но какъ трудно проникнуть къ нимъ даже зимою, можно видѣть хотя-бы изъ слѣдующаго неприкрашеннаго разсказа чиновника, (командированнаго въ началѣ текущаго (1897) года въ бассейнъ р. Има для производства переписи среди орочонъ), о тѣхъ лишеніяхъ, которымъ ему пришлось подвергнуть себя на этомъ пути. „Путь нашъ,—разсказываетъ онъ, между прочимъ, въ одной изъ мѣстныхъ газетъ,—былъ совершенъ по руслу рѣкъ и ручьевъ, причемъ, выйдя изъ Графской 26 января, послѣ громадной пурги, экспедиція должна была на протяженіи первыхъ 85 верстъ прокладывать нартовый путь по заносамъ. Затѣмъ по водораздѣлу съ Има на Ваку безъ пути мѣсила $3^1/_2$ фут. снѣгъ на протяженіи 67 верстъ и, наконецъ, послѣднія 83 версты, въ низовьяхъ Ваку, опять безъ всякаго слѣда, по сырому весеннему снѣгу и по водѣ вскрывшихся горныхъ ручьевъ. Не разсчитывая, отправляясь изъ Владивостока,—продолжаетъ дальше разсказчикъ,—идти пѣшкомъ, я былъ одѣтъ для поѣздки въ тяжелую кухлянку и валенки, но послѣднія скоро вынужденъ былъ замѣнить унтами, а первая развила столь сильную крапивную лихорадку, что не имѣя возможности омываться въ холодѣ орочонскихъ юртъ, дабы избавиться отъ мучительной сыпи, я заставлялъ объѣздчика *каждыя четыре версты выскабливать перочиннымъ ножемъ свою больную спину*... Дождь 28 февраля, сдѣлавъ снѣгъ мягкимъ и мокрымъ и вскрывъ ручьи, заставилъ нѣкоторыя мѣста проходить лишь по ночному морозцу. Такіе переходы столь трудны, что, при условіи розыска обходовъ, прорубанія береговыхъ зарослей, мятья лыжами дороги для нартъ и, наконецъ, самаго ихъ протаскиванія мѣстами можно было двигаться *въ часъ лишь по 33 сажени*... Въ общемъ-же въ 1 часъ экспедиція проходила отъ 2 до 3 верстъ, а въ сутки—отъ 10 до 13 верстъ!. Послѣ большихъ переходовъ въ мягкой обуви, кромѣ водяныхъ пузырей, подошва становилась столь болѣзненной, что ступать на нее было невыносимо и, дабы продолжать движеніе на слѣдующій день, ее приходилось натирать манзовской водкой; но мучительнѣе всего было мѣсеніе глубокаго мокраго снѣга; однажды, дошедши до полнаго изнеможенія, я былъ положенъ въ нарты и такъ меня везли до бивуака—холоднаго орочонскаго балагана-юрты... Подъ конецъ экспедиціи зимній костюмъ, плотно пригнанный во Владивостокѣ, потребовалъ ту-

гаго ремня и висѣлъ мѣшкомъ, а общее изнуреніе было столь велико, что послѣднія 89 верстъ пришлось идти на лыжахъ и отъ неумѣнья ими пользоваться—люди падали во весь ростъ то впередъ, то назадъ". Въ результатѣ—ноги путешественника не выдержали такой непосильной работы и 2-хъ-недѣльная ходьба въ мокрой до колѣнъ обуви и паденіе съ лыжъ развили въ сочлененіяхъ стопъ обѣихъ ногъ ревматизмъ и разрывы мелкихъ сосудовъ. Изъ другихъ же членовъ экспедиціи—у объѣздчика отъ постояннаго пребыванія въ шапкѣ *заболѣли волосы*, а отъ постояннаго пользованія консервами, объѣздчикъ, орочонъ и манза заболѣли общераспространенной орочонской болѣзнью—слѣпотой...

Послѣ этого неудивительно, что эти бѣдные полудикари, отрѣзанные отъ всего внѣшняго міра обираются и эксплоатируются самымъ безцеремоннымъ образомъ наѣзжающими къ нимъ зимою купцами, по преимуществу гольдами и манзами. Въ свою очередь, и эти послѣдніе такъ ведутъ себя здѣсь, вдали отъ всякаго контроля русскихъ властей, что орочи положительно трепещутъ предъ ними.

Хроника орочонской жизни знаетъ не одинъ случай жестокаго обращенія и самой беззастѣнчивой эксплоатаціи орочей этими наѣзжими купцами-инородцами. Такъ, по словамъ г. Маргаритова наѣзжающіе сюда купцы манзы или гольды безъаппелляціонно требуютъ корму для своихъ собакъ, не обращая рѣшительно никакого вниманія на то, есть-ли у несчастнаго ороча лишняя юкола, или нѣтъ. Бываютъ случаи, что для собакъ отбираютъ у ороча весь запасъ юколы, и семья ороча остается безъ куска провизіи. Изслѣдователю самому пришлось видѣть на р. Тунджѣ, въ с. Осько, одного купца-манзу, который цѣлое лѣто безплатно живетъ у ороча и подъ-часъ еще колотитъ его за лѣность. Путешественникъ выражаетъ, впрочемъ, надежду, что скоро, настанетъ время, когда орочи уразумѣютъ свою правоту и избавятся отъ этихъ пьявокъ-дармоѣдовъ, высасывающихъ изъ нихъ послѣдніе соки. Дождутся-ли, однако, орочи наступленія такого времени: угасаніе ихъ идетъ чрезвычайно быстрыми шагами...

Есть уже, однако, и среди орочей свой купецъ.—это старшина селеній, разбросанныхъ на рр. Ходэ, Уй и Май,—извѣстный „Ванька Кузнецъ". Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда орочи, выведенные изъ терпѣнія, жаловались на притѣснителя, гольда Нопа, жившаго въ Императорской Гавани и эксплоатировавшаго орочей, скупая у нихъ за безцѣнокъ, *а иногда и отбирая силой* соболей,—русская администрація вытѣснила этого тунеядца и дабы избавить орочей отъ другихъ,

могущихъ заступить его мѣсто, рѣшила, что лучше образовать купца изъ среды самихъ орочей, давъ ему кое-какія наставленія. Выборъ палъ на „Ваньку-Кузнеца“ и оказался весьма удачнымъ. Это, по словамъ очевидца, человѣкъ энергичный, толковый и мало придерживающійся старинныхъ орочонскихъ предразсудковъ. Дѣло сначала шло хорошо; жаль только, прибавляетъ путешественникъ, что Ванька слишкомъ скоро понялъ суть торговыхъ операцій и уже къ концу третьяго года сдѣлался кулакомъ не хуже тѣхъ, которые были раньше. Такъ, онъ вошелъ въ сдѣлку съ тѣми купцами, которые раньше сами пріѣзжали къ орочамъ, кредитуется у нихъ товарами и въ то-же время съ самымъ плачевнымъ видомъ сообщаетъ своимъ землякамъ о наступившихъ, будто-бы, тяжелыхъ временахъ, страшномъ паденіи цѣнъ на пушнину и подъемѣ цѣнъ нужныхъ имъ товаровъ. Очевидецъ, сообщающій объ этомъ, добавляетъ, что изъ бесѣды съ орочами можно было понять, что „Ванька“ многое извращаетъ предъ глазами орочей о жизни въ Николаевскѣ, о поѣздкѣ туда и тѣмъ самымъ предотвращаетъ желаніе другихъ орочей ѣздить самимъ съ пушниной въ Николаевскъ. Въ видахъ-же сохраненія въ секретѣ цѣнъ на товары онъ бываетъ очень недоволенъ, когда какой-либо посторонній человѣкъ, могущій разоблачить его секретъ, появляется среди орочей.

Впрочемъ, по замѣчанію автора, Ванька хорошъ тѣмъ, что, какъ человѣкъ бывалый, нѣсколько познакомившійся съ бытомъ русскихъ, онъ часто заступается за обиженныхъ, подаетъ совѣты неумѣлымъ, помогаетъ бѣднымъ и научаетъ ихъ многому хорошему; жаль только, что изъ коммерческихъ разсчетовъ онъ оберегаетъ всѣхъ орочей отъ вліянія постороннихъ, отъ которыхъ сами орочи могли-бы тоже чему-нибудь научиться. Для того, чтобы Ванька, какъ человѣкъ торговый, былъ вполнѣ полезенъ для своихъ сородичей, слѣдовало-бы препятствовать ему злоупотреблять своими знаніями и взглядами ради торговыхъ цѣлей и для этого, по мнѣнію его, слѣдовало-бы выставить ему конкуррентовъ изъ среды орочей-же.

Орочи, по дальнѣйшимъ описаніямъ, представляютъ собой замѣчательно неразвитое племя. Уровень развитія ихъ крайне низокъ, область ихъ интересовъ необыкновенно съужена, сосредоточиваясь исключительно на удовлетвореніи самыхъ элементарныхъ потребностей. Благодаря этому, и память является наименѣе развитой у нихъ способностью; способность запоминанія не превышаетъ, напримѣръ, пяти-шести лѣтъ. Никто не знаетъ даже своихъ лѣтъ; даже матери, если ихъ дѣтямъ прошло болѣе пяти лѣтъ, отказываются уже отъ

опредѣленія ихъ возраста. По отзывамъ путешественниковъ, только наиболѣе выдающіеся факты, совершившіеся передъ ихъ глазами и особенно заинтересовавшіе ихъ, остаются болѣе или менѣе долгое время у нихъ въ памяти. Но и въ этомъ случаѣ они помнятъ не годы ихъ возникновенія, а самые факты.

Такъ, напримѣръ, орочи помнятъ не годъ, а фактъ появленія впервые русскихъ въ Императорской Гавани, помнятъ фактъ потопленія воспѣтаго Гончаровымъ знаменитаго фрегата „Паллада“, зимовку въ Императорской Гавани канонерской лодки „Манджуръ“ и т. п.

Мало того, эти особенно крупные факты, происходившіе у нихъ на глазахъ, служатъ даже у нихъ своего рода эрами или эпохами, къ которымъ пріурочено все ихъ лѣтосчисленіе.

Одинъ орочъ на вопросъ, сколько ему лѣтъ?—отвѣтилъ:

— Когда русскіе первый разъ ходи, у меня былъ сынъ, умѣй соболя лови...

Другой, на вопросъ, когда умеръ его отецъ, сказалъ:

— Когда зима стои здѣсь пароходъ („Манджуръ“), отецъ мой сильно хворай и умирай.

Всѣмъ (весьма немногимъ, впрочемъ) посѣтителямъ орочей приходится, какъ уже замѣчено выше, констатировать фактъ весьма замѣтнаго вымиранія этого племени. По исчисленію г. Маргаритова, въ теченіи послѣднихъ 30 лѣтъ численность орочей въ Императорской Гавани уменьшилась *почти въ четыре раза*, и главную причину этого онъ видитъ въ крайне тягостныхъ условіяхъ ихъ жизни, которыя, вмѣстѣ съ ихъ неряшествомъ и нѣкоторыми дикими обычаями, въ концѣ концовъ, вовсе уничтожатъ современемъ это нѣкогда многочисленное племя. Изъ болѣзней, которыми наиболѣе страдаютъ орочи, большая часть принадлежитъ къ экзематознымъ и ревматическимъ; нерѣдко посѣщаютъ ихъ и эпидемическія болѣзни—тифъ и оспа.

Всѣ орочи, обитающіе въ Императорской Гавани, оффиціально считаются православными христіанами, однако-же, подъ прикрытіемъ христіанства, каждый изъ нихъ продолжаетъ по-прежнему ревниво чтить религію своихъ предковъ. Христіанство-же признается ими только для виду и выражается, во-первыхъ, въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ крестъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ гдѣ-нибудь тщательно запрятанный, и, во-вторыхъ, въ томъ, что у каждаго изъ нихъ, на случай пріѣзда кого-либо изъ русскихъ, имѣется русское имя, которое, къ слову сказать, далеко не всякій изъ нихъ помнитъ, такъ какъ въ обыкновенное время всѣ они носятъ свои прежнія орочонскія имена.

Благодаря этому, современные орочи, какъ и самые отдаленные ихъ предки, чтутъ и по прежнему обоготворяютъ своего Андури.

Орочи прибѣгаютъ къ нему съ молитвами во всѣхъ случаяхъ жизни: у него просятъ себѣ пропитанія, у него ищутъ помощи въ промыслѣ, ему же возносятъ жалобы, у него-же просятъ совѣтовъ въ видѣ вразумленія.

Андури—это высшее существо, имѣющее, по вѣрованіямъ орочей, видъ обыкновеннаго человѣка. Онъ живетъ постоянно на небѣ, откуда все видитъ, все слышитъ; оттуда-же онъ распоряжается всѣмъ живущимъ на землѣ чрезъ посредство находящихся въ его распоряженіи второстепенныхъ духовъ: Тэму — начальника моря и Качкамгу—начальника горъ и тайги.

Эти боги—попроще, не чуждаются обыкновенныхъ орочей и, по убѣжденію ихъ, могутъ быть видимы всякимъ орочемъ. Въ подтвержденіе этого, обитатели Императорской Гавани разсказываютъ такую легенду.

Однажды, — разсказываютъ они, — одинъ богатый орочъ, отъ нечего дѣлать, пошелъ въ тайгу собирать кедровые орѣхи. Такъ какъ тайга велика и кедровъ въ ней много, то орочъ очень скоро набралъ цѣлый мѣшокъ кедровыхъ шишекъ. Сѣлъ онъ подъ дерево и началъ ѣсть орѣхи, но въ виду того, что онъ былъ вовсе не голоденъ, то не столько ѣлъ ихъ, сколько разбрасывалъ по сторонамъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, предсталъ предъ нимъ Качкамгу въ образѣ „большаго-большаго“ человѣка, остановился предъ нимъ, сказалъ:—„Зачѣмъ ты зря нарвалъ кедровыхъ орѣховъ?“—и съ этими словами взялъ бѣднаго ороча на плечи и пошелъ на горы.

Спустя нѣсколько времени Качкамгу подошелъ къ большому утесу, въ которомъ была щель. Щель разступилась, и Качкамгу съ орочемъ на плечахъ вошелъ въ нее и очутился въ большой красиво-убранной юртѣ. Въ ней было много всякаго добра, мамокъ (женъ) и дѣтей. Орочъ испугался и не зналъ, что дѣлать. Въ это время онъ вспомнилъ, что Качкамгу, по распоряженію Андури, не можетъ и не долженъ касаться человѣческой крови. Сообразивъ, какое значеніе можетъ это имѣть для него, онъ выхватилъ ножъ и ударилъ имъ себя въ грудь. Изъ груди пошла кровь, которою онъ и поспѣшилъ вымазать всего себя. Качкамгу видитъ, что орочъ „не дуракъ“ и ловко отдѣлался отъ него, подумалъ-подумалъ, наконецъ, взялъ ороча, обмоталъ его берестой, чтобы самому не выпачкаться въ крови, понесъ къ рѣкѣ,—и ну мыть его. Мылъ онъ его, мылъ, нѣсколько десятковъ

разъ окуналъ въ воду, затѣмъ разорвалъ на немъ всю одежду и облачилъ его въ новую. Принесъ онъ его послѣ этой ванны опять въ юрту и далъ ему какого-то мяса. Орочъ зналъ, однако, что если съѣстъ хоть кусочекъ, то Андури отступится отъ него навсегда, и тогда не миновать ему рукъ Качкамгу, а потому какъ ни упрашивалъ его Качкамгу, сколько ни угрожалъ ему,—орочъ ничего не ѣлъ и все молился Андури.

Прошло семь дней, а орочъ все не ѣстъ, не пьетъ и все молится. Видитъ, наконецъ, Качкамгу, что орочъ, пожалуй, умретъ съ голоду у него въ юртѣ, осерчалъ, взялъ его и отнесъ назадъ на то мѣсто, гдѣ взялъ. Орочъ бросилъ тамъ всѣ кедровыя шишки вмѣстѣ съ мѣшкомъ и безъ оглядки прибѣжалъ домой, гдѣ и разсказалъ своимъ соплеменникамъ обо всемъ приключившемся съ нимъ въ тайгѣ.

Не меньшей популярностью, а также вѣрой пользуется у орочей разсказъ о томъ, какъ одному орочу удалось видѣть „морскаго начальника“—Тэму.

Жилъ когда-то, — разсказываютъ они, — старый орочъ со старой мамкой (женой), и былъ у нихъ молодой сынъ, лѣтъ около двадцати отъ роду. Старикъ и его сынъ были самыми лучшими охотниками среди орочей, жили они поэтому богато, и было у нихъ всего не только въ достаткѣ, но и въ запасѣ: соболей, матерій шелковыхъ, халатовъ у каждаго было даже по нѣсколько штукъ!

Поѣхали они однажды на своихъ оморочкахъ ловить нерпъ; старикъ ѣдетъ позади, сынъ впереди. Увидѣли они нерпъ и стали преслѣдовать: сынъ—одну, отецъ—другую. Долго-ли, коротко-ли охотился безуспѣшно старикъ, наконецъ, надоѣла ему безцѣльная погоня за нерпой, и онъ рѣшилъ вернуться назадъ. Пріѣхалъ, глядитъ — сынъ исчезъ, и слѣда нѣтъ ни его, ни оморочки. Погоревалъ старикъ, однако вернулся домой. Первое время онъ все еще надѣялся, что сынъ вернется, но когда, по прошествіи нѣсколькихъ дней, сынъ все-таки не вернулся, старикъ вынулъ изъ своихъ амбаровъ соболей и матерій и нанялъ трехъ орочей искать сына, поручивъ имъ, въ крайнемъ случаѣ, принести хоть одну изъ вещей, бывшихъ съ нимъ въ оморочкѣ въ моментъ его исчезновенія. Поиски, однако, ни къ чему не привели.

Прошло около двухъ лѣтъ. Старый орочъ со своею старухой похудѣлъ съ тоски, постарѣлъ отъ горя; промышлять было некому, всѣ запасы истратили они на поиски сына и, наконецъ, они совсѣмъ обѣднѣли. Судили-рядили бѣдные старики и рѣшили пойти къ тому

мѣсту, гдѣ исчезъ когда-то ихъ сынъ. Сѣли они на берегу моря, горько заплакали и просили Андури помочь имъ въ ихъ горѣ.

Вдругъ. откуда ни возьмись, на торчащихъ изъ-подъ воды камняхъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега появился Тэму въ образѣ большаго человѣка съ длинной и бѣлой бородой. Увидѣвъ стариковъ, онъ спросилъ ихъ, чего они такъ жалобно плачутъ? Старикъ разсказалъ. Тогда Тэму объявилъ, что молодой орочъ находится у него, и если старикъ хочетъ видѣть своего сына, то пусть въ теченіи предстоящей ночи сдѣлаетъ на берегу юрту, и сынъ явится къ нему туда. Къ концу ночи юрта была готова, какъ ни трудно было хилому старику справиться съ этой работой: желаніе увидѣть сына заставило его, однако, преодолѣть всѣ препятствія. Утомленный нелегкой работой, старикъ подъ утро прилегъ и хотѣлъ хоть немного уснуть, какъ вдругъ дверь поднялась, и къ его ногамъ упала зыбка, обернутая матеріей и крѣпко стянутая ремнемъ. Старикъ развернулъ матерію, развязалъ ремень, отбросилъ покрывало и увидѣлъ въ зыбкѣ маленькаго орочонка, какъ разъ такого, какимъ былъ его сынъ, когда онъ былъ еще младенцемъ. Обрадовался старикъ и показалъ старухѣ. Она сразу признала въ орочонкѣ своего сына и начала кормить его рыбьимъ жиромъ. Мальчикъ росъ не по днямъ, а по часамъ и два года спустя сталъ снова такимъ-же, какимъ былъ раньше. По соображеніямъ орочей, молодой орочъ, отправившись съ отцомъ промышлять нерпъ, по ошибкѣ погнался не за нерпой, а за рыбой „касаткой", въ пасти которой, по ихъ убѣжденію, находится жилище Тэму.

Изъ всѣхъ трехъ божествъ, которымъ поклоняются орочи, только одинъ Андури, по ихъ вѣрованіямъ, не видимъ простому смертному.

Видѣть его можетъ, будто-бы, только шаманъ, — а ихъ довольно много среди орочей и мужескаго и женскаго пола, — т.-е. такой орочъ, который можетъ довести себя посредствомъ истязаній до нервнаго притупленія чувствъ; но и у шамана, видѣвшаго въ этомъ состояніи Андури, остаются впослѣдствіи въ памяти, по приведеніи его въ чувство, лишь смутное представленіе о величіи этого божества и нѣсколько изреченій, сказанныхъ ему самимъ Андури съ цѣлью сообщенія ихъ людямъ. На этомъ послѣднемъ вѣрованіи и основано все то громадное вліяніе, которымъ пользуются шаманы среди своихъ невѣжественныхъ соплеменниковъ.

Шаманство сильно распространено въ средѣ орочей.

„Раннимъ утромъ или позднимъ вечеромъ, когда вся природа по-

гружается въ раздумье о предстоящихъ и прошедшихъ прозябаніяхъ разсказываетъ изслѣдователь, „шаманъ, погруженный въ раздумье, мало-по-малу отдѣляется своими мыслями отъ всѣхъ житейскихъ невзгодъ, все окружающее становится ему мерзкимъ, а какое-то внутреннее чувство, прирожденное ему, какъ человѣку, шепчетъ ему, что есть что-то и гдѣ-то, что выше всего земнаго и выше его самого. Въ такомъ раздумьи шаманъ, мало-по-малу, перестаетъ удовлетворяться только мыслью о всемъ возвышенномъ“, у него является потребность не только умомъ, но и тѣломъ вознестись до того, что въ его мысляхъ кажется ему болѣе достойнымъ, чѣмъ все земное. Какъ человѣкъ грубый, дикій, шаманъ-орочъ и мысли свои выражаетъ въ грубой формѣ,—въ формѣ шаманства.

На постоянно дымящемся въ юртѣ очагѣ шаманъ зажигаетъ особаго рода траву, дымъ отъ которой распространяется по всей юртѣ. Одѣвшись соотвѣтствующимъ образомъ, онъ становится съ внутренней стороны дверей и полузакрываетъ глаза, дабы не развлекать своего зрѣнія и имѣть большую возможность сосредоточиться на одной мысли. Нѣсколькими ударами въ бубенъ онъ возвѣщаетъ окружающимъ о началѣ шаманства. Сначала онъ подъ аккомпаниментъ бубна и въ тактъ ему лепечетъ что-то непонятное, бормочетъ и шипитъ. Затѣмъ, мало-по-малу, онъ все болѣе и болѣе возбуждается. Удары въ бубенъ становятся чаще и сильнѣе, шопотъ понемногу переходитъ въ заунывное завываніе, наконецъ, онъ начинаетъ кружиться вокругъ очага, сотрясая весь корпусъ, отчего навѣшанныя на немъ побрякушки производятъ невѣроятную трескотню, шумъ и гамъ. По мѣрѣ того, какъ онъ входитъ въ паѳосъ, все сильнѣе и сильнѣе слышатся его дикія завыванія, сильнѣе и чаще оглашаются стѣны юрты ударами въ бубенъ; вокругъ стоитъ такой адскій шумъ, что „даже верстъ за пять по тайгѣ можно слышать, что шаманъ зашаманилъ“. Сдѣлавъ нѣсколько такихъ головокружительныхъ круговъ, шаманъ внезапно останавливается у двери, страшно воетъ, бьетъ себя валькомъ по головѣ и животу и затѣмъ вновь начинаетъ свой бѣшенный танецъ вокругъ очага.

Побѣсновавшись такимъ образомъ часъ-полтора, шаманъ представляетъ уже для зрителя ужасное, отвратительное зрѣлище: его лицо сильно искажается, глаза становятся страшными, потъ градомъ льется съ него. Въ то-же время изъ его устъ вырываются отрывистыя, но сильныя, наводящія ужасъ на непривычнаго человѣка завыванія. Наконецъ, шаманъ внезапно останавливается, бросаетъ бубенъ въ уголъ

юрты, снова бьетъ себя валькомъ по головѣ и въ изнеможенiи кидается на нары.

Всѣ домашнiе оберегаютъ теперь его покой и только на другой день узнаютъ отъ него, не сообщилъ-ли ему чего наканунѣ Андури.

Шаманство нерѣдко кончается очень плохо для шамановъ: нервная система ихъ окончательно разстраивается, и нерѣдки случаи, когда шаманы впадаютъ въ помѣшательство.

Это не останавливаетъ, однако, орочей отъ шаманства; притомъже выгоды, сопряженныя съ нимъ. перевѣшиваютъ въ орочѣ всякiя другiя соображенiя. Шаманъ занимаетъ очень почетное и влiятельное положенiе среди своихъ соплеменниковъ. Въ большинствѣ — это наиболѣе способные и хитрые изъ этого несчастнаго племени. Большею частью, глядя по обстоятельствамъ, на другой день послѣ шаманства, шаманъ хранитъ угрюмое молчанiе на всѣ вопросы, задаваемые ему нетерпѣливыми и любопытными соотечественниками и лишь съ большой осторожностью и наружной неохотой даетъ имъ отвѣты въ видѣ неопредѣленныхъ и двусмысленныхъ изреченiй, подлежащихъ самому разнорѣчивому толкованiю. При такихъ условiяхъ чѣмъ хитрѣе и умнѣе шаманъ, тѣмъ большей вѣрой пользуется онъ среды орочей, прибѣгающихъ къ нему во всѣхъ невзгодахъ, посѣщающихъ ихъ.

Многiе шаманы, благодаря этому, становятся настоящими тунеядцами, безъ зазрѣнiя совѣсти обирающими и эксплоатирующими своихъ сородичей. Однако-же, такихъ шамановъ не особенно много въ средѣ самихъ орочей; главнымъ образомъ кадры профессiональныхъ шамановъ пополняются изъ среды амурскихъ гольдовъ.

Посѣтителямъ орочей, обитающихъ въ Императорской Гавани, уже при самомъ поверхностномъ ознакомленiи съ орочонскими селенiями не можетъ не броситься въ глаза значительный перевѣсъ мужскаго элемента надъ женскимъ. Въ дѣйствительности такъ оно и есть: недостатокъ женщинъ среди орочей настолько ощутителенъ, что многiе изъ нихъ до глубокой старости остаются неженатыми. Неравномѣрность въ распредѣленiи половъ увеличивается еще благодаря существующему среди орочей обычаю многоженства: здѣсь нерѣдкость, поэтому видѣть на-ряду съ цѣлымъ рядомъ безсемейныхъ орочей — орочей многоженцевъ, имѣющихъ до четырехъ и болѣе женъ. Большею частью, это бываетъ у тѣхъ, которымъ вторая и послѣдующiя жены достаются отъ умершихъ братьевъ, такъ какъ, по мѣстнымъ обычаямъ, жена старшаго брата переходитъ по смерти его къ младшему и т. д.

Зачастую это влечетъ, конечно, къ драматическимъ положеніямъ въ тѣхъ, напримѣръ, нерѣдкихъ случаяхъ, когда вдовы достаются въ жены чуть не груднымъ младенцамъ, что случается весьма нерѣдко; такіе браки являются роковыми для обѣихъ сторонъ и, все-таки, несмотря на массу печальныхъ драмъ, порожденныхъ этимъ обычаемъ, орочоны не перестаютъ упорно и крѣпко придерживаться его.

Впрочемъ, въ вопросѣ о бракѣ орочоны не придаютъ никакого значенія соображеніямъ нравственнаго или религіознаго свойства. Бракъ, по понятіямъ орочоновъ, сдѣлка чисто гражданская, вѣрнѣе даже— торговая, коммерческая. Взаимная склонность бракосочетающихся, интересы будущей семьи, самый возрастъ вступающихъ въ бракъ — здѣсь совершенно ни при чемъ. Все сводится къ суммѣ калыма (выкупа), устанавливаемаго родителями или опекунами брачущихся. Отецъ можетъ продать свою дочь чуть-ли не съ колыбели. Съ другой стороны, богатый орочъ, нуждающійся въ работницѣ, можетъ купить для своего малолѣтняго сына жену преклоннаго возраста. О протестѣ со стороны непосредственно заинтересованныхъ въ предстоящемъ бракѣ лицъ не можетъ быть, конечно, и рѣчи.

Въ упорномъ трудѣ, ни на минуту не покладая рукъ, то въ сопряженной съ опасностями для жизни охотѣ за соболями въ дремучей тайгѣ, то въ чреватой опасностями для здоровья охотѣ за нерпами въ бурливомъ Сѣверо-Японскомъ морѣ, у негостепріимныхъ береговъ Императорской Гавани, проводитъ орочъ всю свою жизнь до могилы съ того момента, какъ только онъ выходитъ изъ отроческаго возраста и становится дѣеспособнымъ орочемъ. Вѣчно полуголодный, всегда полузамерзшій, почти постоянно промокшій насквозь, — такъ проводитъ онъ всѣ свои дни. Не слышно въ орочонской семьѣ и деревнѣ ни смѣха, ни пѣсенъ, ни плясокъ. Никакихъ — ни своихъ, ни тѣмъ болѣе христіанскихъ — празднествъ и развлеченій орочи не знаютъ. Тускло, заунывно, непріютно путешественнику въ орочонской деревушкѣ, затерявшейся въ безбрежной, непривѣтливой, то какъ могила молчаливой, то какъ бурное море шумливой тайгѣ, оглашаемой лишь по ночамъ леденящимъ кровь воемъ орочонскихъ собакъ, да изрѣдка заунывнымъ завываньемъ шамана.

И лишь одинъ только разъ въ годъ оживляется орочонское поселеніе: (именно въ началѣ второй половины зимы, когда охота за соболемъ прекращается),—это во время знаменитаго медвѣжьяго праздника, свято чествуемаго на далекомъ Востокѣ даже у стоящихъ на самой низкой ступени человѣческаго развитія, можно сказать—на границѣ

Орочи въ оморочкахъ.

человѣчества, сахалинскихъ айновъ, „пещерныхъ людей“, о которыхъ мнѣ уже приходилось вскользь упоминать въ другомъ мѣстѣ *).

Какъ и у айновъ, медвѣжій праздникъ у орочей — торжество всенародное, общественное и публичное, совершаемое только одинъ разъ въ зиму.

Къ назначенному для торжества дню съѣзжаются всѣ орочи, желающіе участвовать въ немъ. Послѣ продолжительныхъ церемоній, длящихся обыкновенно нѣсколько дней, спеціально откормленнаго для этого случая ручнаго медвѣдя привязываютъ къ столбу или дереву и дѣлаютъ мишенью для стрѣльбы въ цѣль. Убитаго медвѣдя (убиваютъ его обыкновенно не сразу) рѣжутъ на части и раздаютъ разбившимся на группы орочонамъ. Повсюду на открытомъ воздухѣ разводятся костры для поджариванія медвѣжьяго мяса на вертелахъ; орочи живописными группами разсаживаются въ отдѣльные кружки, и начинается трапеза.

Сколько-бы ни было участниковъ въ этомъ торжествѣ, орочи всегда стараются такъ, чтобы каждому досталось хоть понемногу.

Послѣ трапезы орочи расходятся по домамъ, и снова затихаютъ орочонскія села, снова наступаютъ длинныя, тусклыя, сѣрыя будни, и только немолчная тайга нарушаетъ окрестную тишину.

---

*) См. мою книгу „Японія и японцы“, стр. 205—208.

XXV.

Экскурсія на каторгу.

I. Въ пути. — II. Игнатъ Могыла (первая встрѣча). — III. „Каторжныя команды".—IV. Среди каторжниковъ.

I.

Въ пути.

Предполагая покинуть—и, быть можетъ, навсегда—Уссурійскій край, я въ началѣ осени рѣшилъ съѣздить за 240 верстъ отъ Владивостока въ лагерь „Новоселье", мѣсторасположеніе „желѣзнодорожныхъ каторжныхъ командъ", познакомиться съ которыми раньше, въ теченіи моего трехлѣтняго пребыванія въ краѣ, мнѣ все какъ-то не удавалось.

Заручившись разрѣшеніемъ начальника каторги (онъ-же инспекторъ по тюремной части при приамурскомъ генералъ-губернаторѣ) посѣтить „каторжныя команды", а равно и безплатнымъ билетомъ на проѣздъ по Уссурійской желѣзной дорогѣ до ст. Никольской, я въ одно прекрасное августовское утро выѣхалъ изъ Владивостока рабочимъ поѣздомъ Уссурійской желѣзной дороги.

Въ описываемое время пассажирское и товарное движеніе по Уссурійской желѣзной дорогѣ еще не было открыто, такъ какъ верхнее строеніе пути еще не было окончательно готово, путь былъ забаллаcтированъ на разстояніи всего нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъ Владивостока, и самая укладка рельсовъ была едва доведена до ст. Никольской. Оффиціальное открытіе такъ наз. „временнаго движенія" предполагалось лишь спустя два-три мѣсяца. Само собою разумѣется, поѣзда (рабочіе, балластные и служебные) крейсировали еще въ высшей степени неправильно, стояли иногда по цѣлымъ часамъ на пути, а иногда и вовсе возвращались обратно на станцію отправленія, часто

сходили съ рельсовъ *), что, впрочемъ, не грозило большой опасностью въ виду медленнаго хода поѣздовъ. Вагоновъ или какихъ-нибудь другихъ приспособленiй, которыя защищали-бы отъ непогоды публику, безплатно допущенную къ пользованiю желѣзной дорогой, никакихъ еще не было; въ дорогѣ, стало-быть, предстояло испытать не мало мытарствъ, препятствiй и затрудненiй, — тѣмъ не менѣе, я рѣшился прибѣгнуть къ услугамъ строющейся еще желѣзной дороги, имѣя на то особыя причины.

Для того, чтобы читатели поняли, почему я предпочелъ сомнительныя выгоды переѣзда по строющейся еще желѣзной дорогѣ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о существующихъ способахъ сообщенiя Владивостока съ краемъ. Владивостокъ, какъ извѣстно, является крайнимъ на югѣ пунктомъ Восточной Сибири и расположенъ на южной оконечности полуострова, омываемаго на юго-востокѣ—Уссурiйскимъ заливомъ Японскаго моря и на юго-западѣ—Амурскимъ заливомъ, въ который у основанiя полуострова впадаетъ р. Суйфунъ, одно изъ немногихъ судоходныхъ рѣкъ въ краѣ. Сообщенiе Владивостока съ краемъ поддерживается или субсидированнымъ правительствомъ частнымъ пароходствомъ по Амурскому заливу и далѣе по Суйфуну до ст. Раздольное, или же почтовымъ трактомъ, пролегающимъ по берегу Амурскаго залива. Говорить о преимуществахъ того или другого способа передвиженiя врядъ-ли возможно, такъ какъ оба одинаково неудобны, опасны и рискованны. Желающему ѣхать на пароходѣ нужно выѣхать изъ Владивостока въ 7 ч. утра на небольшомъ морскомъ пароходѣ „Новикъ“, который доходитъ по Амурскому заливу до устья р. Суйфунъ. Здѣсь—первое и небезопасное приключенiе. Винтовое мореходное судно, особенно при свѣжемъ волненiи, останавливается обыкновенно довольно далеко отъ устья рѣки въ ожиданiи рѣчного двухколеснаго судна „Пiонеръ“, долженствующаго принять грузъ и пассажировъ. При свѣжемъ вѣтрѣ „Пiонеръ“ не рѣшается подойти къ „Новику“ и пассажирамъ, volens-nolens, приходится, соблюдая возможную эквилибристическую ловкость, въ открытомъ заливѣ, скакать въ ялики, шлюбки и китайскiя шаланды, безъ устали танцующiя и подпрыгивающiя на волнахъ расходившагося залива, и переправляться на нихъ далѣе къ „Пiонеру“. Наконецъ, вы доѣхали не безъ опасности для жизни и риска для здоровья и усѣ-

*) Дѣло въ томъ, что насыпи еще не вполнѣ улеглись, къ тому же лѣто было крайне дождливое, что совсѣмъ не благопрiятствовало окончательной отдѣлкѣ пути.

лись на „Піонеръ",—микроскопическое рѣчное судно, лишенное даже примитивныхъ удобствъ и приспособленій для пассажировъ.

Движеніе здѣсь большое, особенно со времени сооруженія Уссурійской желѣзной дороги, и пассажиры буквально, какъ мухи, облѣпляютъ пороходикъ; не только сидѣть, но и стоять негдѣ. Рѣка Суйфунъ, притомъ-же, какъ уже знаютъ читатели, страдаетъ двумя недостатками: крайней извилистостью, или такъ называемыми здѣсь „кривунами", доходящими до того, что даже крохотному „Піонеру", огибая ихъ, приходится ежечасно врѣзываться въ противоположный берегъ носомъ, и мелководьемъ. Отсюда—ежечасныя остановки и приключенія: васъ поминутно то ссаживаютъ на берегъ, то вновь берутъ на судно, то заставляютъ перебѣгать на одну сторону, то на другую для поддержанія равновѣсія судна и т. д., и т. д. безъ конца. Съ пассажирами-манзами и корейцами дѣло обходится проще. При нуждѣ, ихъ просто-на-просто стаскиваютъ прямо въ воду (благо рѣка не глубока) и заставляютъ оказывать посильную помощь дряхлой машинѣ „Піонера", или же для облегченія судна ихъ ссылаютъ на тянущіяся сзади „Піонера" на буксирѣ китайскія плоскодонныя шаланды съ грузомъ. Но и здѣсь они не гарантированы отъ неизбѣжныхъ случайностей. „Піонеръ" довольно дряхлъ, машина его еще древнѣе и справится съ своей трудной задачей — доставить пассажировъ и шаланды за 40 в. отъ устья рѣки до ст. Раздольной — ему рѣдко удается. Обыкновенно онъ на первой же верстѣ бросаетъ одну шаланду, на второй — другую и т. д., пока, наконецъ, посѣявъ на своемъ пути всѣ шаланды съ имѣвшими несчастье попасть на нихъ пассажирами, въ глубокую полночь достигаетъ ст. Раздольное,—и то не всегда: иногда онъ останавливается верстъ за 5 отъ пристани, и остальное разстояніе до почтовой станціи пассажирамъ предоставляется совершить по образу пѣшаго хожденія. Хорошо еще, конечно, если погода благопріятствуетъ этому. Все же этотъ способъ передвиженія имѣетъ многія преимущества передъ ѣздой на почтовыхъ.

Весь Южно-Уссурійскій край испещренъ отрогами главнаго горнаго хребта Сихотэ-Алинь, покрытаго сплошнымъ, первобытнымъ лѣсомъ-тайгой. Почва здѣсь крайне скалиста, благодаря чему и дорога, почтовый трактъ, проложенная въ тайгѣ, представляетъ собою такую кочковатую, неудобопроѣздную поверхность, рѣшиться ѣздить по которой можно лишь въ случаѣ экстраординарной необходимости. Къ тому же традиціонные почтовые тарантасы прямо-таки разсчитаны, какъ будто на то, чтобы вымотать душу изъ несчастнаго сѣдока, обречен-

наго судьбой странствовать по Южно-Уссурійскому краю: тарантасъ, конечно, не рессорный, подпрыгиваетъ, скачетъ по камнямъ и кочкамъ, васъ кидаетъ изъ стороны въ сторону, вы стукаетесь головой о деревянныя стѣнки всегда поднятаго верха тарантаса, извиваетесь въ три погибели въ тщетной попыткѣ принять болѣе удобное и менѣе опасное положеніе,—но все напрасно: избитый, полуживой вы еле добираетесь до станціи, съ тѣмъ, чтобы дальше снова подвергнуть свое тѣло и члены такому же добровольному мучительству и истязанію. У меня всегда на недѣлю разстраивались нервы послѣ такого путешествія. Хорошо еще, если вы странствуете „по казенной надобности": вамъ и сѣна или соломы пощедрѣе подстелятъ въ кибиткѣ, и ждать на промежуточныхъ станціяхъ не долго придется. Я, къ сожалѣнію, могъ, въ данномъ случаѣ, путешествовать лишь „по частной надобности" и, слѣдовательно. долженъ былъ-бы обречь себя на безконечныя, по сутки и по двое, остановки на каждой почтовой станціи въ ожиданіи свободныхъ лошадей. Оцѣнить всѣ прелести этихъ стоянокъ можетъ лишь тотъ, кому хоть разъ пришлось побывать на уссурійскихъ станціяхъ; устроены онѣ самымъ невозможнымъ образомъ: отовсюду дуетъ, приспособленій для ночевки никакихъ, и приходится растягиваться прямо на грязномъ, замаранномъ полу и отдать себя на съѣденіе неисчислимому количеству всякихъ насѣкомыхъ, въ изобиліи населяющихъ эти злополучныя станціи. Въ довершеніе всего—ѣсть здѣсь, какъ опять-таки уже знаютъ читатели, рѣшительно нечего.

Почтосодержатели держатъ у себя провизіи ровно столько, сколько нужно для собственнаго потребленія, и если вамъ даже случится остановиться близъ какого-нибудь хуторка или поселка, то ваше положеніе все-же нисколько не улучшается, потому что зажиточные хуторяне съ большимъ трудомъ и только за баснословно-дорогую цѣну продадутъ вамъ 1 фунтъ чернаго, полусырого хлѣба, за 1 рубль серебромъ, напримѣръ! Все бы это еще ничего, но въ описываемое время ко всѣмъ указаннымъ непріятностямъ присоединилась еще одна напасть:—шайка бѣглыхъ каторжниковъ, расположившихся верстахъ въ 30—40 отъ Владивостока и не пропускавшихъ ни одной почтовой тройки, особенно по ночамъ, когда даже старые и бывалые ямщики отказывались ѣздить. Убійства, грабежи и разбои на почтовомъ трактѣ были въ это время самымъ обычнымъ явленіемъ *).

*) За нѣсколько дней до моего отъѣзда, недалеко отъ Владивостока, была вырѣзана цѣлая семья на заимкѣ; тогда-же совершено было тройное убійство на ст. Раздольной, у самаго почтоваго тракта и т. д.

Такимъ образомъ, какъ видятъ читатели, мнѣ предстояло разрѣшить очень трудную дилемму: получить-ли смертельную простуду на „Піонерѣ“, или подвергнуться риску быть убитымъ и ограбленнымъ на „большой дорогѣ“ какимъ-нибудь бѣглымъ каторжникомъ? Я предпочелъ отправиться въ рабочемъ поѣздѣ Уссурійской желѣзной дороги.

Усѣвшись на тендеръ паровоза (весь поѣздъ состоялъ изъ открытыхъ платформъ, сидѣть на которыхъ было крайне неудобно, притомъ же солнце невыносимо жгло), я двинулся въ путь.

Перегонъ до ближайшей станціи (Подгородной) — одинъ изъ самыхъ лучшихъ и удобныхъ на всемъ пути до ст. Никольской. Мѣстность здѣсь,—относительно, конечно,—наиболѣе ровная и пологая, полотно пролегаетъ по самому берегу Амурскаго залива, горы, хребты, ущелья и лощины всѣ отошли вправо и лишь кое-гдѣ поѣзду приходится огибать ихъ, вздымаясь то на вершину утеса, висящаго надъ заливомъ, то почти спускаясь къ водѣ. Дальше—не то. Благодаря гористому характеру мѣстности, испещренной большими и малыми, крутыми и покатыми, высокими и низкими отрогами горнаго хребта Сихотэ-Алинь, дорога, чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше изгибается и вьется и достигаетъ порой такихъ закругленій, что длинный поѣздъ еле умѣщается на нихъ. Благодаря такому характеру мѣстности и необходимости избѣжать сооруженія тоннелей что въ $1^1/_2$ раза увеличило-бы стоимость постройки желѣзной дороги,—Уссурійская желѣзная дорога представляетъ собою одно изъ довольно рѣдкихъ сооруженій. Подъемы и уклоны здѣсь на всемъ протяженіи достигаютъ максимальныхъ предѣловъ, равно какъ и закругленія почти вездѣ достигаютъ минимальныхъ. Кромѣ того, благодаря сказаннымъ выше условіямъ, максимальные подъемы и уклоны почти всегда совпадаютъ съ минимальными закругленіями, что обыкновенно избѣгается на прочихъ дорогахъ. Благодаря такому необходимому сочетанію, вызываемому независящими отъ строителей условіями, скорость движенія поѣздовъ здѣсь никогда не будетъ превышать 15—20 верстъ въ часъ, такъ какъ и при такой скорости, по отзывамъ мѣстныхъ инженеровъ, паровозъ и вагоны (т.-е. ихъ колеса) на закругленіяхъ „рѣжутъ“ рельсы, и требуется особенно тщательное прикрѣпленіе ихъ къ шпаламъ, для того, чтобы они не были сорваны съ нихъ. Само собою разумѣется, и самый составъ поѣздовъ, въ силу описанныхъ условій, здѣсь всегда долженъ быть меньше, въ сравненіи съ поѣздами европейскихъ „равнинныхъ“ желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, едва-ли можно будетъ обходиться однимъ паровозомъ

при подъемахъ, особенно товарныхъ поѣздовъ, и придется, въ этомъ случаѣ, прибѣгать, къ такъ называемой, „двойной тягѣ“.

Около 3 часовъ дня мы доѣхали до первой крупной пассажирской станціи „Надеждинской“, гдѣ я разсчитывалъ пробыть нѣсколько сутокъ, прежде чѣмъ пуститься въ дальнѣйшій путь. Меня интересовалъ ходъ приготовленій къ предстоящему открытію „временнаго движенія“, ожидавшемуся въ ноябрѣ, и я рѣшилъ остановиться здѣсь на нѣкоторое время. Тихо. безшумно подошелъ паровозъ къ бревенчатому, вчернѣ отдѣланному перрону вокзала, лишеннаго еще и оконъ и дверей, и спустя десять минутъ я уже приближался къ расположенной въ полуверстѣ отъ него „казармѣ“, предназначенной для дорожныхъ мастеровъ и кондукторскихъ бригадъ, а пока занимаемой начальникомъ дистанціи, инженеромъ г. П.

Я попалъ сюда весьма неудачно. Все время дождь лилъ точчо изъ ведра. Ручьи всѣ разлились и совсѣмъ затопили окрестности. Всѣ работы были, понятно, прекращены, да и сдѣланныя уже къ тому времени были во многихъ мѣстахъ значительно повреждены. Бѣдный инженеръ г. П. разрывался на части и не зналъ, куда прежде направиться: въ одномъ мѣстѣ размыло насыпь, въ другомъ обвалился откосъ, въ третьемъ сорвало „конуса“ у мостовъ и т. д. Съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже. Поѣзда изъ Владивостока (рабочіе и балластные), впредь до исправленія поврежденій пути, перестали крейсировать по линіи; на близь-лежащемъ почтовомъ трактѣ также прекратилось всякое сообщеніе вслѣдствіе наступившей полной распутицы.—и мы очутились здѣсь точно въ засадѣ.

Положеніе начало становиться тѣмъ болѣе серьезнымъ, что у насъ изсякали немногочисленные запасы провизіи, а помощи ждать было неоткуда. Мы, впрочемъ, благодаря изобрѣтательности супруги г. П., кое-какъ справлялись съ все время преслѣдовавшимъ насъ „легкимъ аппетитомъ“, но положеніе рабочихъ-манзъ (работы производились здѣсь китайцами) становилось по-истинѣ критическимъ. На всей станціи къ концу втораго дня сохранилось лишь нѣсколько фунтовъ риса, да около полу-пуда картофеля, раздаваемаго въ микроскопическихъ дозахъ рабочимъ-китайцамъ. Но что̀ могла значить эта болѣе чѣмъ скромная помощь, въ сравненіи съ огромными требованіями почти цѣлой сотни полуголодныхъ желудковъ китайцевъ! *)

*) Провизія доставлялась имъ обыкновенно ежедневно изъ Владивостока въ опредѣленной дневной потребности проходившими мимо поѣздами.

По цѣлымъ днямъ сидѣли они, не трогаясь съ мѣста, въ своихъ насквозь промокшихъ холщевыхъ палаткахъ, апатично уставившись въ землю.

Къ утру третьяго дня „рядчики“ (т.-е. хозяева китайскихъ артелей рабочихъ) уже не рѣшались оставаться въ палаткахъ и сочли болѣе благоразумнымъ убраться къ намъ во дворъ. По слухамъ, среди манзъ-рабочихъ царило сильное возбужденіе, и наши рядчики опасались подвергнуться обычной своей участи... быть „немного повѣшенными“.

Лишь къ вечеру четвертаго дня мы дождались рабочаго поѣзда, на который мы накинулись, какъ настоящіе таежные молодцы. Мало-по-малу, все приходило въ первоначальный видъ, но я уже не могъ оставаться здѣсь больше и на слѣдующій же день отправился дальше, усѣвшись уже въ вагонъ Уссурійской жел. дор., въ которомъ засталъ довольно много пассажировъ.

Нѣсколько дней просидѣлъ я затѣмъ въ с. Никольскомъ, пока, наконецъ, могъ выѣхать въ Новоселье.

Лагерь Новоселье лежитъ въ сторонѣ отъ почтоваго тракта, въ глубинѣ непроходимой тайги, куда еще такъ недавно не ступала человѣческая нога. Около ста верстъ приходится пробираться проселочной дорогой, по которой, на небольшомъ другъ отъ друга разстояніи *), расположены „урочища“, т.-е. хуторки новоселовъ-переселенцевъ изъ Черниговской губерніи. Старѣйшій изъ этихъ хуторковъ насчитываетъ своему существованію не болѣе 5—6 лѣтъ. Поэтому всѣ они и носятъ еще совсѣмъ скороспѣлый характеръ и напоминаютъ собою пока скорѣе рабочіе бараки или полу-землянки, чѣмъ благоустроенныя села и деревни. Каждый хуторокъ состоитъ изъ 15—20 хатокъ, построенныхъ обыкновенно гдѣ-нибудь на юру, близъ рѣчки или ручья и подальше отъ лѣса. Удаляться отъ лѣса побуждаютъ новоселовъ лѣсные хищники: медвѣди и тигры, — особенно послѣдніе, причиняющіе имъ не мало бѣдъ. Оффиціальная статистика насчитываетъ ежегодно не меньше 10—12 случаевъ нападенія тигра на мѣстныя хуторскія стада и даже на одиноко-стоящія хижины хуторянъ. Нерѣдки также случаи, когда тигръ тащитъ ребятъ среди бѣлаго дня изъ деревни. Незадолго до моего проѣзда тигръ, почти на глазахъ жителей хут. Монастырище, утащилъ старуху-крестьянку, имѣвшую неосторожность удалиться въ поле на полъ-версты отъ деревни. Мѣст-

*) Верстахъ въ 8—10.

ность между хуторомъ Монастырище и Халкедономъ (10 верстъ разстоянія) считается особенно неблагополучной въ этомъ отношеніи. На половинѣ дороги приходится проѣзжать одно особенно опасное мѣсто, — глухую, тѣнистую рощу, въ которой находится логовище тигровъ; выгнать оттуда ихъ весьма трудно, такъ какъ роща эта непосредственно соединяется съ глухой, первобытной тайгой, тянущейся дальше на тысячу верстъ къ востоку, вплоть до Татарскаго пролива, гдѣ, конечно, нѣтъ никакой физической возможности бороться съ этимъ плотояднымъ животнымъ. Всѣ усилія окрестныхъ хуторянъ заставили лишь хищниковъ отодвинуть свою берлогу верстъ на 15 дальше къ подножью главнаго горнаго хребта — Сихотэ-Алинь, но и отсюда они производятъ частыя диверсіи къ почтовому тракту, какъ это доказалъ случай, имѣвшій мѣсто всего лишь наканунѣ, когда тигръ, все въ той-же рощѣ" напалъ на почтовую тройку, везшую въ тарантасѣ женщину съ двумя малолѣтними дѣтьми. Лошади шарахнулись въ сторону, понесли, тарантасъ съ разбѣга ударился о столѣтнее дерево и разбился въ дребезги; искалѣченные ямщикъ и сѣдоки попадали въ разныя стороны и были уже на волосокъ отъ гибели; къ счастью, тигръ самъ испугался произведеннаго имъ эффекта и убѣжалъ въ лѣсъ. Такія событія — здѣсь, какъ и въ Посьетскомъ и Сучанскомъ округахъ, о чемъ мнѣ уже приходилось бесѣдовать съ читателями, не рѣдкость. За мѣсяцъ до моего проѣзда въ урочищѣ Халкедонъ произошелъ такой случай. На самой окраинѣ урочища одиноко стоитъ хижина новосела, не обнесенная ни заборомъ, ни частоколомъ, какъ и всѣ прочіе хуторки, видѣнные мною на пути. Въ этой хижинѣ обитало всего двое человѣкъ: старикъ со старухой. Однажды ночью старикъ просыпается отъ какого-то шума. Приглядывается (ночь была лунная) и видитъ, что у самаго окна торчитъ морда тигра, пробующаго лапой сдвинуть съ мѣста оконную раму и проникнуть внутрь хижины. Старикъ не растерялся, соскочилъ съ полатей, взялъ стоявшій возлѣ печи „рогачъ" (т.-е. ухватъ) и началъ имъ тыкать въ самую морду звѣря, крича тѣмъ временемъ старухѣ, чтобы она подала ему ружье. Тигръ только зарычалъ и продолжалъ нахально рваться въ окно. Ушелъ онъ лишь тогда, когда старикъ выстрѣлилъ ему прямо въ морду.

Обиліе и наглость этихъ хищниковъ держитъ населеніе, въ буквальномъ смыслѣ, на военномъ положеніи. Безъ оружія ни одинъ хуторянинъ не рѣшается выйти даже за околицу. Въ открытое-же поле выходятъ лишь значительными, вооруженными группами. Само собою

разумѣется, это обстоятельство ставитъ хуторянъ подъ-часъ въ очень скверное положеніе и, по ихъ собственнымъ словамъ, является однимъ изъ крупныхъ препятствій для правильнаго веденія хозяйства. — „И якъ бы вже воно добре жить було, якъ бы не оця звирюка-ламаза!“— говорили мнѣ мѣстные хуторяне:—„тыгры, та скаженни дороги— тилько й болячки у насъ“, — добавляли они, впрочемъ. Дороги, проводимыя ими-же, здѣсь, дѣйствительно, невыносимы, особенно при малѣйшемъ дождикѣ, что объясняется болотистымъ характеромъ мѣстности.

Въ послѣднее время крестьяне разныхъ хуторовъ начали прибѣгать къ взаимопомощи съ цѣлью борьбы съ тигромъ. При первой-же продѣлкѣ тигра отдѣльные хутора соединяются вмѣстѣ и устраиваютъ организованныя облавы на хищника, засады, раскидываютъ приманки и не складываютъ оружія до тѣхъ поръ, пока не убьютъ его.

Этотъ способъ борьбы не оказывается, впрочемъ, дѣйствительнымъ, такъ какъ тигръ очень хитеръ, туго поддается на приманку и обыкновенно уходитъ отъ своихъ преслѣдователей въ неприступную для нихъ чащу тайги. Гораздо успѣшнѣе оказывается манзовскій способъ охоты за тигромъ, къ которому кое-гдѣ уже начали прибѣгать и крестьяне и о которомъ мнѣ ранѣе (въ Посьетскомъ и Сучанскомъ округахъ) слышать не приходилось. Заключается онъ въ слѣдующемъ. Манзы забираются обыкновенно въ тайгу, расчищаютъ небольшую полянку и устраиваютъ изъ бревенъ или молодыхъ деревьевъ два сплошныхъ концентрическихъ частокола, вышиною отъ 2 до 3 саженей каждый, дабы тигръ не могъ ни перескочить внутрь, ни выскочить оттуда. Въ середину внутренняго, глухаго частокола они опускаютъ живаго поросенка и въ наружномъ частоколѣ продѣлываютъ отверстіе, достаточное для того, чтобы тигръ могъ свободно пройти. Отверстіе это защищено дверью на петляхъ, открывающеюся внутрь. Разстояніе между обоими частоколами не болѣе одного аршина и сдѣлано съ такимъ разсчетомъ, чтобы тигръ могъ свободно подвигаться между ними, но ни въ какомъ случаѣ не могъ повернуться въ этомъ пространствѣ. Съ наступленіемъ ночи поросенокъ, отчасти отъ голода, отчасти отъ страха, начинаетъ кричать и визжать, далеко оглашая окрестности своимъ пискомъ, почти всегда привлекающимъ хищника. Тигръ осторожно приближается къ поросенку и, убѣдившись, что ему ни откуда не грозитъ опасность, подходитъ къ частоколу. Послѣ долгихъ, но тщетныхъ попытокъ разрушить преграду, онъ наталкивается, наконецъ, на дверь, открываетъ ее внутрь, входитъ въ пространство между обоими частоколами и, сдѣлавъ полный кругъ вокругъ внутрен-

няго частокола, самъ-же захлопываетъ дверцу, прижимая ее собственнымъ тѣломъ, — и такимъ образомъ, самъ устраиваетъ себѣ западню, откуда выйти для него нѣтъ никакой возможности, такъ какъ повернуться въ этомъ тѣсномъ пространствѣ ему нельзя и сколько-бы онъ ни бѣгалъ въ своемъ заколдованномъ кругу, отдѣленный лишь тонкой, но прочной перегородкой отъ поросенка съ одной стороны и внѣшняго міра — съ другой, ему уже не вырваться изъ западни. Къ утру являются манзы, пробуравливаютъ отверстія въ наружной оградѣ и въ упоръ убиваютъ звѣря.

Какъ я уже упоминалъ выше, лагерь „каторжныхъ командъ" лежитъ въ сторонѣ отъ почтоваго тракта. Сообщеніе его съ с. Никольскимъ поддерживается „каторжной" почтой, отходящей и приходящей три раза въ недѣлю. Почта эта устроена администраціей каторжныхъ командъ, такъ какъ иначе онѣ были-бы изолированы отъ всего внѣшняго міра. На всемъ разстояніи отъ с. Никольскаго имѣются всего лишь двѣ промежуточныя станціи, находящіяся въ завѣдываніи ссыльно-поселенцевъ; ямщиками-же являются, по большей части, кратко-срочные каторжники, умѣющіе обращаться съ лошадьми и не замѣченные ни въ чемъ предосудительномъ. Эти почтари совершенно свободны въ своихъ дѣйствіяхъ и по внѣшнему виду ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ, вольныхъ ямщиковъ: такой-же армякъ, та-же традиціонная шляпа и даже тотъ-же неизбѣжный винный ароматъ изо рта. Вооруженный конвой сопровождаетъ почту лишь въ случаѣ слѣдованія „начальства" или при пересылкѣ денегъ и документовъ.

Мнѣ пришлось ѣхать одному и потому я съ нѣкоторой робостью и затаеннымъ страхомъ усаживался въ удобный полурессорный каторжный экипажъ, зная, что въ теченіи почти цѣлыхъ сутокъ я буду весь находиться во власти каторжника-Малайки *), почтаря. Я пощупалъ револьверъ, приладилъ его поудобнѣе, осмотрѣлъ его, заряженъ-ли онъ какъ слѣдуетъ, и отдался на волю Провидѣнія, не переставая, однакоже, зорко слѣдить за всѣми движеніями Малайки.

Дорога пролегала по срединѣ широкой долины, которая тянется верстъ на триста къ сѣверу, вплоть до озера Ханка, откуда беретъ свое начало рѣка Уссури, впадающая затѣмъ на дальнемъ сѣверѣ, у Хабаровки, въ Амуръ. Это, какъ уже знаютъ читатели, одна изъ немногихъ удобныхъ для земледѣлія долинъ во всемъ Южно- и Сѣверо-

---

*) „Малайка"—нарицательное имя всякаго татарина-каторжника, какимъ былъ мой ямщикъ.

Уссурійскомъ краѣ, почему здѣсь, какъ мнѣ объ этомъ приходилось уже говорить, по первоначально утвержденному плану и намѣчены были пункты будущихъ поселеній нашихъ переселенцевъ изъ Европейской Россіи; здѣсь-же проходить нынѣ и Уссурійская желѣзная дорога. Вправо, верстахъ въ 10—15 отъ проселочной дороги, тянется къ сѣверу безконечная цѣпь горныхъ хребтовъ, сплошь покрытыхъ дремучимъ лѣсомъ; лишь кое-гдѣ при блескѣ яркихъ лучей солнца виднѣются окутанныя голубоватой дымкой покрытыя снѣгомъ высоты Сихотэ-Алиня. Это—тайга, настоящая, дикая, неприступная, дремучая тайга, куда не ступала еще нога европейца. Мрачная и безмолвная—она тянется отсюда въ востоку на тысячу верстъ, вплоть до Великаго океана. Тигры, медвѣди, изюбры, олени, еноты и барсы, соболя, горностаи, песцы и лисицы — единственные обитатели ея.

Налѣво отъ проселочной дороги, верстахъ въ 10—15, тянется къ сѣверу также сплошь покрытый лѣсомъ, болѣе пологій горный хребетъ, по ту сторону котораго находится уже Маньчжурія.

Мѣсто здѣсь, въ сущности, страшно глухое. Если прибавить къ этому необычно близкое сосѣдство каторжника-Малайки, — сосѣдство, въ которомъ я очутился еще впервые въ жизни, то читатели поймутъ, почему я все время чувствую себя особенно нервно настроеннымъ. При малѣйшемъ шорохѣ я поминутно вскакиваю, хватаюсь за револьверъ и нервно сжимаю его подъ полой пальто. Пасть отъ нападенія тигра, или подъ ножомъ каторжника—„малайки“, угрюмаго, неразговорчиваго татарина, загубившаго на своемъ вѣку „всего только четыре души“, за что онъ и попалъ на каторгу,—одинаково страшно и грустно. А вотъ и подозрительная роща! Малайка подобралъ возжи, зорко оглянулся по сторонамъ, чмокнулъ, гикнулъ, и мы стрѣлой понеслись въ эту мрачную чащу. Добрая тройка несетъ во весь духъ, чуть не натыкаясь на пни и колоды, лошади слегка всхрапываютъ, Малайка сдержанно чмокаетъ,—и, наконецъ-то, мы проѣхали эту проклятую рощу. Точно гора съ плечъ свалилась, когда мы очутились по другую сторону ея. Даже угрюмый и неразговорчивый Малайка облегченно вздохнулъ, повернулся ко мнѣ, осклабился и произнесъ на ломаномъ русскомъ языкѣ: „Худа мѣста, барынъ! Ой-ой, кака̀ худа! Всигда тута ламаза!“.

Еще полъ-дня ѣзды, и я, наконецъ, уже въ Спасскомъ,—послѣднемъ населенномъ пунктѣ на пути въ „Новоселье“. Отсюда—около полутора десятка верстъ до него, но уже не по проселочной дорогѣ (хутора и поселки остались всѣ влѣво), а по такъ-называемой „вре-

мянкѣ“, проложенной уже усиліями каторжныхъ командъ. „Времянка“—это широкая лѣсная дорога, прорубленная въ лѣсу. Торчащіе изъ земли пни выкорчеваны, частью выжжены,—и дорога готова. Для устраненія ухабовъ и невылазной грязи, которые дѣлали-бы совершенно невозможнымъ движеніе по ней, вся она устлана бревнами, не особенно тщательно, впрочемъ, такъ что мы съ трудомъ подвигаемся шагомъ.

Наконецъ, вотъ и каторга! Солнце успѣло уже давно закатиться, и въ быстро наступающихъ сумеркахъ я едва успѣваю различить странные силуэты какихъ-то построекъ, снующія взадъ и впередъ фигуры часовыхъ и конвойныхъ, въ ушахъ отдается что-то странное, не то звонъ, не то лязгъ. Глаза различаютъ во тьмѣ мерцающіе керосиновые фонари, тускло освѣщающіе дорогу...

Мы пріѣхали, и я—на каторгѣ, при одномъ упоминаніи о которой у обыкновеннаго смертнаго морозъ подираетъ по кожѣ.

II.

Игнатъ Могыла.

(Первая встрѣча).

. . . .

— А ты самъ откуда будешь?.

— Та съ Мырьгородскаго, значитъ, уізда, Кыевьской губерніи.

— Скоро и на родину?

— Якъ бы-жъ-то...

— Денегъ, что-ль, нѣтъ на проѣздъ?

— Та ни, панъ, и бизъ того нильзя.

— Нельзя?

— Та вже-жъ нильзя, бо я-жъ тутъ служу...

— Служишь?—Ну, что-жъ изъ того.

— Та бачьте, служу-жъ я, буцимъ, не такъ, якъ вси люде.

— Какъ это—„не такъ“?

— Та такъ:—буцимъ, злодій.

— Объяснись, братецъ, толкомъ,—совсѣмъ ничего не понимаю.

— Та вже-жъ я на каторзи...

— На каторгѣ?..

Я отъ удивленія чуть не подпрыгнулъ на мѣстѣ и подозрительно посмотрѣлъ на своего собесѣдника.

Ужъ не мистифицируетъ-ли онъ меня?

Но нѣтъ,—онъ глядѣлъ такъ серьезно, что всякая мысль о какомъ-нибудь обманѣ испарилась, какъ дымъ, при взглядѣ на это честное, хорошее лицо. И, все-таки, вопросъ о томъ, съ кѣмъ имѣю я дѣло, оставался для меня открытымъ по-прежнему.

Рядомъ со мной шелъ хохолъ, лѣтъ пятидесяти трехъ, невысокаго роста, съ окладистой русой бородой и большими, торчавшими во всѣ стороны усами. Несмотря на лѣтнюю пору, онъ былъ облаченъ въ традиціонную сѣрую свитку, изъ-подъ которой выглядывала „мотня“ необъятныхъ шароваръ, вдѣтыхъ въ настоящіе хохлацкіе чоботы. Послѣдніе даже смазаны были дегтемъ. Въ довершеніе этого, голову моего собесѣдника украшала смушковая шапка, небрежно лежавшая на его густыхъ русыхъ кудряхъ.

Я еще разъ внимательно посмотрѣлъ на него.

Борода... усы... волосы... „мотня“... чоботы... смушковая шапка,— причемъ-же здѣсь каторга?

Признаюсь, мой собесѣдникъ (звали его Игнатомъ Могылой, какъ я впослѣдствіи узналъ) задалъ мнѣ большую работу.

Нѣкоторое время мы шли молча.

Я съ любопытствомъ разглядывалъ по сторонамъ и присматривался къ необычной для меня обстановкѣ, а Могыла соредоточенно шагалъ рядомъ со мною.

Зрѣлище, открывшееся предо мной, когда я спустился въ выемку, было, дѣйствительно, очень любопытное и интересное.

Съ обѣихъ сторонъ выемки возвышались крутые, почти вертикальные откосы ея, срѣзанные точно острымъ ножомъ. Внизу копошились землекопы. ловко и быстро работая кайломъ, лопатой и заступомъ. Это были настоящіе каторжники, какъ объ этомъ можно было судить уже по ихъ сѣрымъ армякамъ и желтымъ, некрашенной кожи „котамъ“ *). Я началъ всматриваться въ нихъ. Какія изможденныя, сѣрыя, угрюмыя лица! Какое озлобленіе и скрытая ненависть во взорѣ!

Увидя меня, въ моемъ „вольномъ“ костюмѣ, они съ такой неподдѣльною завистью, смѣшанной съ недоброжелательствомъ, оглядѣли

*) „Коты“—обыкновенная обувь каторжника.

меня, что мнѣ сразу стало и жалко ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стыдно и совѣстно за свою свободу, за свой „вольный“ костюмъ, за тотъ вооруженный конвой, который мѣрно и часто шагалъ по откосу на высотѣ семи саженъ надъ нами, бряцая ружьемъ, револьверомъ и саблей.

Въ отдаленьи безмолвно отвозили на тачкахъ отбросы земли къ основанію выемки. Тачки безшумно катились по рельсамъ переносной желѣзной дороги системы Декавилля, подгоняемая одинокими каторжниками, и только изрѣдка слухъ мой улавливалъ не то звонъ, не то лязгъ. Подошедши ближе, въ сопровожденіи все того-же Могылы, я догадался, отчего такъ безмолвны и мрачны погонщики— гораздо мрачнѣе тѣхъ, которыхъ я только-что видѣлъ, — и отчего происходитъ лязгъ, поразившій мой слухъ.

Эти люди были прикованы къ тачкамъ желѣзной цѣпью, какъ хищные звѣри.

И грустно, и тяжело, и жутко видѣть человѣка въ положеніи звѣря... Жутко до ужаса, до потери сознанія... Я невольно отшатнулся отъ этого зрѣлища и, подъ звонъ кандаловъ и желѣзныхъ оковъ, напѣвавшихъ свою неумолимую, вѣчную, жестокую пѣсню, началъ торопливо взбираться по откосу изъ выемки, волнуемый самыми противоположными чувствами, раздираемый самыми мучительными вопросами.

— Паночку, а паночку!—донесся вдругъ до меня робкій голосъ Могылы, о которомъ я почти совсѣмъ позабылъ подъ впечатлѣніемъ только-что видѣнной мною печальной картины.

Въ голосѣ моего загадочнаго спутника мнѣ послышалась такая жалобная, страдальческая нотка, что я невольно обернулся къ нему. Въ его лицѣ произошла непонятная мнѣ перемѣна. Онъ весь какъ-то съежился, сократился, такъ что казался вдвое меньше и ниже, чѣмъ раньше, и на его взволнованномъ лицѣ мелькала приниженная, робкая улыбка.

Какъ жалокъ, какъ безконечно жалокъ показался онъ мнѣ!

— Паночку, а паночку! А що я вамъ скажу?.. Та мени-жъ вже до дому треба...

И онъ заискивающе посмотрѣлъ на меня.

— Треба?—безсознательно переспросилъ я Могылу, будучи растроганъ до слезъ робкой мольбой, свѣтившейся въ его добрыхъ карыхъ глазахъ.—Треба?—вновь переспросилъ я, хотя и рѣшительно не понималъ, что происходитъ вокругъ меня.

— Ой, треба-жъ, паночку, давно вже треба... Та у мене-жъ тамъ

Каторжники, отвозящіе тачки.

дітки... Воны булы ще мали, якъ зробылы мене злодіемъ... Я-жъ хочу ихъ побачить... А хозяйство, волы?.. Хиба-жъ можно его надовго покынуть?.. Та бизъ мене тамъ такый гармыдеръ зробыться, що я и въ три годы кіньцивъ не зведу... Ой, треба-жъ, паночку... Ой, дуже-жъ мени треба!..—Въ голосѣ Могылы зазвучали неподдѣльныя слезы. Въ это время на опушкѣ окаймляющей домъ начальника каторги рощи показался одинъ изъ администраторовъ каторги, и Могыла отошелъ въ сторону, оставивъ меня еще въ большемъ недоумѣніи, чѣмъ въ какомъ я былъ прежде.

Въ тотъ-же день я вновь встрѣтилъ Могылу. Въ это время мнѣ уже успѣли разъяснить тайну костюма моего загадочнаго собесѣдника.

Онъ былъ привезенъ во Владивостокъ два года назадъ въ числѣ прочихъ ссыльно-каторжныхъ, отправленныхъ сюда изъ Одессы на работы по постройкѣ Уссурійской желѣзной дороги. По освидѣтельствованіи и осмотрѣ подлежащими властями, онъ былъ признанъ годнымъ къ производству работъ и тѣмъ избѣжалъ отправки на Сахалинъ, котораго почему-то всѣ молодые каторжники боятся пуще смерти. Съ первыхъ-же дней по водвореніи во временныхъ желѣзнодорожныхъ каторжныхъ командахъ Могыла занялъ положеніе совершенно отличное отъ положенія прочихъ „несчастненькихъ". Подкупающее, открытое, честное лицо, безхитростность, правдивость и искренность, почти дѣтская наивность сразу выдѣлили Могылу изъ ряда окружающихъ его прожженныхъ, насквозь пропитанныхъ фальшью и злобой людей и заслужили ему расположеніе всѣхъ знавшихъ его начальствующихъ лицъ. Слухъ о немъ вскорѣ дошелъ до самого начальника каторги, и онъ взялъ его къ себѣ въ услуженіе, даровавъ ему право носить „вольный" костюмъ и ходить по всей каторгѣ безъ конвоя и желѣзныхъ цѣпей.

И Могыла не обманулъ того высокаго и исключительнаго довѣрія, которое было ему оказано. Онъ пекся объ интересахъ начальника, какъ о своихъ собственныхъ, и несъ свою службу *) замѣчательно исправно.

Въ Кондуитномъ спискѣ этого заинтересовавшаго меня человѣка значилось, что онъ судился за самосудъ надъ конокрадомъ полтавскимъ окружнымъ судомъ и приговоренъ къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ.

---

*) Замѣчу, кстати, что каторжники обыкновенно именно этимъ терминомъ опредѣляютъ свое положеніе на каторгѣ.

Благодаря майскому манифесту 1891 года, срокъ пребыванія Могылы на каторгѣ долженъ былъ быть сокращенъ на цѣлую треть, въ видѣ особой милости, за участіе его въ сооруженіи великаго сибирскаго пути, и нынѣ ему уже осталось лишь всего нѣсколько мѣсяцевъ до этого желаннаго момента, когда онъ навсегда разстанется съ каторгой,—которой онъ, впрочемъ, благодаря счастливой случайности, близко и раньше не зналъ, — и перейдетъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ ему нужно будетъ поселиться навсегда на пугающемъ его „Соколиномъ островѣ", гдѣ ему дадутъ клочекъ земли, лѣсу на домикъ, а также жену... изъ такихъ-же „поселокъ", какъ и онъ самъ.

Служащіе на каторгѣ подозрѣвали, что въ дѣлѣ Могылы не все было ладно и что въ судьбѣ этого несчастнаго играла, вѣроятно, не послѣднюю роль—случайность.

— Не можетъ-же быть, говорилъ одинъ, чтобы человѣкъ съ такимъ открытымъ лицомъ могъ убить своего ближняго. Тутъ что-нибудь да неладно.

— Увѣряю васъ, онъ—жертва судебной ошибки или—еще хуже—онъ взялъ на себя чужой грѣхъ,—говорилъ мнѣ другой.

И глядя на Могылу, который снова стоялъ предо мною понурый, убитый, приникши, я и самъ началъ думать, что въ дѣлѣ его не все было ладно.

— Какъ попалъ ты сюда?

— По прыговору, паночку, по прыговору... Судылы мене, дуже судылы...

— Я это знаю... Но что-же ты сдѣлалъ?

— Цыгана убывъ, зовсимъ, паночку, убывъ, до смерти убывъ...

— За что?

— Коней покравъ...

— Это правда?

Нѣсколько мгновеній Могыла хранилъ мертвое молчаніе. Потомъ его сразу какъ будто прорвало.

— Ой, неправда-жъ, паночку, усе неправда, не вирьте цему..., — быстро заговорилъ онъ голосомъ, полнымъ отчаянья. — Що-жъ мени робыты теперь? Куды диться, де заступы шукать? Ой, поможьте, паночку, поможьте, викъ буду Бога молыть... Ой, поможьте-жъ, поможьте!..

И раньше, чѣмъ я успѣлъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ вокругъ меня, Могыла упалъ мнѣ въ ноги и обхватилъ мои колѣни, испуская все тотъ-же страдальческій крикъ: „Ой, поможьте-жъ.

поможьте!“, отъ котораго у меня, положительно, кровь стыла въ жилахъ.

— Встань, ну встань-же! — крикнулъ я, наконецъ, ему, но онъ продолжалъ кататься по землѣ все съ тѣмъ-же раздирающимъ душу крикомъ: „Ой, поможьте! поможьте!“

„Если онъ правъ, если на его душѣ и совѣсти дѣйствительно нѣтъ того преступленія, въ которомъ онъ обвиненъ, то его положеніе должно быть ужасно по своей абсолютной безъисходности и безнадежности“,—подумалось мнѣ, и чувство состраданія и жалости къ этому, во всякомъ случаѣ, глубоко-несчастному человѣку вновь сжало мнѣ сердце, словно тисками.

Мы, люди свободы и собственной воли, едва-ли даже можемъ понять, что должно происходить въ сердцѣ человѣка, лишеннаго всѣхъ правъ. Мнѣ кажется, стоитъ любому изъ насъ хоть на мгновенье прочувствовать то, что чувствуетъ, чѣмъ дышетъ этотъ несчастный, отверженный „варнакъ“ каждый день и каждый часъ, чтобы сойти съ ума отъ отчаянія или посѣдѣть въ одинъ мигъ до корня волосъ. И какъ велика должна быть живучесть надежды въ живомъ человѣкѣ, если даже въ томъ безъисходномъ положеніи, въ которомъ находится каторжный, у него является мысль, что его участь можетъ кто-нибудь измѣнить или улучшить.

— Ой, поможьте-жъ, поможьте!...—продолжалъ, между тѣмъ, Могыла наполнять воздухъ своими раздирающими стонами, которые, видимо, относились даже не ко мнѣ, а къ чему-то грозному, неумолимому, безпощадному, что заслоняло отъ него его дѣтей, жену, „волы и хозяйство“.

— Встань-же! Ну, встань, успокойся и разскажи мнѣ, въ чемъ дѣло.

Могыла поднялся, наконецъ, съ земли и, отирая рукавомъ своей свитки обильно-льющіяся слезы изъ глазъ, началъ разсказывать мнѣ свою краткую повѣсть.

...Онъ, оказывается, совсѣмъ не убивалъ конокрада-цыгана:—вѣдь это-же такой „гріхъ велыкій, дуже велыкій гріхъ“. Вѣдь, и цыганъ, хоть онъ и конокрадъ и сдѣлалъ громадѣ не мало бѣдъ, тоже жить хочетъ, а развѣ можно запретить ему жить, „хиба-жъ таки можно отнять у его то, що ему давъ самъ Господь мылосердый“... Положимъ, цыганъ — человѣкъ скверный, „ой, дуже-жъ винъ скверный“, но, вѣдь, на то есть начальство: „воно цего не любыть и само уже розбере; наше діло — приставь, его — розбирать“. Нѣтъ, онъ совсѣмъ не убивалъ конокрада!.. Но, вѣдь, цыганъ убитъ? Убитъ, конечно, убитъ. И какъже вы хотите, чтобы онъ не былъ убитъ, когда его били, быть мо-

жетъ, „зъ пивсотни“ людей?! И Нечипоръ его билъ, и Хведоръ, и Панкратъ да и Дорошъ,—мало-ли кто ни билъ его; и онъ, Могыла, „ще двічы штовхнувъ“ каблукомъ его въ бокъ... Да и какъ-же не бить его? Вѣдь еще наканунѣ цыганъ этотъ свелъ у Могылы послѣднюю лошадь: „хоть-бы й на васъ то, паночку“... Но чтобы убивать конокрада — нѣтъ, этого Могыла не дѣлалъ. „Штовхнувъ его, правда, лишь двічы“ легонько и только; нѣтъ, онъ совсѣмъ не убивалъ конокрада; вѣдь, это такой грѣхъ передъ Богомъ, такой „велыкій, дуже велыкій гріхъ“. Онъ и на судѣ показалъ такъ. Могыла „не бреше, бо й брехать тоже гріхъ передъ Богомъ: вінъ, Мылосердый, усе знае на неби, що діется зъ нами“.

Какъ ни старался я убѣдить своего собесѣдника, что вина его не стала меньшей оттого только, что онъ всего „двічы штовхнувъ“ конокрада, который, въ концѣ-концовъ, все-таки умеръ отъ нанесенныхъ, быть-можетъ, имъ-же побоевъ, — Могыла стоялъ на своемъ, упорствуя съ какой-то дѣтской темнотой и наивностью на своихъ оригинальныхъ воззрѣніяхъ, искренность которыхъ болѣе всего убѣждала меня, что не кандалы и оковы могутъ исправить и измѣнить его своеобразные взгляды, а хорошая школа...

— Ну, допустимъ,—разсуждалъ далѣе Могыла,—онъ убилъ конокрада.—Хорошо. Его осудили... Онъ терпѣливо несетъ наказаніе. Теперь скоро кончается срокъ, и его пошлютъ „прямо къ злодіямъ“ на „Соколиный островъ“... Да развѣ-жъ ему тамъ что-нибудь нужно, или онъ тамъ забылъ что-нибудь? Вѣдь, ему „треба до дому“, у него тамъ „и жинка, и діты, и волы, и хозяйство“, оно, того гляди, и такъ прахомъ пошло за то время, что его оторвали отъ дому; чѣмъ-же будутъ жить „жинка и діты?“... Ну, наказали, „хай Богъ зъ нымъ“, ничего не подѣлаешь: — что-же, начальство недовольно имъ, что-ли? Нѣтъ, никто про Могылу не скажетъ, что онъ несъ плохо службу. Начальство довольно имъ, онъ честно служилъ; онъ не то что тѣ, „злодіі“, что въ кандалахъ и съ бритыми головами живутъ вонъ въ тѣхъ баракахъ и которые „якъ заведуться“, то такъ и норовятъ другъ друга въ бокъ ножомъ пырнуть, „хай Богъ мылуе зъ ними звьязаться“. Какойже онъ „злодій“? Онъ и самъ ихъ боится, „цуръ имъ и пекъ“!...

Ну, наказали, „та й годи!“ Его-жъ наказали для того, чтобы онъ больше не „штовхалъ“ конокрада?! Онъ и не будетъ „штовхать“. Вотъ это ужъ вѣрно: не будетъ. — „А колы Могыла що скаже, то ему можно вірыть“. — „Ни, годи, теперь вже не буде“! Чего-жъ его держатъ тутъ съ „злодіями“? Хоть начальство „усе знае, що робе“, а

только Могыла осмѣливается думать, что такъ не годится: „за не ви що держать чоловика, а тамъ—пропадай и волы и хозяйство“, — „держать чоловика“, уже искупившаго свою вину, — „гадай, чи е ще вона?!“—двухлѣтнимъ сидѣньемъ въ неволѣ и отмѣнно хорошимъ поведеніемъ.—Нѣтъ, такъ не годится, Могыла-бы не „зробівъ цего“. Да и кому это нужно?

Несмотря на всѣ мои старанія разъяснить ему ошибку въ его заключеніяхъ, онъ по-прежнему съ непостижимымъ упорствомъ отстаивалъ свои странные выводы.

Да, подлинно, странны-ль они?

Умъ этого несчастнаго, невѣжественнаго, темнаго человѣка не могъ примириться ни съ моими доводами, ни съ существующими законами, ни съ безнадежностью и безъисходностью своего положенія, и онъ все настаивалъ на томъ, что ему „треба до дому“ и что онъ самъ нуженъ „хозяйству“, которое безъ него пропадаетъ.

Больше я не видѣлъ Могылы.

Но когда я уѣзжалъ, спустя нѣсколько недѣль, съ каторги, то предо мной все еще стоялъ образъ этого несчастнаго хохла, и въ темнотѣ лѣтней ночи, объявшей меня своимъ теплымъ дыханьемъ, я долго задавалъ себѣ мучительный вопросъ: „виноватъ-ли Могыла“?..

III.

„Каторжныя команды“.

„Временныя желѣзнодорожныя каторжныя команды“ созданы были Высочайше утвержденнымъ 24 февраля 1891 года положеніемъ комитета министровъ, вслѣдствіе засвидѣтельствованной министромъ путей сообщенія необходимости «привлечь къ постройкѣ Сибирской желѣзной дороги ссыльно-каторжный обязательный трудъ“. Необходимость эта вызывалась потребностью въ значительномъ количествѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, отсутствіемъ которыхъ страдала Восточная Сибирь и особенно Уссурійскій край, малозаселенный, малолюдный и едва только начинающій колонизироваться. Но, кромѣ установ-

ленія постояннаго кадра испытанныхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, учрежденіе «желѣзнодорожной каторги», какъ это видно изъ оффиціальнаго приказа по каторгѣ *), преслѣдовало еще и другую цѣль:—„испытать и провѣрить на большомъ опытѣ возможность полезно-производительнаго употребленія труда преступниковъ, что теоретически рѣшалось до послѣдняго времени отрицательно,—а также возможность организаціи такой системы наказанія тяжкимъ и принудительнымъ трудомъ, т.-е. каторжными работами, при которой преступники, оставаясь въ полномъ подчиненіи основнымъ тюремнымъ порядкамъ, могли-бы воспользоваться, однако-же, нѣкоторыми, не ослабляющими дисциплины льготами, въ такой мѣрѣ, какая окажется потребной для приданія ихъ труду возможно большей производительности и полезности для государства“.

Таковы—основная цѣль и мотивы учрежденія этого института.

Упомянутымъ положеніемъ комитета министровъ предоставлялось, между прочимъ, пріамурскому генералъ-губернатору (нынѣ покойному барону Корфу): 1) привлечь къ сооруженію Уссурійской желѣзной дороги ссыльно-каторжныхъ въ возможномъ числѣ, по его усмотрѣнію, и, по непосредственному соглашенію съ министерствомъ путей сообщенія, установить размѣръ ихъ заработной платы; 2) изъ зарабатываемыхъ ссыльно-каторжными суммъ отчислять въ пользу арестантовъ законную десятую часть изъ вырученной ихъ обязательными работами платы, а также, по его усмотрѣнію, дополнительное вознагражденіе въ случаѣ производства ими сверхъурочныхъ работъ. То-же „положеніе“ предоставляло генералъ-губернатору „обратить особенное вниманіе“ на необходимость предупрежденія возможныхъ неблагопріятныхъ послѣдствій чрезмѣрной скученности ссыльно-каторжныхъ при оставленіи ихъ въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ на мѣстахъ производства работъ и съ этой цѣлью распредѣлять назначенныхъ на строительныя работы ссыльно-каторжныхъ на время зимняго перерыва работъ между проектированными на мѣстахъ помѣщеніями, если-бы таковыя оказались пригодными для зимовки въ нихъ, и препровождать остальныхъ арестантовъ на Сахалинъ или въ другія ближайшія каторжныя тюрьмы и мѣста заключенія. Замѣтимъ здѣсь кстати, что послѣднее, какъ ока-

*) „Приказъ по временному управленію желѣзнодорожными каторжными командами“ отъ 27 іюля 1891 г., № 337. Приказы эти издавались начальникомъ каторги, инспекторомъ по тюремной части при пріамурскомъ генералъ-губернаторѣ г. Коморскимъ и разсылались всѣмъ, имѣвшимъ какое-либо отношеніе къ каторгѣ.

залось въ дѣйствительности, врядъ-ли могло-бы быть осуществимымъ, въ случаѣ если-бы на мѣстахъ работъ оказалось неудобнымъ размѣстить всѣхъ арестантовъ на зимовье, такъ какъ навигація на Сахалинѣ прекращалась значительно раньше прекращенія работъ, а размѣстить ихъ въ „ближайшихъ каторжныхъ тюрьмахъ и мѣстахъ заключенія“ явилось-бы дѣломъ еще менѣе выполнимымъ и осуществимымъ въ виду того, что ближайшая каторжная тюрьма отстоитъ на нѣсколько тысячъ верстъ отъ мѣста работъ (именно на Карѣ), а во всемъ Уссурійскомъ краѣ есть только одно мѣсто заключенія,—деревянная, ветхая тюрьма во Владивостокѣ, помѣщающаяся въ наемномъ зданіи, да и та постоянно переполнена своими, мѣстными преступниками.

Съ цѣлью поощренія ссыльно-каторжныхъ, генералъ-губернатору предоставлялось, далѣе, тѣмъ изъ нихъ, находящихся на желѣзнодорожныхъ работахъ, которые будутъ отличаться усердіемъ и безукоризненнымъ поведеніемъ, срокъ наказанія сокращать путемъ зачета одного года за полтора, причемъ условія и порядокъ примѣненія этой мѣры должны были опредѣляться его-же усмотрѣніемъ.

На основаніи упомянутаго положенія комитета министровъ, бар. Корфъ, приказомъ отъ 1-го марта того-же года, назначилъ начальникомъ „желѣзнодорожныхъ каторжныхъ командъ“ инспектора по тюремной части, присвоивъ ему права и власть начальника о. Сахалина, утвердилъ штаты „временнаго управленія желѣзнодорожными командами“, направилъ во Владивостокъ предназначенную къ высылкѣ на Сахалинъ (пароходомъ „Добровольнаго Флота“) 10-го марта того-же года изъ Одессы партію ссыльно-каторжныхъ въ 600 душъ,—и, такимъ образомъ, ядро желѣзнодорожной каторги было заложено.

По сдѣланному на мѣстѣ предварительному разсчету, положенному въ основаніе желѣзнодорожной каторги, средній составъ ссыльно-каторжныхъ, который долженъ былъ быть привлеченъ къ участію въ сооруженіи Уссурійской желѣзной дороги,—не долженъ былъ превышать 1.400 человѣкъ, причемъ предполагалось, начавъ съ упомянутыхъ выше 600 человѣкъ, ежегодно увеличивать количество арестантовъ, пока оно не достигнетъ предположенной нормы. Эти предположенія встрѣтили, однако-же, затрудненіе на практикѣ, въ силу недостатка рабочихъ рукъ, и уже при приступѣ къ работамъ (6 мая 1891 г.), бывшій тогда начальникомъ работъ по сооруженію Уссурійской желѣзной дороги инж. Урсати возбудилъ ходатайство предъ бар. Корфомъ о присоединеніи къ ссыльно-каторжнымъ вольнонаемныхъ

поселенцевъ съ тѣмъ, чтобы эти послѣдніе, смотря по надобности и удобствамъ, или работали за счетъ „временнаго управленія“ каторжными командами, или-же отдавались въ наемъ отдѣльнымъ подрядчикамъ организованными артелями. Покойный генералъ-губернаторъ уважилъ это ходатайство и разрѣшилъ начальнику „временнаго управленія каторжными командами“ законтрактовывать на о. Сахалинѣ ссыльно-поселенцевъ, но съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ отдачи ихъ артелями отдѣльнымъ подрядчикамъ, на „временномъ управленіи“ все-же лежало наблюденіе за ихъ поведеніемъ и попеченіе объ уплатѣ имъ жалованья.

Такимъ образомъ, было положено основаніе и учрежденію „поселенческихъ командъ“ въ краѣ *).

Центральное управленіе каторжными и поселенческими командами сосредоточивалось въ рукахъ одного и того же инспектора, резиденціей котораго былъ лагерь „Новоселье“.

Лагерь этотъ былъ расположенъ въ тайгѣ у самаго полотна предположенной линіи желѣзной дороги. Мѣсто здѣсь глухое и болотистое, почему для лагеря, который долженъ былъ служить центральнымъ административнымъ и хозяйственнымъ пунктомъ временной желѣзнодорожной каторги, и постарались выбрать, по возможности, возвышенное мѣсто. Для распланировки предстоящаго поселенія, выкорчевки пней, устройства „времянки“ и всѣхъ необходимыхъ сооруженій и приспособленій для жилья, помѣщенія каторги, мастерскихъ, инвентаря и т. п., предшествовавшей зимой откомандирована была сюда съ Краснаго мыса **) одна поселенческая команда въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, которая въ теченіи продолжительной и суровой зимы, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, создала здѣсь, въ глухой, непроходимой и неприступной тайгѣ, очень уютный уголокъ. Право, непредупрежденный и не предубѣжденный посѣтитель могъ-бы принять, по внѣшнему виду, этотъ лагерь за обширную мызу какого-нибудь зажиточнаго нѣмца-колониста!

По фасаду полотна желѣзной дороги, на небольшомъ разстояніи отъ глубокой семисаженной выемки, тянется ровная линія чистень-

*) Всего въ поселенческихъ командахъ состояло ссыльно-поселенцевъ: въ 1891 г.— 308 душъ, 1892—1.149 душъ и 1893 г.—1.268 душъ. За тотъ-же періодъ состояло ссыльно-каторжныхъ: въ 1891 г.—679 душъ, въ 1892 г.—988 душъ и въ 1893 г.— 1.021 д.

**) Каторжныя и поселенческія команды находились раньше б[illegible] Владивостока, въ урочищѣ „Красный Мысъ“, на 9-й верстѣ строящейся линіи [illegible]лѣзной дороги

кихъ деревянныхъ одноэтажныхъ зданій, просторно расположившихся другъ противъ друга. Здѣсь находится небольшая часовня (у самой околицы), огромный складъ матеріаловъ и пищевыхъ запасовъ, небольшая лавчонка, временно устроенная однимъ большимъ торговымъ домомъ изъ Владивостока, канцелярія каторги, помѣщеніе для нѣкоторыхъ служащихъ и общая столовая. Линія этихъ зданій окаймляется съ противоположной стороны неширокой лентой чудесной рощицы изъ вѣковыхъ деревьевъ. Роща эта расчищена, приведена въ порядокъ, кое-гдѣ засажена цвѣтами занята клумбами, цвѣтниками. Солнце такъ ярко здѣсь свѣтитъ, цвѣты, клумбы придаютъ всему такой симпатичный и уютный видъ, что какъ-то не вѣрится, что всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ здѣсь было логовище царя мѣстныхъ лѣсовъ—тигра, а нынѣ—одно изъ самыхъ мрачныхъ, печальныхъ и суровыхъ мѣстъ, откуда есть только одинъ выходъ—въ могилу.

Параллельно рощѣ, на небольшомъ отъ нея разстояніи, вытянулись въ одну линію постройки попроще. Здѣсь находится устроенная администраціей каторжныхъ командъ мельница, приводимая въ движеніе локомобилемъ, далѣе—обширныя хлѣбопекарни, кузницы, мастерскія, погреба и, наконецъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ, небольшой бревенчатый казематъ –карцеръ. Линія этихъ зданій заканчивается рядомъ длинныхъ бараковъ,—помѣщеній для ссыльно-каторжныхъ. Они наполовину углублены въ землю, покрыты снаружи землей и глиной и не имѣютъ оконъ, за исключеніемъ немногихъ отверстій, продѣланныхъ въ крышѣ, откуда проникаетъ внутрь свѣтъ и свѣжій воздухъ черезъ жестяныя трубы. Позади всѣхъ этихъ зданій начинается уже тайга. Линія ихъ замыкается съ одной стороны (у бараковъ) обширнымъ скотнымъ дворомъ, съ другой (близь мельницы)—зданіемъ больницы. Невдалекѣ отъ нея, но совсѣмъ на отшибѣ, уединенно стоитъ одинокій домъ—дача, съ балкономъ, верандой и вышкой,—жилище врача.

По другую сторону выемки изъ зелени и деревьевъ, покрывающихъ всю площадь вплоть до видимаго горизонта, кокетливо выглядываетъ ярко-красная (кирпичнаго цвѣта) крыша какого-то страннаго, огромнаго, высокаго зданія съ башенками, колоннами, вышкой, балконами, высоко вздымающимися надъ окрестной тайгой. Позади этого зданія, напоминающаго собою издали замокъ средневѣковыхъ рыцарей, виднѣется обширный дворъ съ безчисленными постройками, пристройками и надстройками, окаймляемый роскошнѣйшимъ естественнымъ паркомъ—дремучей тайгой, тянущейся далѣе на многіе

десятки верстъ, вплоть до китайской границы. То не замокъ владѣтельнаго принца, какъ это подсказываетъ воображеніе, а жилище нынѣшняго царя мѣстныхъ лѣсовъ—„господина инспектора".

Меня потянуло прежде всего туда, къ баракамъ ссыльно-каторжныхъ. Приблизившись къ нимъ, я увидѣлъ у входныхъ дверей группы каторжныхъ, въ „котахъ" на босую ногу, сѣрыхъ арестантскихъ халатахъ и такихъ-же фуражкахъ безъ козырьковъ. При видѣ незнакомаго лица они съ любопытствомъ повернулись ко мнѣ. Боже! какія изможденныя лица, впалыя груди, печальные взоры. Мое первоначальное желаніе вступить съ ними въ бесѣду испарилось во мгновеніе ока. Въ необыкновенномъ смущеніи я постарался скорѣе уйти далѣе отъ этихъ вѣчныхъ невольниковъ, опустивъ глаза и будучи не въ силахъ смотрѣть на нихъ. Таково было первое впечатлѣніе при непосредственномъ столкновеніи съ этими несчастными.

....Ночь на каторгѣ длится недолго. Въ половинѣ пятаго утра уже всѣ на мѣстахъ. Еще не успѣетъ забрезжить слабый утренній свѣтъ, какъ по лагерю уже начинаютъ сновать въ разныя стороны сѣрыя тѣни конвойныхъ, кое-гдѣ освѣщающихъ себѣ дорогу тусклымъ свѣтомъ керосиновыхъ фонарей, мерцающихъ въ предъутреннемъ мракѣ. Звякнулъ призывный колоколъ, рѣзко нарушая господствующую вокругъ мертвую тишину, и изъ бараковъ, какъ шмели, выползаютъ каторжники. Раздается рѣзкая, повелительная команда надзирателя; каторжники безшумно выстраиваются „на повѣрку" и послѣ негромкой, торопливой переклички, вся команда „въ ногу" снимается съ мѣста и, окруженная вооруженнымъ патрулемъ, направляется къ мѣсту работъ, находящихся тутъ-же, у лагеря.

Медленно, точно нехотя, поодиночкѣ спускаются каторжники въ глубокую, семисаженную выемку по крутой деревянной лѣстницѣ и пропадаютъ въ глубинѣ ея. Еще совершенно темно. Востокъ чуть-чуть начинаетъ румяниться и золотиться отъ лучей гдѣ-то тамъ, за тайгой, восходящаго солнца, отъ чего всѣ предметы вокругъ принимаютъ какой-то странный, фантастическій видъ. На минуту сѣрыя тѣни каторжниковъ совсѣмъ исчезаютъ изъ вида. Приглядѣвшись внимательнѣе, можно увидѣть на днѣ выемки копошащуюся сѣрую массу.

Начинаетъ свѣтать. Окружающіе предметы принимаютъ уже болѣе опредѣленную форму, очертанія ихъ становятся мало-по-малу менѣе расплывчатыми и болѣе рѣзкими и рельефными. Можно уже хорошо разглядѣть волнистое, взбугренное, точно вспаханное гигантскимъ плугомъ глинистое дно выемки, по которой въ разныхъ мѣ-

стахъ съ лопатами, заступами, кайлами и ломами снуютъ, то поодиночкѣ, то группами фигуры „несчастненькихъ“. По самому дну выемки проложены рельсы переносной желѣзной дороги (системы Декавилля), идущіе вплоть до выхода изъ выемки, за которой сейчасъ-же начинается насыпь. Благодаря естественному уклону по направленію къ насыпи, быстро катятся туда вагонетки, сопровождаемыя обыкновенно однимъ каторжникомъ, стоящимъ на задней площадкѣ. На его обязанности лежитъ опорожнять вагонетки отъ груза, что достигается путемъ простаго переворачиванія висящей на ней тачки. Сопровождаютъ вагонетки обыкновенно кандальные каторжники, т.-е. такіе, которые выходятъ закованными въ кандалы (ножные; ручные кандалы на время работъ снимаются) даже на работы: это—или пойманные въ бѣгахъ, или каторжники, совершившіе какія-нибудь другія преступленія и проступки, или-же поселенцы, обращенные „во временныя заводскія работы“ за какія-нибудь провинности. Тяжелое впечатлѣніе производятъ ихъ суровыя, бритыя лица и головы *). Остальные каторжники свободны отъ кандаловъ.

Вся площадь работъ оцѣплена конвоемъ, зорко слѣдящимъ съ высоты откоса за каждымъ движеніемъ каторжниковъ. Патруль, часовые и конвойные находятся наверху, у самаго края „бровки“ откоса. Охрана производится вооруженными солдатами, каждому изъ которыхъ ввѣряется по десятку каторжниковъ подъ личную его отвѣтственность. Онъ самъ разставляетъ ихъ на работы и слѣдитъ только за своимъ десяткомъ; до остальныхъ ему дѣла нѣтъ.

Работа производится каторжниками поурочно. „Съ цѣлью пріохотить ихъ къ труду и поощрить ихъ усердіе къ работѣ“, на первое время были назначены слѣдующія нормы урочныхъ работъ: въ обыкновенномъ грунтѣ (т.-е. мягкомъ, безъ примѣси глины и камней)—0,25 куб. саж. въ день для одного человѣка, въ каменистомъ грунтѣ—0,165 куб. саж. и въ скалистомъ—0,11 куб. саж., считая въ томъ числѣ и отвозъ грунта на 100 саженъ. Это—работы обязательныя, за которыя вознагражденія каторжникамъ никакого не полагается. За всѣ-же работы сверхъурочныя установлена была такая плата въ пользу каторжныхъ: за одну куб. саж. (выемки или насыпи) въ грунтѣ первой категоріи—1 р., второй категоріи—1 р. 50 к. и третьей—2 р. 50 к.

*) При всякомъ случаѣ наложенія кандаловъ такое бритье обязательно; всѣ-же остальные каторжники каждое воскресенье стригутся лишь подъ гребенку.

Послѣдующій опытъ указалъ, однако-же, что каторжники, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не вырабатывали даже своихъ уроковъ. Сказалась въ этой малоуспѣшности самая обязательность и принудительность работы, вліяло-ли здѣсь то, что контингентъ рабочихъ не соотвѣтствовалъ по самому своему составу условіямъ, которыя должны быть предъявляемы къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ, отражались-ли на этомъ какія-нибудь постороннія вліянія,—мы судить не можемъ, за отсутствіемъ данныхъ.

Спустя два года (т.-е. уже въ 1893 г.), прежде установленный порядокъ вознагражденія каторжныхъ былъ отмѣненъ, и въ измѣненіе его установленъ былъ слѣдующій: опредѣленіе урока предоставлено было техническимъ надзирателямъ, выдающимъ за каждый выполненный урокъ урочную марку; сверхъурочная работа опредѣлена была въ размѣрѣ 0,20 куб. саж., за что выдается сверхъурочная (красная) марка. За невыполненный урокъ вознагражденія не полагается, и перенесеніе работъ съ одного дня на другой ни по урочной, ни по сверхъурочной работѣ (что̀ допускалось прежними правилами)—не дозволяется. При этомъ постановлено было, между прочимъ, слѣдующее правило: „сверхъурочная работа менѣе 0,20 куб. саж. не вознаграждается вовсе, а болѣе 0,20 куб. саж.—не поощряется“. Марки предположено было размѣнивать два раза въ мѣсяцъ, причемъ за урочную марку установлено было вознагражденіе въ размѣрѣ 5 коп., а за сверхъурочную—въ размѣрѣ 10 коп.

Управленіе каторгой взяло на себя устройство земляныхъ работъ съ 238-й по 328-ю версту строящейся Уссурійской желѣзной дороги, и на всемъ этомъ разстояніи, въ различныхъ пунктахъ, расположены были каторжныя и поселенческія команды. Отдѣльныя команды обыкновенно не имѣли опредѣленнаго, разъ навсегда установленнаго количества человѣкъ, а формировались по мѣрѣ надобности, съ окончаніемъ данной имъ работы: въ 1891 г., напримѣръ, было десять каторжныхъ и шестнадцать поселенческихъ командъ, а во время моего пребыванія въ „Новосельи“—всего лишь пять каторжныхъ командъ и шесть поселенческихъ. Послѣднія работали не въ самомъ „Новосельи“, а къ сѣверу отъ него, верстахъ въ девяти-десяти и далѣе, почти вплоть до озера Ханка. На другое или третье утро по прибытіи въ „Новоселье“ я отправился въ одну изъ ближайшихъ поселенческихъ командъ.

Поселенческую команду, числомъ около ста человѣкъ, я засталъ во время работы: заканчивалась небольшая насыпь и отдѣлка пути.

Что меня прежде всего поразило, это—полное отсутствіе военнаго караула или какого-нибудь другого конвоя. Поселенцы были совершенно свободны и по наружному виду ихъ можно было-бы принять совсѣмъ за „вольныхъ“ рабочихъ, если-бы не этотъ землистый „сахалинскій“ цвѣтъ ихъ лица, являющійся специфическимъ послѣдствіемъ долговременнаго тюремнаго заключенія и слѣдующихъ затѣмъ продолжительныхъ годовъ тяжелой сахалинской каторги.

Отсутствіе всякаго окарауливанія, такъ поразившее меня сначала, объясняется особенностями организаціи поселенческихъ командъ, дѣлающей постоянный конвой совершенно излишнимъ. Дѣло въ томъ, что всѣ поселенческія команды обязаны круговой порукой другъ за друга, и въ случаѣ побѣга кого-либо изъ членовъ команды, всѣ убытки, проистекающіе отъ того (стоимость провоза поселенца съ Сахалина въ Уссурійскій край, задаточныя деньги и проч.), взыскиваются съ артели. Понятно, артель зорко слѣдитъ за своими членами, и побѣги поселенцевъ—явленіе здѣсь сравнительно рѣдкое. Притомъ-же, и наказанія за побѣгъ очень суровы.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что поселенцы лишены всякаго контроля и надзора со стороны мѣстной каторжной администраціи (завѣдывающаго командой и техническаго надзирателя): ежедневно по 2 раза (утромъ, при выходѣ на работу, и вечеромъ, по возвращеніи съ нея) имъ неукоснительно производится повѣрка смотрителемъ команды, сдающимъ ихъ подъ росписку техническому надзирателю, который такимъ-же способомъ возвращаетъ ихъ обратно.

Обходя затѣмъ юрты и палатки поселенцевъ, я замѣтилъ также на каждой изъ нихъ, у входа, таблички съ надписью, сколько людей ночуетъ въ каждомъ помѣщеніи. Сдѣлано это на случай внезапныхъ ночныхъ повѣрокъ, которыя совершаются очень часто.

Въ первое время учрежденія поселенческихъ командъ временное управленіе не находило частныхъ подрядчиковъ, которые желали-бы нанять поселенцевъ для производства желѣзнодорожныхъ работъ, и поэтому они работали за счетъ „временнаго управленія“, причемъ установлена была сдѣльная организація ихъ труда. Но этотъ опытъ оказался неудачнымъ *), и управленіе каторгой измѣнило условія, порядокъ найма и самую организацію ихъ труда. Въ то-же время усилился спросъ на рабочія руки, и частные подрядчики стали брать ихъ у временнаго управленія буквально на расхватъ.

---

*) Поселенческія работы дали дефицитъ въ первый годъ въ суммѣ 3.651 р.

День моего пребыванія въ поселенческихъ командахъ ознаменованъ былъ, между прочимъ, неожиданнымъ кровавымъ происшествіемъ. Поутру, во время переклички, не досчитались одного изъ поселенцевъ. Кинулись его искать и невдалекѣ отъ поселенческихъ юртъ нашли его окровавленный и истерзанный трупъ. Повидимому, онъ палъ жертвою товарищескаго самосуда. Слѣдствіе по этому дѣлу, дѣйствительно выяснило, какъ мнѣ потомъ передавали, что непосредственной причиной самосуда служило излишнее служебное усердіе и ревность убитаго. Судьба его довольно любопытна. Съ самаго пріѣзда съ Сахалина онъ заслужилъ особое довѣріе начальства своей угодливостью, расторопностью и усердіемъ. Путемъ продолжительно усердной и ревностной службы, онъ добился даже того, что ему неоднократно давали различныя отвѣтственныя порученія, посылали за покупками и т. д. Заручившись довѣріемъ и пользуясь большой свободой, онъ въ одинъ прекрасный день укралъ у мѣстнаго фельдшера его паспортъ и бѣжалъ. Долго не могли найти его; наконецъ, его поймали въ Благовѣщенскѣ, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ мѣста расположенія каторжныхъ командъ. По возвращеніи оттуда, онъ былъ закованъ въ кандалы и подвергся одной изъ неизбѣжныхъ операцій,—позорному бритью половины головы. Расторопность, покорность и усердіе опять сдѣлали ему карьеру: онъ былъ освобожденъ отъ заключенія и кандаловъ и посланъ на работы. Вскорѣ онъ добился повышенія и былъ посланъ въ посѣщенную мной поселенческую команду уже въ качествѣ наблюдателя за работами поселенцевъ. Но это и привело его къ гибели. Спустя всего недѣлю, онъ найденъ былъ убитымъ.

IV.

Среди каторжниковъ.

$7^1/_2$ часовъ вечера. Зазвучалъ призывный колоколъ; работа кончена *), и каторжники длинной вереницей потянулись къ баракамъ.

*) Приказомъ начальника каторги установлено: начинать работу съ 1-го апрѣля по 15-е іюля въ 4 ч. утра, кончать—въ 8 ч. вечера; на обѣдъ и отдыхъ $2^1/_2$ ч. Съ 15-го іюля по 1-е сентября начало работы въ $4^1/_2$ ч. утра, окончаніе — въ $7^1/_2$ ч. веч., на отдыхъ $1^1/_2$ ч.; затѣмъ въ остальное время работа начинается въ 5 ч. утра, кончается въ 7 ч. вечера.

Тихо, неслышно, безшумно ступаетъ эта мрачная, угрюмая, сѣрая армія въ своихъ мягкихъ „котахъ". Ничто не нарушаетъ молчанія. Не слышно ни шума, ни смѣха, ни пѣсенъ. Лишь кое-гдѣ безмолвную тишину нарушаетъ рѣзкій лязгъ кандаловъ, заставляющій вздрагивать непривычнаго городскаго жителя. Короткая кандальная цѣпь вновь звякнула и вновь то-же безмолвіе. Кандальники обладаютъ удивительнымъ умѣніемъ носить кандалы. Только опытный глазъ можетъ замѣтить присутствіе ихъ поверхъ несложнаго костюма каторжниковъ. Лишь по тяжелой, неуклюжей походкѣ каторжника можно догадаться, что онъ чѣмъ-то связанъ, что что-то тяжелое, безнадежное, крѣпкое гнететъ его къ землѣ.

У бараковъ команды выстраиваются. Происходитъ вечерняя повѣрка, послѣ которой отправляются на молитву, затѣмъ, послѣ короткаго ужина, проходящаго въ такомъ-же мрачномъ, тяжеломъ, унылом безмолвіи, они отправляются внутрь бараковъ. Къ дверямъ приставляются часовые, огни тушатся, — и въ лагерѣ наступаетъ мертвая тишина.

Не спятъ лишь въ одной „канцеляріи". Занятія прекращаются здѣсь обыкновенно не раньше 11 ч. ночи. Писцами въ канцеляріи являются тѣ-же каторжники, за исключеніемъ двухъ-трехъ вольнонаемныхъ писцовъ или счетчиковъ. Сюда назначаются лишь лица, особо рекомендованныя своимъ непосредственнымъ начальствомъ и извѣстныя „своими выдающимися нравственными качествами".

Эти каторжники ходятъ уже въ штатскомъ платьѣ, — pium-desiderium каторжниковъ *), что такъ сближаетъ ихъ съ обыкновенными людьми. Писцы и счетчики, да еще прислуга начальствующихъ лицъ, это—аристократы каторги. Они образуютъ совершенно самостоятельную команду, значущуюся въ такъ-называемомъ „именномъ нарядѣ", и совершенно выдѣлены изъ состава прочихъ командъ и даже исключены изъ пищеваго довольствія ихъ, которое получается ими на руки, въ размѣрѣ 7—8 р. въ мѣсяцъ, кромѣ жалованья, получаемаго каждымъ изъ нихъ въ размѣрѣ до 20 р. въ мѣсяцъ, глядя по способностямъ и

---

*) Страсть къ штатскому платью просто трогательна у нѣкоторыхъ каторжниковъ. Иные по цѣлымъ годамъ терпятъ муки полу-голода, продаютъ свои пайки и терпятъ всевозможныя лишенія, лишь-бы сколотить себѣ сумму, достаточную для покупки запретнаго плода,—пиджака или „жилетки", которой, впрочемъ, можно щегольнуть лишь тайкомъ отъ зоркаго глаза часоваго, въ мрачной пещерѣ барака. Вѣдь, жилетка,—это въ данномъ случаѣ единственный предметъ, напоминающій о былыхъ дняхъ свободы.

мѣсту, занимаемому имъ въ іерархической лѣстницѣ „каторжныхъ“ должностей.

Главные кадры ихъ вербуются изъ такъ-называемыхъ „интеллигентныхъ преступниковъ“. Во время моего пребыванія въ „Новосельи“ въ числѣ писцовъ находились, напримѣръ, двое осужденныхъ, процессы которыхъ надѣлали когда-то много шума въ Европейской Россіи. Одинъ изъ нихъ, бывшій офицеръ Г., симпатичный, пожилой мужчина, съ открытымъ, благороднымъ лицомъ. Другой, именуемый здѣсь „математикомъ“,—нѣсколько лѣтъ назадъ былъ преподавателемъ гимназіи, гдѣ-то около Тифлиса. Немолодымъ уже человѣкомъ женился онъ на мѣстной красавицѣ туземнаго (кавказскаго) происхожденія. Его семейное счастье длилось недолго и уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы ревность привела его къ двадцатилѣтней каторгѣ. Нынѣ онъ служитъ счетчикомъ въ канцеляріи начальника каторги. Его непосредственный начальникъ (бухгалтеръ временнаго управленія изъ вольнонаемныхъ) не нахвалится имъ.

Остальные каторжники, зачисленные въ „именной нарядъ“, занимаютъ самыя разнообразныя должности. Есть между ними телеграфисты *), телефонисты, печатники (заготовляющіе бланки и пр. для нуждъ временнаго управленія) и даже фотографъ, снимающій виды каторжныхъ работъ. У меня есть нѣсколько снимковъ этихъ работъ, сдѣланныхъ здѣсь на каторгѣ, и, право, по качеству работы и чистотѣ отдѣлки съ ними едва-ли могутъ сравниться многіе наши провинціальные фотографы. Да и самый видъ у мѣстнаго „фотографа“ такой внушительный и приличный, что, право, какъ-то не вѣрится, что это—человѣкъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія.

Въ каторжныхъ и поселенческихъ командахъ, расположенныхъ внѣ „Новоселья“ въ различныхъ пунктахъ строящейся желѣзной дороги, высшія должности въ управленіяхъ смотрителей командъ также занимаются каторжниками, отправляющими здѣсь разнообразныя функціи— отъ писца до правителя полевой канцеляріи смотрителя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мнѣ передавали, эти правители являются главными властителями командъ и фактическими распорядителями судебъ ихъ. Все это, впрочемъ, зависитъ отъ личности того или другаго смотрителя.

---

*) Лагерь „Новоселье“ соединенъ собственнымъ телеграфомъ съ правительственной станціей въ Лоренцово и телефонной линіей со всѣми своими командами и Владивостокомъ.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о мѣстной каторжной администраціи. Сказывается-ли въ томъ недостатокъ подходящихъ людей въ Уссурійскомъ краѣ *),— одной изъ наиболѣе отдаленныхъ окраинъ нашихъ, — условія-ли самой тюремной службы вліяютъ на пониженіе ихъ нравственнаго и человѣческаго уровня, вліяютъ-ли здѣсь какія-нибудь другія, постороннія, независящія причины, — но слѣдуетъ признать, что, въ общемъ, административный персоналъ мѣстной временной каторжной администраціи (смотрителей, надзирателей и пр.) былъ неудовлетворителенъ, что, само собою разумѣется, дѣлаетъ до нѣкоторой степени гадательнымъ и проблематичнымъ достиженіе тѣхъ уголовно-исправительныхъ и экономическихъ цѣлей, которыя были положены въ основу учрежденія временныхъ желѣзнодорожныхъ каторжныхъ командъ.

Признаніе несостоятельности произведеннаго опыта примѣненія труда ссыльно-каторжныхъ къ сооруженію Уссурійской жел. дороги мы встрѣтили позже и въ авторитетномъ отзывѣ новаго приамурскаго генералъ-губернатора, ген.-лейт. Духовскаго.

Такъ, въ „Тюремномъ Вѣстникѣ“, издаваемомъ Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ, помѣщена выписка изъ всеподданнѣйшаго отчета приамурскаго генералъ-губернатора, ген.-лейт. Духовскаго за 1893, 1894 и 1885 гг. Между прочимъ, ген. Духовской говоритъ въ своемъ отчетѣ о результатахъ примѣненія труда ссыльно-каторжныхъ къ постройкѣ Сибирской желѣзной дороги.

«Однимъ изъ главнѣйшихъ затрудненій при приступѣ въ 1891 году къ постройкѣ Уссурійской желѣзной дороги былъ недостатокъ здѣсь рабочихъ рукъ. Въ виду сего, при самомъ разрѣшеніи вопроса объ этой постройкѣ, было положено, что безъ привлеченія къ этому дѣлу нижнихъ чиновъ и командъ изъ ссыльно-каторжныхъ невозможно приступить къ работамъ безотлагательно. Это послужило основаніемъ для организаціи законодательнымъ путемъ желѣзнодорожныхъ каторжныхъ командъ, которыя и были тотчасъ-же организованы и безъ малѣйшаго промедленія начали и одолѣли труднѣйшія работы на самомъ скалистомъ участкѣ дороги близъ Владивостока».

По отзывамъ начальниковъ работъ команды эти принесли неоспоримую пользу.

---

*) Начальникъ каторги разсказывалъ мнѣ, напр., что въ теченіи $2^1/_2$ лѣтъ въ командахъ смѣнилось *шестьдесятъ пять* надзирателей и огромное большинство ихъ— по совершенной непригодности.

Каторжникп ма молитвѣ.

„Будучи обезпечено столь значительною рабочею силою (до 3,000), управленіе работами оказалось въ состояніи установить и выдерживать умѣренныя цѣны, пока, въ теченіи 3-хъ лѣтъ, у частныхъ подрядчиковъ не сформировались артели рабочихъ изъ китайцевъ и русскихъ вольнонаемныхъ людей. Для достиженія указаннаго выше результата, т.-е. для нормировки цѣнъ, плата за работы каторжнымъ была опредѣлена еще до приступа къ работамъ, такъ сказать принципіально, безъ соотношенія къ мѣсту сихъ работъ и частнымъ условіямъ производства каждой изъ нихъ въ отдѣльности. На дѣлѣ это имѣло весьма существенное значеніе и потребовало, по окончаніи работъ, ходатайства о нѣкоторомъ возвышеніи означенной платы. Однако и съ такими добавленіями стоимость работы преступниковъ, разсчитанная исключительно на покрытіе текущихъ расходовъ, была наименьшая изъ всѣхъ способовъ производства работъ на Владивостокско-Графскомъ участкѣ“.

Съ окончаніемъ работъ на Владивостокско-графскомъ участкѣ, для котораго собственно и были учреждены желѣзнодорожныя каторжныя команды, весною 1894 г. онѣ были расформированы и отправлены на островъ Сахалинъ.

„Съ 23-го апрѣля 1891 года по 1-е ноября 1893 года каторжными и поселенцами исполнено на Уссурійской желѣзной дорогѣ земляныхъ работъ на 897,893 р. 65 к. и лѣсныхъ заготовокъ на 274,741 р. 40 к. Въ теченіи этого времени въ командахъ состояло отъ 600 до 3,000 человѣкъ (въ среднемъ 1,816 чел.), и, въ общемъ, за все время существованія командъ, обернулось 2,061,854 списочныхъ подещины. Опытъ выяснилъ, что работы каторжныхъ, весьма полезныя въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, тѣмъ менѣе выгодны и желательны, чѣмъ чаще приходится передвигаться съ лагеремъ рабочихъ съ мѣста на мѣсто, и чѣмъ работы менѣе скучены. Накладные расходы для устройства и быта командъ, а также надзора за работающими въ этихъ послѣднихъ условіяхъ непомѣрно возрастаютъ. Оказалось также, что поведеніе преступниковъ въ командахъ, при трудности надзора за ними въ тайгѣ, при отсутствіи тюремныхъ помѣщеній, хотя и можно назвать удовлетворительнымъ, но бѣглыми совершено не мало преступленій, нарушающихъ спокойное развитіе нашего юнаго края, и при всѣхъ усиліяхъ администраціи отъ этого зла чрезвычайно трудно отдѣлаться. Опасеніе моего предмѣстника, генералъ-адъютанта барона Корфа, относительно неблагопріятнаго вліянія работъ каторжныхъ на общій ходъ жизни Приамурья, вполнѣ подтвер-

дилось. Въ этомъ заключается одна изъ причинъ вышесказаннаго, что къ призыву каторжныхъ на работы желѣзныхъ дорогъ слѣдуетъ прибѣгать исключительно только въ крайности, при совершенномъ неимѣніи другихъ рабочихъ, съ тщательною осторожностью, останавливаясь лишь на тѣхъ случаяхъ, гдѣ мѣстныя условія дѣйствительно благопріятствуютъ этому исключительному способу работъ, не увлекаясь имъ. Въ густо населенномъ, старинномъ краѣ присутствіе нѣсколькихъ тысячъ преступниковъ возможно обстановить внѣ вліянія на мѣстное населеніе. Здѣсь же, въ едва начинающей заселяться странѣ, совсѣмъ другое".

Просматривая оффиціальные „приказы по временному управленію желѣзнодорожными каторжными командами", мнѣ приходилось то и дѣло наталкиваться на приказы, которые иллюстрируютъ чиновъ подвѣдомственной начальнику каторги администраціи съ крайне прискорбной стороны: „отсутствіе основныхъ началъ дисциплины и служебнаго порядка среди служащихъ", „неисполненіе приказовъ", прямое „ослушаніе", „дерзость и непочтительность", даже по отношенію къ высшимъ и т. п.—красною нитью проходятъ черезъ всѣ эти приказы. Такимъ же неблагонадежнымъ составомъ чиновъ мѣстной каторжной администраціи можно объяснить себѣ частые переводы и перемѣщенія служащихъ съ мѣста на мѣсто, что уже само по себѣ должно крайне вредно и неблагопріятно отражаться на участи арестантовъ. Естественно, что о такую преграду, уже помимо всего прочаго, могутъ разбиться въ прахъ даже самыя лучшія желанія.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу на выдержку нѣсколько „приказовъ".

Приказъ отъ 16-го іюля 1891 г. за № 257 констатируетъ фактъ отсутствія основныхъ началъ дисциплины и служебнаго порядка среди служащихъ, а равно и фактъ неисполненія многихъ приказовъ начальника каторги. Приказомъ (№ 12) отъ 10-го февраля 1893 г. назначается формальное слѣдствіе надъ старшимъ смотрителемъ одной команды по обвиненію его въ преступленіи, предусмотрѣнномъ одной изъ статей уложенія о наказаніяхъ. Приказъ (№ 35) отъ 27-го мая 1893 г. устраняетъ отъ исполненія обязанностей одного изъ смотрителей командъ вслѣдствіе заявленія начальнику каторги личныхъ жалобъ каторжниковъ на превышеніе имъ власти и т. п.

Особливое положеніе занимаютъ здѣсь каторжники, состоящіе въ должности прислуги у начальствующихъ лицъ. Нѣкоторымъ (это, конечно, зависитъ отъ того, у кого имъ приходится служить) живется срав-

нительно недурно. Самое важное—это то, что каторжники этой категоріи пользуются однимъ изъ драгоцѣнныхъ даровъ, котораго лишены всѣ прочіе,—сравнительной свободой, хотя-бы только въ тѣсныхъ предѣлахъ лагеря. Иные изъ нихъ достигаютъ даже иногда особаго довѣрія и вслѣдствіе этого и самое ихъ положеніе обособляется на каторгѣ. Мнѣ вспоминается, напримѣръ, рослая, могучая фигура одного каторжника-черкеса, занимавшаго роль охранителя при начальникѣ каторги и сопровождавшаго его всюду, какъ самая вѣрная собака. Даже по внѣшнему виду онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ своихъ собратьевъ по несчастью: высокая кавказская шапка чернаго барашка, кавказскій бешметъ и даже кавказскій кинжалъ —были постоянными и безсмѣнными принадлежностями его костюма. Пользуясь особымъ довѣріемъ и сравнительно большой свободой, онъ, однако-же, никогда не злоупотреблялъ ею, не взирая на свой дикій, необузданный, свободолюбивый нравъ.

Вспоминается мнѣ еще Яковъ Прылыпа, черкасскій хохолъ, попавшій на каторгу за участіе въ самосудѣ надъ конокрадомъ. Нынѣ онъ состоялъ баньщикомъ при инспекторской банѣ.

Наивный, простой, добродушный и феноменально честный (по отзывамъ всѣхъ знающихъ его) онъ производилъ крайне тяжелое и удручающее впечатлѣніе. По его словамъ (а онъ разсказываетъ объ этомъ такъ искренно, что ему нельзя. не вѣрить) онъ взялъ чужой „грѣхъ“ на себя, какъ велѣла „громада“, чтобы вызволить „стариковъ“. „Страшно тутъ съ злодіями“ — сказалъ онъ мнѣ одинъ разъ. Не зная за собой ничего дурного, онъ искренно считалъ всѣхъ прочихъ товарищей „злодіями“, о которыхъ онъ разсказывалъ подъ-часъ невѣроятныя по своей наивности вещи. Морской переѣздъ (вокругъ Азіи) произвелъ въ немъ какой-то сумбуръ, въ которомъ перемѣшаны были факты дѣйствительности съ самыми странными фантазіями.

Вотъ что разсказывалъ онъ мнѣ, напримѣръ, о существующихъ на пароходѣ, перевозящемъ каторжниковъ, способахъ укрощенія ихъ.

— „Якъ заведуться оти прокляти татаре (каторжники), такъ у насъ такый гоминъ (шумъ),—неначе въ пекли (аду). Та тилько зъ ными ахвыцеры и уміють справляться... Схватють одного, кынуть въ Камчатку, чи-то въ канцерь; якъ посыдыть тамъ, — такъ и лопне: одъ раза—брыкъ и лопне!...

— „Ось бачышь, лопнувъ,—показуеть намъ ахвыцеръ, то и вамъ буде!“...

Прылыпа, очевидно, имѣлъ въ виду имѣющуюся на пароходѣ камеру, въ которую сажаютъ провинившихся преступниковъ.

Праздничный день и къ тому-же ненастье. Работы прекращены, и вся каторга съ самаго ранняго утра сидитъ въ своихъ баракахъ *). Темный и мрачный баракъ кажется еще угрюмѣе и печальнѣе подъ давящей его сѣрой, свинцовой тучей, извергающей цѣлые потоки воды на раскисшую отъ продолжительнаго ливня землю. Тоскливо и уныло въ баракѣ, но выйти нельзя: вооруженный конвой зорко охраняетъ единственную выходную дверь и тщательно слѣдитъ за малѣйшимъ движеніемъ и шумомъ въ баракѣ.

Но внутри, повидимому, все тихо, и ничто не возбуждаетъ подозрѣній въ конвойномъ: онъ такъ-же часто и мѣрно совершаетъ обычный свой кругъ, какъ и прежде.

Между тѣмъ, внутри далеко не спокойно.

Пользуясь выпавшимъ ей на долю рѣдкимъ праздникомъ, каторга старается наверстать потерянное время и, по-своему, развлекается. Тамъ внутри идетъ теперь большая картежная игра, распивается водка, наполовину разбавленная водой, и идутъ всякія другія азартныя игры. Подъ личиной наружнаго хладнокровія и спокойствія, усыпляющей бдительность зоркаго стража, играютъ и разгораются самыя жестокія страсти. Обезопасивъ себя со стороны зоркаго глаза конвойнаго путемъ установленія цѣлаго ряда сигнальщиковъ, какъ-бы невинно разглядывающихъ дверное окошко, а между тѣмъ тщательно и неослабно слѣдящихъ за каждымъ движеніемъ караульныхъ,—каторжники расходятся во-всю, не сдерживая своихъ страстей. Но стоитъ сигнальщику полушопотомъ произнести условное слово „вода", „24" и т. д., какъ карты и водка моментально исчезаютъ, лица игроковъ, за мгновенье до этого чуть не дошедшихъ до ножей, сразу преображаются, и самый тонкій психилогъ не замѣтилъ-бы ничего подозрительнаго въ нихъ.

Страсть къ азарту во всѣхъ видахъ и проявленіяхъ чрезвычайно распространена среди каторжныхъ. Страсти разгораются иногда до того, что иные проигрываютъ не только всѣ свои наличныя, кровавымъ трудомъ заработанныя деньги и вещи, но и свои пайки: хлѣбъ,

---

*) Ссыльно-каторжные обыкновенно не освобождены отъ работъ въ праздничные дни, когда сокращается только немного продолжительность рабочаго дня.

мясо и проч., иногда на мѣсяцъ и два-три впередъ. И это—при неустанномъ, тяжкомъ, ежедневномъ трудѣ!

Чѣмъ только живы они въ это время,—просто диву даешься.

Ни бдительный надзоръ, ни суровыя, грозныя кары не въ силахъ уберечь заключенныхъ отъ азарта и водки, — этой единственной ихъ отрады и утѣшенія въ тяжеломъ каторжномъ режимѣ. Для пріобрѣтенія и охраненія этихъ двухъ запрещенныхъ предметовъ каторжные проявляютъ большую ловкость и сметку, ставящихъ только въ тупикъ зоркихъ стражей.

Ловко умѣютъ концы скрывать каторжники, ни по-что имъ ни цѣпи, ни стѣны, ни бдительный глазъ караула, но не все имъ легко сходитъ съ рукъ: тюремная Ѳемида грозна, страшна и почти каждый день проявляетъ здѣсь надъ ними свою власть. Самымъ обыкновеннымъ, частымъ и наиболѣе мягкимъ видомъ наказанія служатъ здѣсь розги. Наложеніе этого наказанія не всегда требуетъ соотвѣтствующаго приказа по каторгѣ и въ извѣстныхъ случаяхъ (напримѣръ, во всѣхъ случаяхъ маловажныхъ проступковъ) предоставляется личному усмотрѣнію низшихъ агентовъ тюремной администраціи съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что въ одинъ пріемъ они могутъ дать провинившемуся каторжнику не болѣе тридцати ударовъ розогъ.

По мнѣнію высшей мѣстной администраціи, тѣлесное наказаніе не является, однако-же, вполнѣ достигающимъ цѣли и „взамѣнъ чрезмѣрно-частаго тѣлеснаго наказанія, по отношенію къ которому ссыльно-каторжные пришли къ полному равнодушію", для случаевъ болѣе важныхъ здѣсь установлена „штрафная камера"—казематъ.

Это одинъ изъ самыхъ серьезныхъ видовъ наказанія. Сверхъ заковыванія въ ручные и ножные кандалы, преступники содержатся на общей цѣпи съ прочными замками въ камерѣ, запертой, въ свою очередь, на замокъ и охраняемой усиленнымъ патрулемъ. Верхняя одежда допускается при этомъ лишь „въ предѣлахъ необходимости". Въ теченіи первыхъ десяти дней арестантамъ, по распоряженію начальника каторги, полагается ограниченный „раціонъ"—2 ф. хлѣба, одинъ золотникъ чая и черезъ три дня въ четвертый — горячая пища, т.-е. одинъ супъ безъ мяса. Позже каждому прибавляется по полъ-фунта хлѣба.

„Штрафная камера", существовавшая во время моего пребыванія въ лагерѣ, явилась на смѣну „глиномяльной машины",—о которой я могу судить лишь по видѣнному мною здѣсь фотографическому снимку ея. Устройство ея крайне несложно. Изъ середины глубокой ямы,

наполненной глиною, поднимается высокій деревянный столбъ, свободно вращающійся вокругъ своей вертикальной оси. Отъ верхняго края столба, подъ угломъ приблизительно въ 60°, идутъ къ краямъ ямы поперечныя балки, концы которыхъ отстоятъ отъ уровня глины въ ямѣ вершка на 2—2½. Вся эта система напоминаетъ огромное колесо съ кривыми спицами, но безъ обода. Отъ концовъ этихъ балокъ висятъ лямки, въ которыя впрягаются преступники на манеръ нашихъ поволжскихъ бурлаковъ прежняго времени и приводятъ въ движеніе всю эту систему, мѣся въ то-же время глину ногами. Разница только въ томъ, что здѣшніе бурлаки закованы въ ручные и ножные кандалы и скованы, сверхъ того, общею цѣпью.

Ссыльно-поселенцы подвергаются обыкновенно почти тѣмъ-же наказаніямъ, что и ссыльно-каторжные. Дѣло въ томъ, что за всякое важное нарушеніе они почти всегда обращаются „во временныя заводскія работы", т.-е. въ тѣ же каторжныя, на время до полугода, сверхъ обычнаго тѣлеснаго наказанія, и затѣмъ, уже въ качествѣ временно-каторжныхъ, подвергаются всѣмъ послѣдствіямъ и случайностямъ своего новаго положенія.

Самымъ обычнымъ и частымъ явленіемъ, вызывающимъ суровую репрессію со стороны мѣстной администраціи, являются здѣсь побѣги. Нужно удивляться той энергіи, изворотливости, хитрости и изобрѣтательности, которую проявляютъ каторжники въ этомъ отношеніи, преодолѣвая самыя невозможныя преграды. Строго говоря, бѣжать здѣсь, повидимому, не только невозможно, но и прямо некуда, и, однако-же, каторжника, замыслившаго совершить побѣгъ, не можетъ уже ничто остановить на пути къ желанной имъ свободѣ, за которую ему всегда приходится очень и очень дорого расплачиваться. Бѣжать здѣсь, дѣйствительно, некуда. Къ сѣверу есть лишь одна дорога: почтовый трактъ до озера Ханка и далѣе до р. Уссури, вплоть до Хабаровска. Бѣжать этимъ путемъ—совершеннѣйшее безуміе, такъ какъ на каждой станціи бѣглецъ рискуетъ быть пойманнымъ. Другихъ дорогъ къ сѣверу нѣтъ; есть лишь въ чащѣ непроходимой тайги звѣриныя тропы,—но слѣдовать этимъ путемъ значитъ идти на вѣрную смерть отъ голода или отъ хищныхъ звѣрей. Къ югу—не лучше бѣжать. Крайнимъ пунктомъ является здѣсь Владивостокъ, куда бѣглецу, понятно, и носа показать нельзя. Но и въ немногочисленныхъ промежуточныхъ населенныхъ пунктахъ,—хуторахъ новоселовъ,—также невозможно скрываться: всѣ эти хуторки расположены по линіи единственной проѣзжей дороги,—почтоваго тракта, на которомъ всегда довольно частое и большое дви-

женіе; тѣ-же немногочисленныя проселочныя дороги, которыя лежатъ въ сторонѣ отъ почтоваго тракта, обитаемы всѣ почти отдѣльными поселенческими и каторжными командами и находятся подъ неослабнымъ надзоромъ мѣстной тюремной администраціи. Не лучше бѣжать и къ западу, гдѣ бѣглымъ каторжникамъ всегда грозитъ опасная встрѣча съ китайскими разбойниками—хунъ-хузами. Бѣжать къ востоку—еще большее безуміе: отъ Великаго океана ихъ отдѣляютъ тысячеверстная тайга и зорко-подстерегающіе ихъ гиляки и гольды, — эти извѣстные здѣсь страстные „охотники по бѣглымъ".

Не нужно также упускать изъ вида, что мѣстное хуторское населеніе—новоселы, недавно основавшіеся въ краѣ и незараженные старинными сибирскими традиціями и исконнымъ дружелюбнымъ отношеніемъ, сочувствіемъ и участіемъ къ „несчастненькимъ". Въ то время, какъ напримѣръ, въ Центральной и Западной Сибири бѣглый каторжникъ почти всегда можетъ разсчитывать если не на гостепріимство и радушный пріемъ, то хоть на пищу, которая выносится ему сибирячками, по установившемуся обычаю (особенно въ уединенныхъ заимкахъ), за околицу, или оставляется ими на завалинкахъ, — здѣсь, въ Уссурійскомъ краѣ, населеніе встрѣчаетъ всякаго бѣглаго, какъ своего прямого врага, пулей. Само собою, такое отношеніе вызвало со стороны бѣглыхъ каторжниковъ и горячій протестъ, выражающійся здѣсь въ рядѣ убійствъ, разбоевъ и грабежей, являющихся прямымъ послѣдствіемъ и отголоскомъ всякаго побѣга.

Бѣглые каторжники, точно затравленные звѣри, преслѣдуемые и природой, и людьми, и муками голода, озлобляются, ожесточаются и идутъ на всякія звѣрства, о какихъ, напримѣръ, въ Западной Сибири не часто слышно и за которыя они иногда расплачиваются своими головами и почти всегда—своей свободой.

И, тѣмъ не менѣе, каторжники бѣгутъ и довольно часто *). Бѣгутъ, не взирая на угрожающую имъ страшную кару, не взирая на совсѣмъ невозможныя условія бѣгства, непреодолимыя препятствія и муки голода, очень часто вынуждающія ихъ добровольно возвращаться обратно. Незадолго до моего отъѣзда бѣжало нѣсколько человѣкъ.

---

*) Въ 1891 г., напр., бѣжало 11% общ. колич. ссыльно-каторжныхъ; задержано или убито — 5%; осталось въ бѣгахъ 6%. Въ 1892 г. бѣжало 6,5% общ. колич. ссыльно-каторжныхъ; задержано или убито — 3,1%; осталось въ бѣгахъ 3,4%. Въ 1893 г. (первое полугодіе) бѣжало: 12% общаго количества ссыльно-каторжныхъ; задержано или убито—4%; осталось въ бѣгахъ 8%.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ однажды утромъ явился одинъ изъ нихъ (татаринъ): изможденный, изсохшій, онъ еле держался на ногахъ отъ голода. Увидѣвъ у околицы лагеря прогуливавшуюся въ то время жену одного изъ служащихъ, онъ упалъ ей въ ноги и просилъ ея заступничества. „На Кавказѣ барина просить умѣлъ, а этого (т.-е. смотрителя) не умѣю"—все время бормоталъ онъ еле слышнымъ отъ слабости голосомъ. Оказалось, что онъ уже четыре дня ничего не ѣлъ. Да и передъ тѣмъ цѣлыхъ шесть дней онъ слонялся по тайгѣ, питаясь орѣхами и дикимъ виноградомъ и не рискуя показаться на дорогу или въ ближайшій хуторокъ, гдѣ его встрѣтила-бы или пуля, или арестъ.

Обыкновенно и большинство каторжниковъ, бѣгущихъ поодиночкѣ, подвергаются той-же участи и, въ концѣ-концовъ, изнемогаютъ въ безсильной борьбѣ съ муками голода и добровольно отдаются въ руки строго-карающаго ихъ тюремнаго правосудія.

Нѣсколько лучше устраиваются бѣглые, бѣгущіе партіями. Они нападаютъ обыкновенно на какую-нибудь уединенную заимку, не останавливаясь ни предъ грабежемъ, ни предъ убійствомъ, и, запасшись провизіей, а если возможно, то и одеждой и оружіемъ, устраиваютъ себѣ логовище въ тайгѣ, недалеко отъ почтоваго тракта, держа въ страхѣ весь округъ до тѣхъ поръ, пока или зима не выгонитъ ихъ обратно въ команды, или пока ихъ не переловятъ или не перестрѣляютъ поодиночкѣ.

Особенно выдающимся въ этомъ отношеніи былъ 1891 годъ, т.-е. первый годъ учрежденія желѣзнодорожныхъ каторжныхъ командъ, когда массовые побѣги каторжныхъ наводили прямо какой-то ужасъ на мирныхъ обывателей Владивостока *). Городъ былъ буквально терроризированъ, особенно послѣ того, какъ однажды среди бѣлаго дня (это было въ началѣ сентября), въ двухъ шагахъ отъ города убили мичмана Руссоло съ только-что прибывшей въ портъ французской эскадры, и спустя нѣсколько часовъ, у самаго-же города, совершено было еще болѣе звѣрское убійство капельмейстера одного изъ линейныхъ батальоновъ, расположенныхъ въ городѣ.

Эти убійства вызвали, понятно, самыя суровыя репрессивныя мѣры со стороны тюремной администраціи. Были даже оцѣнены головы бѣжавшихъ преступниковъ. По бѣглымъ устроена была формальная

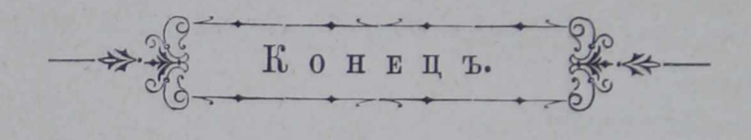
*) Каторжныя команды были расположены въ 9 верстахъ отъ Владивостока, въ урочищѣ „Красный Мысъ".

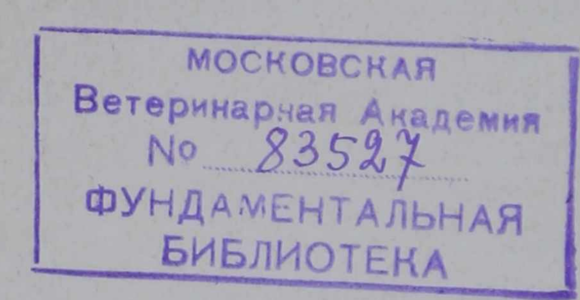
охота. Выстрѣлы, не всегда попадавшіе по адресу, были такъ часты близъ города, что по временамъ напоминали собою отдаленную канонаду,—но побѣги отъ всего этого только участились.

Нѣкоторое затишье наступило лишь послѣ того, какъ трое бѣглыхъ каторжниковъ были пойманы и казнены въ полуверстѣ отъ Владивостока.

..Спустя нѣсколько дней по возвращеніи изъ „каторжныхъ командъ", я уже сидѣлъ на палубѣ японскаго парохода, увозившаго меня въ прекрасную „Страну Восходящаго Солнца".

Роскошная природа Японіи, своеобразныя картины Китая и Кореи, чудные виды Индіи на нѣкоторое время заслонили отъ меня далекую родную окраину, съ которой я сжился и сроднился за время трехлѣтняго пребыванія въ ней, но не изгладили ее изъ моихъ воспоминаній и не заставили меня забыть о ней, ея желаніяхъ, нуждахъ, невзгодахъ. Настоящіе мои бѣглые очерки шлю ей, какъ свой первый привѣтъ съ далекаго европейскаго Запада.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
133	6	скромно	скромно жилъ
"	7	внезаппо	и внезапно
142	4	вышинѣ	вершинѣ
188	2	помню	помнитъ
195	5	посѣщали съ имм	посѣщались ими
213	2	взглядовъ	взглядахъ
229	24	лаявилъ	заявилъ
239	2	образомѣ	образомъ
262	9	овъ	онъ
300	25	въ предѣлахъ	въ своихъ предѣлахъ
303	23	хуровыя	суровыя
305	35	ощущеніемъ	ощущеніямъ
347	27	поселеніе	населеніе
390	15	вопросить	выпросить
393	3	рѣченкѣ	рѣченки
404	2	выдра	Выдра
423	20	среды	среди
428	17	одно	одна
443	20	приникши	приникшій

